

LITTERA SCRIPTA
MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

WEB OF SCIENCE™

EBSCO Discovery Service

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index *

ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ
при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог
Том 11, выпуск 8, 2022

NAUCHNYI DIALOG
Volume 11, Issue 8, 2022

Научный диалог

Том 11, выпуск 8, 2022

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • EBSCO • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cnior@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	Исторические науки Литературоведение Языкознание	
	Арзамас Екатеринбург Елец Кемерово Курск Москва Нижний Новгород	Санкт-Петербург Смоленск Тамбов Тула Тюмень Усурийск Элиста Якутск
География авторов выпуска		
Авторы, имеющие ученую степень	93 %	

Дата выхода в свет 25.10.2022

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 11, Issue 8, 2022

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Informa- tion Technologies and Mass Com- munications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel’nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexa- tion	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the jour- nal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор

Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Олыштын)

Андреана Борисова Ефимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)

Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)

Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)

Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Рenate Рагмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)

Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)

Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)

Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)

Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)

Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

Иван Иванович Думица, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)

Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

Editor-in-Chief:

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey Valerievich Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina Leonardovna Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)

Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana Vasilyevna Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Ivan Ivanovich Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina Romualdovna Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri Dmitrievich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Зубакина Т. Н.</i> Поэтическая аллюзия из поэмы Дж. Мильтона «Paradise Lost» в историческом дискурсе У. Черчилля	9
<i>Иоанесян Е. Р.</i> Дискурсивные формулы, производные от пропозициональных предикатов	24
<i>Каменева В. А., Рабкина Н. В., Картавецова А. П.</i> Ассоциативное поле этнонима-стимула телеуты в моделировании этнической самоидентификации бачатских телеутов.....	40
<i>Никифорова Л. В., Розанова Н. Н.</i> Политические метафоры и репутационный образ власти : опыт классификации данных социологического опроса.....	56
<i>Токарев Г. В.</i> Литературные прототипы лингвокультурных типажей туляка	75
<i>Шарапова А. А., Манерко Л. А.</i> Становление терминосистемы философии морали в трудах Дж. Локка : новаторство и дань традиции	92
<i>Шаталова О. В.</i> Слово ясно как лексико-синтаксический маркер языковой личности героя романа Е. Замятина «Мь»	121

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Болдина К. А.</i> Рекламный спецпроект в сетевых СМИ : характеристики явления в зеркале российских исследований.....	140
<i>Гридина Т. А., Коновалова Н. И.</i> «Читаем знаки» : аспекты восприятия игрового поликодового текста в пространстве современного города	166
<i>Штейман М. С., Зайцева Н. В.</i> Стратегии и тренды развития современных массмедиа в контексте глобализационных процессов : региональный аспект.....	185

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Богданова О. В., Власова Е. А.</i> Интертекстуальные подтексты элегии Иосифа Бродского «Воротиться на родину. Ну что ж...»	206
<i>Борлыкова Б. Х., Меняев Б. В.</i> Песни донских калмыков в записи А. М. Листопадава	222
<i>Дроздов В. А.</i> Учение о любви в сочинениях персидского мистика XIV века Махмуда Кашани	239
<i>Кудряшов И. В., Пяткин С. Н.</i> «Милому дьячку Коле...» : о новонайденном инскрипте С. А. Есенина.....	255
<i>Меркулова М. Г., Герасимова С. А.</i> Литературные опыты энциклопедиста XVIII века : Жан-Франсуа Мармонтель.....	273

<i>Эртнер Д. Е., Ульянова О. Б., Хабибуллина С. Б.</i> Этноспецифические коды : метафора и бытовая символизация опредмеченного пространства в повести А. Неркаги «Белый ягель»	294

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Апанасенок А. В.</i> «Почти советский батюшка» : опыт микроисторического исследования сельской конфессиональной истории 1940—1970-х годов /.....	313
<i>Бородулина Е. В., Скочин А. В.</i> Средние специальные учебные заведения Тюмени в 1920—1930-е годы.....	332
<i>Давыдов А. Ю.</i> Территориальное размещение советской промышленности в контексте подготовки СССР к большой войне (1920-е — начало 1940-х годов).....	354
<i>Зах В. А.</i> Оборонительные линии в системе русского расселения в Тоболо- Ишимском междуречье в конце XVI — середине XVIII веков	370
<i>Нестерова Т. П.</i> «Тунисский вопрос» во франко-итальянских отношениях (1922—1928).....	386
<i>Петросян Д. В.</i> Внешнеполитические аспекты в установках парламентских партий ФРГ в период канцлерства А. Меркель (2005—2021 годы).....	403
<i>Сафронова А. М.</i> Словесная школа при Алапаевском заводе (1735—1744)	420
<i>Симоненко Е. С.</i> Военно-морская политика Канады в годы Первой мировой войны (1914—1918)	436
<i>Слезин А. А., Якимов К. А.</i> Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920—1930-х годов	453
<i>Сулейманов А. А.</i> Последствия наводнений и деградации многолетней мерзлоты для системы жизнеобеспечения населения бассейна реки Алазея (на материалах второй половины XX—XXI веков).....	470
<i>Тиховодова А. В.</i> История открытия и устройство Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома в конце XIX — начале XX веков.....	488
АВТОРАМ.....	515
CONTENTS.....	521

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Анастасия Андреевна Шарапкова, канд. филол. наук (Москва)
Антонина Павловна Картавцева, канд. пед. наук (Прокопьевск)
Вероника Александровна Каменева, д-р филол. наук (Кемерово)
Евгения Рафаэлевна Иоанесян, д-р филол. наук (Москва)
Григорий Валериевич Токарев, д-р филол. наук (Тула)
Лариса Александровна Манерко, д-р филол. наук (Москва)
Лариса Викторовна Никифорова, д-р культурологии (Санкт-Петербург)
Надежда Владимировна Рабкина, канд. филол. наук (Кемерово)
Нина Николаевна Розанова, канд. пед. наук (Смоленск)
Ольга Васильевна Шаталова, д-р филол. наук (Елец)
Татьяна Николаевна Зубакина, канд. филол. наук (Екатеринбург)

Зубакина Т. Н. Поэтическая аллюзия из поэмы Дж. Мильтона «Paradise Lost» в историческом дискурсе У. Черчилля / Т. Н. Зубакина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 9—23. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-9-23.

Zubakina, T. N. (2022). Poetic Allusion of J. Milton's Poem "Paradise Lost" in Historical Discourse of W. Churchill. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 9-23. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-9-23. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-9-23

**Поэтическая аллюзия
из поэмы Дж. Мильтона
«Paradise Lost»
в историческом дискурсе
У. Черчилля**

Зубакина Татьяна Николаевна
orcid.org/0000-0001-7885-0126
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра лингвистики
и профессиональной коммуникации
на иностранных языках
zoubakina@mail.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

**Poetic Allusion of J. Milton's
Poem "Paradise Lost"
in Historical Discourse
of W. Churchill**

Tatiana N. Zubakina
orcid.org/0000-0001-7885-0126
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Linguistics
and Professional Communication
in Foreign Languages
zoubakina@mail.ru

Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Зубакина Т. Н., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Литературная аллюзия в историческом дискурсе рассматривается как средство усиления смыслового и эстетически-эмоционального содержания текста. В статье представлены результаты изучения семантики аллюзивных единиц в работах У. Черчилля с учетом исторического контекста событий. Представлены результаты сопоставительного анализа трех неидентифицированных аллюзий политика, отмеченных в книге Д. Холли «Churchill's Literary Allusions». Автор публикации подчеркивает, что при использовании аллюзии как единицы повторной номинации контекст влияет на создание аллюзивного значения. В статье проанализированы варианты аллюзивных значений одних и тех же строк поэмы Дж. Мильтона «Paradise Lost» в трех разных исторических контекстах и разных литературных жанрах: в историческом повествовании, публичном выступлении британского политика и в военных мемуарах. Новизна исследования видится прежде всего в том, что исследованные поэтические аллюзии не были идентифицированы в текстах У. Черчилля ранее. Ценность результатов исследования заключается в его междисциплинарном характере, осуществляемом на стыке лингвистики, семантики, истории и герменевтики.

Ключевые слова:

интерпретация; интертекстуальность; исторический контекст; литературная аллюзия; прецедентный текст; Уинстон Черчилль; Дж. Милтон; Д. Холли.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Literary allusion in historical discourse is considered as a means of enhancing the semantic and aesthetic-emotional content of the text. The results of studying the semantics of allusive units in the works of W. Churchill, taking into account the historical context of events are presented in the article. The results of a comparative analysis of three unidentified political allusions noted in D. Holly's book "Churchill's Literary Allusions" are discussed. The author of the publication emphasizes that when using the allusion as a unit of renomination, the context affects the creation of the allusive meaning. The variants of allusive meanings of the same lines of J. Milton's poem "Paradise Lost" in three different historical contexts and different literary genres: in historical narration, in a public speech of a British politician and in military memoirs are analyzed in the article. The novelty of the study is seen primarily in the fact that the studied poetic allusions were not previously identified in the texts of W. Churchill. The value of the research results lies in its interdisciplinary nature, carried out at the intersection of linguistics, semantics, history and hermeneutics.

Key words:

interpretation; intertextuality; historical context; literary allusion; precedent text; Winston Churchill; J. Milton; D. Holly.

Поэтическая аллюзия из поэмы Дж. Мильтона «Paradise Lost» в историческом дискурсе У. Черчилля

© Зубакина Т. Н., 2022

1. Введение = Introduction

В фокусе данного лингвистического исследования — интерпретация поэтической аллюзии в текстах У. Черчилля. Актуальность и новизна публикации обусловлена тем, что интерпретация одной и той же поэтической аллюзивной языковой единицы, идентифицированной впервые в данной публикации, выполняется на фоне разных исторических событий и контекстов в трех литературных жанрах, к которым обращался политик: в историческом повествовании, публичном выступлении и военных мемуарах. Наше предшествующее исследование литературных аллюзий было ограничено интерпретационным анализом аллюзивных единиц в историческом контексте только мемуарных текстов У. Черчилля [Зубакина, 2020, с. 580—582].

Понимание и интерпретация аллюзивных значений языковых единиц, заключенных во вторичных текстах, обусловлены их известным смысловым содержанием в исходном контексте употребления.

Профессор Принстонского университета Эрл Майнер называет текстовую аллюзию «a poet's deliberate incorporation of identifiable elements from other sources, preceding or contemporaneous, textual or extratextual» [Miner, 1993, p. 38—39] (преднамеренной вставкой поэтом опознаваемых элементов из других источников, предыдущих, современных или внетекстовых) (здесь и далее, если нет сноски, перевод наш. — Т. З.). Эти «опознаваемые вставки», которые отсылают адресата к прецедентному тексту, именуют *репрезентантами аллюзии* или их *маркерами*.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В 1987 году издательство Макфарленд опубликовало исследование Даррела Холли «Churchill's Literary Allusions» [Holley, 1987]. Автор приводит в хронологических главах 879 аллюзий, из которых 34 не идентифицированы и расположены отдельно в Приложении.

Далее в своей статье мы обращаемся к трем неидентифицированным аллюзиям, содержащимся в текстах политика (а именно: 857, 872, 875 по книге Даррела Холли), для которых выявлен один и тот же прецедентный текст через маркер «*Ease would retract vows made in pain, as violent and void*». В анализируемых текстах этот маркер выделяется курсивом. Пре-

педентным текстом с выделенными строками является фрагмент из эпической поэмы Джона Мильтона «Paradise Lost» (1667):

Satan speaks: "But say I could repent and could obtain
By Act of Grace my former state; how soon
Would high recall high thoughts, how soon unsay
What feigned submission swore: *ease would recant*
Vows made in pain, as violent and void.
For never can true reconcilment grow
Where wounds of deadly hate have pierced so deep:
Which would but lead me to a worse relapse
And heavier fall: so should I purchase deare
Short intermission bought with double smart"

[Milton, 1966, p. 277].

«...Пусть
Я даже покорюсь и обрету
Прощенье и высокий прежний чин;
С величьем бы ко мне вернулись вновь
И замыслы великие. От клятв
Смиренья показного очень скоро
Отрекся б я, присягу объявив
Исторгнутой под пытками. Вовек
Не будет мира истинного там,
Где нанесла смертельная вражда
Раненья столь глубокие. Меня
Вторично бы к разгрому привело
Горчайшему, к паденью в глубину
Страшнейшую. Я дорогой ценой
Купил бы перемирье, уплатив
Двойным страданием за краткий миг» [Милтон, 2006, с. 96].

В тексте перевода воспроизводится изначальное смысловое содержание строк первоисточника. Интерпретация иноязычного текста предполагает работу со словарями. С изменением языка меняется код передачи смыслового содержания поэтического текста. Для переводчика важно понимание смысловых языковых нюансов в первичном контексте употребления. Здесь возможна ситуация понимания или непонимания, то есть искажения авторского смысла поэтических строк. Обращаясь к выделенному фрагменту текста, можно заключить, что текст перевода сохраняет поэтическую форму изложения изначальной мысли поэта о том, что легко

отречься от данной под пыткой клятвы, которая насильственна и потому недействительна.

Перевод — это своего рода дешифровка текста, всегда нацеленная на реконструкцию исходного смысла первоисточника. При этом переводчик — это прежде всего читатель, который предлагает свое понимание и свою интерпретацию оригинального текста.

Поль Рикер дал такое определение интерпретации: «Interpretation... is the work of thought which consists in deciphering the hidden meaning in the apparent meaning, in unfolding the levels of meaning implied in the literal meaning» [Ricoeur, 1974, p. 13]. (Интерпретация... это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным смыслом, в выявлении уровней значения, заключенных в буквальном значении) [Рикер, 2008, с. 51]).

Интерпретаций, по мнению Поля Рикера, может быть много, и они конкурируют по степени вероятности: «An interpretation must not only be probable, but more probable than another» [Ricoeur, 2016, p. 175]. (Интерпретация должна быть не только вероятной, а более вероятной, чем другая).

Вслед за И. В. Арнольд мы считаем, что, «интерпретируя текст, мы должны показать, каким образом все многообразие связанных с текстом лингвистических и экстралингвистических факторов (политических, исторических, культурных и т. д.) влияет на раскрытие смысла» [Арнольд, 2019, с. 206].

Большую роль при этом играет контекст. Д. Чартерис Блэк наряду с термином *context* (контекст) и вместо него предлагает использовать словосочетание *speech circumstances* [Charteris Black, 2018, p. 90] (обстоятельства, при которых произнесена речь), или *the situations in which a speech is given* [Там же] (ситуации, в которых речь состоялась).

Как справедливо утверждал М. Ю. Лотман, «для исследователя с опытом семиотического истолкования источников очевидно, что ... необходима реконструкция кода (вернее, набора кодов), которыми пользовался создатель текста, и установление корреляции их с кодами, которыми пользуется исследователь» [Лотман, 1996, с. 302]. По Лотману, «дешифровка — это всегда реконструкция» [Там же, с. 303].

Такая дешифровка для читателя / исследователя индивидуальна: большую роль в этом процессе играет «память читателя — главное средство распознавания интертекста» [Пьеге-Гро, 2008, с. 137].

Понимание «намёка» аллюзий как смыслообразующей единицы может быть достигнуто только через выявление *маркера*, тогда и происходит наложение известного (распознанного) смыслового содержания языковых единиц прецедента на новый событийный контекст, что позволяет

провести декодирование смысловых нюансов интерпретируемого текста в целом.

Автор учебника «Интертекстуальность» Грэм Аллен справедливо считает, что «whether we use the term ‘intertextuality’ or ‘transposition’ would seem to be less important, however, than recognizing that texts do not just utilize previous textual units but that they transform them and give them what Kristeva terms new thetic positions» [Allen, 2000, p. 53] (используем ли мы термин *интертекстуальность* или *перенос*, представляется менее важным, чем признание того, что тексты не просто используют текстовые единицы прошлого, но и трансформируют их, придавая им, словами Крестевой, новые ударные позиции).

Эти рассуждения важны для данной публикации, особенно мысль о том, что обращение к поэтическим строкам классика литературы в историческом нарративе доказывает смысловую нагрузку аллюзии через трансформацию изначального акцента прецедентного текста в авторском изложении исторических фактов.

Кроме того, обращаясь в нашем исследовании к взаимодействию поэтического и исторического дискурсов, уместно обратиться к работе Дж. Джи, профессора университета Аризоны, который, говоря об интертекстуальности, утверждал, что «one of the most important features of literary texts is that it borrows, manipulates or transforms other kinds of discourse. One way it does this is by quoting or alluding to some other text, a phenomenon usually referred to as intertextuality» [Gee, 2012, p. 633] (одной из наиболее важных черт литературных текстов является то, что он заимствует, совершенствует или трансформирует другие виды дискурса. Делать это он может, например, при помощи цитирования или намека на какой-то другой текст — явление, обычно относящееся к интертекстуальности).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Далее в статье предлагается опыт интерпретации не идентифицированной ранее поэтической аллюзии Дж. Мильтона: один и тот же фрагмент его поэмы включен британским политиком Уинстоном Черчиллем в три текста, принадлежащих разным жанрам, и, следовательно, один и тот же прецедент необходимо интерпретировать в трех различных исторических контекстах, так как обстоятельства создания текста предопределяют его смысл, назначение, воздействующий эффект.

У. Черчилль ввел указанный фрагмент («*Ease would retract vows made in pain, as violent and void*») в 1931 году в автобиографический исторический текст «World Crisis» (аллюзия 857), в выступление в Палате общин 06.03.1947 (аллюзия 872), а также в «Gathering Storm» в 1948 году, в пер-

вый том шеститомных мемуаров «The Second World War» (аллюзия 875). Таким образом, один и тот же прецедентный маркер был обнаружен в разнотипных текстах одного авторства.

3.1. Интерпретация поэтической аллюзии 857 (нумерация по книге Даррела Холли)

Для понимания событийного контекста использования У. Черчиллем аллюзии в книге воспоминаний «World Crisis» необходимо дать краткую историческую справку. В 1900 году австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд сочетался морганатическим браком с чешской графиней Софией Хотек. Их наследники лишались права на престол.

(857) «The Archduke Franz Ferdinand was a figure of the highest importance, and as the Emperor aged, he was bound to play an ever-increasing and almost dominant part in the politics and military affairs in the Empire. There was one key which always unlocked his regard. The ceremonial treatment accorded to his wife was for him decisive. She was by Hungarian law, whose general principles considered only the fact of marriage, bound to become Queen of Hungary on her husband's accession to the Empire. In Austria, however, her precedence was lowly, and kept lowly, and embarrassing situations arose at every public function at which both sexes were present. With the birth of his children the Archduke found a new incentive. He looked back with remorse upon his oath of renunciation their rights. *'Ease would retract vows made in pain, as violent and void'*. To procure for his loved ones the recognition which he deemed there due became the paramount object of his life» [Churchill, 1931, p. 27]. (Эрцгерцог Франц Фердинанд был фигурой высочайшей важности, и по мере старения императора ему было предназначено играть все более важную и определяющую (ключевую) роль в политических и военных делах империи. Был только один ключ, который всегда открывал его расположение. Решающим для него было церемониальное отношение к его жене в морганатическом браке. По венгерским законам, которые принимали во внимание только факт замужества, она была ограничена тем, что могла быть королевой Венгрии при занятии трона ее мужем. В Австрии, однако, ее старшинство было и оставалось низким и возникали конфузные ситуации на каждом публичном приеме, на котором присутствовали представители обоих полов. В рождении детей эрцгерцог нашел новый стимул. Он с сожалением оглядывался назад на свою присягу по отказу от их прав на престолонаследие. *Легко отказаться от клятв, произнесенных в страданиях, как насильственных и недействительных. Добыть для своих любимых надлежащее, как он считал, признание стало первостепенной целью его жизни*).

Как мы понимаем из контекста, потомство от брака Франца Фердинанда с чешской графиней декретом Франца Иосифа исключалось из числа

наследников австрийского престола. Как следствие, во всех придворных церемониях София следовала за многочисленными эрцгерцогинями, что не нравилось Францу Фердинанду, но отказаться от клятвы отречься от прав на престолонаследие своих детей он не мог, каким бы легким это дело ни казалось. Наша интерпретация исторического контекста аллюзии заключается в том, что твердость характера Франца Фердинанда импонировала У. Черчиллю. Полагаем, что исследуемая аллюзия не только передает отношение У. Черчилля к обозначенному нами историческому контексту, но и иллюстрирует его приверженность в данном случае к таким общечеловеческим ценностям, как честь и любовь. Косвенно подтвердить это можно по аналогии примером с отречением Эдуарда VIII, выбор которого У. Черчилль в итоге поддержал.

Аллюзия, по образному утверждению В. П. Москвина, по своей номинативной технике «представляет собой фрагментарное, зачастую неточное воспроизведение части пре-текста... Ввиду этой формальной особенности аллюзию уподобляют неясному эхо, возвращающему звук в искаженном виде» [Москвин, 2014, с. 40].

В подтверждение этой мысли предположим преднамеренное искажение У. Черчиллем поэтических строк Д. Мильтона, когда заменено слово *recant* (*something*), которое означает: ‘to say, often publicly, that you no longer have the same belief or opinion that you had before’ [Oxford Dictionary, 2015, p. 1284] (говорить, часто публично, что у вас больше нет того же убеждения или мнения, которое было раньше). Замена проведена синонимом *retract* со следующим значением: ‘to say that something you have said earlier is not true or correct or that you did not mean it; to refuse to keep an agreement, a promise’ [Oxford Dictionary, 2015, p. 1324] (говорить, что то, о чем вы говорили раньше, является некорректным, неправдой, или этого вы в виду не имели; отказываться соблюдать соглашение, обещание).

Привлекая внимание адресата этой игрой смыслов, основанной на замене слов, У. Черчилль, возможно, расширяет и усиливает семантическую палитру всей аллюзии: синоним уподобляется «неясному эху».

3.2. Интерпретация поэтической аллюзии 872 (нумерация по книге Даррела Холли) в политическом выступлении

Обратимся ко второму текстовому аллюзивному фрагменту:

(872) «Therefore, it is quite clear, that whatever was the offer of the Cripps mission, it was not accepted. On the contrary, it was repudiated by the partis to whom it was addressed. In fact, on his return from India, the President of the Board of Trade — the right hon and learned gentleman [Sir Stafford Cripps] who made such a careful statement yesterday — said: “I stated when I left India that, in default of acceptance, the draft Declaration must be considered

as being withdrawn”. I have taken the trouble to verify the quotation. I, for my part, have never bowed...to the dictum *‘ease would recant vows made in pain as violent and void’*» [Churchill, 1974, p. 7439]. (Таким образом, совершенно ясно, что, каким бы ни было предложение Криппса, оно бы не было принято. Наоборот, оно было отвергнуто партиями, которым было адресовано. Фактически после возвращения из Индии Президент Торгового Совета достопочтимый и благородный джентльмен [сэр Стэффорд Криппс], который вчера сделал такое заявление, сказал: «Я заявил по приезду из Индии, что в случае неприятия проекта Декларации мы должны считать его отозванным». Я со своей стороны никогда не преклонялся перед изречением «*Легко отказаться от клятв, произнесенных в страданиях, как насильственных и недействительных*»).

Уместность аллюзии в этом фрагменте текста становится понятнее, если обратиться к историческим фактам.

У. Черчилль направил в марте 1942 года бывшего посла в России, лейбориста левоцентристского толка без имперских убеждений (в то время исключенного из партии), Стаффорда Криппса провести переговоры с лидерами индийских партий по плану создания после войны доминиона Индийский Союз, что «заморозило» бы до окончания войны конфликт с национально-освободительным движением. Отрицательное отношение У. Черчилля к независимости Индии хорошо известно. Непростые отношения были у британского премьер-министра и с Криппсом. Достаточно вспомнить случай, когда посол более двух недель не мог передать его личное послание И. Сталину в апреле 1941 года с фактическим предупреждением о нападении фашистской Германии на Советский Союз.

Уместность литературной аллюзии в конце представленного событийного повествования в том, что этими поэтическими строфами подчеркивается убежденность автора, что, если С. Криппс, посланный им, чтобы «вырвать» согласие на британский план, не смог договориться с политическими силами в Индии, то это была трудновыполнимая миссия. Известные востоковеды Ф. Н. Юрлов и Е. С. Юрлова уверены, что миссия Криппса ничего нового в Индию не принесла: «Наращение антивоенных настроений в стране вынудило британские власти выступить 10 января 1940 года с новым заявлением о политике Великобритании в Индии. В нем указывалось, что метрополия готова предоставить Индии права доминиона после войны в «возможно короткий срок» [Юрлов, 2010, с. 219].

Два года спустя индийские политики пытались разгадать загадку заведомо неудачной миссии Криппса. Р. Лохия, активист движения за независимость Индии, полагал, что Криппс мог злоупотребить доверием индийских коллег потому, что он «perhaps felt that Churchill was behaving

likewise, for double-crossing is a frequent practice among realistic colleagues» [Lohia, 1942, p. 7] (возможно, чувствовал, что Черчилль вел себя таким же образом, так как двойная игра являлась распространенной практикой среди реалистически мыслящих коллег).

Исторический контекст был бы неполным, если бы мы не имели в виду, что Великобритании в 1942 году очень были нужны солдаты, которых немало можно мобилизовать в колонии.

Таким образом, этот исторический контекст использования поэтической аллюзии в речи У. Черчилля несет не только ассоциативное, но и оценочное наполнение. По мнению Д. Чартериса Блэка, «rhetoric is the art of persuading others» [Charteris-Black, 2005, p. 8] (риторика — это искусство убеждения других).

Итак, интерпретация литературной аллюзии У. Черчилля в историческом контексте может быть рассмотрена сквозь призму интертекстовой когнитивной составляющей языковых единиц. По мнению У. Эко, исследовавшего интерпретационные механизмы, «семантика включает в себя и прагматику» [Эко, 2016, с. 538]. Прагматические характеристики литературной аллюзии дают возможность представить и акцентировать авторскую оценку события в конкретном историческом контексте.

3.3. Интерпретация поэтической аллюзии 875 (нумерация по книге Даррела Холли)

Рассмотрим аллюзию (875) — третий случай введения У. Черчиллем поэтической строки из поэмы Дж. Мильтона в мемуарный текст. В переводе на русский язык эта важная смысловая составляющая текста оригинала опущена. В связи с этим можно предположить идеологическую установку или констатировать отсутствие аллюзивной компетенции переводчиков Воениздата, что сомнительно, хотя и сам Холли в своем исследовании именно эти аллюзии в числе прочих не идентифицировал.

(875) «It is natural that a proud people vanquished in war should strive to rearm themselves as soon as possible. They will not respect more than they can help treaties exacted from them under duress. “...Ease would retract Vows made in pain, as violent and void.” The responsibility, therefore, of enforcing a continual state of military disarmament upon a beaten foe rests upon the victors» [Churchill, 1948, p. 42]. (Вполне естественно, что гордый народ, потерпевший поражение в войне, будет стремиться как можно скорее снова вооружиться. [Далее восстановим фрагмент, пропущенный в русскоязычном переводе: «Эти люди не будут уважать больше, чем они способны, договоры добывающихся от них чего-то под принуждением. *Легко отказаться от клятв, произнесенных в страданиях, как насильственных и недействительных*» (перевод наш. — Т. 3.)]. Ввиду этого на победителей

ложится ответственность за то, чтобы постоянно держать своего поверженного противника разоруженным» [Черчилль, 1991, с. 35].

Трудно отрицать то, что исторический факт заключения Версальского договора при всех его положительных последствиях привел Германию к реваншизму, а потом к фашизму. Исторический контекст аллюзии (875) недвусмысленно предполагает, что «гордый народ» — немцы. Черчилль понимал, что Германия захочет реванш после версальского унижения, что и произошло в конце тридцатых годов прошлого столетия. Пресловутая «политика умиротворения» Гитлера результатом имела нападение Германии на Советский Союз, что принесло Британии определенные политические дивиденды, фашистской Германии — гибель, а Советскому Союзу — неисчислимы бедствия, с одной стороны, и усилившееся в результате победы над фашистской Германией влияние на европейском континенте, с другой. Пропуск аллюзии на произведение классика мировой литературы в русском переводе можно объяснить тем, что эта аллюзия может быть интерпретирована как оправдание фашистов с намеком на причину немецкого реванша. Наша интерпретация использования аллюзии заключается в том, что в данном историческом контексте У. Черчилль не оправдывал фашистский режим, а завуалированно критиковал С. Болдуина и Н. Чемберлена за то, что их правительства (членом которых У. Черчилль не был) не смогли предотвратить милитаризацию Германии. Обозначая экстралингвистическую составляющую повествования политика в рамках лингвистического анализа функционирования поэтической аллюзии в историческом контексте, согласимся с необходимостью понимания всех аспектов этого анализа для интерпретации, в том числе полноту контекста. Результаты интерпретаций поэтической аллюзии в сопоставительных рамках исторического и политического контекстов У. Черчилля являются еще одним из доказательств утверждения, что политика и литература для автора исторических повествований были неразрывны: «For Churchill, politics and literature were two sides of the same career, impossible to prise apart» [Rose, 2014, p. xi].

4. Заключение = Conclusions

Мы обратились к вопросу функционирования литературной аллюзии в историческом дискурсе У. Черчилля, изначально определяя ее когнитивной языковой единицей. Функционирование поэтической аллюзии, несомненно, обогащает смысловое содержание каждого из трех рассмотренных текстов и привносит авторское эмоциональное звучание в каждую из рассмотренных аллюзивных языковых репрезентаций.

В историческом контексте фрагмента из «World Crisis» исследуемая аллюзия обогащается новыми смысловыми оттенками, когда автор при-

влекает внимание адресата введением несколько искаженной поэтической строки, при этом опознавание и осмысление аллюзивной единицы вторичного текста привносит в интерпретацию элемент авторской оценки.

Использование поэтической аллюзии в публичном выступлении 06.03.1947 прежде всего обеспечивает решение прагматической задачи воздействия на слушателей: политик пытался убедить членов Палаты общин в правильности своей оценки миссии Криппса как трудновыполнимой.

Посредством включения поэтических строк Дж. Мильтона в текст военных мемуаров «The Second World War» У. Черчилль завуалированно критиковал С. Болдуина и Н. Чемберлена за то, что их правительствам не удалось предотвратить милитаризацию Германии. Этот упрек усиливается использованием поэтической аллюзии.

Итак, при использовании одних и тех же строк поэмы Дж. Мильтона “Paradise Lost” в трех разных произведениях с учетом различий событийного контекста проявляется эмоциональное звучание поэтической аллюзии в каждом жанровом повествовании У. Черчилля, при этом смысловое наполнение аллюзивного отрывка обогащается через актуализацию авторской оценки обсуждаемого события и через экспликацию прагматического потенциала использованного приема как средства убеждения.

Как показали результаты проведенного анализа литературной аллюзии известного британского политика, корректная интерпретация аллюзивных репрезентаций в историческом контексте возможна при условии признания уместности и необходимости использования смыслового потенциала поэтического фрагмента в ином, нехудожественном, дискурсе: историческом, политическом. В результате исследования был найден прецедентный текст, послуживший источником для трех аллюзий, выявленных, но не идентифицированных в книге Д. Холли.

Несмотря на то, что в статье представлен анализ ограниченного корпуса когнитивных языковых единиц, эта работа обозначила перспективу истолкования литературной аллюзии как средства образного изложения и оценки исторических и политических событий в текстах разных жанров.

Источники и принятые сокращения

1. *Holley D. Churchill's Literary Allusions* / D. Holley. — Jefferson, North Carolina : McFarland&Company, 1987. — 219 p. — ISBN 0-89950-244-X.
2. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Ninth edition. — Oxford : Oxford University Press. 2015. — 1820 p. — ISBN 978-0-4799478.

Литература

1. *Арнольд И. В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. — Москва : Флинта, 2019. — 446 с. — ISBN 978-5-9765-2812-3.

2. Милтон Д. Потерянный рай. Перевод Аркадия Штейнберга / Д. Милтон. — Москва : Наука, 2006. — 860 с. — ISBN 5-02-033240-2.
3. Зубакина Т. Н. Интерпретация аллюзивных единиц в историческом контексте мемуаров У. Черчилля / Т. Н. Зубакина // Когнитивные исследования языка. Материалы X Международного конгресса по когнитивной лингвистике. — 2020. — Выпуск 2 (41). — С. 580—582.
4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 464 с. — ISBN 5-7859-0006-8.
5. Москвин В. П. К уточнению понятия «аллюзия» / В. П. Москвин // Русская речь. — 2014. — № 1. — С. 37—43.
6. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 240 с. — ISBN 978-5-382-00461-7.
7. Рикер П. Конфликт интерпретаций / П. Рикер. — Москва : Академический проект, 2008. — 695 с. — ISBN 978-5-8291-1025-3.
8. Черчилль У. Вторая мировая война / У. Черчилль. — Москва : Военное издательство, 1991. — Книга 1. — Т. 1. — 591 с. — ISBN 5-203-00705-5.
9. Эко У. От древа к лабиринту / У. Эко. — Москва : Академический проект, 2016. — 559 с. — ISBN 978-5-8291-1716-0.
10. Юрлов Ф. Н. История Индии. XX век / Ф. Н. Юрлов, Е. С. Юрлова. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2010. — 920 с. — ISBN 978-5-89292-434-7.
11. Allen G. Intertextuality / G. Allen. — London and New York : Routledge, 2000. — 238 p. — ISBN 0-415-17474-0.
12. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric / J. Charteris Black. — New York : Palgrave Macmillan, 2005. — 239 p. — ISBN 978-0-230-01981-2.
13. Charteris Black J. Analyzing Political Speeches / J. Charteris Black. — Second edition. — London : Palgrave, 2018. — 298 p. — ISBN 978-1352003963.
14. Churchill W. S. The Gathering Storm / W. S. Churchill. — Boston : Houghton Mifflin Company, 1948. — 784 p.
15. Churchill W. S. The World Crisis. The Eastern Front / W. S. Churchill. — London : Thornton Butterworth Limited, 1931. — 369 p.
16. Churchill W. S. His Complete Speeches (1897—1963) / Ed. by R. R. James. — New York : Chelsea House Publishers, 1974. — Volume VII 1943—949. — 7902 p. — ISBN 0835206939.
17. The Routledge Handbook of Discourse Analysis / Ed. by James Paul Gee and Michael Handford. — Abingdon : Routledge, 2012. — 681 p. — ISBN 978-0415709781.
18. Lohia R. M. The Mystery of Sir Stafford Cripps / R. M. Lohia. — Bombay : Padma Publications Ltd., 1942. — 71 p.
19. Milton J. Poetical Works / J. Milton. — London : Oxford University Press, 1966. — 570 p. — ISBN 9780192810533.
20. Miner E. Allusion. The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics / E. Miner ; Ed. A. Preminger & T. Brogan. — Princeton : Princeton University Press, 1993. — 1383 p. — ISBN 0691-03271-8.
21. Ricoeur P. Hermeneutics and the Human Sciences : Essays on Language, Action and Interpretation / P. Ricoeur ; ed., trans. John B. Thompson. — Cambridge : Cambridge University Press, 2016. — xiii + 267 p. — ISBN 9781316565360.
22. Ricoeur P. The Conflict of Interpretations / P. Ricoeur. — Evanstone : Northwestern University Press. 1974. — 512 p. — ISBN 0-8101-0442-3.

23. Rose J. *The Literary Churchill* / J. Rose. — New Haven and London : Yale University Press. 2014. — 516 p. — ISBN 978-0-300-20407-0.

Material resources

Holley, D. (1987). *Churchill's Literary Allusions*. Jefferson, North Carolina: McFarland&Company. 219 p. ISBN 0-89950-244-X.
Oxford Advanced Learner's Dictionary. Ninth edition. (2015). Oxford: Oxford University Press. 1820 p. ISBN 978-0-4799478.

References

- Allen, G. (2000). *Intertextuality*. London and New York: Routledge. 238 p. ISBN 0-415-17474-0.
- Arnold, I. V. (2019). *Semantics. Stylistics. Intertextuality*. Moscow: Flint. 446 p. ISBN 978-5-9765-2812-3. (In Russ.).
- Charteris-Black, J. (2005). *Politicians and Rhetoric*. New York: Palgrave Macmillan. 239 p. ISBN 978-0-230-01981-2.
- Charteris Black, J. (2018). *Analyzing Political Speeches. Second edition*. London: Palgrave. 298 p. ISBN 978-1352003963.
- Churchill, U. (1991). *World War II, 1 (I)*. Moscow: Military Publishing House. 591 p. ISBN 5-203-00705-5. (In Russ.).
- Churchill, W. S. (1948). *The Gathering Storm*. Boston: Houghton Mifflin Company. 784 p.
- Churchill, W. S. (1931). *The World Crisis. The Eastern Front*. London: Thornton Butterworth Limited. 369 p.
- Churchill, W. S. (1974). *His Complete Speeches (1897—1963), VII 1943—1949*. New York: Chelsea House Publishers. 7902 p. ISBN 0835206939.
- D, Milton. (2006). *Paradise lost*. Moscow: Nauka. 860 p. ISBN 5-02-033240-2. (In Russ.).
- Eco, U. (2016). *From the tree to the labyrinth*. Moscow: Academic Project. 559 p. ISBN 978-5-8291-1716-0. (In Russ.).
- Lohia, R. M. (1942). *The Mystery of Sir Stafford Cripps*. Bombay: Padma Publications Ltd. 71 p.
- Lotman, Yu. M. (1996). *Inside thinking worlds. Man — text — semiosphere — history*. Moscow: Russian Culture Languages. 464 p. ISBN 5-7859-0006-8. (In Russ.).
- Milton, J. (1966). *Poetical Works*. London: Oxford University Press. 570 p. ISBN 9780192810533.
- Miner, E. (1993). *Allusion. The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics*. Princeton: Princeton University Press. 1383 p. ISBN 0691-03271-8.
- Moskvin, V. P. (2014). To clarify the concept of “allusion”. *Russian Speech, 1*: 37—43. (In Russ.).
- Piege-Gro, N. (2008). *Introduction to the theory of intertextuality*. Moscow: LKI Publishing House. 240 p. ISBN 978-5-382-00461-7. (In Russ.).
- Ricoeur, P. (1974). *The Conflict of Interpretations*. Evanstone: Northwestern University Press. 512 p. ISBN 0-8101-0442-3.
- Ricoeur, P. (2016). *Hermeneutics and the Human Sciences: Essays on Language, Action and Interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press. xiii + 267 p. ISBN 9781316565360.
- Riker, P. (2008). *Conflict of interpretations*. Moscow: Academic Project. 695 p. ISBN 978-5-8291-1025-3. (In Russ.).

- Rose, J. (2014). *The Literary Churchill*. New Haven and London: Yale University Press. 516 p. ISBN 978-0-300-20407-0.
- The Routledge Handbook of Discourse Analysis. (2012). Abingdon: Routledge. 681 p. ISBN 978-0415709781.
- Yurlov, F. N., Yurlova, E. S. (2010). *History of India. XX century*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 920 p. ISBN 978-5-89292-434-7. (In Russ.).
- Zubakina, T. N. (2020). Interpretation of allusive units in the historical context of the memoirs of W. Churchill. *Cognitive studies of language. Materials of the X International Congress on Cognitive Linguistics, 2 (41)*: 580—582. ISBN 978-5-7186-1668-2. (In Russ.).

*Статья поступила в редакцию 06.07.2022,
одобрена после рецензирования 04.10.2022,
подготовлена к публикации 19.10.2022.*

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Иоанесян Е. Р. Дискурсивные формулы, производные от пропозициональных предикатов / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 24—39. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-24-39.

Ioanesyan, E. R. (2022). Discursive Formulas Derived from Propositional Predicates. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 24-39. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-24-39. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-24-39

Дискурсивные формулы, производные от пропозициональных предикатов

Иоанесян Евгения Рафаэлевна
orcid.org/0000-0002-4950-6315
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
ioanevg@mail.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Discursive Formulas Derived from Propositional Predicates

Evgeniya R. Ioanesyan
orcid.org/0000-0002-4950-6315
Doctor of Philology
Leading Researcher
ioanevg@mail.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Иоанесян Е. Р., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование находится в русле работ по дискурсивным формулам — неоднословным идиоматичным репликам, произносимым в ответ на слова собеседника. На материале нескольких языков рассматриваются дискурсивные формулы, в основе которых лежат пропозициональные предикаты. В качестве объекта описания представлены дискурсивные формулы согласия и подтверждения, несогласия и отрицания, удивления. Важность и актуальность изучения дискурсивных формул определяется тем, что они играют большую роль в процессах устной коммуникации, а также тем, что в значительной степени эти единицы являются лингвоспецифичными. Новизна проведенного исследования определяется тем, что в работе на материале нескольких языков рассматриваются аналогии и различия в структуре рассматриваемых дискурсивных формул разных языков, лингвоспецифичные формулы. Выявлено два вида различий в структуре дискурсивных формул в разных языках: 1. Одно и то же значение в разных языках выражается разными по своей внутренней форме выражениями. 2. Дискурсивы в разных языках, аналогичные по своей внутренней форме, различаются своими значениями. Изучение дискурсивных выражений в разных языках имеет большое значение для семантической типологии.

Ключевые слова:

семантика; речевые акты; дискурсивные формулы; типология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study is in line with the work on discursive formulas — multi-word idiomatic remarks in response to the words of the interlocutor. Discursive formulas based on propositional predicates on the material of several languages, are considered. Discursive formulas of agreement and confirmation, disagreement and denial, surprise are presented as the object of description. The importance and relevance of studying discursive formulas is determined by the fact that they play an important role in the processes of oral communication, and also by the fact that these units are to a large extent linguistically specific. The novelty of the study is determined by the fact that in the work on the material of several languages, analogies and differences in the structure of the considered discursive formulas of different languages, linguistically specific formulas are considered. Two types of differences in the structure of discursive formulas in different languages have been revealed: 1. The same meaning in different languages is expressed by expressions that are different in their internal form. 2. Discursives in different languages, similar in their internal form, differ in their meanings. The study of discursive expressions in different languages is essential for semantic typology.

Key words:

semantics; speech acts; discursive formulas; typology.

Дискурсивные формулы, производные от пропозициональных предикатов

© Иоанесян Е. Р., 2022

1. Введение = Introduction

Наша работа относится к кругу проблем, связанных с речевыми актами. Эта проблематика, как известно, давно находится в центре внимания философов и лингвистов (см. [Fillmore et al., 2012; Grice, 1991; Searle, 1976; Vendler, 1967 и др.]). В настоящее время особенный интерес ученые разных стран проявляют к дискурсивным маркерам (см. список литературы). Дискурсивные формулы, или дискурсивы, — это «языковые единицы за пределами речевого акта, а именно, специальный класс идиоматичных ответных реплик» [Рахилина и др., 2021, с. 7], отражающих «процесс взаимодействия говорящего и слушающего» [Баранов и др., 1993, с. 7]. Например, рус. *Вот еще!, Не то слово!, Само собой!, Ну, еще бы* и др. Наша задача состояла в представлении одного подкласса дискурсивов — дискурсивных формул, в основе которых лежат пропозициональные предикаты, например, *<И> не говори!; Даже не думай!; Не скажите!* и т. д. Выбор в качестве объекта рассмотрения пропозициональных единиц не случаен: «Семантика пропозициональных глаголов хорошо подходит для формирования иллокутивов <...> На следующем шаге эволюции многие иллокутивы превращаются в дискурсивы <...> И здесь опять наиболее широкое представительство имеют пропозициональные глаголы [Кустова, 2012, с. 357, с. 363—364].

Новизна проведенного нами исследования определяется тем, что в работе на материале нескольких языков анализируются аналогии и различия в структуре рассматриваемых дискурсивных формул этих языков.

Важность и актуальность изучения дискурсивных формул обусловлена большой ролью дискурсивов в процессах устной коммуникации, а также тем, что в значительной степени они являются лингвоспецифичными. Изучение дискурсивных выражений в разных языках имеет большое значение для семантической типологии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве материала исследования были использованы данные электронных языковых ресурсов, одноязычных, многоязычных и толковых словарей (см. список источников). Методологической базой работы послужили исследования наших ведущих отечественных специалистов по проб-

лематике, связанной с речевыми актами, иллокутивами и дискурсивами, в первую очередь — А. Н. Баранова [Баранов и др., 1993], Г. И. Кустовой [Кустова, 2012], Е. В. Рахилиной, П. А. Бычковой и С. Ю. Жуковой [Рахилина и др., 2021], И. А. Шаронова [Шаронов, 2018]. В работах наших коллег приводятся списки и толкования иллокутивных и дискурсивных единиц конкретных языков, в статье П. А. Бычковой [Бычкова, 2020] рассмотрены формулы подтверждения русского, словенского и итальянского языков. Мы попытались проанализировать различия в структуре дискурсивных формул разных языков, а также представить лингвоспецифичные дискурсивные формулы. В качестве объекта описания были выбраны формулы согласия и подтверждения, несогласия и отрицания, удивления.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Различия в структуре дискурсивных формул в разных языках

Мы выделяем два вида различий в структуре, внутренней форме дискурсивных формул:

I. Одно и то же значение в языках L_1 и L_2 реализуется в разных по внутренней форме выражениях. II. Дискурсивы в языках L_1 и L_2 , схожие по внутренней форме, различаются своими значениями.

3.1.1. Одно и то же значение в языках L_1 и L_2 реализуется в разных по внутренней форме выражениях

В качестве примера рассмотрим французскую формулу согласия и подтверждения *À qui le dites-vous / à qui le dis-tu!*. (букв.: ‘кому вы это говорите’ / ‘кому ты это говоришь’): «Expression exclamative qu’une personne emploie pour confirmer et renforcer ce qui vient d’être exprimé par un interlocuteur, en impliquant qu’il connaît parfaitement la question, qu’elle a éprouvé ce dont il s’agit» [RC, p. 283], ≈ ‘восклицательное выражение, которое используется говорящим для подтверждения и усиления того, что было высказано собеседником, и которое подразумевает, что говорящий сам прекрасно знает, о чем говорит собеседник, что он испытал это на себе’.

Это выражение по значению приблизительно соответствует другой по своей структуре дискурсивной формуле в русском языке — *И не говори! / и не говорите!*, являющейся формой подтверждения и негативной оценки ситуации, о которой идет речь [Рахилина и др., 2021, с. 17]¹: «à qui le dis-tu! (dites-vous) *fam.* И не говори(те)» [ГрГр, с. 225]; (a) — *Oh! la, la, mais tu es flapi, mon pauvre vieux! — À qui le dis-tu! Oh, ces lendemains de nocé!...* (G. Feydeau, *La Dame de chez Maxim*). — *Ого, старина, ты выглядишь совсем измученным! — И не говори! Ох уж эти первые послесвадебные*

1 Следует оговорить, что Г. И. Кустова относит формулу *и не говори / и не говорите* к иллокутивам [Кустова, 2012, с. 357].

дни! [НКРЯ]. (б) — *Je... C'est une horreur ce qui s'est passé ici. — À qui le dites-vous. On ne sait toujours pas ce qui est arrivé à la fille* (Joël Dicker. La Vérité sur l'Affaire Harry Quebert (2012)). — *Я... Это такой кошмар, то, что здесь произошло. — И не говорите. До сих пор никто не знает, что случилось с девочкой* [Там же]. Таким образом, значение 'согласие и подтверждение' в русском и французском языках реализуется в разных по внутренней форме формулах.

Русской формуле согласия и подтверждения <И> не говори! / <И> не говорите! во французском языке соответствуют также другие, отличающиеся по своей структуре выражения:

(1) *Tu l'as dit! / vous l'avez dit!* ('ты это сказал' / 'вы это сказали!'). «*Tu l'as dit* (marque l'approbation)» [DCLF II, p. 83], 'маркирует согласие, одобрение'. — *Патронов жалко на ее, — вмешался Толк. — Не говори, — согласился Михал Иванович, — я ведь и руками задушу, если надо* (Сергей Довлатов. Заповедник (1983)). — *Elle vaut pas les balles pour l'abattre, intervient Tolik. — Tu l'as dit, renchérit Mikhaïl Ivanytch. Je pourrais l'étrangler à mains nues au besoin* [НКРЯ].

(2) *Ne m'en parlez pas!* ('не говорите мне об этом'). — *Oui..., dit-elle, vous soulagez toutes les misères. — Ah! ne m'en parlez pas, madame Bovary! Ce matin même, il a fallu que j'aïlle dans le Bas-Diauville pour une vache qui avait l'enfle; ils croyaient que c'était un sort* (Gustave Flaubert. Madame Bovary (1857)). — *Да... — сказала она. — Вы утешаете во всех скорбях. — Ах, и не говорите, госпожа Бовари! Не далее как сегодня утром мне пришлось идти в Ба-Дьовиль из-за коровы: ее раздуло, а они думают, что это от порчи* [НКРЯ].

(3) Формула *tu parles! / tu parles que X!* ('ты говоришь' / 'ты говоришь, что X'), произносимая с подъемом тона, маркирует согласие, однако, в отличие от русской формулы *не говори*, являющейся формой подтверждения и негативной оценки ситуации, о которой идет речь, она может использоваться и в случае положительной или нейтральной ее оценки: «*c'est un bon élève? — Tu parles! Il est toujours le premier* — он хороший ученик? — Еще бы! Круглый отличник» [ГТ, с. 712]. «*Réagissant spontanément à un énoncé de l'interlocuteur, le locuteur signale qu'il approuve de façon décidée la proposition qu'il dégage de cet énoncé. (a) A: Marie veut vendre sa voiture trop chère. B: Tu parles! C'est bien ce que je lui ai dit. (b) A: Cette fille me rappelle Marie. B: Tu parles! On dirait que c'est elle*» [DEC I, p. 337], ≈ 'Реагируя на высказывание собеседника, говорящий полностью подтверждает согласие с высказанным мнением. (a) А: Мари хочет слишком большую цену за свой автомобиль. Б: **И не говори!** Я ей так и сказал'. (б) А: Эта девушка похожа на Мари. Б: **И не говори!** Как будто это она сама'.

(4) Формула согласия *je comprends / je comprends que X!* с пропозициональным глаголом *comprendre* ‘понимать’ (‘я понимаю’ / ‘я понимаю, что X’) — и не говори! я думаю!, еще бы! «(a) A: *Il faut absolument laver le plancher aujourd'hui. Il est sale.* B: Ah, **je comprends qu'il est sale.** (b) A: *Marie est très riche.* B. **Je comprends**» [DEC IV, p. 256], ‘(a) A: Совершенно необходимо вымыть пол сегодня, он очень грязный. B: **И не говори.** (б) A: Мари очень богата! B: **Я думаю!**’.

(5) Формулы *je te / vous crois* (‘я тебе / вам верю’), *je crois bien* (‘охотно верю’) — и не говори! «A: *Il fait chaud dans cette pièce.* B: **Je te crois.** *Ouvre donc la fenêtre, si tu peux*» [DEC IV, p. 257], ‘A: В этой комнате очень жарко. B: **И не говори.** Открой, если можно, окно’.

(6) Формула *je ne dis pas* (‘я не говорю’): «я не спорю, это все так» [ГрГр, с. 225]. В словаре [RC] уточняется, что эта формула согласия, сопровождаемого, тем не менее, некоторым сомнением: «Phrase elliptique qui correspond à une acceptation hésitante» [p. 284]. *Le chapelier murmurait: — Ah! oui, de cette façon, je ne dis pas... (Zola, Emile / L'Assommoir).* — Да, если так, то **конечно...** — пробормотал шапочник [ABBYU].

(7) Формула *tu penses!* ‘ты думаешь’: «À la forme exclam.; dans un propos rapporté au style dir., sert à renforcer ou constitue une affirm. Synon. de *tu parles*, en effet, évidemment, bien sûr!» [TR], ‘в восклицательной форме, в прямой речи служит для усиления, подтверждения того, что было сказано. Синоним выражения *tu parles*, еще бы, конечно’.

3.1.2. Дискурсивы в языках L₁ и L₂, схожие по внутренней форме, различаются своими значениями

По своей внутренней структуре французские выражения *à qui le dites-vous / à qui le dis-tu!* соответствуют русским *Кому вы это говорите! / Кому ты это говоришь!* Однако значение русских и французских формул не совпадают. Русская формула, как представляется, относится к классу иллокутивов, а не дискурсивов, и выражает удивление, подчас даже возмущение говорящего тем фактом, что его собеседник заговорил на эту тему, неуместность высказывания собеседника, поскольку говорящий сам прекрасно знает ситуацию. Произнесение указанных формул означает девалоризацию сказанного собеседником. Например: (a) — *Только ни одному человеку не говори, что я тебе продал каштановую роцу, — попросил его Сандро, — потому что у нас ужасно не любят, когда чужакам продают каштановые роцы. — Кому ты это говоришь, Сандро, — удивился Самуил, — торговый человек умеет хранить секреты* (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 1) (1989)) [НКРЯ]. (б) *Она женщина опасная, ты знаешь это? — Кому ты это говоришь? — сказал он. — Я это очень хорошо знаю* (Г. А. Газданов. Эвелина и ее друзья (1968)) [Там же]. (в) — *Смотри не влюбись, — за-*

метил Аянов, — Жениться нельзя, говоришь ты, а играть в страсти с ней тоже нельзя. Когда-нибудь так обожжешься... — **Кому ты это говоришь!** — перебил Райский, — Как будто я не знаю! (И. А. Гончаров. Обрыв (1869)) [Там же]. Таким образом, схожие по внутренней форме русские и французские формулы различаются своими значениями.

3.2. Лингвоспецифичные дискурсивные формулы

В этом разделе приведены примеры лингвоспецифичных дискурсивных формул из других языков.

3.2.1. Согласие и подтверждение

(1) Англ. *I should say so!*, *I'll say!* — конечно!, еще бы!: «used to indicate that one completely agrees with something just said. “Isn't it hot today!” “I'll say (it is). It's unbearable!”» [MWD]; «used to show that you agree very strongly with what has been said: “Does he eat a lot?” “I'll say!”» [CAL]; «used for expressing agreement, or for saying yes in a very definite way. ‘She's very pretty’ ‘I'll say!’» [MD]. “It is a bit complicated, isn't it? “Well, **I should say so**, “returned Frank (Theodore Dreiser. The Financier (1912)). Сложная получается история. — **Еще бы не сложная!** — отозвался Каупервуд [НКРЯ].

(2) Англ. *You said it!*: «used to express complete agreement with something just said. “That was a pretty selfish thing for him to do.” “You said it.” “Let's grab something to eat.” “You said it. I'm starving”» [MWD]; «used for agreeing with what someone has said although you would not have said it yourself, especially when they admit they have done something bad or wrong. ‘I've made a terrible mess of this.’ ‘You said it’» [MD]. — При Сергей Сергеевиче порядок был, — сказал Бенедикт. — **A mo!** — отозвался тесть (Татьяна Толстая. Кысь (2000)). “Under Sergei Sergeich there was law and order, ” said Benedikt. “ **You said it** ”, replied Father-in-law [НКРЯ].

(3) Англ. *You can say that again*: «used for expressing strong agreement» [LD T. 2, p. 930]. (a) *And I don't suppose this young man is the easiest of clients. ‘You can say that again.’* (Jojo Moyes. Me Before You (2012)). И вряд ли с этим молодым человеком легко управляться. — **O da** [НКРЯ]. (б) “You are in enough trouble already.” “**You can say that again**,” sighed Richard (Neil Gaiman. Neverwhere (1993)). У тебя и без того большие проблемы. — **He то слово!** — вздохнул Ричард [Там же].

(4) Итальянская формула с глаголом *dire* — ‘говорить’ *puoi dirlo!* (‘можешь это сказать’): «sicuramente» [SCD], ‘несомненно, конечно’.

3.2.2. Несогласие и отрицание

Одной из самых распространенных формул несогласия и отрицания являются выражения с глаголами речи и ментальными предикатами.

(1) Английские выражения *says you / sez you*: «брехня! как бы не так!» [АРФС, с. 658]. «Used in speech to express disagreement or disbelief. “He's

guilty.” “Says you! I think he’s innocent”» [OESD]. “As for that wild talk, its fair disreputable. Vitals, **says you!** And where would I be with my blunderbush? ”he snarled (Robert Louis Stevenson. Kidnapped (1886)). *Это вы такую дичь пореете, что стыдно слушать. Кишки выпустит, ишь ты, какой скорый!*¹ — огрызнулся дядя. — А как насчет моего мушкетона? [НКРЯ].

(2) Французская формула *tu parles!* / *tu parles que X!* (‘ты говоришь! / ты говоришь, что X’), произносимая с падением тона (см. выше), выступает в значении несогласия и возмущения: «как бы не так!, ну да!, держи карман шире!; «*c’est un bon élève?* — *Tu parles! Il est le dernier de la classe*» — Это хороший ученик? — Как бы не так! Самый отстающий в классе» [ГТ, с. 212]. «Réagissant spontanément à un énoncé de l’interlocuteur, le locuteur signale qu’il refute de façon décidée la proposition qu’il dégage de cet énoncé affectant émotionnellement que l’énoncé l’agace. A: *Tu devrais téléphoner à Marie*. B: ***Tu parles! Après ce qu’elle a dit de moi! Jamais!***» [DEC I, p. 338], ≈ ‘Реагируя на высказывание своего собеседника, говорящий решительно и раздраженно опровергает высказанное тем мнение. А: Тебе бы следовало позвонить Марии. Б: **Ну да! Еще чего!** После того, что она про меня наговорила! Никогда’.

Выражение с тем же глаголом *parler* — *parlons-en!* (‘поговорим об этом’), стоящее после имени существительного, означает особый вид несогласия с мнением собеседника — возмущение или отказ говорить на эту тему: «marque l’indignation ou le refus d’envisager qch» [RC, p. 586], «нечего сказать!, как же!» [ГТ, с. 212].

(3) Другой французский глагол речи *dire* ‘говорить’ выступает в формуле несогласия *c’est pas dit* (≈ ‘это не было сказано’): «это еще как сказать, это еще бабушка надвое сказала, не факт» [ГрГр, с. 225]; — *Me laver? Pour qui? Pour les Fritz? Il me prendront comme je suis.* — ***C’est pas dit qu’ils te prendront*** (J.-P. Sartre, Le Sursis)» [Там же, с. 543], ‘Умываться? Для кого? Для фрицев? Они примут меня и так. — **Не факт / это еще как сказать**’.

Еще одна формула несогласия с глаголом *dire* представлена французским выражением *c’est beaucoup dire* (≈ ‘это сказать слишком много’), «это слишком громко сказано» [ФРФС, с. 115]. *Bien sûr que là-bas ils ne vivent pas comme nous. Ils prient leur dieu cinq fois par jour, tu te rends compte! Et même, ils mangent sans table. Oui, tous par terre. Enfin, sur un tapis. Et sans cuillères, avec les doigts! L’invité, plutôt pour raviver la conversation, objecta d’un ton raisonneur: — Ouais, pas comme nous, **c’est beaucoup dire*** (André Makine. Le testament français (1995)). — Конечно, они там живут не по-нашему. Богу молятся пять раз на дню, ты только представь! Даже едят

1 В русском переводе использована многозначная частица *ишь ты*, которая, в частности, выступает в значении выражения не только несогласия, но и возмущения.

без стола. Да, прямо на полу. Ну, на ковре. И без ложек, руками! Гость, скорее для поддержания разговора, рассудительно возразил: — Ну, «не по нашему» — **это уж ты чересчур** [НКРЯ].

Приведем из корпуса [НКРЯ] несколько примеров аналогичных формул из других языков: (1) нем. «*So leicht verirrt man sich nicht hierher*». «**Sag das nicht, erst vor kurzem waren Leute in der Hütte**» (Siegfried Lenz. Schweigeminute (2008)). *В те места не так просто забрести. — Не скажи, совсем недавно там кто-то был.* (2) латыш. — *Vai esat dzirdējuši, Ilze aizstāvējusi doktora disertāciju un kļuvusi par profesori. — Kas to būtu domājis no tādas vieglprātes. — Nesaki neko, galviņa viņai jau toreiz strādāja* (Zenta Ērgle. Bez piecām minūtēm pieauguši (1983)). — *Вы слышали, Илзе защитила докторскую и уже профессор. — Кто бы мог подумать! Такая легкомысленная была. — Ну, не скажи. Голова у неё и тогда варила. Sacīt — ‘говорить, сказать’, nekas — ‘ничего’.* (3) швед. *I jämförelse med teater är film ointressant. En blek avklappning bara. — Nej, det kan aldrig bli någonting. — Säg inte det* (Maria Gripe. Skugg-gömmen (1988)). *Кино в сравнении с театром кажется ей совершенно неинтересным. Бледная копия действительности, только и всего. — У кино нет будущего, — считает Ингеборг. — Не скажи. Säger — ‘говорить’; inte — ‘не’; det — ‘это’.* (4) ит. — *Да игрушка — видно сразу... — Не скажи* (В. Г. Сорокин. Очередь (1985)). — *Ma è un giochetto, si vede subito... — Non dirlo. Dire — ‘говорить’.*

Формула несогласия с другим пропозициональным глаголом — глаголом мышления — французская формула с глаголом *penser* ‘думать’. *Penses-tu! / pensez-vous!* (букв. ‘думаешь ты’ / ‘думаете вы’): «[Да] что ты (вы)!» [ГТ, с. 731]. «<...> Réagissant spontanément à un énoncé α de qn, le locuteur refuse de façon décidée la proposition qu’il dégage de α, l’affectant émotionnellement, et que ce que son interlocuteur pense au sujet de la proposition est faux. A: *Est-ce que tu as vu ce film?* B: **Penses-tu! Je déteste le réalisateur!**» [DEC IV, p. 283], ≈ ‘отвечая на высказывание α, говорящий эмоционально и решительно отвергает собеседником мнение, которое следует из его высказывания; то, что его собеседник думает, является ложным. А. Ты видел этот фильм? Б. **Да что ты**, я терпеть не могу этого режиссера!’ Пример из [НКРЯ]: *Il y en a bien un là-dedans qui a dû connaître Georges Maillot, non? Il a haussé les épaules. — Pensez-vous... Ils étaient encore au biberon quand Georges fai-sait du cinéma* (Patrick Modiano. Quartier perdu (1985)). — *Среди них, наверно, есть люди, знавшие Жоржа Майю, не так ли? Он передернул плечами. — Что вы! Когда Жорж снимался в кино, они были еще сосунками.*

Существует еще одно выражение с глаголом *penser*, обозначающее несогласие с мнением собеседника, — *tu n’y penses pas / vous n’y pensez pas!*

(‘ты не думаешь’ / ‘вы не думаете об этом’): «Как вы можете так думать? вы соображаете?!» [ГТ, с. 731]; «Помилуй!, что ты!» [ФРФС, с. 815]. *Потом отправляйтесь в Швейцарию или в Тироль: лечиться виноградом. Там проживете сентябрь и октябрь... — Черт знает что, в Тироль! — едва слышно прошептал Илья Ильич* (И. А. Гончаров. Обломов (1848—1859)). *Puis rendez-vous en Suisse, ou encore au Tyrol, pour faire une cure de raisin. Vous pourriez y rester les mois de septembre et octobre. — Vous n’y pensez pas! Au Tyrol! dit Ilia Plitch d’une voix à peine distincte* [НКРЯ].

Формула несогласия с французским глаголом *compter* ‘рассчитывать на что-л.’ — *compte / comptez là-dessus!* (‘рассчитывай / рассчитывайте на это, надейся / надейтесь на это’). «Как бы не так! Держи карман шире! “ — *Il m’a dit qu’il passerait me prendre ce soir pour aller au kino.*” — “**Compte là-dessus, je l’ai vu à la gare, il prenait le train de Lyon**”. “ — *Menteuse! Me traiter de menteuse, moi! Vous allez retirez ce mot immédiatement, vous entendez!*” “ — **Comptez là-dessus!**” (J. Forton. Les sables mouvants)» [ГрГр, с. 161], ‘Он сказал, что зайдет за мной этим вечером и мы пойдем в кино. — **Держи карман шире.** Я видел его на вокзале, он сидел на поезд в Лион’. ‘Лгунья! Называть меня лгуньей! Вы сейчас же заберете свои слова назад, вы слышите меня! — **Ага! Держи карман шире!**’

В словаре [RC, р. 244] приведена еще одна формула с глаголом *croire* — *t’as qu’à croire* (≈ ‘тебе остается только верить’): «Т’as qu’à croire, ne te fie pas aux impressions, c’est loin d’être sûr», ‘Т’as qu’à croire, не доверяй своим впечатлениям, это совсем неочевидно’.

Выражение *ni quien tal vio* (≈ ‘никто ничего похожего не видел’; *ver* — ‘видеть’) является формулой несогласия в испанском языке — «ничего подобного» [ИРФС, с. 697], «expr. coloq. U. para reforzar la negación de algo» [DRAE], ‘разг. для усиления отрицания чего-то’.

Немецкое выражение *Kein Gedanke daran!* (‘никакой мысли об этом’ *Gedanke* — ‘мысль’) выступает в функции несогласия и запрета: «ничего подобного» [ИРФС, с. 291]. Примеры из корпуса [НКРЯ]: (а) — *А может, воротимся, барин? — Ни-ни-ни! — Доктор обиженно-угрожающе замотал головой, поднимаясь и отряхиваясь. — И думать не смей* (Владимир Сорокин. Метель (2010)). «*Wolln wir nich besser doch umdrehn, der Herr?*» «*Auf-gar-kei-nen-Fall!*», *skandierte der Doktor und schüttelte halb gekränkt, halb drohend das Haupt, während er aufstand und sich den Schnee abklopfte.* «**Kein Gedanke daran!**» (б) *Разве что ты, Мелифаро, наверное, еще очень слаб... Будешь лечиться, а мы уж за тебя погуляем! — Кто слаб? Я?!* (Макс Фрай. Чужак (2004)). «*Melifaro, du auch — es sei denn, du bist zu schwach und willst dich untersuchen lassen. Wir können uns auch stellvertretend für dich austoben!*» «**Ich und schwach? Kein Gedanke!**».

Другая немецкая формула представлена выражениями *Hast du eine Ahnung!* (≈ ‘ты имеешь понятие’), *Ach, keine Ahnung!* (‘никакого понятия’): «да ничего подобного» [ИРФС, с. 36]. *Über dem Sofa hing die vergrößerte Fotografie eines Feldwebels in voller Uniform mit glotzendem Blick und gewichstem Schnurrbart. «Ist das dein Mann? «fragte Steiner». «Nein, der Selige von der Al-ten». «Die ist wohl froh, daß sie ihn los ist, was?» «Hast du eine Ahnung!»* (Erich Maria Remarque. *Liebe Deinen Nächsten* (1941)). *Над диваном висела увеличенная фотография какого-то фельдфебеля в парадном мундире, с нафабренными усами и неподвижным тупым взглядом. — Твой муж? — спросил Штайнер. — Нет, покойный супруг хозяйки. — Она не боюсь рада, что избавилась от него? — Скажешь тоже!* [НКРЯ].

3.2.3. Удивление

Русской формуле удивления *что вы говорите!* в испанском языке соответствует дискурсив с глаголом *decir* ‘говорить’ *¡no (me) diga(s)!*, (‘не говори (мне)’¹): «да что ты!, что вы говорите!» [ИРФС, с. 221]. «*No me digas*, o *no me diga usted* / exprs. U. para denotar sorpresa o contrariedad» [DRAE], ‘выражение для обозначения изумления или досады’. Например: (а) *Бандеролью прислали. — Да ну?!* (А. И. Солженицын. *Один день Ивана Денисовича* (1961)). *¡Lo he recibido con faja! — ¡No me diga!* [НКРЯ]. (б) *Такая сволочь — до кости прокусил. — Ну да? — поразился Андрей. — А мне показалось, они, вроде, мирные... (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Град обреченный (1972)). El muy canalla. Me mordió hasta el hueso. — No me digas — se asombró Andrei. — Creía que eran pacíficos* [Там же].

Испанское междометие *¡digo!*, образованное от *decir*, тоже используется как формула удивления: «[изумление] вот это да!» [ИРФС]; <interj. U. para expresar sorpresa, asombro» [DRAE], ‘выражение для обозначения удивления, изумления’.

В итальянском языке используется аналогичная испанской формула *¡no (me) diga(s)!* — формула *non me lo dire!* ‘не говори!’: «non me lo dire [esclamazione di sorpresa]» [SCT], ‘non me lo dire [выражение удивления]’.

Португальское выражение *Quem diria!* ‘кто бы сказал’ может служить еще одним примером формулы удивления с глаголом речи *dizer* ‘говорить’. — *Quem diria... Morrer assim* (Jorge Amado. *A Morte e a Morte de Quincas Berro Dágua* (1959)). — *Подумать только... Умереть так* [НКРЯ].

Английские формулы удивления: 1. *I say:* «Да ну! Ну и ну! Вот так так! Подумать только!» [АРФС, с. 658]; «used to express surprise, shock, etc. *I say! That's a wonderful idea*» [MWD]. 2. «*You don't say so:* не может быть! Да ну! Что вы говорите! Неужели!» [АРФС, с. 658]; «used to express surprise.

1 Напомним, что русская форма *не говори (me)* является формулой согласия и подтверждения.

“She ran off with another man.” “You don’t say!” — often used ironically to show little surprise at something *“They lost again.” “You don’t say. What’s that, eight in a row?”*» [MWD].

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование находится в русле работ по дискурсивным маркерам. Интерес к изучению этих единиц определяется, в частности, тем, что дискурсивные формулы часто являются лингвоспецифичными. На материале нескольких языков мы рассмотрели аналогии и различия в структуре дискурсивных формул, в основе которых лежат пропозициональные предикаты. Были рассмотрены формулы согласия и подтверждения, несогласия и отрицания, удивления. Мы выделили два вида различий в структуре дискурсивных формул в разных языках: 1. Одно и то же значение в языках L_1 и L_2 выражается разными по своей внутренней форме выражениями. 2. Дискурсивы в языках L_1 и L_2 , аналогичные по своей внутренней форме, различаются своими значениями. Мы представили также примеры лингвоспецифичных формул. Важность изучения дискурсивных формул обусловлена их огромной ролью в устной коммуникации, лингвоспецифичность этих единиц дает богатый материал для семантической типологии.

Источники и принятые сокращения

1. АРФС — Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин ; Лит. ред. М. Д. Литвинова. 4-е изд. перераб. и доп. — Москва : Русский язык, 1984. — 944 с.
2. ГрГр — Гринева Е. Ф. Словарь разговорной лексики французского языка. (на материале современной художественной литературы и прессы) / Е. Ф. Гринева, Т. Н. Громова. — Москва : Русский язык, 1988. — 640 с. — ISBN 5-200-00116-1.
3. ГТ — Французско-русский словарь активного типа / В. Г. Гак, Ж. Триомф, Г. Г. Соколова и др. ; под ред. В. Г. Гака и Ж. Триомфа. — Москва : Русский язык, 1998. — 1056 с. — ISBN 5-200-02521-4.
4. ИРСС — Садиков А. В. Испанско-русский словарь современного употребления / Diccionario Español-Ruso de Uso Moderno [Электронный ресурс] / А. В. Садиков, Б. П. Нарумов. — Москва : Русский язык, 2000. — Режим доступа : https://modern_usage_es_ru.academic.ru (дата обращения 21.05.2022).
5. ИРФС — Испанско-русский фразеологический словарь : 30000 фразеологических единиц / Э. И. Левинтова, Е. М. Вольф, Н. А. Мовшович, И. А. Будницкая ; под ред. Э. И. Левинтовой. — Москва : Русский язык, 1985. — 1080 с.
6. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.ruscorpora.ru (дата обращения 22.05.2022).
7. НРФС — Немецко-русский фразеологический словарь. Составитель Л. Э. Бинович. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. — 904 с.

8. ФРФС — *Французско-русский фразеологический словарь* под ред. Я. И. Рещека. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. — 1112 с.
9. ABBYY — *ABBYY Lingvo Live* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.lingvolive.com> (accessed 22.05.2022).
10. CAL — *Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus* © Cambridge University Press. Fourth Edition. 2013 [Electronic resource]. — Access mode : <http://dictionary.cambridge.org> (accessed 24.05.2022).
11. DCLF — *Le Dictionnaire culturel en langue française* // Sous la direction d'Alain Rey. — Paris : Dictionnaires Le Robert, 2005. — 4 tomes.
12. DEC I — *Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques I* / I. Mel'čuk, N. Arbachevsky-Jumarié, L. Elnitsky, L. Iordanskaja, A. Lessard Réd. Class A. Montréal (Québec). — Canada : Les Presses de l'Université de Montréal, 1984. — 172 p.
13. DEC IV — *Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques IV* / I. Mel'čuk, N. Arbachevsky-Jumarié, L. Iordanskaja, S. Mantha, A. Polguère Réd. Class A., Mel'čuk I. Montréal (Québec). — Canada : Les Presses de l'Université de Montréal, 1999. — 348 p.
14. DRAE — *Real Academia Española : Diccionario de la lengua Española* [Electronic resource]. — Madrid, 2015. — Access mode : <http://dle.rae.es> (accessed 24.05.2022).
15. LD — *Longman Dictionary of Contemporary English. Словарь современного английского языка : в 2-х т.* — Москва : Русский язык, 1992. — ISBN 5-200-01421-2.
16. MD — *Macmillan Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.macmillandictionary.com> (accessed 24.05.2022).
17. MWD — *Merriam-Webster's Online Dictionary*, 11th Edition [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (accessed 26.05.2022).
18. OESD — *Oxford English and Spanish Dictionary, Synonyms, and Spanish to English Translator* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.lexico.com> (accessed 26.05.2022).
19. PR — *Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française* / P. Robert, J. Rey-Debov, A. Rey. — Paris : Dictionnaire LE ROBERT, 1970. — 1967 p.
20. RC — *Rey A. Dictionnaire des expressions et locutions* / A. Rey, S. Chantreau. — Paris : Dictionnaires LE ROBERT, 2003. — 888 p.
21. SCD — *Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiana* [Electronic resource]. — Milano, 2007. — Access mode : <http://dizionari.corriere.it> (accessed 26.05.2022).
22. SCT — *Il vocabolario Treccani. Sinonimi e contrari, diretto da Raffaele Simone* [Electronic resource]. — Roma : Istituto della Enciclopedia Italiana, 2003. — Access mode : <http://www.treccani.it/vocabolario> (accessed 26.05.2022).
23. TR — *Le Trésor de la langue française informatisé* [Electronic resource]. — Access mode : <http://atilf.atilf.fr> (accessed 27.05.2022).

Литература

1. Баранов А. Н. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. — Москва : Помовский и партнеры, 1993. — 207 с.
2. Бычкова П. А. Дискурсивные формулы подтверждения в типологической перспективе / П. А. Бычкова. *Jezikoslovni Zapiski*. — 2020. — № 27. — С. 111—128.

3. *Дискурсивные слова русского языка : Опыт контекстно-семантического описания* / Под. ред. К. Киселевой, Д. Пайара. — Москва : Метатекст, 1998. — 446 с. — ISBN 5-89672-005-X.

4. Жукова С. Ю. Дискурсивные формулы русского языка : диахронический подход / С. Ю. Жукова, Б. В. Орехов, Е. В. Рахилина // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2019. — № 21. — С. 142—164.

5. Кустова Г. И. Об иллокутивной фразеологии. Смыслы, тексты и другие захваты-вающие сюжеты / Г. И. Кустова // Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. — Москва : Языки славянской культуры, 2012. — С. 349—366.

6. Рахилина Е. В. Речевые акты как лингвистическая категория : дискурсивные формулы / Е. В. Рахилина, П. А. Бычкова, С. Ю. Жукова // Вопросы языкознания. — 2021. — № 2. — С. 7—27. — DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27.

7. Шаронов И. А. Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов / И. А. Шаронов // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2018. — № 51. — С. 58—68. — DOI: 10.17223/19986645/51/6.

8. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко. — Москва : Языки славянской культуры, 2017. — 384 с. — ISBN 5-94457-026-1.

9. Boas H. C. Constructing a constructicon for German : Empirical, theoretical, and methodological issues / H. C. Boas, A. Ziem // Constructicography : Constructicon development across languages. — Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2018. — Pp. 183—228.

10. Fillmore C. J. The FrameNet constructicon / C. J. Fillmore, R. R. Lee-Goldman, R. Rhodes // Signbased construction grammar. — Stanford : CSLI Publications, 2012. — Pp. 309—372.

11. Grice P. Studies in the way of words / P. Grice. — Harvard University Press, 1991. — 406 p.

12. Onodera N. O. The grammaticalization of discourse markers / N. O. Onodera // The Oxford handbook of grammaticalization. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2011. — Pp. 614—624.

13. Salgueiro A. B. Promises, threats, and the foundations of speech act theory / A. B. Salgueiro // Pragmatics. — 2010. — № 20. — Pp. 213—228.

14. Searle J. R. A classification of illocutionary acts / J. R. Searle // Language in Society. — 1976. — № 5. — Pp. 1—23.

15. Vendler Z. Linguistics in philosophy / Z. Vendler. — Ithaca, N.Y : Cornell University Press, 1967. — 203 p.

Material resources

ABBY Lingvo Live. Available at: <https://www.lingvolive.com> (accessed 22.05.2022).

Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus © Cambridge University Press. Fourth Edition. (2013). Available at: <http://dictionary.cambridge.org> (accessed 24.05.2022).

Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Re-cherches lexico-séman-tiques I. (1984). Canada: Les Presses de l'Université de Montréal. 172 p. (In Franc.).

Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Re-cherches lexico-sé- mantiques IV. (1999). Canada: Les Press-es de l'Université de Montréal. 348 p. (In Franc.).

French-Russian dictionary of the active type. (1998). Moscow: Russian language. 1056 p. ISBN 5-200-02521-4. (In Russ.).

- French-Russian phraseological dictionary*. (1963). Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 1112 p. (In Russ.).
- German-Russian phraseological dictionary*. (1955). Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 904 p. (In Russ.).
- Grineva, E. F., Gromova, T. N. (1988). *Dictionary of colloquial vocabulary of the French language. (based on the material of modern fiction and the press)*. Moscow: Russian Language. 640 p. ISBN 5-200-00116-1. (In Russ.).
- Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiana*. (2007). Milano. Available at: <http://dizionari.corriere.it> (accessed 26.05.2022).
- Il vocabolario Treccani. Sinonimi e contrari, diretto da Raffaele Simone*. (2003). Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana. Available at: <http://www.treccani.it/vocabolario> (accessed 26.05.2022).
- Kunin, A. V. (1984). *A LARGE English-Russian phraseological dictionary. 4th ed. reprint. and add.* Moscow: Russian language. 944 p. (In Russ.).
- Le Dictionnaire culturel en langue française. (2005). *Sous la direction d'Alain Rey, 4*. Paris: Dictionnaires Le Robert. (In Franc.).
- Le Petit Robert., Rey, A. (1970). *Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française*. Paris: Dictionnaire LE ROBERT. 1967 p. (In Franc.).
- Le Trésor de la langue française informatisé*. Available at: <http://atilf.atilf.fr> (accessed 27.05.2022).
- Longman Dictionary of Contemporary English. Dictionary of modern English: in 2 volumes*. (1992). Moscow: Russian language. ISBN 5-200-01421-2.
- Macmillan Dictionary*. Available at: <http://www.macmillandictionary.com> (accessed 24.05.2022).
- Merriam-Webster's Online Dictionary, 11th Edition*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (accessed 26.05.2022).
- Oxford English and Spanish Dictionary, Synonyms, and Spanish to English Translator*. Available at: <https://www.lexico.com> (accessed 26.05.2022).
- Real Academia Española: Diccionario de la lengua Española. (2015). Available at: <http://dle.rae.es> (accessed 24.05.2022). (In Spain).
- Rey, A., Chantreau, S. (2003). *Dictionnaire des expressions et locutions*. Paris: Dictionnaires LE ROBERT. 888 p. (In Franc.).
- Sadikov, A. V., Narumov, B. P. (2000). *Spanish-Russian Dictionary of Modern Usage / Diccionario Español-Ruso de Uso Moderno*. Moscow: Russian Language. Available at: https://modern_usage_es_ru.academic.ru (accessed 21.05.2022). (In Russ.).
- Spanish-Russian Phraseological dictionary: 30,000 phraseological units*. (1985). Moscow: Russian language. 1080 p. (In Russ.).
- The National Corpus of the Russian language*. Available at: www.ruscorpora.ru (accessed 22.05.2022). (In Russ.).

References

- Baranov, A. N., Plungyan, V. A., Rakhilina, E. V. (1993). *Guide to discursive words of the Russian language*. Moscow: Pomovsky and Partners. 207 p. (In Russ.).
- Boas, H. C., Ziem, A. (2018). Constructing a constructicon for German: Empirical, theoretical, and methodological issues. In: *Constructicography: Constructicon development across languages*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 183—228.

- Bychkova, P. A. (2020). Discursive confirmation formulas in the typological perspective. *Jezikoslavni Zapiski*, 27: 111—128. (In Russ.).
- Fillmore, C. J., Lee-Goldman, R. R., Rhodes, R. (2012). The FrameNet construction. In: *Signbased construction grammar*. Stanford: CSLI Publications. 309—372.
- Grice, P. (1991). *Studies in the way of words*. Harvard University Press. 406 p.
- Kiseleva, K., Payara, D. (eds.). (1998). *Discursive words of the Russian language: The experience of contextual and semantic description*. Moscow: Metatext. 446 p. ISBN 5-89672-005-X. (In Russ.).
- Kustova, G. I. (2012). About illocutionary phraseology. Meanings, texts and other fascinating stories. In: *Collection of articles in honor of the 80th anniversary of I. A. Melchuk*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 349—366. (In Russ.).
- Onodera, N. O. (2011). The grammaticalization of discourse markers. In: *The Oxford handbook of grammaticalization*. Oxford: Oxford Univ. Press. 614—624.
- Rakhilina, E. V., Bychkova, P. A., Zhukova, S. Yu. (2021). Speech acts as a linguistic category: discursive formulas. *Questions of linguistics*, 2: 7—27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27. (In Russ.).
- Salgueiro, A. B. (2010). Promises, threats, and the foundations of speech act theory. *Pragmatics*, 20: 213—228.
- Searle, J. R. (1976). A classification of illocutionary acts. *Language in Society*, 5: 1—23.
- Sharonov, I. A. (2018). Semantic and pragmatic aspects of the description of introductory words and communicatives. *Bulletin of the Tomsk State University. Philology*, 51: 58—68. DOI: 10.17223/19986645/51/6. (In Russ.).
- Vendler, Z. (1967). *Linguistics in philosophy*. Ithaca, N.Y: Cornell University Press. 203 p.
- Yanko, I. E. (2017). *Communicative strategies of Russian speech*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 384 p. ISBN 5-94457-026-1. (In Russ.).
- Zhukova, S. Y., Orekhov, B. V., Rakhilina, E. V. (2019). Russian discursive formulas: a diachronic approach. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language*, 21: 142—164. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 09.07.2022,
одобрена после рецензирования 21.09.2022,
подготовлена к публикации 03.10.2022.

Каменева В. А. Ассоциативное поле этнонима-стимула *телеуты* в моделировании этнической самоидентификации бачатских телеутов / В. А. Каменева, Н. В. Рабкина, А. П. Картавцева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 40—55. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-40-55.

Kameneva, V. A., Rabkina, N. V., Kartavtseva, A. P. (2022). Associative Field of Ethnonym-Stimulus 'Teleuts' in Ethnic Self-Identification Modeling of Bachat Teleuts. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 40-55. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-40-55. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-40-55

**Ассоциативное поле
этнонима-стимула *телеуты*
в моделировании
этнической
самоидентификации
бачатских телеутов**

Каменева Вероника Александровна¹
orcid.org/0000-0001-8146-9721
доктор филологических наук,
профессор
russia_science@mail.ru

Рабкина Надежда Владимировна¹
orcid.org/0000-0002-6623-6679
кандидат филологических наук, доцент
nrabkina@mail.ru

Картавцева Антонина Павловна²
кандидат педагогических наук, доцент
kolomsvetlana@yandex.ru

¹ Кемеровский
государственный университет
(Кемерово, Россия)

² Филиал Кузбасского государственного
технического университета имени
Т. Ф. Горбачева в г. Прокопьевске
(Прокопьевск, Россия)

**Associative Field
of Ethnonym-Stimulus
'Teleuts'
in Ethnic Self-Identification
Modeling of Bachat Teleuts**

Veronika A. Kameneva¹
orcid.org/0000-0001-8146-9721
Doctor of Philology, Professor
russia_science@mail.ru

Nadezhda V. Rabkina¹
orcid.org/0000-0002-6623-6679
PhD in Philology, Associate Professor
nrabkina@mail.ru

Antonina P. Kartavtseva²
PhD in Pedagogy, Associate Professor,
kolomsvetlana@yandex.ru

¹ Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

² T. F. Gorbachev Kuzbass
State Technical University,
Prokopyevsk Branch
(Prokopyevsk, Russia)

© Каменева В. А., Рабкина Н. В., Картавцева А. П., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассмотрена этническая составляющая, репрезентированная в языковом сознании телеутов — малого коренного народа, проживающего на территории Кемеровской области — Кузбасса. Ассоциативное поле, построенное на основе реакций на этноним-стимул *телеуты*, проанализировано при помощи частеречной и атрибутивной методик и методики ассоциативных этнических портретов, предложенной Т. А. Ершовой. Полученные данные дополняют имеющиеся сведения антропологов, краеведов и культурологов о национальном самосознании телеутов. Доказано, что у телеутов имеется позитивная этническая идентичность. Доминирующее количество ассоциатов на слово-этноним *телеут* имеют комплекс позитивных дополнительных эмоциональных, оценочных и экспрессивных значений. Для участников эксперимента оказалась важной общность на основе семейного родства, переоценки своего этноса, значимость и уникальность которого являются следствием не только наличия развитой системы самобытных обычаев и традиций, но и его малочисленности. Телеуты определяют себя как малочисленный коренной народ, проживающий на территории Кемеровской области, чьи представители являются носителями широкого спектра положительных качеств и собственной уникальной культуры. Перспективным видится моделирование этнической самоидентификации бачатских телеутов на основе сопоставления ассоциативных полей, актуализированных этнонимом и эндоэтнонимами.

Ключевые слова:

ассоциативный эксперимент; этноним; этническое самосознание; психолингвистика; этнолингвистика; телеуты.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The ethnic component, represented in the linguistic consciousness of the teleuts, a small indigenous people living on the territory of the Kemerovo region — Kuzbass, is considered. The associative field, built on the basis of reactions to the ethnonym-stimulus ‘teleuts’, was analyzed using part-of-speech and attributive methods and the method of associative ethnic portraits proposed by T. A. Ershova. The data obtained supplement the available information of anthropologists, local historians and cultural scientists about the national self-consciousness of the teleuts. It is proved that the teleuts have a positive ethnic identity. The dominant number of associates for the word-ethnonym ‘teleuts’ have a complex of positive additional emotional, evaluative and expressive meanings. For the participants in the experiment, it turned out to be important commonality based on family kinship, reassessment of their ethnic group, the significance and uniqueness of which are the result of not only the presence of a developed system of original customs and traditions, but also its small number. The teleuts define themselves as a small indigenous people living on the territory of the Kemerovo region, whose representatives are carriers of a wide range of positive qualities and their own unique culture. Modeling of the ethnic self-identification of the Bachat teleuts on the basis of a comparison of associative fields, actualized by the ethnonym and endoethnonyms, seems promising.

Key words:

association experiment; ethnonym; ethnic identity; psycholinguistics; ethnolinguistics; teleuts.

Ассоциативное поле этнонима-стимула *телеуты* в моделировании этнической самоидентификации бачатских телеутов

© Каменева В. А., Рабкина Н. В., Картавцева А. П., 2022

1. Введение = Introduction

Телеуты — малочисленный коренной народ Российской Федерации, представители которого, по данным переписи населения 2010 года, проживают в основном на юге Кемеровской области — Кузбасса. Разрозненные поселения телеутов также находятся на территории Алтайского края и Республики Алтай. Самая многочисленная группа телеутов проживает в селе Беково Беловского района Кемеровской области, которое по праву можно назвать центром сохранения телеутского языка и объектов материальной и нематериальной культуры данного этноса.

Длительное время телеуты рассматривались только как алтайская субэтническая группа, а не как самостоятельный этнос. А. П. Чемчиева пишет о двух параллельных векторах самоопределения алтайских субэтнических групп, а именно политическом и этническом: «На этническом уровне алтайские субэтноты осуществляли выбор своей этнической идентичности, уточняли ее на уровне группы. На политическом уровне алтайские этнические группы осуществляли выбор новой парадигмы своего политического, социального и экономического развития, нового политико-правового статуса. И этот политический выбор был сделан алтайскими субэтнотами в пользу обретения статуса коренных малочисленных народов. Политический выбор статуса коренных малочисленных народов был обусловлен возможностью сохранения этнических групп, экономической выгодой для представителей этих групп» [Чемчиева, 2017, с. 141].

После получения статуса малочисленного коренного народа Российской Федерации и политической самостоятельности в 1990-х годах не все субэтнические алтайские группы стремятся сохранить этническую самоидентификацию как алтайского этноса [Октябрьская и др., 2021]. Однако есть и те группы, которые, «обладая политической идентичностью коренного малочисленного народа, продолжают считать себя частью как своей этнической группы, так и алтайского этноса в целом» [Чемчиева, 2017, с. 135]. Соответственно, такая ситуация вызывает научный интерес своей новизной и актуальностью.

Обсуждаемые преобразования произошли совсем недавно, поэтому у многих субэтнических групп еще идет процесс этнического самоопреде-

ления, что сказывается и на активизации различных самоназваний (эндоэтнонимов), и на закреплении определенных этнонимов, и на формировании устойчивых ассоциаций с ними.

Рассуждая об этногенезе телеутов и этнонимах, В. М. Кимеев подчеркивает сформированность национального самосознания у телеутов, которые «осознают и называют себя телеутами несмотря на то, что долгое время в паспортах были записаны татарами» [Кимеев, 2017, с. 77]. Ученый добавляет, что «этноним *теле* известен с VI века н. э. как общее наименование племен, кочевавших в Центральной Азии и входивших в древнетюркское государство» [Там же, с. 16]. Это актуально для телеутов, поскольку данный этнос представляет собой потомков «местных притомских кыпчакскокузнецких тюрков и средневековых кочевников-скотоводов “теле”» [Там же, с. 16].

Как указывает Е. А. Шестера, телеуты, проживающие «в Беловском районе Кемеровской области, по рекам Большой и Малый Бачат (пп. Беково (Челухоево), Заречное, Верховская, Шанда, Черта, Каменка, Улус)» [Шестера, 2014, с. 61], известны под названием «бачатские телеуты». Исследователь пишет, что данная группа использует и самоназвание «пайат кижжи» [Там же, с. 61]. В. М. Кимеев пишет о телеутах бачатской группы, что в настоящее время у них идет процесс «закрепления древнего этнонима *телеуты*, но в памяти сохраняется второй — *бачаттар* и третий — *теленгет*» [Кимеев, 2017, с. 23]. Следовательно, представляется актуальным и теоретически значимым выявление отношения у представителей данного народа к указанным этнонимам и эндоэтнонимам для изучения специфики их национального самосознания.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель — изучить потенциал ассоциативного поля этнонима-стимула *телеуты*, актуализирующего этническое самосознание у представителей бачатской группы телеутов.

Методика исследования включает следующие процедуры: 1) проведение направленного ассоциативного эксперимента с этнонимом *телеуты* в качестве слова-стимула; 2) составление ассоциативного поля; 3) интерпретация полученных данных; 4) создание модели этнической самоидентификации телеутов, актуализируемой данным этнонимом.

Привлекались методы ассоциативного эксперимента, моделирования, семной интерпретации ассоциаций, а также методика анализа этнических ассоциативных портретов, предложенная Т. А. Ершовой [Ершова, 1998], для моделирования этнического самосознания телеутов на основе обобщения когнитивных признаков.

Генеральная совокупность исследования составлена на основе данных, полученных в ходе цепочечного ассоциативного эксперимента. В экспери-

менте приняли участие 103 представителя бачатских телеутов (59 — женского пола, 43 — мужского, зафиксирован один отказ от указания гендерной принадлежности). Возраст участников эксперимента — от 8 до 86 лет.

Эксперимент был проведен 2 августа 2022 года во время праздничных мероприятий «Ильдин кун» в селе Беково. Информантам было предложено записать первые четыре ассоциации, которые придут им на ум после прочтения этнонима *телеуты*. Не было зафиксировано ни одного отказа, но некоторые респонденты давали менее четырех ответов. Полученные 293 реакции были обобщены, и на их основе построено ассоциативное поле слова-стимула «Телеуты».

«Ильдин кун» — культурное мероприятие, которое привлекло телеутов со всей Кемеровской области. Особое значение данного культурного мероприятия заключается в том, что было уделено внимание ключевым аспектам телеутской культуры: в ходе мероприятия были организованы фотовыставки, где можно было ознакомиться с историей поселений телеутов, гостей мероприятия угощали блюдами национальной кухни, был проведен конкурс таланта и красоты. Примечательно, что для участниц таких конкурсов зачастую обязательным требованием является владение этническим языком, что в определенной мере стимулирует интерес молодежи к его изучению. Включение танцевальных выступлений в концертную программу способствует сохранению национальных танцев телеутов и национальных костюмов народа. Кроме того, были организованы национальные спортивные игры: состязания по стрельбе из лука, перетягиванию палки, метанию аркана, поднятию камня, национальной борьбе «куреш» и т. д.

Изучение этнического самосознания малых коренных народов входит в ряд актуальных исследовательских направлений современности. Основное внимание данной проблематике уделяют антропологи, краеведы, культурологи, лингвисты и психологи. В исследованиях до 1993 года в основном этническая идентичность телеутов рассматривалась в контексте истории алтайского народа, так как политически телеуты не имели статуса малочисленного коренного народа России до указанной даты. Иными словами, этногенез и культура телеутов как одной из алтайских субэтнических групп хорошо изучены. В связи с этим отметим исследования В. В. Радлова [Радлов, 1866], В. И. Вербицкого [Вербицкий, 1893], Е. П. Батяновой [Батянова, 1990], Д. А. Функа [Функ и др., 1992; Функ, 1993], Л. И. Шерстовой [Шерстова, 2008], Н. Д. Ултургашевой [Ултургашева и др., 2014], В. М. Кимеева [Кимеев, 2016] и др.

К настоящему времени этническая идентичность и этническое самосознание телеутов изучены с культурологических позиций. Тщательно исследованы обрядовые культурные и религиозные традиции телеутов как часть этнического самосознания. Результаты исследований этого аспекта

до сих пор не утратили актуальности, несмотря на то что самые ранние исследования относятся ко второй половине XIX века. Широко известны работы В. В. Радлова [Радлов, 1866] и В. И. Вербицкого [Вербицкий, 1893].

В начале XX века интерес к данной проблематике не угас, научное знание обогатил ряд исследовательских работ Г. М. Токмашева [Токмашев, 1915], Н. П. Дыренковой [Дыренкова, 1926; Дыренкова, 1936], А. Ефимовой [Ефимова, 1926], А. В. Анохина [Анохин, 1929] и др. Рассмотрение вопросов этнической идентичности телеутов было продолжено и во второй половине XX века. Исследователи не только дополняли существующие знания по данному вопросу, но и обращались к аспекту трансформации некоторых обрядовых и религиозных традиций телеутов в новых культурных и социально-исторических условиях. С этих позиций интерес представляют работы В. Т. Сыркашевой [Сыркашева, 1977] и Е. П. Батьяновой [Батьянова, 1990].

Работы психологов и лингвистов, посвященные этнической идентификации и этническому самосознанию телеутов, не так многочисленны, но значимы как источник дополнительных данных. Исследования психологов представлены работами Г. Н. Кригер, М. С. Яницкого, Г. М. Авилова. Ученые обращаются не только к вопросам этнического самосознания телеутов в культурно-исторической парадигме, но и к проблеме их социокультурной идентичности [Яницкий и др., 2005; Кригер, 2010; Кригер, 2013; Кригер, 2015].

Лингвистическое направление представлено работами Г. Е. Крейдлина, М. Дж. Тагаева и исследованиями ученых Кемеровской научной школы: Л. А. Араевой, А. В. Проскуриной, О. Н. Булгаковой, А. Н. Зоболевой, Л. С. Калентьевой, М. Н. Образцовой, К. Д. Андроновой, И. П. Фаломкиной и др. В работах данного направления рассмотрены особенности телеутского языка, а также специфика концептуализации социокультурной информации в языковой картине мира телеутов [Араева и др., 2014а; Араева и др., 2014б; Пропозициональная ..., 2016; Языковая картина ..., 2016].

Соответственно, исследование потенциала ассоциативного поля этнонима-стимула *телеуты*, актуализирующего этническое самосознание у представителей бататской группы телеутов, представляется актуальным и обладает определенной новизной.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Моделирование этнического самосознания телеутов на основе частеречного анализа ассоциатов

Различные части речи позволяют высветить разные признаки одного и того же объекта. Безусловным лидером оказались существительные в именительном падеже: 200 из 293 реакций. Было зафиксировано одно сложное существительное: *женщина-красавица* (1).

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ (199): *народ* (23), *традиции* (10), *национальность* (7), *пельмени* (7), *язык* (7), *Кузбасс* (5), *культура* (5), *нация* (5), *Беково* (4), *кочевник(и)* (6), *камчи* (народная игра) (4), *куреш* (соревнование в стрельбе из лука) (4), *люди* (4), *тюрки* (3), *сила* (4), *друзья* (3), *обряд* / *обряды* (3), *родина* (3), *родня* (3), *семья* (3), *юрта* / *юрты* (3), *дом* (2), *жители* (2), *история* (2), *теле* (древнетюркский этноним племен-предков телеутов) (2), *КМН* (коренные малочисленные народы) (2), *кони* (2), *красота* (2), *кухня* (2), *малочисленность* (2), *мощь* (2), *обычаи* (2), *охотник* (2), *праздники* (2), *родственники* (2), *рыболов* (2), *телеут* (2), *предки* (2), *Чолкой* (название историко-этнографического музея) (2), *бараны*, *благородство*, *блюда*, *внуки*, *воины*, *гора*, *гордость*, *гостеприимство*, *давление*, *девушки*, *деревня*, *дети*, *ДК Беково*, *добро*, *добродота*, *дружба*, *единение*, *интерес*, *катама* (сладкая выпечка), *конина*, *корни*, *костюмы*, *легенда*, *молодцы*, *монголы*, *музей*, *музыка*, *народность*, *наряды*, *паяттар* (самоназвание телеутов), *праздник*, *радость*, *род*, *тель* (в переводе с телеутского слово *тёль* означает 'семья', 'род'), *спортсмены*, *тебек* (народная игра), *телевизор*, *воздух*, *Тёма*, *уважение*, *уверенность*, *ум*, *ущемление*, *фольклор*, *христиане*, *Челухоево*, *эскимосы*.

Реакции-существительные можно разделить на следующие **тематические группы**:

- топонимы: *Кузбасс* (5), *Беково* (4), *Челухоево*;
- антропонимы: *Максим Ускаев*, *Тёма*;
- ойкодомонимы: *Чолкой* (2), *ДК Беково*;
- этнонимы: *телеут*, *теле*;
- обозначения объединений или совокупностей людей по различным принципам (в основном данная группа представлена существительными во множественном числе): географическим и этническим признакам: *народ* (23), *национальность* (7), *родина* (3), *нация* (5), *жители* (2), *КМН* (2), *монголы*, *народность*, *паяттар*, *тюрки*, *эскимосы*; образу жизни: *кочевники* (4); родственным связям: *родня* (3), *семья* (3), *родные* (2), *родственники* (2), *внуки*, *дети*, *корни*, *предки*, *род*, *тель*; взаимным интересам и взглядам на жизнь: *друзья* (3); гендеру: *девушки*; профессии: *воины*, *спортсмены*; религии: *христиане*; оценочному критерию: *молодцы*;
- лексические маркеры компонентов культуры: *традиции* (10), *язык* (7), *культура* (5), *обряд* / *обряды* (3), *праздник* / *праздники* (3), *история* (2), *кухня* (2), *обычаи* (2), *костюмы*, *легенда*, *музыка*, *наряды*, *фольклор*; в данную тематическую подгруппу также входят слова, называющие игры: *камчи* (4), *куреш* (4), *тебек*; еду: *пельмени* (7), *блюда* (2), *катама*, *конина*, *кочо*, *торгом*, *тутмаиш*; традиционные промыслы: *охотник* (2), *рыболов* (2); строения: *юрта* / *юрты* (3), *дом* (2), *музей*; животные: *кони* (2), *бараны*; поселения: *деревня*; ландшафт: *гора*;

— положительные характеристики человека или сообщества: *сила* (4), *красота* (2), *мощь* (2), *благородство*, *гордость*, *гостеприимство*, *добро*, *доброта*, *дружба*, *единение*, *интерес*, *радость*, *уважение*, *уверенность*, *ум*;

— обозначения нейтральных или негативных свойств или действий: *малочисленность* (2), *давление*, *ущемление*;

— ассоциация по сходству звучания: *телевизор*.

Среди перечисленных групп обращает на себя внимание доминирование реакций *народ* (23), *национальность* (7), *нация* (5), *КМН* (2), *теле* (2), *народность*, что согласуется с данными антропологов и краеведов о том, что получение в 1993 году политического статуса малого коренного народа России запустило процесс этнического самоопределения телеутов. Выйдя из конгломерата субэтнических групп алтайского этноса, телеуты формулируют свою этническую принадлежность, концентрируясь на той культурно-исторической ценности, которую они черпают из истории своего этноса, не акцентируя внимание на культурно-политической реальности прошлого века. Это, по-видимому, может объяснить реакции, связанные с этногенезом телеутов: *тюрки*, *монголы*, эндоэтноним *паяттар* (самоназвание телеутов), *теле* — древнетюркский этноним, использующийся для обозначения племен-предков телеутов.

Второй по представленности среди существительных является группа реакций, относящаяся к теме культуры в общем и культуре телеутов, в частности. Несомненно, время и место сбора материала во время праздника могло повлиять на данные эксперимента, но проведение ассоциативных экспериментов на выявление определенных аспектов этнического самосознания во время подобных культурных мероприятий целесообразно и значимо, так как позволяет получить материал, в котором ярче высвечен этнокультурный компонент. Это обусловлено тем, что во время любых этнокультурных мероприятий участники получают возможность осознать себя представителями своего этноса, почувствовать причастность к определенной исторической общности людей и задумываются над необходимостью сохранения своего культурного наследия.

Анализ тематической группы, объединившей внешние признаки и личностные качества представителей этноса, показал смысловые повторы в реакциях, представленных существительными и прилагательными. Например: *сила*, *сильный*, *красота*, *красивый*, *доброта*, *добрый*, *гостеприимство*, *гостеприимный*. Телеуты позитивно оценивают силу и красоту своего народа, выделяют веселый нрав, доброту и гостеприимность. Согласно полученным данным, у телеутов можно рассматривать наличие позитивной этнической идентичности.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ (31): *веселые* (3), *коренной / коренные* (3), *сильные* (3), *активные* (2), *гостеприимные* (2), *добрые* (2), *малочисленный* (2), *род-*

ные (2), верные, зеленый, красивые, оседлые, ответственные, отзывчивые, позитивные, преданные, радужные, спортивные, трудолюбивые, четкие (предположительно в значении 'хороший, правильный, надёжный').

В рамках данной группы можно провести следующую **тематическую классификацию**:

— положительные качества характера по отношению к другим людям: *гостеприимные (2), добрые (2), верные, ответственные, отзывчивые, радужные, преданные*, четкие; по отношению к труду: *активные (2), трудолюбивые*; по отношению к жизни: *веселые (3), позитивные*;

— положительные характеристики внешности: *сильные (3), красивые, спортивные*;

— образ жизни: *коренной / коренные (3), оседлые*.

— количество: *малочисленный (2)*.

— взаимоотношения: *родные (2)*.

— цвет: *зеленый*.

Анализ подтверждает гипотезу о сложившейся позитивной этнической идентичности телеутов. Доминирующее количество лексем, входящих в полученные реакции на слово-этноним *телеут*, имеют комплекс позитивных дополнительных эмоциональных, оценочных и экспрессивных значений. Например: *верные друзья, добрые люди, богатая история, вкусная еда, пельмени вкусные* и др.

МЕСТОИМЕНИЯ (11): я (6), он (2), мы, она, ты. Среди реакций, выраженных местоимениями, доминируют личные местоимения в именительном падеже и притяжательные местоимения в сочетаниях с существительными. Наличие местоимений в ассоциативном поле этнонима свидетельствует о восприятии себя представителем данного этноса, открытом выражении своей национальной идентичности, личностном отношении к вопросу об этнической принадлежности.

СЛОВСОЧЕТАНИЯ (51): составив морфологическую типологию полученных ответов респондентов, охарактеризуем реакции, которые представляют собой синтаксические конструкции:

— существительное с предлогом: *за Кузбасс*;

— прилагательное + существительное: *малочисленный народ (7), коренные жители (5), хорошие люди (3), коренной народ (2), национальная кухня (2), богатая история, Вася маленький и большой, верные друзья, вкусная еда, вымирающая нация, добрые люди, добрый человек, Ильин День, Кемеровская область, коренная малочисленная народность, коренной народ Сибири, кочевой народ, красивые люди, красная книга, музей Чолкой, национальные блюда, национальные игры, малый народ, пельмени вкусные*;

— притяжательное местоимение + существительное: *моя семья, мой народ*;

— числительное + существительное: *2 августа, Три стрелы*;

— развернутое сочетание, высказывание: *стрельба из лука (2), жители села Беково, коренной малый народ, куреш — национальный вид спорта, малочисленный народ Кузбасса, народ с традициями, праздник Ильин день, родились здесь*.

Здесь **тематически** можно выделить:

— обозначения объединений или общностей людей по различным принципам: *малочисленный народ (7), коренные жители (5), хорошие люди (3), коренной народ (2), верные друзья, вымирающая нация, добрый человек, добрые люди, женщина-красавица, жители села Беково, коренная малочисленная народность, коренной малый народ, коренной народ Сибири, кочевой народ, красивые люди, малочисленный народ Кузбасса, малый народ, мой народ, моя семья, народ с традициями, родились здесь*;

— топонимы: *Кемеровская область*;

— антропонимы: *Вася маленький и большой*;

— номинации различных компонентов культуры: *национальная кухня (2), стрельба из лука (2), богатая история, вкусная еда, пельмени вкусные, национальные блюда, Ильин День, праздник Ильин день, музей Чолкой, красная книга, куреш — национальный вид спорта, национальные игры*.

3.2. Моделирование этнического самосознания телеутов на основе обобщения атрибутивных признаков

Полученные ассоциаты на этноним-стимул *телеуты* были проанализированы по тематическим группам, которые отражают определенные стороны восприятия данного этнонима телеутами по тому или иному признаку:

— национальность: *народ, нация, народность, национальность* и т. д.;

— территория: *коренной, родина, Кемеровская область, Кузбасс, Беково, деревня*;

— общность традиций: *культура, национальная кухня, народные забавы* и т. д.;

— родство: *теле, предки, род, семья, тель* и т. д.;

— общность положительных качеств: *трудолюбивые, гостеприимные, сильные, красивые* и т. д.;

— количество: *малочисленный*;

— образ жизни: *кочевой, охотник* и т. д.;

— принадлежность к более крупному объединению: *тюрки*;

— общность отрицательных качеств: *вымирающий*;

— ландшафт: *горы*;

— принадлежность к биологическому виду: *люди*.

Таким образом, для респондентов важна общность по национальному признаку, который они формулировали через понятия, обозначаемые словами *нация*, *народ*, *национальность*, и через категорию территориальной общности. При этом в ответах фигурировали административно-территориальные единицы только Кемеровской области и полностью отсутствовали какие-либо упоминания Алтая. Примечательна также очевидная неактуальность в сознании респондентов характерных черт ландшафта как знака географической привязки для данной этнической общности. Очевидно, что телеуты не осознают себя, например, народом гор, тайги или степи. Гораздо важнее общность на основе семейного родства, переоценки своего этноса и осознания его ценности и уникальности, проистекающих из его малочисленности.

3.3. Моделирование этнического самосознания телеутов на основе обобщения когнитивных признаков

Сформированное ассоциативное поле, выстроенное на основе реакций на этноним-стимул *телеуты*, было изучено по методике анализа этнических ассоциативных портретов, предложенной Т. А. Ершовой [Ершова, 1998], согласно которой поля, формируемые на основе ассоциативного эксперимента, интерпретируются как когнитивные образы, чья многомерность позволяет разделить их на классы и признаки:

— визуально-функциональный класс (реакции, описывающие внешние характеристики), где выделяются гиперпризнаки «сила» и «красота»: *сила* (4), *сильные* (3), *красота* (2), *мощь* (2), *женщина-красавица*, *красивые*, *красивые люди*, *спортивные*;

— ментально-функциональный класс (чувства, эмоциональные состояния): *гордость*, *уверенность*, *дружба*, *единение*, *интерес*, *радость*;

— функциональный класс (деятельность, род занятий): *кочевники* (4), *охотник* (2), *рыболов* (2), *воины*, *спортсмены*;

— партиитивно-аксиологический класс (внутреннее состояние, положительные и отрицательные свойства, черты характера, манера поведения): *веселые* (3), *добрые* (2), *активные* (2), *гостеприимные* (2), *благородство*, *верные*, *верные друзья*, *гостеприимство*, *добро*, *доброта*, *добрые люди*, *добрый человек*, *ответственные*, *отзывчивые*, *позитивные*, *преданные*, *радушные*, *трудолюбивые*, *уважение*, *уверенность*, *ум*, *четкие*;

— статусно-ролевой класс (социальное положение, роль в обществе): *народ* (23), *национальность* (7), *нация* (5), *КМН* (2), *теле* (2), *народность*;

— аффективно-эмотивный (положительное и отрицательное отношение к субъекту, а также термины родства, личные и притяжательные местоимения) и характерологический класс (экспрессивная характеристика субъекта, неформальные выражения свойств, метафоры, имена собственные, иностранные заимствования, случаи семантического переосмысле-

ния): я (6), хорошие люди (3), он (2), *Вася маленький и большой, Максим Ускаев, мой народ, молодцы, моя семья, мы, она, Тёма, ты.*

4. Заключение = Conclusions

Как утверждают отечественные и зарубежные исследователи, в ассоциативном эксперименте регистрируются психологически актуальные смыслы [Пищальникова 2019; Miller et al., 1976]. Ассоциативный эксперимент позволяет высветить особенности восприятия представителями этносов своей идентичности, предоставляя исследователям информацию, хранящуюся в их языковом сознании, недоступном для непосредственного наблюдения. Кроме того, разнообразные методики анализа ассоциативных полей, примененные для составления модели этнической самоидентификации этносов или этнических ассоциативных портретов (в терминах Т. А. Ершовой), дают возможность идентифицировать и обобщить значимые аспекты национального самосознания этносов.

Данные ассоциативного эксперимента позволяют утверждать, что у телеутов имеется позитивная этническая идентичность. Доминирующее количество лексем, входящих в полученные реакции на слово-этноним *телеут*, имеют комплекс позитивных дополнительных эмоциональных, оценочных и экспрессивных значений.

Частеречная методика анализа ассоциативного поля позволяет утверждать, что наиболее значимым аспектом национальной самоидентификации телеутов на современном историческом этапе является осознание себя. Это подтверждает лексический анализ ассоциатов-существительных, составивших самую многочисленную группу среди всех ассоциатов.

Атрибутивная методика анализа ассоциативного поля показала, что на данный момент принадлежность к телеутскому этносу у его представителей связана не с ландшафтом (тайга, лес, горы и т. д.), а с официальными административными границами: телеуты Кемеровской области определяют себя как малочисленный коренной народ со своей собственной культурой, проживающий на территории Кузбасса.

Анализ, проведенный по методике анализа этнических ассоциативных портретов, предложенной Т. А. Ершовой, выявил превалирование визуально-функционального, ментально-функционального и партитивно-аксиологического классов ассоциатов, что также указывает на позитивную этническую идентичность и активный процесс самопознания.

Перспективным и логичным продолжением данного исследования представляется сравнительный анализ данных ассоциативных экспериментов по словам-стимулам *телеут* и *шорец*, проведенных среди представителей этих коренных народов Кузбасса.

Литература

1. *Анохин А. В.* Душа и ее свойства по представлению телеутов / А. В. Анохин // Сборник Музея антропологии и этнографии. — Ленинград : Издательство АН СССР, 1929. — Т. VIII. — С. 253—269.
2. *Араева Л. А.* Фрагмент языковой картины мира телеутов (на материале фрейма «Шаманизм») / Л. А. Араева, М. Н. Образцова, А. И. Зоболева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2014а. — № 29—2. — С. 121—126.
3. *Араева Л. А.* Языковая картина мира телеутов (на материале фрейма «Телеутская свадьба») / Л. А. Араева, И. П. Фаломкина, К. Д. Андропова // Сибирский филологический журнал. — 2014б. — № 4. — С. 238—245.
4. *Батъянова Е. П.* Современная модификация традиционных религиозных представлений и обрядов телеутов / Е. П. Батъянова // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера ; отв. ред. И. С. Гурвич, З. П. Соколова. — Москва : ИЭА РАН, 1990. — С. 132—149.
5. *Вербицкий В. И.* Алтайские инородцы : сб. этногр. ст. и исслед. алтайск. миссионера, протоиер. В. И. Вербицкого, изд. Этногр. отд. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете / В. И. Вербицкий. — Москва : Скоропеч. А. А. Левенсон, 1893. — XIV, 249 с.
6. *Дыренкова Н. П.* Отражение борьбы материнского и отцовского начала в фольклоре телеутов и кумандинцев / Н. П. Дыренкова // СЭ. — 1936. — № 6. — С. 101—115.
7. *Дыренкова Н. П.* Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут ; Н. П. Дыренкова // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР / ред. В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберг. — Ленинград : Издание Комиссии по устройству студенческих этнографических экскурсий, 1926. — Выпуск I. — С. 247—259.
8. *Ершова Т. А.* Русско-немецкие ассоциативные портреты (опыт интерпретации) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Т. А. Ершова. — Москва, 1998. — 149 с.
9. *Ефимова А.* Телеутская свадьба / А. Ефимова // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР ; ред. В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберг. — Ленинград : Издание Комиссии по устройству студенческих этнографических экскурсий, 1926. — Выпуск I. — С. 225—246.
10. *Кимеев В. М.* Исторические судьбы телеутов : учебное пособие / В. М. Кимеев. — Кемерово : КемГУ, 2017. — 142 с. — ISBN 978-5-8353-2175-9.
11. *Кимеев В. М.* Современные этнокультурные процессы у бачатских телеутов / В. М. Кимеев // Алтай — Россия : через века в будущее : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 260-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства и 25-летию образования Республики Алтай (г. Горно-Алтайск, 9—12 июня 2016 г.). — Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2016. — Т. 1. — С. 45—49.
12. *Кригер Г. Н.* Особенности «социального Я» чувашских и телеутских подростков, проживающих на территории Кемеровской области / Г. Н. Кригер // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 3—3 (63). — С. 160—163.
13. *Кригер Г. Н.* Самосознание представителей телеутского этноса : культурно-исторические детерминанты и структурно-содержательные характеристики : монография / Г. Н. Кригер. — Кемерово : КемГУ, 2010. — 125 с. — ISBN 978-5-8353-1032-6.

14. *Кригер Г. Н.* Социокультурная идентичность представителей телеутского и русского этносов / Г. Н. Кригер // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2013. — № 3—1 (55). — С. 152—155.
15. *Октябрьская И. В.* Коренные малочисленные народы в современном этнополитическом пространстве республики Алтай / И. В. Октябрьская, Е. В. Самушкина, В. В. Николаев // Уральский исторический вестник. — 2021. — № 2 (71). — С. 108—117. — DOI: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-108-117.
16. *Пищальникова В. А.* Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики / В. А. Пищальникова // Russian Journal of Linguistics. — 2019. — Т. 23. — № 3. — С. 749—761. — DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761.
17. *Пропозициональная организация терминов некровного родства в телеутском, киргизском и китайском языках* / Л. А. Араева, Л. С. Калентьева, В. С. Кузнецова, М. Дж. Тагаев // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2016. — № 3 (67). — С. 79—85. — DOI: 10.21603/2078-8975-2016-3-79-85.
18. *Радлов В. В.* Образцы народной литературы северных тюркских племен. Подназвания Алтая : алтайцев, телеутов, и лебединских татар, шорцев, саянцев / В. В. Радлов. — Санкт-Петербург : Типография Академии наук, 1866. — Ч. 1. — 419 с.
19. *Сыркашева В. Т.* О плаче по покойному «сыгыте» у бачатских телеутов / В. Т. Сыркашева // Языки народов Сибири / под ред. проф. Е. И. Убрятовой. — 1977. — С. 123—126.
20. *Токмашев Г. М.* Телеутские материалы / Г. М. Токмашев // Труды Томского общества Сибири. — 1915. — Т. 3. — Выпуск I. — С. 62—96.
21. *Ултургашева Н. Д.* Традиционность в повседневной жизнедеятельности современных телеутов (на примере д. Шанда Гурьевского района Кемеровской области) / Н. Д. Ултургашева, Д. В. Новиков, И. Г. Ултургашева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2014. — № 26. — С. 75—85.
22. *Функ Д. А.* Бачатские телеуты в XVII — первой четверти XX века : историко-этнографическое исследование / Д. А. Функ. — Москва : ИЭА РАН, 1993. — 325 с.
23. *Функ Д. А.* Телеуты / Д. А. Функ, Е. П. Батьянова. — Москва : Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1992. — Выпуск XVII. — 270 с.
24. *Чемчиева А. П.* Субэтнические группы алтайцев : противоречия и символы коллективной идентичности / А. П. Чемчиева // Новые исследования Тувы. — 2017. — № 1. — С. 134—150. — DOI: 10.25178/nit.2017.1.9.
25. *Шерстова Л. И.* Томские «выезжие телеуты» : проблемы формирования и этнокультурной эволюции / Л. И. Шерстова // Вопросы археологии и истории Сибири. Памяти профессора А. П. Уманского : сборник трудов конференции (г. Барнаул, 4—6 декабря 2008 г.). — Барнаул : БГПУ, 2008. — С. 68—76. — ISBN 978-5-88210-425-1.
26. *Шестера Е. А.* Телеутский язык : интонация повествовательных и вопросительных высказываний / Е. А. Шестера // Вопросы языкознания. — 2014. — № 2. — С. 61—75.
27. *Языковая картина мира телеутов : монография* / Л. А. Араева, О. А. Булгакова, Л. С. Калентьева, У. В. Керексибесова, Г. Е. Крейдлин, И. А. Крым, В. С. Кузнецова, С. В. Ли, Е. Е. Максакова, М. Н. Образцова, А. В. Проскурина, М. Дж. Тагаев, И. П. Фаломкина, А. А. Шумилова, М. Н. Якучакова-Тарасова, М. А. Шадеева ; науч. ред. Л. А. Араева ; отв. ред. А. В. Проскурина. — Кемерово : КемГУ, 2016. — 236 с. — ISBN 978-5-8353-2091-2.
28. *Яницкий М. С.* Система ценностных ориентаций представителей традиционного типа культуры (на примере телеутского этноса) / М. С. Яницкий, Г. М. Авилов,

Г. Н. Кригер // Ментальность этнических культур : материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 9—10 июня 2005 г.). — Санкт-Петербург : Военмех, 2005. — С. 190—191.

29. Miller G. A. Language and perception / G. A. Miller, P. N. Johnson-Laird. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1976. — 760 p. — DOI: 10.4159/harvard.9780674421288.

References

- Anokhin, A. V. (1929). Soul and its properties according to the representation of teleutov. In: *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography, VIII*. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 253—269. (In Russ.).
- Araeva, L. A., Obraztsova, M. N., Zoboleva, A. I. (2014a). Fragment of the linguistic picture of the Teleut world (based on the material of the frame “Shamanism”). *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 29—2: 121—126. (In Russ.).
- Araeva, L. A., Falomkina, I. P., Andronova, K. D. (2014b). The linguistic picture of the Teleut world (based on the material of the frame “Teleut wedding”). *Siberian Philological Journal*, 4: 238—245. (In Russ.).
- Batyanova, E. P. (1990). Modern modification of traditional religious beliefs and rituals of the Teleut. In: *Traditional ritual and worldview of the small peoples of the North*. Moscow: IEA RAS. 132—149. (In Russ.).
- Chemchieva, A. P. (2017). Subethnic groups of Altaians: contradictions and symbols of collective identity. *New studies of Tuva*, 1: 134—150. DOI: 10.25178/nit.2017.1.9. (In Russ.).
- Dyrenkova, N. P. (1926). Genus, classification system of kinship and marriage norms among Altaians and Teleut. In: *Materials on the wedding and family-clan system of the peoples of the USSR, I*. Leningrad: Publication of the Commission on the arrangement of student ethnographic excursions. 247—259. (In Russ.).
- Dyrenkova, N. P. (1936). Reflection of the struggle of the maternal and paternal principle in the folklore of the Teleuts and Kumandins. *SE*, 6: 101—115. (In Russ.).
- Efimova, A. (1926). Teleutskaya wedding. In: *Materials on the wedding and the family-clan system of the peoples of the USSR, I*. Leningrad: Publication of the Commission on the arrangement of student ethnographic excursions. 225—246. (In Russ.).
- Ershova, T. A. (1998). *Russian-German associative portraits (experience of interpretation)*. PhD Diss. Moscow. 149 p. (In Russ.).
- Funk, D. A. (1993). *Bachata teleouts in the XVII — first quarter of the XX century: historical and ethnographic research*. Moscow: IEA RAS. 325 p. (In Russ.).
- Funk, D. A., Batyanova, E. P. (1992). *Teleuta, XVII*. Moscow: N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. 270 p. (In Russ.).
- Kimeev, V. M. (2016). Modern ethnocultural processes among the Bachat Teleutes. In: *Altai — Russia: through the centuries into the future: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 260th anniversary of the voluntary entry of the Altai people into the Russian state and the 25th anniversary of the formation of the Altai Republic (Gorno-Altaysk, June 9—12, 2016)*. Gorno-Altaysk: RIO GAGU. 45—49. (In Russ.).
- Kimeev, V. M. (2017). *Historical destinies of the Teleut: textbook*. Kemerovo: KemSU. 142 p. ISBN 978-5-8353-2175-9. (In Russ.).
- Krieger, G. N. (2010). *Self-consciousness of representatives of the Teleut ethnos: cultural and historical determinants and structural and content characteristics: monograph*. Kemerovo: KemSU. 125 p. ISBN 978-5-8353-1032-6. (In Russ.).

- Krieger, G. N. (2013). Socio-cultural identity of representatives of the Teleut and Russian ethnic groups. *Bulletin of the Kemerovo State University*, 3—1 (55): 152—155. (In Russ.).
- Krieger, G. N. (2015). Features of the “social Self” of Chuvash and Teleut teenagers living in the Kemerovo region. *Bulletin of the Kemerovo State University*, 3—3 (63): 160—
- Miller, G. A., Johnson-Laird, P. N. (1976). *Language and perception*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 760 p. DOI: 10.4159/harvard.9780674421288.
- Oktyabrskaya, I. V., Samushkina, E. V., Nikolaev, V. V. (2021). Indigenous small-numbered peoples in the modern ethnopolitical space of the Altai Republic. *Ural Historical Bulletin*, 2 (71): 108—117. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-108-117. (In Russ.).
- Pishchalnikova, V. A. (2019). Interpretation of associative data as a problem of psycholinguistics methodology. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3): 749—761. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761. (In Russ.).
- Propositional organization of terms of non-blood kinship in the Teleutian, Kyrgyz and Chinese languages. (2016). *Bulletin of Kemerovo State University*, 3 (67): 79—85. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-3-79-85. (In Russ.).
- Radlov, V. V. (1866). *Samples of folk literature of the northern Turkic tribes. Sub-dialects of Altai: Altaians, Teleutes, and Lebedinsky Tatars, shortsev, Sayantsev, I.* St. Petersburg: Printing House of the Academy of Sciences. 419 p. (In Russ.).
- Shester, E. A. (2014). Teleut language: intonation of narrative and interrogative statements. *Questions of Linguistics*, 2: 61—75. (In Russ.).
- Sherstova, L. I. (2008). Tomsk “traveling teleouts”: problems of formation and ethno-cultural evolution. In: *Questions of archeology and history of Siberia. In memory of Professor A. P. Umansky: proceedings of the conference (Barnaul, December 4—6, 2008)*. Barnaul: BSPU. 68—76. ISBN 978-5-88210-425-1. (In Russ.).
- Syrkasheva, V. T. (1977). About the crying for the deceased “sygyt” at the Bachata teleutes. *Languages of the peoples of Siberia*. 123—126. (In Russ.).
- The linguistic picture of the Teleut world: a monograph*. (2016). Kemerovo: KemSU. 236 p. (In Russ.).
- Tokmashev, G. M. (1915). Teleut materials. *Proceedings of the Tomsk Society of Siberia*, 3 (I): 62—96. (In Russ.).
- Ulturgasheva, N. D., Novikov, D. V., Ulturgasheva, I. G. (2014). Traditionality in the daily life of modern teleouts (on the example of D. Shanda of Guryevsky district of Kemerovo region). *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 26: 75—85. (In Russ.).
- Verbitsky, V. I. (1893). *Altai aliens: collection of ethnographic art. and research. altaysk. missionary, Archpriest V. I. Verbitsky*. Moscow: Skoropech. A. A. Levenson. XIV, 249 p. (In Russ.).
- Yanitsky, M. S., Avilov, G. M., Krieger, G. N. (2005). The system of value orientations of representatives of the traditional type of culture (on the example of the Teleut ethnos). In: *Mentality of ethnic cultures: materials of the international scientific conference (St. Petersburg, June 9—10, 2005)*. St. Petersburg: Voenmeh. 190—191. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.09.2022,
одобрена после рецензирования 20.10.2022,
подготовлена к публикации 25.10.2022.

Никифорова Л. В. Политические метафоры и репутационный образ власти : опыт классификации данных социологического опроса / Л. В. Никифорова, Н. Н. Розанова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 56—74. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-56-74.

Nikiforova, L. V., Rozanova, N. N. (2022). Political Metaphors and the Reputational Image of Power: Experience in Classifying Sociological Survey Data. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 56-74. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-56-74. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-56-74

Политические метафоры и репутационный образ власти: опыт классификации данных социологического опроса

Никифорова Лариса Викторовна^{1,2}

orcid.org 0000-0001-9811-2411

доктор культурологии, профессор

nikiforova_lv@list.ru

Розанова Нина Николаевна³

orcid.org/0000-0002-7243-8197

кандидат педагогических наук, доцент

roznnina@yandex.ru

¹ Российский государственный
педагогический университет
имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

² Академия Русского балета
имени А. Я. Вагановой
(Санкт-Петербург, Россия)

³ Смоленский государственный университет
(Смоленск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке Министерства науки и высшего
образования РФ в рамках государственного
задания. Тема проекта «Репутационное ядро
российской власти: региональные
особенности и факторы формирования».

Код FEMF-2022-0002,

Соглашение 3 075-03-2022-181/2.

Political Metaphors and the Reputational Image of Power: Experience in Classifying Sociological Survey Data

Larisa V. Nikiforova^{1,2}

orcid.org 0000-0001-9811-2411

Doctor of Culturology, Professor

nikiforova_lv@list.ru

Nina N. Rozanova³

orcid.org/0000-0002-7243-8197

PhD in Pedagogy, Associate Professor

roznnina@yandex.ru

¹ The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

² Vaganova Ballet Academy
(St. Petersburg, Russia)

³ Smolensk State University
(Smolensk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation as State Assignment.

Project theme: “The Reputational Core
of the Russian power: regional Regional
Peculiarities and Factors of Formation”.

Code FEMF-2022-0002

Agreement 3 075-03-2022-181/2.

© Никифорова Л. В., Розанова Н. Н., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы классификации политических метафор в порядке подготовки к анализу данных социологического опроса, который проводится коллективом Смоленского университета в 2022 году в регионах России. Изучение репутационного образа власти (ответы респондентов на вопросы: «Как бы Вы нарисовали репутационный образ российской / региональной власти?») проблематизирует принципы классификации. Актуальность исследования в отработке диагностики репутационного образа власти. Новизна исследования в том, что анализ проводился на базе народной метафоризации, а не профессионального политического дискурса, с чем, как правило, имеют дело исследователи политической метафорологии и политической семантики. Эмпирическим материалом для проблематизации классификации стали результаты соцопроса 2021, включавшего аналогичные вопросы. Представлена классификация метафор власти на основе базовых философских категорий и структурных взаимосвязей (пространство/время; живое/искусственно созданное; человек/природа/социум), поскольку такой принцип позволяет охватить реальное разнообразие и многомерность предложенных респондентами образных уподоблений. Результаты исследования народной метафоризации корректируют существующие классификации метафор власти, не вполне совпадают с известными классификациями метафорических моделей власти, также корректируют представления о популярности типичных метафорических моделей.

Ключевые слова:

политические метафоры; народная метафоризация; классификация метафор; социологический опрос.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The questions of classification of political metaphors are considered. This classification is necessary for the analysis of the data of sociological survey, which was conducted by the team of Smolensk University in 2022 in regions of Russia. The study of the reputational image of power (respondents' answers to the questions: "How would you draw the reputational image of Russian / regional power?") problematizes the principles of classification. The relevance of the study in working out the diagnosis of the reputational image of power. The novelty of the study is that the analysis was conducted on the basis of folk metaphorization, rather than professional political discourse, which researchers of political metaphorology and political semantics usually deal with. The empirical material for the problematization of the classification was the results of the sociological survey 2021, which included similar questions. The classification of power metaphors on the basis of major philosophical categories and structural relationships (space/time; living/artificial; human/nature/society) is presented, as such principle allows capturing the real diversity and multidimensionality of figurative likenesses proposed by respondents. The results of the study of folk metaphorization adjust the existing classifications of power metaphors, do not fully coincide with the known classifications of metaphorical models of power, also adjust the ideas about the popularity of typical metaphorical models.

Key words:

political metaphors; folk metaphorization; classification of metaphors; sociological survey.

Политические метафоры и репутационный образ власти: опыт классификации данных социологического опроса

© Никифорова Л. В., Розанова Н. Н., 2022

1. Введение = Introduction

Статья посвящена важному аспекту методологии анализа результатов социологического опроса, который проводится коллективом Смоленского государственного университета в 2022 году в пяти регионах России и посвящен изучению репутации российской власти в целом (официальная государственная и муниципальная власть РФ) и региональной власти (на примере государственной исполнительной власти субъекта РФ). Цель настоящего исследования — выявить степень единства репутационного ядра власти (ее образного компонента) для регионов России с учетом национального (моно- и многонациональность состава), религиозного (моно- и поликонфессиональность) факторов, а также дихотомии «столица — провинция» (опрос 2022 года в республиках Дагестан, Татарстан, Коми, Чеченской республике, Москве и регионах Центрального федерального округа, по сопоставимым данным 2021 года). В современной геополитической обстановке вопросы репутации власти и способы ее диагностики актуальны как никогда прежде. Среди вопросов есть такие: «Если бы Вы могли нарисовать репутационный образ российской власти, что бы Вы нарисовали?», «Если бы Вы могли нарисовать репутационный образ региональной власти, что бы Вы нарисовали?». Ответы на них проблематизируют способы классификации политических образов и метафор.

Эмпирическим материалом для отработки системы классификации стали результаты социологического опроса, проведенного научным коллективом Смоленского государственного университета в 2021 году в других шести регионах, которые отбирались по уровню социально-экономического развития (Калужская, Белгородская, Орловская, Липецкая, Смоленская, Брянская области) и включали аналогичные вопросы. Классификация, сложившаяся на базе указанного эмпирического материала, используется в анализе результатов опроса 2022 года.

Респондентам соцопросов редко предлагают визуализировать свои представления о власти и ее оценке. В тех случаях, когда такое бывало, предлагалось выбрать из ограниченного набора образов (от 10 до 20), заданного исследователем, или создать рисунки по результатам фокусированного интервью и проективного теста [Букреева, 2012, с. 35—39; Шесто-

пал и др., 2019, с. 74—75]. В нашем опросе мы получили 2716 чрезвычайно разнородных ответов. Поэтому первой задачей стала классификация образов, без чего дальнейший анализ этой части анкеты был бы невозможен.

Несмотря на вопрос о визуальном образе власти, мы имели дело с вербальным материалом, который в широком смысле можно считать результатом процедуры метафоризации, поскольку респондентам было предложено выразить свою оценку власти косвенно, через уподобление. И это не в чистом виде политический дискурс, предмет изучения политической лингвистики, семантики, метафорологии [Баранов и др., 1994, с. VII—VIII; Будаев, 2020, с. 27—45; Чудинов, 2001, с. 22—28], а результат народной метафоризации. А. В. Захаров назвал это народными образами власти или уровнем массового сознания, в отличие от его высшего уровня, фиксируемого СМИ, выступлениями политиков, программными документами партий [Захаров, 1998, с. 23].

Еще одна проблема — соотношение вербальной и визуальной составляющей ответов, полученных в форме высказываний, то есть их экфрастичность. Среди предложенных вариантов были образы с очевидной визуализацией (*карта страны / региона, герб, флаг, три толстяка*); с большим потенциалом визуализации, в том числе в формах карикатуры или плаката (*двухглавый орёл с камерами вместо голов, стоящий на спине лежащего человека; спортивная фигура президента поднимает штангу, на которой вместо дисков висят различные проблемы; толпа кричащих людей; небоскреб, где региональная власть на цокольном этаже; начальник за столом*), со слабым потенциалом визуализации (*озеро надежды, ситуация с COVID-19*). Были и генерализующие высказывания, в которых визуальная составляющая проигнорирована (*принятие адекватных указов и решений, повышение уровня жизни населения, взаимодействие губернатора с населением*).

Первичный анализ выявил две большие группы ответов. Первая — это стереотипные образы. Вслед за Е. И. Шейгал можно классифицировать их в виде триады «человек / артефакт / локус как символы власти» [Шейгал, 2005, с. 139]. Это персонификации (*президент, губернатор, Путин, Шاپша, Богомаз*¹), элементы современной и исторической официальной символики и геральдики (*герб, флаг страны или региона, двухглавый орел, трон, корона, скипетр*), локусы власти, в качестве которых выступают здания институтов власти или места городского пространства, где сконцентрированы учреждения власти (*Москва, Кремль, здание Администрации,*

1 В.В. Шапша — губернатор Калужской области, А. В. Богомаз — губернатор Брянской области.

здание суда, площадь Ленина, улица Московская¹). Вторая группа — индивидуально-авторские, условно креативные образы, которые к тому же имеют отчетливые оценочные характеристики, в то время как стереотипные образы чаще нейтральны.

Материалы соцопроса не дают нам креативных метафор в полном смысле слова, которые Р. Рорти определял как использование слова так, как его никто до этого не использовал [Рорти, 1996, с. 52]. Скорее это то, что Дж. Лакофф и М. Джонсон называли необщеупотребительными для данной сферы, выделяя для них три способа формирования [Лакофф и др., 2004, с. 90—91]. Наш материал укладывается в триаду Лакоффа и Джонсона: расширение уже используемой части метафоры (*небоскреб, хрущовка* как расширение фрейма «Дом»); обращение к неиспользуемой части общепринятой метафоры (*кардиограмма* из фрейма морбиальной метафоры); перенос метафор, прежде не использовавшихся для конкретной области опыта (*олень, панда* среди зооморфных метафор). В нашем материале индивидуально-авторских образов в четыре раза больше, чем устойчивых (82,8 % общего числа содержательных ответов), но они же труднее структурируются.

Задача статьи — представить рабочую классификацию индивидуально-авторских, творческих метафор власти, полученных в результате конкретного социологического опроса, показать разнообразие вариантов внутри отдельных фреймов и слотов, а также сделать выводы относительно популярности разных «сфер-источников» метафорических моделей в народной метафоризации власти.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Теоретической опорой классификации стал семанτικο-когнитивный подход, на который опираются политическая метафорология [Баранов и др., 1994, с. XIII—XV; Будаев, 2020, с. 46—68; Чудинов, 2001, с. 39—57] и семантика политического дискурса [Шейгал, 2005]. Оба активно развивающихся направления не только работают с вербальным материалом, но включают в поле интересов невербальные знаки и креолизованные тексты, а также, как правило, широко трактуют метафору, то есть смысловое содержание сравнений и уподоблений здесь важнее качественных характеристик самих метафор [Чудинов, 2013, с. 13—14].

Исследователи политического дискурса, работающие в академическом формате, имеют возможность выбрать наиболее репрезентативные мета-

1 На площади Ленина в Орле находится здание Правительства области, в Брянске — городская администрация. Респондент из Калужской области мог иметь в виду само направление Московской улицы в Калуге или расположенное на ней здание Федеральной налоговой службы.

форы и от чего-то отказаться. В нашем случае требовалось максимально охватить разнообразие, учесть по возможности все высказывания, многие из которых лишь с натяжкой могут быть отнесены к метафорам, даже в широкой трактовке. Поэтому важно было обращение к когнитивной теории общеязыковых метафор [Лакофф и др., 2004].

В меньшей степени, но также исследование опирается на работы, посвященные репрезентации власти [Дорский, 2013, с. 80—104; Никифорова, 2011], политической карикатуре, в том числе семиотике карикатуры [Raimond, 1995, p. 3—12], социально-психологическим аспектам карикатуры [Gombrich et al., 1938, p. 319—342], генеалогии визуальных образов власти [Успенский и др., 2013; Вайс, 2008]. Все эти авторы также работают на пересечении визуального и вербального, анализируют в числе прочего лексику естественного языка, литературные цитаты, пропагандистские клише. В отличие от исследований по политической метафорологии, в политической имагологии, насколько нам известно, не предпринимались попытки создания общей классификации образов, не составлялись сводные словари или энциклопедии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Процедура классификации политических метафор опирается на выявление сфер-источников и сфер-мишеней и на вычленение метафорических моделей, которые и выступают единицами классификации, а они в свою очередь делятся на фреймы и слоты, показывающие разные грани одной сферы-источника метафорической экспансии [Будаев, 2020, с. 156—184]. При построении системы классификации политических метафор обычно лидирует принцип частотности, а результат отличается мозаичностью. Так, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов предлагают следующую последовательность метафорических моделей: «Геометрия», «Персонификация», «Путь», «Строение», «Транспортное средство» [Баранов и др., 1994, с. 1—86]. А. П. Чудинов выделяет сферы «Человек», «Социум», «Природа», «Артефакты» [Чудинов, 2013, с. 58—171].

Однако при решении задачи учесть все возможные варианты полученных высказываний об образах власти складывается довольно целостная картина: пространственные и временные метафоры (подобно базовым философским категориям), органистические и артефактные (как живое и искусственно созданное), зооморфные и фитоморфные (два больших царства живой природы), антропоморфные и социоморфные (отражающую неразрывную связь человека и общества), слово и число (базовые языки концептуализации). В этих координатах представим индивидуально-авторские метафоры, полученные в результате соцопроса 2021 года.

3.1. Метафоры пространства и времени

Пространственные метафоры включают образы, объединенные характеристиками протяженности, объема, формы, удаленности, расположения в трехмерном пространстве:

— метафоры планетарного пространства: *планета*, в том числе *планета с большим количеством людей, планета и люди вокруг нее, мир, карта мира, глобус, Солнце, Луна*;

— атмосферные явления: *небо, облако, горизонт, восход, закат, ветер, вьюга, метель, дождь, гроза, туман*;

— ландшафтные метафоры: *горы, лес, пустыня, поле, поляна, луг, сад, клумба, парк, болото, океан, море, ручей, река, озеро*;

— топографические: *карта страны, границы страны, границы региона*;

— урбанистические, в отличие от приведенных выше не имеющие конкретной номинации города или городского района: *город, район, улица, площадь*, в том числе *мирная улица, площадь, заполненная народом*;

— ориентационные.

Строго говоря, часть ландшафтных метафор может быть отнесена к фрейму органистических, поскольку лес и поле — это территории, объединяющие природные сообщества. Но в общем контексте понятно, что в нашем случае именно пространственные качества образов (простор, теснота, удаленность, величина, глубина) стали источником метафоризации.

Остановимся подробнее на топографической и ориентационной метафорах.

Топографические метафоры политической власти могут быть сведены к двум основным формам — представление о государстве / регионе как о территории и представление о государстве / регионе как о центре (столице) или нескольких центрах, как это было в императорской России (Санкт-Петербург / Первопрестольная) и в СССР (Москва-столица, Ленинград — колыбель революции). Образы территории в равной степени были задействованы в представлениях о российской и региональной власти. Образы российской власти как территории с определенными очертаниями по количеству лишь немного уступают образам власти как *столицы* или *Кремля*. При этом на уровне региональной власти главный город региона редко выбирается как образ власти.

Как показал Б. Андерсон, карта изолированной территории (страны, региона) — мощное средство структурирования политико-географического воображаемого. Главная сила «аватара карты» — непрерывная линия границы и самостоятельная форма, вычлененная из реально непрерывного географического пространства. В отличие от государственной границы, границы региона (области) полностью воображаемы, на них нет шлагбаумов и по-

стов, только дорожные указатели. Но карта позволяет воспринимать границы как реальные. Б. Андерсон видит два типа таких аватаров — карта-путеводитель (с нанесенными ориентирами) и карта-логотип (пазл территории, окрашенный одним цветом, без объяснительных знаков). Каждый тип, но в особенности карта-логотип, считает Андерсон, «глубоко внедряется в массовое воображение», формирует символ идентичности и может служить политическим целям самоопределения [Андерсон, 2016, с. 278—289].

Ориентационная метафора, по Дж. Лакоффу и М. Джонсону, принадлежит к базовым типам метафор в обыденной речи и опирается на первичный жизненный опыт. Ориентационные метафоры связаны с оппозициями «верх — низ», «внутри — снаружи», «передняя сторона — задняя сторона», «глубокий — мелкий», «центральный — периферийный», «простор — теснота». Например, *небо, чистое небо, горизонт, небо перед грозой, дно, дыра, яма*). Положительные коннотации бинарных оппозиций связаны с верхом, лицевой стороной, прямою; низ, задняя сторона, кривизна негативны, что фундировано физическим (эмпирическим) и культурным опытом человека [Лакофф и др., 2004, с. 35—45]. Синкретизм этических, эстетических ценностей и пространственных явлений подтверждается материалом сравнительного языкознания, сохраняется в мифопоэтической модели мира, живет в языке вплоть до наших дней [Никифорова, 2011, с. 9—21].

В целом в нашем материале позитивно окрашенных ориентационных метафор (верх, центр, перед, прямога, простор) больше, чем негативно маркированных (низ, обратная сторона, кривизна, теснота). Но разрыв между ними небольшой. Чаще ориентационные метафоры выбирались для характеристики российской власти, реже — для региональной. Но при соотношении образов (когда и российская, и региональная власть имели приметы ориентационных метафор) возникала оппозиция центр (российская власть) / вместилище (регион). Например, *Солнце / небо, звезда / небо, птица / небо, горы / горизонт*. В целом ориентационные метафоры занимают 3 % от общего числа содержательных ответов.

Образов времени в нашей подборке не так много, они несамостоятельны (включены в высказывания) и связаны с оппозициями быстро / медленно (*несвоевременное разрешение социальных проблем*); прошлое / будущее (*еще брежневских времен самиздатовский сборник анекдотов про власть; современная реальность*).

К органистическим метафорам относятся:

— фитометафоры: *дерево* (в том числе *береза, дуб, липа, елка*), *куст, цветок* (в том числе *ромашка, роза, тюльпан, клевер*), *кактус, лопух, одуванчик; росток, трава, пшеница, зерно, мухомор*;

— зоометафоры (включают образы высших и низших животных, насекомых, пресмыкающихся): *птица, орел, кориун, сова, сокол, дятел, воробей, ворона, голубь, ласточка, журавль, кукушка, петух, курица, страус, попугай, павлин, пингвин; акула, кит, рак, осьминог, рак, рыба, дельфин, черепаха, тюлень; удав, змея, хамелеон, лягушка; клещ, паук, пчела, жук, бабочка; медведь, вол, шакал, заяц, лиса, бык, олень, лань, рысь, белка, бобр, барсук, енот, еж, скунс, лев, тигр, зебра, бегемот, носорог, обезьяны, слон, крокодил, панда; собака, кот / кошка, свинья / поросенок, баран, овцы, козел, конь, осел, корова, кролик; мышь, крыса, сурок, кролик, хомяк;*
— метафоры болезни / здоровья (например, *кардиограмма, раненый лев, птица с раненым крылом, болеющее дерево с огромной кроной и глубокими корнями, коронавирус, человек в маске под дождем, раковая опухоль, ободранный кот* и др.)¹.

Подробнее остановимся на метафорах болезни / здоровья. Сопоставление явления с болезнью, увечьем, смертью называют обобщенно морбиальной метафорой, противоположный вектор сравнения — иногда, но реже, мелиоральной метафорой. А. П. Чудинов считает метафору болезни весьма характерной для политической коммуникации, это поле эмотивных метафор, призванных вызвать у аудитории эмоциональное отношение к явлению, перенести сочувствие к больному или неприязнь к возбудителю инфекции на концептуализируемое явление. Метафорой болезни традиционно определяют врага, чужого, который считается источником проблем в государстве, также существует устойчивая традиция обсуждать экономическую сферу через оппозицию болезни / здоровья (здоровая экономика, например) [Чудинов, 2013, с. 24—25]. Уже доказано, пишет Чудинов, что метафоры болезни преобладают в периоды кризисов, а метафоры цветения — при экономическом росте [Чудинов, 2013, с. 93]. И. В. Телешова показала, что в политическом дискурсе Великобритании и США концепт болезни используется в большей степени для оценки других стран, а «в российском дискурсе — для характеристики своих собственных недугов» [Телешова, 2006, с. 7].

В обыденной коммуникации оценка политической ситуации через метафоры болезни / здоровья вполне привычна. Пласт таких метафор не очень велик в общей массе ответов (1,16 %), но выразителен. Наиболее оригинальны и разнообразны метафоры болезни, ранения, порчи (кроме уже прозвучавших, *больница, болеющее дерево, гниль, гнилое яблоко*). По отношению к российской власти их вдвое больше, чем по отношению к ре-

1 А. П. Чудинов включал метафоры болезни в антропоморфную метафору [Чудинов, 2001, с. 68—78], в ответах наших респондентов морбиальная метафора связана с зооморфной и фитоморфной, а не только атропоморфной и менее детализирована, чем в политическом дискурсе.

гиональной, метафоры здоровья относятся преимущественно к региональной власти (*молодой жеребёнок, который в полной мере не раскрыл себя, сила, улыбающийся человек*).

3.2. Артефактные метафоры

Эта сфера содержит фреймы:

- архитектурно-строительные метафоры: *дом, здание, башня, крепость, сарай, хижина, хрущовка, мост, лестница, столб, крыша, плитус;*
- метафоры машин, механизмов, транспорта, в том числе сломанных / работающих машин и механизмов: *машина / колесо, механизм / шестеренки, скрипучий механизм, болт (забить болт), двигатель, машина, машина из запчастей, Lada за млн, поезд / вагон, локомотив, трактор, ржавый трактор, танк, лодка, корабль, лифт, ракета, самолет, летающая тарелка;*
- прочности / непрочности; порядка / беспорядка: *разруха, бутылка с треснувшим горлышком, хрустальный сосуд, дырявое ведро.*

Архитектурно-строительные метафоры традиционно фигурируют в политическом дискурсе. Н. А. Арутюнова подчеркивала вклад метафорики К. Маркса в актуализацию строительных метафор применительно к политической, экономической, социальной жизни: «эта метафора позволяет выделить в обществе базис (фундамент), различные структуры (инфраструктуры, надстройки), несущие опоры, блоки, иерархические лестницы» [Арутюнова, 1990, с. 14—15]. Чрезвычайно актуальны строительные метафоры были в советскую эпоху, как ответ на реальное строительство в рамках индустриализации, восстановления страны после войны и на идею строительства нового общества в широком смысле. *Перестройкой* был назван переход к постсоветской эпохе, в которой целый ряд политических партий использовали метафору дома («Наш дом — Россия» В. П. Черномырдина). Л. Е. Адясова на материале НКРЯ показала актуальность архитектурно-строительных метафоры в 2000—2010е годы [Адясова, 2014].

В ответах наших респондентов архитектурно-строительные метафоры составляют 6 % от общего числа ответов и 45 % в сфере артефактных метафор. Одна из них — дом — входит в ядро образов власти, как региональной, так и российской. А. П. Чудинов в своем исследовании политической метафоры рассматривает весь комплекс архитектурно-строительных образов как составляющих метафоры дома [Чудинов, 2001, с. 154—163]. На нашем материале есть смысл различать номинации, тем более что «Дом» выступает не только наиболее обобщенным образом строительства, но образом укорененности, устроенности, защищенности, семейно-родственных отношений. А. П. Чудинов включает в метафору дома и предметы обстановки. В нашей подборке, как кажется, *стол, стул* реализуют бюрократическую метафору (о ней ниже), а не метафору дома. Как показывает

Е. П. Дулесов, метафора дома может использоваться «в рамках как конфронтационной, так и кооперативной коммуникативной метафоры» [Дулесов, 2017, с. 273], и подчеркивает, что она часто функционирует в политическом дискурсе в рамках консервативной националистической логики.

В нашей подборке образов власти в большинстве случаев образ дома окрашен нейтрально или отчетливо позитивно, когда, например, подчеркивается благополучие, правильность воображаемой картинки (*дом с огоро- дом и скотом, семья и дом, пара дом / дерево*). Но некоторые респонденты выбирают тревожный образ готового разрушиться дома: *ветхий дом, ста- рый дом, дом из хлипких бревен; дом со стенами из кирпича, но недостро- енный*. Дважды встречается образ *дома престарелых*.

В целом архитектурно-строительные метафоры можно разделить на фреймы «Строения» и «Элементы конструкции», но в качественном от- ношении они могут поддерживать друг друга. Так, и варианты строений, и элементы конструкции дают качественные характеристики образа власти. Так, *крепость, замок, стена* подчеркивают неприступность и, возможно, недоступность власти. Идею иерархии и власти как вертикали воплощают *башня, столб, лестница, крыша*. Образ неустойчивости, непрочности не- суют *шалаш, сарай*, особенно в парах *ветхий дом / сарай*, а пара *золотой дворец / позолоченная дача* претендуют на членство в криминальной (кор- рупционной) метафоре.

3.3. Антропоморфные метафоры

В большинстве своем они представлены словом *человек*, включенным в различные сочетания (в том числе *загадочный человек, сильный человек среди толпы, улыбающийся человек, толстый человек; человечек, кото- рый всеми командует*); фреймом «Части тела» (*голова, рука, нога, фигура*); фантастические и сказочные существа, литературные и анимационные персонажи: *три богатыря, три толстяка, богатырь / дракон, снеговик; лебедь, рак и щука; Гадкий Я; единорог, колобок, баба-яга, Гринч, железн- ый дровосек, неваляшка, Фантомас*. Все три составляющих практически равны по количеству примеров.

3.4. Социоморфные метафоры

Сфера социоморфных метафор включает:

— фрейм «вместилища»: *детский сад, дом престарелых, заводы, тор- говый центр, торжественный зал, больница, шахта, театр, цирк, аква- риум, зоопарк*;

— фрейм социального статуса: *школьник, бабушки во дворе, кузнец, алкоголик, вун*;

— образы бюрократии и делопроизводства (*чиновник, телефон, сло- маный телефон, бумаги*);

— метафоры криминала и коррупции (*мошенники, бандиты, Мавроди, мешок денег, кошелек, конверт*).

Общезыковые метафоры вместилища Дж. Лакофф и М. Джонсон относят к пространственным метафорам, поскольку они связаны с телесной основой опыта, с ориентацией внутри / снаружи, с представлениями о границах пространства и его объеме. Вместе с тем метафоры вместилища связаны с образами событий и действий, которые происходят в их границах [Лакофф и др., 2004, с. 54—58]. В политической метафоре «вместилища» — это нередко социальные институты / учреждения (*театр, цирк, дом престарелых, детский сад*), которые одновременно фигурируют в языке как образы власти. Респондентами были предложены также образы *аквариум, зоопарк*, метафорический потенциал которых обкатан в политическом дискурсе. По Лакоффу и Джонсону, *дом, поляна* — это вместилища. В нашей классификации (вслед за А. П. Чудиновым) дом помещен в архитектурно-строительные метафоры, а поляна — в ландшафтные образы, хотя, строго говоря, поляна может иметь криминальные / коррупционные коннотации.

Остановимся на слоте «Театр, цирк, игра» как самом многочисленном в метафорах вместилища, популярном в политическом дискурсе и в визуальных образах власти, особенно в карикатуре.

Метафорические определения политики и власти через театр широко распространены. Это одна из типичных метафорических моделей власти и политической деятельности. В словаре политических метафор А. Н. Баранова и Ю. В. Караулова приведено немало примеров, определяющих политиков как актеров, роли и амплуа как политические имиджи, народ как зрителей [Баранов и др., 1994, с. 99—100, 168—170]. Выражения типа *политическая арена, политическая сцена, политические марионетки* давно превратились в клише. По словам Е. А. Шейгал, театральная метафора в отношении политики «сопровождается уничижительной коннотацией иронии или сарказма и содержит импликацию “ненастоящности” происходящего, отстраненности от него говорящего. Интенция коммуниканта, представляющего политику через фрейм театра, — показать, что к такой политике не следует относиться серьезно, что она не заслуживает уважения из-за неискренности ее участников» [Шейгал, 2005, с. 88]. То же относится и к языку карикатуры, в которой типичны образы марионеток, шарманщиков, клоунов [Арзамасцева, 2016, с. 9—10; Gombrich et al., 1938, p. 321—322].

В нашей подборке имеются ключевые слова: *цирк, театр, клоун, шут, кукловод, марионетки*, а также связанные с идеей игры и непрочности мяча, *воздушный шар, качели, мыльный пузырь, неваляшка, пазлы*.

Образы делопроизводства и бюрократии составляют 1,8 % содержательных ответов. Ю. Н. Караулов, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал не выде-

ляют бюрократическую метафору в политическом дискурсе, так как слова *бюрократ*, *бюрократия*, *бюрократическая система* объективно в прямом значении соотносительны с властными структурами. Идея бюрократии может получить метафорическое выражение через посредство образов. Слово *чиновник*, которое в широком смысле называет представителя структур власти, часто пробуждает ассоциации с образами паразитирования, соотносится с идеями коррупции, чиновничества и под. «Как известно, — пишет А. П. Чудинов, — государственных служащих в России чаще всего презрительно именуют “бюрократы”, противопоставляя тем самым государственную службу честному труду, демократическим нормам, образу жизни порядочного человека» [Чудинов, 2001, с. 102].

В нашей подборке чиновник реализует слот «персонификация власти». Среди предложений респондентов *чиновники*, *коррумпированные чиновники*, а также *чинуши* — синоним бюрократа, ретрограда, взяточника, карьериста, человека трусливого и заурядного. Один из респондентов предлагает образ *чиновников из «Мертвых душ»* Гоголя. Чиновничество в художественном мире Гоголя, как показал Ю. М. Лотман, представляет собой «непрерывность бумаг, канцелярских оборотов, чиновничьей условности с нулевым содержанием» [Лотман, 1988, с. 251—292]. Если у Гоголя чиновники носят мундиры, то, с позиции опрошенных, современные чиновники — *мужчины в костюме, сером костюме*, а то и просто предлагалась реакция *костюм* как метонимическая отсылка к образу чиновника. Практически половину «образов бюрократии» составляют артефакты делопроизводства — *бумаги, множество бумаг, листы бумаги, ручка, карандаш, ножницы, печатная машинка*. Последний образ предложили молодые по возрасту респонденты (18—25, 26—35 лет), не исключено, что подразумевалось не делопроизводство, а печатание денег, и тогда этому образу место в разделе криминальной метафоры.

3.5. Криминальная метафора

А. П. Чудинов отмечал, что криминальная метафора вообще характерна для российского (советского) политического дискурса, где политические оппоненты принято называть «уголовниками, бандитами, гнусной шайкой» [Чудинов, 2001, с. 96], где тюремные песни стали популярным жанром, где преступник это не обязательно враг, но жертва [Там же, с. 104]. Изучая политические метафоры 1990-х, А. П. Чудинов назвал криминальную метафору одним из сильных концептуальных векторов, но предположил, что скоро «будет меньше образов, проникнутых концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, неискренности и двоемыслия» [Там же, с. 225]. Исследуя политические метафоры 2010-х, А. П. Чудинов подтвердил, что таковые стали использоваться реже и сре-

ди них стало меньше «свежих» метафор [Чудинов, 2013, с. 110], зато они перетекли в другие дискурсы, например в феминистский.

Наш материал подтверждает эти выводы. Из пяти фреймов и десяти слотов, выделенных Чудиновым для 1990-х [Чудинов, 2001, с. 95—104], наши образы складываются в три слота. «Преступники и их специализация» (*мошенники, воровство, обман, Мавроди, Чубайс, бандит*); «Места лишения свободы и их обитатели» (*тюрьма, колючая проволока, кандалы, оковы*); «Орудия деятельности преступников» (*пистолет, бомба*). Вовсе отсутствуют фреймы «Иерархия преступных сообществ», «Жертва», «Быт и жаргон преступного сообщества» и их слотов.

Лексика народной / общественной метафоризации значительно беднее метафор, обнаруженных А. П. Чудиновым при анализе дискурса. Ряд слов изменили коннотации. Так, *крыша*, похоже, лишена криминального значения, а *маска* (криминальная метафора, по Чудинову) после пандемии COVID-19 стала метафорой болезни. И, конечно, криминальную метафору, обладающую сильным агрессивным потенциалом, на нашем материале нельзя считать базовой, как это констатировал А. П. Чудинов для 1990-х. Она составляет всего 1,2 % от общего числа ответов.

Заметим, что в нашей подборке социоморфных метафор практически отсутствуют слоты метафоры семьи, распространенные в высоком политическом дискурсе и в политической карикатуре [Raimond, 1995, с. 37—60].

3.6. Абстрактные символы и геометрические фигуры

Сфера абстрактных образов власти составляет 8 % от общего числа ответов и включает слоты «Геометрические фигуры и тела», «Графики и линии», «Знаки препинания и математические знаки».

Геометрические символы — древнейшие и многозначные элементы визуального языка, они использовались в мифопоэтической, религиозной, геральдической символике и эмблематике, в орнаменте, который первоначально имел магические функции. Геометрические символы продолжают нести символическую нагрузку в современном языке СМИ, политической визуальной риторике, в дизайне брендов и логотипов. В современной культуре широко распространены энциклопедии и словари символов, как в научном, так и в популярном формате, да и в целом, произошла реинкарнация мифологического мышления. Поэтому современные российские граждане, скорее всего, осведомлены хотя бы о некоторых символических значениях геометрических фигур, что и стало, судя по всему, мотивом к выбору их в качестве образов власти.

Шар и его проекция — круг — выражают идею единства, высшего совершенства. Круг в сочетании с крестом символизируют вселенную (центр и четыре стороны света) [Топоров, 1991, с. 273]. Круг в сочетании с ква-

дратом / четырехугольником — знак «горизонтальной проекции мирового древа» или, в более популярном толковании, единства неба и земли. Квадрат — еще и символ равенства, порядка, справедливости. Треугольники и ромбы в сельскохозяйственных культурах символизировали плодородие [Топоров, 1991, с. 273], творящую силу божества, мужское и женское начала; в развитых религиозных системах — триады богов, различные троичные системы (отец — мать — ребенок; тело — душа — дух; любовь — разум — интуиция; начало — середина — конец), христианскую Троицу. Треугольник входил в масонскую эмблематику [Махлина, 2015, с. 137—145], знак всевидящего ока (изображение глаза внутри равностороннего треугольника) изображен на долларовой купюре. Пирамида близка треугольнику по значению, она символизировала гору, восхождение, в «Откровении» Иоанна Богослова пирамида служит основанием Небесному Иерусалиму. Звезда как правильный многоугольник символизирует вечность, совершенство, вселенную.

В политическом дискурсе геометрические символы используются как метафоры с прозрачным содержанием. Таковы *номенклатурный круг* или *линия партии* из словаря А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [Баранов и др., 1994, с. 2]. Наши респонденты использовали геометрические образы скорее как абстрактные символы и в некоторых случаях указали на их предельно общий смысл (*Круг как символ абсолюта*). Как уже говорилось выше, универсальная символика мироздания, свойственная геометрическим фигурам, находит воплощение в образах, сочетающих *круг* (российская власть) и *квадрат* (региональная власть) (10 случаев). Есть примеры изобретения символика единства региона и центральной власти (*большой круг, в котором много маленьких объединённых молекул; круг, но с чем-то внутри; сочетание большого круга и круга поменьше*). Варианты месседжа на языке геометрических символов уточняются сочетаниями образов и могут иметь благопожелательный смысл — *трапеция / желтый* (региональная власть как основание) и *треугольник / синий* (российская власть как наверх). Образы могут содержать и критический посыл: *шар* как метафора российской власти и *мяч* — региональной; *пирамида* российской власти и *дерево* региональной — противопоставление неподвижной громады российской власти и «живой жизни» региона.

О репутационной нагрузке геометрических символов свидетельствуют некоторые комментарии респондентов (*Круг наполненный чем-либо, но не до конца, и вот это наполнение — уровень ее репутации*), устойчивые лексемы (*черный квадрат, замкнутый круг, черная полоса*), сочетание с цветом (*черный круг; квадрат в сочетании с серым или черным*). Так из 25 *квадратов* — эмблем региональной власти — 7 сочетаются с серым или черным цветом, 6 — с зеленым и желтым. *Пирамида* в современных

российских реалиях может быть финансовой — А. П. Чудинов приводит примеры такого рода из 2010-х годов [Чудинов, 2013, с. 215]. В нашей подборке в одном случае фигурирует *иерархическая пирамида интересов* (российская власть), в другом в паре с *пирамидой* предложена *печатная машинка*, возможно, имеется в виду печатание денег. О снижении репутационного образа говорят *вопросительный знак* и *знак неравенства*.

Графики лишь условно можно причислить к абстрактным символам, поскольку уточнения вроде *график с ростом репутации*, *линия уходящая вверх*, *стрелка вверх*, *снижающийся график*, *кривая линия* волне конкретно указывают на оценку репутации респондентами. Возможно, образ графика почерпнут из традиционной бюрократической инфографики или карикатуры, но не исключено, что из современной протестной пропаганды. На видеозаписях протестных акций встречаются размашисто нарисованные графики с ярко-красной стрелкой, направленной вниз.

4. Заключение = Conclusions

Предложенная последовательность сфер-источников отражала целостность и многомерность представлений о власти. Однако если мы расположим их в порядке убывания популярности, последовательность будет иной. На первом месте зооморфная метафора (29 %), на втором пространственная (18 %), на третьем артефактная (14,5 %), на четвертом фитоморфная (12 %), пятое место делят социоморфная метафора и абстрактные образы власти (по 9,5 %), на последнем месте антропоморфная метафора (7,5 %).

Образы и метафоры власти, полученные в результате социологического опроса как индивидуальные высказывания вне заданных научных рамок, представляют широкий спектр сфер-источников и многомерность представлений о власти. Несмотря на то что в них присутствуют типичные метафорические модели, результат народной метафоризации не вполне совпадает с классификациями метафор в политическом дискурсе. Примером тому служат пространственные метафоры, не учитываемые в классификациях политических метафор, не функционирующие в политическом дискурсе, но широко представленные в символике власти и космического порядка. Также показательна в нашем материале малая доля антропоморфных метафор и персонификаций, которые обычно возглавляют классификации метафор в политическом дискурсе.

Литература

1. Адясова Л. Е. Метафора дома в концептуальном представлении СССР и в современном российском медиадискурсе [Электронный ресурс] / Л. Е. Адясова // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 5. — Режим доступа : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14747> (дата обращения 05.01.2022).

2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. — Москва : Кучково поле, 2016. — 286 с. — ISBN 978-5-9950-0421-9.

3. *Арзамасцева Е. Н.* Визуальный образ российской власти в финляндской печати начала XX в. / Е. Н. Арзамасцева // История газетно-журнальной иллюстрации : Сборник статей / Сост. О. Н. Ансберг, Е. С. Сони́на. — Санкт-Петербург : Своё издательство, 2016. — Ч. II. — С. 4—15. — ISBN 978-5-4386-0987-2.

4. *Арутюнова Н. В.* Метафора и дискурс. Вступительная статья / Н. В. Арутюнова // Теория метафоры. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 14—15. — ISBN 5-01-001599-4.

5. *Баранов А. Н.* Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов // Российская акад. наук, Ин-т русского яз. — Москва : Помовский и партнеры, 1994. — 330 с.

6. *Будаев Э. В.* Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев — Санкт-Петербург : Наукоемкие технологии, 2020. — 464 с. — ISBN 978-5-6044793-2-2.

7. *Букреева О. В.* Визуальный аспект восприятия политической власти в России / О. В. Букреева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 5 (19) : в 2-х ч. Ч. II. — С. 35—39.

8. *Вайс Д.* Животные в советской пропаганде : Вербальные и графические стереотипы / Д. Вайс // Политическая лингвистика. — 2008. — № 2 (25). — С. 19—35.

9. *Дулесов Е. П.* «Народ свой отчий строил дом, / слагал Руси державной здание» : метафора дома в дискурсе русских националистов начала XX в. / Е. П. Дулесов // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2017. — Т. 27. — Выпуск 2. — С. 273—279.

10. *Дорский А. Ю.* Эстетика власти / А. Ю. Дорский. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2013. — 295 с. — ISBN 978-5-91419-820-3.

11. *Дробушевский А. И.* Ромбы «целинные» и «засеянные». Геометрический чин знаков в археологических и этнографических памятниках / А. И. Дробушевский, Г. Г. Нечаева // Деснинские древности. Материалы межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф. М. Заверняева. — 2008. — Выпуск 5. — С. 24—33.

12. *Захаров А. В.* Народные образы власти / А. В. Захаров // Полис. Политические исследования. — 1998. — № 1. — С. 23—25.

13. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; Под ред. и с предисловием А. Н. Баранова. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — ISBN 5-354-00222-2.

14. *Лотман Ю. М.* Художественный мир Гоголя / Ю. М. Лотман // В школе поэтического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь. — Москва : Просвещение, 1988. — С. 251—292. — ISBN 5-09-000544-3.

15. *Махлина С. Т.* Семантика масонских символов / С. Т. Махлина // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2015. — Т. 210. — С. 137—145.

16. *Никифорова Л. В.* Чертоги власти. Дворцы в пространстве культуры / Л. В. Никифорова. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб., 2011. — 702 с. — ISBN 978-5-210-01636-2.

17. *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность / Р. Рорти ; Перевод с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. — Москва : Русское феноменологическое общество, 1996. — 282 с. — ISBN 5-7333-0494-4.

18. Телешова И. В. Когнитивное исследование морбиальной метафоры в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / И. В. Телешова. — Челябинск, 2006. — 24 с.
19. Топоров В. Н. Геометрические символы / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. — Москва : Советская энциклопедия, 1991. — Т. 1. — С. 272—273.
20. Успенский В. М. Медведи, Казаки и Русский мороз. Россия в английской карикатуре до и после 1812 года / В. М. Успенский, А. А. Россомехин, Д. Г. Хрусталёв. — Санкт-Петербург : Арка, 2013. — 251 с. — ISBN 978-5-91208-104-0.
21. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Е. И. Шейгал. — Москва, 2005. — 431 с.
22. Шестопал Е. Б. Новые тенденции восприятия власти в России / Е. Б. Шестопал // Полис. Политические исследования. — 2005. — № 3. — С. 137—151. — DOI: 10.17976/jpps/2005.03.12.
23. Шестопал Е. Б. Новые тенденции в восприятии власти российскими гражданами / Е. Б. Шестопал, А. В. Вагина, П. С. Пасс // Политика : Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). — 2019. — № 4 (95). — С. 67—86. — DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-67-86.
24. Gombrich E. H. The Principles of Caricature / E. H. Gombrich, E. Kris // British Journal of Medical Psychology. — 1938. — Vol. 17. — Pp. 319—342.
25. Raimond M. N. The carnivalization of politics : Quebec cartoons on relations with Canada, England and France, 1960—1979 / M. N. Raimond. — Montreal [Que.] : McGill-Queen's University Press, 1995. — 148 p.

References

- Adyasova, L. E. (2014). Metaphor of the house in the conceptual representation of the USSR and in the modern Russian media discourse. *Modern problems of science and education*, 5: Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14747> (accessed 05.01.2022). (In Russ.).
- Anderson, B. (2016). *Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism*. Moscow: Kuchkovo Field. 286 p. ISBN 978-5-9950-0421-9. (In Russ.).
- Arutyunova, N. V. (1990). Metaphor and Discourse. Introductory article. In: *The theory of metaphor*. Moscow: Progress. 14—15. ISBN 5-01-001599-4. (In Russ.).
- Arzamastseva, E. N. (2016). The visual image of Russian power in the Finnish press of the early XX century. In: *The history of newspaper and magazine illustration: A collection of articles, II*. St. Petersburg: Its Publishing House. 4—15. ISBN 978-5-4386-0987-2. (In Russ.).
- Baranov, A. N., Karaulov, Yu. N. (1994). Dictionary of Russian political metaphors. In: *Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Language*. Moscow: Pomovsky and Partners. 330 p. (In Russ.).
- Budaev, E. V. (2020). *Comparative political metaphorology*. St. Petersburg: Science-intensive technologies. 464 p. ISBN 978-5-6044793-2-2. (In Russ.).
- Bukreeva, O. V. (2012). Visual aspect of perception of political power in Russia. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. *Questions of theory and practice*, 5 (19): in 2 ch, II: 35—39. (In Russ.).
- Dorsky, A. Yu. (2013). *Aesthetics of power*. Saint Petersburg: Aleteya. 295 p. ISBN 978-5-91419-820-3. (In Russ.).

- Drobushesky, A. I., Nechaeva, G. G. (2008). Lozenges “virgin” and “sown”. Geometric rank of signs in archaeological and ethnographic monuments. *Desna antiquities. Materials of the interstate scientific conference dedicated to the memory of F. M. Zaverlyayev*, 5: 24—33. (In Russ.).
- Dulesov, E. P. (2017). “The people of their father built a house, / composed the building of Russia”: a metaphor of the house in the discourse of Russian nationalists of the early XX century. *Bulletin of the Udmurt University. The series “History and Philology”*, 27 (2): 273—279. (In Russ.).
- Gombrich, E. H., Kris, E. (1938). The Principles of Caricature. *British Journal of Medical Psychology*, 17: 319—342.
- Lakoff, J., Johnson, M. (2004). *Metaphors that we live by*. Moscow: Unified URSS. 256 p. ISBN 5-354-00222-2. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1988). The artistic world of Gogol. In: *In the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol*. Moscow: Prosveshchenie. 251—292. ISBN 5-09-000544-3. (In Russ.).
- Makhlina, S. T. (2015). Semantics of Masonic symbols. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts*, 210: 137—145. (In Russ.).
- Nikiforova, L. V. (2011). *Halls of power. Palaces in the space of culture*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb. 702 p. ISBN 978-5-210-01636-2. (In Russ.).
- Raimond, M. N. (1995). *The carnivalization of politics: Quebec cartoons on relations with Canada, England and France, 1960—1979*. Montreal [Que.]: McGill-Queen’s University Press. 148 p.
- Rorty, R. (1996). *Chance, irony and solidarity*. Moscow: Russian Phenomenological Society. 282 p. ISBN 5-7333-0494-4. (In Russ.).
- Sheigal, E. I. (2005). *Semiotics of political discourse*. Doct. Diss. Moscow. 431 p. (In Russ.).
- Shestopal, E. B. (2005). New trends in the perception of power in Russia. *Polis. Political studies*, 3: 137—151. DOI: 10.17976/jpps/2005.03.12. (In Russ.).
- Shestopal, E. B., Vagina, A. V., Pass, P. S. (2019). New trends in the perception of power by Russian citizens. *Politiya: Analiz. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)*, 4 (95): 67—86. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-67-86. (In Russ.).
- Teleshova, I. V. (2006). *Cognitive research of morbid metaphor in the modern political discourse of Russia, the USA and the UK*. Author’s abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 24 p. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1991). Geometric symbols. In: *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia, I*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 272—273. (In Russ.).
- Uspensky, V. M., Rossomakhin, A. A., Khrustalev, D. G. (2013). *Bears, Cossacks and Russian frost. Russia in English Caricature before and after 1812*. Saint Petersburg: Arka. 251 p. ISBN 978-5-91208-104-0. (In Russ.).
- Weiss, D. (2008). Animals in Soviet propaganda: Verbal and graphic stereotypes. *Political Linguistics*, 2 (25): 19—35. (In Russ.).
- Zakharov, A. V. (1998). Folk images of power. *Polis. Political studies*, 1: 23—25. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.09.2022,
одобрена после рецензирования 15.10.2022,
подготовлена к публикации 23.10.2022.

Токарев Г. В. Литературные прототипы лингвокультурных типажей туляка / Г. В. Токарев // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 75—91. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-75-91.

Tokarev, G. V. (2022). Literary Prototypes of Linguistic and Cultural Types of Natives of Tula. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 75-91. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-75-91. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-75-91

Литературные прототипы лингвокультурных типажей туляка

Токарев Григорий Валериевич
orcid.org/0000-0002-2362-0902
доктор филологических наук,
профессор
grig72@mail.ru

Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)

Благодарности:

Исследование «Символярный
региональной идентичности»
выполнено за счет средств гранта
Российского научного фонда
№ 22-28-20342
и Правительства Тульской области
(соглашение № 6 от 19 апреля 2022 г.).

Literary Prototypes of Linguistic and Cultural Types of Natives of Tula

Grigoriy V. Tokarev
orcid.org/0000-0002-2362-0902
Doctor of Philology, Professor
grig72@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University
(Tula, Russia)

Acknowledgments:

The study “Symbolary of Regional
Identity”
was funded by a grant
from the Russian Science Foundation
№ 22-28-20342
and the Government
of the Tula Region (agreement No. 6
dated April 19, 2022).

© Токарев Г. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выявляются стереотипные представления о жителе Тулы. Исследуются литературные образы Абрама Булыгина («История города Тулы мещанина Абрама Булыгина, о чудных его на свете похождениях, об охотах, весёлостях, и об работах»), Левши («Левша» Н. С. Лескова) и Тычки («Легенды о мастере Тычке» И. Ф. Панькина). На основе анализа текстовых характеристик персонажей, интерпретации избранных фрагментов трех художественных произведений реконструируются варианты лингвокультурного типажа туляка. Установлено, что в «Истории города Тулы...» Абрама Булыгина репрезентированы особенности самоидентификации туляка в XVIII веке. Выявлено, что одной из главных черт характера туляка является сентиментальность. Туляк обладает практическим умом, рационален и хозяйствен. В сказе Н. С. Лескова «Левша» типизированы такие качества, как практический ум, смекалка, умение вести дела, увлечённость своим занятием, религиозность, преданность делу, Родине, бескорыстность. Наиболее полный и завершённый образ тульского мастера создан И. Ф. Панькиным в «Легендах о мастере Тычке». Туляк — человек мастеровой, деловой, молчаливый, трудолюбивый, смелый, желающий делиться своими знаниями, передать умения своим ученикам, ценящий практические знания, обладающий чувством юмора. В ходе исследования выявлено, что тульская культура маскулинного типа. Житель города в культурном сознании представлен образом искусного мастера, оружейника, кузнеца.

Ключевые слова:

региональная идентификация; символарий; квазисталон; квазимера; лингвокультурный типаж; стереотип.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Stereotyped ideas about the natives of Tula are revealed. The literary images of Abram Bulygin ("History of the city of Tula by the tradesman Abram Bulygin, his wonderful adventures in the world, gaiety and his works"), Lefty ("Lefty" by N. S. Leskov) and Tychka ("Legends of Master Tychka" by I. F. Panikina). Based on the analysis of the textual features of the characters, the interpretation of selected fragments of three works of art, variants of the linguacultural type of Tula are reconstructed. It has been established that in the "History of the city of Tula ..." by Abram Bulygin, the features of self-identification of a native of Tula in the 18th century are represented. It was revealed that one of the main character traits of a native of Tula is sentimentality. Native of Tula has a practical mind, rational and economic. In the tale of N. S. Leskov "Lefty", such qualities as a practical mind, ingenuity, the ability to conduct business, passion for one's occupation, religiosity, devotion to business, Motherland, disinterestedness are typified. The most full and complete image of the Tula master was created by I. F. Panikin in "Legends of Master Poke". Native of Tula is a craftsman, businesslike, silent, hardworking, courageous, willing to share his knowledge, transfer skills to his students, appreciating practical knowledge, having a sense of humor. The study revealed that the Tula culture is of the masculine type. The inhabitant of the city in the cultural consciousness is represented by the image of a skilled craftsman, gunsmith, blacksmith.

Key words:

regional identification; symbolary; quasi standard; quasi-measure; linguacultural type; stereotype.

Литературные прототипы лингвокультурных типажей туляка

© Токарев Г. В., 2022

1. Введение = Introduction

Процесс идентификации заключается в сортировке знаний и знаков культуры на основании культурного таксона «свой / чужой», а его результат состоит в формировании стереотипов, то есть устойчивых представлений, культурных норм [Краткий словарь ..., 1996, с. 177], конфигурации ценностей, отражённых в культурном символярии [Телия, 1999, с. 21]. Региональная идентификация особенно ярко воплощается в стереотипных представлениях о жителях той или иной локации. Кристаллизации устойчивых представлений способствуют литературные произведения, которые типизируют образы, способные стать эталонами регионального характера. Эти образы, с одной стороны, создаются на основе сложившихся представлений, с другой — развивают, стабилизируют их. Типизированные литературные образы можно отнести к лингвокультурным типажам. «Лингвокультурный типаж может конкретизироваться как персонаж художественного произведения. Вместе с тем типаж представляет собой обобщение реально существующих исторических лиц либо вымышленных персонажей» [Карасик и др., 2005, с. 17]. Понятие лингвокультурного типажа предложено В. И. Карасиком: это «... лингвокультурные типажи, узнаваемые образы представителей определённой культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества...» [Там же, с. 8]. В отличие от квазиэталона, который объективирует стереотипное представление об одном из свойств или качеств человека, лингвокультурный типаж воплощает целый комплекс признаков, проявляющихся в поведенческих практиках. В. И. Карасик и О. А. Дмитриева отмечают: «Лингвокультурный типаж строит своё поведение в соответствии с ролевыми предписаниями...» [Там же, с. 12]. Тем самым лингвокультурный типаж призван выразить ту или иную социокультурную роль. О. А. Дмитриева отмечает: «Лингвокультурный типаж является особым типом лингвокультурных концептов, важнейшие характеристики которого состоят в типизируемости определенной личности, значимости этой личности для лингвокультуры, возможности ее как фактического, так и фикционального существования, возможности ее упрощенной и карикатурной репрезентации» [Дмитриева, 2009, с. 55]. Лингвокультурный типаж находит разнообразные средства репре-

зентации: в лексиконе и речевых тактиках, поведении, образе жизни, манере одеваться и т. д. В когнитивной парадигме лингвокультурный типаж можно охарактеризовать как прототип — типичный представитель той или иной категории [Краткий словарь ..., 1996, с. 140—145].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью данной статьи является рассмотрение трёх литературных образов туляка: Абрама Булыгина, Левши, Тычки. К задачам исследования относятся: 1) экспликация специфических черт туляка в каждом из произведений; 2) моделирование регионального характера на основе стереотипных представлений о туляке, воплощённых в художественных произведениях.

Достижение поставленной цели осуществляется следующими методами и приёмами: сплошной выборки фраз, характеризующих литературные персонажи, компонентного анализа значений, интерпретации избранных фрагментов текста. Моделирование черт характера туляка опирается на процесс типизации, под которым мы, вслед за И. А. Мурзиновой, понимаем «вычленение в единицах, накопленных в памяти, постоянных и переменных признаков, то есть становление в сознании модели, образца» [Мурзинова, 2014, с. 4].

Материалом исследования стали три произведения, в которых освещается характер туляка: «История города Тулы мящанина Абрама Булыгина, о чудных его на свете похождениях, об охотах, весёлостях, и об работах», «Левша» Н. С. Лескова, «Легендах о мастере Тычке» И. Ф. Панькина. Избранные тексты созданы в разные эпохи: в XVIII, XIX, XX веках соответственно и соотносятся с разными жанрами. «История...» А. Булыгина представляет собой мемуарное, лирическое повествование автора о собственной жизни, «Левша» Н. С. Лескова — сказ, истории мастера Тычки — легенды. Выбор данных текстов объясняется, во-первых, их тематическими особенностями: все они освещают быт и судьбы жителей Тулы; во-вторых, они никогда не рассматривались в лингвокультурологическом аспекте в целях моделирования регионального типажа, который является результатом процесса идентификации (работы И. Н. Юркина, А. М. Ранчина, А. Д. Макаровой и др. посвящены культурно-историческому и литературоведческому анализу данных текстов [Юркин, 1994; Макарова, 2014; Ранчин, 2018]). Данная проблема является новой для лингвистики. Описание в языковедческих работах особенностей идентификации носит на сегодняшний день фрагментарный характер. Так, П. А. Гончаровым [Гончаров, 2015] предпринято исследование типажа сибиряка в произведениях А. Вампилова.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Отражение характера туляка в «Истории города Тулы...»

А. Булыгина

Автостереотипы как результаты процесса самоидентификации объективируются в текстах с перволичностным повествованием. Нарратор непосредственно воплощает индивидуальное мировосприятие, выражает своё «я». В данном аспекте большой интерес представляет повествование Абрама Булыгина, воспроизводящее особенности самоидентификации туляка в XVIII веке. Этот текст является своего рода автобиографией, написанной в вольном, отчасти лирическом стиле. Как следует из повествования, Абрам Антонович Булыгин происходил из купеческого рода, он обучился оружейному делу и затем работал на тульском казённом заводе. Статус казюка (так называли рабочих этого завода) позволил ему избежать призыва в армию. Позднее ему удалось организовать свою артель, чтобы заниматься проведением увеселительных мероприятий. Хотя Абрам Булыгин в детстве был обучен грамоте, навыками письма и чтения он не обладал, поскольку из-за отсутствия необходимости разучился читать и писать: *При отце и матери в малолетстве обучен был я грамоте, когда отец и мать земли предался, а я с учёной грамотой навек расстался. ... Пятьдесят лет в руки я учёную грамоту не брал, да и забвению предал...* [История ..., 1994, с. 128].

История жизни, рассказанная шестидесятилетним Булыгиным, чудесным образом была записана. Как отмечает И. Н. Юркин, «при участии какого-то неизвестного нам лица рассказы тульского мещанина превратились в письменный текст...» [Юркин, 1994, с. 9]. В жизнеописании запечатлены представления жителя Тулы восемнадцатого столетия о мире. Абрама Булыгина можно считать типичным представителем своего города и времени, поэтому справедливой будет оценка его произведения как воплощения коллективных ценностей. Правдивость своих слов Булыгин подтверждает предварительными замечаниями: *Когда эти книжки кто будет читать — друзья, приятели и незнакомые люди, не сомневайтесь. Ни одного тут слова ложного нет: так написано, как в книге напечатано* [История ..., 1994, с. 74]. Полное название текста отражает ценности рассказчика: «История города Тулы мещанина Абрама Булыгина, о чудных его на свете похождениях, об охотах, весёлостях, и об работах». Обратим внимание, что первое место отведено именно развлечениям, а не работе. Они представляют для героя большую ценность. Рассказчик так хронологизирует свою жизнь: *... десять лет разные работы работал, сорок лет во одной лавке хлебом торговал...* [Там же, с. 105]. Эта фраза эксплицирует представления об обязательности труда, понимание его как неперенной

составляющей жизни. Повествование начинается именно с описания работы. Трудиться герою пришлось с десяти лет. Абрам рассказывает о своих занятиях: *...сапоги, вершки и хомутины шивал...; ...замки и приборы обтирал. К новокорпусным ножам крыжи, бляхи и наконечники обтирал. И всякие разные поделки наждаком чищал, притом на штыки и ножны шивал* [Там же, с. 74—75]. Работа, по мнению героя, делает жизнь спокойной и беззаботной, но однообразной и скучной. Особая веха в жизни Абрама связана с его приходом в Оружейную слободу. Изготовление деталей оружия описано как сложная, тяжёлая и даже опасная для жизни работа: «*...бывало точилом до смерти...*» [Там же, с. 75]. Затем в жизни героя наступают перемены: его увольняют с завода, сажают в тюрьму, хотят отдать в солдаты. Мытарства рассказчика заканчиваются тем, что он бросает свою работу на заводе и уходит служить целовальником в кабак. Целовальник должен был следить за выручкой заведения, которая направлялась в царскую казну. На этом поиски работы не закончились. Торговое дело герой оценивает как грешное: *... торговые дела во грехе замечал...* [Там же, с. 79], — что говорит о его честности и бескорыстности. Проработав у купца два года и не получив жалованья, рассказчик думает снова вернуться на казённую работу, но потом решает остаться в лавке у хозяина. Отношение к труду как к чему-то второстепенному подтверждается тем, что за время работы в лавке Абрам даже не научился считать на счётах. Представления о труде вербализованы номинациями, которые используются как синонимичные: *работа / забота*. Им противопоставлены *светские весёлости*. Именно они являются отдушиной для героя. Он любит петь, музицировать, плясать, слушать сказки, ловить птиц, участвовать в кулачных боях, устраивать фейерверки. В этих занятиях отражена повседневность жителя Тулы, его любимое времяпрепровождение [Шариков, 2016]. Туляки любили разводить голубей. Эта птица стала символом любви и верности: по наблюдениям, голубиная пара создается на всю птичью жизнь. Символизация этой птицы отражает черты регионального характера: сентиментальность, верность чувствам. Кулачный бой был важным событием в жизни города. Как известно, он завершал масленичную неделю и носил, говоря современным языком, компенсаторный характер: помогал человеку избавиться от накопившихся отрицательных эмоций. Абрам хвастает своей удалью, говорит о том, что был предводителем и участвовал в неравных боях. Характерно, что история заканчивается описанием кулачного боя как своего рода финала жизни. Герой расстается со своим любимым занятием — песенной артелью — и отказывается принимать участие в кулачных боях. Положительная интерпретация этих состязаний также отражает особенности регионального характера: умение долго терпеть, сдержанность,

готовность постоять за своих. Главными ценностями для героя остаются веселье, забава: *А я на свете большего богатства не имел, а больше в веселостях разумел* [История ..., 1994, с. 84]. Абрам пишет о своей любви к путешествиям: он ездит в Москву и Петербург смотреть «чуждости» и «отличности», встречается с разными людьми: ... *с сапожниками, с вершечниками, с ямщиками и с старинными деньщиками. С оружейниками: с русскими, с прусскими, с шведскими и немецкими, со азиатскими...* [Там же, с. 87]. Рассказчик скрупулёзно перечисляет все места, в которых он побывал: Кронштадт, Царское Село, Петергоф, Каменный остров, Кунсткамера и др. Всё это свидетельствует об открытости ко всему новому, любознательности, дружелюбности.

Особое место в повествовании составляет «Толкование о чижиной охоте». Как было сказано ранее, туляки были любителями и ценителями птиц. Птица стала для них символом райской жизни, беззаботности и забавы, достатка, семьи и верности. Туляки с любовью относились к певчим птицам, к голубям. С птицей связаны представления о чужом пространстве, иной, экзотической заморской стороне: *И станут они лететь на полуденную сторону опять к морю на своё место* [Там же, с. 94]. Далее следует детальное, пошаговое описание охоты, расстановки сетей, в чём отражается практическое, точное знание туляка: *И выбираем на эвтих полянах древа пристойные. Чтob были двух сажен, а понужнее трёх, и чтob стояли круговиною сажени на три, чтob порожнее место промеж их было. И чистим на этом месте точок, и прибиваем на этом точку сеточные понцы по две сажени длины, по пяти четвертей ширины. И под эвтими крыльями вырыты ямки по два аришина длины, по полуаршину ширины* [Там же, с. 94—95]. Главным жизненным приоритетом для рассказчика является веселье: *Не думал о доме, о жене, о детях, а желал весело жить на свете...* [Там же, с. 105]. В понимании Абрама, веселье — это любимые его занятия: концерты, спектакли, фейерверки, пение, музицирование. Всё это помогает герою вырваться из монотонных будней тяжёлого и однообразного физического труда, рутинных обязанностей обывателя. Трогательно повествование о роспуске песенной артели: прощальном концерте, сжигании музыкальных инструментов и артистических нарядов. На память Булыгин оставляет свою скрипку: ... *Оная скрипка будет на стене висеть, а я буду на неё глядеть...* [Там же, с. 117], — но предводитель разбивает её. Друзья Абрама склеивают скрипку, однако тот решает её сжечь. Этот поступок также подтверждает сентиментальность характера туляка.

Таким образом, в повествовании представлен образ тульского обывателя, в сознании которого противопоставлены работа и отдых. Булыгин не бездельник. Он пытается найти себя в творчестве. Ему присущи качества

лидера: он возглавляет кулачные бои, руководит музыкальной артелью. Абрама Булыгина нельзя отнести к искусным мастерам. Он с неприязнью относится к тяжёлому физическому труду. Разнообразные развлечения кажутся ему отдушиной. Жизнь туляка в восемнадцатом веке — это серые трудовые будни, скрашиваемые редкими праздниками или любимыми занятиями. Абрам Булыгин — сплав типичного и индивидуального. С одной стороны, он живёт жизнью обычного чернорабочего, подмастерья, с другой — скрыто не принимает её, пытается найти себя в творчестве, любимых занятиях. Пожалуй, одной из главных черт характера туляка является сентиментальность, душевность. Для жителя Тулы важно иметь занятие, которое ему будет доставлять удовольствие, отвлекать от тяжёлой работы. Он обладает практическим умом, рационален. В сравнении с образами Левши и Тычки имя Абрама Булыгина не стало прецедентным, эмблемой тульского культурного текста, однако интерес представляет обыденное мировоззрение героя, которое, без сомнения, было типичным. Следует отметить, что, сопоставляя представления о туляке, отражённые в «Истории города Тулы...» Абрама Булыгина, с более поздними, можно сделать вывод о том, что земляк-современник Булыгина не осознавал себя умельцем. По всей вероятности, данный автостереотип сформировался позже.

3.2. Объективация характера туляка в сказе Н. С. Лескова «Левша»

Наибольшую известность получил образ Левши. Именно он стал этапом тульского мастера, оружейника, металлста, гармонщика.

Н. С. Лесков воссоздал образ тульского мастерового в сказе «Левша». Как отмечает Т. А. Павлишак, «Левша — один из символов русского народа» [Павлишак, 2016, с. 134]. Определим типичные черты туляка в этом тексте. Как заключает О. А. Дмитриева, «...лингвокультурный типаж является сгустком ценностных предпочтений языковой личности...» [Дмитриева, 2009, с. 55]. Высшее мастерство Левши подчёркивается тем, что он всё делает левой рукой. По словам И. В. Столяровой, Левша воспринимается как «апофеоз талантливости русского человека, который “все может”» [Столярова, 1996, с. 61]. Мастер имеет неказистый, чудаковатый вид, который выступает контрастным фоном внутреннему миру Левши и его умениям: *... косо́й левша, на щеке пя́тно роди́мое, а на висках волосья́ при уче́нье вы́драны...* [Лесков, 1979, с. 466]. Получая задание, Левша вместе с другими мастерами отправляется в Мценск поклониться иконе Святого Николая Чудотворца. Тульские оружейники — люди набожные, религиозные: *Туляки, люди умные и сведущие в металлическом деле, известны также как первые знатоки в религии. Их славою в этом отношении полна и родная земля, и даже святой Афон: они не только мастера петь с вавилонами, но они знают, как пишется картина «вечерний звон»...* Туляк полон церков-

ного благочестия... [Там же, с. 467]. Левша предан своей вере, считает её наиболее правильной.

Туляки — люди хозяйственные: «...если кто из них посвятит себя большему служению и пойдет в монашество, то таковые слывут лучшими монастырскими экономами, и из них выходят самые способные сборщики...» [Там же, с. 467].

Несмотря на свою мастеровитость, Левша живёт небогато: «Мы люди бедные и по бедности своей мелкокопа не имеем...» [Там же, с. 475]. Хотя у него золотые руки, Левша не скопил состояния. Он относится к своему делу как к искусству, а не как к ремеслу и способу зарабатывания денег.

В сказе о Левше акцент делается на умении тульских мастеров, позволяющем им создать более совершенные изобретения, чем иностранные. А. М. Ранчин отмечает: «Левша — настоящий герой, не чуждый, как и другие тульские мастера, чувства собственного достоинства» [Ранчин, 2018, с. 136]. Т. Ю. Березина и Е. И. Вырвич указывают на погруженность Левши в свое искусство, на то, что во время работы он отдалялся от окружающего мира: «Мужицкая сила мастеровых сконцентрирована в образе потной спирали. Трудясь, они были полностью отстранены от мира» [Березина и др., 2018, с. 30].

С образом Левши связана квазимера [Токарев, 2021, с. 15] мастерства *блоху подковать*, указывающая на уровень искусности. Квазимера подчеркивает природную выучку мастера. Как видим, в сказе эталонизируются иные качества туляка, нежели в повествовании Абрама Булыгина: религиозность, преданность делу и Родине, бескорыстность. Сходными эталонизируемыми чертами являются практический ум, смекалка, умение вести дела. Туляк всегда увлечён своим занятием. В целом же характер туляка Н. С. Лесковым прорисован схематично.

3.3. Отражение характера туляка в «Легендах о мастере Тычке»

И. Ф. Панькина

Заданный Н. С. Лесковым эталон тульского умельца получил развитие в повести о мастере Тычке, написанной И. Ф. Панькиным. В одной из легенд рождение Тычки мифологизируется, а начало признания его как мастера связывается с посещением Тулы Петром I: ... *Когда родился Тычка, про то никто толком не знает. Одни говорят — с первым ударом кузнечного молота о наковальню, другие — позже. Но когда бы он ни появился на свет, а заметили его при Петре I...* [Панькин, 1989, с. 9]. В легендах о мастере Тычке Тула сравнивается с колчаном со стрелами, в основу образа положены представления об искусности тульских мастеров-оружейников.

Тычка — это собирательный образ тульского мастера: ...*Я тоже не учился у мастера Тычки и никогда не видел его. Я полагаю, такого ма-*

стера не было и нет. Тычка — не что иное, как плод фантазии тульских мастеров — личность, хитро и умело нарисованная воображением людей многих поколений, начиная со времен Петра I. Но с детских лет мы так сроднились с легендами о веселом и остроумном мастере Тычке, с торжеством переходящего из века в век, что он нам стал казаться живым. Многие даже в зрелом возрасте не перестают утверждать, что они учились у самого настоящего Тычки, хотя и учились у разных людей и их мастеров звали Макарами, Захарами и прочими именами. Дело в том, что в Туле всех знатных умельцев-виртуозов за глаза называли Тычками [Там же, с. 128].

Имя Тычки представлено в тексте как образованное от нарицательного существительного, обозначающего измерительный инструмент и мотивированного глаголом *тыкать*: *В давние времена на ружейном заводе тычкой называли керн — инструмент для разметки деталей. А наш веселый мастер мог не только на железе, а даже на самой плоской стороне человеческой жизни «откернить» такую деталь, которая людям запоминалась на века* [Там же, с. 60]. Тем самым подчёркиваются профессиональные качества мастера. В отличие от Левши Тычка не изготавливает изделия на глазок.

И. Ф. Панькин так рисует портрет мастера: *У Тычки был облик самого обыкновенного человека. Бородка у него, как у Емельки Пугачева — лопаточкой. Волосы подстрижены скобочкой, ремешком опоясаны. Глаза карие, озорные, и в них всегда светились веселые звездочки. Ничем он не отличался от других мастеров, а если и отличался, может быть, только тем, что, кроме своих ног на ложевой стороне, имел еще четыре табуреточные ножки, которые его с утра до поздней ночи держали у верстака. Да еще на плечах-коромыслах он носил для солидности, как рудничные бабьи, два кулака* [Там же, с. 66]. Как видим, образы Левши и Тычки написаны в одинаковой семантической тональности: внешностью мастера обладали заурядной. Сложение Тычки отражает его профессиональные занятия.

Обобщим стереотипные представления о туляке, воплощённые в «Легендах...». Туляки — люди деловые, молчаливые. Длинные разговоры воспринимаются ими как безделье, пустая трата времени. Для того чтобы отметить увлечённость туляка делом, автор с иронией говорит о коротких прозвищах, которые мастера давали друг другу, чтобы якобы сэкономить время: *Мы, туляки, народ занятой, и зря тарабарить нам недосуг. Мы даже не позволяем себе такой роскоши, чтобы в занятое время называть друг друга длинными и величальными именами. По отчеству наши деды назывались только в престольные праздники и в воскресные дни. Туляки всегда любили короткие имена, чтобы они свободно проходили через горло, не застревали в зубах и пролетали через цех, как пуля: «Чиж-ж! Левша-а! Тычка!»* Да и меня на работе зовут именем короче ружейного залпа — *Ив*, хотя мать по наивности

думала: как только я овладею грамотой, меня будут звать не только полным именем — Иваном, но и по батюшке — Федоровым [Там же, с. 9].

Туляк скромнен: *А кто любит хвалу и чтоб о нем в медные трубы дули, тому нечего делать в Туле. Так говорили наши деды, так говорим и мы [Там же].*

Туляк трудолюбив, он не может представить себе жизнь без дела, в которое он вкладывает свою душу. Его качества оцениваются по желанию чему-то научиться, что-то сделать: *... издавна у нас повелось: когда перед молодым человеком впервые открывают заводские ворота, его не спрашивают, чего доброго принес он в своей душе. Его спрашивают, к какой работе хочет он приложить руки [Там же, с. 13].*

Своего рода символом мастерства туляка являются его руки. Оно проявляется в придумывании чего-то необычного, в выполнении ювелирной работы: *...А вот мой мастер Тычка всегда свои руки держал на виду. К нему на учение тянулось столько мальцов, что если бы он взялся всех выучить, то ему не хватило бы трех жизней. А руки у него были веселые. Он ими мог рассмешить целый город... [Там же, с. 15].*

Чтобы изделие стало уникальным, в него нужно вложить душу: *Могуч тот, кто душой чувствует свое ремесло и владеет многими знаниями. По-моему, таким могучим является мастер Тычка [Там же, с. 32].*

В подтверждение автор рассказывает историю о том, как один фабрикант заказал ко дню рождения своей жены медальон. Тычка выполнил заказ, в центре медальона расположив фабриканта, сидящего в позе царя. На носу изображённого жена рассмотрела царапины. В увеличительное стекло в них гости увидели ещё одно изображение — губернатора, сидящего в конуре в позе собаки. Эта история эксплицирует такие черты в характере туляка, как смелость, независимость, обострённое чувство достоинства, презрение к богатым. Для туляка один авторитет — мастерство. Смелость выражается не только в том, что туляк не боится дать отпор обидчику, но и в планах, замыслах, в намерении создать что-то невероятное. Так, в тульском ментальном пространстве сформировалась ещё одна наивная мера мастерства: *... подковать комара на лету: кроме задумки, каждому творящему человеку нужна та смелость, которой, кажется, ни у кого из нас до сих пор не было. В этом, наверно, и есть секрет мастерства и, наверно, поэтому нам не удастся до сих пор подковать комара на лету... [Там же].*

Не только профессиональные, но и человеческие качества выделяют Тычку. Он добр, желает быть полезным людям, передать им свой опыт и знания. Фигурально Тычка представлен образом дерева, на котором птицы устраивают свои гнёзда: *... Мастер Тычка был как то дерево, на котором птицы вьют гнезда. К нему всегда тянулись люди... [Панькин, 1989, с. 44].*

Тычка открыт для других: ... *Мастер Тычка жил широко и раздольно. А говорят, кто широко живет, тот не запирает ворот...* [Там же, с. 66]. Ещё одним качеством характера мастера Тычки является остроумие и юмор. Тычка всегда найдёт ответ и сможет посмеяться, в том числе и над собой: *Большим шутником был Тычка. Как-то мастера ружейного завода встретились в засечном лесу и расхвастались. Один мастер сказал:*

— *Прошлым летом я сделал такое ружье, которым убил птицу величиной с годовалого бычка. Положили ее на крыло, а другое крыло покрыло весь стол.*

Тычка выслушал его и проговорил:

— *Сколько я ни делал ружей, никогда не приходилось убивать таких птиц, но однажды мне тоже повезло. Иду по лесу, гляжу — у елки лежит яйцо. Разбил его. Хотел размешать ложкой желток, но вдруг уронил ее вовнутрь. Попробовал достать пальцем — не достал. Просунул руку по локоть — не достал. Пришлось нырять за ложкой.*

— *Откуда же в нашем лесу взялось такое яйцо? — спросил мастер.*

— *От той птицы, которую ты убил прошлым летом, — ответил Тычка* [Там же, с. 55].

Тычка смелый, стоит горой за правду: ...*Когда я пришел на завод, то с первого же дня стал поступать так, как советовал он — о хорошем говорить хорошо, о плохом — плохо...* [Там же, с. 93]. Смелость проявляется не только в нежелании склонять голову перед сильными, но и в мастерстве, творчестве, в умении действовать не по шаблону, делать то, что не принято: ...*Хорошим мог бы стать мастером, но нет в тебе смелости. А художник без смелости — не художник. Иди-ка лучше делать замки, пока люди не научились жить без замков...* [Там же, с. 108].

Залогом успеха мастера является желание творить не для собственной выгоды, а для людей: ...*Тульские мастеровые чем отличались от других, они словно жили не для себя, а для памяти людей. Они жили с постоянной надеждой сделать то, что еще никто не делал и никогда не сумеет сделать. Поэтому работали много, зная, что без большого труда себя выразить нельзя* [Там же, с. 110].

Тульские мастера ценят знания, но проверенные на практике: *Ради сохранения святости высочайшего Тульского мастерства, обретенного многими поколениями рабочих людей, они даже установили свой особый закон, в котором говорилось: «Какое бы учебное заведение человек ни закончил, а без проверки его знаний ни один завод к себе на работу не должен брать...»* [Там же, с. 115].

Автор так обобщает символические значения образа Тычки: *Тычка никогда не видел себя, а только других. Недаром его имя стало символом чести, доброты и справедливости рабочего люда* [Там же, с. 132].

Рассказ о Тычке сопровождается авторскими комментариями *как говорили наши деды, издавна повелось* и подобными, подчёркивающими типичность и стабильность описываемых ситуаций, устойчивость стереотипных представлений о туляке.

Таким образом, И. Ф. Панькин создал наиболее полный и завершённый образ тульского мастера, обладающий следующими чертами характера: искусный мастер, деловой, молчаливый, трудолюбивый, смелый, стремящийся передать умения ученикам, ценящий практические знания, обладающий чувством юмора.

4. Заключение = Conclusions

Итак, на основе анализа литературно-художественных региональных текстов мы можем заключить, что тульская культура маскулинного типа, поскольку эталонными образами, обладающими прецедентным характером, в произведениях выступают персонажи-мужчины, коллективное сознание фокусирует внимание на мужском занятии, связанном с обработкой металла. Проанализированные лингвокультурные типажи, сформированные на основе трех литературных образов, различаются. Они воплощают неодинаковые стереотипные черты. Абрам Булыгин относится к работе как к безысходности. Она необходима, чтобы не умереть с голоду. Булыгин негативно оценивает физический труд и находит для себя отдушину в развлечениях: ловле и разведении птиц, путешествиях, участии в спектаклях, музицировании и пении. Булыгин честен, ответствен, трудолюбив, исполнитель. Он человек тонкой душевной организации, хочет наслаждаться жизнью. В типаже Абрама Булыгина показано мироощущение обычного человека из рабочего сословия, то есть в произведении жизнь этого персонажа описана через своего рода приемы саморефлексии. Типажи Левши и Тычки воплощают представления о тульском мастере, сложившиеся у людей, живущих рядом с таким человеком, то есть раскрыто восприятие его со стороны, это своего рода «региональный гетеростереотип». Житель города в культурном сознании представлен образом мастера, оружейника, кузнеца, умельца на все руки. Он самовыражается в труде. В отличие от Булыгина с его особым мироощущением и страстным желанием преодолеть безысходность обыденности развлечениями Левша и Тычка относятся к своему делу как искусству. Типаж Тычки конкретизирует типаж Левши. Ведущим стереотипом выступает туляк как человек мастеровой. Главные его ценности — работа, знание, опыт. Тульский мастер религиозен. К до-

минирующим культурным установкам относятся следующие: цени время, будь предан своей вере и Родине, сочетай труд и отдых. Три рассмотренных типажа обладают и общей чертой: скрытый бунт против обыденности. Но если Булыгин пытается освободиться от гнёта повседневности с помощью весёлостей, то Левша и Тычка — посредством создания уникальных предметов, в которые они вкладывают душу. В центре символярная региональной культуры располагаются эталоны мастера, представленные номинациями *Левша*, *Тычка*, и квазимеры мастерства: *блеху подковать, комара на лету подковать*.

Источники

1. *История* города Тулы мещанина Абрама Булыгина, о чудных его на свете похождениях, об охотах, весёлостях, и об работах. — В книге : Юркин И. Н. Абрам Булыгин : чудности, веселости, “непонятная философия” / И. Н. Юркин. — Тула : Рарус, 1994. — С. 74—128.
2. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина // Краткий словарь когнитивных терминов. — Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — 245 с. — ISBN 5-89042-018-1.
3. *Лесков Н. С. Избранное* / Н. С. Лесков. — Кишинев : Литература артистикэ, 1979. — 672 с.
4. *Панькин И.* Легенды о мастере Тычке / И. Панькин. — Москва : Детская литература, 1989. — 139 с.

Литература

1. *Абашии И.* Политико-философские воззрения Н. С. Лескова : национальная идентичность / И. Абашии // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 2. — С. 495.
2. *Беглова Е. И.* Лексика в произведении Н. С. Лескова «Левша» в аспекте народной русской речи в оппозиции «свое»-«чужое» / Е. И. Беглова // Мир Н. С. Лескова : поэтика, прагматика, стилистика. Сборник докладов участников Национальной научно-практической конференции, посвящённой 190-летию со дня рождения Н. С. Лескова. — Брянск : Издательство БГУ им. И. Г. Петровского, 2021. — С. 81—91.
3. *Березина Т. Ю.* Судьба талантливого человека в России в сказе Н. С. Лескова «Левша» / Т. Ю. Березина, Е. И. Вырвич // Седьмые Сильвестровские педагогические чтения. Духовность и нравственность в образовательном пространстве — фундамент будущего России. Материалы Всероссийской научной конференции. — Омск : Амфора, 2018. — С. 30—33.
4. *Васантада В. Д.* Лингвокультурный типаж как отражение языкового сознания / В. Д. Васантада // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 5. — С. 230—232.
5. *Гончаров П. А.* Сибиряк в персонажной сфере А. Вампилова / П. А. Гончаров, О. В. Чербаева // Современные научные исследования и инновации. — 2015. — № 12 (56). — С. 1009—1020.
6. *Дмитриева О. А.* Ценностные характеристики в структуре лингвокультурного типажа / О. А. Дмитриева // Система ценностей современного общества. — 2009. — № 9. — С. 55—59.

7. *Ибатуллина Г. М.* Исторический миф в рассказе Н. Лескова «Левша» / Г. М. Ибатуллина // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения-2012. Сборник научных трудов : в 2 частях. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, Северо-Западный институт печати, 2013. — С. 122—131.
8. *Ибатуллина Г. М.* Национально-исторический миф и пути его интерпретации в рассказе Н. С. Лескова «Левша» / Г. М. Ибатуллина // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). — 2014. — № 4. — С. 2.
9. *Карасик В. И.* Лингвокультурный типаж : к определению понятия / В. И. Карасик, О. А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика : лингвокультурные типаж. — Волгоград : Парадигма, 2005. — С. 5—25.
10. *Лаптева О. А.* Путь к познанию русского национального характера (по произведению Н. С. Лескова «Левша») / О. А. Лаптева // Педагогический поиск. — 2021. — № 4. — С. 14—16.
11. *Макарова А. Д.* Особенности жанра сказа на примере произведения Ивана Паникина «Легенды о мастере Тычке» / А. Д. Макарова // Мировая словесность для детей и о детях : XIX Всероссийская научно-практическая конференция, Москва, 03—04 февраля 2014 года. — Москва : Литера, 2014. — С. 97—101.
12. *Мурзинова И. А.* Фиксированный лингвокультурный типаж : интегральные и дифференциальные признаки / И. А. Мурзинова // Научный руководитель. — 2014. — № 2 (3). — С. 28—37.
13. *Ощепкова Н. А.* Методы исследования лингвокультурных типажей / Н. А. Ощепкова // Заметки учёного. — 2021. — № 8. — С. 85—88.
14. *Павлишак Т. А.* Лингвокультурологическая интерпретация метафор сказа Н. С. Лескова «Левша» / Т. А. Павлишак // Язык и текст. — 2016. — Т. 3. — № 4. — С. 130—137.
15. *Ранчин А. М.* «Левша» Н. С. Лескова и русская национальная мифология / А. М. Ранчин // Россия XXI. — 2018. — № 3. — С. 114—141.
16. *Столярова И. В.* Лесков и Россия / И. В. Столярова // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений : В 30 т. — Москва : Терра, 1996. — Т. 1 : Сочинения. 1859—1862. — С. 7—100. — ISBN 5-85255-715-3.
17. *Тамуркин С. А.* Из жизни тульских оружейников : голубиная охота / С. А. Тамуркин // История. Историки. Источники : электронный научный журнал. — 2016. — № 3. — С. 109—116.
18. *Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — С. 13—24. — ISBN 5-88766-061-9.
19. *Телия В. Н.* Русская фразеология : семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Яз. рус. культуры, 1996. — 284 с. — ISBN 5-88766-061-9.
20. *Токарев Г. В.* Лингвокультурный символизм : квазисимволы / Г. В. Токарев. — Тула : ТППО, 2021. — 112 с.
21. *Цинк А.* Деконструкция национального дискурса в творчестве Н. С. Лескова / А. Цинк // Филология и культура. — 2017. — № 4 (50). — С. 191—196.
22. *Шариков В. Е.* Повседневная жизнь туляков во второй половине XIX — начале XX в. — Тула : Борус-Принт, 2016. — 268 с. — ISBN 978-5-905154-26-3.

23. Шелковникова Л. Ф. Тернарность как основа мироощущения и миропонимания Н. С. Лескова-художника / Л. Ф. Шелковникова // Культура и текст. — 1997. — № 1. — С. 63—65.

24. Юркин И. Н. Абрам Булыгин : чудности, веселости, “непонятная философия” / И. Н. Юркин. — Тула : Парус, 1994. — 186 с. — ISBN 5-86967-004-7.

Material resources

History of Tula's philistine Abram Bulygin, about his wonderful adventures in the world, about hunting, merriment, and about work. (1994). In: Yurkin, I. N. *Abram Bulygin: miracles, gaiety, “incomprehensible philosophy”*. Tula: Rarus. Pp. 74—128. (In Russ.).

Kubryakova, E. S., Demyankov, V. X., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. (1996). A concise dictionary of cognitive terms. In: *A concise dictionary of cognitive terms*. Moscow: Lomonosov Moscow State University. 245 p. ISBN 5-89042-018-1. (In Russ.).

Leskov, N. S. (1979). *Favorites*. Chisinau: Literatura artistica. 672 p. (In Russ.).

Pankin, I. (1989). *Legends about the master Poke*. Moscow: Children's Literature. 139 p. (In Russ.).

References

- Abashin, I. (2013). Political and philosophical views of N. S. Leskov: national identity. *Modern problems of science and education*, 2: P. 495. (In Russ.).
- Beglova, E. I. (2021). Vocabulary in the work of N. S. Leskov “Lefty” in the aspect of Russian folk speech in opposition “own”-“alien”. In: *The world of N. S. Leskov: poetics, pragmatics, stylistics. Collection of reports of participants of the National Scientific and Practical Conference dedicated to the 190th anniversary of the birth of N. S. Leskov*. Bryansk: Publishing House of the I. G. Petrovsky BSU. 81—91. (In Russ.).
- Berezina, T. Yu., Vyrvich, E. I. (2018). The fate of a talented person in Russia in the tale of N. S. Leskov “Lefty”. In: *Seventh Sylvester pedagogical readings. Spirituality and morality in the educational space are the foundation of the future of Russia. Materials of the All-Russian Scientific Conference*. Omsk: Amphora. 30—33. (In Russ.).
- Dmitrieva, O. A. (2009). Value characteristics in the structure of linguistic and cultural type. *The value system of modern society*, 9: 55—59. (In Russ.).
- Goncharov, P. A., Cherbaeva, O. V. (2015). Sibiryak in the character sphere of A. Vampilov. *Modern scientific research and innovation*, 12 (56): 1009—1020. (In Russ.).
- Ibatullina, G. M. (2013). Historiosophical myth in N. Leskov's story “Lefty”. In: *Print and Word of St. Petersburg. St. Petersburg Readings-2012. Collection of scientific papers: in 2 parts*. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Technology and Design, Northwestern Institute of Printing. 122—131. (In Russ.).
- Ibatullina, G. M. (2014). National historical myth and ways of its interpretation in the story of N. S. Leskov “Lefty”. *Modern studies of social problems (electronic scientific journal)*, 4: P. 2. (In Russ.).
- Karasik, V. I., Dmitrieva, O. A. (2005). Linguocultural type: to the definition of the concept. In: *Axiological linguistics: linguistic and cultural types*. Volgograd: Paradigm. 5—25. (In Russ.).
- Lapteva, O. A. (2021). The path to the knowledge of the Russian national character (based on the work of N. S. Leskov “Lefty”). *Pedagogical search*, 4: 14—16. (In Russ.).

- Makarova, A. D. (2014). Features of the genre of a fairy tale on the example of the work of Ivan Pankin "Legends of the master Poke". In: *World literature for children and about children: XIX All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, February 03-04, 2014*. Moscow: Litera. 97—101. (In Russ.).
- Murzinova, I. A. (2014). Fixed lingovocultural type: integral and differential signs. *Scientific supervisor*, 2 (3): 28—37. (In Russ.).
- Oshchepkova, N. A. (2021). Methods of research of linguocultural types. *Notes of the scientist*, 8: 85—88. (In Russ.).
- Pavlishak, T. A. (2016). Linguoculturological interpretation of metaphors of N. S. Leskov's tale "Lefty". *Language and text*, 3 (4): 130—137. (In Russ.).
- Ranchin, A. M. (2018). "Lefty" N. S. Leskova and Russian national mythology. *Russia XXI*, 3: 114—141. (In Russ.).
- Sharikov, V. E. (2016). *The daily life of Tulyaks in the second half of the XIX — early XX century*. Tula: Borus-Print LLC. 268 p. ISBN 978-5-905154-26-3. (In Russ.).
- Shelkovnikova, L. F. (1997). Ternarity as the basis of N. S. Leskov's attitude and understanding of the world. *Culture and text*, 1: 63—65. (In Russ.).
- Stolyarova, I. V. (1996). Leskov and Russia. In: *Leskov N. S. Complete works: In 30 vols, 1: Essays. 1859—1862*. Moscow: Terra. 7—100. ISBN 5-85255-715-3. (In Russ.).
- Tamurkin, S. A. (2016). From the life of Tula gunsmiths: pigeon hunting. *History. Historians. Sources: electronic scientific journal*, 3: 109—116. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (1996). *Russian phraseology: semantic-pragmatic and linguoculturological aspects*. Moscow: Yaz. rus. Kultury. 284 p. ISBN 5-88766-061-9. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (1999). Priority tasks and methodological problems of the study of the phraseological composition of language in the context of culture. In: *Phraseology in the context of culture*. Moscow: Languages of Russian Culture. 13—24. ISBN 5-88766-061-9. (In Russ.).
- Tokarev, G. V. (2021). *Linguocultural symbolarium: quasi-symbols*. Tula: TPPO. 112 p. (In Russ.).
- Vasantada, V. D. (2013). Linguocultural type as a reflection of linguistic consciousness. *Actual problems of humanities and natural sciences*, 5: 230—232. (In Russ.).
- Yurkin, I. N. (1994). *Abram Bulygin: miracles, gaiety, "incomprehensible philosophy"*. Tula: Rarus. 186 p. ISBN 5-86967-004-7. (In Russ.).
- Zink, A. (2017). Deconstruction of national discourse in the works of N. S. Leskov. *Philology and culture*, 4 (50): 191—196. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.08.2022,
одобрена после рецензирования 04.10.2022,
подготовлена к публикации 17.10.2022.

Шарапова А. А. Становление терминосистемы философии морали в трудах Дж. Локка : новаторство и дань традиции / А. А. Шарапова, Л. А. Манерко // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 92—120. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-92-120.

Sharapkova, A. A., Manerko, L. A. (2022). Formation of Terminological System of Moral Philosophy in Works of J. Locke: Innovation and Tribute to Tradition. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 92-120. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-92-120. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-92-120

Становление терминосистемы философии морали в трудах Дж. Локка: новаторство и дань традиции

Шарапова Анастасия Андреевна
orcid.org/0000-0001-5378-2729
кандидат филологических наук
warapkova@mail.ru

Манерко Лариса Александровна
orcid.org/0000-0003-4288-1603
доктор филологических наук,
профессор
wordfnew@mail.ru

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Благодарности:
Работа поддержана грантом
Российского научного фонда
№ 21-78-10044
«Феномен моральной ответственности»

Formation of Terminological System of Moral Philosophy in Works of John Locke: Innovation and Tribute to Tradition

Anastasia A. Sharapkova
orcid.org/0000-0001-5378-2729
PhD in Philology
warapkova@mail.ru

Larissa A. Manerko
orcid.org/0000-0003-4288-1603
Doctor of Philology, Professor
wordfnew@mail.ru

Lomonosov Moscow
State University
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 21-78-10044
“The Phenomenon of Moral
Responsibility”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается формирование представлений о феномене морали и моральной ответственности в трудах английского мыслителя Джона Локка. Материалом послужили две его работы: «Опыт о человеческом разумении» (“Essay Concerning Human Understanding”) и «Два трактата о правлении» (“Two Treatises of Government”). На основе филологических методов, концептуального и дискурсивного видов анализа, а также процедур, применяемых в корпусных исследованиях, было доказано, что словарь описания морали и моральной ответственности в английском языке сформировался к концу XVII века и огромную роль в этом процессе сыграл Джон Локк. Хотя языковые средства описания категорий морали опирались на дискуссии мыслителей предшествующих эпох, Локк сделал попытку переосмыслить существующую лексику для нужд создания целостной системы понятий и терминологического аппарата философии морали. Новизна исследования видится в том, что впервые использована комплексная методика анализа текстов Локка с применением количественных методов и тщательным изучением предшествующего культурно-исторического контекста. Исследованы ключевые лексические единицы в текстах Локка, а также в публикациях предшествующих двух столетий. Доказано, что морально-этический философский дискурс ученого сформировался на основе лексики религиозного дискурса и частично философского дискурса, а также нейтральных слов, не ассоциировавшихся с каким-либо дискурсом.

Ключевые слова:

моральная ответственность; философский дискурс; корпусная лингвистика; концептуальный анализ; формирование терминосистемы; Джон Локк.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The formation of ideas about the phenomenon of morality and moral responsibility in the works of the English thinker John Locke is considered. Two of his works served as the material: “Essay Concerning Human Understanding” and “Two Treatises of Government”. On the basis of philological methods, conceptual and discursive types of analysis, as well as procedures used in corpus studies, it was proved that the vocabulary of describing morality and moral responsibility in English was formed by the end of the 17th century and John Locke played a huge role in this process. Although the linguistic means of describing the categories of morality were based on the discussions of thinkers of previous eras, Locke made an attempt to rethink the existing vocabulary in order to create an integral system of concepts and terminological framework of moral philosophy. The novelty of the study is seen in the fact that for the first time a complex methodology for analyzing Locke’s texts was used with quantitative methods and a thorough study of the previous cultural and historical context. The key lexical units in Locke’s texts, as well as in publications of the previous two centuries, have been studied. It is proved that the moral and ethical philosophical discourse of the scientist was formed on the basis of the vocabulary of religious discourse and partially philosophical discourse, as well as neutral words that were not associated with any discourse.

Key words:

moral responsibility; philosophical discourse; corpus linguistics; conceptual analysis; terminology formation; John Locke.

Становление терминосистемы философии морали в трудах Дж. Локка: новаторство и дань традиции

© Шарাপкова А. А., Манерко Л. А., 2022

«Язык — это путеводитель, приобретающий всё большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры» [Сепир, 1993, с. 437]

1. Введение = Introduction

Данная работа посвящена комплексному анализу концептуальных представлений о морали и их вербализации в научной прозе английского философа Джона Локка (1632—1704). В трудах Локка можно наблюдать зарождение новой терминологии, опосредующей осмысление морали в философском дискурсе XVII века. Ученый вступает в диалог с предшественниками, опираясь на существовавшие ранее дискурсивные традиции, обосновывает собственное видение феномена моральной правильности или порочности и далее — моральной ответственности.

Феномен моральной ответственности является одновременно одним из наиболее сложно очерченных комплексных понятий в философии и удивительно легко определяемым явлением в обыденной речи. При этом моральные нормы и правила поведения, приличествующие индивидуумам в определенном обществе, являются социокультурным и дискурсивным конструктом, выражаемым при помощи языка и формирующимся в языке. Возможно, именно поэтому попытки построения некой общей философии морали и объяснения правильного / неправильного в понимании человеческой природы и поиск моральных универсалий (*moral universals*) оказались столь сложны. А размышления о наличии некоторого присущего всем морального чувства (*moral sense*) оказались в значительной степени опосредованными языком и определенным образом «встроенными в наше сознание» [Wierzbicka, 2007, с. 67], что требовало не только изучения основ или принципов морали, но понимания языка, посредством которого они могут быть описаны. В философии понятие морали также выстраивается опосредованно, через формирование сложной системы представлений о человеке как целостной личности в тесной связи с обществом. Е. В. Логинов и другие ученые подчеркивают, что моральная ответственность представляет собой «целостную картину», в которой есть место нравственной действительности и моральной психологии [Пролегомены ..., с. 11], а также

выступает как «традиционный концептуальный симптом тождества личности» [Логинов, 2020, с. 174], выводящий на обсуждение более сложных философских проблем — тождества личности и свободы воли.

В настоящем исследовании мы бы хотели показать, как представления о моральной правильности или порочности, а также о моральной ответственности вербализованы в текстах Дж. Локка и какая культурная или дискурсивная традиция стоит за выбором того или иного словосочетания и его последующей терминологизацией. Выбор работ Дж. Локка обусловлен его огромным влиянием как на своих современников, так и на последующую рецепцию Просвещения в целом. Именно поэтому он по праву считается основателем Века Разума, который «повлиял на интеллектуальный климат Европы», мыслителем, «равным Исааку Ньютону по влиянию на науку», озаменовавшему новую эру в физике [Hargreaves-Mawdsley, 1973, с. 23].

При определяющем влиянии Дж. Локка на становление английской философии его роль как авторитета в становлении английского научного языка и вклад в формирование терминологического аппарата философских наук недостаточно исследованы до сих пор. Ранее при помощи метода когнитивной лингвистики — анализа образ-схем (image schemas) — были проанализированы ключевые слова и словосочетания, описывающие сознание и мыслительные процессы (mind, reason / reasoning / thinking, understanding, consciousness) в тексте Локка [Sharapkova et al., 2019], и это позволило предположить, что представления о человеческом мышлении лежат в основе его концепции морали.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью изучить одновременное становление понятийного аппарата и терминологии описания морали в диахронии в контексте влияния различных дискурсивных практик, исторических и культурных процессов и становления английского научного языка.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основным объектом изучения в данной работе стали произведения Дж. Локка «Опыт о человеческом разумении» (“Essay Concerning Human Understanding”, 1689) и «Два трактата о правлении» (“Two Treatises of Government”, 1689), которые для удобства применения количественных методов корпусной лингвистики были загружены в корпусный менеджер Sketch Engine.

Также были проанализированы 17 книг XV—XVII веков, извлеченных из Google Books, опубликованных в предшествующие два столетия, привлекаемых для сравнения словоупотребления и семантики ключевых слов и словосочетаний. Из них вручную были извлечены контексты употребле-

ния интересующих нас слов и словосочетаний в собственно философских, религиозных и научных текстах. Всего было проанализировано около 400 примеров употребления, однако в данной работе приводятся наиболее репрезентативные контексты.

Методологической основой настоящего исследования является сочетаемость ключевых слов морально-этической сферы в составе субстантивных коллокаций, описываемая в соответствии с понятием «внешней» валентности [Манерко, 1993; 2001] (в отличие от «внутренней» валентности, наблюдаемой в составе сложного слова). Этот анализ был предложен для выявления контекстов языковой единицы с точки зрения компьютерно-статистических данных. Он получил развитие в настоящее время в компьютерной лингвистике на основе использования комплексного программного обеспечения Sketch Engine [Sketch Engine], в рамках которого созданы условия для управления корпусом, создания собственных корпусов текстов и дальнейшей обработки сочетаемости единиц в составе конструкций. Анализ учитывает следующие меры: t-score (t-test), MI (mutual information), MI3, MI-log-prod (MI.log_f), minimum sensitivity, loglikelihood ratio, Dice (logDice), MI.log_f (см. подробнее об этом [Rychlý, 2008]; применение в анализе текстов на русском языке [Захаров и др., 2014]). Помимо методов корпусной лингвистики, в работе применены положения когнитивной лингвистики, которые помогают раскрыть природу представлений о сущности морали в текстах Дж. Локка, а также учесть данные дефиниционного, этимологического, семантического, концептуального и дискурсивного видов анализа.

Для понимания основных положений философии морали Дж. Локка в контексте основных идей Просвещения в следующем разделе мы охарактеризуем наиболее частотные ключевые единицы, используемые философом для характеристики человеческого поведения как воплощения правильности или неправильности с точки зрения морали, проследим изменение значений слов в контексте оформления собственно научного, философского понимания концепции морали.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Философия морали Дж. Локка в контексте Просвещения

Обращение к философии Просвещения для изучения феномена морали и моральной ответственности не является случайным, так как важным ее достижением являлось не просто «открытие человека» как личности, «триумф знания над невежеством, добродетели над пороком и свободы над рабством» [Rush, 1951, с. 471], но вера в прогресс посредством разума, который может определить, что представляют собой моральное благо и добродетель. Более того, «теоретическим и методологическим основани-

ем моральной философии Локка стала его теория познания» [Гурьевская, 2006, с. 9], в центре которой находится представление о человеческой личности, осознающей себя ответственной за свои поступки и действия.

Интерес Дж. Локка к проблемам морали был частично обусловлен его опытом преподавательской работы и обстоятельствами его интеллектуально-го окружения. С 1661 по 1662 годы он преподавал греческий язык и риторику в колледже Крайст-Черч в Оксфорде, что позволило ему подробно ознакомиться с представлениями о морали народов античного мира и разных культур. Работа в качестве цензора моральной философии там же в 1663 году накладывает отпечаток на его взгляды: в его обязанности входит чтение лекций по основам морали будущим англиканским священникам [Marshall, 1994].

Интерес Локка к проблемам морали обусловлен также беседами в узком интеллектуальном кружке, который объединил ученого и его друзей, желающих разобраться в основных понятиях математики, физики, химии и медицины [Schoorman, 2003], чьи достижения развивали науку того времени, а также оказывали влияние на исходные принципы религии, морали и права [Ashcraft, 1991].

В контексте того, что «моральная философия в XVII веке понималась относительно широко (как и само слово “мораль”), противопоставленная “натуральной философии”, т. е. философии природы» [Апресян, 2006, с. 148], подход Локка был несколько иным. Ввиду того что Локк был сфокусирован в «Опыте о человеческом разумении» и «Двух трактатах о правлении» на строго определенных проблемах понимания человеческого познания, отрывки, посвященные представлениям о морали «коротки, разрозненны и иногда озадачивают» (brief, scattered and sometimes puzzling) [Schneewind, 1994, с. 200]. Они были направлены на подробное изучение «относительно узкого круга проблем» — «моральных норм и обязательств, их природы и условий их познания» [Апресян, 2006, с. 148]. Попытка разобраться, что именно понимается под нормами добра и зла в человеческом обществе, заставляет Дж. Локка переосмыслить понятия, используемые в других областях знания, и затем в процессе их описания разложить на возможные составляющие для того, чтобы найти первопричины человеческих действий, моральных мотиваций и интерпретаций. Его задачей было выявление тех законов человеческого осмысления морали и движущих сил моральной ответственности, которые могли бы использоваться вне зависимости от культурно-исторических правил или религиозных догматов, создание универсальной теории, близкой по сути законам естественных наук. Из работы И. Ньютона «Математические начала натуральной философии» он почерпнул метод, которому следовал в описании знания как комбинации наблюдения, обобщения, индукции и дедукции [Ducheyne, 2009, с. 63].

Знание, по мнению Локка, формируется на основе непосредственного наблюдения над предметами, возникает в голове мгновенно (*do spring*) на основе ощущений, восприятия, *субъективного* осмысления и интерпретации, которые становятся источниками знания (*fountains of knowledge*). Благодаря описанию внешних и внутренних процессов Локк предвосхитил некоторые положения, которые затем будут положены в основу когнитивной лингвистики в соответствии с экспериенциальным и антропологическим принципами. Локк указывает: *Our observation employed either, about external sensible objects, or about the internal operations of our minds perceived and reflected on by ourselves, is that which supplies our understandings with all the materials of thinking. These two are the fountains of knowledge, from whence all the ideas we have, or can naturally have, do spring* [Locke 2008, с. 87] (Наше наблюдение, направленное или на внешние ощущаемые предметы, или на внутренние действия нашего ума, которые мы сами воспринимаем и о которых мы сами размышляем, доставляет нашему разуму весь материал мышления. Вот два источника знания, откуда происходят все идеи, которые мы имеем или естественным образом можем иметь [Локк, 2022, с. 103—104]). Подобные описания появились в работах ученого с 1658 года, когда он участвовал в экспериментальных исследованиях в колледже физиологии и «был глубоко увлечен научными разработками» в области химии и медицины [Shapiro, 2006, с. 267]. Его описания воплотили результаты его научных изысканий в естественнонаучной области знания — естественной философии. Локк писал: *We are able, by our senses, to know, and distinguish things; and to examine them so far, as to apply them to our uses, and several ways to accommodate the exigencies of this life* [Locke, 2008, с. 267] (Своими чувствами мы способны познавать, различать и исследовать вещи настолько, чтобы употреблять их для своей пользы и различными путями приспособлять к нуждам нашей жизни [Локк, 2022, с. 340]). Чувства человека подобны инструментам, выделяющим свойства предметов в мире, они определены внешним окружением (*be fitted to our surroundings*) для их использования. Этому способствует принцип когнитивного понимания сущности работы человеческого сознания при работе с большими пластами знаний через «деятельностное и беспредельное воображение», которое «нарисовало с почти бесконечным разнообразием» то, что мы можем наблюдать [Локк, 1985, с. 194]. В цитируемом отрывке постулируется мысль о том, что «нет ничего в уме, чего ранее не было бы в чувствах» [Локк, 1960, с. 164].

В результате непосредственного восприятия внешнего мира и участия внутреннего опыта человек приобретает в свое распоряжение простые идеи: цвет, мягкость, твердость предмета, движение, единство, существование, сила (*power*) и др., а также удовольствие и боль, сочетающиеся

(*blended*) друг с другом. Из интеграции простых образуются сложные идеи, рождающиеся в социуме и включающие модусы и субстанции. Человеческий разум (*the Mind*), согласно Локку, в образовании идей субстанции следует за природой (*follows Nature*). Модусы, базирующиеся на субстанции, формируют абстрактные математические понятия и понятие о собственности. Субстанции включают понятие истории, базирующееся на таких категориях, как события, происходящие во времени, и / или результат их понимания. Сложные идеи формируют основы морали «о природе концептов, мышлении, личности (*the self*) и психологии морали» [Flanagan, 1991; цит. по Johnson, 2018, с. 139].

Морально-нравственные ценности связаны с конкретным местом и тем кругом людей, среди которых проживает индивид (*fashion of the place and sect they are of* [Locke, 2008, с. 16]), впитывающий традиции обучения и воспитания, опыт и умение его оценивать. Отрицание свойства врожденности идей на самом деле было революционной попыткой объяснения зарождения морали в противовес существовавшей религиозно-идеалистической этике. Правила морали не являются врожденными и нуждаются в доказательстве (*Moral rules need a proof, ergo not innate*) [Locke, 2008, с. 45]. Будучи сложными ментальными конструктами, они создаются человеком исключительно на основе научно-философского размышления и общения с другими индивидами, в результате упражнений в поиске истин и осмыслении собственных потребностей и общественной полезности: ***Moral principles require reasoning and discourse, and some exercise of the mind, to discover the certainty of their truth*** [Locke, 2008, с. 46] (Принципы же нравственные для обнаружения достоверности своей истинности требуют рассуждения и обоснования и некоторой работы ума [Локк, 2022, с. 53]). Ученый указывает на универсальность истин, формирующихся общечеловеческой сущностью, а умение мыслить и размышлять вплетено в природу индивида и одновременно противопоставлено ей: *when men in different times and places affirm one and the same thing as a certain truth, this thing must be related to a universal cause which can be nothing else but a dictate of reason itself and a common nature* [Locke, 1961, с. 59] (Когда люди разных времен и народов утверждают одну и ту же идею как определенное правило, то эта идея должна быть связана с универсальной причиной, которая не что иное, как влияние мышления и общей природы) (здесь и далее при отсутствии ссылки перевод наш. — Л. М., А. Ш).

Следует также отметить несколько языковых моментов, важных для описания морали и моральной ответственности Локком.

Во-первых, период с середины XVII столетия в Англии характеризуется широким освоением идей Ренессанса, центральной частью этого про-

цесса становится формирование научного английского языка: он «предоставил основу (*a matrix*), в которую влилась лексика для образовательных и коммерческих целей» [Graddol et al., 1997, с. 175]. Вследствие этого период ранненованглийского языка характеризуется расширением словарного состава языка за счет заимствований: по разным оценкам, с 1600 по 1650 годы было заимствовано до 50 процентов слов. При этом 15 процентов составляют заимствования, обогатившие теологический дискурс, и около 14 процентов — дискурс естественных наук [Wermser, 1976, с. 114]. Заимствования использовались в основном для стилистического варьирования за счет обогащения синонимическими средствами [The Cambridge History ..., 1992, с. 332], что не только позволило авторам разнообразить стиль научного общения и яснее отразить значимые лексические различия, столь важные для функционирования языка науки, но и способствовало созданию отдельных терминосистем.

Во-вторых, так как языком науки в предшествующий период в основном являлась латынь, то большая часть трудов, с которыми был знаком Дж. Локк или которые могли теоретически оказать на него влияние, были написаны на этом языке. До XVII века существовала богатая традиция осмысления проблем морали на латинском языке. Далее в нашей статье мы будем отмечать возможное влияние латинских авторов или значений слов, характерных для латыни, но основной фокус нашего исследования — дискурс философии морали на английском языке.

В-третьих, хотя английская философская терминология уже длительное время формировалась к моменту написания Локком «Опыта...», говорить о самостоятельности терминосистемы и проблематизации понятий до появления трудов ученого, по-видимому, нельзя. Например, такие ключевые для английской философии слова, как *understanding*, *reason*, *person*, *experience*, *memory*, употреблялись уже в работе Т. Гоббса «Левиафан», где впервые затронут вопрос об обществе как источнике морально-нравственных законов, с текстом которого Локк был знаком [Lemetti, 2011]. Другим автором, знакомым Локку, был Ральф Кадворт [Cudworth, 1996, с. xi—xii], который вводит в терминологию философии такие слова, как *understanding* (калька с латинского *intellectus*), *consciousness* (используется им в качестве обозначения когнитивных способностей человека в отличие от *conscience* у Гоббса), а также *moral*, которое Кадворт осмысляет в связи с общими понятиями добра и зла (*good* и *bad*). Мы полагаем, что философский научный английский язык находился в стадии формирования и определения ключевых понятий, что неизбежно приводит к оформлению терминов и / или терминологизации уже существующих слов.

3.2. Ключевые термины системы философии морали Дж. Локка: понятие о прямолинейности (*rectitude*)

Для реконструкции системы ключевых понятий, сформированных в работах философа, нами была проведена автоматическая обработка наиболее частотных коллокаций со словом *moral* в текстах Дж. Локка с использованием Sketch Engine. Такие сочетания являются важным семантическим маркером изучаемого слова, давая ключ к системе культурно обусловленных ассоциаций. Эти свойства контекста отдельного слова отмечались Б. Малиновским [Malinowski, 1935, с. 11] и Дж. Р. Фёрсом. Возможности изучения семантики на основе массива корпусных данных сформулированы Дж. Фёрсом в известной фразе «you shall know a word by the company it keeps» (слово можно узнать по его окружению) [Firth, 1957, с. 11]. Идея британского лингвиста дала основу многим современным методам компьютерного моделирования, в частности, была значимой для разработки системы автоматического анализа Sketch Engine, который применен в нашем исследовании.

Особенно интересны данные, полученные в результате компьютерной обработки английского текста «Опыта о человеческом разумении» Дж. Локка, касающиеся существительных, определяемых прилагательным *moral*. Среди них фиксируются субстантивные единицы, обладающие двусторонней валентностью (рис. 1): *rules, rectitude, relation, word, principle, discourse, action, science, matter, knowledge, pravity* (на рис. см. столбец 2). Помимо этого, фиксируются модификаторы к прилагательному (столбец 1), участие слова *moral* в конструкциях с союзами *and* или *or* (столбец 3). В анализируемом тексте в понятии морали центральным смысловым компонентом оказались ‘правила’. Категория «правила» перенесена в совершенно новую реальность (этическую) и разновидность дискурса, что находит отражение в выражениях и сочетаниях слов друг с другом.

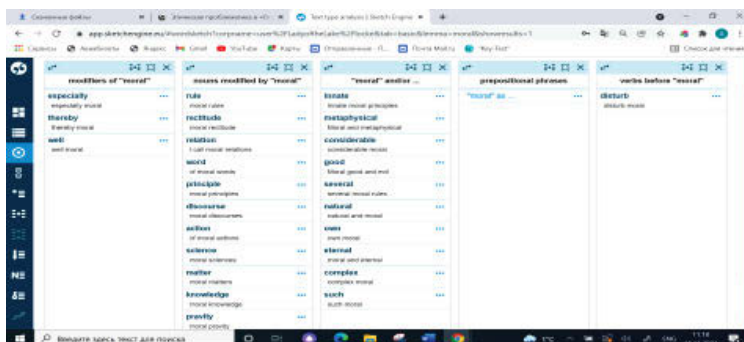

Рис. 1. Результаты обработки текста Дж. Локка “Essay Concerning Human Understanding” на выявление наиболее частотных коллокаций с прилагательным *moral*

Самыми частотными коллокациями с прилагательным *moral* являются *rule(s)*, *rectitude* и *relation* (рис. 1), (рис. 2). Именно различная частотность заслуживает особого внимания, так как семантика и сочетаемость существительных *rule* и *rectitude* отражают формирование терминологического аппарата описания морали в философии Нового времени, что дает ключ к пониманию морали у Дж. Локка. Начнем с комплекса понятий, выражаемых посредством слова *rectitude*.

Такие единицы, как *rectitude* и *righteousness* были частотными для описания категории правильности уже в Средние века. Определенная неоднозначность и сложность в интерпретации *rectitude* складываются в период Нового времени и проявляются в тексте Локка, что оказывается особенно важным при переводе единицы: «То, что в русском переводе дано словом “нравственность” и производными от него, нередко в английском оригинале обозначено как *rectitude* “прямота, правота, правильность”... *Rectitude* переводится также и как “правильность” и “справедливость”, причем словом “правильность” переводится *rectitude* как таковое, а словом “справедливость” — словосочетание *moral rectitude*» [Апресян, 2006, с. 151].

Согласно данным словарей, существительное *rectitude* вошло в английский язык в XV веке в значении “straightness, quality of being straight or erect” («прямолинейность, здравомыслие, прямота»), образовавшись от старофранцузского *rectitude* (XIV век), восходящего к латинскому *rectitudo* «прямота» от *rectus* «прямой» [OED]. В основе исходного значения в английском языке лежит представление о прямолинейности, физической неискривлённости, прямой линии, порядке. Слово в данном значении было зафиксировано в поэмах «Cursor Mundi» и «The Prick of Conscience» («Угрызения совести»), созданных на северном диалекте английского языка (начало XIV века), в переводе «Полихроникона» монаха Ранульфа Хигдена с латинского языка на юго-западный диалект английского языка, выполненном уроженцем Корнуолла Джоном де Тревиза в 1387 году [Аракин, 2001, с. 115]. Отрывок со словом *rectitude* из «Полихроникона» цитируется в «Словаре среднеанглийского периода», где речь идет о правильности и соответствии частей человеческого тела, созданного Богом, и о прямоте фигуры (*rectitude of stature*): *But thauzhe the body of man was made in the begynnenge of the erthe, hit was so proporcionate to the sawle that equalite of complexion was in hit, conformite of organization, rectitude of stature, and pulcritude of figure, and so the body scholde be afterwarde obtemperate to the sawle with owte fighthe of rebellion, vegetable with owte defawte of strenghte, immutable with owte corrupcion of mortalite* [MED]. (Но, хотя думается, человеческое тело было создано в начале бытия мира, оно было настолько пропорционально душе, что в этом состоит равенство этих двух составляющих, соответствие строения, прямолинейности осанки,

статности фигуры; итак, тело должно быть так подчинено душе — без бунта, взросление — без недостатка силы, а неизбежность — без искажения морали).

Сближение представлений о красоте и правильности, характерное для античной и средневековой философии, сменяется понятием моральной красоты, устанавливающим сближение категорий красоты и нравственности, что стало новшеством английского философского дискурса. Идея моральной красоты стала популярной в Англии в 1700 году, соединив значения ‘sense of beauty’ и ‘moral discernment’ [Groulier et al., 2015, с. 86—87]. Именно эта идея нашла воплощение в примере из текста проповеди (1641), приведенном в «Оксфордском словаре английского языка»: *That which is straight shews at once both its owne **rectitude**, and the **crookedness** of the contrary* [OED] (Тот, кто является прямолинейным, одновременно и показывает свою собственную прямоту, и подчеркивает испорченность («кривизну») другой стороны).

При этом важно учитывать более широкий культурно-исторический контекст появления и развития данного термина. В философской традиции, искусстве и культуре, восходящих к античности, существовало представление о правильности, соотносимой с идеей прямой линии. Так, Э. Бенвенист, разбирая существительное *rex* и глагол *regere*, имеющие отношение к царской власти, указывает на значения исходных корней. Он приходит к выводу о том, что царь обладает «правом» устанавливать границы в виде прямых линий для определения территории, например, при строительстве сакрального сооружения. Более того, «аналогичным образом и прилагательное *rectus* получает толкование “прямой, прямо проводимой линии” в значении не только чисто физического, но и нравственного... *Прямое* в системе понятий нравственности противопоставлено *искривленному*, *кривому*, и, так как *прямое* отождествляется со *справедливостью* и *достоинством*, противоположное ему *кривое* отождествляется с *обманом*, *ложью* и т. п. Такая картина была уже в общеиндоевропейском. Латинское *rectus* соответствует готскому прилагательному *raihits*, которым переводится греч. εὐθύς “прямой”, а также древнеперсидскому *-rasta*, определяющему путь в предписании “Не сходи с прямых путей”» [Бенвенист, 1995, с. 252].

Идея о правильном, прямом, вертикальном расположении в пространстве привела к единому полю идей, связанных со следующими словами: “rectitude, rightness, straightness, uprightness” [Rimell, 2017, с. 768]. А представление об “upright man” не просто частотная метафора, «согласующаяся с вертикальной осью, функционирующей в соответствии с принципом и нормой этической позиции» человека, но и культурно-значимый образ, обусловленный исторически, являющийся основой парадигмы западной философии

[Cavarero, 2016, с. 6, с. 129]. Подобный смысл фиксируется еще у Платона и Аристотеля об *orthos logos* «правильном разуме», в идеях схоластов о *ratio recta* «здравом разуме», далее развиваемых религиозными мыслителями в морально-этическом ключе, например, у Сенеки, где прямота становится общим принципом (“Rectitude is a general principle”) [Rimell, 2017, с. 772]). Более того, практически все европейские языки несут отпечаток этих фундаментальных культурных и философских представлений и смыслов: англ. *right, rule*, нем. *Richt*, фр. *droit*. С другой стороны, слово *rectitude* встречалось в текстах Ансельма Кентерберийского «On Truth» («De veritate») о правильном порядке вещей, установленном Богом: *rectitudo* и *rectus ordo* [Do Vale, 2018]. В целом *rectitudo* указывало на моральный смысл «справедливости» и «праведности» уже в латыни, а в средневековых трудах на латинском языке слово становится термином христианского морального дискурса.

В исходном физическом значении английское слово *rectitude* достаточно быстро устарело, и существительное приобрело значения, связанные с добродетелью в английском языке. Причиной тому служили рассмотренные выше философские представления, закрепившиеся в латинском языке, и затем через влияние французского языка произошло переосмысление значения от конкретного, физического к абстрактному морально-нравственному смыслу. В значении “moral straightness or uprightness; goodness, integrity; virtue, righteousness” это слово начинает употребляться с 1530 года, на что указывают контексты из «Оксфордского словаря английского языка». Моральная правильность или добродетель обосновывает понятие справедливости или возможного справедливого суждения: *By the rectitude of his iustice* [OED] (С правильностью его правосудия).

Лексема *rectitude* имела тесные связи с религией и осмыслением добродетели и морали в религиозном дискурсе XV—XVII веков, что было прекрасно знакомо Локку как цензору моральной философии и человеку, получившему классическое образование в Оксфордском университете, так как философский моральный дискурс английского языка только складывался в конце XVI — начале XVII веков и мог лингвистически и дискурсивно опираться на существовавшие до этого типы текстов, поднимавших этические вопросы. К тому же влияние могла оказать придворная этика, где еще в Средние века произошли тектонические сдвиги в переосмыслении поля слов благородного происхождения (*noble, virtue, valour, gentle, worthy*) для описания морально-нравственного поведения [Komova et al., 2017], а также культура проповедей в рамках философско-религиозного дискурса [Kuczynski, 2016].

Исходя из данных Google Ngram viewer, существительное *rectitude* наиболее часто употребляется именно в 1630-е, 1660-е и 1680 годы и далее практически сходит на нет (см. рис. 2).

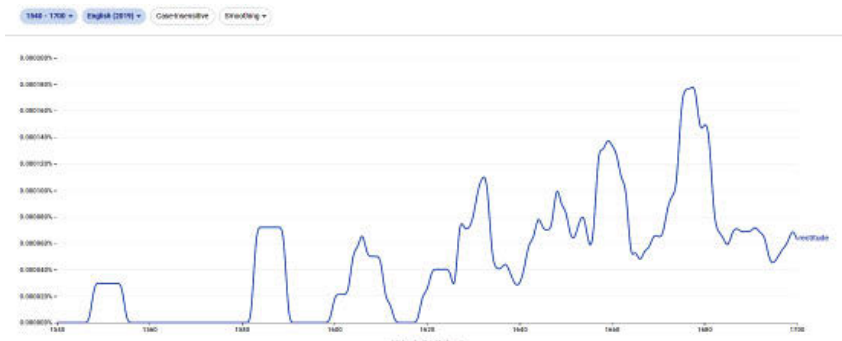

Рис. 2. Частотность употребления существительных *rectitude*, в ранненованглийский период (по данным Google Ngram viewer с 1580 по 1700)

Для проверки гипотезы о тесной связи *rectitude* с религиозным дискурсом и более подробного рассмотрения контекстов употребления этого существительного был использован сервис Google Books и ручная обработка искомым контекстов.

Так, размышления о морали и клятве верности (присяге) с использованием существительного *rectitude* встречаются в сочинениях бенедиктинского монаха Р. Виддрингтона (Roger Widdrington) [Forster, 1972]. В работе “A Theological Disputation concerning the Oath of Allegiance” (1613) автор разводит высший закон (“*a spirituall rule*”), под которым понимается высшее естественное («надприродное») и церковное установление (*supernaturall and Ecclesiasticall rule*), и «моральную правильность и добродетель» как явления другого уровня, свойственные проявлениям души, что относится к духовным явлениям и отличается от церковных, наднациональных законов (*supernationall rectitude and virtue*). Иначе говоря, автор сочинения строго различает *supernatural rule* и *supernationall rectitude*, понимая под первым «высший природный закон», а под вторым «человеческую правильность / мораль»: *for, to make temporall governing to bee good and virtuous supernaturally, ... all moral vertues are, which are inherent in the Soule, which is spiritual, yet it is not an Ecclesiastical or supernational rule*) [Widdrington, 1613, с. 30] (ибо, чтобы сделать мирское управление добрым и добродетельным поверх человеческой природы... все моральные добродетели, присущие Душе, которая духовна, однако это не Церковный или высший национальный закон). Наравне с *rectitude* в данном контексте употребляется *virtue* (современная форма *virtue*) — слово, образовавшееся от латинского *virtus*, которое использовалось для описания целого комплекса понятий: сила, доблесть, мужественность, добродетель. По мнению ис-

следователей, в отношении этого слова можно выделить две линии развития семантики, условно называемые «платоновской» и «аристотелевской» [Таратута, 2007]. В самом широком значении слово *virtus* используется в римской философии, первых переводах библейских текстов и греко-византийской патристике, где является переводом др.-греч. ἀρετή, которое приобрело моральное значение еще в классической греческой мысли, когда поднимались вопросы добродетели и морали. На «основе первой семантической “доминанты” слова *virtus* (добродетель) образовалась “платоновская” группа смыслов понятия виртуальный...», то есть оформился смысл ‘идеальный’ [Зудилина, 2020, с. 85]. В значении ‘сила’, а точнее, в контексте преобразования платоновских идей соответствия вещи своему назначению, оно близко к εἶδος. Так появляется «вторая “доминанта” (силы) — “аристотелевская”» [Там же], где аристотелевский смысл подтверждается тем, что греческое δύναμις также могло переводиться как *virtus*. Это значение использовалось в латинских христианских текстах и переводах: «*Dei virtus* — сила Божья» [Там же, с. 90]. Обе семантические доминанты неизменно присутствовали в слове *virtus*, «в эпоху Средневековья [это] понятие оказалось востребованным и незаменимым, поскольку отражало христианские идеи о природе Бога, в которой добродетель и сила суть одно, и потому она проявляется как добродетельность божественной силы и сила добродетели» [Там же, с. 91]. В значении физической силы и мужественности данное слово было переосмыслено в английском языке под влиянием становления рыцарской и затем придворной аристократической этики, в которой образ английского джентльмена в рыцарском дискурсе ассоциируется с добродетелью, что актуализовано в предписанном настоящему рыцарю поведении [Komova et al., 2017]. Именно этим объясняется появление *virtue* в контекстах, когда речь идет о соединении физической силы или правильности, с одной стороны, и добродетели или морального соответствия, с другой. *Moral virtues* в вышеприведенном контексте Р. Виддрингтона заявлено свойством человеческой души, на что указывают данные Google Ngram viewer, подтверждающие высокую частотность этого сочетания в 1660 годах.

Сходный контекст находим в работе Дж. Салкельда (John Salkeld) того же периода — «Трактат о Рае и принципиальной сущности такового, особенно величии, положении, красоте и иных свойствах оного места...». Обсуждаемые отрывки собраны из текста Библии, у античных авторов, отцов церкви и современных на тот момент цитат. В отрывке речь идет о соотношении между физической и духовной правильностью — «прямотой», обозначенной существительным *rectitude* в размышлении о морали. Прямолинейность и вертикальное положение человеческого тела были созда-

ны Богом и служат основой духовной прямо́ты. Автор развивает эту идею, дополняя свое описание прилагательным *upright*, указывающим на вертикальное положение и ровную осанку (“In an erect position, erectly; also in fig. context; also, with straight posture” [MED]), и существительным *uprightness*, также однозначно относящимся к описанию позы: *Hence Bernard well noteth, that God made man vpright in stature, and erected towards heauen, to the end that his corporall rectitude and vprightnes of his shape, might stirre him up to preferue’ the spirituall rectitude, and righteousness of the inward man, who was made to the image of God; and that the beaute of our corporal substance, and outward proportion, and right disposition of the lineaments of our body might correct the inward deformitie of our souls, and the powers thereof* [Salkeld, 1617]. (Следовательно, Бернар правильно отметил, что Бог создал человека с прямой осанкой, направленной к небесам, до конца его телесная прямо́та и осанка должны двигаться кверху, предпочитая внутреннюю духовную прямолинейность и правильность, которые созданы по образу Бога, подобная красота телесной субстанции, внешние пропорции и расположение частей тела могут корректироваться как внутренней деформацией наших душ, так и их силой). Внешний вид не только способен определять внутреннее состояние, но красота и правильность физического тела могут дать возможность исправить нарушения, произошедшие в душе. Об этом высказывался еще Аристотель: «Человек в силу прямой осанки отличается от всех живых существ более всего тем, что его верхняя часть направлена туда, где верх всего мирового целого, в то время как у прочих животных она находится посередине» [De iuv., цит. по: Солопова, 2020, с. 46].

Можно заметить, что слово *rectitude* часто соседствует в контекстах с другими словами этического словаря, такими как *virtue*, *right*, при этом физическое и духовное относятся к описанию тела и души одновременно. В работе Т. Гейла (Theophilus Gale) с пространным названием «Суд язычников или размышление, затрагивающее истоки человеческой литературы, филологии и философии, от священных книг и источников еврейской церкви» обнаруживаются два высказывания с участием анализируемого слова. В первом контексте манифестируется единение физического и духовного, составляющих основу добродетели: *Yea he makes the Virtue, not only of the Soul, but also of the bodie, and of every thing else to consist, in order and rectitude* [Gale, 1672] (Он делает добродетель не только души, но и тела, и каждая вещь организуется в определенном порядке и прямо́сти). Во втором отрывке (*For indeed the Harmonic or Mediocritie of Virtue is nothing else but a rectitude of principles and acts* [Gale, 1672]) автор указывает на гармоничные и заурядные характеристики добродетели: ничто, кроме правильности принципов, не расходится с действиями. Семантика пря-

молинейности и целостности реализуется в одном высказывании посредством лексем *rectitude* и *uprightness* в отрывке 1633 года: *The obscene jests of Stage-players and other vanities, which are wont to soften a Christian soule from the rigour of its **rectitude** and **uprightness*** [OED] (Непристойные шутки актеров и другие высказывания направлены на смягчение христианской души от аскетизма следования прямолинейности и правильности). В книге «XXXI. Sermons ... upon several subjects and occasions» (1677) Ч. Гиббса (Charles Gibbes) правильность и добропорядочность противопоставлены раненой душе, потерявшей целостность или прямооту: *But then it must be understood of the Spirit of a man in its **Rectitude** and **Integrity**, opposite to a **wounded Spirit**...* [Gibbes, 1677] (Но тогда нужно понимать дух человека в его правильности и целостности, противоположный израненному духу). Цельность и прямоота составляли основу морали, как следует из работы авторов Дж. Дурхама и В. Дженкина (James Durham, William Jenkyn): *When we speak of things **Moral**, we are to distinguish between things Naturally Moral, that is such (as love to God and our Neighpour, and such like) which have an innare **rectitude** and **holiness** in them...* [Durham et al., 1677] (Когда мы говорим о вещах нравственных, мы должны различать между вещами естественную мораль (такие как любовь к Богу и к Ближнему и тому подобные), которая имеет в себе прямооту и цельность). А столетием позже слово *rectitude* обнаруживаем в одном из текстов в ряду тематически связанных слов — рядом с *piety* и *virtue*, ср.: 1771 Burke Lett., to R. Shackleton (1844) I. 254 *A man of singular **piety**, **rectitude**, and **virtue*** [OED] (Человек благочестия, прямолинейных взглядов и добродетели).

В работе «Противоядие или средство правовой защиты против вредоносных произведений всех английских секретарей» 1622 года целый коллектив авторов полемизирует с представлениями протестантов. В ней существительное *rectitude* сочетается именно с адъективом *moral* и представлено в одном контексте с *reason*, причем для усиления мысли авторы используют анафорический повтор, с которого начинаются предложения. *Every action, every duty, which is deficient and bereaved eyther of due conuersion to God, conformity to reason, or such **moral rectitude**, as by percept binding under mortall sinne ought to be in it, is a morall crime, and true prevarication of the Law. But every action, every duty we acheive, is (according to Protestants) deficient, and bereaved of that **conuersion, rectitude, or conformity**, as by percept binding under mortal sinne ought to be in it. Therefore every action, every duty we accomplish is (according to them) a deadly cryme, a true breach and prevarication of the law* [An Antidote ..., 1622] (Каждый поступок, каждое обязательство, в которых недостает или которые лишены поклонения Богу, соответствия разуму, то есть такой моральной правиль-

ности, которая, в восприятии в связи со смертным грехом, должна присутствовать в нем, — это смертное преступление и настоящее уклонение от закона. Но каждый поступок, каждый долг, исполненный нами, являются (согласно мнению протестантов), недостаточными, лишенными того сближения, правильности, то есть соответствия, которое, в восприятии в связи со смертным грехом, должно присутствовать в нем. Следовательно, каждое действие и каждое обязательство, которые мы совершаем, — это (согласно их мнению) смертный грех, настоящее нарушение и уклонение от закона.

Работа «Средний путь предопределения» («The Middle Way of Predetermination Asserted») 1679 года описывает расхождения между взглядами доминиканцев и иезуитов, кальвинистов и арминиян на причинность человеческих деяний. С учетом различий между религиозными течениями фиксируется следующий ряд наиболее характерных противопоставлений: гармония и разлад (*Harmony and Dircord*), порядок и хаос (*Order and Disorder*), соответствие и несоответствие (*Conformity and Disconformity*), прямизна и отклонение от нее (***Rectitude and Obliquity***), правильность и испорченность (*Righteousness and Unrighteousness*) [The Middle Way ..., 1679]. Одно из этих противопоставлений будет использовано позже и Дж. Локком в его трактате.

Интересно, что слово *rectitude* во время написания Дж. Локком своего трактата также могло обозначать «правильность суждения (интеллектуального или художественного) или его выводов» — «correctness of the (intellectual or artistic) judgement, or of its conclusions». В таком смысле оно встречалось у Т. Гоббса в «Левиафане» 1651 году, ср.: ... *whereas he that groundeth his actions on his private judgement ought, according to the **rectitude** or error thereof, to stand or fall* [OED] (...тот, кто руководствуется в своих действиях своими собственными мнениями, стоит или падает в зависимости от правильности или ошибочности этих суждений [Гоббс, 2017 с. 379]).

Очевидно, что использование сочетания *moral rectitude* в тексте Дж. Локка не столько новаторство или метафорическое переосмысление, сколько дань традиции привычному дискурсу обсуждения источников и характеристик морали и праведности, в первую очередь в религиозном аспекте. Всего в тексте «Опыта...» существительное *rectitude* употребляется 12 раз, в основном в контексте финальной оценки (*judge / judgement / measure*) человеческих действий (*actions*) как соответствующих моральной правильности (*moral rectitude*) или нет. Оно обозначает мерило оценки действий. Таким образом, данное сочетание становится одним из основополагающих терминов, используемых для косвенного описания моральной ответственности. Более того, именно прилагательное *moral* и существительное *actions* оказываются наиболее близкими к *rectitude* согласно традиционным методам выделения коллокаций — t-score (*moral* — 2.83;

actions — 1.73) и MI (11.17 и 8.65), а также коэффициенту Дайса (Dice): 11.25 и 8.82 соответственно. А в тексте «Двух трактатов ...» оно встречается только один раз в контексте вопросов воспитания детей: ... *he finds most effectual, to give such strength and health to their bodies, such **vigour** and **rectitude** to their minds* [Locke, 1961, с. 126] (Он считает наиболее эффективным снабжение наших тел физической силой и здоровьем, как наш ум — энергией и правильностью).

Исходная концептуальная метафора физической правильности, прямой линии или неправильности, испорченности прослеживается в тексте Дж. Локка и может претерпевать вторичную метафоризацию: *The **strength** of our persuasions is no evidence at all of their own **rectitude**: **crooked** things may be as **stiff** and **inflexible** as **straight**: and men may be as positive and peremptory in error as in truth* [Locke, 2008, с. 699] (Сила наших убеждений вовсе не свидетельствует об их правильности. Кривые вещи могут быть также туги и не гибки, как прямые; а люди могут быть столь же решительны и непреклонны в заблуждении, как и в истине [Локк, 2022, с. 53]). Данный контекст интересен тем, что он раскрывает противоречие, заложенное в самом представлении о физической прямолинейности как правильности и основе морального поведения. Системность лежащего в основе использования терминологии *moral rectitude* образа физической прямолинейности как основы добродетели и моральной правильности прослеживается и в контекстуальных антонимах, также исходно имевших значение нарушения прямоты: *pravity* — испорченность и *obliquity* — искривление, отклонение, которые также имели связи одновременно с религиозным и юридическим дискурсами.

4. Заключение = Conclusions

На основе комплексного подхода с применением корпусных методов (Sketch Engine) к анализу двух основных произведений Дж. Локка «Опыт о человеческом разумении» и «Два трактата о правлении» на английском языке, а также изучения литературы, опубликованной за столетие до этого, и данных сервисов Google Books и Google Ngram viewer можно сделать несколько важных выводов.

В статье было показано, что Локк опирался на богатую традицию комментариев к философским трудам античности и религиозно-философский дискурс предшествующих столетий как в плане лексики, так и в плане ключевых моделей построения аргументации. Сам выбор слов, их употребление и метафоры в текстах Локка говорят о его знакомстве со многими текстами предшественников и о глубоком чувстве языка. В его трактате звучат отголоски религиозных противоречий предшествующего периода и концептуализации представлений о морали, характерных для

классической философии и теологии последующих столетий. Исходная метафора физической прямоты как основа представлений о моральной правильности и добродетели существовала и ранее. Она в определенной мере может служить универсальным семантическим элементом для многих индоевропейских языков, но в каждом периоде она переосмысливается и вербализуется специфично. Лексема *rectitude*, выбранная Локком, имела тесные связи с религиозным дискурсом и обсуждением этических проблем в теологии. Данное обстоятельство могло быть подспорьем в поиске нужной терминологии, но и одновременно могло составить некоторую сложность, особенно на фоне религиозных противоречий, поляризовавших английское общество в предшествующее столетие. Сочетание *moral rectitude* начинает играть важную роль в философском дискурсе, на что указывают и данные Google Ngram viewer. Тем не менее в тексте Локка частотность слова *rectitude* в сочетании с *moral* ниже по сравнению с более частотными словосочетаниями: *moral rules*, *moral right* и *moral law* (рис. 1). Первые две лексемы уже не были связаны с религиозным дискурсом, но в семантике несли также исходную идею прямоты и неискривлённости. А последнее, наиболее вероятно, было почерпнуто из естественнонаучного и юридического дискурса. (рис. 3). Возможно, это связано именно с интересом Локка к современным достижениям натуральной философии и поиску рационализированных правил, однако этот аспект требует дальнейшего рассмотрения и не входит в задачи настоящего исследования.

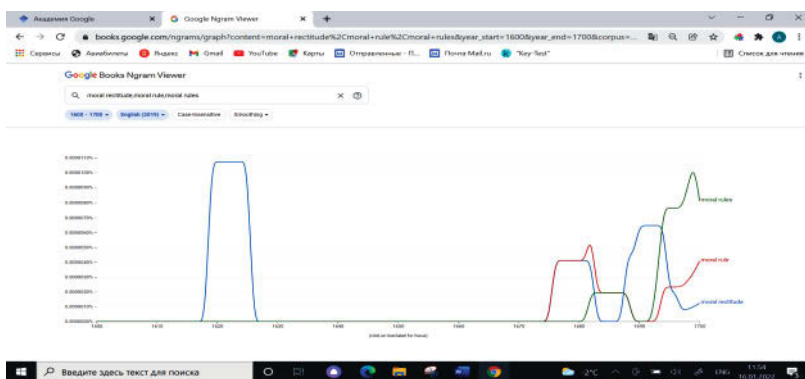

Рис. 3. Частотность употребления словосочетаний *moral rectitude*, *moral rule* / *rules* в ранненованглийский период (по данным Google Ngram viewer с 1580 по 1700)

Проведенный нами анализ указывает на, что Дж. Локк целенаправленно формировал в рамках своих воззрений морально-этический словарь,

основанный прежде всего на рациональных или потенциально рационализируемых / рационализированных принципах и законах, развивая свою концепцию «разумности христианства», куда входили идеи либеральной и веротерпимой философии. Отдавая дань традиции описания морали в религиозном дискурсе (*moral rectitude*), он пытается предложить совершенно новую основу для этической системы, построенную на рациональных принципах, в связи с чем для своего текста он отбирает слова, не имевшие явной религиозной спецификации (*moral right, moral rule*). Но, помимо этих слов, в систему терминов морали входят и другие: *principle, discourse, action, science, matter, knowledge, rightness*.

Нравственное для Локка прежде всего рационально осмысляемо. А. В. Царегородцев довольно точно охарактеризовал это время: «В данный период обнаруживается дальнейшая тенденция к рационализации религиозного дискурса и намечаются предпосылки к секуляризации культуры. Наиболее ярко эти тенденции обнаруживаются в лице унитариев и первых английских просветителей» [Царегородцев, 2009, с. 103]. Данное направление, как отмечают исследователи, не оказало значительного влияния на простое население Англии, но некоторые из идей «определили в известной степени отношение к религии некоторых английских просветителей, в частности, Джона Локка» [Там же].

Дж. Локк сформировал собственную систему первопричин и принципов функционирования моральных законов, оказал огромное влияние на оформление терминологического аппарата осмысления вопросов морали и этики. Вполне вероятно, что последовавшее снижение частотности словосочетания *moral rectitude* в философском дискурсе и повышение частотности употребления сочетания *moral rule* могли быть связаны и с авторитетом философа, внедрившего оба термина и разграничившего их употребление уже в своих текстах. В одной из ранних биографий Локка подчеркивалось его огромное влияние не только на понимание тех или иных проблем, но и на «изменение способа мышления о них» [Cranston, 1957, с. 482]. В данной статье мы сконцентрировались на том, что именно тексты ученого и сформированные, проблематизированные и терминологизированные в них концепты, выраженные словами и словосочетаниями, озаменовали собой переломную фазу в описании морали на английском языке. Полученные данные, подтвержденные количественными методами, могут быть интерпретированы в рамках представлений о влиянии отдельно взятой языковой личности как в целом на научный дискурс, так и на дискурс определенной области.

В заключение следует указать на то, что описание становления терминологии философии морали и ее выявление обуславливают актуальность исследования, которое помогло понять, почему эпоха Просвещения, пред-

ставленная трудами Дж. Локка, раскрывала этот период как «ядро оригинального мышления» [Robertson, 2005, с. 29]. Это ядро представляло философию мышления и морали как науку, которая смогла продемонстрировать тонкость и сложность взаимоотношений в обществе и возможность понимания основ моральной ответственности человека за свои действия. Также наши результаты указывают на сложность построения универсального определения морали и моральной ответственности, к чему стремился Дж. Локк. Ученый пытался подойти к этому с весьма рациональных позиций, обобщая известные данные и учитывая реалии конкретного исторического периода, социокультурного контекста и языкового фона.

Источники и принятые сокращения

1. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме / Дж. Локк // Избранные философские произведения. — Москва : Соцэкгиз, 1960. — Т. 1. — С. 153—162.
2. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк ; перевод А. Н. Савина. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 864 с. — ISBN 978-5-389-20592-5.
3. Локк Дж. Сочинения в 3 т. / Дж. Локк / ред. И. С. Нарский, А. Л. Субботин ; [перевод А. Н. Савина]. — Москва : Мысль, 1985. — Т. 1 (Философское наследие. Т. 93). — 622 с. — ISBN 5-244-00084-5.
4. *Locke J. An essay concerning human understanding* / J. Locke ; ed. by P. Phemister. — New York : Oxford University Press, 2008. — 520 p. — ISBN 0199296626.
5. *Locke J. Two Treatises of Government : With a Supplement, Patriarcha*, by Robert Filmer / J. Locke. — New York : Simon and Schuster, 1961. — 310 p. — ISBN 0028485009.

Литература

1. Апресян Р. Г. Этическая проблематика в «Опыте о человеческом разумении» Дж. Локка / Р. Г. Апресян // Историко-философский ежегодник. — Москва : Наука, 2006. — С. 132—152. — ISBN 5-02-033856-7.
2. Аракин В. Д. История английского языка : учебное пособие / В. Д. Аракин ; ред. М. Д. Резвцова. — Москва : Физматлит, 2001. — 272 с. — ISBN 5-9221-0032-7.
3. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. — Москва : Прогресс-Универс, 1995. — 456 с. — ISBN 5-01-003860-9.
4. Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс ; перевод А. Гутерман. — Москва : РИПОЛ классик, 2017. — 672 с. — ISBN 978-5-386-09900-8.
5. Гурьевская Л. А. Познание и нравственность в философии Джона Локка : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.03 / Л. А. Гурьевская. — Москва, 2006. — 168 с.
6. Захаров В. П. Выделение терминологических словосочетаний из специальных текстов на основе различных мер ассоциации [Электронный ресурс] / В. П. Захаров, М. В. Хохлова // Технологии информационного общества в науке, образовании и культуре: сборник научных статей : труды XVII Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2014), Санкт-Петербург, 19—20 ноября 2014 г. — Санкт-Петербург : Университет ИТМО, 2014. — ISBN 978-5-7577-0488-3. — С. 290—293. — Режим доступа : <http://ojs.itmo.ru/index.php/IMS/article/view/268/264> (дата обращения 01.03.2022).

7. Зудилина Н. В. О четырех причинах существования «платоновских» и «аристотелевских» смыслов понятия «виртуальный» / Н. В. Зудилина // *Философские науки*. — 2020. — Т. 63 (4). — С. 84—98. — DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-4-84-98.
8. Логинов Е. В. Является ли тождество личности условием моральной ответственности? / Е. В. Логинов // *Философский журнал*. — 2020. — Т. 13 (2). — С. 173—184. — DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-2-173-184.
9. Манерко Л. А. Применение компьютерной обработки при проведении дистрибутивно-валентного анализа сложных наименований артефактов (на материале технической лексики современного английского языка) / Л. А. Манерко // *Английский лексикон в аспектах межкультурной и межкультурной классификации*. — Москва : Издательство МГЛУ, 1993. — Выпуск 410. — С. 112—121.
10. Манерко Л. А. Развитие теории валентности в связи с использованием компьютерных технологий / Л. А. Манерко // *Материалы Международной конференции, посвященной научному наследию проф. М. Д. Степановой и ее дальнейшему развитию (К 100-летию со дня рождения)*. — Москва : Издательство МГЛУ, 2001. — С. 92—95.
11. *Прологомены к моральной ответственности* / Е. В. Логинов, М. В. Гаврилов, А. В. Мерцалов, А. Т. Юнусов // *Финиковый компот*. — 2020. — № 15 : Моральная ответственность. — С. 3—100. — DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-3-100.
12. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. — Москва : Прогресс, Универс, 1993. — 656 с. — ISBN 5-01-002079-3.
13. Солопова М. А. Трактат Аристотеля «О юности и старости, жизни и смерти» как сочинение серии *Parva naturalia* / М. А. Солопова // *Историко-философский ежегодник*. — 2020. — Т. 35. — С. 31—52. — DOI: 10.21267/AQUILO.2020.47.21.001
14. Таратута Е. Е. Философия виртуальной реальности / Е. Е. Таратута. — Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2007. — 147 с. — ISBN 978-5288-04291-1.
15. Царегородцев А. В. О некоторых аспектах эволюции английского протестантизма в XVI середине XIX века сквозь призму проблемы становления буржуазного этоса / А. В. Царегородцев // *Вестник ЧелГУ*. — 2009. — № 12. — С. 99—108.
16. *An Antidote or Sovereigne Remedy against the pestiferous writings of all English sectaries. And in particuler against D. Whitaker, D. Fulke, D. Bilson, D. Reynolds, D. Sparkes and D. Field, the chiefe upholders, some of Protestancy, some of Puritanisme. Devided into three Partes With special reference to “The True Difference between Christian Subjection and Unchristian Rebellion”* [Electronic resource] / S. Norris, R. Abbot, R. Field, W. Fulke, T. Sparke. — 1622. — Pt. 1, 2. — Access mode : https://www.google.ru/books/edition/An_Antidote_or_Sovereigne_Remedie_agains/5-xiAAAACAAJ?hl=ru&gbpv=0 (accessed 01.03.2022).
17. Ashcraft R. John Locke : Critical Assessments / R. Ashcraft. — London : Routledge, 1991. — 715 p. — ISBN 0415008476.
18. Cavarero A. Inclinations / A. Cavarero ; trans. A. Minervini, A. Sitze. — Stanford : Stanford University Press, 2016. — 208 p. — ISBN 9781503600409.
19. Cranston M. John Locke. A Biography / M. Cranston. — London : Longmans, 1957. — 496 p. — ISBN 978-0-1928-3044-9.
20. Cudworth R. A Treatise Concerning Eternal and Immutable Morality / R. Cudworth ; ed. by S. Hutton. — Cambridge : Cambridge University Press, 1996. — 218 p. — ISBN 0521473624.
21. Do Vale F. Anselm on the Rectus Ordo of Creation / F. Do Vale // *Saint Anselm Journal*. — 2018. — Vol. 14 (1). — Pp. 93—109.

22. *Ducheyene S.* 'Newtonian' Elements in Locke, Hume, or : How far can one stretch a label? / S. Ducheyene // Enlightenment and Dissent. — 2009. — № 25. — Pp. 62—105.
23. *Durham J.* The Law Unsealed : Or, a Practical Exposition of the Ten Commandments, with a Resolution of Several Momentous Questions and Cases of Conscience. Fifth Edition, to which are Prefixed the Commendatory Epistles of Dr Owen and Mr Jenkyn [Electronic resource] / J. Durham, W. Jenkyn. — 1677. — Access mode : https://www.google.ru/books/edition/The_Law_Unsealed_Or_a_Practical_Expositi/Be4G1rm9-jIC?hl=ru&gbpv=0 (accessed 01.03.2022).
24. *Firth J. R.* A synopsis of linguistic theory : 1930—1955 / J. R. Firth // Studies in Linguistic Analysis. — Oxford : Blackwell, 1957. — Pp. 1—32. — ISBN 0631113002.
25. *Flanagan O.* Varieties of moral personality : Ethics and psychological realism / O. Flanagan. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1991. — 393 p. — ISBN 0674932188.
26. *Forster A.* The Real Roger Widdrington / A. Forster // Recusant History. — 1972. — Vol. 11 (4). — Pp. 196—205. — DOI: 10.1017/S0034193200033021.
27. *Gale Th.* The Court of the Gentiles Or a Discours Touching the Original of Human Literature, Both Philologie and Philosophie, from the Scriptures & Jewish Church. [Electronic resource] / Th. Gale. — 1672. — Access mode : https://www.google.ru/books/edition/The_Court_of_the_Gentiles/nnBJCHZjzXMC?hl=ru&gbpv=1&dq=The+Court+of+the+Gentiles+Or+a+Discours+Touching+the+Original+of+Human+Literature&printsec=frontcover (accessed 01.03.2022).
28. *Gibbes Ch.* XXXI. Sermons ... upon several subjects and occasions" [Electronic resource] / Ch. Gibbes — 1677. — Access mode : [https://www.google.ru/books/edition/XXXI_Sermons_upon_several_subjects_and_o/B6qc3rAYjYAC?hl=ru&gbpv=1&dq=Sermons+...+upon+several+subjects+and+occasions%E2%80%9D+\(1677\)&pg=PA154&printsec=frontcover](https://www.google.ru/books/edition/XXXI_Sermons_upon_several_subjects_and_o/B6qc3rAYjYAC?hl=ru&gbpv=1&dq=Sermons+...+upon+several+subjects+and+occasions%E2%80%9D+(1677)&pg=PA154&printsec=frontcover) (accessed 01.03.2022).
29. *Google Books* [Electronic resource]. — Access mode : <https://books.google.com> (accessed 01.03.2022).
30. *Graddol D.* English : history, diversity and change / D. Graddol, D. Leith, J. Swann. — London, New York : Routledge, 1997. — 394 p. — ISBN 0415131170.
31. *Groulier J. F.* Beauty / J. F. Groulier, F. Brugère // Dictionary of Untranslatables : A Philosophical Lexicon / ed. by B. Cassin. — Princeton, Oxford : Princeton University Press, 2015. — Pp. 79—89. — ISBN 1400849918.
32. *Hargreaves-Mawdsley W. N.* Oxford in the Age of John Locke / W. N. Hargreaves-Mawdsley. — Norman : University of Oklahoma Press, 1973. — Vol. 32. — 132 p. — ISBN 0806110384.
33. *Johnson M.* The Aesthetics of Meaning and Thought : The bodily roots of philosophy, science, morality, and art / M. Johnson. — Chicago and London : The University of Chicago Press, 2018. — 293 p. — ISBN 9780226538808.
34. *Komova T. A.* The conceptual and semantic shift of "noble" and its synonyms as a case of semiosis / T. A. Komova, A. A. Sharapkova // Lege Artis. Language yesterday, today, tomorrow. — 2017. — Vol. 2 (2). — Pp. 95—147. — DOI: 10.1515/lart-2017-0014.
35. *Kuczynski M. P.* Preface : "...Beatus vitres techyng" / M. P. Kuczynski // Prophetic Song : The Psalms as Moral Discourse in Late Medieval England. — Philadelphia, PA : University of Pennsylvania Press, 2016. — Pp. XV—XXVI. — ISBN 9781512803310.
36. *Lemetti J.* Historical dictionary of Hobbes's philosophy / J. Lemetti. — Lanham, Toronto, Plymouth : Scarecrow Press, 2011. — 405 p. — ISBN 0810850656.
37. *Malinowski B.* Coral Gardens and Their Magic [Electronic resource] / B. Malinowski. — 1935. — Access mode : <http://www.archive.org/stream/coralgardensandt031834mbp/djvu.txt> (accessed 01.03.2022).

38. *Marshall J.* John Locke : Resistance, Religion and Responsibility / J. Marshall. — Cambridge : Cambridge University Press, 1994. — 485 p. — ISBN 0521466873.
39. MED — *Middle English dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary> (accessed 01.03.2022).
40. OED — *Oxford English dictionary*. — Electronic version : 4.0.0.1. CD ROM.
41. *Rimell V.* Philosophy's Folds : Seneca, Cavarero, and the History of Rectitude / V. Rimell // *Hypatia*. — 2017. — Vol. 32. — № 4. — Pp. 768—783. — DOI: 10.1111/hypa.12361.
42. *Robertson J.* The case for the Enlightenment : Scotland and Naples 1680—1760 / J. Robertson. — Cambridge : Cambridge University Press, 2005. — 455 p. — ISBN 978-0-521-84787-2.
43. *Rush B.* Rush to Elias Boudinot? Observations on the Federal Procession in Philadelphia, July 9th, 1788. In *Letters of Benjamin Rush* / B. Rush ; ed. by L. H. Butterfield. — Princeton : Princeton University Press, 1951. — Vol. 1. 1761—1792. — Pp. 470—477.
44. *Rychlý P.* A Lexicographer-Friendly Association Score / P. Rychlý // *RASLAN*. — 2008. — Pp. 6—9.
45. *Salkeld J.* A Treatise of Paradise, and the Principal Contents Thereof. Especially of the Greatness, Situation, Beautie, and Other Properties of that Place ... Collected Out of the Holy Scripture, Ancient Fathers, and Other Both Ancient and Moderne Writers / J. Salkeld. — 1617. — Access mode : https://www.google.ru/books/edition/A_Treatise_of_Paradise_and_the_Principal/mF17AQAAMAAJ?hl=ru&gbpv=0 (accessed 01.03.2022).
46. *Schneewind J. B.* Locke's Moral Philosophy / J. B. Schneewind // *The Cambridge Companion to Locke*. — Cambridge : Cambridge University Press, 1994. — Pp. 199—225. — DOI: 10.1017/CCOL0521383714.009.
47. *Schuurman P.* Willem Jacob's Gravesande's Philosophical Defence of Newtonian Physics : On the Various Uses of Locke / P. Schuurman // *The Philosophy of John Locke : New Perspectives* / ed. by P. R. Anstey. — London : Routledge, 2003. — Pp. 43—57. — ISBN 0-415-31446-1.
48. *Shapiro L.* Instrumental or Immersed Experience : Pleasure, Pain and Object Perception in Locke / L. Shapiro // *The Body as Object and Instrument of Knowledge : Embodied Empiricism in Early Modern Science*. — Dordrecht, Heidelberg, London, New York : Springer, 2006. — Pp. 265—285. — DOI: 10.1007/978-90-481-3686-5.
49. *Sharapkova A.* Conceptualizing the mental sphere in discourse : From Enlightenment philosophy to Mark Twain / A. Sharapkova, E. Loginov, L. Manerko // *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow*. — 2019. — Vol. 4. — № 1. — Pp. 170—240.
50. *Sketch Engine* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.sketchengine.co.uk> (accessed 01.03.2022).
51. *The Cambridge History of the English language. English in Britain and Overseas : Origins and Development* / R. M. Hogg, N. F. Blake, R. Burchfield, S. Romaine / ed. by R. Burchfield. — Cambridge : Cambridge University Press, 1992. — Vol. 5. — 686 p. — ISBN 0521264782.
52. *The Middle Way of Predetermination Asserted. Between the Dominicans and Jesuits, Calvinists and Arminians. Or, a Scriptural Enquiry Into the Influence and Causation of God, in and Unto Humane Actions ; Especially Such as are Sinfull ; Signed : W. M. With an Epistle to the Reader Signed : Rich. Baxter* [Electronic resource]. — 1679. — Access mode : https://www.google.ru/books/edition/The_Middle_Way_of_Predetermination_Asser/oYtmAAAcAAJ?hl=ru&gbpv=0 (accessed 01.03.2022).
53. *Wermser R.* Statistische Studien zur Entwicklung des englischen Wortschatzes / R. Wermser. — Bern : Francke, 1976. — 141 p.

54. Widdrington R. A Theologicall Disputation concerning the Oath of Allegiance ... Translated out of Latin into English by the Author himselfe, whereunto hee hath added an Appendix, etc. [Electronic resource] / R. Widdrington. — 1613. — Access mode : [https://www.google.ru/books/edition/A_Theologicall_Disputation_concerning_th/hCpkAAAAcAAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=%C2%ABA+Theologicall+Disputation+concerning+the+Oath+of+Allegiance%C2%BB+\(1613\)&pg=PA19&printsec=frontcover](https://www.google.ru/books/edition/A_Theologicall_Disputation_concerning_th/hCpkAAAAcAAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=%C2%ABA+Theologicall+Disputation+concerning+the+Oath+of+Allegiance%C2%BB+(1613)&pg=PA19&printsec=frontcover) (accessed 01.03.2022).

55. Wierzbicka A. Moral sense / A. Wierzbicka // Journal of social, evolutionary, and cultural psychology. — 2007. — Vol. 1. — № 3. — Pp. 66—85. — DOI: 10.1037/h0099824.

Material resources

Locke, J. (1960). Experience about the human mind. In: *Selected philosophical works, 1*. Moscow: Sotsekgiz. 153—162. (In Russ.).

Locke, J. (1961). *Two Treatises of Government: With a Supplement, Patriarcha*, by Robert Filmer. New York: Simon and Schuster. 310 p. ISBN 0028485009.

Locke, J. (1985). *Works in 3 volumes, 1 (Philosophical Heritage. Vol. 93)*. Moscow: Mysl. 622 p. ISBN 5-244-00084-5. (In Russ.).

Locke, J. (2008). *An essay concerning human understanding*. New York: Oxford University Press. 520 p. ISBN 0199296626.

Locke, J. (2022). *The Experience of Human Understanding*. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus. 864 p. ISBN 978-5-389-20592-5. (In Russ.).

References

An Antidote or Sovereigne Remedy against the pestiferous writings of all English sectaries. And in particuler against D. Whitaker, D. Fulke, D. Bilson, D. Reynolds, D. Sparkes and D. Field, the chiefe upholders, some of Protestancy, some of Puritanisme. Devided into three Partes With special reference to "The True Difference between Christian Subjection and Unchristian Rebellion". (1622). 1, 2. Available at: https://www.google.ru/books/edition/An_Antidote_or_Sovereigne_Remedie_agains/5-xiAAAACAAJ?hl=ru&gbpv=0 (accessed 01.03.2022).

Apresyan, R. G. (2006). Ethical problems in the “Experience of Human Understanding” by J. Locke. In: *Historical and Philosophical yearbook*. Moscow: Nauka. 132—152. ISBN 5-02-033856-7. (In Russ.).

Arakin, V. D. (2001). *History of the English language: textbook*. Moscow: Fizmatlit. 272 p. ISBN 5-9221-0032-7. (In Russ.).

Ashcraft, R. (1991). *John Locke: Critical Assessments*. London: Routledge. 715 p. ISBN 0415008476.

Benvenist, E. (1995). *Dictionary of Indo-European social terms*. Moscow: Progress-University. 456 p. ISBN 5-01-003860-9. (In Russ.).

Cavarero, A. (2016). *Inclinations*. Stanford: Stanford University Press. 208 p. ISBN 9781503600409.

Cranston, M. (1957). *John Locke. A Biography*. London: Longmans. 496 p. ISBN 978-0-1928-3044-9.

Cudworth, R. (1996). *A Treatise Concerning Eternal and Immutable Morality*. Cambridge: Cambridge University Press. 218 p. ISBN 0521473624.

Do Vale, F. (2018). Anselm on the Rectus Ordo of Creation. *Saint Anselm Journal*, 14 (1): 93—109.

Ducheyene, S. (2009). ‘Newtonian’ Elements in Locke, Hume, or: How far can one stretch a label? *Enlightenment and Dissent*, 25: 62—105.

- Durham, J. (1677). *The Law Unsealed: Or, a Practical Exposition of the Ten Commandments, with a Resolution of Several Momentous Questions and Cases of Conscience*. Fifth Edition, to which are Prefixed the Commendatory Epistles of Dr Owen and Mr Jenkyn. Available at: https://www.google.ru/books/edition/The_Law_Unsealed_Or_a_Practical_Expositi/Be4G1rm9-jlC?hl=ru&gbpv=0 (accessed 01.03.2022).
- Firth, J. R. (1957). A synopsis of linguistic theory: 1930—1955. In: *Studies in Linguistic Analysis*. Oxford: Blackwell. 1—32. ISBN 0631113002.
- Flanagan, O. (1991). *Varieties of moral personality: Ethics and psychological realism*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 393 p. ISBN 0674932188.
- Forster, A. (1972). The Real Roger Widdrington. *Recusant History*, 11 (4): 196—205. DOI: 10.1017/S0034193200033021.
- Gale, Th. (1672). The Court of the Gentiles Or a Discours Touching the Original of Human Literature, Both Philologie and Philosophie, from the Scriptures & Jewish Church. Available at: https://www.google.ru/books/edition/The_Court_of_the_Gentiles/nBJCHZjzXMC?hl=ru&gbpv=1&dq=The+Court+of+the+Gentiles+Or+a+Discours+Touching+the+Original+of+Human+Literature&printsec=frontcover (accessed 01.03.2022).
- Gibbes, Ch. (1677). *XXXI. Sermons ... upon several subjects and occasions*". Available at: [https://www.google.ru/books/edition/XXXI_Sermons_upon_several_subjects_and_o/B6qc3rAYjYAC?hl=ru&gbpv=1&dq=Sermons+...+upon+several+subjects+and+occasions%E2%80%9D+\(1677\)&pg=PA154&printsec=frontcover](https://www.google.ru/books/edition/XXXI_Sermons_upon_several_subjects_and_o/B6qc3rAYjYAC?hl=ru&gbpv=1&dq=Sermons+...+upon+several+subjects+and+occasions%E2%80%9D+(1677)&pg=PA154&printsec=frontcover) (accessed 01.03.2022).
- Google Books. Available at: <https://books.google.com> (accessed 01.03.2022).
- Graddol, D., Leith, D., Swann, J. (1997). *English: history, diversity and change*. London, New York: Routledge. 394 p. ISBN 0415131170.
- Groulier, J. F., Brugère, F. (2015). Beauty. In: *Dictionary of Untranslatables: A Philosophical Lexicon*. Princeton, Oxford: Princeton University Press. 79—89. ISBN 1400849918.
- Guryevskaya, L. A. (2006). *Cognition and morality in the philosophy of John Locke*. PhD Diss. Moscow. 168 p. (In Russ.).
- Hargreaves-Mawdsley, W. N. (1973). *Oxford in the Age of John Locke*, 32. Norman: University of Oklahoma Press. 132 p. ISBN 0806110384.
- Hobbes, T. (2017). *Leviathan*. Moscow: RIPOL classic. 672 p. ISBN 978-5-386-09900-8. (In Russ.).
- Johnson, M. (2018). *The Aesthetics of Meaning and Thought: The bodily roots of philosophy, science, morality, and art*. Chicago and London: The University of Chicago Press. 293 p. ISBN 9780226538808.
- Komova, T. A., Sharapkova, A. A. (2017). The conceptual and semantic shift of “noble” and its synonyms as a case of semiosis. *Lege Artis. Language yesterday, today, tomorrow*, 2 (2): 95—147. DOI: 10.1515/lart-2017-0014.
- Kuczynski, M. P. (2016). Preface: “...Beatus vitres techyng”. In: *Prophetic Song: The Psalms as Moral Discourse in Late Medieval England*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press. XV—XXVI. ISBN 9781512803310.
- Loginov, E. V. (2020). Is identity of personality a condition of moral responsibility? *Philosophical Journal*, 13 (2): 173—184. DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-2-173-184. (In Russ.).
- Lemetti, J. (2011). *Historical dictionary of Hobbes's philosophy*. Lanham, Toronto, Plymouth: Scarecrow Press. 405 p. ISBN 0810850656.

- Malinowski, B. (1935). *Coral Gardens and Their Magic*. Available at: http://www.archive.org/stream/coralgardensandt031834mbp/coralgardensandt_031834mbp_djvu.txt (accessed 01.03.2022).
- Manerko, L. A. (1993). The use of computer processing during the distributive-valence analysis of complex names of artifacts (based on the technical vocabulary of modern English). In: *English lexicon in aspects of interlanguage and intercultural classification*, 410. Moscow: MGLU Publishing House. 112—121. (In Russ.).
- Manerko, L. A. (2001). Development of valence theory in connection with the use of computer technologies. In: *Materials of the International Conference dedicated to the scientific heritage of Prof. M. D. Stepanova and her further development (To the 100th anniversary of her birth)*. Moscow: MGLU Publishing House. 92—95. (In Russ.).
- Marshall, J. (1994). *John Locke: Resistance, Religion and Responsibility*. Cambridge: Cambridge University Press. 485 p. ISBN 0521466873.
- Middle English dictionary*. Available at: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary> (accessed 01.03.2022).
- Oxford English dictionary. *Electronic version: 4.0.0.1. CD ROM*.
- Prolegomena to moral responsibility. (2020). *Date compote*, 15: *Moral responsibility*. 3—100. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-3-100. (In Russ.).
- Rimell, V. (2017). Philosophy's Folds: Seneca, Cavarero, and the History of Rectitude. *Hypatia*, 32 (4): 768—783. DOI: 10.1111/hypa.12361.
- Robertson, J. (2005). *The case for the Enlightenment: Scotland and Naples 1680—1760*. Cambridge: Cambridge University Press. 455 p. ISBN 978-0-521-84787-2.
- Rush, B. (1951). Rush to Elias Boudinot? *Observations on the Federal Procession in Philadelphia, July 9th, 1788*. In *Letters of Benjamin Rush, 1. 1761—1792*. Princeton: Princeton University Press. 470—477.
- Rychlý, P. (2008). A Lexicographer-Friendly Association Score. *RASLAN*. 6—9.
- Salkeld, J. (1617). *A Treatise of Paradise, and the Principal Contents Thereof. Especially of the Greatness, Situation, Beautie, and Other Properties of that Place ... Collected Out of the Holy Scripture, Ancient Fathers, and Other Both Ancient and Moderne Writers*. Available at: https://www.google.ru/books/edition/A_Treatise_of_Paradise_and_the_Principal/mFI7AQAAMAAJ?hl=ru&gbpv=0 (accessed 01.03.2022).
- Schneewind, J. B. (1994). Locke's Moral Philosophy. In: *The Cambridge Companion to Locke*. Cambridge: Cambridge University Press. 199—225. DOI: 10.1017/CCOL0521383714.009.
- Schuurman, P. (2003). Willem Jacob's Gravesande's Philosophical Defence of Newtonian Physics: On the Various Uses of Locke. In: *The Philosophy of John Locke: New Perspectives*. London: Routledge. 43—57. ISBN 0-415-31446-1.
- Sepir, E. (1993). *Selected works on linguistics and cultural studies*. Moscow: Progress, University. 656 p. ISBN 5-01-002079-3. (In Russ.).
- Shapiro, L. (2006). Instrumental or Immersed Experience: Pleasure, Pain and Object Perception in Locke. In: *The Body as Object and Instrument of Knowledge: Embodied Empiricism in Early Modern Science*. Dordrecht, Heidelberg, London, New York: Springer. 265—285. DOI: 10.1007/978-90-481-3686-5.
- Sharapkova, A., Loginov, E., Manerko, L. (2019). Conceptualizing the mental sphere in discourse : From Enlightenment philosophy to Mark Twain. *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow*, 4 (1): 170—240.
- Sketch Engine. Available at: <http://www.sketchengine.co.uk> (accessed 01.03.2022).

- Solopova, M. A. (2020). Aristotle's Treatise "On Youth and Old age, life and Death" as an essay of the Parva naturalia series. *Historical and Philosophical Yearbook*, 35: 31—52. DOI: 10.21267/AQUILO.2020.47.21.001. (In Russ.).
- Taratuta, E. E. (2007). *Philosophy of virtual reality*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. 147 p. ISBN 978-5288-04291-1. (In Russ.).
- Tsaregorodtsev, A. V. (2009). On some aspects of the evolution of English Protestantism in the XVI — mid — XIX century through the prism of the problem of the formation of bourgeois ethos. *Bulletin of ChelSU*, 12: 99—108. (In Russ.).
- The Cambridge History of the English language. English in Britain and Overseas: Origins and Development*, 5. (1992). Cambridge: Cambridge University Press. 686 p. ISBN 0521264782.
- The Middle Way of Predetermination Asserted. Between the Dominicans and Jesuites, Calvinists and Arminians. Or, a Scriptural Enquiry Into the Influence and Causation of God, in and Unto Humane Actions; Especially Such as are Sinfull; Signed: W. M. With an Epistle to the Reader Signed: Rich. Baxter.* (1679). Available at: https://www.google.ru/books/edition/The_Middle_Way_of_Predetermination_Asser/oYtmAAAcAAJ?hl=ru&gbpv=0 (accessed 01.03.2022).
- Wermser, R. (1976). *Statistische Studien zur Entwicklung des englischen Wortschatzes*. Bern: Francke. 141 p. (In Germ.).
- Widdrington, R. (1613). *A Theologicall Disputation concerning the Oath of Allegiance ... Translated out of Latin into English by the Author himselfe, whereunto hee hath added an Appendix, etc.* Available at: [https://www.google.ru/books/edition/A_Theologicall_Disputation_concerning_th/hCpkAAAcAAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=%C2%ABA+Theologicall+Disputation+concerning+the+Oath+of+Allegiance%C2%BB+\(1613\)&pg=PA19&printsec=frontcover](https://www.google.ru/books/edition/A_Theologicall_Disputation_concerning_th/hCpkAAAcAAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=%C2%ABA+Theologicall+Disputation+concerning+the+Oath+of+Allegiance%C2%BB+(1613)&pg=PA19&printsec=frontcover) (accessed 01.03.2022).
- Wierzbicka, A. (2007). Moral sense. *Journal of social, evolutionary, and cultural psychology*, 1 (3): 66—85. DOI: 10.1037/h0099824.
- Zakharov, V. P., Khokhlova, M. V. (2014). Isolation of terminological phrases from special texts based on various measures of association. *Technologies of the information society in science, education and culture: a collection of scientific articles: Proceedings of the XVII All-Russian Joint Conference "Internet and Modern Society" (IMS-2014), St. Petersburg, November 19-20, 2014*. St. Petersburg: ITMO University. 290—293. Available at: <http://ojs.itmo.ru/index.php/IMS/article/view/268/264> (accessed 01.03.2022). (In Russ.).
- Zudilina, N. V. (2020). On the four reasons for the existence of "Platonic" and "Aristotelian" meanings of the concept of "virtual". *Philosophical Sciences*, 63 (4): 84—98. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-4-84-98. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.03.2022,
одобрена после рецензирования 03.10.2022,
подготовлена к публикации 24.10.2022.

Шаталова О. В. Слово ясно как лексико-синтаксический маркер языковой личности героя романа Е. Замятина «Мы» / О. В. Шаталова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 121—138. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-121-138.

Shatalova, O. V. (2022). Word ‘Yasno’ [Clear] as a Lexical-Syntactic Marker of Linguistic Personality in Novel “We” by E. Zamyatin. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 121-138. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-121-138. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-121-138

**Слово ясно как
лексико-синтаксический
маркер языковой личности
героя романа
Е. Замятина «Мы»**

Шаталова Ольга Васильевна
orcid.org/0000-0003-1656-0443
доктор филологических наук,
профессор, кафедра русского языка,
методики его преподавания
и документоведения
shat_o_v@mail.ru

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

**Word ‘Yasno’ [Clear]
as a Lexical-Syntactic Marker
of Linguistic Personality
in Novel “We”
by E. Zamyatin**

Olga V. Shatalova
orcid.org/0000-0003-1656-0443
Doctor of Philology, Professor,
Department of the Russian Language,
Methods of its Teaching
and Record Keeping
shat_o_v@mail.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

© Шаталова О. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о характеристике языковой личности персонажа художественного произведения посредством анализа лексико-синтаксических маркеров. Делается обзор основных тенденций в развитии теории языковой личности, обуславливающих объективность выделения лексико-синтаксического маркера как единицы, интегрирующей в себе языковые единицы различных уровней. Представлены результаты анализа функционирования слова *ясно*, маркирующего языковую личность главного героя романа Е. Замятина «Мы». Определен функционально-прагматический потенциал маркера в объективации интеллектуальных, эмоциональных и морально-нравственных интенций персонажа Д-503 в ретроспективе всего произведения. Доказывается наличие контекстуальных изменений семантики, морфологической квалификации, синтаксической и пунктуационной оформленности лексико-синтаксического маркера *ясно*. Усматривается зависимость между варьированием лексического окружения этого слова и эмоционально-психическим состоянием персонажа. Новизна исследования видится в том, что выявляется семантическая и грамматическая трансформация лексико-синтаксического маркера языковой личности персонажа, свидетельствующая о модификации личности в рамках сюжета.

Ключевые слова:

языковая личность; персонаж; лексико-синтаксический маркер; категория состояния; Замятин.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the linguistic personality description of the character of a work of art through the analysis of lexical and syntactic markers is considered. A review of the main trends in the development of the theory of linguistic personality is made, which determine the objectivity of identifying a lexical-syntactic marker as a unit that integrates linguistic units of various levels. The analysis results of the functioning of the word 'yasno' [clear], which marks the linguistic personality of the protagonist of the novel "We" by E. Zamiatin, are presented. The functional and pragmatic potential of the marker in the objectification of the intellectual, emotional and moral intentions of the D-503 character in the retrospective of the entire work is determined. The presence of contextual changes in semantics, morphological qualification, syntactic and punctuation well-formedness of the lexico-syntactic marker 'yasno' [clear] is proved. There is a relationship between the variation of the lexical environment of this word and the emotional and mental state of the character. The novelty of the research is seen in the fact that the semantic and grammatical transformation of the lexical-syntactic marker of the character's linguistic personality is revealed, indicating a modification of the personality within the framework of the plot.

Key words:

linguistic personality; character; lexical-syntactic marker; state category; Zamiatin.

Слово ясно как лексико-синтаксический маркер языковой личности героя романа Е. Замятина «Мы»

© Шаталова О. В., 2022

1. Введение = Introduction

Междисциплинарная интегрированность современного научного знания, компилятивность социокультурных методологических подходов в оценке тех или иных явлений действительности нивелируют зачастую возможности репрезентации личности. Однако лингвистика, будучи одной из самых гуманистически ориентированных дисциплин, обращаясь к языку как уникальному инструменту познания мира, формирует спектр приемов оценивания тех или иных характеристик личности.

Среди множества подходов к исследованию и характеристике языковой личности персонажа, что убедительно и системно объективировано в современной научной парадигме [Геймбух, 1999; Караулов, 2003; Иванцова, 2010; Седов, 1999; Шурупова, 2020 и др.], можно обозначить изучение маркеров языковой личности персонажа, к которым относят отдельные слова в их семантической и синтаксической реализации, поскольку «происходит сближение учения о лексической семантике и семантического синтаксиса» [Современный русский язык, 1997, с. 765], сближение синтаксиса с семантикой активно позиционируется как фактор развития современной компьютерной лингвистики [Mogenzen, 2007], нацеленной на исследование говорящей личности. Следовательно, закономерно, что лексико-синтаксический маркер — это «наиболее частотное и концептуально значимое слово, характеризующее речевой “облик” персонажа с учетом синтаксических условий его употребления» [Сигал, 2021, с. 131]. По мнению В. А. Масловой, в лексиконе репрезентируются такие параметры языковой личности, как социальный статус, уровень образования, тип характера, пол, возраст, национальная принадлежность и др. [Маслова, 2001, с. 119]. Принимая за аксиому тезис Ю. Н. Караулова о том, что в речевых актах персонажа, в высказываниях «опредмечивается» духовный облик личности, мир ее ценностей, идеалов, устремлений и т. д. [Караулов, 2003, с. 70], можно предположить, что лексико-синтаксические маркеры становятся специфическими языковыми образами, отражающими в своей семантико-прагматической цельности личность персонажа. Выражаясь метафорически, лексико-синтаксический маркер если не формирует полный портрет персонажа, то создает силуэт, который, будучи совмещен-

ным с другими «силуэтами» при соответствующем «освещении» (анализе грамматико-коммуникативного контекста), позволит увидеть личность персонажа в его глубине и многоплановости.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Широко распространен в современной лингвистической парадигме подход к описанию языковой личности через обозначение ключевых концептов. Бесспорно, что концепт как ментальная единица [Кампаделли, 2020] объективирует когнитивный уровень в структуре языковой личности. Однако принятая в когнитивистике система представления концепта через выявление языковых единиц, формирующих определенный тематический формат, но без анализа семантики и прагматики данных единиц [Дубова и др., 2020], на наш взгляд, не позволяет достаточно четко представить именно языковой образ анализируемой личности. Подобный подход интегрирует знания лингвистики, литературоведения, философии, культурологии, что отражается в том числе в применяемой терминологии («определяющей *характеристикой* языковой личности героя ... *становится идея* двоемирия» [Дубова и др., 2020, с. 429]), и, с одной стороны, расширяет возможности характеристики личности, с другой, размывает границы методологического описания научного объекта и требует углубления анализа природы определенных репрезентантов общезыкового концепта в отражении в индивидуальной когнитивной сфере (картине мира) говорящей личности, тогда как характеристика языковой личности в опоре на более мелкую формально единицу — лексико-синтаксический маркер — позволяет более объективно представить вербально-семантическую организацию языковой личности и стать вспомогательным компонентом описания ее когнитивного уровня.

Лексико-синтаксический маркер по своей природе является единицей, характеризующейся с канонических позиций уровневой структуры языка. Сохраняя в себе в полном объеме исходную семантику, будучи употребленной в рамках определенной синтаксической конструкции в конкретном речевом акте, маркер становится репрезентантом определенных интеллектуально-психических свойств личности, формирует каркас языковой личности в ее представленности на вербально-семантическом уровне. Четкая квалификация лексико-синтаксического маркера позволяет при описании его как компонента языковой личности использовать канонические методы: структурно-семантический и компонентный анализ слова. Подобный подход оказывается достаточно распространенным в современной лингвистической науке [Сигал, 2021; Ивыгина и др., 2017; Sun Xiaoli, 2021 и др.].

В частности, выявление языковых маркеров становится основным приемом представления «дискурс-портрета персонажа художественного про-

изведения», соотношенного с особенностями его личности [Клокова, 2020, с. 86], когда все характеристики персонажа «воплощаются в речевом поведении через дискурсивные маркеры» [Там же, с. 87]. В данном случае реализуется также возможность исследования посредством определения речевых маркеров личностей, принадлежащих различным языковым культурам, формирующихся и получающих бытование в рамках разных дискурсивных моделей (аналогичный подход в [Ивыгина и др., 2017; Трощинская-Степушина, 2021]). Часть современных исследователей оперируют термином *речевой портрет* при анализе и характеристике персонажа художественного произведения, опираясь на лексические [Герасименко, 2018; Алешина, 2019; Флигинских, 2020] или синтаксические приоритеты. Анализ частотных лексем в речи персонажа позволяет заметить, как некоторые слова, «обрастая в контексте смысловыми нюансами, передают самые тонкие оттенки душевного состояния героя» [Алешина, 2019, с. 119]. Анализ синтаксических приоритетов строится либо на выявлении коммуникативно-прагматической природы синтаксических единиц, проявляющейся в конкретном речевом образе [Колокольцева, 2015], либо на формально-статистических показателях частотности употребления конструкций определенных типов [Губарь 2015]. На наш взгляд, именно совмещение анализа семантической природы слов / выражений, которые часто использует говорящий, и их синтаксической реализации в речи (описание лексико-синтаксического маркера / маркеров) позволяет наиболее полно представить образ героя, сконструировать модель его языковой личности, позволяя нам апеллировать к понятию лексико-синтаксического маркера, что в современных исследованиях также может быть соотносено с исследованием языковой личности через выявление «лексико-грамматических приоритетов» [Герасименко, 2018]. Однако термин *лексико-синтаксический маркер* представляется нам более соответствующим современному научному пространству, интегрирующему не только междисциплинарные, но и международные аспекты исследования языковой личности [Michailinienė 2007; Sun Xiaoli, 2021 и др.].

Материалом для проведения исследования стал роман Е. Замятина «Мы», главный герой которого — Д-503 — в большинство рефлексивных монологов включает слово *ясно* (безлично-предикативный номинатив) или однокоренные слова с иной грамматической квалификацией, что становится средством лексико-синтаксического маркирования его личностной трансформации на протяжении сюжета романа.

Цель статьи — определить функционально-прагматический потенциал маркера языковой личности в объективации интеллектуальных, эмоциональных и морально-нравственных интенций персонажа в ретроспективе всего произведения.

Актуальность статьи связана с доказательством того, что функционально-прагматический анализ лексико-синтаксического маркера языковой личности персонажа художественного произведения позволяет углубить представление о структуре и эмоционально-интеллектуальных характеристиках личности и расширить возможности исследования и моделирования языковой личности за счет расширения спектра привлекаемых единиц.

Научная новизна статьи состоит в том, что в ней обозначается возможность семантической и грамматической трансформации лексико-синтаксического маркера языковой личности персонажа в зависимости от условий его реализации в рамках сюжета.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Лексико-синтаксический маркер *ясно* в системе характерологических признаков языковой личности героя романа Е. Замятина «Мы»

Главный герой романа — Д-503 — в начале повествования является adeptом Единого Государства (по Замятину, читаем — тоталитаризма), искренне верящим, даже верующим в то, что «инстинкт несвободы издревле органически присущ человеку» [Замятин, 2010, с. 44], синонимизирующим «государство» и «гуманность» [Там же, с. 51]. Размышления математика, строителя «Интеграла» предельно рациональны, оформлены как логически правильно построенные высказывания: «...Вовсю во мне гудел логический маховик, и я по инерции заговорил о только что установленной мною формуле, куда входили и мы все ...» [Там же, с. 44]. Примечательно то, что свое внутреннее состояние Д-503 способен анализировать и описывать так же скрупулезно и научно выверенно, как механизмы, недаром он использует термины: *маховик* в словаре имеет помету «техническое» [СлРЯ, т. 2, с. 239], *инерция* — «физическое» [СлРЯ, т. 1, с. 667]. При этом к вопросам языкового оформления мыслительных процессов он подходит с тех же позиций рационального знания: его мышление настолько структурировано, что он осознает не только «что» говорит, но и «как» говорит: «Недаром же у меня, кажется, некоторое пристрастие к этому самому слову “ясно”» [Там же, с. 53]. Таким образом, лексико-синтаксический маркер *ясно* он, бескомпромиссный исследователь, сам объективирует для читателя романа (по сюжету — для потенциального читателя своего дневника).

Так, Д-503, оценивая ход истории, пытается рассуждать предельно логично и формулировать мысли однозначно: «Ведь *ясно*: вся человеческая история, сколько мы ее знаем, это история перехода от кочевых форм к все более оседлым» [Замятин, 2010, с. 49]. Для него не существует необъяснимых явлений в философии (хотя сам он отрицает данную форму

осмысления действительности): «*Ясно*: поводов для зависти нет уже никаких, знаменатель дроби счастья приведен к нулю — ... » [Там же, с. 58]; «Совершенно *ясно*, что этот контраст, эта непроходимая пропасть между сегодняшним и тогдашним...» [Там же, с. 45]. Утверждая данный подход к оценке действительности, Д-503 использует маркер *ясно* — «понятно, несомненно, безусловно» [СлРЯ, т. 4, с. 785]. При этом безлично-предикативный номинатив *ясно*, выступающий в оценочной препозиции по отношению к любой сфере жизни, используется героем безапелляционно. Учитывая семантику и грамматическую квалификацию *ясно* в приведенных высказываниях как категории состояния, то есть слова, выражающего «недейственное состояние, которое может мыслиться безлично... или приписываться тому или иному лицу как субъекту, испытывающему это состояние» [Виноградов, 1972, с. 321]), можно обозначить функциональное взаимодействие эмоционально-психологического состояния героя и прагматики лексико-синтаксического маркера *ясно*.

3.2. Микро-контекст безлично-предикативного слова *ясно* как фактор трансформации языковой личности Д-503

Принципиально значимым аспектом использования слова *ясно* в речи Д-503 является то, что в большинстве высказываний данное слово используется не изолированно, а в сочетании с дополнительными компонентами. Условно выделяя несколько этапов в развитии языковой личности Д-503 (табл. 1), можно заметить, что в начале сюжетного развития действия — I этап — семантика предикатива *ясно* подкрепляется разговорным наречием со значением меры и степени *совершенно* — «совсем, вовсе» [СлРЯ, т. 4, с. 174], усилительной частицей *ведь* [СлРЯ, т. 1, с. 144] и др. аналогичными единицами. Тем самым подчеркивается не только внутренняя убежденность говорящей личности в справедливости высказываемых постулатов, но и экспрессия, граничащая со снисходительной ироничностью по отношению к потенциальному адресату / коммуникативному партнеру, который мог бы думать иначе.

Появление в жизни Д-503 «внешнего раздражителя» — I-330 — обозначает границу II этапа развития личности героя, поскольку моментально разрушает внешне благопристойно-благополучную картину мира. Слова и поступки I-330 пробуждают иррациональное, темное начало в натуре героя, что сразу же отражается в его речевой саморепрезентации и характеристике мира: «Но ведь *ясно* же: там шпион — это белена, тут шпион — ландыш» [Замятин, 2010, с. 69]; «До сих пор мне все в жизни было *ясно*, ... А сегодня... Не понимаю» [Там же, с. 53].

Помимо усилительных частиц *ведь* и *же*, которые нужны Д-503 не только для усиления своего высказывания в восприятии адресата, но и

в некоторой степени для самоубеждения, в препозиции высказывания появляется союз *но*, наиболее близкое функциональное назначение которого в приведенном высказывании и ему подобных — противительно-присоединительное, когда *но* «употребляется в разговоре, в начале реплики, содержащей в себе возражение собеседнику, или в речи одного лица при возражении самому себе» [СлРЯ, т. 2, с. 503]. Учитывая фабульную ситуацию и форму передачи ситуации — Д-503 в дневниковой записи воспроизводит свой предельно эмоциональный диалог с О-90, можно утверждать, что в данном контексте наличие *но* — это совмещение функции возражения и собеседнику, и самому говорящему — с оттенком уступительности.

В плане развития личности это четкая фиксация момента, когда у Д-503 еще не появилось осознания крушения прежнего мировосприятия, но прежнее состояние, когда он чувствовал себя абсолютно уверенным в разумности и непоколебимости искусственного микрокосма Единого Государства, оказывается в прошлом: предикатив *ясно* приобретает, во-первых, более широкое контекстуальное окружение — обстоятельственный фразеологизм *до сих пор* — «до этого, до настоящего времени» [СлРЯ, т. 3, с. 300], то есть до момента речи, и вспомогательный глагол прошедшего времени *было*. Во-вторых, в попытках оформить вербально свое состояние Д-503 начинает испытывать сложности: предложение «А сегодня...» оформлено многоточием, что можно оценивать, с одной стороны, как фактор незаконченности мысли, однако, с другой стороны, это фигура умолчания, которая свидетельствует о том, что герой не только не может, но и не хочет проговорить то, что смутно уже предчувствует. Поэтому обрывает свое высказывание категоричным и честным: «Не понимаю». Как раз здесь — в пределах одного речевого построения — обозначается дилемма, впоследствии вырастающая в духовную трагедию героя: «ясно» — «не понимаю».

Возникающие сложности в восприятии ранее неизблемых констант бытия Д-503 воспринимает как нечто чужеродное, не может объяснить истоки и причины их появления, поэтому, хватаясь за бывшее *ясно*, как за спасительную соломинку, вынужден искать подтверждения правоты своих убеждений. Он, вопреки своему рационалистическому и в некоторой степени высокомерному отношению к неизвестному, но априори менее просвещенному и просветленному, собеседнику (адресату дневника), выстраивает некое подобие диалога, где лексико-синтаксический маркер *ясно* используется в условно вопросительной форме: «Но не *ясно* ли: блаженство и зависть — это числитель и знаменатель дроби, именуемой счастьем» [Замятин, 2010, с. 57]; «Разве не *ясно*, что личное сознание — это только болезнь?» [Там же, с. 138]. В то же время записки Д-503 — это прежде всего его рефлексия по поводу значимых нравственно-этических вопросов, то есть вопросительные

конструкции, содержащие предикатив *ясно*, по своей сути являются риторическими, свидетельствующими, по наблюдениям современных исследователей, прежде всего об эмоциональности формируемого текста, причем с негативной коннотацией [Чиршева, 2018; Чумакова и др., 2015]. Частица *разве* «употребляется в вопросительном предложении, выражающем сомнения в чем-либо, недоверие к чему-либо, удивление по поводу чего-либо» [СлРЯ, т. 3, с. 300]. Следовательно, в переходе лексико-синтаксического маркера *ясно* в формат риторического вопроса в сочетании с языковыми компонентами, выражающими недоверие, неуверенность, уступку, отражается изменение в психологическом состоянии героя, трансформация его взглядов.

В момент появления сомнения в нерушимости окружающей действительности и непогрешимости самого героя пробуждается новый Д-503, которого его друг, поэт R-13, назовет Адамом — по аналогии с библейским героем. «Перерождение» (или падение, если учитывать неомифологическую интерпретацию произведения [Евсеев, 2003; Кольцова, 1998 и др.]) главного героя со всей однозначностью отмечается лексическим маркером: у ведущего аккуратно и последовательно дневник героя «Запись 6-я» получает конспективный заголовок — СЛУЧАЙ. ПРОКЛЯТОЕ «ЯСНО». 24 ЧАСА. То, что составляло незыблемую константу, позволяющую Д-503 логично и бесспорно фиксировать окружающую действительность, получает предельно эмоциональную — отрицательную — оценку.

3.3. Пунктуационно-графические средства категоризации лексико-синтаксического маркера *ясно* в речи героя романа Е. Замятина «Мы»

III этап нравственно-этического развития образа персонажа романа-антиутопии связан с осознанием им нивелирования постулатов Единого Государства в спектре его приоритетов. Д-503 чувствует необратимость происходящего, однако это для него в определенной степени трагично, поскольку он оказывается в ситуации полного непонимания как своего положения, так и поступков тех, кто олицетворяет для него стихийный, чужой, но манящий мир. Герой не в состоянии вербализовать свое состояние, поэтому маркер *ясно* получает своеобразное пунктуационно-графическое обрамление.

При самоанализе Д-503 строит предложения, где *ясно* формирует незаконченное высказывание с многоточием: «*Ясно...* — начал я — тотчас же поймал себя на этом слове и украдкой заглянул на I: заметила или нет?» [Замятин, 2010, с. 61]; «*Ясно...* То есть я хотел... (это проклятое «ясно»!)» [Там же, с. 63]; «Все осталось по-прежнему, и в то же время *ясно...*» [Там же, с. 103]. Анализ контекстуального окружения каждого из приведенных примеров позволяет однозначно квалифицировать *ясно* именно как предикативную основу сложного предложения, за которым должна следовать зависимая предикативная часть, отсутствующая именно в силу того,

что у самого говорящего отсутствует представление о четких параметрах предполагаемых фактов. Многоточие используется для указания на невозможность продолжать речь, если можно так выразиться, для фиксации «нулевой семантики» высказывания.

Если же речь идет о других персонажах, то главный герой романа Е. Замятина, выступающий в роли автора записок, как бы не желает зафиксировать ту информацию, которая ему открылась, с одной стороны, испытывая боль и терзаясь осознанием определенных фактов, с другой — уже невольно защищая этот новый для него мир чувств и переживаний: «Я помню подумал: “Если от нефизических причин — может быть физическая боль, то *ясно*, что — ”» [Замятин, 2010, с. 149]; «Я вспомнил все, что было в этой комнате полчаса назад, и мне было *ясно*, что она сейчас — » [Там же, с. 167]. Здесь автор использует специфический знак долгого тире, который указывает на текст, «зачеркнутый, вымаранный» в записках Д-503, одновременно материализуя для читателя духовные страдания героя.

Таким образом, формально сохраняя позицию предикативного словосостояния, долженствующего указывать на высокий уровень рационально-материалистического развития мышления Д-503, лексико-синтаксический маркер *ясно* свидетельствует об утрате нравственно-этических координат, о появлении своеобразной «пустоты» там, где когда-то безапелляционно господствовал Благодетель, управляла Скрижаль и бытие несомненно-господя «Адама»-Д-503 было размеренным и ясным.

Оценочный номинатив *ясно* на этой стадии трансформации внутренней структуры героя впервые перемещается в скобки: «Идеал (это *ясно*) — там, где уже ничего не случается» [Замятин, 2010, с. 59]; « — Нет, нет, что вы, — поторопился я сказать (вблизи, в самом деле, *ясно*, что ничего похожего на жабры нет, и у меня о жабрах — это было совершенно неуместно)» [Там же, с. 132]. Д-503 высказывает постулаты, в которых он не сомневается, но против его воли, бесконтрольно, анализируемый маркер приобретает новое пунктуационное оформление. Как отмечалось нами ранее [Шаталова, 2016], скобки в дневниковых записях героя романа Е. Замятина выступают синтаксическим средством квалификации полярных позиций «свое» — «чужое»: в скобках оказывается в разных эпизодах то, что на момент описания Д-503 воспринимает как знак чужеродного мира. Заметим, что спектр выносимых в скобки реалий на протяжении романа меняется. Так и в данном эпизоде, защищая и даже прославляя принципы научно-технической организации жизни Единого Государства, Д-503, еще не осознанно, свою уверенность в правильности существующего порядка «ставит в скобки».

Существенным оказывается и позиция *ясно* в рамках высказывания: теряя свою позицию в начале высказывания, безлично-предикативный

номинатив *ясно* постепенно перемещается к концу высказывания. Д-503 словно вдогонку уже не столь надежным постулатам пытается закрепить их прагматическую направленность: «Нет, ему (S-4711. — О. III.) об этом нельзя, нелегко: это *ясно*» [Замятин, 2010, с. 67].

3.4. Грамматическая трансформация слова *ясно* как средство активации личностного перерождения героя

В какой-то момент (этап IV) Д-503 перестает сопротивляться случившемуся с ним, признает, что ясность его бытия / бытования разрушена, что фиксируется посредством компонента *не* (префикса или частицы при лексеме с корнем *-ясн-*) — «полного отрицания того, что обозначает слово или словосочетание, перед которым оно стоит» [СлРЯ, т. 2, с. 419]: «Мне было *неясно*, в чем дело, но тут было что-то» [Замятин, 2010, с. 73], — подумает Д-503 о недавно близком и, как казалось, понятном друге R-13, и далее: «В нем есть тоже что-то, *не* совсем мне *ясное*» [Там же, с. 74]. Действительно, некоторое время назад (по сюжету) невозможно было представить, чтобы главный строитель «Интеграла», верящий только в рациональное устройство мира, мог «не» понимать чего-либо, «не» иметь объяснений любых процессов. Теперь же он готов отрицать незыблемость и чистоту научных и социально-нравственных аксиом Единого Государства, даже в тех случаях, когда «Все это слишком *ясно* ... » [Там же, с. 101]. Степенное наречие *слишком* — «сверх меры, чересчур» [СлРЯ, т. 4, с. 138] — при слове *ясно* в данном контексте выступает как антоним наречия *совершенно*: формируется оппозиция «совершенно ясно (I этап) — слишком ясно (IV этап)», подчеркивающая радикальные изменения в психологии мышления Д-503.

На этапе полного признания отказа от былых убеждений, что выражается и в поступках героя, таких как осознанное подчинение всем распоряжениям I-330, нападение на R-13 во время церемонии и т. п., происходит и ментальное «переключение кодов»: от бытийного состояния уверенности в правильности организации действительности (категория состояния *ясно*) к попыткам осмысления каждого отдельного действия, совершаемого героем, то есть к процессуальности, от статичности к подвижности. При этом лексико-синтаксический маркер *ясно* сохраняет свои приоритетные позиции в речи Д-503, но в принципиально новой категориальной сущности: *ясно* трансформируется — переходит из формы грамматического предикатива, категории состояния в наречие, указывает на признак действия: «Первый раз в жизни — *вижу* себя *ясно*, отчетливо, сознательно» [Замятин, 2010, с. 86]; «Я совершенно *ясно* слышал его мысли: “Привет! — ты — приятель...”» [Там же, с. 89]; «Вот — *ясно вижу* — еще покачивается старинное кольцо на ключе в двери шкафа, а I — нет» [Там же, с. 97]; «И справа — *ясно чувствую* на себе глаза, отчетливо вижу морщины на

лбу — ...» [Там же, с. 98]; «И я *вижу ясно*, что это только отрывка нелепого предрассудка древних — их идеи о “праве”» [Там же, с. 127]; «*Помню* очень *ясно*: я засмеялся — поднял глаза» [Там же, с. 205]. Естественно, что значительную роль в возможности такой функциональной модификации слова *ясно* играет его гибридная [Виноградов, 1972, с. 295], или полифункциональная [Современный русский язык, 1997, с. 591] природа, но также семантика слова способствует объективации личностных интенций героя романа. Не менее показательно то, что во всех случаях наречие *ясно* сочетается с глаголами в форме 1 лица, единственного числа. Так на уровне грамматики подчеркивается перерождение героя, его духовный переход из состояния «мы» в образ «я» По сюжету герой испытывает одиночество, отторженность от сообщества Единого Государства и одновременно непреодолимое желание ощутить свою уникальность, узнать свою мать, получить «в индивидуальное пользование» любимую женщину.

Обратная трансформация происходит после формально-физиологического преобразования Д-503 — по сюжету после операции по удалению фантазии: он избавлен от каких-либо чувств, эмоций, переживаний, к нему возвращается спокойствие духа и уверенность в разумности и естественности миропорядка Единого Государства, фиксируемая в том числе вербально самим героем романа, который, как уже отмечалось, склонен к самонаблюдению и самоанализу во всех проявлениях. Последняя запись имеет заголовок: «Факты. Колокол. Я уверен» [Замятин, 2010, с. 217]. И хотя данная запись посвящена описанию происходящего с Д-503, единственный случай использования лексико-синтаксического маркера в первом абзаце записи: «День. Ясно. Барометр 760» [Там же, с. 217]. В данном случае слово *ясно*, так же как и в начале повествования, выступает в роли предикативной основы самостоятельного высказывания, однако здесь оно носит изолированный характер (не в составе сложноподчиненного предложения) и в значении «о безоблачной погоде» [Замятин, 2010, с. 785] указывает на состояние природы. Допустимо заключение, что герой романа полностью утратил представление о себе как о мыслящем субъекте. Если в начале романа он делал акцент на своем единстве с другими членами Государства («ясно нам», «мы»), то теперь его личное состояние характеризуется факторами окружающей среды, то есть произошло полное нивелирование личности, что зафиксировано использованием лексико-синтаксического маркера *ясно*.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, анализ функционально-прагматических особенностей слова *ясно* как лексико-синтаксического маркера языковой личности героя романа Е. Замятина «Мы» позволяет сделать следующие выводы:

Языковая личность персонажа художественного произведения формируется посредством использования приоритетных / частотных лексических и грамматических языковых единиц. Лексико-синтаксический маркер, как «межуровневый маркер» [Сигал, 2021], не только объективирует индивидуальные характеристики персонажа, но и позволяет проследить изменения эмоционально-психического состояния личности.

Языковая личность Д-503, героя романа Е. Замятина «Мы», маркируется использованием слова *ясно* в разнообразии его семантической и синтаксической репрезентации на протяжении всего повествования.

Личность / индивидуум Д-503 переживает несколько этапов (V) эмоционально-психического и интеллектуального развития, что связано с внешними событиями и его внутренним переосмыслением действительности. Каждый этап характеризуется специфическим использованием слова *ясно* (табл. 1). Выявляются следующие контекстуально реализующиеся аспекты:

— семантические различия: (I—IV) *ясно* — «понятно, несомненно, безусловно», на этапе V *ясно* — «безоблачно»;

— лексическое контекстуальное окружение: (I) наречие со значением уверенности *совершенно*, (II) усилительные частицы *ли, ведь, же*, уступительно-противительный союз *но*, (III) отрицательный компонент *не*, (IV) наречие *слишком* со значением избыточности проявления чего-либо;

Таблица 1

Лексико-синтаксическая маркированность
эмоционально-психологического состояния героя романа Е. Замятина «Мы»
(ретроспектива развития личности Д-503)

Этапы развития личности Д-503	Эмоционально-психическое состояние Д-503	Лексико-синтаксические маркеры
I	уверенность, бескомпромиссность	<i>ясно; совершенно ясно</i>
II	неуверенность, сомнение	<i>до сих пор ...было... ясно; но не ясно ли (?); но ведь ясно же;</i>
III	трагичность осознания утраты нравственных координат	<i>ясно...; ясно, что — —; (это ясно);</i>
IV	признание потери нравственных координат	<i>неясно; не совсем ясное; слишком ясно;</i> <i>наречие ясно при глаголе</i>
V (I)	уверенность, отсутствие эмоций и оценочных реакций	<i>ясно</i>

— морфологическая квалификация: категория состояния (I—V), наречие (IV);

— синтаксическая реализация: предикативная (главная) часть сложноподчиненного предложения (I—IV), обстоятельство (IV), простое предложение (V);

— пунктуационно-графическое варьирование (III).

Исследование лексико-синтаксических маркеров как специфической формы репрезентации языковой личности имеет широкие перспективы, так как одновременно позволяет расширить представления о ментально-когнитивных характеристиках личности — в соотношении с психолингвистикой, психологией — и формализовать изучение отдельных аспектов языковой личности с применением компьютерной лингвистики.

Источники и принятые сокращения

1. *Замятин Е. И.* Мы : роман, повести, рассказы / Е. И. Замятин ; [вступ.ст. Н. Кольцовой] ; худож. С. Дергачев. — Москва : Детская литература, 2010. — 429 с. — ISBN 5-08-004044-0.
2. *СлРЯ — Словарь* русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд., стереотип. — Москва : Русский язык, 1985—1988. — 696 с. + 736 с. + 752 с. + 800 с.

Литература

1. *Алешина Л. В.* Мастерство И. С. Тургенева в создании речевого портрета лемма / Л. В. Алешина // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания в иностранной аудитории : материалы международной научно-методической конференции, посвященной 45-летию кафедры русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации, Орел, 13—14 апреля 2019 года. — Орел : Картуш-ПФ, 2019. — С. 119—123. — ISBN 978-5-9708-0738-5.
2. *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1972. — 616 с.
3. *Винокур Т. Г.* К характеристике говорящего : интенция и реакция / Т. Г. Винокур // Язык и личность. — Москва : Наука, 1989. — С. 11—23.
4. *Геймбух Е. Ю.* Языковая личность и характер : Чацкий и Репетилов / Е. Ю. Геймбух // Русский язык в школе. — 1999. — № 1. — С. 51—61.
5. *Герасименко И. А.* Штрихи к речевому портрету Валентина Распутина : фонетический и лексико-грамматический аспекты / И. А. Герасименко // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей II Международного симпозиума : в 2-х томах : Ялта, 08—12 июня 2018 года / ответственный редактор Е. Я. Титаренко. — Ялта : Ариал, 2018. — С. 370—374. — ISBN 978-5-907162-62-4.
6. *Губарь И. А.* Фрагмент речевого портрета Б. Л. Пастернака (на материале общей характеристики синтаксического строя речи романа «Доктор Живаго») / И. А. Губарь // Язык и культура (Новосибирск). — 2015. — № 16. — С. 127—131.
7. *Дубова М. А.* Языковая личность героя в рассказе В. Брюсова «В башне» / М. А. Дубова, Н. А. Ларина // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — № 5 (84). — С. 429—431. — DOI: 10.24411/1991-5497-2020-01020.

8. *Евсеев В. Н.* Художественная проза Евгения Замятина : проблемы метода, жанровые процессы, стилевое своеобразие / В. Н. Евсеев. — Москва : Прометей, 2003. — 224 с. — ISBN 5-900142-36-1.
9. *Иванцова Е. В.* Лингвоперсонология : основы теории языковой личности / Е. В. Иванцова. — Томск : ТГУ, 2010. — 160 с. — ISBN 978-5-7511-1935-5.
10. *Ивыгина А. А.* Этнонимы «русский» и «немец» как маркеры самоидентификации личности : на материале автобиографического романа российского немца Якова Иккеса «На задворках распятой страны» / А. А. Ивыгина, Ю. Ю. Данилова // *Philologos*. — 2017. — № 34 (3). — С. 49—54.
11. *Кампаделли Р. А.* Концепт как основная составляющая информационно-когнитивной системы языковой личности / Р. А. Кампаделли // *Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Белорус. гос. ун-та, Минск, 29—30 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : С. В. Воробьева (гл. ред.) [и др.]*. — Минск : БГУ, 2020. — С. 8—12. — ISBN 978-985-566-926-6.
12. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Едиториал УРСС, 2003. — 263 с.
13. *Клокова А. Г.* Дискурсивный портрет персонажа как совокупность взаимосвязанных характеристик его личности / А. Г. Клокова // *Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология*. — 2020. — Т. 10. — № 1. — С. 86—91.
14. *Колокольцева Т. Н.* Речевой портрет персонажа / Т. Н. Колокольцева // *Филологические науки*. — 2015. — № 1. — С. 88—92.
15. *Кольцова Н. З.* «Мы» Евгения Замятина как неомифологический роман : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. З. Кольцова. — Москва, 1998. — 25 с.
16. *Маслова В. А.* Лингвокультурология / В. А. Маслова. — Москва : Академия, 2001. — 208 с. — ISBN 978-5-7695-6179-5.
17. *Седов К. Ф.* Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) / К. Ф. Седов // *Вопросы стилистики*. — 1999. — Выпуск 28. — С. 3—29.
18. *Сигал К. Я.* Об одном лексико-синтаксическом маркере языковой личности персонажа / К. Я. Сигал // *Научный диалог*. — 2021. — № 2. — С. 127—146. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-127-146.
19. *Современный русский язык* / под редакцией В. А. Белошапковой. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Азбуковник, 1997. — 928 с.
20. *Трощинская-Степушина Т. Е.* Специфика речевого портрета литературного героя / Т. Е. Трощинская-Степушина // *Текст. Язык. Человек : XI Международная научная конференция, Мозырь, 18—19 ноября 2021 года*. — Мозырь : Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина, 2021. — С. 104—109. — ISBN 978-985-477-777-1.
21. *Флигинских Ю. Ю.* Способы речевой портретизации персонажа (на примере образа Фагота-Коровьева в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита») / Ю. Ю. Флигинских // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. — 2020. — Т. 11. — № 1. — С. 2.
22. *Чиршева Г. Н.* Выражение эмоций при помощи риторических вопросов / Г. Н. Чиршева, М. И. Рябева // *Вестник Череповецкого государственного университета*. — 2018. — № 5 (86). — С. 117—126. — DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-13.

23. Чумакова Т. В. Синтаксические средства выражения семантики эмоциональности в эпической поэзии А. С. Пушкина / Т. В. Чумакова, Д. Л. Кузьмина // Вестник Южно-Уральского профессионального института. — 2015. — № 2 (17). — С. 72—79.

24. Шаталова О. В. «В скобках сознания...»: некоторые аспекты грамматико-синтаксической характеристики языковой личности героя романа Е. Замятина «Мы» / О. В. Шаталова // V Селищевские чтения : международный сборник научных трудов, посвященный 130-летию со дня рождения Афанасия Матвеевича Селищева. — Елец : Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2016. — С. 413—417.

25. Шурупова О. С. «Беспечный, счастливый человек» (опыт создания речевого портрета Русанова из повести А. И. Солженицына «Раковый корпус») / О. С. Шурупова // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2020. — № 2 (67). — С. 147—156. — DOI: 10.37724/RSU.2020.67.2.015.

26. Mogenzen T. Basics of Compiler. DIKU / T. Mogenzen. — Copenhagen : University of Copenhagen, 2007. — 232 p. — ISBN 978-87-993154-0-6.

27. Sun Xiaoli. The ways of translating pragmatic marker eto samoe (based on the material of parallel Russian and Chinese literary texts) / Sun Xiaoli // Communication Studies. — 2021. — Vol. 8. — № 2. — Pp. 323—332. — DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(2).323-332.

Material resources

SLR — *Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / USSR Academy of Sciences, In-rus. yaz. 3rd ed., stereotype.* (1985—1988). Moscow: Russian language. 696 p. + 736 p. + 752 p. + 800 p. (In Russ.).

Zamyatin, E. I. (2010). *We: novel, novellas, short stories*. Moscow: Children's Literature. 429 p. ISBN 5-08-004044-0. (In Russ.).

References

Aleshina, L. V. (2019). I. S. Turgenev's mastery in creating a speech portrait of Lemma. In: *Actual problems of the Russian language and methods of teaching it in a foreign audience: materials of the international scientific and methodological conference dedicated to the 45th anniversary of the Department of Russian as a Foreign language and Intercultural Communication, Orel, April 13—14, 2019*. Eagle: Cartouche-PF. 119—123. ISBN 978-5-9708-0738-5. (In Russ.).

Beloshapkova, V. A. (1997). *Modern Russian*. Moscow: Azbukovnik. 928 p. (In Russ.).

Campadelli, R. A. (2020). Concept as the main component of the information and cognitive system of a linguistic personality. In: *Linguistic personality and effective communication in the modern multicultural world: materials of the VI International Scientific and Practical Conference, dedicated. To the 100th anniversary of the Belarusian State University, Minsk, October 29—30, 2020*. Minsk: BSU. 8—12. ISBN 978-985-566-926-6. (In Russ.).

Chirsheva, G. N., Ryabeva, M. I. (2018). Expression of emotions with the help of rhetorical questions. *Bulletin of Cherepovets State University*, 5 (86): 117—126. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-13. (In Russ.).

Chumakova, T. V., Kuzmina, D. L. (2015). Syntactic means of expressing the semantics of emotionality in the epic poetry of A. S. Pushkin. *Bulletin of the South Ural Professional Institute*, 2 (17): 72—79. (In Russ.).

- Dubova, M. A., Larina, N. A. (2020). The linguistic personality of the hero in V. Bryusov's story "In the Tower". *The world of science, culture, education*, 5 (84): 429—431. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-01020. (In Russ.).
- Evseev, V. N. (2003). *Yevgeny Zamyatin's artistic prose: problems of method, genre processes, stylistic originality*. Moscow: Prometheus. 224 p. ISBN 5-900142-36-1. (In Russ.).
- Fliginskikh, Yu. Yu. (2020). Ways of speech portrayal of a character (on the example of the image of the Bassoon-Koroviev in the novel by M. A. Bulgakov "The Master and Margarita"). *Mir nauki. Sociology, philology, cultural studies*, 11 (1): P. 2. (In Russ.).
- Geimbukh, E. Y. (1999). Linguistic personality and character: Chatsky and Repetilov. *Russian language at school*, 1: 51—61. (In Russ.).
- Gerasimenko, I. A. (2018). Strokes to the speech portrait of Valentin Rasputin: phonetic and lexical-grammatical aspects. In: *Russian language in the multicultural world: Collection of scientific articles of the II International Symposium. In 2 volumes, Yalta, June 08—12, 2018*. Yalta: Arial. 370—374. ISBN 978-5-907162-62-4. (In Russ.).
- Gubar, I. A. (2015). A fragment of the speech portrait of B. L. Pasternak (based on the material of the general characteristics of the syntactic structure of speech of the novel "Doctor Zhivago"). *Language and Culture (Novosibirsk)*, 16: 127—131. (In Russ.).
- Ivantsova, E. V. (2010). *Linguopersonology: fundamentals of the theory of linguistic personality*. Tomsk: TSU. 160 p. ISBN 978-5-7511-1935-5. (In Russ.).
- Ivygina, A. A., Danilova, Yu. Yu. (2017). Ethnonyms "Russian" and "German" as markers of self-identification of personality: based on the autobiographical novel by the Russian German Yakov Ikkes "On the outskirts of the Crucified country". *Philologos*, 34 (3): 49—54. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2003). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: Editorial URSS. 263 p. (In Russ.).
- Klokoza, A. G. (2020). Discursive portrait of a character as a set of interrelated characteristics of his personality. *Bulletin of the Yanka Kupala Grodno State University. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology*, 10 (1): 86—91. (In Russ.).
- Kolokoltseva, T. N. (2015). Speech portrait of a character. *Philological sciences*, 1: 88—92. (In Russ.).
- Koltsova, N. Z. (1998). "We" by Evgeny Zamyatin as a neo-mythological novel. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 25 p. (In Russ.).
- Maslova, V. A. (2001). *Linguoculturology*. Moscow: Academy. 208 p. ISBN 978-5-7695-6179-5. (In Russ.).
- Mogenzen, T. (2007). *Basics of Compiler. DIKU*. Copenhagen: University of Copenhagen. 232 p. ISBN 978-87-993154-0-6.
- Seagal, K. Y. (2021). 'Fact' as a Lexico-Syntactic Marker of the Character's Linguistic Personality. *Nauchnyi dialog*, 2: 127—146. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-127-146. (In Russ.).
- Sedov, K. F. (1999). Portraits of linguistic personalities in the aspect of their formation (principles of classification and conditions of formation). *Questions of stylistics*, 28: 3—29. (In Russ.).
- Shatalova, O. V. (2016). "In parentheses of consciousness ...": some aspects of the grammatical and syntactic characteristics of the linguistic personality of the hero of E. Zamyatin's novel "WE". In: *V Selishchev readings: an international collection of scientific papers dedicated to the 130th anniversary of the birth of Afanasy Matveevich Selishchev*. Yelets: I. A. Bunin Yelets State University. 413—417. (In Russ.).

- Shurupova, O. S. (2020). “A carefree, happy man” (the experience of creating a speech portrait of Rusanov from the story of A. I. Solzhenitsyn “Cancer Corps”). *Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin*, 2 (67): 147—156. DOI: 10.37724/RSU.2020.67.2.015. (In Russ.).
- Sun Xiaoli. (2021). The ways of translating pragmatic marker *eto samoe* (based on the material of parallel Russian and Chinese literary texts). *Communication Studies*, 8 (2): 323—332. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(2).323-332.
- Troshchinskaya-Stepushina, I. E. (2021). The specifics of the speech portrait of a literary hero. In: *Text. Language. Man: XI International Scientific Conference, Mozyr, November 18—19, 2021*. Mozyr: I. P. Shamyakin Mozyr State Pedagogical University. 104—109. ISBN 978-985-477-777-1. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1972). *Russian (grammatical teaching about the word)*. Moscow: Higher school. 616 p. (In Russ.).
- Vinokur, T. G. (1989). On the characteristics of the speaker. Intention and reaction. In: *Language and personality*. Moscow: Nauka. 11—23. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.07.2022,
одобрена после рецензирования 05.10.2022,
подготовлена к публикации 17.10.2022.

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Ксения Александровна Болдина, канд. полит. наук (Нижний Новгород)

Марина Станиславовна Штейман, канд. филол. наук (Елец)

Надежда Владимировна Зайцева, канд. филол. наук (Елец)

Надежда Ильинична Коновалова, д-р филол. наук (Екатеринбург)

Татьяна Александровна Гридина, д-р филол. наук (Екатеринбург)

Болдина К. А. Рекламный спецпроект в сетевых СМИ : характеристики явления в зеркале российских исследований / К. А. Болдина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 140—165. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-140-165.

Boldina, K. A. (2022). Advertising Special Project in Online Media: Characteristics of Phenomenon in Russian Research. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 140-165. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-140-165. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-140-165

**Рекламный спецпроект
в сетевых СМИ:
характеристики явления
в зеркале российских
исследований**

Болдина Ксения Александровна
orcid.org/0000-0003-4841-1581
кандидат политических наук, доцент,
кафедра журналистики
olesova@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

**Advertising Special Project
in Online Media:
Characteristics
of Phenomenon
in Russian Research**

Ksenia A. Boldina
orcid.org/0000-0003-4841-1581
PhD in Politics, Associate Professor,
Department of Journalism
olesova@yandex.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Болдина К. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен обзор российских исследований, которые посвящены изучению содержательных и структурных особенностей рекламных спецпроектов. Это явление находится на стыке мультимедийной журналистики, digital-маркетинга и Public Relations. Оно еще не получило четких формулировок определения и не имеет строгой классификации ввиду динамичного развития в рамках последнего десятилетия (с момента появления первых примеров спецпроектов в 2012 году). При этом спецпроекты можно назвать одним из постоянных направлений работы редакций современных российских интернет-СМИ. Создание спецпроектов по заказу брендов позволяет СМИ поддерживать самоокупаемость путем предоставления креативной и максимально эффективной рекламной услуги. Статья включает обзор точек зрения российских ученых на отличительные характеристики спецпроекта от других журналистских материалов, содержит варианты трактовки определения «рекламный спецпроект» и варианты видов и типов явления. В статье делается вывод о том, что исследователи относят спецпроекты к нестандартным материалам СМИ, отмечают их интегративную природу, тяготение к мультимедийности и обязательное наличие маркетинговых целей.

Ключевые слова:

сетевые СМИ; интернет-издания; рекламный спецпроект; медиаформаты; новые медиа; монетизация СМИ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A review of Russian studies, which are devoted to the study of the content and structural features of advertising special projects, is made. This phenomenon is at the intersection of multimedia journalism, digital marketing and Public Relations. It has not yet received a clear definition and does not have a strict classification due to the dynamic development within the last decade (since the first examples of special projects appeared in 2012). At the same time, special projects can be called one of the permanent areas of the editorial offices work of modern Russian online media. Creating special projects for brands allows the media to maintain self-sufficiency by providing a creative and most effective advertising service. An overview of the Russian scientists' opinion on the distinctive characteristics of the special project from other journalistic materials is included in the article. It contains options for interpreting the definition of "advertising special project" and options for the kinds and types of the phenomenon. It is concluded that researchers attribute special projects to non-standard media materials, note their integrative nature, attraction to multimedia and the mandatory presence of marketing goals.

Key words:

online media; online publications; advertising special project; media formats; new media; media monetization.

Рекламный спецпроект в сетевых СМИ: характеристики явления в зеркале российских исследований

© Болдина К. А., 2022

1. Введение = Introduction

Поддержка самоокупаемости до сих пор остается одной из самых острых проблем российских СМИ. Специфика функционирования СМИ как бизнес-субъектов заключается в том, что они находятся в состоянии двойной конкуренции, так как борются за внимание аудитории на рынках содержания и развлечений, а также выходят на рынок b2b, где предоставляют услуги рекламодателям по доступу к своей аудитории [Вартанова и др., 2009, с. 3]. Данный факт обуславливает наличие двух основных источников дохода СМИ — рекламы и выплат со стороны аудитории.

Выживание на рынке в жестких условиях меняющегося законодательства и высокой конкуренции, усугубляющейся бурным развитием частного интернет-контента (причем не только развлекательного, но также экспертного и аналитического), требует от медиапредприятий наибольшей гибкости и креативности. Начиная с кризисов 2008 и 2014 годов российским СМИ приходилось все время изобретать новые способы монетизации. За последние пять лет сформировался список наиболее востребованных и эффективных инструментов, в числе которых ведущее место продолжает занимать продажа рекламы. Далее идут апробированные крупными медиа и хорошо зарекомендовавшие себя подписные модели, продажа платного контента, продажа сувенирной продукции («мерча»), краудфандинг («донейшн» от пользователей посредством российских или зарубежных интернет-платформ), продажа готовых исследований собственной аудитории.

Деятельность по продаже рекламы как главный источник доходов также претерпевает значительные изменения и подстраивается под предпочтения читателей. СМИ имеют возможность продавать рекламу не только на официальном сайте, но и на площадках своих социальных сетей, telegram-каналов, внутри контента на видеохостингах. Особое место здесь занимает такое явление, как рекламный спецпроект — объемный, чаще всего мультимедийный материал, над которым работает большая команда журналистов, дизайнеров и технических разработчиков. Рекламный спецпроект, как правило, представляет собой сложное переплетение журналистского нарратива и пользовательского интерфейса, что усиливает рекламный эффект.

Рекламные спецпроекты регулярно появляются на площадках российских СМИ и позволяют им обеспечивать свое финансирование за счет рекламодателей. Такие интернет-СМИ, как Look At Me, Roem.ru, Adme.ru, Lenta.ru и др., активно используют спецпроекты в качестве существенного источника дохода. Например, Look At Me разрабатывает цикл материалов или любой другой контент, который отвечает маркетинговым интересам компании и ценностям бренда, вместе с клиентом. Подобный спецпроект идет с пометкой «партнерский» и размещается на сайте. Стоимость спецпроектов холдинга Look At Media, по данным экспертов рекламного агентства Traffic Isobar, колеблется от 200 тыс. до 1 млн руб. Другой пример — Lenta.ru. Меню интернет-издания включает постоянную вкладку «Спецпроекты», где содержатся коммерческие материалы самых разнообразных форматов: от мультимедийных лонгридов до примеров сложной геймификации с разветвленным сюжетом. В этом отношении перечисленные интернет-СМИ приспособляются работать в том числе как креативные агентства, генерируя отличающийся от типичных журналистских материалов контент. Медийная реклама в подобных СМИ дает около 40 % выручки, а контентные проекты — остальные 60 % [Тепляшина и др., 2016, с. 59].

В настоящее время рекламный спецпроект остается одним из наиболее перспективных и эффективных инструментов информирования о бренде и привлечения внимания потребителей к нему, чем научились пользоваться профессиональные медиа для достижения собственной финансовой выгоды. Согласно опросу IAB Russia в 2017 году, спецпроекты занимают третье место по популярности у рекламодателей среди всех прочих видов интернет-рекламы, уступая только баннерной и таргетированной рекламе [Мордовин и др., 2017, с. 302]. Основными площадками для публикации рекламных спецпроектов выступают сетевые издания, к которым относятся как «дубликаты» официальных печатных / аудиовизуальных СМИ, так и автономные интернет-СМИ. Опыт работы подобных изданий показывает большую перспективность рекламных спецпроектов как способов монетизации СМИ. Кроме того, необходимость поиска инструментов для повышения способности спецпроектов вовлекать аудиторию в потребление контента предполагает постоянное совершенствование сотрудниками медиапредприятий собственных навыков и технологий создания рекламных материалов, что стимулирует развитие всей медиаотрасли.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Рекламный спецпроект — относительно новое явление в мире журналистики и рекламы, на современном этапе связанные с ним вопросы не получили достаточной разработки в научных трудах российских исследователей.

Теоретическую базу исследования составили российские научные материалы — статьи, монографии, учебные пособия. Основными методами исследования стали метод анализа (при выявлении специфики изучаемого явления и рассмотрении научного материала), метод сравнения (при сопоставлении определений понятия «рекламный спецпроект»), метод классификации (при разделении совокупности рекламных спецпроектов на группы со схожими признаками).

Рекламные спецпроекты частично изучены в монографии Н. А. Автаевой, В. А. Бейненсона, К. А. Болдиной, А. Л. Коданиной, О. Н. Савиновой «Мультимедийные технологии СМИ» [Мультимедийные технологии ..., 2020], а также отдельные их аспекты затронуты в статьях А. В. Вырковского, Т. В. Левковой, Л. П. Шестеркиной, Т. А. Парамоновой, Н. В. Прохоровой, М. Э. Рзаевой, Л. К. Лободенко, С. И. Симаковой и др. [Вырковский, 2015; Левкова, 2014; Шестеркина, 2013; Парамонова, 2017; Прохорова, 2014; Рзаева, 2015; Лободенко, 2014; Симакова, 2017, 2019]. Ученые предпринимают попытки определить понятие «рекламный спецпроект», выявить его отличительные особенности. Примечательно, что осмыслить спецпроекты пытаются и сами журналисты в многочисленных публикациях (например, в изданиях Sostav.ru, vc.ru, Medium.com, интернет-версии журнала «Журналист»).

Основной целью данной статьи является рассмотрение понятия «рекламный спецпроект» и его особенностей, отмеченных в трудах российских исследователей. Несмотря на то, что некоторые из них склоняются к определению спецпроекта как рекламной кампании, которая не вписывается в рамки стандартных привычных форматов и представляет собой индивидуальное решение для каждого бренда [Макарина и др., 2021, с. 1], накопленный опыт СМИ уже позволяет сформулировать складывающиеся признаки явления и его определение.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Рекламный спецпроект в сетевом издании в работах российских ученых: обзор существующих точек зрения на явление

Любой рекламный спецпроект по своей сути представляет собой одну из вариаций базового понятия «медiateкст», интерес к которому российские исследователи проявляют уже с начала 2000-х годов. В качестве примера можно назвать статьи и учебные пособия по медиалингвистике доктора филологических наук, профессора Т. Г. Добросклонской [Добросклонская, 2005, с. 29]. При этом вплоть до 2014 года исследователи в основной массе еще не делают различий между журналистскими и рекламными материалами в интернет-СМИ, так как считается, что они обладают

одинаковыми характеристиками. Например, в работе Л. П. Шестеркиной и Л. К. Лободенко от 2013 года все медиатексты характеризуются идентично: они представляют собой креолизованный текст, состоящий из разных семиотических систем, включающих вербальную и невербальную части [Шестеркина и др., 2013, с. 42]. При этом одинаково воспринимаются авторами и подходы к написанию журналистских и рекламных текстов: они «сжимаются» с максимальным сохранением информационной составляющей, структурируются по типу перевернутой пирамиды (от общего к частному), авторами используется особое строение абзацев (концентрируется только одна идея), проводится намеренное упрощение синтаксиса с целью более легкого восприятия смысла содержания [Шестеркина и др., 2013, с. 44]. Эти выводы в определенной степени остаются актуальными и сегодня: рекламные медиатексты, как и сугубо журналистские, включают в себя схожий набор вербальных и невербальных элементов. Но все-таки такая упрощенная трактовка не учитывает цели рекламного медиатекста и определяет его исключительно по внешним (структурным) формальным признакам, что не позволяет определить имеющуюся специфику материалов, относящихся к прямой или нативной рекламе.

Медийные рекламные спецпроекты в современном понимании этого термина становятся предметом изучения российских исследователей, начиная с 2014 года. За весь период осмысления явления оно рассматривается в контексте нескольких близких друг к другу сфер деятельности: журналистика, реклама, интернет-маркетинг и Public Relations. Относясь к продуктам деятельности сотрудников интернет-СМИ, рекламный спецпроект в то же время воспринимается не только как журналистский нарратив в чистом виде, но и как маркетинговый инструмент, и как средство достижения PR-целей, и как продукт веб-разработки и веб-дизайна. Безусловно, его структура и составные части остаются максимально похожими на журналистские материалы. Например, то, что исследователь А. М. Анохина относит к базовым качествам журналистского медиатекста — традиционная повествовательность с обязательным наличием особой визуальной организации [Анохина, 2017, с. 148], полностью совпадает и с принципами построения современных рекламных спецпроектов. То есть рекламный спецпроект продолжает строиться по принципам базового медиатекста, но при этом отличается тем, что не просто информирует о фактах, а также прогнозирует / анализирует, как журналистский материал, но и формирует коммерчески привлекательный образ своего объекта и убеждает читателя принять конкретное решение относительно взаимодействия с брендом. То есть рекламный спецпроект выполняет обычные рекламные задачи, но с использованием инструментария журналистского медиатекста. К такому

же выводу приходят Л. П. Шестеркина и Л. К. Лободенко в другой своей совместной статье, посвященной сравнительному анализу жанров журналистских и рекламных медиатекстов. По их мнению, при разработке собственных медиатекстов реклама постепенно осваивает жанровую систему журналистики, которая, по А. А. Тертычному [Тертычный, 2017], включает в себя информационные, аналитические, художественно-публицистические характеристики [Шестеркина и др., 2013, с. 283].

Для лучшего понимания специфики рекламного спецпроекта проведем обзор основных точек зрения на его характеристики в трудах российских ученых.

М. Э. Рзаева посвятила свое исследование определению сущности понятия «рекламный спецпроект» и характеристике основных критериев, которые могут быть использованы для оценки эффективности проведения проекта [Рзаева, 2015]. Большое внимание в статье уделяется именно метрикам эффективности, что ценно для практиков отрасли.

Особенности восприятия рекламных спецпроектов в российских сетевых изданиях были подробно изучены в работе А. В. Вырковского и М. А. Любимцевой. Исследователи на основе эмпирических данных, собранных в результате анкетирования респондентов, являющихся пользователями сетевых СМИ Forbes.ru, Slon.ru и Vedomosti.ru, приходят к выводу об эффективности синтетического контента рекламных спецпроектов [Вырковский и др., 2015]. Положения данной статьи впоследствии были неоднократно подтверждены другими исследователями, которые в общей массе связывают вовлекающий потенциал рекламных проектов с такими их характеристиками, как гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность.

Специфика мультимедийного рекламного спецпроекта была также изучена в работе С. И. Симаковой и Т. Б. Исаковой. Исследователями был проведен исторический анализ развития формата лонгрида по типу Snowfall (считающегося первым спецпроектом, опубликованным изданием The New York Times) в российских сетевых изданиях. Используя материалы спецпроектов сетевого издания «Аргументы и факты», С. И. Симакова и Т. Б. Исакова формируют целостное представление о возможностях использования мультимедийного контента современными СМИ при освещении различных тем [Симакова и др., 2017]. Обратим внимание, что в данном исследовании, в отличие от многих других, используется именно термин *спецпроект*, а не *лонгрид* или же *мультимедийный сторителлинг*, которые часто воспринимаются как синонимичные, что не вполне верно. Например, отождествление рекламного мультимедийного текста исключительно с двумя форматами (лонгрид и сторителлинг) прослеживается в работе Н. Н. Борщевой [Борщева, 2016, с. 36]. Лонгрид при этом харак-

теризуется стандартно, в соответствии с классическими представлениями, заложенными в научной среде практиком и создателем платформы для конструирования лендингов и лонгридов Tilda Никитой Обуховым. Такое понимание спецпроекта в настоящий момент требует пересмотра, потому как кроме двух известных форматов редакциями активно разрабатываются и другие (вебдоки, flash-игры, симуляторы и др.). В то же время стоит согласиться с автором в том, что рекламный мультимедийный проект воспринимается и производителями, и заказчиками как нестандартный, не имеющий готовых шаблонов и всегда требующий индивидуального подхода.

Про нестандартность любого рекламного спецпроекта еще в 2011 году размышляла К. А. Коробейникова, относя к ним не столько мультимедийные материалы, сколько спонсорские (например, стандартная журналистская рубрика в интернет-СМИ, спонсором которой выступил бренд). В своей статье она размышляет на тему классификаций рекламы периода активного развития медиа в Интернете. Автор выделяет две большие группы: ATL (стандартная реклама) и BTL (нестандартная реклама) [Коробейникова, 2011, с. 191]. При этом К. А. Коробейникова справедливо отмечает, что основная проблема классификации нестандартной рекламы заключается в том, что при успешном развитии формата реклама автоматически переходит в раздел стандартной. Одним из наиболее ярких примеров как раз и является интернет-реклама, которая пятнадцать лет назад представляла собой неординарный вид продвижения, а сегодня перешла в разряд регулярно используемого маркетингового инструмента. При этом автор считает, что в разряде нестандартных остаются и будут оставаться специальные проекты, созданные по запросам конкретного клиента [Коробейникова, 2011, с. 193]. Отдельное внимание автор уделяет обоснованию деления рекламных материалов на «стандартные нестандарты» и «нестандартные нестандарты». В основе обоснования — наличие прайс-листа с оказываемыми рекламодателю услугами. К нестандартным нестандартам как раз и относятся индивидуально проектируемые спецпроекты (потому что каждый раз они имеют уникальную в своем роде идею и поэтому не могут быть рассчитаны в типовом прайс-листе).

Другой подход к интеграции спецпроекта в систему интернет-рекламы предлагают И. А. Пантелеева и Г. Ю. Прокопьева. Они дают собственную трактовку интерактивной рекламы и относят к ней формат цифровой рекламы, распространяемой в рамках интерактивных каналов коммуникации, целью которой является вовлечение потенциальной целевой аудитории в рекламный процесс в виде творческого взаимодействия пользователя с рекламным сообщением при помощи игрового инструментария [Пантелеева и др., 2014, с. 172]. Акцент здесь ставится именно на игрофикации. Авторы предлагают следующие виды интерактивной рекламы: рекламные

игровые баннеры, рекламные flash-игры и видеоигры, реклама в мобильных играх, реклама с использованием дополнительной реальности, а также специальные проекты, интегрирующие рекламу с различными видами продвижения в интернете [Пантелеева и др., 2014, с. 173]. Исследование примечательно тем, что в нем впервые отмечается игрофикация как элемент рекламного спецпроекта. При этом нужно отметить, что авторы считают игрофикацию обязательным элементом, но современная рекламная практика уже показала, что он не всегда присутствует в спецпроектах и является, скорее, вспомогательным.

Т. А. Парамоновой спецпроект изучается как форма B2B и B2G-коммуникации. Исследователь отмечает, что возникновение рекламных спецпроектов в сетевых изданиях обусловлено особенностями современной модели коммуникации, в рамках которой формируются особые отношения между журналистикой, рекламой и связями с общественностью [Парамонова, 2017]. Это утверждение оказывается созвучным более ранним исследованиям Л. П. Шестеркиной и Л. К. Лободенко, о которых говорилось выше. В связи с этим конвергентная природа рекламного текста не вызывает сомнений.

А. М. Щербаковой и Т. Б. Рыжковой были рассмотрены стадии разработки спецпроекта и его реализации в сетевом издании. Исследователи подробно изучили спецпроекты, а также их основные форматы — лонгрид и лендинг [Рыжкова и др., 2019]. В этом случае авторы не ставят знака равенства между *спецпроектом* и *лонгридом*, а включают второй термин в ряд разновидностей первого, что вполне рационально и подтверждается реальной медиапрактикой.

Другими авторами изучаются вопросы развития различных форматов рекламных спецпроектов. В работе С. И. Симаковой, А. П. Енбаевой, Т. Б. Исаковой «Мультимедийный сторителлинг — теоретическое осмысление» основное внимание уделено сторителлингу в сетевых изданиях. Исследователями рассмотрены качественные характеристики мультимедийного сторителлинга, его преимущества и форматы [Симакова и др., 2019]. В данном случае спецпроект, наоборот, представляет собой отдельную вариацию более широкого, по мнению авторов, понятия сторителлинг, что также опровергается практикой. Сегодня логичнее понимать спецпроект как явление, которое может быть реализовано в самых разных форматах — сторителлинга, лонгрида, вебдока и др.

Вопросам практики организации рекламных спецпроектов в российских сетевых изданиях посвящены работы А. С. Прокопенковой, В. Н. Смирнова, В. В. Рыжова и др. Например, в статье Т. В. Левковой и Л. А. Шишкиной акцент сделан на проблеме повышения конверсии ин-

тернет-магазина за счет возможностей применения различных рекламных спецпроектов [Левкова и др., 2014].

Практика использования рекламных спецпроектов в региональных СМИ была изучена в диссертации Л. К. Лободенко «Концептуальная модель регионального интернет-СМИ: кросс-коммуникативные аспекты». Исследователем отмечено, что спецпроекты, отражающие специфику жизни региона и направленные на формирование его имиджа, играют ведущую роль в медиаконтенте региональных интернет-СМИ. С помощью интегрированного политематического медиаконтента достигается оперативность передачи информации и повышается ее полезность для пользователей, что позволяет воздействовать на процесс формирования медиабренда региона и принципы его формирования в информационно-коммуникативном пространстве [Лободенко, 2015]. Стоит отметить, что труды Л. К. Лободенко, по мнению автора обзора, внесли существенный вклад в становление понятия «рекламный спецпроект» ввиду методичного, последовательного и всестороннего рассмотрения различных аспектов данного явления.

В свою очередь Н. В. Сапрыкина и К. В. Шаповалова еще раз подтвердили значимую роль рекламных спецпроектов в продвижении товаров. Исследователи отмечают, что сотрудничество компании с медиа через спецпроекты позволяет повысить пользовательскую лояльность, увеличить привлекательность бренда, создать «вирусный эффект», вовлечь пользователя в проблему проекта. Это обуславливает эффективность использования спецпроектов в практике рекламного продвижения продовольственных товаров, привлекая внимания целевой аудитории для компании и монетизируя контент для медиа. Для пользователя спецпроекты также несут пользу, проявляемую в развлечении или в получении новой информации о продукте или торговой марке [Сапрыкина и др., 2017].

Продвижение с помощью рекламных спецпроектов активно используется и государственными органами для формирования положительного имиджа как отдельных государственных программ, так и государственных структур, в частности. Этой проблеме посвящено исследование В. В. Рыжова, который подробно проанализировал актуальность механизмов информационного представления государственных программ в сети интернет [Рыжов, 2019].

В более поздних исследованиях рекламные спецпроекты рассматриваются уже не как особое медийное явление, а как понятный в использовании маркетинговый инструмент продвижения на рынке. Например, А. С. Проккопенкова и В. Н. Смирнов в статье «Разработка концепции продвижения проекта SONY на площадке BABYBLOG» определяют основные преимущества продвижения бренда в сетевых изданиях в форме рекламного спецпроекта. Исследователями был изучен опыт компании SONY по про-

движению своего бренда в одном из ключевых сетевых изданиях для родителей — Babyblog [Прокопенкова и др., 2020].

Кроме того, особое внимание в трудах российских исследователей уделяется вопросам обучения студентов технологиям создания рекламных спецпроектов в сетевых изданиях.

Л. В. Ивановой в работе «Использование теории связей с общественностью в учебном процессе подготовки журналистов» проведен анализ дидактических основ обучения студентов-журналистов технологиям создания спецпроектов в СМИ. Исследователь использует интегративную модель обучения для формирования компетенций создания коммерчески ценного медиаконтента у студентов. В своей работе автор фокусируется на создании медиатекстов в формате лонгрида [Иванова, 2016].

Особенности создания лонгрида как мультимедийного спецпроекта также были изучены в работе А. В. Всеволодовой и А. Н. Павловой. Исследователи отмечают, что в настоящее время существует необходимость в создании образовательных курсов для студентов отделений журналистики, в рамках которых они бы могли сформировать навыки работы с графическими редакторами, что особенно важно для создания новых форматов рекламы, к числу которых относятся рекламные спецпроекты. В работе исследователи рассматривают практику использования лонгридов в российских медиа, отмечая, что в последние годы данный формат получил широкое распространение в медиапространстве России. В рамках статьи также представлены результаты использования методики обучения студентов созданию лонгридов и сделан вывод о необходимости акцента на практических занятиях [Всеволодова и др., 2020].

3.2. Определение сущности понятия «рекламный спецпроект»

Для современного информационного мира характерны усиливающиеся процессы конвергенции, когда традиционные средства массовой информации вступают в интеграцию с новыми инструментами сетевых медиа. В настоящее время современные СМИ характеризуются мультимедийностью, которая является результатом конвергенции. Прежде существовавшие формы рекламы (например, статичный баннер) уходят в прошлое, и для того, чтобы привлечь внимание современного потребителя, уже недостаточно лишь использования текста или иллюстрации.

Актуальной задачей перед командой медиапредприятия встает проблема повышения эффективности публикации, решение которой позволит повысить количество просмотров, сделать их более результативными и увеличить общую рентабельность проводимой для бренда-партнера рекламной кампании.

Мультимедийность в рекламе современных СМИ требует не только новых инструментов для создания рекламы, а иных принципов работы

с контентом. Как отмечают С. И. Симакова, Т. Б. Исакова, интеграция различных информационных сред, коммуникационных каналов и платформ, на которых размещается реклама, приводят к созданию нового типа журналистской деятельности, в котором создаются новые перспективы для реализации креатива журналистов совместно с такими специалистами, как рекламщики [Симакова и др., 2017, с. 258]. В этой связи логично говорить о формировании такого направления деятельности, как рекламная журналистика [Лободенко, 2014, с. 118]. Развитие мультимедийности также ведет к изменениям в самом процессе потребления информации: у получателя медиаконтента формируются новые привычки и потребности в восприятии более интерактивных форм.

В поиске новых инструментов для создания более эффективной рекламы был использован проектный подход, что позволило найти новую форму подачи рекламной, журналистской и PR-информации в СМИ [Парамонова, 2017, с. 90]. Для привлечения внимания потребителя на просторах веб-сайта разработчики рекламы совместно с дизайнерами, редакторами, фотографиями в 2012 году создали инновационный спецпроект «Snow fall», размещенный на сайте ключевого американского издания The New York Times. Успех от реализации данного проекта, с которым ознакомились свыше 4 млн пользователей, привел к распространению данного формата на рекламном рынке. Следовательно, первоначальное распространение спецпроекты рекламного характера получили в американских и европейских СМИ. Спустя один год, в 2013 году, рекламные спецпроекты стали появляться и в российских СМИ.

Одним из первых опытов теоретического рассмотрения специфики спецпроекта является статья Н. В. Прохоровой. Она определяет специальный проект в СМИ следующим образом: «комплекс информационных продуктов разных жанров и мероприятий, посвященных одной теме, конструирующих или решающих определенную проблему, оказывающих воздействие на конкретную целевую аудиторию для достижения запланированной цели» [Прохорова, 2014, с. 57]. Следовательно, Прохоровой выделяются такие свойства спецпроекта, как разнообразный по составу контент, единая тематика, воздействие на целевую аудиторию, наличие цели.

Спецпроект может быть инициирован по желанию самого СМИ или на основе договорных обязательств с рекламодателем, в качестве которого выступает либо определенная компания, либо общественная организация или любой человек. Как правило, спецпроект реализуется командой проекта, в состав которой входит вся редакция СМИ или ее часть. К контенту, публикуемому в спецпроекте, предъявляются требования периодичности публикации, особого характера передаваемой информации, конкретного объема и формата [Прохорова, 2014, с. 57].

Н. В. Прохоровой были выделены следующие признаки рекламного спецпроекта, которые включают:

- признак изменений — ключевая характеристика спецпроекта, поскольку его реализация приводит к особым изменениям, происходящим в предметной области;
- временная ограниченность цели проекта и его продолжительности;
- неповторимость и новизна;
- разграничение — свойство, связанное с обозначением рамок проекта, чтобы он не вступал во взаимодействие и конфликт с другими рекламными спецпроектами.

Структура рекламного спецпроекта включает контентную, сценарную и визуальную части [Прохорова, 2014].

В то же время можно встретить достаточно лаконичные определения спецпроекта. Например, А. В. Вырковский и М. А. Любимцева описывают его как рекламный материал, созданный в соответствии со стилем и требованиями СМИ [Вырковский и др., 2015, с. 149]. В данном определении сущность рекламного спецпроекта является недостаточно выраженной. В таком ключе к рекламному спецпроекту можно было бы отнести любой рекламный материал, опубликованный в СМИ.

А. В. Мордовин и Н. С. Полусмакова, понимают выражение «спецпроект» как очень широкое и включают туда, к примеру, также спонсорство [Мордовин и др., 2017, с. 302]. В данном случае подразумеваются, по всей видимости, журналистские материалы, проспонсированные брендами, куда могут входить и обычные статьи, что уже не отвечает отмеченным ранее параметрам рекламного спецпроекта.

Другие авторы, определяя сущность рекламного спецпроекта, делают акцент на его интегрированной природе. Так, по мнению М. Э. Рзаевой, спецпроект является «наглядным примером интегрирования журналистского контента и технологий новых медиа». Исследователь, уточняя сущность спецпроекта, также отмечает, что спецпроект в рамках отдельного сайта — это мини-сайт, открывающийся в отдельном окне браузера при загрузке ссылки со страницы интернет-СМИ. Поэтому спецпроект, по мнению М. Э. Рзаевой, — это тип журналистского медиаконтента в СМИ [Рзаева, 2015]. Такая трактовка ставит рекламный спецпроект в один ряд с журналистскими материалами всего лишь по признаку размещения на площадке, принадлежащей медиа, что очень упрощенно. Другие исследования и практический опыт показывают, что следует воспринимать рекламный и журналистский спецпроекты как два равных друг другу явления, схожих по используемым инструментам (чередование вербальных и невербальных элементов), но отличающихся задачами и способом выстраивания аргументации.

В то же время М. Э. Рзаева справедливо отмечает, что спецпроект в интернет-СМИ подразумевает интеграцию рекламы именно в содержание редакционного материала. В таком материале нет ничего лишнего, он сделан строго в формате данного онлайн-медиа — как концептуально, так и опционально. Поэтому для читателя спецпроекты воспринимаются как обычные материалы этого СМИ. В этой связи с понятием рекламного спецпроекта тесно переплетается нативная реклама, зародившаяся в то же время и остающаяся сегодня наиболее эффективным инструментом продвижения продуктов и брендов. Также в своей статье Рзаева делает важное разграничение между прямой рекламой и спецпроектом. Содержание материала с прямой рекламой полностью посвящено преимуществам бренда; других смыслов текст не включает, он является только лишь «оболочкой» для рекламного посыла. В спецпроекте ситуация другая: журналистский материал выступает самостоятельной единицей (написан на важную читателю тему), а бренд лишь интегрируется в текст или мультимедийные элементы [Рзаева, 2015]. Такое разграничение сегодня тоже теряет актуальность, потому как многие рекламодатели стремятся сделать в первую очередь полезный для читателя контент, поэтому они тоже ищут важные темы и стремятся решить общественно значимые проблемы.

Л. В. Иванова в свою очередь определяет спецпроект как тип медиа-продукта (медiateкста), использующийся для представления журналистского и имиджевого контента [Иванова, 2016, с. 80]. Тем самым исследователем также подчеркивается интегративная природа спецпроекта, но не учитываются его явные отличительные особенности.

Т. А. Парамонова отмечает, что спецпроект по конструкции представляется собой «текст в тексте», являясь особой формой метатекста, для которой свойственно единство концепции и функций. Для рекламного спецпроекта характерна особая структура и содержательно-композиционная модель [Парамонова, 2017, с. 84]. В данном определении отмечена степень интеграции контента в СМИ в рамках рекламного спецпроекта, а также в качестве значимой черты маркирована единая структура спецпроекта, позволяющая определить его как самостоятельный элемент в общем контенте издания.

В работе С. И. Симаковой и А. П. Енбаевой используется термин *мультимедийный спецпроект* для обозначения рекламного спецпроекта. Под мультимедийным спецпроектом исследователи понимают крупный имиджевый проект СМИ. Он предполагает значительные вложения со стороны редакции, а также существенную финансовую базу [Симакова и др., 2019, с. 228]. Обобщая сущность рекламного спецпроекта, С. И. Симакова и А. П. Енбаева высказывают мнение, что рекламный спецпроект — это все то, что «выходит за рамки редакционного стандарта» (мультимедийные

лонгриды, благотворительные акции, лендинги и др.). В связи с этим к категории рекламного спецпроекта могут быть отнесены все медиатексты, в которых демонстрируется бренд. Сравнивая подходы к определению спецпроекта данных авторов с перечисленными выше, подчеркнем, что практически всеми признается нестандартная природа рекламного спецпроекта и его явная «медиаусущность» как продукта СМИ.

В. В. Рыжов указывает на то, что спецпроект предполагает представление информации в интерактивном виде, а его основная цель — освещение разных событий и мероприятий в интерактивном формате [Рыжов, 2019, с. 363]. Поскольку в основе спецпроекта лежит интерактивность, восприятие передаваемой информации становится более качественным и полным.

Ю. В. Сизова в свою очередь трактует спецпроект как комплексную интеграцию бренда в интернет-ресурсы вне обычных рекламных мест с целью вовлечения аудитории в продолжительную коммуникацию. По мнению исследователя, осмысляя слово *спецпроект*, можно выделить определенные черты, которые так или иначе относятся к предложенному определению: интегрирование торговой марки в контент вне стандартных рекламных мест, присоединение к определенной платформе, индивидуальный подход к решению. Сам спецпроект всегда состоит из нескольких частей: содержательная (статьи, блоги, конференции, социальные опросы), интерактивная (развлечения, игры, викторины), медийная (использование баннеров, различных анонсов, специальные кнопки) [Сизова, 2019, с. 100]. В то же время, по мнению Ю. В. Сизовой, все еще нет точного ответа на вопрос, что можно назвать спецпроектом, поскольку любые статьи, тизеры, ссылки — стандартный набор видов интернет-рекламы.

Нижегородские ученые используют термин *коммерческий лонгрид*, подразумевая под ним рекламный спецпроект. В их трактовке коммерческий лонгрид — это синтез журналистики, PR и контент-маркетинга, проявляющийся в материале, который ориентирован на читателей, а не на сотрудников компании, и потому имеет особый стиль и манеру подачи информации. Одновременно такой лонгрид позволяет бизнесу решать коммерческие задачи. Следовательно, коммерческий лонгрид становится продуктом, который способен удовлетворить как требования бизнеса, так и информационные запросы потребителей [Мультимедийные технологии ..., 2020, с. 131].

Сегодня спецпроекты ставятся исследователями в один ряд с другими средствами так называемой цифровой нативной коммуникации, а именно с тизерами, спонсорским контентом, интеграциями с блогерами. А. С. Мелехова определяет мультимедийные спецпроекты как креативный формат редакционного контента, который размещается в структуре СМИ и направляется преимущественно на охват аудитории этого СМИ. Другими слова-

ми, спецпроекты — это все, что выходит за рамки стандартных форматов редакционной политики. Это могут быть тесты, игры, одностраничные лендинги, собрание статей, посвященных одной теме, и мультимедийные лонгриды [Мелехова, 2022, с. 133].

Таким образом, рекламный спецпроект можно определить в первую очередь как нестандартный формат медийного материала, который разрабатывается командой интернет-СМИ по принципам создания любого другого медиатекста и выполняет маркетинговые задачи.

3.3. Видовые особенности рекламных спецпроектов, отмечаемые в трудах российских исследователей

Рассматривая сущность рекламных спецпроектов, необходимо также сформировать представление об их видах и типах, существующих в современной теории. Как пишет С. И. Симакова и Т. Б. Исакова, спецпроекты разнообразны не только по внешней оболочке опубликованной информации, но и по используемым мультимедийным средствам, выбор которых определяют разные цели, стоящие перед спецпроектами [Симакова и др., 2017]. Также известен подход, согласно которому спецпроекты делятся исходя из средств интеграции.

В зависимости от темы, спецпроекты в СМИ могут быть посвящены:

- актуальным событиям из жизни общества;
- информационным прецедентам;
- научным открытиям;
- технологическим инновациям;
- отдельным личностям;
- путешествиям и т. д.

Спецпроекты, в зависимости от средств интеграции, М. Э. Рзаевой делятся на два вида (рис. 1). В контентном проекте реклама интегрируется в общий массив аудио- или визуальной информации, представленной на сайте. Следовательно, происходит интеграция рекламодателя в сам контент СМИ. При этом информация, представленная в рекламе, не влияет на суть основного материала, содержащегося на страницах сетевого СМИ [Рзаева, 2015].

Цифровой проект отличается от контентного тем, что здесь реализуется полноценный сервис. Происходит более глубокая интеграция рекламодателя, позволяющая в максимальной степени передать рекламное сообщение потребителю и корпоративные ценности. В связи с этим получатель рекламного сообщения в более высокой степени вовлечен в спецпроект. Для этого могут быть использованы различные технологии — прохождение тестов, игр и другие интерактивные средства, которые позволяют рекламодателю достичь основной цели — привлечь потенциального покупателя и побудить его к выполнению определенных действий в дальнейшем [Рзаева, 2015].

Рис. 1. Виды спецпроектов в зависимости от средств интеграции
(по М. Э. Рзаевой)

Разнообразие средств создания спецпроектов обеспечивает разнообразие их форматов:

- презентация (слайды);
- мультимедийная статья (в рамках одного медиатекста объединяются различные платформы подачи информации);
- веб-док, является нелинейным мультимедийным гипертекстом;
- лонгрид.

Такое разделение на виды выглядит актуальным и по прошествии нескольких лет с единственной ремаркой: термин *цифровой проект* логичнее заменить на *мультимедийный проект*, так как все рекламные спецпроекты (и сугубо контентные в том числе) сегодня могут быть названы цифровыми по признаку их интегрирования в цифровое пространство интернет-СМИ.

Обратимся к другим исследованиям. Ю. В. Сизова отмечает, что из-за имеющейся неоднозначности виды спецпроектов имеют некоторые расхождения. Выделяются типы спецпроектов в зависимости от существующих свойств: принцип выбора объекта (тематический / информационный), форма реализации (рубричный / мультимедийный), целевая аудитория, используемые жанры, формы обратной связи, наличие мультимедийных элементов, цель проекта [Сизова, 2019, с. 101]. Подобное разделение на группы может быть применимо и к журналистским проектам (а также к блогерским и UGC-проектам (user generated content), в которых пользователи сами создают контент; например, конкурсы и т. д.), поэтому не в полной мере отражает особенности конкретно рекламных спецпроектов, рассматриваемых в данном обзоре.

Отдельный интерес в контексте разговора про виды и типы спецпроектов вызывает исследование И. Г. Катеновой, в котором она обращается к такому явлению в интернет-СМИ, как инфографический проект (информационный продукт, посвященный определенной теме и созданный при

помощи комбинации ресурсов инфографики). Автор отмечает, что в СМИ, которые регулярно обращаются к этому формату, в ряду таких материалов регулярно встречаются проекты, относящиеся к скрытой рекламе брендов (непрямая реклама, представленная как редакционный материал) [Катенева, 2017, с. 51]. При этом было выяснено, что подбор основных элементов рекламной инфографики полностью соответствует структуре информационных и аналитических проектов (заголовок, лид-абзац, статистические данные, схемы, алгоритмы), что позволяет редакции добиться эффекта маскировки рекламного сообщения под обзор или инструкцию. Это еще раз доказывает утверждение, что рекламная журналистика включает в себя те же жанры и форматы, что и традиционная журналистика.

Об инфографике как об отдельном виде рекламных спецпроектов говорит в своих исследованиях и Л. К. Лободенко. Она выделяет следующие виды рекламных спецпроектов: фотогалерея (публикация фотоматериалов рекламодателя с заранее установленным объемом), инфографика (графический способ подачи информации на заданную тему), вирусная реклама (куда входят flash-игры, квесты, тесты, мультибрендовые проекты; отличается мощной креативной составляющей) [Лободенко, 2014, с. 8]. Данное разделение видится наиболее предпочтительным, так как дает представление одновременно и о структуре материала, и о его примерном содержании, и о возможных способах визуального (дизайнерского) оформления.

До сих пор справедливо и суждение Л. В. Ивановой, которая отмечает, что типология спецпроектов не может быть окончательно определена, потому что на данном этапе их развития еще длится период экспериментов и идет поиск содержательно-формальных характеристик данной модели медиапродукта [Иванова, 2016, с. 81].

На современном этапе развития рекламного спецпроекта, объединяя все вышесказанное и исходя из практики интернет-СМИ, можно выделить следующую систему видов и типов:

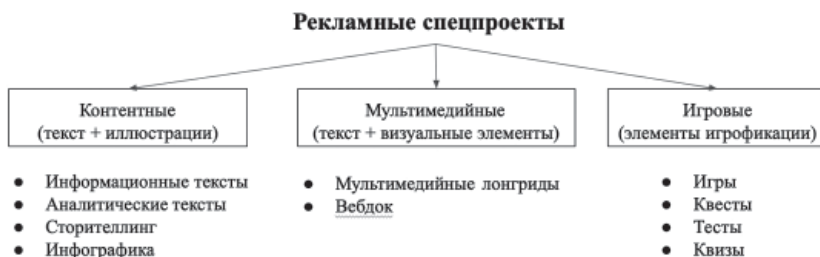

Рис. 2. Виды современных рекламных спецпроектов в зависимости от состава включенных элементов

На схеме отражены группы рекламных спецпроектов (рис. 2), выделенные по признаку включенных в их структуру элементов (текстовых, визуальных и игровых), а также по соотношению этих элементов в материале. В контентных проектах текст будет преобладать над визуальной составляющей. В мультимедийных объем текста может быть равен или быть меньше, чем встроенные визуальные элементы (фото, видео, аудио, инфографики, схемы, диаграммы, 3D-модели и т. д.). В игровых проектах текст будет играть роль инструкций, пояснений, дескрипторов, то есть выполнять вспомогательную функцию, направляя пользователя по сценарию игрового сюжета.

В настоящее время наиболее распространенным форматом спецпроектов выступает мультимедийный лонгрид. Ключевыми характеристиками лонгрида являются:

- линейная структура медиаконтента;
- размещение на отдельной мультимедийной платформе;
- равноправие мультимедийных платформ подачи информации (текстовой, фото-, видео-, аудио-) в формировании и передаче идеи;
- объемный текст (свыше 2000 знаков);
- мультимедийность.

Л. В. Иванова отмечает такие ключевые принципы производства лонгрида, как интересность, увлекательность, удобство потребления, эстетическая ценность [Иванова, 2016, с. 83].

Преимущества рекламного спецпроекта в формате лонгрида проявляются в следующем:

- креолизованность, цифровой формат, мультимедийность;
- высокий воздействующий эффект;
- интеграция разных знаковых систем на единой платформе;
- интерактивность: пользователь является участником рекламы, выбирая сценарии ее продолжения;
- эффективная внутренняя навигация, обеспечивающая свободу перехода от одного смыслового блока к другому;
- соответствие контента журналистским традициям;
- развлекательная форма предоставления информации.

Несмотря на ряд преимуществ рекламного спецпроекта, он отличается от других форм рекламы высокой трудозатратностью. Поэтому создание такого проекта обоснованно в случаях, когда его реализация позволит достичь желаемого эффекта — привлечь внимание аудитории или закрепить информацию в сознании аудитории [Иванова, 2016, с. 82].

Коммерческий лонгрид должен обязательно соответствовать следующим требованиям: быть композиционно цельным, интересным, емким и лаконичным, эстетически привлекательным [Мультимедийные техно-

логии ..., 2020, с. 137]. При этом выделяется несколько разновидностей коммерческого лонгрида: история успеха (в жанровом отношении близкая к портретному очерку), расследование, репортаж и путевой очерк, а также наиболее востребованный в наши дни формат — лонгрид-инструкция, позволяющая читателям получить ценные советы для решения конкретной проблемы [Там же, с. 132].

Таким образом, можно отметить, что стандартный формат современного рекламного спецпроекта — это мультимедийный лонгрид. Вместе с тем в различных интернет-СМИ мы можем встретить и другие виды, относящиеся к контентным и игровым проектам.

4. Заключение = Conclusions

Обзор современного состояния исследования рекламных спецпроектов в сетевых изданиях российскими учеными позволил выявить следующие тенденции в их изучении:

- изучение особенностей спецпроектов в СМИ как нестандартного формата предоставления информации;
- анализ сущности рекламных спецпроектов;
- особенности форматов рекламных спецпроектов в сетевых изданиях;
- практика использования рекламных спецпроектов в российских сетевых изданиях, в том числе в региональных;
- дидактические основы изучения технологии рекламных спецпроектов студентами вузов.

Отсутствие единого подхода к определению сущности рекламного проекта обусловлено сложной природой данного явления. Обобщая подходы современных исследователей к сущности рекламного спецпроекта, можно сделать вывод, что рекламный спецпроект является медиапродуктом, для которого характерна интеграция различных форм предоставления информации, использование инструментов новых медиа для создания оригинального контента, более эффективно воспринимаемого пользователями и служащего целям конкретного бренда-заказчика.

На основе проведенного обзора можно сформулировать определение рекламного спецпроекта. *Рекламный спецпроект* — это контентный, мультимедийный или игровой проект интернет-СМИ, созданный по заказу рекламодателя и размещаемый на собственных цифровых площадках данного СМИ (среди традиционных журналистских материалов на сайте издания, либо в отдельной вкладке, либо на отдельном, разработанном под данную задачу сайте). Рекламный спецпроект, как правило, относится к нестандартным рекламным услугам и разрабатывается по индивидуальному для каждого заказчика сценарию и формату.

На сегодняшний день можно выделить три основных вида рекламных спецпроектов: контентный (с преобладанием текста над визуальными элементами), мультимедийный (с большим включением визуальных, интерактивных элементов), игровой (основанный на игровых механиках и призванный подтолкнуть пользователя к ряду последовательных и заданных конкретным сценарием действий).

Что касается других вариантов классификаций, то здесь можно разделить все рекламные спецпроекты по признаку прямого или непрямого рекламирования (с выделением нативных проектов и проектов формата прямой рекламы), по качеству взаимодействия пользователя с контентом (предназначенные для чтения, интерактивные, с линейным и нелинейным сценарием), а также по классической жанровой классификации (информационные, аналитические, развлекательные).

Рекламный спецпроект, в частности, и рекламная и традиционная журналистика в целом в рамках новых медиа будут и дальше развиваться, представляя пользователям новые форматы и возможности взаимодействия с мультимедийным, интерактивным контентом. Поэтому определение рекламного спецпроекта и его виды в будущем могут требовать уточнений и актуализации.

Литература

1. *Анюхина А. М.* Феномен мультимедийного лонгрида и digital storytelling в сетевых медиа / А. М. Анюхина // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2017. — № 2 (24). — С. 146—150.
2. *Борщева Н. Н.* Инновационные технологии создания рекламного текста в Интернете / Н. Н. Борщева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2016. — № 13 (395). — С. 34—41.
3. *Вартанова Е. Л.* СМИ России как индустрия развлечений / Е. Л. Вартанова, С. С. Смирнов // Медиаскоп. — 2009. — № 4. — С. 13.
4. *Всеволодова А. В.* Особенности применения информационных технологий в обучении мультимедийной журналистике (на примере создания лонгридов) / А. В. Всеволодова, А. Н. Павлова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2020. — Т. 2. — № 2 (32). — С. 128—137.
5. *Вырковский А. В.* Восприятие аудиторией различных видов текста в российских деловых интернет-СМИ / А. В. Вырковский, М. А. Любимцева // Вестник Московского университета. Серия 10 : Журналистика. — 2015. — № 2. — С. 143—167.
6. *Добросклонская Т. Г.* Медиатекст : теория и методы изучения / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 10 : Журналистика. — 2005. — № 2. — С. 28—35.
7. *Золотухина Т. В.* Коммуникационные стратегии нишевых медиа в решении проблемы самоокупаемости / Т. В. Золотухина // Современная медиасреда : традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей : межвузовский сборник научных работ студентов и аспирантов, Санкт-Петербург, 09—11 марта 2016 года / Ин-

ститут «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ. — Санкт-Петербург : Свое издательство, 2016. — С. 81—89.

8. *Иванова Л. В.* Использование теории связей с общественностью в учебном процессе подготовки журналистов (на примере освоения формата «спецпроект») / Л. В. Иванова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2016. — № 9 (391). — С. 78—86.

9. *Катенева И. Г.* Особенности функционирования инфографических рекламных проектов на страницах электронных изданий (на примере интернет-журнала «Сиб. фм») / И. Г. Катенева // Вопросы журналистики. — 2017. — № 2. — С. 48—59. — DOI: 10.17223/26188422/2/4.

10. *Коробейникова К. А.* Классификация нестандартных форм рекламы в Интернете / К. А. Коробейникова // Вестник Московского университета. Серия 10 : Журналистика. — 2011. — № 1. — С. 189—202.

11. *Левкова Т. В.* Рекламные спецпроекты и их влияние на конверсию интернет-магазина / Т. В. Левкова, Л. А. Шишкина // Экономика устойчивого развития. — 2014. — № 4 (20). — С. 123—127.

12. *Лободенко Л. К.* Жанровое своеобразие медиатекстов рекламной журналистики / Л. К. Лободенко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. — 2014. — Т. 11. — № 1. — С. 114—119.

13. *Лободенко Л. К.* Концептуальная модель регионального интернет-СМИ кросс-коммуникативные аспекты : специальность «Журналистика» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.01.10 / Л. К. Лободенко. — Москва, 2015. — 22 с.

14. *Лободенко Л. К.* Особенности использования рекламы в коммуникационной политике интернет-СМИ / Л. К. Лободенко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. — 2014. — Т. 11. — № 2. — С. 5—9.

15. *Макарина А. И.* Особенности использования нативной рекламы в современных русскоязычных интернет-изданиях / А. И. Макарина, К. В. Маркелов // Медиаскоп. — 2021. — № 1. — С. 1. — DOI: 10.30547/mediascope.1.2021.9.

16. *Мелехова А. С.* Развитие цифровых нативных коммуникаций / А. С. Мелехова // Формирование конкурентной среды, конкурентоспособность и стратегическое управление предприятиями, организациями и регионами : Сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 12—13 мая 2022 года / Под научной редакцией О. А. Лузиной. — Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2022. — С. 130—134. — ISBN 978-5-94338-906-1.

17. *Мордовин А. В.* Цифровая реклама в кросс-канальных коммуникациях / А. В. Мордовин, Н. С. Полусмакова // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. — 2017. — Т. 79. — № 4 (74). — С. 297—305. — DOI: 10.20914/2310-1202-2017-4-297-305.

18. *Мультимедийные технологии СМИ* / Н. О. Автаева, В. А. Бейненсон, К. А. Болдина, А. Л. Коданина, О. Н. Савинова. — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2020. — 171 с.

19. *Пантелеева И. А.* Интерактивные технологии в рекламе : особенности построения рекламной коммуникации в интернет-сегменте / И. А. Пантелеева, Г. Ю. Прокопьева // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2014. — № 3 (144). — С. 172—178.

20. *Парамонова Т. А.* Кросс-коммуникативное взаимодействие журналистики, рекламы и PR в рекламно-информационных СМИ (на материале специальных проектов

журнала «Первый») / Т. А. Парамонова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2017. — № 3 (399). — С. 82—90.

21. *Прокопенкова А. С.* Разработка концепции продвижения проекта Sony на площадке Babyblog / А. С. Прокопенкова, В. Н. Смирнов // Бюллетень науки и практики. — 2020. — Т. 6. — № 2. — С. 226—229. — DOI: 10.33619/2414-2948/51/23.

22. *Прохорова Н. В.* Феномен спецпроектов в современном российском медиапространстве / Н. В. Прохорова // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2014. — № 2 (14). — С. 54—63.

23. *Рзаева М. Э.* Оценка эффективности спецпроектов в российских онлайн-медиа через определение цены контакта [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://jf.spbu.ru/essais/2916-10072.html> (дата обращения 19.08.2022).

24. *Рыжов В. В.* Повышение эффективности реализации государственных программ РФ, путем создания интерактивных порталов об их деятельности / В. В. Рыжов // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2019. — № 11 (39). — С. 360—365.

25. *Сапрыкина Н. В.* Нативная реклама и ее возможности для продвижения продовольственных товаров / Н. В. Сапрыкина, Е. В. Шаповалова // Современное состояние и приоритетные направления развития аграрной экономики в условиях импортозамещения : Материалы международной научно-практической конференции, пос. Персиановский, 09 февраля 2017 года. — Персиановский : Донской государственный аграрный университет, 2017. — С. 90—92.

26. *Сизова Ю. В.* Спецпроекты в новых медиа / Ю. В. Сизова // Новые медиа для современной молодежи : Сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 05 апреля 2019 года / Под редакцией Л. Е. Виноградовой, Е. Н. Туголуковой. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2019. — С. 99—103.

27. *Симакова С. И.* Мультимедийный сторителлинг — теоретическое осмысление / С. И. Симакова, А. П. Енбаева, Т. Б. Исакова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2019. — Т. 1. — № 1. — С. 222—230.

28. *Симакова С. И.* Мультимедийный лонгрид в самостоятельной работе студентов-журналистов / С. И. Симакова, Т. Б. Исакова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2017. — Т. 2. — № 3. — С. 255—268.

29. *Тепляшина А. Н.* Способы выживания российских СМИ и медиахолдингов в условиях кризиса / А. Н. Тепляшина, К. И. Омельченко // Коммуникации. Медиа. Дизайн. — 2016. — Т. 1. — № 4. — С. 54—69.

30. *Тертычный А. А.* Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. — 6-е издание, исправленное и дополненное. — Москва : Аспект пресс, 2017. — 320 с. — ISBN 978-5-7567-0875-2.

31. *Шестеркина Л. П.* Базовые подходы к созданию универсального медиатекста в Интернет-СМИ / Л. П. Шестеркина, Л. К. Лободенко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. — 2013. — Т. 10. — № 2. — С. 42—46.

32. *Шестеркина Л. П.* Сравнительный анализ жанров журналистских и рекламных медиатекстов / Л. П. Шестеркина, Л. К. Лободенко // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2013. — № 9. — С. 278—286.

33. *Щербакова А. М.* Рекламные кампании в формате спецпроектов в интернет-среде / А. М. Щербакова, Т. Б. Рыжкова // Юность науки : Сборник студенческих научных статей / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Россий-

ский государственный гуманитарный университет. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2019. — С. 379—385.

References

- Anyukhina, A. M. (2017). The phenomenon of multimedia longrid and digital storytelling in network media. *Sign: problematic field of media education*, 2 (24): 146—150. (In Russ.).
- Avtaeva, N. O., Beinenson, V. A., Boldina, K. A., Kodanina, A. L., Savinova, O. N. (2020). *Multimedia media technologies*. Nizhny Novgorod: Publishing house of UNN. 171 p. (In Russ.).
- Borshcheva, N. N. (2016). Innovative technologies for creating advertising text on the Internet. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 13 (395): 34—41. (In Russ.).
- Dobrosklonskaya, T. G. (2005). Mediatext: theory and methods of study. *Bulletin of the Moscow University. Episode 10: Journalism*, 2: 28—35. (In Russ.).
- Ivanova, L. V. (2016). Using the theory of public relations in the educational process of training journalists (on the example of mastering the format “special project”). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 9 (391): 78—86. (In Russ.).
- Kateneva, I. G. (2017). Features of the functioning of infographic advertising projects on the pages of electronic publications (on the example of the online magazine “Sib. fm”). *Questions of journalism*, 2: 48—59. DOI: 10.17223/26188422/2/4. (In Russ.).
- Korobeynikova, K. A. (2011). Classification of non-standard forms of advertising on the Internet. *Bulletin of the Moscow University. Episode 10: Journalism*, 1: 189—202. (In Russ.).
- Levkova, T. V., Shishkina, L. A. (2014). Advertising special projects and their impact on the conversion of an online store. *Economics of sustainable development*, 4 (20): 123—127. (In Russ.).
- Lobodenko, L. K. (2014). Features of the use of advertising in the communication policy of Internet media. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 11 (2): 5—9. (In Russ.).
- Lobodenko, L. K. (2014). Genre originality of media texts of advertising journalism. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 11 (1): 114—119. (In Russ.).
- Lobodenko, L. K. (2015). *Conceptual model of regional Internet media cross-communicative aspects: specialty “Journalism”*. Author-s abstract of Doct. Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).
- Makarina, A. I., Markelov, K. V. (2021). Features of the use of native advertising in modern Russian-language online publications. *Mediascope*, 1: P. 1. DOI: 10.30547/mediascope.1.2021.9. (In Russ.).
- Melekhova, A. S. (2022). Development of digital native communications. In: *Formation of a competitive environment, competitiveness and strategic management of enterprises, organizations and regions: Collection of articles of the VII International Scientific and Practical Conference, Penza, May 12—13, 2022*. Penza: Penza State Agrarian University. 130—134. ISBN 978-5-94338-906-1. (In Russ.).
- Mordovin, A. V., Polusmakova, N. S. (2017). Digital advertising in cross-channel communications. *Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies*, 79 / 4 (74): 297—305. DOI: 10.20914/2310-1202-2017-4-297-305. (In Russ.).
- Panteleeva, I. A., Prokopyeva, G. Y. (2014). Interactive technologies in advertising: features of building advertising communication in the Internet segment. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 3 (144): 172—178. (In Russ.).

- Paramonova, T. A. (2017). Cross-communicative interaction of journalism, advertising and PR in advertising and information media (based on the material of special projects of the magazine "First"). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 3 (399): 82—90. (In Russ.).
- Prokopenkova, A. S., Smirnov, V. N. (2020). Development of the Sony project promotion concept on the Babyblog site. *Bulletin of Science and Practice*, 6 (2): 226—229. DOI: 10.33619/2414-2948/51/23. (In Russ.).
- Prokhorova, N. V. (2014). The phenomenon of special projects in the modern Russian media space. *Sign: the problematic field of media education*, 2 (14): 54—63. (In Russ.).
- Ryzhov, V. V. (2019). Improving the effectiveness of the implementation of state programs of the Russian Federation by creating interactive portals about their activities. *Skif. Questions of student science*, 11 (39): 360—365. (In Russ.).
- Rzayeva, M. E. *Evaluation of the effectiveness of special projects in Russian online media through determining the price of contact*. Available at: <http://jf.spbu.ru/essays/2916-10072.html> (accessed 19.08.2022). (In Russ.).
- Saprykina, N. V., Shapovalova, E. V. (2017). Native advertising and its possibilities for the promotion of food products. In: *The current state and priority directions of development of the agrarian economy in the context of import substitution: Materials of the international scientific and practical conference, pos. Persianovsky, February 09, 2017*. Persianovsky: Don State Agrarian University. 90—92. (In Russ.).
- Shcherbakova, A. M., Ryzhkova, T. B. (2019). Advertising campaigns in the format of special projects in the Internet environment. In: *Youth of Science: Collection of student scientific articles / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Russian State University for the Humanities*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 379—385. (In Russ.).
- Shesterkina, L. P., Lobodenko, L. K. (2013). Basic approaches to the creation of a universal media text in online media. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 10 (2): 42—46. (In Russ.).
- Shesterkina, L. P., Lobodenko, L. K. (2013). Comparative analysis of genres of journalistic and advertising media texts. *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*, 9: 278—286. (In Russ.).
- Simakova, S. I., Enbaeva, A. P., Isakova, T. B. (2019). Multimedia storytelling — theoretical understanding. *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 1 (1): 222—230. (In Russ.).
- Simakova, S. I., Isakova, T. B. (2017). Multimedia longrid in the independent work of students-journalists. *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 2 (3): 255—268. (In Russ.).
- Sizova, Yu. V. (2019). Special projects in new media. In: *New media for modern youth: A collection of scientific articles based on the materials of the III International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 05, 2019*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. 99—103. (In Russ.).
- Teplyashina, A. N., Omelchenko, K. I. (2016). Ways of survival of Russian mass media and media holdings in a crisis. *Communications. Media. Design*, 1 (4): 54—69. (In Russ.).
- Tertychny, A. A. (2017). *Genres of periodicals. 6th edition, revised and expanded*. Moscow: Aspect Press. 320 p. ISBN 978-5-7567-0875-2. (In Russ.).

- Vartanova, E. L., Smirnov, S. S. (2009). Mass media of Russia as an entertainment industry. *Mediascope*, 4: S. 13. (In Russ.).
- Vsevolodova, A. V., Pavlova, A. N. (2020). Features of the use of information technologies in teaching multimedia journalism (on the example of creating longreads). *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 2 / 2 (32): 128—137. (In Russ.).
- Vyrkovsky, A. V., Lyubimtseva, M. A. (2015). Audience perception of various types of text in Russian business Internet media. *Bulletin of the Moscow University. Episode 10: Journalism*, 2: 143—167. (In Russ.).
- Zolotukhina, T. V. (2016). Communication strategies of niche media in solving the problem of self-sufficiency. In: *Modern media environment: traditions, current practices and trends. The view of young researchers: interuniversity collection of scientific papers of students and postgraduates, St. Petersburg, March 09—11, 2016*. St. Petersburg: Its Publishing house. 81—89. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.08.2022,
одобрена после рецензирования 30.09.2022,
подготовлена к публикации 05.10.2022.

Гридина Т. А. «Читаем знаки»: аспекты восприятия игрового поликодового текста в пространстве современного города / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 166—184. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-166-184.

Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2022). “Reading the Signs”: Aspects of Perception of a Game Polycode Text in Space of a Modern City. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 166-184. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-166-184. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-166-184

«Читаем знаки»: аспекты восприятия игрового поликодового текста в пространстве современного города

Гридина Татьяна Александровна

orcid.org/0000-0003-3993-5164

доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой общего
языкознания и русского языка
tatyana_gridina@mail.ru

Коновалова Надежда Ильинична

orcid.org/0000-0002-8541-1014

доктор филологических наук,
профессор,
кафедра общего языкознания
и русского языка
sakralist@mail.ru

Уральский государственный
педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-28-20075,
<https://rscf.ru/project/22-28-20075/>

Reading the Signs”: Aspects of Perception of a Game Polycode Text in Space of a Modern City

Tatyana A. Gridina

orcid.org/0000-0003-3993-5164

Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of General
Linguistics and Russian Language
tatyana_gridina@mail.ru

Nadezhda I. Konovalova

orcid.org/0000-0002-8541-1014

Doctor of Philology, Professor,
Department of General Linguistics and
Russian Language
sakralist@mail.ru

Ural State Pedagogical University
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-28-20075,
<https://rscf.ru/project/22-28-20075/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется одна из новых лингвокреативных практик организации пространства города как культурного текста. Рассматривается игровой дискурс поликодовых текстов, соединяющих в себе элементы разных семиотических систем: знаки правил дорожного движения, дополненные визуализированными символическими аллюзиями и цитатами, в совокупности отсылающими к мотивам известных художественных произведений. Характеризуются конструктивные принципы моделирования ассоциативного контекста поликодовых плакатов, размещенных в Литературном квартале г. Екатеринбурга. Обосновывается универсальность порождения игровых текстов любой семиотической природы на основе операциональной техники, создающей эффекты ассоциативной выводимости и ассоциативной интеграции. Новизна исследования связана с описанием алгоритма создания и дешифровки игрового поликодового текста данного типа, выявлением факторов и стратегий его считывания адресатом. Экспериментально верифицируется динамическая составляющая смысловой многоплановости анализируемых текстов с учетом опознания респондентами прототипов игровой трансформы, рефлексии над связью ее визуального и вербального компонентов, способности к выведению аллюзивных импликатур. Особое внимание уделяется анализу стратегий декодирования игровой трансформы в свете механизмов лингвокреативного мышления, основанного на переключении ассоциативных стереотипов, в регистре языковой игры.

Ключевые слова:

поликодовый игровой текст; лингвокреативное мышление; эксперимент; пространство городского креатива.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

One of the new linguocreative practices of organizing the city space as a cultural text is analyzed. The game discourse of polycode texts is considered, which combine elements of different semiotic systems: signs of traffic rules, supplemented by visualized symbolic allusions and quotations, collectively referring to the motifs of famous works of art. The constructive principles of modeling the associative context of polycode posters placed in the Literary Quarter of Yekaterinburg are characterized. The universality of the generation of game texts of any semiotic nature on the basis of an operational technique that creates the effects of associative deducibility and associative integration is substantiated. The novelty of the study is related to the description of the algorithm for creating and deciphering a game polycode text of this type, identifying the factors and strategies for reading it by the addressee. The dynamic component of the semantic diversity of the analyzed texts is experimentally verified, taking into account the respondents' recognition of the prototypes of the game transform, reflection on the connection between its visual and verbal components, and the ability to derive allusive implicatures. Particular attention is paid to the analysis of game transform decoding strategies in the light of the mechanisms of linguocreative thinking based on the switching of associative stereotypes in the language game register.

Key words:

polycode game text; linguocreative thinking; experiment; urban creativity space.

«Читаем знаки»: аспекты восприятия игрового поликодового текста в пространстве современного города

© Гридина Т. А., Коновалова Н. И., 2022

1. Введение = Introduction

Пространство современного города представляет собой многовекторный культурный текст, в котором особую значимость приобретают игровые техники воздействия на сознание адресата, отражающие и во многом формирующие мировоззренческие установки городского социума. Традиционные парадигмы / принципы портретирования конкретного города связаны с собственно классификационной составляющей анализа эргонимических систем — в диахронном (историко-этимологическом) и синхронном описании моделей номинации городских объектов. Новые парадигмы изучения городского пространства отвечают когнитивному, лингвокультурологическому, социокультурному (см., например: [Голомидова, 2020; Ремчукова и др., 2020; Шимкевич, 2002; Шмелева, 2020]), коммуникативно-прагматическому [Вепрева, 2019; Копчева, 2014] и психолингвистическому подходам. Последний — с использованием экспериментальных методов верификации ассоциативного наполнения вербальных знаков — акцентирует внимание на том, как эргонимические феномены воспринимаются разными стратами городского населения, как они воздействуют на сознание адресата [Бубнова и др., 2018; Ваулина и др., 2022; Гридина и др., 2022]. Ср. в этой связи психолингвистический постулат о значимости показаний обыденного языкового сознания для исследования современных практик интеракции «адресант — адресат», в том числе в организации игровых эргонимических подсистем. Такой анализ коррелирует с теорией игрового текста как феномена, в котором нестандартный, «намеренно условный» вербальный и / или невербальный код выступает «... смыслообразующим началом <...> трансляции авторской идеи, требующим дешифровки, иначе текст рассыпается, “самоаннигилируется”». Эвристическая функция языковой игры выходит в таком тексте на первый план» [Гридина, 2018, с. 273]. Игровой текст может иметь поликодовый характер, соединяя в себе компоненты разных семиотических систем, что, в частности, является приоритетным для моделирования эффекта воздействия на адресата в пространстве современного города. Исследование лингвокреативных стратегий создания таких игровых поликодовых текстов представляется актуальным как в свете

техники их порождения, так и в аспекте восприятия носителями городской культуры разных социальных страт.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве материала исследования в статье анализируется проект «Читай знаки», разработанный для Литературного квартала Екатеринбурга¹, представленный поликодовыми игровыми плакатами, остроумно обыгрывающими связь значения дорожного знака с сюжетными коллизиями определенного литературного прецедента, которые в совокупности апеллируют к общекультурному фону адресата.

Само название проекта «Читай знаки» многозначно: буквальный смысл слова *знаки* в этом проекте — «знаки дорожного движения»; в переносном смысле это сигнал для интерпретации выражаемого знаком содержания. Изображенный на плакате дорожный знак, чаще всего видоизмененный, с дорисованными деталями и цитатными надписями, выступает как триггер моделирования некой «дополненной реальности» (см. [Milgram et al., 1994]). Это предполагает добавление к элементам реального мира мнимых объектов (не существующих в этой системе координат), что расширяет поле интерпретации известных прецедентов, переключая их смысл в новое русло (в данном случае путем погружения символики дорожного знака в контекст художественного произведения).

В составе слогана «*Читай знаки*» обыгрывается и многозначность глагольного императива, побуждающего адресата к рефлексии над содержанием плаката: в буквальном смысле это призыв к прочтению и опознанию литературного источника сопровождающей дорожный знак цитаты (аллюзивная отсылка к известному художественному, тексту). Второй смысл этого глагола — побуждение адресата к интерпретации в свете дополненной реальности с учетом вероятностных ассоциативных проекций вербально-невербального комплекса.

Предложенный проект как разновидность интерактивного взаимодействия с посетителем Литературного квартала представляет собой своего рода интеллектуальную игру, открывающую для адресата выход в эвристическую сферу восприятия поликодового текста: перевод классики в нестандартный регистр актуальных смыслов, соотносительных с «вербально-семантическим, лингвокогнитивным и мотивационным» уровнями языковой личности (см. [Караулов, 1987]).

В качестве иллюстраций для анализа нами отобрано три плаката с применением разных креативных техник создания игрового поликодового

1 Авторы проекта: учёный секретарь Объединенного музея писателей Урала Марина Пальчик, директор музея Ирина Евдокимова и другие сотрудники. Дизайн: Павел Матяж.

текста данного типа (в том числе с опорой на конструктивные принципы языковой игры).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В качестве методов исследования структуры и техники моделирования игрового поликодового текста применялись традиционные процедуры классификационного, контекстуального, структурно-семантического, мотивационного анализа. Считывание игрового посыла верифицировалось с использованием психолингвистического инструментария, ориентированного на показания обыденного сознания респондентов. С учетом отсылки игрового текста к символике дорожного знака и содержанию художественного произведения к исследованию были привлечены как специалисты в области литературоведения и лингвистики, так и респонденты, не имеющие филологического образования. Для выявления стратегий интерпретации предложенных игровых текстов среди разных представителей городского социума нами была разработана процедура анкетирования, которое можно рассматривать как вариант направленного ассоциативного эксперимента и методики прямого (свободного) толкования. Эксперимент носил пилотный характер¹ в соответствии с задачей выявления оригинальных и типовых версий интерпретации игрового текста (см. разработку экспериментальных процедур такого типа в [Гридина, 2014]).

Перед респондентами были поставлены следующие вопросы: 1. Что обозначает дорожный знак, изображенный на плакате? Является ли он аутентичным (реально существующим) или видоизмененным? 2. Знакомы ли Вам цитаты, сопровождающие визуальный ряд? 3. Как вы думаете, почему авторы проекта соединили знаки дорожного движения и эти цитаты? Объясните смысл плаката.

Экспериментальная гипотеза предполагала, что заданные вопросы, стимулирующие к рефлексии над содержанием игровых плакатов, позволят диагностировать уровень считывания респондентами ассоциативного наполнения предъявляемой трансформы (поликодового текста), в том числе выявить актуальные для конкретного адресата векторы языковой игры.

3.1. Факторы, обуславливающие дешифровку игрового текста

Ответы респондентов на поставленные вопросы в ходе интерпретации стимульных текстов позволяют отметить ряд факторов, способствующих или препятствующих дешифровке полимодального игрового кода (с уче-

1 Всего было опрошено 27 респондентов, что для пилотного эксперимента является репрезентативной группой. Ввиду ограниченного объема статьи предпочтение в выборке ответов для иллюстрации теоретических посылок и классификаций отдается ответам, выявляющим многослойность интерпретации игрового текста.

том специальных знаний и общего интеллектуального уровня адресата, на которого рассчитан игровой посыл авторов проекта). В частности, успешность решения поставленной интеллектуальной задачи, согласно рефлексии участников эксперимента (см. комментарии респондентов в скобках), определяется:

а) сложностью (непониманием) самой техники создания игрового поликодового текста (*задача не из простых, очень трудная задача*);

б) знанием значения дорожного знака (*без знания о правилах дорожного движения, без понимания значения знака сложно понять смысл плаката*);

в) знанием литературного прецедента (*не знаю / не помню, откуда цитата; наверное, это взято из какого-нибудь произведения писателя или критической статьи, которую я не знаю; возможно, из дневниковых записей*);

г) способностью переключаться с буквального на метафорический (символический) код восприятия и интерпретации поликодового текста (*не понимаю, почему к знаку добавлена такая подпись; не могу понять, как связаны цитата и дорожный знак; не понимаю, это реальный или какой-то придуманный знак и т. п.*);

д) пониманием условности и ассоциативного контекста игровой трансформы, созданной по принципу дополненной реальности (см., например, реплику респондента: *понятно, что здесь надо фантазировать, но непонятно, в какую сторону*);

е) нахождением собственного алгоритма интерпретации игрового текста (*надо расшифровать дорожный знак, вспомнить, откуда цитата, и тогда будет понятно, как они связаны; можно рассматривать дорожный знак как иллюстрацию к цитате; нужно внимательно рассмотреть знак с добавленными к нему рисунками и надписями, потом сравнить с цитатой и т. п.*).

3.2. Стратегии интерпретации игрового поликодового текста

С учетом отмеченных факторов можно выделить использование респондентами как минимум двух основных стратегий интерпретации игрового текста данного типа:

- от дорожного знака к цитате, сопровождающей изображение;
- от цитаты к знаку дорожного движения.

В результате у адресата должен сложиться новый взгляд либо на символику дорожного знака, либо на переосмысленное содержание прецедентных текстов. Выбор той или иной стратегии в целом зависит от разных социокультурных факторов (профессия, психологические особенности восприятия: конвергентное / дивергентное мышление, возраст респондентов и т. п.). Обе стратегии допускают вариативность и многоплановость восприятия смысла компонентов поликодового текста, что в той или иной мере обеспечивает соединение знаков разных семиотических систем (пра-

вил дорожного движения и литературного прецедента) в процессе индивидуального осмысления дополненной реальности.

Проиллюстрируем выделенные стратегии примерами интерпретации одного из текстов данного проекта (рис. 1).

Для удобства восприятия описываемого материала нами принят следующий порядок его представления:

1. Сам плакат (фотография).
2. Анализ его невербальной и вербальной составляющих.
3. Интерпретация смысла текста респондентами разных возрастных и профессиональных страт.
4. Комментарии авторов статьи.

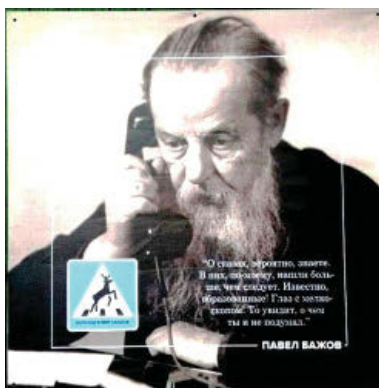

Рис. 1. «Пешеходный переход» в мир сказов П. П. Бажова

Невербальная составляющая поликодового текста — дорожный знак, предупреждающий о возможном выходе диких животных на дорогу, с добавленной надписью «Переход в мир сказов», которая поддерживается знаком «зебра» (пешеходный *переход*). Вполне предсказуемой представляется ассоциация изображенного на знаке оленя с известным образом бажовского Серебряного копытца. Эти дополнения к знаку переводят его в разряд «игровых трансформ», актуализирующих одновременно прямой и переносный смыслы слова *переход*. В данном случае намеренное переключение восприятия символики невербального знака является «импульсом» к сближению двух миров — реального (связанного с правилами дорожного движения) и фантазийного (мира сказов Бажова). Высказывание писателя, сопровождающее портрет, относится в целом к восприятию литературно обработанного им жанра сказов, в которых органично соединяются реальность и вымысел, дающий волю воображению. Однако в цитате, воз-

можно, заложено некое предостережение увидеть в сказках «больше, чем следует», что в сочетании с исходной семантикой предупреждающего дорожного знака содержит выводимую импликацию «мифологизированный мир животных не соотносится с реальным». Призыв *перейти* в мир сказов *по пешеходной дорожке*, с одной стороны, открывает возможность погрузиться в стихию художественного вымысла, с другой стороны, предостерегает от опасности не заметить чего-то важного в реальности, «здесь и сейчас». Предложенная трактовка игрового плаката — лишь одна из возможных версий его интерпретации.

Ср. некоторые вариативные интерпретации респондентов:

(Д.ф.н., ж., 75 л.) *Знак «Дикие животные». Изменения в знаке: отсутствует красная (предупреждающая) окантовка; нанесена пешеходная дорожка, по которой движется животное (Серебряное копытце); надпись на знаке: «Переход в мир сказов». Цитата из писем П. П. Бажова. «Образованные» с «мелкоскопом» увидят то, что не сможет увидеть невнимательный читатель, и помогут ему войти в мир сказов Бажова. Не бойтесь идти по чудесной «пешеходной дорожке» в мир загадочного и таинственного, открывающий то, что в обыденной жизни мы порой не замечаем.*

Комментарий. Отмеченные изменения в дорожном знаке спроецированы на цитату как призыв внимательно относиться к художественному слову, символике и самобытному образному языку писателя. Знак пешеходного перехода интерпретируется метафорически. В толковании плаката ярко выражена филологическая составляющая языкового сознания интерпретатора, переключающего смысл знака в русло общечеловеческих ценностей, обогащающих диапазон восприятия действительности.

(Д.ф.н., м., 66 л.) *Цитата похожа на выдержку из статьи или интервью. Знак «серебряное копытце» («осторожно — дорогу могут перебегают лоси или олени»). Лось — «правильный»: бежит по пешеходному переходу, а не где попало. Призыв: переходите дорогу в специально отведенных для этого местах, не придумывайте себе того, чего нет.*

Комментарий. При дешифровке игры респондентом использована стратегия «от цитаты к знаку», трактуемому прагматически, в контексте призыва сохранять трезвый взгляд на происходящее на дороге, что соответствует интерпретации знака в заданном исходным посылом русле «соблюдения правил дорожного движения». Аллюзия на бажовский сказ «Серебряное копытце» сопровождается шутливой иронией: «лось *правильный*, бежит по пешеходному переходу». Показательна подмена *олень* на *лось* (слово с оценочной коннотацией 'большой, сильный, идущий напролом'). В данном случае «правильный лось» — некий символ, призывающий к взаимной ответственности водителя и пешехода.

(К.ф.н., ж., 33 г.) *Знак «осторожно, лоси». Серебряное копытце. Чтобы не сбить лося, нужно иметь «глаз с мелкоскопом». Призыв быть внимательным, замечать мельчайшие изменения вокруг.*

Комментарий. Стратегия интерпретации «от знака к цитате» подсказывает респонденту направление дешифровки поликодового текста. Изображение на знаке вызывает ассоциацию с образом бажовского Серебряного копытца, хотя данная аллюзия не получает развертывания в фантазийном ключе (см. отождествляющую замену *олень* — *лось*). Акцент в толковании стимульной трансформы имеет прагматический характер: призыв к водителю быть предельно внимательным к животным на дороге. Основой такого восприятия, вероятно, является использованное в цитате выражение *иметь глаз с мелкоскопом* (известный ложноэтимологический вариант слова *микроскоп* из рассказа Н. С. Лескова «Левша»).

(Учитель-словесник, ж., 22 г.) *Знак информационно-указательный — пешеходный переход, но в данном случае это переход в «мир сказов» (вслед за «необыкновенным козликом» — явно Серебряным копытцем). Предполагаю, что цитата Бажова взята из текста письма кому-то из его друзей. Слово «мелкоскоп» сразу к Лескову отсылает:) Знак и цитата, вероятно, сведены вместе по принципу контраста: мир сказов — особая привлекательная вселенная, в которую доступно попасть каждому, нужно лишь поверить в волшебство, а не пытаться увидеть тайну под «мелкоскопом».*

Комментарий. Стратегия толкования «от знака к цитате», использованная респондентом, в отличие от двух предыдущих толкований, имеет непрагматическую направленность, соединяя мир реальности с миром сказов, погружение в который и является значимым для респондента.

Приведем еще несколько фрагментов толкований, в которых отмечаются сходные интерпретации данного игрового текста с некоторыми вариациями, где мир реальности и мир сказов рассматриваются как противопоставленные или сопричастные друг другу:

(Учитель-словесник, м., 23 г.) *Автор хорошо сделал перекодировку с опасного послыла данного знака на очень добрый, по мотивам сказов П. Бажова, призывая «окунуться» в мир его чудесных фантазий. Слово «переход» помещает жанр сказа в категорию двоемирия: есть мир реальный (может быть, обиденный), а есть мир сказов.*

(Филолог, асп., ж., 34 г.) *Цитата Бажова и знак, информирующий о том, что мир его сказов где-то рядом, вместе создают ощущение магической реальности, проявляющейся в повседневной жизни. Знак призывает быть готовым к чудесам, верить в возможность их появления.*

Комментарий. Оба последних толкования в осмыслении игрового поликодового текста реализуют стратегию «челночного» движения «от знака

к цитате» и обратно, что отражает особенности дивергентного мышления в восприятии и обработке информации.

Ср. интерпретации респондентов, не имеющих филологического образования:

(Налоговый инспектор, м., 36 л.) *Знак «Пешеходный переход», но вместо стилизованного человечка — стилизованный олень — отсылка к сказу Бажова «Серебряное копытце». Знак говорит: «Эй, друг! Здесь территория сказов. Притормози и отвлекись от городской суеты».*

(Инженер-технолог, ж., 59 л.) *Серебряное копытце. Будьте внимательны на дороге, обращайте внимание на каждую мелочь.*

(Студент-математик, м., 20 л.) *Осторожно! Серебряное копытце на дороге! Притормози перед пешеходным переходом для животных, это не сказка, а быль! Не нужно смешивать реальность и выдумку.*

(Инженер-мостовик, м., 62 г.) *Раз на плакате портрет Бажова, то олень, наверное, намекает на Серебряное копытце, все знают этот сказ. Плакат в литературном квартале — значит, призывает читать сказки детям, чтобы они хорошо относились к животным, когда станут взрослыми и сами сядут за руль.*

Как видно из приведенных толкований, основными доминантами интерпретации описываемого поликодового текста являются призыв к бдительности на дороге (прагматический вектор восприятия, связанный с буквальным прочтением дорожного знака) и обнаружение возможности перехода в виртуальный мир сказов, открывающий новое в привычном, обыденном. В последнем случае срабатывает креативность воспринимающего сознания как отклик на креативный посыл отправителя — создателя дополненной реальности. Контрастной интерпретацией является призыв не сталкивать мир реальный и мир фантазий, сохраняя «трезвый взгляд» на происходящее «здесь и сейчас».

Таким образом, рефлексивные реакции респондентов, стимулированные поставленными вопросами, доказывают, что глубина дешифровки поликодового текста (при всех прочих вариативных факторах восприятия) определяется комплексной интерпретацией его вербального и невербального компонентов и в данном случае пониманием игровой природы плаката, связанной с креативной техникой столкновения визуального ряда и литературного прецедента.

3.3. Конструктивные принципы моделирования игрового текста как основа его восприятия и декодирования

Специальную функцию в процессе дешифровки смысла поликодовых текстов, описанных выше, выполняет языковая игра, «... общая стратегия <которой> связана с актуализацией и преднамеренным переключением ...

ассоциативных стереотипов восприятия <вербального знака> как единицы коллективного и индивидуального сознания» [Гридина, 2006, с. 11].

Значимым инструментом анализа лингвокреативных стратегий языковой игры в разных дискурсах, в том числе в эргонимическом, выступают «... конструктивные принципы языковой игры, <которые с помощью конкретных лингвистических приемов> моделируют эффект ассоциативной провокации, ассоциативной интеграции, ассоциативного отождествления, ассоциативного наложения, ассоциативной выводимости, имитации (стилизации и пародирования)» [Гридина, 2006, с. 12]. Собственно, те же механизмы дестереотипизации в случае игровой интенции действуют для знаков любых семиотических систем, что определяет эффект корреляции вербального и невербального кодов в игровом тексте анализируемого типа.

Описывая ассоциативный контекст игровых трансформ (плакатов), мы исходим из той гипотезы, что их восприятие базируется на актуальных для современного городского социума фоновых знаниях как о правилах дорожного движения, так и об известных литературных произведениях. В совокупности обыгрываемые прототипы из разных семиотических систем должны актуализировать «ассоциации различного типа, хранящиеся в коллективной памяти представителей определённой национальной культуры» [Ружицкий и др., 2022, с. 564].

Рассмотрим подробнее векторы игровой стратегии создания креативного пространства городской среды, представленной соответствующими плакатами в Литературном квартале (с учетом соотношения игровой интенции отправителя и реакции адресата). Продемонстрируем два конструктивных принципа, наиболее востребованных в анализируемом материале.

3.4. Принцип ассоциативной выводимости

Этот принцип предполагает выведение смысла игрового текста в зависимости от актуальных для адресата аспектов восприятия прототипических прецедентов (символики дорожного знака и идеи художественного произведения) (рис. 2).

Знак пересечения с трамвайной линией дополнен изображением бутылки с маслом и надписью «осторожно, здесь была Аннушка», которые отсылают к эпизоду из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», когда Берлиоз в соответствии с предсказанием Воланда поскользнулся на пролитом Аннушкой масле и попал под трамвай. Буквальный смысл знака — предостережение быть осмотрительным, внимательным на дороге, не торопиться. Переносный смысл игрового текста (с учетом аллюзии на роман Булгакова) — «не следует пренебрегать знаками судьбы, зло может подстеречь на каждом шагу; не нужно быть поспешным, безрассудным в своих действиях, пытаться достичь сиюминутных целей; каждый миг в жизни может быть

Рис. 2. Дорожные знаки и знаки судьбы

последним». Предшествует событию спор Берлиоза и Воланда о Боге. Бог и Дьявол могут играть человеческой судьбой. Суетное стремление везде успеть, самонадеянность и торопливость, вызванная, скорее, имитацией бурной деятельности, чем реально важным делом, может привести к краху. Сопровождает изображенный на плакате дорожный знак цитата из другого произведения писателя, повести «Собачье сердце» — слова профессора Преображенского: «Успевает всюду тот, кто никуда не торопится». В совокупности знак и фраза определяют ассоциативную выводимость смыслов игрового текста на основе аллюзивных отсылок как к сюжетным коллизиям обоих цитируемых произведений, так и к их сакральному философскому толкованию, при этом сохраняя юмористическую привязку к обыгрываемому ряду правил / знаков дорожного движения.

Приведем некоторые наиболее показательные в этом отношении интерпретации респондентов:

(Д.ф.н., м., 66 л.) *«Мастер и Маргарита». Видимо, цитата оттуда. Призыв: если Вы не хотите, чтобы вам, как Берлиозу из романа, отрезало голову, не спешите. Спешка — смертельно опасна.*

Респондентом считана буквальная отсылка к эпизоду романа, сопровождаемая обобщающим оценочным выводом.

(Д.ф.н., ж., 75 л.) *Знак «Место остановки трамвая». Рисунок: банка (бидон) с надписью «Масло» и надпись «Осторожно! Здесь была Аннушка» отсылают к роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (история с Берлиозом). Цитата: «Успевает всюду тот, кто никуда не торопится» — Слова Филиппа Филипповича Преображенского из разговора с док-*

тором Борменталем (повесть «Собачье сердце»). Не стоит торопиться: кто знает, может быть, Аннушка уже пролила своё подсолнечное масло...

Считаны все аллюзии на роман и повесть М. А. Булгакова, что предполагает выводимость имплицатуры «нас всех подстерегает случай», заключенной в предостережении не быть слишком беспечным и самоуверенным перед лицом судьбы.

(К.ф.н., ж., 33 г.) *Будьте осторожны, не торопитесь, а то вдруг до вас здесь уже была Аннушка. Аннушка ведь для каждого своя...*

Выводимый смысл аллюзии представлен ассоциативной цепочкой: *Аннушка — опасный случай с Берлиозом — любая опасность, подстерегающая каждого человека.*

(Налоговый инспектор, м., 36 л.) *Знак, с учетом фотографии Булгакова и его цитаты — отсылка к произведению «Мастер и Маргарита». Знак как бы говорит: «Не суепись! Не торопись! Осмотрись!». Все в мире вокруг суета сует и всяческая суета. Кто понял жизнь, тот не торопится.*

Актуальная для респондентов символика дорожного знака переводит смысл литературной аллюзии в экзистенциальный план.

(Вузовский преподаватель химии, м., 25 л.) *На плакате — дорожный знак, модификация которого (банка с маслом и надпись «Осторожно! Здесь была Аннушка») соответствует эпизоду из романа Булгакова и меняет объект, несущий опасность: это сам человек, несущий большую потенциальную угрозу, чем созданная им машина.*

Здесь акцентируется актуальный для респондента мотив связи всего происходящего с человеком и его поступками.

(Филолог, асп., ж., 34 г.) *Сочетание знака и цитаты в соответствии с игровой установкой плаката (аллюзией на сцену из романа Булгакова) упрощает идею предопределенности судьбы и предначертанности смерти до идеи соблюдения техники безопасности на дороге.*

Интерпретация респондента акцентирует возможное превалирование прагматических смыслов при восприятии данного игрового текста и недопустимость такого упрощения.

В целом алгоритм декодирования данного текста определяется соединением цитатной аллюзии на булгаковский сюжет с визуальным компонентом условного игрового кода создания плакатов. Таким образом, аллюзивная составляющая ассоциативной выводимости смысла плаката оказывается доминирующей во всех интерпретациях.

3.5. Принцип ассоциативной интеграции

Данный конструктивный принцип предполагает контаминацию двух и более прототипических объектов, что создает гибридную игровую трансформу на основе координации и / или контраста (рис. 3).

Рис. 3. Свет в конце тоннеля

На плакате представлен дорожный знак, который устанавливается перед тоннелями, не имеющими искусственного освещения. Дополняющая знак надпись «*Луч света в темном царстве*» — цитата из критической статьи Н. А. Добролюбова, которая относится к характеристике Катерины, главной героини пьесы А. Н. Островского «Гроза». Под портретом писателя помещена пословица «*Чужая душа — потёмки*» (о невозможности предсказать / предугадать, как поступит кто-либо в определенной ситуации). В сочетании друг с другом два этих прецедентных высказывания создают игровой эффект, актуализируя общий семантический компонент 'отсутствие света' в однокоренных словах *темный* — *потёмки* и в значении оппозитивов *луч, свет* — *темный, потёмки*. Ассоциативный контекст, в котором контаминируются эти идиомы, создает новый игровой прецедент, который, коррелируя с изображением тоннеля на дорожном знаке, вызывает прогнозируемую аллюзию на фразеологизм *свет в конце тоннеля* (в проблеске надежды на положительный выход из затруднительной ситуации). Смысл плаката в интегрировании указанных смыслов применительно к прямому и переносному значению каждого из этих выражений. В проекции на правила дорожного движения это предупреждение об опасности езды в зоне ограниченной видимости. В переносном смысле — это опасность не разобраться в подлинных / скрытых мотивах человеческих поступков, ср. выведенные в пьесах А. Н. Островского типажи представителей купеческого сословия, получившие нарицательные характеристики в гораздо более широком социальном контексте. Одним из знаковых мотивов творчества А. Н. Островского является борьба доброго и злого начал в душе человека и «выведение на свет» / порицание человеческих пороков. Дешифровка игры требует именно интеграции всех наведенных аллюзий применительно не только к творчеству драматурга, но и к психологии современной коммуникации.

Проиллюстрируем сказанное некоторыми комментариями респондентов: (Д.ф.н., м., 66 л.) *Знак указательный — тоннель. Надпись на знаке — название статьи Добролюбова о пьесе Островского «Гроза». Связь цитаты со знаком релятивизирует утверждение, что «чужая душа — потемки». Свет в конце тоннеля неизбежен, так что читатель плаката должен занять полемическую позицию по отношению к цитате: «Чужая душа, конечно, потемки, но не абсолютные, всегда в ней есть надежда на просвет».*

(Д.ф.н., ж., 75 л.) *Предупреждающий знак «Тоннель». Надпись на знаке: «Луч света в темном царстве» (Н. А. Добролюбов, статья «Луч света в темном царстве»). Слова Кабановой из пьесы А. Н. Островского «Гроза»: «Чужая душа — потёмки». Как бы ни была черна тьма, в конце «тоннеля» всегда вспыхнет свет, который осветит самые мрачные «потёмки» души. Надо только захотеть, чтобы так случилось. («Но всё-таки... всё-таки впереди — огни!..» — В. Г. Короленко).*

Приведенные толкования принадлежат имеющим ученую степень филологам, что определяет считывание символики невербального ряда с выходом в зону литературоведческой интерпретации пьес драматурга. В данных комментариях представлен интертекстуальный аспект восприятия цитатного дискурса. Это обуславливает актуализацию контрастных и идентифицирующих смыслов соотносительных прецедентных феноменов.

(Учитель-словесник, ж., 22 г.) *Предупреждающий знак «Тоннель» (= тёмное царство реального мира). Пословица «чужая душа — потемки» упоминается в «Грозе» по отношению к Катерине, которую Добролюбов называет «лучом света в тёмном царстве». Любопытная игра фразеологизмов! Внимание к проблеме диалогичности человека: никогда не знаешь, что у человека в душе: для кого-то душа той же Катерины «потёмки», а для кого-то — «луч света в тёмном царстве». Если собираешься постичь «тихий омут» другого человека, будь осторожен.*

(Филолог, асп., ж., 34 г.) *Знак въезда в тоннель, соединенный с цитатой (из статьи Добролюбова, посвященной пьесе Островского «Гроза»), видимо, обыгрывающей плохое освещение в тоннеле. «Потемки» и «луч света» создают игровую светотень. Смысл плаката — искать понимания человеческой души в пьесах Островского.*

Две вышеприведенные интерпретации представлены комментарием, в котором акцентирована игровая направленность плаката, мотив тонкой грани между светом и тенью — как в прямом, так и в метафорическом ключе. Ср. показательную в этом отношении характеристику данного поликодового текста как «игровой светотени».

(Студ.-филолог, ж., 21 г.) *Классная языковая игра (свет в конце тоннеля + луч света в темном царстве). Смысл плаката: никто не может*

полностью понять другого человека и мотивацию его поступков. Интересно, что в надписи под знаком и в цитате используются слова одной тематической группы — *тёмное царство, потёмки*.

В этой интерпретации особо отмечается удачность эффекта языковой игры, основанной на интеграции лексем одной тематической сферы в цитатах, составляющих аранжировку невербального компонента плаката.

(Вузовский преподаватель химии, м., 25 л.) *Знак — предупреждение о въезде в тоннель; считаю занятным, что в сочетании с фразой «Луч света в тёмном царстве» дорожный знак как будто бы символизирует «свет в конце тоннеля». Причина, почему авторы проекта соединили этот знак и цитату «чужая душа — потемки», кажется понятной: тоннель представляет собой узкое, слабо освещенное место. Загадочная природа души человека, её непредсказуемость, сравниваются с этим плохо освещенным участком дорожного пути. Проведение такой параллели можно трактовать как некое предупреждение о необходимости метафорически «снижать скорость», взаимодействуя с людьми и отдавая себе отчет в потенциальных последствиях тех или иных слов и поступков человека.*

(Налоговый инспектор, м., 36 л.) *Исходя из цитаты Островского, вероятно, плакат означает, что нельзя полностью понять чувства и мотивы другого человека, ибо он — не ты. На самом знаке имеется цитата Добролюбова «Луч света в темном царстве». На знаке — темный тоннель, в цитате Островского — речь о потемках души. Связь между знаком и цитатой очевидна: в любой темной душе можно найти свет.*

В двух последних толкованиях игрового плаката явственно представлен рефлексивный процесс его декодирования по принципу ассоциативной интеграции смыслов составляющих его частей.

(Инженер-технолог, ж., 59 л.) *Всегда есть выход, и темную полосу сменяет светлая.*

Здесь представлена предельно обобщенная трактовка смысла знака, которая в то же время явно основана на ассоциативной интеграции прямого и переносного смысла выражения *свет в конце тоннеля* (как проблеск надежды на лучшее) и *черная полоса* («о трудном периоде в жизни человека»). Оппозит *светлая полоса* выступает как в прямом («выход из тоннеля»), так и в переносном значении («выход из трудной жизненной ситуации»).

Подчеркнем, что все отмеченные трактовки данного плаката ориентированы на установление параллели между невербальным и вербальным рядом — при считанности аллюзий, отсылающих к прототипическим смыслам обыгрываемых цитатных прецедентов и их метафорическому переосмыслению в поликодовом игровом тексте.

Разнообразие интерпретаций в полной мере соответствует тезису о том, что «... сложные диалогические и игровые отношения между разнообразными подструктурами текста, образующими его внутренний полиглотизм, и являются механизмами смыслообразования ... <При этом> текст перестает быть пассивным носителем смысла, а выступает в качестве динамического явления» [Лотман, 2002, с. 190—191].

4. Заключение = Conclusions

Рассмотренный тип игрового поликодового текста, отражающий практики потенциально интерактивного взаимодействия адресата и отправителя сообщения, задает особую стратегию такого взаимодействия, предполагая восприятие игровой трансформы как гештальта. Декодирование компонентов вербального и невербального ряда требует креативных усилий для достижения «инсайта» как продуктивного этапа речемыслительного процесса, когда соединяются, казалось бы, несоединимые части плаката.

Как показывает экспериментальный материал, отправной точкой декодирования игрового текста данного типа могут выступать креативные элементы визуального ряда (придуманные рисуночные детали, соотносительные, с одной стороны, с прототипической символикой дорожного знака, с другой стороны, — с добавленной внутренней надписью на этом знаке, аллюзивно отсылающей к цитате под портретом того или иного известного писателя).

Другим направлением декодирования игровой трансформы (в зависимости от акцентированного внимания респондента) может выступать рефлексия над содержанием литературного прецедента и его связью с «модифицированным» знаком дорожного движения. Однако многослойность креативного посыла в полной мере выявляется, прежде всего, в тех случаях, когда рефлексия над вербальными и невербальными составляющими плаката имеет характер «челночного движения» от знака к знаку и обратно. В противном случае — при однонаправленном движении — интерпретация игрового поликодового текста ограничивается либо прагматической сферой правил дорожного движения, либо пространством художественного произведения без понимания условности парадоксальной аттракции этих двух реальностей.

В реализации авторского замысла особую роль выполняет лингвокреативная техника языковой игры, которая во многом моделирует ассоциативный контекст восприятия текста. Именно дешифровка кодов языковой игры дает ключ к решению интеллектуальной задачи, доставляя адресату эстетическое удовольствие как от самого процесса, так и от его результата.

Литература

1. Бубнова И. А. Культурные константы русского образа мира на современном этапе развития общества / И. А. Бубнова, О. В. Казаченко // Вопросы психолингвистики. — 2018. — № 36. — С. 28—41. — DOI: 10.30982/2077-5911-36-2-28-41.
2. Ваулина И. А. Прагматические векторы эргонимической номинации : экспериментальные данные / И. А. Ваулина, Е. С. Красноперова // Уральский филологический вестник. Серия : Язык. Система. Личность : Лингвистика креатива. — 2022. — № 2. — С. 458—468.
3. Вепрева И. Т. Современный эргонимикон : в поиске новых форм выражения / И. Т. Вепрева // Вопросы ономастики. — 2019. — Т. 16. — № 4. — С. 168—179. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.4.051.
4. Голомидова М. В. Топонимическое имиджирование городских пространственных объектов / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. — 2020. — Т. 17. — № 3. — С. 263—278. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.043.
5. Гридина Т. А. Психологическая реальность значения и ассоциативная стратегия языковой игры / Т. А. Гридина // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2006. — № 4. — С. 11—24.
6. Гридина Т. А. Смысловая перспектива слова в игровом художественном тексте / Т. А. Гридина // Лингвистика креатива — 4 : Коллект. моногр. / Под ред. Т. А. Гридиной. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2018. — С. 270—281. — ISBN 978-5-7186-0556-3.
7. Гридина Т. А. Экспериментальный ресурс диагностики и тренинга вербальной креативности / Т. А. Гридина // Филологический класс. — 2014. — № 2 (36). — С. 30—35.
8. Гридина Т. А. Лингвокреативный потенциал эргонимаций в аспекте их порождения и восприятия : экспериментальное исследование / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Вопросы психолингвистики. — 2022. — № 2 (52). — С. 30—45. — DOI: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-30-45.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 261 с.
10. Копочева В. В. Городские номинации : коммуникативный аспект (на материале урбонимов Барнаула) / В. В. Копочева // PR и реклама в изменяющемся мире : региональный аспект. — 2014. — № 12. — С. 48—65.
11. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : «Искусство—СПб», 2002. — 768 с. — ISBN 5-210-01527-0.
12. Ремчукова Е. Н. Глава 5. Прецедентные имена культуры в ономастическом пространстве современного города / Е. Н. Ремчукова, Т. П. Соколова // Лингвистика креатива — 5. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2020. — С. 327—341.
13. Ружицкий И. В. Мнемые и мемы как стимул для развития лингвокреативной компетенции иностранных учащихся / И. В. Ружицкий, Е. В. Потемкина // Уральский филологический вестник. Серия : Язык. Система. Личность : Лингвистика креатива. — 2022. — № 2. — С. 564—586.
14. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия : прагматический и лингвокультурологический аспекты : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. В. Шимкевич. — Екатеринбург, 2002. — 22 с.
15. Шмелева Т. В. Великий Новгород : ономастический портрет / Т. В. Шмелева. — Великий Новгород : ТПК «Печатный двор», 2020. — 288 с. — ISBN 978-5-6044057-5-8.
16. Milgram P. Taxonomy of Mixed Reality Visual Displays / P. Milgram, A. F. Kishino // IEICE Transactions on Information and Systems, E77-D(12). — 1994. — Pp. 1321—1329.

References

- Bubnova, I. A., Kazachenko, O. V. (2018). Cultural constants of the Russian image of the world at the present stage of development of society. *Questions of psycholinguistics*, 36: 28—41. DOI: 10.30982/2077-5911-36-2-28-41. (In Russ.).
- Golomidova, M. V. (2020). Toponymic imaging of urban spatial objects. *Questions of onomastics*, 17 (3): 263—278. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.043. (In Russ.).
- Gridina, T. A. (2006). Psychological reality of meaning and associative strategy of the language game. *Psycholinguistic aspects of the study of speech activity*, 4: 11—24. (In Russ.).
- Gridina, T. A. (2014). Experimental resource of diagnostics and training of verbal creativity. *Philological class*, 2 (36): 30—35. (In Russ.).
- Gridina, T. A. (2018). Semantic perspective of a word in a game fiction text. In: *Linguistics of creativity — 4*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 270—281. ISBN 978-5-7186-0556-3. (In Russ.).
- Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2022). Linguocreative potential of ergonominations in the aspect of their generation and perception: an experimental study. *Questions of Psycholinguistics*, 2 (52): 30—45. DOI: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-30-45. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (1987). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: Nauka. 261 p. (In Russ.).
- Kopocheva, V. V. (2014). City nominations: communicative aspect (based on the material of Barnaul urban names). *PR and advertising in a changing world: regional aspect*, 12: 48—65. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2002). *History and typology of Russian culture*. Saint Petersburg: “Art—SPb”. 768 p. ISBN 5-210-01527-0. (In Russ.).
- Milgram, P., Kishino, A. F. (1994). Taxonomy of Mixed Reality Visual Displays. *IEICE Transactions on Information and Systems*, E77-D(12). 1321—1329.
- Remchukova, E. N., Sokolova, T. P. (2020). Chapter 5. Precedent names of culture in the onomastic space of a modern city. In: *Linguistics of creativity — 5*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 327—341. (In Russ.).
- Ruzhitsky, I. V., Potemkina, E. V. (2022). Mnems and memes as an incentive for the development of linguocreative competences of foreign students. *Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity*, 2: 564—586. (In Russ.).
- Shimkevich, N. V. (2002). *Russian commercial ergonymy: pragmatic and linguoculturological aspects*. Author’s abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 22 p. (In Russ.).
- Shmeleva, T. V. (2020). *Veliky Novgorod: onomastic portrait*. Veliky Novgorod: TPK “Printing Yard”. 288 p. ISBN 978-5-6044057-5-8. (In Russ.).
- Vaulina, I. A., Krasnoperova, E. S. (2022). Pragmatic vectors of ergonymic nomination: experimental data. *Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity*, 2: 458—468. (In Russ.).
- Vepreva, I. T. (2019). Modern ergonymicon: in search of new forms of expression. *Questions of onomastics*, 16 (4): 168—179. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.4.051. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.09.2022,
одобрена после рецензирования 30.09.2022,
подготовлена к публикации 10.10.2022.

Штейман М. С. Стратегии и тренды развития современных массмедиа в контексте глобализационных процессов : региональный аспект / М. С. Штейман, Н. В. Зайцева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 185—204. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-185-204.

Shteiman, M. S., Zaitseva, N. V. (2022). Strategies and Trends in Development of Modern Mass Media in Globalization Processes: a Regional Aspect. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 185-204. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-185-204. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-185-204

Стратегии и тренды развития современных массмедиа в контексте глобализационных процессов: региональный аспект

Штейман Марина Станиславовна

orcid.org/0000-0001-9702-2457

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра литературоведения
и журналистики
shteiman.marina@mail.ru

Зайцева Надежда Владимировна

orcid.org/0000-0002-9755-9542

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра литературоведения
и журналистики
zaitseva.nadya2015@yandex.ru

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Strategies and Trends in Development of Modern Mass Media in Globalization Processes: a Regional Aspect

Marina S. Shteiman

orcid.org/0000-0001-9702-2457

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Literary Studies
and Journalism
shteiman.marina@mail.ru

Nadezhda V. Zaitseva

orcid.org/0000-0002-9755-9542

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Literary Studies
and Journalism
zaitseva.nadya2015@yandex.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

© Штейман М. С., Зайцева Н. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы становления и специфики развития новых медиа Липецкой области. Акцентируется внимание на проблемах глобализации и модификации региональных средств массовой информации на современном этапе. Представлены результаты сопоставительного анализа традиционных и новых медиа в условиях конвергенции. Поднимается вопрос о мультимедиазации журналистики, переходе традиционных изданий в онлайн-формат и трансформации видов потребления информации аудиторией. Особое внимание уделяется изменениям, происходящим в локальных СМИ Липецкой области в результате медиаконвергенции. Новизна исследования выражена в комплексном анализе тенденций и определении перспектив развития региональных медиа. Актуальность исследования обусловлена активным расширением процессов медиаконвергенции, мультимедиазации журналистики, переходом традиционных изданий на интернет-платформы. Доказано, что развитие коммуникационных технологий привело к модификации СМИ, глобализационные и конвергентные факторы определяют формирование современной медиасистемы. Информационно-коммуникационный аспект глобализации в наибольшей степени проявляется в процессах взаимосвязи и взаимообусловленности объектов и явлений, развитии информационно-коммуникационных технологий, интеграции средств массовой коммуникации, увеличении числа глобальных СМИ и возрастающей роли интернета.

Ключевые слова:

новые медиа; медиаконвергенция; интернет-СМИ; TikTok; глобализация; социальные сети; аудитория.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the formation and specifics of the development of new media in the Lipetsk region. Attention is focused on the problems of globalization and modification of regional mass media at the present stage. The results of a comparative analysis of traditional and new media in terms of convergence are presented. The question is raised about the multimediaization of journalism, the transition of traditional publications to an online format and the transformation of the types of information consumption by the audience. Particular attention is paid to the changes taking place in the local media of the Lipetsk region as a result of media convergence. The novelty of the study is expressed in a comprehensive analysis of trends and determination of the prospects for the development of regional media. The relevance of the study is due to the active expansion of the processes of media convergence, multimedia journalism, the transition of traditional publications to Internet platforms. It is proved that the development of communication technologies has led to the modification of the media, globalization and convergence factors determine the formation of a modern media system. The information and communication aspect of globalization is most manifested in the processes of interconnection and interdependence of objects and phenomena, the development of ICT, the integration of mass media, the increase in the number of global media and the growing role of the Internet.

Key words:

new media; media convergence; online media; TikTok; globalization; social networks; the audience.

Стратегии и тренды развития современных массмедиа в контексте глобализационных процессов: региональный аспект

© Штейман М. С., Зайцева Н. В., 2022

1. Введение = Introduction

В последние десятилетия в России, как и во всем мире, отмечается существенная модификация современной медиасферы. Всемирная паутина кардинально видоизменила традиционные средства массовой информации, оказав влияние не только на типологию, но и на формы их существования. Медиа получили возможность взаимодействовать с аудиторией всего мира. Интернет ускорил процесс глобализации, в медиaprостранстве в трансформированном виде происходят коммуникационные процессы. Сегодня практически все СМИ стремятся вовлечь аудиторию в создание информационного повода, довольно часто используя контент пользователей социальных сетей. Различные формы общения с аудиторией можно найти в веб-версиях изданий, в их группах и аккаунтах в «Одноклассниках», «ВКонтакте», «Телеграм» и на других интернет-платформах. Процесс создания совместного медиапродукта приносит пользу всем: потребитель получает актуальную информацию, растет посещаемость ресурса, а вместе с ней — рейтинг СМИ и доходы от продажи рекламы. Новый медиаконтент, создаваемый в конвергентных редакциях, оказался востребован пользователями. Верно и обратное утверждение: если бы СМИ не ответили новым вызовам, то потеряли бы большую часть аудитории, что подтверждается опытом медиа, которые не смогли перестроиться.

Научная тематика, связанная с появлением новых медиа, на данном этапе является весьма разработанной. Исследование темы глобализации на примере проблем, связанных с обществом рисков, трансформацией политики и национального государства, обществом потребления и др., представлено в работах [Гидденс, 1999; Бергер и др., 2004] и др. Модификациям в сфере журналистики посвящены работы И. И. Засурского [Засурский, 1999], Е. Л. Вартановой [Вартанова, 2003], С. Л. Уразовой [Уразова, 2015] и многих других отечественных и зарубежных исследователей. Вопросы конвергенции в медиаиндустрии находятся в поле зрения зарубежных и российских ученых: Е. А. Вартановой [Вартанова, 1999], М. М. Лукиной [Лукина, 2005], Е. А. Барановой [Баранова, 2015] и мн. др. Вместе с тем приходится признать, что, несмотря на значительное количество научных

изысканий, посвященных современным медиакommunikациям, региональный аспект их развития в свете воздействия на них процессов глобализации и конвергенции изучен еще недостаточно. В статье представлен региональный аспект проблемы, а именно: анализ современного состояния СМИ Липецкой области. Впервые предпринимается попытка комплексного анализа специфики функционирования новых медиа региона. Авторами рассмотрены разные типы изданий в контексте развития медиаконвергенции, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Полноценное функционирование современного общества в условиях глобализации невозможно представить без средств массовой коммуникации (СМК). Средства массовой информации стремятся оперативно реагировать на изменения в социуме и удовлетворять запросы аудитории, которая теперь получает знания об окружающем мире не только на основе личного опыта, но и посредством потребления медиапродукции. Чтобы оценить перспективы развития нового информационного общества, необходимо учитывать процессы медиаконвергенции. Формирование этого понятия происходило постепенно и в равной степени зависело от учета социальных и технологических факторов. Существует несколько пониманий медиаконвергенции. Остановимся на основных подходах к осмыслению данного феномена.

«Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова предлагает несколько значений слова *конвергенция*: (спец.) ‘совпадение каких-либо признаков в независимых друг от друга явлениях’; (биол.) ‘появление у неродственных организмов сходных признаков, возникающих в результате приспособления этих организмов к сходным условиям существования’; (оптич.) ‘схождение зрительных осей глаз на каком-либо рассматриваемом близко предмете’ [БТСРЯ, с. 447]. Как можно заметить, каждая дефиниция сопровождается пометой, указывающей на терминологический характер лексемы.

М. Маклюэн сформулировал мысль, что «средство коммуникации есть сообщение» [Маклюэн, 2003]. Смещение внимания с сообщения на медиа означает, что приоритет в трансформации общественных отношений отдан технологиям. Человек занимает подчиненное по отношению к «посредникам» место, поскольку, привязавшись к ним, начинает служить технологической инфраструктуре, обладающей логикой, далекой от человеческой.

В 1980—1990 годы конвергенция стала предметом научного интереса многих зарубежных исследователей. В частности, политолог И. де Сола Пул в работе «Технология свободы» [Pool, 1983] представил специализированный подход к пониманию конвергенции: понятие начинает приме-

няться исключительно к коммуникационным технологиям и техническим средствам связи. Исследователь предположил, что в будущем вся информация будет храниться в цифровом виде, перемещаться по информационным сетям, а получить доступ к ней можно будет при помощи электронного оборудования. Таким образом, автор предпринял попытку целенаправленного изучения внедрения конвергенции в традиционные медиа, результатом которого является переводение последних в электронный формат.

Другой взгляд на типологию видов медиаконвергенции у англичанина Г. Мейкла и австралийца Ш. Янга. С их точки зрения, данный процесс может быть понят в четырех аспектах его измерения: 1) технологический — телекоммуникационные сети объединяются вокруг цифровых медиаплатформ; 2) производственный — участие традиционных СМИ в цифровом медиапространстве и увеличение количества компаний, использующих цифровые технологии; 3) социальный — рост числа соцсетей, повышение объема содержания, создаваемого их пользователями; 4) текстуальный — использование «трансмедийной» концепции, которая предполагает изложение на нескольких медийных платформах информационной истории с использованием видео, фото, инфографики, игр и пр. [Meikle et al., 2012].

Испанские эксперты Д. Доминго и Р. Салаверриа полагают, что главные тенденции конвергенции — «стирание границ между различными СМИ, профессиональными навыками и ролями» [Domingo et al., 2007, р. 18]. Они отмечают, что объединяются не только различные ранее издания, но и редакции, и отделы внутри одного медиа. Это приводит к тому, что один журналист может производить контент для разных платформ: для газеты, радио, ТВ и сайта.

Можно сделать вывод, что зарубежные ученые пытаются описать медиаконвергенцию комплексно, не основываясь только на технологических изменениях.

В отечественных изысканиях феномен медиаконвергенции осмысливается многими учеными: Е. Вартановой, А. Калмыковым М. Луканиной, М. Лукиной и другими.

Одной из первых работ по данной проблематике стала статья Е. Л. Вартановой «К чему ведет конвергенция?» [Вартанова, 1999, с. 11—14]. Автор констатирует, что ближайшим к *конвергенции* СМИ является понятие и термин *слияние*, хотя в разных случаях речь идет о разных процессах.

Е. Баранова обозначила два основных этапа процесса медиаконвергенции. Первый начался во второй половине 1990-х годов и связан с техническими достижениями в области передачи данных: появилась возможность хранить и передавать любую информацию (текст, звук, видео, фото) в «цифре». Началось слияние существенно различающихся ранее СМИ — газет, те-

левидения, радио. Главная цель этого процесса — совместное производство контента и распространение его на различных медиаплатформах. Логичным продолжением стало появление новых видов СМИ, где контент и создается, и распространяется совершенно по-новому, компании находятся в постоянном поиске моделей развития медиабизнеса [Баранова, 2015].

Процесс конвергенции СМИ, который стал возможен благодаря техническим достижениям, привел к тому, что сегодня человек получает намного больше информации, чем способен усвоить. Вследствие этого появляются и развиваются новые формы контента — лаконичные, основанные на капсульной подаче информации. Медиапродукт становится все более упрощенным, развлекательным, а главное — адаптированным под соцсети ради просмотров и получения знаков одобрения («лайков»). Можно констатировать, что информация в новых медиа подается поверхностно, аналитические публикации практически исчезают, уступая место описательным, растет количество примитивного контента. Помимо снижения качества материалов, отмечается увеличение количества фейковых публикаций. Место фактической журналистики занимает журналистика постправды. Вероятно, в дальнейшем указанные тенденции будут проявляться все в большей степени.

Цель данного исследования: оценить влияние глобализации на изменения в СМИ Липецкой области и выявить ведущие тенденции развития региональной периодики в условиях конвергенции.

Специфика медиаматериала в рамках решения научных задач обусловила применение различных общенаучных и специальных методов и приемов исследования: сопоставительного, описательно-аналитического метода с приемами наблюдения, интерпретации и систематизации, контент-анализа.

Эмпирическую базу исследования составили публикации в СМИ Липецкой области (за 2020—2021 годы): «Gorod48.ru», «Lipetskmedia.ru», «Lipetsktime.ru», «Lipetsknews.ru» и других массмедиа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Трансформация СМИ в условиях глобализации

Интенсивное развитие ИКТ заложило фундамент для формирования общества абсолютно нового типа — информационного. С появлением ИКТ мир предстает как единое целое во всем своем разнообразии, подтверждая взаимосвязь и взаимозависимость как национальных рынков, так и организационных структур. В наибольшей степени информационно-коммуникационный аспект глобализации проявляется в процессах интеграции СМК, в распространении глобальных СМИ и Интернета.

Произошедшая цифровизация ускорила перемещения информации в медиaprостранстве, в сфере финансов и услуг вне зависимости от национальных границ. Информационное пространство, понимаемое как единство потоков информации, образованных в результате деятельности человека, полностью зависит от глобализационных процессов. Само явление глобализации в этой области определяется функционированием многомерного процесса, базированного на взаимодействии средств распространения и создания информации, которые генерируют принципиально новый уровень информационного влияния на социум при условии сосредоточения на этом совместных усилий. Итак, глобализация характеризуется прежде всего существованием современных технологий, рождающих многообразие произведенной и донесенной до аудитории информации, то есть можно наблюдать «взаимодействие разных средств, источников информации — во-первых, в рамках национальных, во-вторых, в рамках глобальных» [Вольфсон и др., 2017, с. 103].

Развитие Интернета сняло барьеры для выхода на рынок СМИ: юридические, финансовые и барьеры распространения контента [Бурдые, 2002]. Но практически свободная конкуренция на онлайн-рынке создала проблемы для традиционных медиа. Теперь за свободное время и внимание аудитории, финансы рекламодателей борются все со всеми — локальные СМИ, национальные СМИ, медиахолдинги, новые медиа, блогеры [Jenkins, 2001, р. 93]. Для повышения охвата аудитории печатная пресса, радио, телевидение изменили форматы подачи продукта, который стал более персонализированным, повышающим степень участия аудитории в формировании и распространении контента, чтобы соответствовать требованиям цифрового медиаландшафта. В основе современной информационной среды лежат такие понятия, как конвергенция, дигитализация, интерактивность [Горошко, 2012, с. 109]. Сегодня традиционные печатные версии газет и журналов имеют свои интернет-версии, каналы на YouTube, интернет-радио, подкасты, страницы в социальных сетях и каналы в мессенджерах. Ведущие европейские издания, а также ряд российских («Ведомости», «Коммерсант», «Комсомольская правда» и др.) успешно работают в мобильном сегменте. «Комсомольская правда» транслируется в FM-диапазоне.

3.2. Тенденции развития массмедиа в начале XXI века (на примере Липецкой области)

Изменения в медиасфере, вызванные внедрением информационных технологий, позволили выйти на новый этап в развитии медиапроизводства. Благодаря цифровым возможностям создается высококачественный контент. СМИ формируют новую среду обитания, медийную реальность, вовлекая аудиторию в инновационные форматы коммуникации. Новые медиа становятся основными источниками распространения и получения информации.

На сегодняшний день интернет-СМИ и социальные сети занимают особое место в становлении информационного общества. Соцсети стали популярными не только потому, что являются удобным средством для общения, но и в связи с тем, что предоставляют возможности для социального объединения, выражения своей позиции, личного взгляда на мир и события. При этом контент интернет-площадок основательно модерруется. Любой пользователь однажды может получить предупреждение о нежелательном контенте или быть заблокированным. Сегодня социальные медиа выступают средством формирования общественного сознания.

Государства, которые предполагают развиваться вместе с постиндустриальным миром, не могут отказаться от участия в глобальных информационных изменениях. Медийная глобализация оказывает влияние на жизни сотен миллионов людей, изменяя мотивацию экономических субъектов и модифицируя макроэкономическое поле. Учитывая глобальное воздействие информационных технологий на все социально-экономическое пространство, можно сделать вывод, что медиасфера и СМИ являются решающим двигателем современного развития и функционирования информационного общества.

Еще один важный процесс, происходящий в современном мире, — **коммодификация** аудитории, превращение потребителей СМИ в глобальный товар. Изначально предполагалось (в концепции Т. Адорно), что «массовая аудитория выступает неким субъектом, на удовлетворение нужд которого и направлена деятельность СМИ. В действительности же аудитория оказывается только объектом, который получает не то, что хочет, а то, что предлагается рекламодателями» [Отечественная теория ..., 2019, с. 97]. Медиаконтент в связи с этим становится только способом привлечь аудиторию, которая есть «главный продукт СМИ» в условиях глобализации информационного пространства [Вартанова, 2003, с. 31].

Особенность производства актуального медиаконтента предполагает межплатформенное использование — необходимость упаковать одну и ту же новость для разных площадок, чтобы удовлетворить потребности максимальной аудитории. Это делается для того, чтобы обратить на себя внимание пользователей, которые уже не реагируют на традиционные методы привлечения к медиаконтенту, тем более что борьба за аудиторию происходит в конкурентной, открытой для всех информационной среде интернета.

В условиях глобализации человечество встроено в единую сеть культурных кодов и смыслов, создаваемых и распространяемых СМИ: «Мода, кинематограф, политические события, природные катастрофы, террористические акты, курсы валют, прорывные научные технологии — все эти события, знаки и сообщения существуют одновременно, сразу для всех,

будучи всем одинаково понятны» [Полякова, 2004, с. 367]. В 2010-х годах стало очевидно, что владеть аудиторией можно при серьезной трансформации СМИ, используя такие инструменты, как интерактивность, мультимедийность и конвергентность.

На начало 2022 года в России насчитывается более 124 млн пользователей интернета. За год количество пользователей Сети в Российской Федерации увеличилось на 6 миллионов. Сегодня 77 % — активные пользователи, 79,8 % — имеют аккаунты в соцсетях. Отмечается не только тенденция роста аудитории, но и запрос на новые формы контента на популярных площадках. Медиа получили практически неограниченные с технологической точки зрения возможности для экспериментов с форматами. Данные процессы обусловлены изменениями значимости источников новостей. С каждым годом растет влияние социальных сетей, блогов и мессенджеров. По сравнению с 2018 годом в 2021 году этот показатель вырос сразу на десять пунктов. При этом если ранее увеличивалась аудитория до 34 лет, то теперь отмечается тенденция к росту в группе 60+.

Для того чтобы представить основные каналы медиапотребления в Липецкой области, обратимся к резонансной новости о ДТП с тремя погибшими, которое произошло 27 марта 2021 года. Две публикации на информационном портале Gorod48.ru «В ДТП в Липецком районе погибли три человека» и «В ДТП с тремя погибшими под Липецком попал автомобиль полиции» [Gorod48.ru: официальный сайт, 2021] посмотрели 42 273 раза. У публикации «По факту аварии с тремя погибшими возбуждено уголовное дело», размещенной во «ВКонтакте», — 11 тысяч просмотров. В «Телеграм» редакция сайта завела свой канал недавно и имеет пока меньше одной тысячи подписчиков, но и там новость о данном происшествии посмотрели 886 человек.

Отправной точкой конвергенции липецких массмедиа можно назвать 2003 год, когда появился первый информационный портал Lipetsknews.ru. Тогда журналисты газет и телевидения начали параллельно наполнять информацию на интернет-платформе. Однако конструктивное объединение ранее совершенно различных типов изданий произошло несколько позже.

В ходе проведенного исследования контента региональных СМИ были выявлены основные актуальные на данный момент инструменты мультимедийной журналистики. В качестве источника рассмотрено одно из ведущих изданий Липецкой области — новостной портал LipetskMedia, входящий в структуру ИД «Липецкая газета». Были проанализированы мультимедийные публикации 2020—21 годов.

Редакция СМИ в основном использует привычный для аудитории жанр фоторепортажа. Интерес вызывают публикации, в которых используются ма-

териалы «бумажных» коллег по холдингу — «Липецкой газеты» и нового журнала «Лица Липецкой области». Например, в материале «Легенда липецкого истфака, ровесник Победы» [ЛипецкМедиа: официальный сайт, 2021] о Леониде Земцове фотографии украшают и дробят довольно обширный текст. При этом следует отметить, что не соответствующая современным требованиям верстка этого интернет-ресурса не позволяет в полной мере заинтересовать случайного пользователя. Видео на сайт встраивается через видеохостинг YouTube. В основном размещается контент, оперативно снятый корреспондентами всего несколько минут назад на месте события невысокого качества, при этом, надо полагать, страдает качество контента (публикация от 28 апреля 2020 года); или материал, предоставленный пресс-службами органов власти (публикация от 7 мая 2020 года). Стоит отметить, что редакция создает оригинальный видеоконтент, но ранее она размещала его только в своем аккаунте в «Инстаграм»¹ (до блокировки), что явно лишало пользователей, которые не были зарегистрированы в этой социальной сети, интересного медиапродукта (например, материал от 13 мая 2020 года). Инфографика, используемая на ресурсе, содержит всю важную для потребителя информацию, легко воспринимается, но, на наш взгляд, не отличается креативностью.

Тематика публикаций предопределена ориентацией на текущий момент в соответствии с традиционными задачами СМИ. В период пандемии транслировалось много сообщений о ситуации с заболеваемостью коронавирусной инфекцией (публикация от 11 мая 2020 года). Редакцией СМИ весьма продуктивно используется сервис «Яндекс.Карты», который позволяет пользователю наглядно увидеть, где именно, например, планируется изменение дорожного движения в городе, в каких дворах пройдет благоустройство (материал от 11 мая 2021 года).

Современным тенденциям стараются отвечать и районные газеты Липецкой области. Каждая из 18 ведет группы в различных социальных сетях. Суммарная подписка на печатную версию изданий в 2021 году составила 51 718 человек, в соцсетях у их пабликов и страниц 177 321 подписчиков (табл. 1).

На основе проведенного исследования можно констатировать, что мультимедийная журналистика на региональном уровне все еще находится в стадии зарождения. Редакции неохотно внедряют новые инструменты, используя в основном те, что не требуют особых затрат времени. Это вполне объяснимо, поскольку создание современного мультимедийного контента требует гораздо больших усилий и, соответственно, финансовых вложений. Однако влияние современных глобальных тенденций заставляет региональные

1 Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

Таблица 1

Аудитория районных газет в социальных сетях (2021 год)

СМИ	Одноклассники	ВКонтакте	Инстаграм ¹
«Вперед» Воловский район	3089	5570	995
«Грязинские известия» Грязинский район	3380	5572	3806
«Заветы Ильича» Данковский район	6822	5798	2682
«Добринские вести» Добринский район	9055	6043	5123
«Знамя Октября» Данковский район	3076	5659	1579
«Сельские зори» Долгоруковский район	2023	7544	2370
«В краю родном» Елецкий район	4494	2760	1076
«Задонская правда» Задонский район	2188	1522	70
«Сельский восход» Измалковский район	1410	64	1127
«Заря Красного» Краснинский район	3457	1790	1033
«Лебедянские вести» Лебедянский район	4341	3139	1234
«Народное слово» Лев-Толстовский район	3443	5129	407
«Сельская нива» Липецкий район	1919	974	1966
«Звезда» Становлянский район	582	1622	3486
«Маяк» Тербунский район	7314	5827	2434
«Новая жизнь» Усманский район	9443	0	2462
«Донские вести» Хлевенский район	5044	5623	2255
«Раненбургский вестник» Чаплыгинский район	878	5873	749
Итого	71 958	70 509	34 854

онлайн-СМИ экспериментировать с новыми жанрами и внедрять мультимедийные технологии, тем более что в цифровую эпоху местным изданиям

приходится конкурировать не только между собой, но и с крупными мировыми и российскими массмедиа. Поэтому необходимо активнее привлекать пользователей, улучшая качество транслируемой информации. В противном случае региональные издания будут продолжать терять свою аудиторию.

3.3. Традиционные СМИ и новые медиа: конвергенция или замещение

По мнению многих медиаменеджеров, новые медиа сейчас часто выигрывают у традиционных, потому что эффективнее работают с аудиторией и быстрее находят к ней индивидуальный подход. «Сегодня мы можем продать только эмоции и переживания, проживание истории, а не информацию», — заявила в ноябре 2020 года заместитель главного редактора МИА «Россия сегодня» Наталья Лосева [Российская газета [интернет-портал], 2020, 18 ноября № 43 (959)].

Социальные платформы стремительно захватывают медиaprостранство и вытесняют из него не только печатные СМИ, радио и телевидение, но и информационные интернет-сайты. Как отмечает Д. Коноплев, новые медиа и каналы коммуникации «меняют структуру медиапотребления и перераспределяют аудиторное влияние в пользу более технологичных платформ» [Коноплев, 2020, с. 158]. Классические СМИ не только продолжают пытаться привлекать аудиторию новых медиа на свои основные площадки, размещая активные ссылки, но и начинают использовать новые соцсети и мессенджеры как самостоятельные источники информации.

А. Хомякова с соавторами выделяют следующие этапы жизненного цикла социальной сети: создание платформы, заселение платформы, начальный взрыв, самоподдерживающийся рост, достижение пика, зрелость, потеря позиций [Хомякова и др., 2020, с. 79—89]. Исследователи отмечают, что «старение» соцсети во многом обусловлено физическим старением основной массы её пользователей. Социальная сеть, в буквальном смысле, стареет и умирает вместе со своими основными участниками. Этот вывод подтверждают и данные по числу жителей Липецкой области среди пользователей популярных онлайн-платформ (табл. 2).

Таблица 2

Количество пользователей социальных сетей
по данным рекламных кабинетов (апрель 2021 года)

Одноклассники	ВКонтакте	Фейсбук ²	Инстаграм ³	TikTok
Запуск: 03.2006	Запуск: 10.2006	Запуск: 02.2004	Запуск: 10.2010	Запуск: 07.2018
430 000	392 000	35 000	280 000	185 000

Платформы «Одноклассники» (ОК) и «ВКонтакте» (ВК), несмотря на большое количество официально зарегистрированных пользователей, несколько лет назад прошли этап «достижение пика». «ОК» сейчас находится на стадии «потеря позиций», а «ВК» переживает «зрелось». Такие выводы можно сделать на основе оценки активности аудитории в этих соцсетях (количество «лайков», репостов, комментариев). Американская сеть «Фейсбук» в России так и не завоевала популярность. Всего 35 тысяч (до блокировки) зарегистрированных там пользователей были связаны с Липецкой областью.

Рассматривая тенденции развития современных массмедиа, остановимся на «TikTok», активно растущей интернет-площадке, находящейся на стадии «начальный взрыв», ориентированной преимущественно на визуальный контент.

Социальная сеть «TikTok» от китайских разработчиков на международный рынок вышла летом 2018 года. По итогам 2021 года эта площадка стала наиболее загружаемым мобильным приложением. Изначально платформа была полностью развлекательной — пользователи участвовали в челленджах, создавали короткие музыкальные ролики длительностью до одной минуты. Полностью развлекательная платформа быстро завоевала сердца и умы молодежи. Главное отличие «TikTok» от других сетей — принцип «количество подписчиков совершенно не важно». Наибольший охват приносит попадание публикации в раздел «Рекомендации», вероятность этого регулируется внутренними алгоритмами ресурса. Возможно, именно непредсказуемость результата работы пока отпугивает большинство традиционных СМИ Липецкой области от освоения этого ресурса. В 2021 году только у трех региональных медиа появились свои аккаунты в данной соцсети.

Успешным примером ведения аккаунта в «TikTok» можно считать опыт редакции издания «ЛипецкМедиа» (www.tiktok.com/@lipetskmedia.ru). Первый ролик был опубликован в ноябре 2019 года, который набрал суммарно всего 111 просмотров. За год — до ноября 2020 года в аккаунте было размещено 29 постов, которые посмотрели всего 6493 раза. Такая вовлеченность аудитории не вдохновляла журналистов на производство контента. Ситуация изменилась 17 ноября 2020 года, когда пост «Почему не нужен повторный тест» привлек внимание 447 тысяч человек. Успех привел к тому, что за следующие шесть месяцев редакция создала 117 роликов для «TikTok». Сегодня количество просмотров — от 170 000 до 441 000. Журналисты на данной площадке практически не касаются политических и экономических тем, а сообщают о коронавирусе, резонансных судебных процессах, изменениях законодательства, известных липчанам, спасении маленьких утят и т. п.

Самое популярное интернет-СМИ Липецкой области — сайт Gorod48.ru (www.tiktok.com/@gorod48.ru) — создало аккаунт в «восточной» соцсе-

ти только в апреле 2021 года. Из пяти публикаций — три про автомобильные аварии (суммарно 8 тысяч просмотров), одна о судебном решении по делу Александра Козина (1 300 просмотров) и еще одна о нападении своры собак на маленького ребенка. Именно последняя привлекла внимание 660 тысяч пользователей. Как и на основном сайте, на странице в «TikTok» редко появляются нейтральные новости — большинство так или иначе связаны с происшествиями, городскими проблемами или масштабными событиями в жизни региона. Язык публикаций максимально простой, лишенный официоза и «украшательства» в виде эмодзи, что облегчает восприятие медиатекстов. Большинство публикаций — это сокращённый текст с головного сайта. Специалисты, занимающиеся контентом страницы, используют как профессиональные редакционные снимки и видео, так и любительские фотографии, фото пресс-служб с мест происшествий или даже скрины из родительских чатов. Очевидно, что журналисты данного СМИ и на этой площадке планируют завоевывать аудиторию прежде всего негативным контентом, не транслируя позитивные новости или полезные истории. При отборе видео- и фотоматериалов авторы ставят во главу угла эксклюзивность контента. Если снятый очевидцем материал содержит уникальную информацию, которой нет в распоряжении редакции или конкурирующих изданий, то он обязательно найдет отражение в социальной сети. Чаще всего это касается съемок с места происшествия — ДТП, пожар, потасовка — или съемок с камер видеонаблюдения и видеорегистраторов. В данном случае качество изображения, композиция кадра не играют роли, на первый план выходит то, что редакция первой тиражирует этот контент на широкую аудиторию, собирая реакции и демонстрируя свою оперативность и вездесущность. Негосударственное СМИ ориентировано на привлечение прибыли, а монетизировать аудиторию «TikTok» пока очень сложно. Отдельно отметим интерактивность данного ресурса: подписчики охотно комментируют публикации, вступают в перепалку друг с другом, добавляют подробности к публикации или находят неточности. Высокая вовлеченность аудитории позволяет размещать на странице рекламные объявления, которые диверсифицируют источники прибыли редакции от рекламы. Периодичность появления рекламных объявлений — одна рекламная публикация через 15—20 информационных сообщений. В основном это реклама банковской группы «Зенит» (ее публикуют чаще всего и с повышенной периодичностью), аффилированной металлургическим гигантом Новолипецким металлургическим комбинатом (НЛМК), как и сам портал Gorod48.ru. Еще одним традиционным заказчиком рекламной продукции можно считать телекоммуникационную компанию TELE2. В публикациях сообщается о новых тарифах, преимуществах компании,

качестве связи. Отметим неслучайный интерес оператора к заказу рекламы у флагмана информационного рынка — для TELE2 Липецкая область стала одним из пилотных регионов, куда пришел оператор, и именно здесь его позиции максимально прочные.

Логичным выглядит появление на площадке «TikTok» представительства телерадиокомпании «Липецкое время». Этот государственный ресурс ежедневно производит большой объем профессионального видеоконтента, что не может не вызывать интерес аудитории. Сегодня у «Липецкого времени» два аккаунта — развлекательный и информационный. На первый (www.tiktok.com/@lipetskoetv) подписаны более 12 тысяч человек. Его ведет журналист Анна Голембовская, которая в роликах стремится соответствовать слогану «Телевидение с душой». Основной контент — лайфхаки и закулисье регионального ТВ: неудавшиеся дубли, подготовка к эфирам, жизнь журналистов за кадром. Несмотря на довольно большое количество подписчиков для «TikTok», у постов в среднем около двух тысяч просмотров. Самой популярной стала публикация «Липчанку из ревности облили зеленой» (675 тысяч просмотров). Информационный канал «Липецкого времени» (www.tiktok.com/@lipetskylove) начал свою работу в марте 2021 года. Журналисты размещают ролики, которые создавались, в первую очередь, для «Инстаграм»¹ (до блокировки). Наполнение аккаунта без учета специфики соцсети вело к тому, что редкое видео преодолевало отметку в сто просмотров. Единственное исключение — ролик о суде над женщиной, виновной в смертельном ДТП (почти 400 тысяч просмотров, хотя аудиовизуальное качество ролика весьма низкое).

Характерной особенностью ведения интернет-страницы телерадиокомпании можно считать оформление: на многих видео присутствует название материала, а фото предъявляются пользователям без текста на изображении. Отсутствие сопроводительного сообщения к публикации, размещение неформатных (вертикальных) изображений свидетельствует о том, что контент часто готовится оперативно, без возможности дополнительной обработки и адаптации.

Проанализировав аккаунты липецких СМИ в изначально развлекательной соцсети «TikTok», можно сделать вывод, что запрос аудитории прежде всего на таблоидные темы находит на этой площадке свое подтверждение.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование подтверждает мысль о том, что медиапространство в последние годы существенно изменилось. Основной тенден-

1 Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

цией стал переход традиционных изданий в онлайн-формат и появление интернет-СМИ на различных платформах. Стремительный рост новых медиа связан прежде всего с развитием Интернета и использованием информационных технологий. Сегодня более 124 миллионов россиян имеют возможность выхода в Сеть. Главным источником новостей продолжает оставаться телевидение, но его позиции с каждым годом серьезно ослабевают. Для молодого поколения сайты интернет-СМИ и социальные сети являются основными каналами получения информации. Наибольшее количество выходов в Сеть осуществляется с мобильных устройств, что серьезно сказывается на формах предоставления контента.

Процесс конвергенции СМИ в России начался в 1998 году, когда появились первые интернет-порталы, которые изначально были представительствами традиционных медиа в Сети, но со временем стало очевидно, что сайты развиваются по иным законам. Медиаконвергенция серьезно повлияла на современное состояние СМИ. Большинство традиционных изданий начали использовать новые технологии для упаковки и трансляции контента. При этом довольно часто в погоне за скоростью, которую предполагает интернет-ресурс, и в попытках удовлетворить запросы аудитории на легкие, развлекательные новости ухудшается качество контента. Серьезные, проработанные материалы не пользуются популярностью у пользователей. Корреспондентам приходится заниматься описательной журналистикой, компиляцией, поиском шокирующей и скандальной информации в социальных сетях, ререйтингом. В погоне за просмотрами и «лайками» предпочтение отдается «быстрым», но «горячим» новостям, а не продуманной аналитике. Конкуренция, которая есть даже на рынке региональных СМИ, приводит также к фактическим и языковым ошибкам. На первый план выходит развлекательная функция журналистики, о чем свидетельствует популярность самих форм подачи контента (материалы-подборки «Несколько фактов о...», онлайн-тесты, игры и т. д.), которые используются как в журналистских материалах, так и в нативной рекламе. Такой контент, когда журналисты кратко и емко, с фотографиями, видеороликами или инфографикой максимально просто рассказывают о сложных вещах, ведет к снижению аналитической глубины, примитивизации материалов.

Снижение качества публикаций можно объяснить и экономическими трудностями. Конвергенция не увеличила количество сотрудников в СМИ, а добавила работы имеющимся. При этом уровень зарплат не повысился. К тому же создание и ведение корпоративных сайтов, аккаунтов в социальных сетях привело к переходу части журналистов традиционных СМИ на фриланс. Сегодня человек с интересными идеями и способностью «красиво» упаковывать их под соцсети в несколько кликов может создать соб-

ственное СМК, а эффекты глобализации позволяют буквально по всему миру завоевывать аудиторию и монетизировать созданный канал. Соцсети стали конкурентами СМИ в борьбе за талантливых журналистов.

Выполненный анализ современного состояния новых медиа Липецкой области позволяет определить ведущие тенденции их развития и функционирования.

1. Основными каналами потребления информации, которую производят все без исключения СМИ региона, на данном этапе стали онлайн-платформы «ВКонтакте», «Одноклассники».

2. Происходящие в медиапространстве Липецкой области процессы обусловлены развитием глобализации и технологическим прогрессом. При этом местные СМИ продолжают формировать картину реальности.

3. СМИ постоянно увеличивают объем производимого контента, чтобы освоить новые площадки — социальные сети, мессенджеры. Это приводит к примитивизации подачи новостей, рассчитанной на быстрое потребление, количество «лайков» и репостов.

4. Изобилие информации приводит к перегрузке — быть в курсе всего информационного потока невозможно физически. Индивид перестает воспринимать большие объемы информации, он знакомится с событиями поверхностно, а также испытывает потребность в визуальном ряде, сопровождающем текстовое сообщение (видео, фото, графика, инфографика).

5. Новые медиа в Липецкой области стали распространенной формой доступа к различной информации. Практически все традиционные СМИ имеют свои сайты в Интернете и страницы в социальных сетях, иногда с уникальным контентом. На сегодняшний день охват потребителей выше в социальных сетях, чем на основных площадках, в том числе и на интернет-сайтах. При этом веб-сайты некоторых районных газет входят в десятку по цитируемости (табл. 3).

Таблица 3

Статистика цитируемости СМИ

№	СМИ	Категория	Индекс цитируемости
1	Gorod48.ru	Интернет	98,25
2	Lipetskmedia.ru	Интернет	53,60
3	ТРК Липецкое время	ТВ	41,69
4	ГТРК Липецк	ТВ	40,96
5	Most.tv	Интернет	17,28
6	Липецкая газета	Газета	12,07
7	Добринские вести	Газета	10,80
8	Елец ТВ	ТВ	5,05
9	Комсомольская правда — Липецк	Газета	3,60
10	Донские вести	Газета	3,46

6. Изначально предполагалось, что конвергенция откроет новые возможности для СМИ и рекламы, новые площадки для получения прибыли. Но опыт многих компаний демонстрирует, что переход на конвергентную журналистику влечет за собой весьма значительные расходы (на покупку оборудования, зарплаты сотрудникам, подготовку специалистов, создание и развитие сайтов и т. д.). Вложения часто не приносят дополнительной прибыли, а лишь позволяют не потерять аудиторию, которая теперь ведет СМИ за собой по различным площадкам новых медиа.

Источники

1. БТСРЯ — *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С. А. Кузнецова. — Санкт-Петербург : Норинт, 1998. — 1536 с.
2. *Липецкое время* : официальный сайт [Электронный ресурс]. — Липецк. — Режим доступа : <https://lipetsktime.ru> (дата обращения 14.05.2021).
3. *ЛипецкМедиа* : официальный сайт [Электронный ресурс]. — Липецк. — Режим доступа : <http://www.lipetskmedia.ru> (дата обращения 14.05.2021).
4. *Gorod48.ru* : официальный сайт [Электронный ресурс]. — Липецк. — Режим доступа : <https://gorod48.ru> (дата обращения 29.03.2021).
5. *Lipetsknews.ru* : официальный сайт [Электронный ресурс]. — Липецк. — Режим доступа : <https://lipetsknews.ru/> (дата обращения 29.03.2021).

Литература

1. *Баранова Е. А.* Конвергентная журналистика. Теория и практика / Е. А. Баранова. — Москва : Издательство Юрайт, 2015. — 269 с. — ISBN 978-5-9916-3469-4.
2. *Бурдые П.* О телевидении и журналистике / П. Бурдые. — Москва : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. — 160 с. — ISBN 5-7333-0041-8.
3. *Вартанова Е. Л.* К чему ведет конвергенция СМИ? / Е. Л. Вартанова // Информационное общество. — 1999. — № 5. — С. 11—14.
4. *Вартанова Е. Л.* Медиаэкономика зарубежных стран / Е. Л. Вартанова. — Москва : Аспект-Пресс, 2003. — 335 с.
5. *Вольфсон Ю. Р.* Проблема классификации теорий информационного общества / Ю. Р. Вольфсон, А. Е. Вольчина // Современные исследования социальных проблем. — 2017. — Т. 8. — № 3. — С. 80—110. — DOI: 10.12731/2218-7405-2017-3-80-110.
6. *Гидденс Э.* Социология / Э. Гидденс. — Москва : Эдиториал УРСС, 1999. — 665 с. — ISBN 5-901006-82-8.
7. *Горошко Е. И.* Интернет-коммуникация как новая речевая формация / Е. И. Горошко. — Москва : Наука, Издательство Флинта, 2012. — 323 с. — ISBN 978-5-9765-1310-5.
8. *Засурский И. И.* Массмедиа второй республики / И. И. Засурский. — Москва : Издательство Московского университета, 1999. — С. 87. — ISBN 5-211-04108-9.
9. *Коноплев Д. Э.* Современные медиасистемы : кризис традиционных СМИ / Д. Э. Коноплев // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2020. — № 1 (35). — С. 158—162.
10. *Лукина М. М.* СМИ в пространстве Интернета : Учебное пособие / М. М. Лукина, И. Д. Фомичева. — Москва : Факультет журналистики. — МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. — 87 с. — ISBN 5-7776-0068-9.

11. *Многоликая глобализация* / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона ; Пер. с англ. В. В. Сапова, под ред. М. М. Лебедевой. — Москва : Аспект-Пресс, 2004. — 379 с. — ISBN 5-7567-0320-9.
12. *Отечественная теория медиа : основные понятия : словарь* / под ред. Е. Л. Вартановой. — Москва : Факультет журналистики МГУ, Изд-во Моск. ун-та, 2019. — 246 с.
13. *Полякова Н. Л. XX век в социологических теориях общества* / Н. Л. Полякова. — Москва : Логос, 2004. — 384 с. — ISBN 5-8163-0060-1.
14. *Уразова С. Л. Медиакommunikации в фокусе цифровых трансформаций* / С. Л. Уразова // *МедиаАльманах*. — 2015. — № 6. — С. 21—29.
15. *Фомченков Т. СМИ ищут новые форматы [Электронный ресурс]* / Т. Фомченков // «Российская газета». — Союз. Беларусь-Россия. — 2020. — 18 ноября. — № 43 (959). — Режим доступа : <https://rg.ru/2020/11/18/novye-media-chasto-vyigryvaiut-tradicionnyh.html> (дата обращения 17.04.2021).
16. *Хомякова А. А. Жизненный цикл социальных сетей* / А. А. Хомякова, А. Д. Белова Ю. А. Серкова // *Сборник научных трудов вузов России «Проблемы экономики, финансов и управления производством»*. — 2020. — № 46. — С. 79—89.
17. *Domingo D. Four Dimensions of Journalistic Convergence : A preliminary approach to current media trends at Spain* / D. Domingo // *Paper for the 8th International Symposium of Online Journalism*. — University of Texas at Austin, 2007. — 18 p.
18. *Jenkins H. Convergence? I Diverge* / H. Jenkins // *Digital Renaissance*. — 2001. — № 5. — С. 93.
19. *Meikle G. Media convergence : networked digital media in everyday life* / G. Meikle, S. Young. — London : Palgrave Macmillan, 2012. — 242 p. — ISBN-978-0230228948.
20. *Pool I. de Sola. Technologies of Freedom* / I. de Sola Pool. — Cambridge, Mass : Belknap Press, 1983. — 299 p.

Material resources

- Gorod48.ru: official website*. Lipetsk. Available at: <https://gorod48.ru> (accessed 29.03.2021). (In Russ.).
- Kuznetsov, S. A. (ed.). (1998). *Great Dictionary of Russian*. St. Petersburg: Norint. 1536 p. (In Russ.).
- Lipetsk Media: official website*. Lipetsk. Available at: <http://www.lipetskmedia.ru> (accessed 14.05.2021). (In Russ.).
- Lipetsk time: official website*. Lipetsk. Available at: <https://lipetsktime.ru> (accessed 14.05.2021). (In Russ.).
- Lipetsknews.ru: official website*. Lipetsk. Available at: <https://lipetsknews.ru> / (accessed 29.03.2021). (In Russ.).

References

- Baranova, E. A. (2015). *Convergent journalism. Theory and practice*. Moscow: Yurayt Publishing House. 269 p. ISBN 978-5-9916-3469-4. (In Russ.).
- Bourdieu, P. (2002). *About television and journalism*. Moscow: Foundation for Scientific Research “Pragmatics of Culture”, Institute of Experimental Sociology. 160 p. ISBN 5-7333-0041-8. (In Russ.).
- Domingo, D. (2007). *Four Dimensions of Journalistic Convergence: A preliminary approach to current media trends at Spain. Paper for the 8th International Symposium of Online Journalism*. University of Texas at Austin. 18 p.

- Fomchenkov, T. (2020). The media are looking for new formats. *Rossiyskaya Gazeta. Union. Belarus-Russia. November 18, 43 (959)*. Available at: <https://rg.ru/2020/11/18/novye-media-chasto-vyigryvaiut-u-tradicionnyh.html> (accessed 17.04.2021). (In Russ.).
- Giddens, E. (1999). *Sociology*. Moscow: Editorial URSS. 665 p. ISBN 5-901006-82-8. (In Russ.).
- Goroshko, E. I. (2012). *Internet communication as a new speech formation*. Moscow: Nauka, Flint Publishing House. 323 p. ISBN 978-5-9765-1310-5. (In Russ.).
- Jenkins, H. (2001). Convergence? I Diverge. *Digital Renaissance*, 5: P. 93.
- Khomyakova, A. A., Belova, A. D., Serkova, Yu. A. (2020). The life cycle of social networks. *Collection of scientific papers of Russian universities "Problems of economics, finance and production management"*, 46: 79—89. (In Russ.).
- Konoplev, D. E. (2020). Modern media systems: the crisis of traditional media. *Sign: problematic field of media education*, 1 (35): 158—162. (In Russ.).
- Lukina, M. M., Fomicheva, I. D. (2005). *Mass media in the Internet space: A textbook*. Moscow: Faculty of Journalism. Lomonosov Moscow State University. 87 p. ISBN 5-7776-0068-9. (In Russ.).
- Meikle, G., Young, S. (2012). *Media convergence: networked digital media in everyday life*. London: Palgrave Macmillan. 242 p. ISBN-978-0230228948.
- Multifaceted globalization*. (2004). Moscow: Aspect-Press. 379 p. ISBN 5-7567-0320-9. (In Russ.).
- Polyakova, N. L. (2004). *XX century in sociological theories of society*. Moscow: Logos. 384 p. ISBN 5-8163-0060-1. (In Russ.).
- Pool, I. de Sola. (1983). *Technologies of Freedom*. Cambridge, Mass: Belknap Press. 299 p.
- Urazova, S. L. (2015). Media communications in the focus of digital transformations. *Media Almanac*, 6: 21—29. (In Russ.).
- Vartanova, E. L. (1999). What is the convergence of mass media leading to? *Information Society*, 5: 11—14. (In Russ.).
- Vartanova, E. L. (2003). *Media Economics of foreign countries*. Moscow: Aspect-Press. 335 p. (In Russ.).
- Vartanova, E. L. (ed.). (2019). *Domestic media theory: basic concepts: dictionary*. Moscow: Faculty of Journalism of Moscow State University, Moscow Publishing House Univ. 246 p. (In Russ.).
- Wolfson, Yu. R., Volchina, A. E. (2017). The problem of classification of theories of information society. *Modern studies of social problems*, 8 (3): 80—110. DOI: 10.12731/2218-7405-2017-3-80-110. (In Russ.).
- Zasursky, I. I. (1999). *Mass media of the second Republic*. Moscow: Moscow University Press. P. 87. ISBN 5-211-04108-9. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.09.2022,
одобрена после рецензирования 16.10.2022,
подготовлена к публикации 25.10.2022.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

.....

Бадма Викторович Меньев, специалист (Элиста)
Босха Халгаевна Борлыкова, канд. филол. наук (Элиста)
Владимир Альбертович Дроздов, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Дарья Евгеньевна Эртнер, канд. филол. наук (Тюмень)
Елизавета Алексеевна Власова, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Игорь Васильевич Кудряшов, д-р филол. наук (Арзамас)
Майя Геннадиевна Меркулова, д-р филол. наук (Москва)
Ольга Борисовна Ульянова, канд. филол. наук (Тюмень)
Ольга Владимировна Богданова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Сайда Биктимировна Хабибуллина, старший преподаватель (Тюмень)
Светлана Анатольевна Герасимова, канд. филол. наук (Москва)
Сергей Николаевич Пяткин, д-р филол. наук (Арзамас)

Богданова О. В. Интертекстуальные подтексты элегии Иосифа Бродского «Воротишься на родину. Ну что ж...» / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 206—221. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-206-221.

Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2022). Intertextual Subtexts of Joseph Brodsky's Elegy "You Will Return to Your Homeland. Well...". *Nauchnyi dialog*, 11(8): 206-221. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-206-221. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-206-221

Интертекстуальные подтексты Элегии Иосифа Бродского «Воротишься на родину. Ну что ж...»

Богданова Ольга Владимировна
orcid.org/0000-0001-6007-7657
доктор филологических наук,
профессор
olgabogdanova03@mail.ru

Власова Елизавета Алексеевна
orcid.org/0000-0001-5781-7466
кандидат филологических наук
kealis@gmail.com

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Российская национальная библиотека
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при поддержке
гранта Российского научного фонда
№ 22-28-01671 (Русская христианская
гуманитарная академия)

Intertextual Subtexts of Joseph Brodsky's Elegy "You Will Return to Your Homeland. Well..."

Olga V. Bogdanova
orcid.org/0000-0001-6007-7657
Doctor of Philology, Professor
olgabogdanova03@mail.ru

Elizaveta A. Vlasova
orcid.org/0000-0001-5781-7466
PhD in Philology
kealis@gmail.com

A. I. Herzen Russian State
Pedagogical
University
(St. Petersburg, Russia)

Russian National Library
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by a grant
from the Russian Science Foundation
project № 22-28-01671
(Russian Christian Academy
for the Humanities)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье предложена интерпретация редко привлекаемого для анализа стихотворения Иосифа Бродского «Воротишься на родину. Ну что ж...» (1961). Если традиционно элегия Бродского в интертекстуальном аспекте рассматривается как «диалог-отталкивание» (А. Нестеров) с романсом А. Вертинского «Без женщин», то в работе выявляются иные претексты, на первый взгляд кажущиеся чуждыми любовной лирике Бродского, — это тексты патриотической тематики С. Есенина и М. Цветаевой. Показано, что мотив возвращения на родину у Бродского подчеркнуто ориентирован на «Возвращение на родину» и «Русь советскую» С. Есенина, в 1924 году по возвращении из Америки сформулировавшего искреннее поэтическое признание в крайнем одиночестве, пережитом им на родине («Моя поэзия здесь больше не нужна, / Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен...»). Бытующее представление о несходстве поэзии Бродского и Есенина ставится под сомнение. Текст-референтом М. Цветаевой названо стихотворение «Тоска по родине. Давно...» (1934), как показано в статье, послужившее очевидным прообразом для «Воротишься на родину. Ну что ж...» Композиционная структура цветаевского претекста с доминантной стратегией «утверждения через отрицание» определила поэтическую организацию элегии Бродского. Утверждается, что с течением времени диалогическая интеракция текстов сопровождалась эмоционально-смысловой перекодировкой, затекстовые смыслы в стихах Бродского прирастали.

Ключевые слова:

Иосиф Бродский; Воротишься на родину. Ну что ж...; композиционная структура; подтекст; интертекстуальность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article offers an interpretation of Joseph Brodsky's poem, rarely used for analysis, "You will return to your homeland. Well..." (1961). If traditionally Brodsky's elegy in the intertextual aspect is considered as a "dialogue-repulsion" (A. Nesterov) with A. Vertinsky's romance "Without Women", then the work reveals other pretexts that at first glance seem alien to Brodsky's love lyrics — these are texts of patriotic themes by S. Yesenin and M. Ts-vetaeva. It is shown that Brodsky's motive of homecoming is emphatically focused on "The Homecoming" and "The Soviet Russia" by S. Yesenin, in 1924, upon his return from America, formulated a sincere poetic confession in the extreme loneliness he experienced in his homeland ("My poetry is no longer needed here, / And, perhaps, I myself am not needed here either ..."). The prevailing idea of the dissimilarity of the poetry of Brodsky and Yesenin is questioned. The reference text of M. Ts-vetaeva is the poem "The Homesickness. A long time ago..." (1934), as shown in the article, which served as an obvious prototype for "You will return to your homeland. Well..." The compositional structure of Ts-vetaeva's pretext with the dominant strategy of "affirmation through negation" determined the poetic organization of Brodsky's elegy. It is argued that over time, the dialogic interaction of texts was accompanied by emotional and semantic recoding, the non-textual meanings in Brodsky's poems grew.

Key words:

Joseph Brodsky; You will return to your homeland. Well...; compositional structure; subtext; intertextuality.

Интертекстуальные подтексты элегии Иосифа Бродского «Воротишься на родину. Ну что ж...»

© Богданова О. В., Власова Е. А., 2022

1. Введение = Introduction

Элегия Иосифа Бродского «Воротишься на родину. Ну что ж...» написана в 1961 году и вошла в состав стихотворного цикла «Июльское интермеццо». Однако следует заметить, что целиком цикл был опубликован почти 20 лет спустя и в отдельные издания Бродского стихотворение нередко включается без указания на связь с циклом «Июльское интермеццо». Так, в сборник «Стихотворения и поэмы» (1965) элегия «Воротишься на родину. Ну что ж...» включена как самостоятельное произведение [Бродский, 1965].

Стихотворение «Воротишься на родину. Ну что ж...» хорошо известно и популярно, нередко упоминается в критических обзорах [Гордин, 2010; Лосев, 2008; Полухина, 2008; Плеханова, 2001 и др.], однако в литературоведческих работах, как правило, встраивается в перечислительный ряд других поэтических текстов Бродского, само по себе не становится объектом исследования, ученые обходят его вниманием. Между тем обращение к тексту стихотворения Бродского «Воротишься на родину...» позволяет открыть новые ракурсы не только поэтики, но и мировоззрения молодого поэта, а межтекстуальные связи помогают иначе взглянуть не только на самого поэта, но и на творчество его предшественников.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Пожалуй, единственной работой, которая в какой-то мере касается анализа поэтологических особенностей элегии «Воротишься на родину. Ну что ж...», стала статья А. Нестерова, где в центре размышлений исследователя цикл «Июльское интермеццо» в его структурных координатах [Нестеров, 2001, с. 124—131]. Автор статьи анализирует композиционную структуру цикла, прослеживает его музыкальную драматургию и констатирует: «Если обратиться к самому циклу, мы обнаружим, что его ядро, части с 4 по 8, составляют тексты, “прошитые” музыкальными ассоциациями, начиная от заглавий: “Пьеса с двумя паузами для сакс-баритона” (пятое стихотворение цикла), “Романс” (шестое), “Современная песня” (седьмое), “Июльское интермеццо” (восьмое). Заметим, что характерным образом во втором стихотворении цикла — “Люби проездом родину друзей” — упоминается вальс, а в десятом — “Проплывают облака” — детское пение. При этом очевидно

некое заданное чередование “современных” музыкальных жанров: джазовая пьеса, “современная песня” и жанров, тяготеющих если не к “классике”, то, во всяком случае, к эпохе ушедшей, и в первую очередь — к рубежу веков: “романс” и “интермеццо» [Нестеров, 2001, с. 124].

По мысли А. Нестерова, в период работы над «Интермеццо» Бродский экспериментировал с «большими» формами современной поэмы («Петербургский роман», «Гость», «Шествие»). На его взгляд, «к этому же кругу текстов следует отнести и “Июльское интермеццо”» [Нестеров, 2001, с. 124].

Как и прежде, А. Нестеровым фрагменту «Воротишься на родину. Ну что ж...» внимание уделяется *попутно*, однако наблюдение, им сделанное, достойно того, чтобы на нем остановиться.

А. Нестеров считает, что для поэзии Бродского «весьма характерно, что часто она есть продолжение чужой поэтической речи», и в случае с «Воротишься на родину...» этим «затактовым» (в его определении) текстом-предшественником следует считать романс А. Вертинского «Без женщин» [Нестеров, 2001, с. 125]. Исследователь напоминает, что «Вертинский в ту пору вновь стал звучать в России», и полагает, что в рассматриваемом стихотворении «именно печальный, в меру грустный и в меру ироничный Пьеро светских салонов и поэтических кафе начала века оказывается “собеседником” Бродского» [Нестеров, 2001, с. 125]. По наблюдению А. Нестерова, «достаточно положить рядом два текста — “Воротишься на родину...” Бродского и “Без женщин” Вертинского, чтобы увидеть их параллелизм» [Нестеров, 2001, с. 125]. А. Нестеров построчно сопоставляет тексты и подчеркивает близость активизированных речевых оборотов.

У Вертинского:

*Как хорошо без женщин и без фраз,
Без горьких слез и сладких поцелуев,
Без этих милых, слишком честных глаз,
Которые вам лгут — и вас еще ревнуют.*

*Как хорошо без театральных сцен,
Без долгих благородных объяснений,
Без этих истерических измен,
Без этих запоздалых сожалений. <...>*

*Как хорошо проснуться одному
В своем уютном холостяцком flat’e,
И знать, что ты не должен никому
Давать отчеты ни о чем на свете. <...> [Вертинский, 2012].*

У Бродского:

<...>

*Как хорошо, что некого винить,
как хорошо, что ты никем не связан,
как хорошо, что до смерти любить
тебя никто на свете не обязан.*

*Как хорошо, что никогда во тьму
ничья рука тебя не провожала,
как хорошо на свете одному
идти пешком с шумящего вокзала.* [Бродский, 1998, с. 71].

По наблюдению А. Нестерова, даже упоминание «простого шотландского виски» находит отголосок в «сладком вине» Бродского [Нестеров, 2001, с. 126]. И, вслед за Нестеровым, точечный ряд этих нюансов-переключек можно расширить (*горький / сладкий, еще ревнует, на свете / на свете, не обязан / не должен* и др.). Действительно, стилевой окрас лексического ряда и стилистическая тональность строк Вертинского и Бродского необычайно близки.

Между тем А. Нестеров чутко улавливает и смысловые расхождения, тот контраст, который он квалифицирует как «диалог-отталкивание». По А. Нестерову, «иронично-манерная салонность Вертинского, с его “простым шотландским виски”, “уютным холостяцким flat’ом”, — и скупая, горькая интонация Бродского, в чьем тексте — дешевое красное вино, путь “пешком с шумящего вокзала”. На одном полюсе — “долгие благородные объяснения”, на другом — едва ли не советско-казенное “любить не обязан”. Контраст двух эпох — Серебряного века с его порой фальшивой мишурой и “черно-белого рая новостроек” шестидесятых. Именно это несоответствие и порождает напряженность поэтического диалога-отталкивания, именно оно и делает его возможным» [Нестеров, 2001, с. 126—127].

На первый взгляд, наблюдения исследователя кажутся убедительными. Однако вывод, к которому в итоге приходит А. Нестеров, чрезмерно абстрактен и вряд ли имеет прямое отношение к тексту Бродского [Нестеров, 2001, с. 127], а в отдельных деталях и вовсе не соответствует тексту и контексту (здесь и «черно-белый рай новостроек», не включенный в сферу восприятия Бродского, и «путь “пешком с шумящего вокзала”», который у Нестерова едва ли не напрямую связан с «обнищанием» (см. в следующей нестеровской строке [Нестеров, 2001, с. 127]), и тем более «советско-казенное “любить не обязан”», которое прочитано критиком совершенно

не по-бродски). То есть указание на прототипическую связь с романсом А. Вертинского, предложенное А. Нестеровым, может быть принято во внимание, но интерпретация его еще будет пересмотрена. Непосредственное обращение к тексту Бродского позволит расставить иные акценты и обнаружить иные претексты.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Лирические субъекты Бродского и Александра Вертинского

Элегия «Воротишься на родину. Ну что ж...» в десятичастной композиции цикла «Июльское интермеццо» занимает почти срединную позицию — стоит под № 4. Даже внутри «интермеццо» «Воротишься на родину...» отличается особым ямбическим размером (5Я), в ту пору мало эксплуатируемым Бродским, и состоит из пяти катренов с перекрестной рифмовкой (авав). Более того, примечательно, что фрагменту № 4 предшествует своеобразный фрагмент № 3, целиком состоящий из отточий, имитирующих купированный текст. Все эти обстоятельства ставят рассматриваемое стихотворение в своеобразную позицию, почти *интермеццо внутри интермеццо*, заставляя акцентировать его выделенность, действительно, наделяя фрагмент чертами изолированности и стихотворной (в том числе жанровой) самостоятельности. Преимущественно с такой точки зрения и посмотрим на текст «Воротишься на родину. Ну что ж...», ранее уже поименованный нами элегией, «жалобной песней», вбирающей в себя мотивы бытийно-медитативной семантики.

Очевидно, что элегический строй стихотворения «Воротишься на родину...» конститутивно не предполагает четкости сюжетной канвы, некоего эпического начала, но «купированная» третья часть аллюзийно настраивает на «повествовательность», точнее, на реконструкцию неописанных, пропущенных событий. И на этом затекстовом непрописанном фоне (почти «нежеланном» для восстановления) драматизм элегии «Воротишься на родину...» становится еще острее. В тексте слабо контурируется некий скрытый расплывчатый сюжетный абрис событий, свершившихся недавно.

Уже первая строка стихотворения «Воротишься на родину...» [Бродский, 1998, с. 71] становится внетекстовым указанием на то, что лирический герой возвращается из поездки. Форма использованного глагола *воротиться* своим фольклорно-простонародным и отчасти устаревшим полногласием *-оро-* словно расширяет географическое пространство стиха и порождает ощущение, что путешествие героя было дальним, отсутствие на родине долгим и хронотоп последних событий сопровождался рядом драматичных обстоятельств, которые «остались за скобками», точнее, скрыты за многоточиями.

Избранная Бродским форма стихотворного повествования — монолог-рассуждение лирического персонажа, мысленно обращающегося к самому себе, — порождает раздумчиво-медитативную тональность, сквозь которую прорисовываются пережитые героем в недавнем прошлом личные события.

В едва начинающемся монологе лирического героя (первый катрен) сразу намечается мотив одиночества:

(1) «<...> кому еще ты нужен» — обстоятельство *еще* «от противного» позволяет понять, что лирический герой *уже* никому не нужен;

(2) «кому теперь в друзья ты попадешь» — обстоятельство *теперь* подчеркивает, что *прежде* было не так;

(3) «гляди вокруг...» — обстоятельственное наречие *вокруг* нестрого акцентирует всеобщность происходящих с героем перемен.

Лирический голос (за которым, несомненно, угадывается и надсубъект повествования, автор) вырисовывает ситуацию, когда герой, возвращающийся домой, переживает угнетающее одиночество и растерянность перед предстоящим. (Стоящая за текстом дата позволяет предположить, что лирический герой, подобно автору, возвращался в этот период из экспедиции в Якутию.).

Упоминание времени суток — вечерний ужин («купи себе на ужин») — в поэтическом пространстве стиха становится маркером подведения итогов, осознания прошедшего, но не будущего, уже свершившегося и клонящегося «к закату». Деталь-эпитет «сладкого вина» словно бы подчеркивает намерение героя *сладким* вином заглушить *горькие* думы.

Возникает вопрос: о чем печалится лирический герой? над чем задумывается?

Прежде всего о вине, которая лежит на лирическом персонаже («во всем твоя, одна твоя вина»). Ономимическая игра превращает *вино* в *вину*, а лексический повтор *твоя* акцентирует глубину самоанализа героя и его готовность всю ответственность за драматизм происходящего взять на себя. Проекция на романс А. Вертинского позволяет предположить, что речь идет, в первую очередь, о любовных отношениях (хотя смысловое поле стихотворения Бродского позволяет значительно расширить эти пределы).

Междометное «Ну что ж...» оттеняет безысходность сложившейся между возлюбленными ситуации и как будто бы предполагает продолжение: *ничего не поделаешь* — в смысловом контенте синонимичное кратким односоставным предложениям, закрывающим второй катрен: «И хорошо. Спасибо. Слава Богу». Парцеллированность речи, акцентированная точками, устанавливает констатирующий взгляд лирического героя, не спорящего с обстоятельствами, но принимающего их всецело таковыми, какими они сложились.

Третий катрен открывается речевыми формулами, которые, по мысли А. Нестерова, заимствованы Бродским у Вертинского. Речь, несомненно, идет не о прямом заимствовании, но о речевой конвергенции (вполне возможно, сознательной).

Как хорошо, что некого винить,
как хорошо, что ты никем не связан,
как хорошо, что до смерти любить
тебя никто на свете не обязан [Бродский, 1998, с. 71].

Текст и претекст действительно в речестилевом плане очень близки, организованы весьма сходным образом. Но примечательно, что весь третий катрен у Бродского структурирован «банальностями», еще точнее — сложен из речевых общеупотребительных штампов и паремических конструкций. Уже в первом и втором катренах использованные поэтом выражения имитируют простую речь, обыденные обороты-суждения, которые часто используются в расхожих ситуациях. «Ну что ж». «И хорошо». «Спасибо». «Слава Б(б)огу». Даже утверждение «во всем твоя, одна твоя вина» — (ин) вариант знакомой общебытовой фразы-упрека «Это твоя вина».

В третьем катрене эта «банальная» стратегия продолжает развиваться, причем с проступающим тонким «обратным» подтекстом (хорошо / нехорошо).

Как хорошо, что некого винить — и в затексте ассоциативно возникает привычная ситуация, когда кто-то кого-то за что-либо обвиняет.

Как хорошо, что ты никем не связан — и невольно вычитывается общеупотребительная фразеологема-банальность «Вы (мы) связаны друг с другом навеки».

Как хорошо, что до смерти любить / тебя никто на свете не обязан — и в подтексте проступает извечная клятва-обязательство «Ты обязан любить до смерти». Обратим внимание: ничего «советско-казенного» во фразе «любить... обязан», о чем писал А. Нестеров [Нестеров, 2001, с. 127], у Бродского нет. Более того, Бродский удивительно корректно подменяет в общеупотребительном обещании «*ты* обязан любить» местоимение в форме Им. п. на косвенную местоименную форму в Вин. п. «тебя»: «любить *тебя* никто на свете не обязан». Этический вектор смещается. Ранее принятая лирическим героем на себя вина и здесь ставит его в позицию «обвиняемого», точнее принимающего ответственность на себя.

Лирический герой А. Вертинского пытается найти не только оправдание внутреннее, но и внешнее, не только «отыграть проигрыш», но и «постраховать... самолюбие мужчины»:

А чтобы проигрыш немного отыграть,
С ее подругою затеять флирт невинный
И как-нибудь уж там постраховать
Простое самолюбие мужчины! [Вертинский, 2012].

У Бродского же при всем внешнем формальном подобии лирическому герою А. Вертинского обнаруживается совершенно иное внутреннее содержание: виновата не она, но я / он. Как видно, «метафизика Серебряного века», как полагал А. Нестеров, в данном случае малосущественна для Бродского. Значение имеет этическая позиция искренне любящего героя, не способного (по-пушкински) осудить возлюбленную даже при расставании.

Однако, возвращаясь к поэтике «банальностей», обратим внимание, что в третьем катрене лирический герой настойчиво повторяет «как хорошо, что...», словно бы опираясь на житейскую мудрость, которая всему дает оправдание и объяснение. Анафорически повторяемые «Как хорошо» лирического героя — это словно бы повторение тех расхожих фраз-банальностей, которые он слышал уже множество раз. Это не его собственные ощущения, но попытка положиться на чужой и, кажется, проверенный опыт.

Четвертый катрен, который в двух первых строках содержит сходную стратегию амплификации, только в последних двух привносит некое едва уловимое новое переживание:

Как хорошо, что никогда во тьму
ничья рука тебя не провожала,
как хорошо на свете *одному*
идти пешком с шумящего вокзала.

Речь у Бродского идет, несомненно, не об «обнищании» (А. Нестеров), но об обостренном чувстве одиночества — *пешком*, чтобы избежать людей (в автобусе, в трамвае, в метро), быть в стороне от чужих взглядов и окликов. *Шумящий вокзал → один → на всем свете*. Формальный и содержательный параметры пешей прогулки не совпадают, их психологические критерии подвижны.

Наконец, пятый и последний катрен снова открывается привычным «Как хорошо...», но вслед за ним *вдруг* появляется уже совсем небанальное — *слова неоткровенные*. В заключительных строках герой после десятка привычных банальностей *вдруг* признается себе в самообмане, которым он надеялся утишить душевную боль. Долгими повторами убеждавший себя, что одно или другое *хорошо*, он *теперь* понимает, что *неоткровенно* полагался на банальные истины, что на самом деле его душа

«медленно» «заботится о новых переменах». *Медленно*, то есть не спеша, осторожно и боязливо, с надеждой.

Поведенческая, этическая и эмоциональная доминанта лирического субъекта Бродского иная, чем у А. Вертинского. Смысловое смещение и интенциональная перекодировка очевидны, логика сопоставительного обобщения не срабатывает, объект интертекстуальной параллели — исключительно стиливой, структурный, формальный. То есть *внутреннее* содержание стиха Бродского «Воротишься на родину...» вряд ли можно поставить в зависимость от «Без женщин» А. Вертинского — скорее элегию Бродского следует спроецировать на иные интертекстуальные претексты, с родственной модальной установкой автора, оказывающиеся эмоционально и психологически более близкими.

3.2. Бродский и тексты-референты Сергея Есенина

В этом плане прежде всего речь может идти о Сергее Есенине. Как бы ни относился повзрослевший Бродский к поэту, в 1961 году в стихотворении «Воротишься на родину...» отзвуки есенинской поэзии отчетливо ощутимы, проблемное поле элегии явно вбирает в себя есенинские мотивы, перспективные ракурсы поэтических текстов сближены.

Уже первая — по сути титульная — строка «Воротишься на родину» соположением слов-понятий и фольклоризированной формой глагола наводит на мысль о «Возвращении на родину» (1924) С. Есенина. Исходное предложение «Воротишься на родину(.)» в своей краткости и с акцентированием точкой парцелляции прочитывается как синоним есенинского названия «Возвращение на родину» (особенно с учетом того, что именно эта строка и становится заглавием стихотворения Бродского). Однако интонационная, стиливая и эмоциональная перекличка еще острее актуализируется в связи с другим есенинским стихотворением — с «Русью советской» (1924), где размышления поэта (тоже) связаны с возвращением на родину и где возвращенческий мотив сопровождается мотивом пронзительного одиночества лирического героя, то есть субъектные перспективы обоих текстов пересекаются.

Из «Руси советской» в памяти всплывают самые трагические строки Есенина: «Язык сограждан стал мне как чужой...» и «Моя поэзия здесь больше не нужна, / Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен...» [Есенин, 1990, с. 269]. Бродский трансформирует адресацию: почти по-блоковски он заменяет образ родины на образ возлюбленной, патриотическую мотивику переводит в разряд любовной, смещает ассоциативные цепочки, но сохраняет настроение (настрой) лирического героя — осознание собственного одиночества и отторгнутости друзьями («кому теперь в друзья ты попадешь»), возлюбленной («ничья рука тебя не провожала»), всеми («кому еще ты нужен»).

Есенинские мотивы «Я никому здесь не знаком. / А те, что помнили, давно забыли...», «Ни в чьих глазах не нахожу приют...» [Есенин, 1990, с. 268] словно находят продолжение в строках элегии Бродского. Настроение лирического героя Есенина явно подхвачено современным поэтом, словно бы перенесено в другие жизненные обстоятельства, но интонационно и эмоционально очень точно уловлено и пересоздано. Выведенные за рамки советской транскрипции есенинские мотивы перетекают в стихотворение Бродского, ненавязчиво актуализируя мотив родины («Воротишься на родину») и тонко трансформируя его в мотив утраченной любви («до смерти любить / тебя никто на свете не обязан»). Доминантная и вспомогательная роли мотивов у Бродского переосмысляются и трансформируются.

Позиция лирического героя Есенина «Приемлю все. / Как есть все принимаю...» [Есенин, 1990, с. 270] из «Руси советской» находит аллюзийное отражение в самоощущении лирического персонажа Бродского — «И хорошо. Спасибо. Слава Богу» [Бродский, 1998, с. 71]. В иных речевых словообразах, но герой Бродского тоже «как есть все принимает». Автопрезентация лирических персонажей находит общие точки.

Даже есенинская строка «Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый...» [Есенин, 1990, с. 268] перекликается с возвращением героя Бродского из дальнего путешествия («Бог весть с какой далекой стороны...»), особенно если учесть, что мотив пилигримов разрабатывался (и перерабатывался) поэтом совсем незадолго до этого, см. об этом: [Богданова, 2022, С. 3—28]. Текстовая реальность «Воротишься на родину...» дополняется смыслами смежных стихотворений поэта.

Юный возраст Бродского (всего 21 год) и одновременно поза «бывалого» человека, характерная и допустимо-свойственная молодому пииту, позволяющая спроецировать на текст Бродского даже форму условного диалогического построения стихотворения Есенина:

Но голос мысли сердцу говорит:
«Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин.
Уже ты стал немного отцветать,
Другие юноши поют другие песни» [Есенин, 1990, с. 268—269].

Вслед за героем Есенина лирический персонаж Бродского *голос мысли* адресует *сердцу*: «...смотри в окно и думай понемногу», — наследуя не идейные утопии советского крестьянского поэта, но его трагическое мироощущение, осознание собственной ненужности и признание щемящего

одинокства, прочувствованного лирическим героем в родной стране среди родных прежде людей.

В «Воротишься на родину...» Бродский не развивает тему родины, не ставит ее в центр размышлений лирического героя, но звучание в первой строке современной элегии есенинской узнаваемой ноты привносит в текст дополнительные фоновые коннотации, настраивает высоту звука по есенинскому камертону, придает теме возвращения на родину глубинно трагическое и пронзительно болевое звучание.

Между тем есенинский претекст — не единственный, который может быть сопоставлен с «Воротишься на родину...» Бродского. Другой текст — цветаевский «Тоска по родине! Давно...» (1934), заметим, тоже всецело ориентированный на тему родины.

3.3. Мотивы родины у Бродского и Марины Цветаевой

Кажется, нет ничего тематически близкого в стихотворении Цветаевой и Бродского, модальные установки авторов представляются разновекторными. Однако структурно-композиционная стратегия поэтов узнаваемо сходна и наводит на мысль о цветаевском прообразе, согласно которому Бродский конструирует собственный текст.

Вновь, как и в случае с Есениным, диалоговая перекличка текстов угадывается уже на уровне зачина. Слово-образ-мотив *родина* появляется первым в первой же строфе и в первой же строке Цветаевой: «Тоска по родине! Давно...» [Цветаева, 1997, с. 315]. И, как у Есенина, дополняется и усиливается пронзительным мотивом щемящего и трагического одиночества: «Мне совершенно все равно — где совершенно одинокой быть...» [Цветаева, 1997, с. 315]. Лирическая героиня Цветаевой, «вытесненная <...> в себя, в единоличье чувств» всё окружающее воспринимает *едино безразлично*: «Мне все — равны, мне всё — равно, / И, может быть, всего ровнее — / Роднее бывшее — всего» [Цветаева, 1997, с. 316].

Нельзя сказать, что Бродский наследует декларируемое *равнодушие* лирической героини Цветаевой, ее неприятие родного (и чужого) мира, но цветаевское «*все равно*» вполне соотносимо с «*как хорошо*» Бродского. Другое дело, что есенинское «*принимаю все*» герою Бродского оказывается несколько ближе, чем цветаевская «*отвергаю*»: «Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст, / И все — равно, и все — едино...» [Цветаева, 1997, с. 316].

Между тем, как показывает текст, инвективы лирической героини Цветаевой глубинно мнимы. Энергия стихотворной эмоции сосредоточена в финальных строках. Если в продолжение девяти с половиной строф она активно и несогласно уверяет, что ей «все равно» и «все едино», то последние две строки, семантически замыкающие (и размыкающие) стихотворение, вдруг открывают, что *равнодушие* героини — поза, самоуверение и самообман. «Но если

по дороге — куст / встает — особенно рябины...» [Цветаева, 1997, с. 316]. Умолчание и недосказанность, графически маркированные многоточием, оказываются у Цветаевой «говорящими», выдающими ее глубинное и неизменно дочернее чувство к родной земле. Куст рябины — как знак сентября, времени ее рождения, ее детства и счастья в родных местах среди близких.

Подчеркнем, что лирический герой Бродского инспектирует собственные мысли весьма сходным образом: едва ли не все стихотворение, четыре с половиной строфы из пяти он убеждает себя, «как хорошо...» все происходящее вокруг, «как хорошо...» всё объясняют банальности (= «давно разоблаченная морока»), и только последние строки становятся искренним признанием в «словах неоткровенных» и осознанием стремления души к медленным переменам. Бродский в точности воспроизводит структурно-композиционную стратегию Цветаевой, наследует прототипическую модель ее стиха и вслед за ней проходит поэтический путь «утверждения через отрицание». (В этом плане говорить об ироническом модусе (А. Нестеров указывал на *самоиронию* персонажа Бродского [Нестеров, 2001, с. 125]), на наш взгляд, можно только отчасти. Смысловой пласт стиха включает иные интенции.)

Вновь, как и с Есениным, тема родины, развиваемая Цветаевой, лишается у Бродского фактора прямой адресации: она латентна и остается едва намеченной, не подхваченной, не затронутой. Между тем, как и прежде, именно возвращение на родину (с его емкой семантикой жизненного пути) играет роль эмоционального триггера: порождает в герое размышление о себе, о любви, о товариществе, подводит к осмыслению пережитых потерь и ожиданию будущих душевных перемен. Есенинско-цветаевский мотив родины сдвигается на второй сценический план, трансформируется в характере его доминирования, дополняется и усиливается эмоциональными коннотациями всепроникающего онтологического (экзистенциального для всех трех поэтов) одиночества.

Может показаться, что в подобном сопоставлении наличествует некоторая исследовательская вольность. Однако предложенный интерпретационный дискурс находит свое подтверждение у самого Бродского, точнее, в воспоминаниях о нем.

Так, один из знакомых Бродского делится впечатлениями о встрече с ним в Нью-Йорке:

«Не могу я рассказывать о наших встречах в Нью-Йорке. <...> Думаю о Бродском, о том, как в Нью-Йорке он читал мне свои стихи:

Воротишься на родину. Ну что ж.
Гляди вокруг, кому еще ты нужен,
кому теперь в друзья ты попадешь? <и т.д.>

Я спрашиваю его: “Почему неоткровенных?..”

Он кривит губу, ежится, молчит.

<...>

Тогда... мы стояли на Манхэттене на ветру, он говорил через полипы:
“Поймать себя в словах неоткровенных” <...>

Я спросил, почему не откровенных?

Он пожал плечами, закурил... <...>» [Сан-Торас, 2011].

И далее автор воспоминаний добавляет:

«Он <Бродский> тогда в Нью-Йорке говорил, вернее думал вслух о рябине, стихи Марины “Тоска по родине”...» [Сан-Торас, 2011].

Вероятно, иных доказательств выдвинутому предположению о наличии межтекстовых перекличек с М. Цветаевой не требуется. Другое дело, что в стихах Цветаевой Бродского прежде всего привлекала не тема родины (хотя именно ее динамика предопределила структуру элегии Бродского), но тема одиночества, пронизывающая стихотворное признание поэтессы.

Вероятно, то же самое можно повторить и применительно к текстам-референтам С. Есенина «Воротишься на родину...» и «Руси советской». Тема родины и здесь отошла для Бродского (в 1961 году еще не думавшего о расставании с родиной) на задний план, но чувство одиночества, испытанное лирическим героем Есенина при возвращении из Америки в родные места, заставило его обозначить связь с претекстом и поддержать ее. При этом диффузия «чужого» текста в элегии двадцатилетнего Бродского удивительно тонка и корректна.

Наконец, заслуживает комментария упомянутый факт чтения уже повзрослевшим Бродским его юношеских стихов «Воротишься на родину...» в Америке. Можно предположить, что, наряду со свойственными поэзии Бродского в целом мотивами одиночества, в Нью-Йорке (в зарубежье вообще) эти ранние стихи о любви, об одиночестве, о дружбе ностальгически дополнялись ранее отодвинутыми автором на периферию раздумьями о родине, неслучайно одновременное с чтением собственных стихов упоминание цветаевской рябины. С течением времени смыслы в стихах Бродского прирастали — как для читателей, так и для самого поэта.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, можно заключить, что интертекстуальные аллюзии, намеченные применительно к элегии Иосифа Бродского «Воротишься на родину. Ну что ж...», дают представление о многоуровневости восприятия текста. Темы любви и одиночества, доминировавшие в момент создания элегии в России, в эмигрантском далеке произвольно соединялись с мыслями об оставленной родине, дополнялись внутрилитературными ал-

люзиями, актуализировавшими перераспределение смыслов и их ментальную коррекцию. Текстуальная интеракция сопровождалась эмоционально-смысловой перекодировкой.

Доминанта любовного одиночества, пропетого лирическим героем Александра Вертинского в романсе «Без женщин», одиночества искомого, но по сути своей показного, игрового, театральнo-ресторанного, в элегии Бродского демонстрирует переключку исключительно формальную, поверхностную, хотя и выразительно бросающую. Однако внешнее стилевое тождество становится выражением сущностного внутреннего отталкивания. Одиночество же человеческое, личностное, никак не привязанное только к любовному чувству, одиночество неизменно глубинное находит исконные корни, как ни парадоксально для Бродского, в патриотической лирике Сергея Есенина («Русь советская», «Возвращение на родину») и Марины Цветаевой («Тоска по родине. Давно...»). Смена дискурсивной направленности не ослабляет эффекта глубинного родства. Почти-блоковское смыкание любви к женщине с любовью к родине («большой» или «малой», России или Петербургу / Ленинграду) совмещается у юного Бродского с мотивом есенинско-цветаевского трагического одиночества, не разделенного ни возлюбленной-женщиной, ни любимой-родиной, ни любимым человеком, ни отечеством. А в сознании Бродского повзрослевшего, уже эмигранта, оказавшегося в США, дополняется системой ценностей нового культурного и исторического пространства, вызревающим ностальгическим чувством тоски по утраченной родине, эксплицируемой потенциальной энергией интертекстуальных контекстов русской литературы, отечественной классики начала XX века.

Источники

1. *Бродский И.* Сочинения Иосифа Бродского / И. Бродский. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1998. — Т. 1. — 304 с. — ISBN 5-89803-001-8.
2. *Бродский И.* Стихотворения и поэмы / И. Бродский. — Washington ; New York : Inter-language literary associates, 1965. — 236 с.
3. *Вертинский А.* «Дорогой длинноу...» [Электронный ресурс] / А. Вертинский. — Москва : Астрель, 2012. — 623 с. — Режим доступа : https://royallib.com/book/vertinskiy_aleksandr/dorogoy_dlinnoyu.html (дата обращения 21.07.2022).
4. *Есенин С.* Собрание сочинений : в 2 т. / С. Есенин. — Москва : Советская Россия ; Современник, 1990. — Т. 1. — 480 с. — ISBN 5-268-01153-7.
5. *Цветаева М.* Собрание сочинений : в 7 т. / М. Цветаева. — Москва : Терра, 1997. — Т. 2. — 592 с. — ISBN 5-300-01284-X.

Литература

1. *Богданова О. В.* Поэтические миры Иосифа Бродского / О. В. Богданова, Е. А. Власова. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2022. — 174 с. — ISBN 978-5-00165-445-2.
2. *Гордин Я.* Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел / Я. Гордин. — Москва : Время, 2010. — 256 с. — ISBN 978-5-9691-0592-8.

3. Лосев Л. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии / Л. Лосев. — Москва : Молодая гвардия, 2008. — 447 с. — ISBN 978-5-235-03089-3.

4. Нестеров А. О структуре цикла И. Бродского «Июльское интермеццо» / А. Нестеров // Развитие средств массовой коммуникации и проблемы культуры : сборник. — Москва : Университет Н. Нестеровой, 2001. — С. 124—131.

5. Плеханова И. И. Изображение трагического : метафизическая мистерия Иосифа Бродского : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / И. И. Плеханова. — Томск, 2001. — 40 с.

6. Полухина В. Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха / В. Полухина. — Санкт-Петербург : Звезда, 2008. — 528 с. — ISBN 978-5-7439-0129-6.

7. Сан-Торас. Мисс Вселенная и Бродский. Итальянские дневники [Электронный ресурс] / Сан-Торас. — Режим доступа : <https://stihi.ru/2011/02/10/8995> (дата обращения 29.07.2022).

Material resources

Brodsky, I. (1995). *Poems and Poems*. Washington; New York: Inter-language literary associates. 236 p. (In Russ.).

Brodsky, I. (1998). *The Works of Joseph Brodsky, 1*. St. Petersburg: Pushkin Foundation. 304 p. ISBN 5-89803-001-8. (In Russ.).

Tsvetaeva, M. (1997). *Collected works: in 7 volumes, 2*. Moscow: Terra. 592 p. ISBN 5-300-01284-X. (In Russ.).

Vertinsky, A. (2012). “*Dear long ...*”. Moscow: Astrel. 623 p. Available at: https://royallib.com/book/vertinskiy_aleksandr/dorogoy_dlinnoyu.html (accessed 21.07.2022). (In Russ.).

Yesenin, S. (1990). *Collected works: in 2 vols, 1*. Moscow: Soviet Russia; Sovremennik. 480 p. ISBN 5-268-01153-7. (In Russ.).

References

Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2022). *The Poetic worlds of Joseph Brodsky*. Saint Petersburg: Aletya. 174 p. ISBN 978-5-00165-445-2. (In Russ.).

Gordin, Ya. (2010). *Knight and Death, or Life as a plan*. Moscow: Vremya. 256 p. ISBN 978-5-9691-0592-8. (In Russ.).

Losev, L. (2008). *Joseph Brodsky. The experience of literary biography*. Moscow: Molodaya gvardiya. 447 p. ISBN 978-5-235-03089-3. (In Russ.).

Nesterov, A. (2001). On the structure of I. Brodsky’s cycle “July intermezzo”. In: *Development of mass communication media and problems of culture: collection*. Moscow: N. Nesterova University. 124—131. (In Russ.).

Plekhanova, I. I. (2001). *The image of the tragic: the metaphysical mystery of Joseph Brodsky*. Author’s abstract of Doct. Diss. Tomsk. 40 p. (In Russ.).

Polukhina, V. (2008). *Joseph Brodsky. Life, works, epoch*. Saint Petersburg: Zvezda. 528 p. ISBN 978-5-7439-0129-6. (In Russ.).

San, Toras. *Miss Universe and Brodsky. Italian diaries*. Available at: <https://stihi.ru/2011/02/10/8995> (accessed 29.07.2022). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.07.2022,
одобрена после рецензирования 10.10.2022,
подготовлена к публикации 24.10.2022.

Борлыкова Б. Х. Песни донских калмыков в записи А. М. Листопада / Б. Х. Борлыкова, Б. В. Меняев // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 222—238. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-222-238.

Borlykova, B. Kh., Menyayev, B. V. (2022). Don Kalmyk Song Recordings Made by A. M. Listopadov. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 222-238. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-222-238. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-222-238

Песни донских калмыков в записи А. М. Листопада

Борлыкова Босха Халгаевна

orcid.org/0000-0001-9264-3430

кандидат филологических наук,
научный сотрудник
borlboskha@mail.ru

Меняев Бадма Викторович

orcid.org/0000-0002-9205-4537

специалист,
Международный
научно-исследовательский центр
«Ойраты и калмыки
на евразийском пространстве»
bmeyayev@mail.ru

Калмыцкий государственный
университет имени Б. Б. Городовикова
(Элиста, Россия)

Благодарности:

Проект реализован в рамках гранта
Президента Российской Федерации
для поддержки творческих проектов
общенационального значения в области
культуры и искусства

Don Kalmyk Song Recordings Made by A. M. Listopadov

Boskha Kh. Borlykova

orcid.org/0000-0001-9264-3430

PhD in Philology,
researcher
borlboskha@mail.ru

Badma V. Menyayev

orcid.org/0000-0002-9205-4537

specialist,
International Research Center
“Oirats and Kalmyks
in the Eurasian space”
bmeyayev@mail.ru

Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov
(Elista, Russia)

Acknowledgments:

The project is run under a grant
from the President of the Russian
Federation to support creative initiatives
of national importance in the field
of culture and art

© Борлыкова Б. Х., Меняев Б. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Запись калмыцкого песенного фольклора имеет более чем двухвековую историю, но, несмотря на это, ещё существуют неизвестные и малоизвестные рукописи и аудиозаписи калмыцкого песенного творчества, хранящиеся в российских и зарубежных архивах. В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН имеется рукописный сборник песен донских калмыков, записанный музыковедом Александром Михайловичем Листопадовым в 1902 году в станице Денисовской Области Войска Донского. Первый раздел рукописи содержит семнадцать песен и один отрывок из героического эпоса «Джангар», во втором разделе представлено одиннадцать песен советского периода и две танцевальные мелодии. Записи, представленные в рукописи, ценны тем, что они являются самыми ранними образцами фонографических записей калмыцкого фольклора. Предварительное рассмотрение текстов калмыцких песен из первого раздела рукописи А. М. Листопадова выявило, что настоящая коллекция представляется крайне неоднородной, в неё входят редкие образцы гимнических, исторических, охотничьих, свадебных и лирических калмыцких народных песен. Среди текстов песен авторами статьи обнаружен отрывок из эпоса «Джангар», который по содержанию относится к песне Малодербетовского цикла. Введение в научный оборот всей коллекции А. М. Листопадова расширит представления о калмыцком фольклоре XIX — первой половины XX веков и послужит дополнительным источником для его нового осмысления, а также для сравнительных исследований фольклора монголоязычных народов.

Ключевые слова:

Калмыки; Войско Донское; архивные материалы; Пушкинский дом; А. М. Листопадов; песни; эпос.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

In spite of the previous two centuries of recording Kalmyk song folklore there are still unknown and little-known manuscripts and audio recordings of Kalmyk song art, stored in Russian and foreign archives. The Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences has a handwritten collection of Don Kalmyk songs, recorded by musicologist Alexander Mikhailovich Listopadov in 1902 in the village of the Denisov Region of the Don Cossack Army. The first section of the manuscript contains seventeen songs and one excerpt from the heroic epic “Dzhangar”, the second section contains eleven songs of the Soviet period and two dance melodies. The records presented in the manuscript are valuable because they are the earliest examples of phonographic records of Kalmyk folklore. A preliminary review of the texts of Kalmyk songs from the first section of A. M. Listopadov revealed that the real collection seems to be extremely heterogeneous, it includes rare examples of hymn, historical, hunting, wedding and lyrical Kalmyk folk songs. Among the texts of the songs, the authors of the article found an excerpt from the epic “Dzhangar”, which refers to the Maloderbet cycle. Introducing the entire collection of A. M. Listopadov into scientific circulation will deepen understanding the Kalmyk folklore of the 19th — the first half of the 20th centuries, will serve as an additional source for its new interpretation, will contribute to comparative studies of the folklore of the Mongolian-speaking peoples.

Key words:

Kalmyks; Don Cossack Army; archival materials; Pushkin House; A. M. Listopadov; songs; epic.

Песни донских калмыков в записи А. М. Листопада

© Борлыкова Б. Х., Меняев Б. В., 2022

1. Введение = Introduction

В российском монголоведении в новом тысячелетии все ещё продолжают фольклористические открытия старых текстов калмыцкого песенного фольклора. По проекту, реализованному в рамках гранта Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства, нами были исследованы аудио- и рукописные материалы, хранящиеся в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Ранее краткий обзор коллекции валиков с записями калмыцкого музыкального фольклора и рукописей текстов калмыцких песен из коллекции Пушкинского Дома был выполнен музыковедом В. К. Шивляновой [Шивлянова, 1989, с. 88—89].

Обращение к ранним записям позволяет нам, отодвинув вглубь истории знания о конкретных песенных текстах, выяснить, когда и от кого впервые был записан тот или иной текст песни. «Сравнение разновременных записей дает возможность проследить, что сохранилось на протяжении нескольких столетий, что подверглось изменениям и, наконец, что было утрачено с течением времени» [Топорков, 2015, с. 3]. Ранние записи калмыцких песен, являясь памятниками песенной традиции прошлых веков, были изолированы и вырваны из потока времени. В настоящее время есть шанс прочитать текст песен именно таким, каким он был в момент записи.

В Фонограммархиве Пушкинского Дома сохранились фонографические валики с записями калмыцкого героического эпоса «Джангар», песен, инструментальных наигрышей, танцевальных мелодий. Все они представляют собой огромную культурно-историческую ценность, так как отражают музыкальную культуру Калмыкии XX века. Это аудиозаписи Н. Очирова (1908), Б. Я. Владимирцова (1909), З. В. Эвальда, С. С. Писарева (1931), А. В. и Т. А. Бурдуковых (1937), Ф. Н. Гоухберга (1939). В Путеводителе Фольклорной комиссии Союза советских композиторов РСФСР, составленном сотрудником Фонограммархива ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН Е. А. Дороховой, отмечены ряд коллекций, в которых представлены аудиозаписи калмыцкого музыкального фольклора, зафиксированные в 1930—1970 годы в Калмыкии музыковедами и фольклористами Ф. Н. Гоухберг (1939), М. О. Грачёвым (1967), Э. Е. Алексеевым (1970);

1978), Н. Л. Луганским (1975; 1979; 1984), А. Ш. Кичиковым, М. Б. Пюрвеевым (1967—1968), а также копии фонограмм Государственного дома радиовещания и др.

Кроме аудиозаписей, в фондах Фонограммархива Пушкинского Дома хранятся рукописные собрания песен: «Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 года» (29 песен и 2 танцевальные мелодии), «Тексты калмыцких песен, собранные Алексеем Васильевичем Бурдуковым в КАССР в 1937 году» (63 песни)¹, «Материал, собранный Василием Дмитриевичем Бенеvским в Большедербетовском улусе “Башанта” в 1921 году» (59 песен и 6 танцевальных мелодий) и др.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данной статье мы ставим целью исследовать тексты из рукописи А. М. Листопада «Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 года», хранящиеся в Фонограммархиве Пушкинского Дома и опубликованные музыковедом В. К. Шивляновой в 1999 году в сборнике «Из истории русской фольклористики» [Шивлянова, 1999, с. 541—560]. При написании настоящей статьи авторы опирались на методы комплексного исследования, включающие сравнительно-исторический, описательный методы, лингвистический анализ. Источниковедческий анализ архивных и изданных материалов, проведенный членами гранта Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства, позволил пролить свет на калмыцкий песенный фольклор и историю его изучения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Из истории создания рукописи А. М. Листопада

Нотные расшифровки А. М. Листопада ценны тем, что представленные в рукописи песни нотированы с фонографических валиков. Александр Михайлович Листопадов (1873—1949) является первым собирателем калмыцкого фольклора, который записал на фонограф калмыцкие песни и отрывок из эпоса «Джангар», сохранив тем самым для истории мелодию исполнения и голоса народных исполнителей.

Относительно истории сбора калмыцких песен и попыток их публикации известно, что первые восемнадцать песен, которые представлены в первом разделе рукописи А. М. Листопада, были записаны собирателем в Денисовской станице Сальского округа Области Войска Донского в ходе пе-

¹ Нотная расшифровка 33 образцов калмыцкого музыкального фольклора из записей А. В. Бурдукова с 21 фонографического валика была выполнена В. К. Шивляновой в 1989 году.

сенно-фольклорной экспедиции 1902—1903 годов. Настоящая экспедиция была организована Московской Музыкально-Этнографической Комиссией, членами которой в то время были авторитетные специалисты в области русского песнетворчества: А. Д. Кастальский, С. И. Танеев, А. Л. Маслов, А. Т. Гречанинов, В. В. Пасхалов, Е. Э. Линева и др. Они, изучив записи и нотные расшифровки А. М. Листопада, признали его высокий уровень подготовки, избрали его членом Комиссии и возложили на него проведение «Первой Донской песенной экспедиции» в 1902—1903 годах [Сердюченко, 1950, с. 4]. Сам А. М. Листопад о периоде своей научно-собирательской деятельности позже напишет в «Автобиографических заметках»: «Нужно сказать, что работа моя в отличие от работы большинства собирателей, записывающих одни лишь тексты, осложнялась тем, что я одновременно записывал и напевы, никогда не отделяя от них тексты» [Листопад, 1948, с. 51]. Иначе говоря, он фиксировал текст при исполнении («текст на музыке»). Второй раздел рукописи А. М. Листопада представляет собой одиннадцать песен советского периода и две танцевальные мелодии. В 1936 году Листопад по просьбе редактора готовившейся серии «Восемьсот песен народов СССР» Е. В. Гиппиуса предоставил ему тексты калмыцких песен, но с оговоркой, что для издания настоящих текстов необходимы латинизация текстов на языке оригинала и проверка переводов на русский язык. К сожалению, издание серии «Восемьсот песен народов СССР» не вышло в свет. Долгие годы рукопись Листопада хранилась в двух экземплярах в Пушкинском Доме в г. Санкт-Петербурге (беловой экземпляр в Фонограммархиве [ФА ИРЛИ, РФ, п. 30, ед. хр. 215, 216, 240—267], а черновой автограф — в Рукописном отделе [РО ИРЛИ, р. V, кол. 284, п. 1, ед. хр. 1]). В 1999 году музыковед В. К. Шивлянова издала первый раздел черного экземпляра рукописи Листопада (18 песен), который ею был обнаружен в 1988 году в семейном архиве известных монголоведов А. В. и Т. А. Бурдуковых, а затем был передан в Рукописный отдел Пушкинского Дома. А. В. Бурдуков написал отзыв на рукопись Листопада, в котором он отмечает ценность рукописи (ноты, тексты, переводы) и просит исправлений, уточнений и перетранскрибирования текстов песен.

3.2. Характеристика рукописи А. М. Листопада

Тексты песен записаны А. М. Листопадным на кириллице современным калмыцким языком с сохранением старой орфографии (в словах прописаны неясные гласные, окончания согласно напеву песни) и диалектных особенностей речи донских калмыков, что конечно, создало определенные трудности при чтении текстов. В то же время такое точное воспроизведение текстов песен дает возможность представить реальную картину функционирования языка донских калмыков конца XIX — начала XX веков.

А. М. Листопадов не был носителем калмыцкого языка, в связи с чем при расшифровке текстов песен допустил ошибки. Расшифровка им была выполнена на уровне «слуховой филологии».

В связи с этим в записях А. М. Листопадова нами выявлены орфографические и лексические ошибки.

В числе **орфографических ошибок** можно указать следующие:

— слово *хэрень* ‘чужой’ — ойр. *xariyin*, совр. калм. *хэрин*;

— слово *малэаһин* ‘плетки’ (род. п.) — ойр. *malǵiyin*, совр. калм. *малэһин*;

— слово *чөөнжэштэ* ‘с храмом’ (совм. п.) — ойр. *conǵitai*, совр. калм. *чонжэста*;

— слово *хуток* — ойр. *хутг* ‘святость’ [Позднеев, 1911, с. 101], совр. калм. *хутг*;

— слово *авнарин* ‘отцов’ — ойр. *ābunariyin*, совр. калм. *аавнарин* и др.

В числе **лексических ошибок** назовем следующие недочеты из отрывка эпоса «Жаңһрин тускар» («О Джангаре»):

— на 5 строке вместо слова *эргм* ‘в округе’ собиратель пишет *эрвэка* ‘бабочка’ (правильно: *Эргм миңһн хэрдэн дүүрэн болсн* ‘В округе стал эхом для тысяч чужеземных стран’);

— на 7 строке слово *көшг* ‘полог’ заменено словом *көсг* (правильно: *Таж торһн көшгин өмн бийдһн* ‘Перед пологом из пестрого шелка’) и др.

Написание многих слов в тексте рукописи неверно, оно не соответствует нормам правописания ни старокалмыцкой письменности, ни современной письменности калмыцкого языка, в связи с чем мы считаем возможным передать песни на современном калмыцком языке.

Названия песен А. М. Листопадовым приведены по первому стиху, некоторые из них составителем переводятся не совсем корректно. К примеру, название песни «Буйн киштэ Бокшранк» Листопадовым переводится как «Слава Денисовской станицы», однако точный перевод следует предложить такой: «Благословенная земля Богшранкинов» (перевод наш. — Б. Б., Б. М.). Слово сочетание *буйн киштэ* переводится как ‘благословенная [земля]’ (*буйн* ‘добродетель’ [КРС, с. 117], *киштэ* ‘счастье, благоденствие, благополучие’ [КРС, с. 303]). *Бокшранк* — оток, название рода донских калмыков, позже населенный пункт получил название *Денисовская станица*.

В некоторых случаях рядом с названием песни даются пояснения относительно содержания. Например, к названию песни № 6 «Жирн толһан усыг» (букв. «Воды шестидесяти курганов» (перевод наш. — Б. Б., Б. М.)) дается комментарий «Песня калмыка, бежавшего из плена»; к песне «Кер халтр мөрн» (букв. «Гнедой мухортый конь») — «О Джимбо Шарва» и др.

3.3. Песни донских калмыков в рукописи А. М. Листопадава

Песни в рукописи пронумерованы в соответствии с их последовательностью записи на фонограф. К текстам песен А. М. Листопадов дает комментарии к словам, относящимся к безэквивалентной лексике (титутлы, топонимы, а также религионимы: названия духовных лиц, имена персонажей буддийского пантеона, предметы буддийского культа, названия буддийских монастырей), диалектизмам, к некоторым песням указывает имя переводчика на русский язык, автора песни, время исполнения песни, сведения об исполнителе и др. Практически к каждой песне указаны имена исполнителей: Анчар Мусов, Бембе Манджуков, Андрей Котушов, Санджима Саранова, Эренцен Алексеев, Алексей Ямчегеров, Х. Николаевский. В мелодическом отношении калмыцкие песни, представленные в первом разделе рукописи А. М. Листопадава, судя по его нотным расшифровкам, в основном являются протяжными песнями «ут дуд», всего пять песен относятся к песням с коротким напевом «ахр дуд». Мелострофы в протяжных песнях состоят из двух и более музыкальных фраз, которые совпадают с текстом. Музыкальный период в коротких песнях состоит из двух предложений. Следует отметить, что первоклассная запись, нотная расшифровка и распев, выполненный А. М. Листопадковым, значительно упрощают работу современных исполнителей для разучивания песен.

Первая песня «Алtn өнгтэ шарh» («Соловый [конь] с золотистым окрасом»), представленная в рукописи, по содержанию является песней-гимном (калм. *частр дун* букв. ‘буддийское религиозное сочинение, гимн’), воспевающей священный буддийский текст «жодв» (сокращ. от «Дорж жодв» < тиб. *rdorje bsodpa* ‘огранщик алмаза’). Сборник «Дорж жодв» («Алмазная сутра») была одна из самых распространенных буддийских художественных текстов, имевших хождение среди калмыков. Данный сборник был создан в Тибете, в XVII веке переведен на ойратский язык [Ёндон, 1975, с. 245—250]. Согласно калмыцкой буддийской традиции сутра «Дорж жодв» должна присутствовать на алтаре в каждой семье для привлечения счастья и благополучия. Чтение, переписывание, распространение, хранение настоящей сутры считалось духовной заслугой (калм. *буйн*), способной избавить человека от грехов, жизненных препятствий, болезней и плохих перерождений. Из текста песни «Алtn өнгтэ шарh» («Соловый [конь] с золотистым окрасом») видно, что миряне верят в священный текст «жодв». Переписка сутры золотыми чернилами считалась высшей добродетелью — *деед буйн* букв. ‘высшая добродетель’, серебряными чернилами — *дунд буйн* букв. ‘средняя добродетель’, простыми чернилами — *аде буйн* букв. ‘конечная (малая) добродетель’, что способствовало очищению от грехов и благому перерождению.

*Алтн өңгтэ шарһыла мини!¹
Агтынан дунд ижилтэ
Алтар бичгсн жодвитн
Эмнд туслта болтхала!*

*Мөңгэр бичүлсн жодвитн
Мөңк тусылхта болтха!
Бекэр бичгсн жодвитн
Бийдм туслхта болтха!*

Соловый [конь] с золотистым окрасом
Привычен к своему тауну.
Ваша джодва, написанная золотом,
Пусть принесет пользу для жизни.

Ваша джодва, написанная серебром,
Пусть принесет вечную пользу!
Ваша джодва, написанная чернилами,
Пусть принесет мне пользу!

Четвертая песня «Өрүн харсн нарн» («Взошедшее солнце») из рукописного сборника по содержанию так же, как и первая, относится к «частр-дуд» песням-гимнам, восхваляет Учение Будды (калм. *номин йосн*), божества (калм. *бурхн* ‘бурхан, Будда’ [Калмыцко-русский словарь, 1977, с. 121] < уйг. *burxan* (<санскр. *buddha*) + *qan*) ‘достигший Нирваны’ [Домийн Төмөртөгөө, 2018, с. 29]), духовенство (калм. *лам* ‘лама, учитель, наставник в тибетском буддизме’ [Калмыцко-русский словарь, 1977, с. 334] < тиб. *bla ta* ‘высший учитель’ [Домийн Төмөртөгөө, 2018, с. 66]), калм. *хуврһ* ‘буддийский монах’ [Калмыцко-русский словарь, 1977, с. 605] < уйг. *quvray* ‘буддийское духовное лицо’ [Домийн Төмөртөгөө, 2018, с. 29]), буддийский монастырь (калм. *сүм* ‘буддийский монастырь’ [Калмыцко-русский словарь, 1977, с. 465]).

*Өрүн харсн нарн билэ,
Өңгтэ сээхн солһо билэ.
Эн бээсн эмтнь
Номин йосар жирһия.
Томарагсан оһтһу билэ,
Туг нарь мандла.
Туслһта ламин зергд
Бүгдэр күрч мөргия.
Бум күргсн хуврһуд билэ.
Бурхд дүүргсн сүм билэ,
Бодһальг ламин зергд
Бүгдэр күрч мөргий!*

Взошедшее солнце
Сияло разноцветной радугой.
Все находящиеся здесь живые существа
Пусть пребывают в благоденствии согласно
Учению Будды.
На большом небосводе
Сияет солнце подобно знамени.
Приносящему пользу ламе
Все, добравшись, поклонимся.
Число монахов достигало ста тысяч,
Сюме был полон изображений бурханов.
Вышему ламе
Все, добравшись, поклонимся!

В шестой лирической песне «Жирн толһан усыг...» («Воды шестидесяти курганов...») бежавший из плена калмык просит защиты и покровительства от Цаһан Шүкрте (тиб. *gdugs-dkar* ‘Белозонтичной Тары’) — Все-видящей освободительницы, держащей белый зонт. Культ Белозонтичной

1 Здесь и далее калмыцкий текст авторами статьи исправлен в соответствии с нормами современного калмыцкого языка.

Тары очень популярен в буддийской культуре монголоязычных народов. В духовной практике ойратов Синьцзяна, Монголии и калмыков России часто используется текст «Хутуqtу Саγān Šükürtü busudtu ülü ilaqtaqči kemēkü toqtöl orošiboī» («Дхарани непобедимой Белозонтичной Тары»), перевод которого в XVII веке с тибетского языка был выполнен ойратским просветителем Зая-пандитой Намкай Джамцо (1599—1662).

Текст песни (№ 7, № 8) «Буйн кишгтэ Бокшранк» («Благословенная земля Богшранкинов»), сочиненный Э. А. Алексеевым, так же, как и предыдущие песни, пронизан темой буддизма. В начале песни воспевается Богшрахинский (Денисовский) хурул, который в XIX веке был центром изучения буддизма на Дону. Хурул находился неподалеку от крупного населенного пункта Области Войска Донского — Мартыновки, на правом берегу речки Баглай... Постройки Денисовского хурула отличались пагодным членением крыш в китайском стиле. В волжских кочевьях с ними можно сравнить крыши главного сюме Хошеутовского хурула [Борисенко, 1994, с. 8]. В настоящий хурул съезжались те, кто хотел изучать буддийское вероучение и основы буддизма. Проповедниками в этом хуруле выступали Бакша-лама (старший лама) донских калмыков Менке Борманжинов, бакша (настоятель) Богшрахинского хурула, впоследствии ставший Ламой калмыцкого народа Лупсан-Шарап Тепкин. В песне «Буйн кишгтэ Бокшранк» («Благословенная земля Богшранкинов») народ, поклоняясь изображениям божеств Денисовского хурула, просит милости и покровительства для своих уважаемых и прославленных земляков — атамана Санчира, Алексея Аджинова, Адьяна Алексеева. Имена божеств, представленные в песне: *Богдо Зуңква* (Цонкапа Лобсандракпа (1357—1419)) — тибетский религиозный деятель, ученый, проповедник, основатель школы гелугпа; *Окон Тенгри* (тиб. *Палден Лхамо* ‘прославленная богиня’) — в тибетском буддизме гневное женское божество, одна из 8 основных дхармапал, защитников Учения Будды; *Эсруа* (тиб. *tshans ra*; монг. *Esrua* ‘высший бог, творец вселенной’) — божество индийской мифологии Брахма, в культуре монгольских народов Эсруа является держателем вселенной [Ойратский словарь, 2010, с. 174—175]; *Дуңһр гегэн* — Калачакра, божество медитации, относящийся к тантрическим божествам; *Авдевин гегэн* — *Амитабха* (санскр. *Amitābha* ‘безграничный свет’) — один из главных будд в буддизме махаяны, создатель чистой страны Сухавати; *Учирвани* (*Очирвани*) (санскр. *Vajrapāṇi* ‘державший

1 В калмыцкой мифологии считается защитницей рода человеческого. Существует легенда о том, что девушка по имени Окон Тенгри вышла замуж за грозное чудовище (мангаса) для спасения всех живых существ. Убив мангаса, она вернулась к людям, была встречена с особой торжественностью в первый день месяца Цаган Сар.

ваджру в руке') — Ваджрапани, один из главных бодхисаттв в буддизме махаяны, существо, относящееся к семье Будды Акшобхьи; *Галдан теңер*, вероятно, *Галын теңер* — Бог огня «Отхон Галахан» букв. 'Хан Огонь' (тюрк. *от* 'огонь' + *хан* 'владыка'; монг. *гал* 'огонь' + *хан* 'владыка') [Меняев, 2018, с. 67]. В тексте песни «Буйн кишгтэ Бокшранк» упомянуто наличие в Денисовском хуруле многотомных буддийских сочинений «Ганджур» (< тиб. *bka' hgyur* букв. 'собрание изречений [Будды Шакьямуни]' — тибетский буддийский канон) и «Данджур» (тиб. *bstan hgyur* букв. 'перевод поучений' — свод комментариев к «Ганджуру»). Полные комплекты настоящих сочинений вместе с другой буддийской культовой утварью (танки, статуэтки и др.) в Денисовский хурул были привезены в 1894 году ламой Менке Борманжиновым из Монголии, где он за участие в диспуте лам самых высоких рангов получил титул «Номин эзен Черчи» («Обладатель высочайших познаний по буддийской вере») [Асархинова, 2002, с. 44]. Из этнографических источников известно, что в Денисовском хуруле во время торжественных богослужений на праздник Цаган Сар ламы читали полностью «Ганджур», на Урс сар — весь «Данджур» [Асархинова, 1946, с. 2].

В исторических песнях, представленных в рукописном сборнике А. М. Листопадова, упоминаются исторические личности XVIII—XIX веков Калмыкии: нойон Жимбо Шарва (Габан Шараб), атаман Донского казачьего войска Матвей Иванович Платов (1753—1818), зайсанг Малодербетовского улуса Дорджи Джаб Кутузов (? — 6 (18) августа 1889), атаман Денисовской станицы Санчир Павлович Пуков и др. Одним из ярких событий в истории калмыков было участие двух Астраханских калмыцких полков в Отечественной войне 1812 года под командованием нойонов Джамботайши Тундутова (ум. 1830-е годы) и Серебджаба Тюменя (1774—1858). Помимо Астраханских полков, в войне 1812—1814 годов принимали участие Ставропольский полк калмыков и донские калмыки, последние из которых были в составе казачьих сотен атамана Платова и вошли в 1814 году в Париж. В песне «Манцын хурвын толһаднь» («У трёх курганов Маныча»), записанной А. М. Листопадовым, генерал М. И. Платов воспевается как национальный герой, с которым калмыцкая конница в составе казачьих войск направляется для защиты Отечества. Перед походом калмыки-казаки согласно традиции направляются на молебен в буддийский храм для получения благословения от монахов.

Манцын хурвн толһаднь
Матвей инерльн нээрлнэ,
Матвей инерлин нээрт
Олн залуснь цуглрна

У трёх курганов Маныча
Пирует генерал Матвей,
На пир в честь генерала Матвея
Собирается много мужчин.

Олн залуснь цуглрхлаг,
Шажн күүрд мордона.
Шажн күүрд мордохла,
Шашкин үзүр шаржэнна.
Шашкин үзүр шаржэнхла,
Жидин үзүрнь жирлэнэ.
Жидин үзүр жирлэв чигн
Яһсн жирк һазрва?

Собравшись, много мужчин
Направляются к буддийскому храму.
Направляясь к буддийскому храму,
[Они] звенят остриями шашки.
Звеня остриями шашки,
[Они] сверкают кончиками пики.
Сверкая кончиками пики,
Какая дождливая местность?

Текст десятой песни «Чис улан альмчн» о зайсанге Малодербетовского улуса Дорджи Джаб Кутузове, представленный в сборнике Листопадова, по содержанию относится к песням-плачам и строится по принципу восхваления лучших качеств и внешности зайсанга Дорджи: *Зур(ла) болгсн Доржэ зээсн* / Красивый, как на картине, Дорджи зайсанг; *Айтахн бээдлтэ Доржэ зээсн* / Благочестивый Дорджи зайсанг; *Далдаһар иргсн дээстнлэ дардг* / Побеждавший вероломно наступивших врагов; *Күмнлэ ухата Доржэ зээсн* / Умный Дорджи зайсанг). Из биографии Дорджи Джаб Кутузова известно, что он во второй половине XIX века (1863—1865, 1885—1887 годы) по рекомендации профессора К. Ф. Голстунского дважды преподавал монгольский язык в Санкт-Петербургском университете [Алексеева, 2003, с. 42—48]. Из текста настоящей песни видно, что автором песни является вдова Дорджи Джаб Кутузова — Ольга (калмыцкое имя *Ован*) Александровна Кутузова (1865-?), выпускница Астраханской Мариинской гимназии, педагог. В тексте песни указано, что у Дорджи Джаб Кутузова было шесть братьев. Однако по архивным данным у Дорджи значится один старший брат по имени Бадма Джаб Кутузов, который правил родом после смерти их отца Джаба Кутузова [Алексеева, 2003, с. 42—48]. Последние строки из 5 куплета указывают на значимость потери и глубину трагедии: *Күмнлэ ухата Доржэ зээсн* / *Күрзэр(лэ) шораднь даргдад* (Умный среди людей Дорджи зайсанг / Засыпан землей).

В рукописном сборнике А. М. Листопадова под номером 14 представлен текст одной протяжной песни «Шар шилин һулизг» («Архар горы Шара») с архаичным сюжетом, который повествует о трагическом случае, происшедшем на охоте. Старший брат, охотясь за тотемным животным архаром (*һулз*), по недоразумению убил своего младшего брата. Вариант настоящей песни был обнаружен и описан музыковедом В. К. Шивляновой в песенном фольклоре дербетов Монголии [Шивлянова, 2003, с. 94—95].

Две песни из сборника А. М. Листопадова «Хар келн тоһрун» («Черноголовый журавль») и «Эргинэн белэрнь нүүхнэ...» («Кочуя по косогорам») относятся к свадебным песням-плачам «күүк уулулдг дуд», которые ис-

полнялись при прощании невесты с родным домом. Согласно калмыцким традициям замужество девушки приравнялось к ее смерти, проводились обряды: отрезание кончиков волос и ногтей (*кишг авлһн* ‘оставление счастья в родительском доме’), жертвоприношение огню в родительском доме, смена имени в семье жениха и др. Главное назначение свадебных песней-плачей — помочь невесте совершить ритуал прощания с родными. В таких песнях передается внутреннее напряженное эмоциональное состояние матери и дочери, их переживания, вызванные расставанием, в них воспета материнская любовь, ласка и забота матери (*Хэрин хол һазртнь / Хээрлдг ээжнь сангдна* [Хар келн тоһрун, 3, 4 строки] (В чужой дальней стороне / Любящая мать вспоминается); *Жирн наста ээжнь / Жирлһн болж сангдна* [Хар келн тоһрун, 7, 8 строки] (Шестидесятилетняя мать / Вспоминается как мираж)). Образы перелётных птиц *тоһрун* ‘журавль’, *элэ* ‘коршун’, верблюжонка (калм. *ботхн*), гнедого коня (калм. *кер*) занимают важное место в образном фонде фольклора калмыков, в рассматриваемых нами песнях они сравниваются с замужней девушкой, тоскующей вдалеке по родному дому (*Хар келн тоһрун / Хаврин сарднь доңгдна* [Хар келн тоһрун, 1, 2 строки] (Черноголовый журавль / Курлычет в весенние месяцы); *Бульгһсн ботхихан / Ээжднь кургж ханһаһитэ* (‘Жалобно кричащего верблюжонка / Успокойте, отдав его матери’) [Хар келн тоһрун, 14, 15 строки]; *Эргинэн белэрнь нүүхнэ / Элэ шовун цервднэ* [Эргинэн белэрнь нүүхнэ, 1, 2 строки] (‘Когда кочуешь по косогорам / Парит коршун [в небе]’); *Темэн унтэ кер мини / Теңгсин шалуһинь хазна* [Эргинэн белэрнь нүүхнэ, 5, 6 строки] (‘Стоимостью равной верблюду мой гнедой / Щиплет морскую осоку’)).

Пять лирических песен из сборника А. М. Листопадова (№ 2 «Тавар-йа, тувыр-йа хулсанднь зегснднь...» (‘В редком камыше и чакане’), № 3 «Ижлин ондр моднднь...» (‘Над высокими деревьями у Волги’), № 11 «Хар бор мөрн» (‘Чёрно-сивый конь...’), № 13 «Һар уга Ланцан» (‘Безрукий Ланцан...’), № 17 «Дална арслнгин дүрстэ» (‘С лицом подобно серебряной монете’)) любовного содержания представляют собой песни-монологи. В них повествование ведется от лица главного героя (юноши), который рассказывает сам себе о своих душевных переживаниях. Помимо монолога, в композицию песен широко введены образы из мира природы, также служившие средством художественного раскрытия душевного состояния человека. Одним из таких чисто народных композиционных приемов является психологический, или образный параллелизм. Ярким образцом любовной лирики калмыков Денисовской станицы Сальского округа является песня «Дална арслнгин дүрстэ» (‘С лицом подобно серебряной монете’). Песня имеет монологическую форму построения, состоит из трёх куплетов. Образная система текста песни чисто традиционная, ши-

роко используются сравнения, описана внешняя красота и облик девушки, а также её умение рукодельничать.

*Дална арслгун дүрстэ гилэ, яах,
Даларн дүрм шалта гилэ, яах,
Хорха арслгун дүрстэ гилэ, яах,
Хө мөстэ куукдин бээдлтэ, яах,*

Лицо у нее было подобно серебряной монете,
Во всю спину у нее были косы,
Лицо у нее подобно мелкой серебряной монете.
Была [она] похожа на двухлетнего ребенка.

*Эц хоңһр шалута, гилэ, яах,
Эн эрдмтэ ховриг гилэ, яах,
Хөн нүдтэ билэ, яах,
Хошуһин эмтнднь ховриг билэ, яах,*

Светлые длинные локоны были у нее,
Редкая мастерица она была,
Светлые красивые глаза были у нее,
Единственная была она среди соседей,

*Тохрг шар чирэтэ билэ, яах,
Төрл төрскнднь ховриг билэ, яах,
Алтнасьн өңгтэ чирэтэ билэ, яах,
Ажсин Алешкнднь седклтэ билэ.*

Круглолицей и светлицей она была,
Она была редкой по красоте среди родственников,
Лицо у нее было ярче золота,
Она любила Аджинова Алешку.

3.4. Отрывок из эпоса «Джангар» в рукописи А. М. Листопадова

В джангароведении сложилось устойчивое мнение, что первые звукозаписи калмыцкого эпоса «Джангар» на фонограф были сделаны в 1908 году студентом Петербургского университета Номто Очировым от прославленного джангарчи Ээлян Овлы. Однако на самом деле самой ранней фонографической записью отрывка эпоса «Джангар» необходимо считать запись А. М. Листопадова 1902 года от Эренцена Алексеева и Х. Николаевского, расшифровка которой представлена в его рукописном сборнике под номером № 16. Настоящий текст является отрывком из песни «Догшн Шар Гүргү маңһс хааг Дуут Улан Шовшур дөрэцүлгсн бөлг» («О победе Славного Алого Шовшура над Свирепым ханом мангасов Шара Гюргю») из Малодербетовского цикла¹ [Жаңһр, 1978, с. 141—142]. При синоптическом анализе все строки из отрывка записи, сделанной Листопадковым, совпали со строками песни Малодербетовского цикла. В тексте «Жаңһрин тускар» («О Джангаре») восхваляется главный герой эпоса *Эн Жаңһр* ‘Владыка Джангар’, который умело руководит действиями своих богатырей и возглавляет свое войско в походах. Джангар предстает перед нами прежде всего как монументальная бесстрашная фигура, глава Бумбы: *Эн Жаңһр гидг күмн / Дордын долан орни зүүдн, / Деедин арвн хойр орни күсл, / Төвин дөрвн хаани зүркн / Эргм миңһн хэрдэн дүүрэн болсн* (Таков владыка Джан-

¹ Рукопись с песней «О победе Славного Алого Шовшура над Свирепым ханом мангасов Шара Гюргю» была выполнена по заказу или приобретена зайсангом Малодербетовского улуса Дорджи Джаб Кузузовым и доставлена в Санкт-Петербургский университет была Константином Фёдоровичем Голстунским в 1862 году.

гар / Для семи нижних миров — сновиденье / Сердце властелинов четырех материков / Стал эхом для тысяч чуждальных стран). Отрывок из эпоса показывает нам Джангара — владыку, восседающего на серебряном троне с сорока четырьмя ножками перед шатром из пестрого шелка. Под стать Джангару его величественный золотисто-пестрый дворец, находящийся у переправы священного моря, у подножья священной белой горы, у слияния двенадцати морей. Для обрисовки Джангара удачно использованы поэтические тропы и фигуры (сравнения, гиперболы, эпитеты и другие средства изображения), которые помогают раскрыть более полно внутренний мир эпического образа. К примеру, глаза Джангара сравнивают со свирепым взглядом священной птицы Гаруды — *Догин һарудн нүдәр* (Очами свирепой Гаруды-птицы). В рассматриваемом тексте в сжатой форме, в то же время ёмко, дана эпическая биография Джангара: *Бодон Зула хаани ач гинэ / Бумб Зула хаани жич гинэ / Үзң алдр хаани урн гинэ* (Внук Бодон Зула хана, / правнук Бомба Зула хана / Ребенок Узенг Алдар хана). Для сравнения приведем вариант родословной Джангара, записанный от Элян Овлы: *...Тәк Зула хаани үлдә, / Таңсғ Бумб хаани ач, Үзң алдр хаани көвүн, / Үйин өнчн Жаңһр билә* (Потомок Таки Зула хана, / Внук Тангсак Бумба хана, / Сын Узюнг Алдар хана / В поколении одинокий Джангар). Из эпической биографии Джангара, представленной в отрывке Листопадова, известно, что он единственный в поколении (*Өнчн һанңхн Жаңһр гинэ* 'Одинокий сирота Джангар'), сирота и не имеет наследников (*Деерәсн татх делин оңһа уга, / Дорас өргх сүүлин уңг уга* 'Говорят: «чтобы сверху подтянуть, нет у него остатков гривы», / Говорят: «чтобы снизу приподнять — обрубка хвоста даже нет»'), что соответствует его имени Джангар 'одинокый, единственный, сирота' [Борлыкова и др., 2021, с. 57].

4. Заключение = Conclusions

Предварительное рассмотрение текста песен из первого раздела рукописи А. М. Листопадова «Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 года» выявило редкие для настоящего времени четыре образца калмыцких гимнических песен «частр дуд», воспевающие Учение Будды, божества, духовенство, буддийские монастыри, священный буддийский текст «жодв» и др. Интересными представляются тексты исторических песен об атамане Матвее Платове и зайсанге Малодербетовского улуса Дорджи Джаб Кутузове. Архаичным текстом является охотничья песня «Архар горы Шара». Две песни из сборника А. М. Листопадова «Хар келн тоһрун» («Черноголовый журавль») и «Эргинән беләрнь нүүхнэ...» («Кочуя по косогорам») относятся к свадебным песням-плачам «күүк уулүлдг дуд». Пять лирических песен

любовного содержания представляют собой песни-монологи. Среди текстов песен, зафиксированных Листопадовым, авторами статьи обнаружена самая ранняя фонографическая запись отрывка эпоса «Джангар». При синоптическом сличении текстов было выяснено, что данный отрывок относится к песне Малодербетовского цикла. Песни Денисовских калмыков богаты аллитерациями, созвучиями гласных и согласных звуков, которые усиливают выразительность художественной речи. Широко используются в песнях средства художественного изображения: эпитеты, сравнения, метафоры, параллелизмы, гиперболы, символы.

Таким образом, подытоживая сказанное, можно отметить, что фонографические записи А. М. Листопадова 1902 года имеют большое значение в истории калмыцкой фольклористики, так как с них начинается новый этап научного изучения калмыцкого устного творчества, основанный прежде всего на анализе фиксаций произведений на звукозаписывающих устройствах. Тексты песен, записанные Листопадовым, ждут детального текстологического анализа на разных исследовательских уровнях. Представленные в черновом и беловом экземплярах рукописи, а также в печатном издании песни донских калмыков неизбежно несут на себе печать редактирования, и потому обращение к самой фонографической записи, хранящей «генетическую первооснову» песенного текста, чрезвычайно полезно и необходимо.

Источники и принятые сокращения

1. *Листопадов А. М.* Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 г. / А. М. Листопадов // Фонограммархив Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН : ФА ИРЛИ, РФ, п. 30, ед. хр. 215, 216, 240—267; Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН : РО ИРЛИ, р. V, кол. 284, п. 1, ед. хр. 1.

Литература

1. *Алексеева П. Э.* Народные просветители Кутузовы / П. Э. Алексеева // Теегин Герл (Свет в степи). — 2003. — № 6. — С. 42—48.
2. *Асархинова К. Б.* Мёнке лама Борманжинов / К. Б. Асархинова // Богшрахинский аймак и богшрахинцы: краткие исторические очерки / составитель: П. Э. Алексеева. — Элиста : Джангар, 2002. — С. 44—46. — ISBN 5-94587-037-4.
3. *Борлыкова Б. Х.* Ономастикон сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар» в записи А. В. Бурдукова / Б. Х. Борлыкова, Б. В. Меняев, Т. В. Басанова // Эпосоведение. — 2021. — № 4. — С. 53—62. — DOI: 10.25587/c5935-0852-5402-d.
4. *Борисенко И.* Храмы Калмыкии / И. Борисенко. — Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1994. — С. 4.
5. *Домийн Төмөртөгөө.* Монгол хэлэнд орсон гадаад үгийн хураангуй тайлбар толь. (Краткий толковый словарь заимствованных слов монгольского языка) / Домийн Төмөртөгөө. — Улаанбаатар : Адмон Принт, 2018. — 199 с.

6. Ёндон Д. Нэгэн зохиолын төгсгөлийн үг [О колофоне одного сочинения] / Д. Ёндон // Хэл зохиол судлал. — Улаанбаатар : ШУА ХЗК, 1975. — Т. 11. — С. 245—250.
7. Жаңыр : Хальмг баатрлг дуулвр / сост. А. Ш. Кичиков ; ред. Г. И. Михайлов. — Москва : Наука, 1978. — Т. 1. — 441 с.
8. КРС — *Калмыcko-русский словарь* / под ред. Б. Д. Муниева. — Москва : Русский словарь, 1977. — 765 с.
9. Листопадов А. М. Автобиографические заметки / А. М. Листопадов // Советская музыка. — 1948. — № 7. — С. 50—54.
10. Меняев Б. В. Ойратский письменный источник, посвященный культу огня (на материале рукописи из частной коллекции калмыцкого священнослужителя Осронга Батаева) / Б. В. Меняев // Mongolica. — 2018. — Т. XXI. — С. 67—70. — DOI: 10.25882/b1zb-v356.
11. *Ойратский словарь* поэтических выражений / факсимиле рукописи, транслитерация, введение, перевод с ойратского, словарь с комментариями, приложения Н. С. Яхонтовой. — Москва : Восточная литература, 2010. — 615 с.
12. Позднеев А. М. Калмыcko-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах / А. М. Позднеев. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1911. — 306 с.
13. Сердюченко Г. Александр Михайлович Листопадов / Г. Сердюченко // Песни Донских казаков. — Москва : Музгиз, 1950. — С. 3—29.
14. Топорков А. Л. Введение / А. Л. Топорков // Фольклор : ранние записи / составители: В. М. Гацак, В. А. Бахтина. — Москва : Буки-Веди, 2015, С. 3—5. — ISBN 978-5-9208-0480-8.
15. Шивлянова В. К. Два варианта монгольской народной охотничьей песни / В. К. Шивлянова // Mongolica. — 2003. — Т. VI. — С. 94—95.
16. Шивлянова В. К. Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станицы Сальского округа в ноябре 1902 года / В. К. Шивлянова // Из истории русской фольклористики. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. — Выпуск 4—5. — С. 541—560.
17. Шивлянова В. К. Хранитель народной музыки / В. К. Шивлянова // Теегин Герл (Свет в степи). — 1989. — № 2. — С. 88—89.

Material resources

Listopadov, A. M. Kalmyk songs recorded in the Denisovskaya stanitsa of the Salsky District in November 1902. In: *Phonogram Archive of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences: FA IRLI, RF, p. 30, units of chr. 215, 216, 240—267; Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences: RO IRLI, R. V., Col. 284, item 1, unit of hr. 1.* (In Russ.).

References

- Alekseeva, P. E. People's enlighteners Kutuzov. *Teegin Girl (Light in the Steppe)*, 6: 42—48. (In Russ.).
- Asarhinova, K. B. (2002). Menke lama Bormanzhinov. In: *Bogshrahinsky aimag and bogshrahintsy: brief historical essays*. Elista: Dzhangar. 44—46. ISBN 5-94587-037-4. (In Russ.).
- Borisenko, I. (1994). *Temples of Kalmykia*. Elista: Kalmyk Book Publishing House. P. 4. (In Russ.).

- Borlykova, B. H., Menyaev, B. V., Basanova, T. V. (2021). Onomasticon of the sart-Kalmyk version of the epic “Dzhangar” recorded by A. V. Burdukov. *Epic studies*, 4: 53—62. DOI: 10.25587/c5935-0852-5402- d. (In Russ.).
- Domiin Tomortogoo. (2018). *Mongol heland orson gadaad ugiin huraanguy tailbar tol. (A short explanatory dictionary of borrowed words of the Mongolian language)*. Ulaanbaatar: Admon Print. 199 p. (In Mong.).
- Endon, D. (1975). Negen zohiolyn togsgoliyn ug [About the colophon of one composition]. In: *Hal zohiol sudlal*, 11. Ulaanbaatar: SHUA KHZK. 245—250. (In Mong.).
- KRS — Muniev, B. D. (ed.). (1977). *Kalmyk-Russian dictionary*. Moscow: Russian Dictionary. 765 p. (In Russ.).
- Listopadov, A. M. (1948). Autobiographical notes. *Soviet music*, 7: 50—54. (In Russ.).
- Menyaev, B. V. (2018). Oiratsky written source dedicated to the cult of fire (based on a manuscript from the private collection of the Kalmyk priest Osrong Bataev). *Mongolica*, XXI: 67—70. DOI: 10.25882/b1zb-v356. (In Russ.).
- Oirat Dictionary of Poetic expressions / facsimile of the manuscript, transliteration, introduction, translation from Oirat, dictionary with comments, appendices* by N. S. Yakhontova. (2010). Moscow: Oriental Literature. 615 p. (In Russ.).
- Pozdneev, A. M. (1911). *Kalmyk-Russian Dictionary as a Guide to the Study of Russian in Kalmyk Primary Schools*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 306 p. (In Kalm.).
- Serdyuchenko, G. (1950). Alexander Mikhailovich Listopadov. In: *Songs of the Don Cossacks*. Moscow: Muzgiz. 3—29. (In Russ.).
- Shivlyanova, V. K. (1989). The Keeper of folk music. *Teegin Girl (Light in the Steppe)*, 2: 88—89. (In Russ.).
- Shivlyanova, V. K. (1999). Kalmyk songs recorded in the Denisovskaya village of the Salsky district in November 1902. In: *From the history of Russian folklore*, 4—5. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 541—560. (In Russ.).
- Shivlyanova, V. K. (2003). Two variants of the Mongolian folk hunting song. *Mongolica*, VI: 94—95. (In Russ.).
- Toporkov, A. L. (2015). Introduction. In: *Folklore: Early records*. Moscow: Buki-Vedi. 3—5. ISBN 978-5-9208-0480-8. (In Russ.).
- Жанһр: Һалмг баатрлг дуулвр, 1*. (1978). Moscow: Nauka. 441 p. (In Mong.).

Статья поступила в редакцию 04.08.2022,
одобрена после рецензирования 22.10.2022,
подготовлена к публикации 25.10.2022.

Дроздов В. А. Учение о любви в сочинениях персидского мистика XIV века Махмуда Кашани / В. А. Дроздов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 239—254. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-239-254.

Drozdov, V. A. (2022). Doctrine of Love in Writings of 14th-Century Persian Mystic Mahmud Kashani. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 239-254. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-239-254. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-239-254

Учение о любви в сочинениях персидского мистика XIV века Махмуда Кашани

Дроздов Владимир Альбертович
orcid.org/0000-0002-2509-4598
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иранской филологии
восточного факультета
v.drozdov@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Работа выполнена
при финансовой поддержке
Российского фонда
фундаментальных исследований,
проект № 20-012-00187 «Атрибуция
памятников персидской и афганской
средневековой поэзии методами
цифровой стилиметрии»

Doctrine of Love in Writings of 14th-Century Persian Mystic Mahmud Kashani

Vladimir A. Drozdov
orcid.org/0000-0002-2509-4598
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Iranian Philology
of the Oriental Faculty
v.drozdov@spbu.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The reported study
was funded by RFBR,
Project no 20-012-00187
(Attribution of the Medieval Persian
and Afghan Poetry Texts via
the Methods of Digital Stylometry)

© Дроздов В. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена творчеству Махмуда Кашани (ум. 735/1334-35), который был шейхом суфийского ордена сухравардийа и автором нескольких значимых сочинений. Объектом анализа выступила одна из частей самой известной его работы — прозаического трактата «Светильник, указывающий истинный путь, и ключ к достаточному количеству [мистического знания]». В статье рассматриваются религиозные взгляды и научное наследие Махмуда Кашани. Предлагается комментированный перевод части первого раздела «О любви» из десятой главы «Объяснение мистических состояний» указанного произведения. Поскольку Махмуду Кашани приписывается также поэма «Сокровища тайн и символы праведных», посвященная психологическим аспектам мистической любви, нами переведена и одна из ее глав. Сравнение фрагментов этих произведений показывает значительные несовпадения в объяснении любви, что, возможно, связано с тем, что автор излагает в первом сочинении концепцию любви аскетического суфизма, а во втором — суфизма, «опирающегося на любовь». Второе направление восходит к сочинению «Откровения о любви» персидского мистического философа Ахмада Газали. Не исключено также, что ‘Иzz ад-Дин Махмуд не является автором поэмы «Сокровища тайн...».

Ключевые слова:

Махмуд Кашани; иранский суфизм; суфийская литература; суфийское учение о любви; авторство средневековых сочинений.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the work of Mahmud Kashani (d. 735/1334-35), who was a sheikh of the Suhrevardiya Sufi order and the author of several significant works. The object of analysis was one of the parts of his most famous work — the prose treatise “The lamp that indicates the true path, and the key to a sufficient amount [of mystical knowledge]”. The article deals with the religious views and scientific heritage of Mahmud Kashani. A commented translation of part of the first section “On Love” from the tenth chapter “Explanation of mystical states” of the specified work is proposed. Since Mahmud Kashani is also credited with the poem “Treasures of Secrets and Symbols of the Righteous”, dedicated to the psychological aspects of mystical love, we have also translated one of its chapters. Comparison of fragments of these works shows significant discrepancies in the explanation of love, which may be due to the fact that the author expounds the concept of love of ascetic Sufism in the first essay, and Sufism “based on love” in the second. The second direction goes back to the composition of the “Revelation of Love” by the Persian mystical philosopher Ahmad Ghazali. It is also possible that ‘Izz ad-Din Mahmud is not the author of the poem “Treasures of Secrets...”.

Key words:

Mahmoud Kashani; Iranian Sufism; Sufi literature; Sufi doctrine of love; authorship of medieval writings.

Учение о любви в сочинениях персидского мистика XIV века Махмуда Кашани

© Дроздов В. А., 2022

1. Введение = Introduction

Тема любви всегда являлась центральной в суфизме. Уже в первые века ислама на арабском языке стали появляться первые мистические сочинения, в которых объектом любви выступал исключительно Бог. Произведения о мистической любви на персидском языке стали возникать начиная с XII века, и первым прозаическим сочинением о психологии суфийской любви стал трактат знаменитого мистического философа Ахмада ал-Газālī (ум.520/1126) «ас-Савāних фй-л-‘ишқ» («Откровения о любви»). В науке считалось, что первой поэмой о мистической любви на персидском языке является месневи «‘Ишқ-нāме» («Книга любви»), приписывавшаяся выдающемуся персидскому суфийскому поэту Сана’й-йи Газнавй (ум. 535/1140 или 545/1160). В 60-е годы XX века иранскими, а вслед за ними западными учеными было выдвинуто предположение, что автором этой поэмы, немного расширенный вариант которой известен под названием «Кунūз ал-асрār ва румūз ал-ахрār» («Сокровища тайн и символы праведных»), является шейх Махмūd Кāшāнй (ум. 735/1334-35). Однако данная точка зрения не стала общепринятой.

Для решения вопроса об авторстве поэмы «‘Ишқ-нāме», приписываемой Сана’й (как и «Кунūз ал-асрār»), необходимо сопоставить стиль этой поэмы со стилем поэтических произведений, авторство которых не вызывает сомнений. Для этого можно использовать два подхода — традиционный текстологический анализ и / или комплекс методов цифровой стилеметрии (digital stylometry). Последний ориентирован на выявление различий авторских стилей количественными методами. Как показывает опыт исследований конкретных текстов, целесообразно комбинировать оба способа источниковедческого анализа.

Так, в рамках проекта «Атрибуция памятников персидской и афганской средневековой поэзии методами цифровой стилеметрии» группой иранистов Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) был проведен эксперимент по атрибуции упомянутых «‘Ишқ-нāме» и «Кунūз ал-асрār», который показал, что они не имеют к великому персидскому поэту Сана’й-йи Газнавй (ум.535/1140 или 545/1150) никакого отношения [Дроздов, 2021, с. 21—28.; Drozdov et al., 2021, p. 53—62].

Предлагаемая вниманию читателя работа является продолжением усилий по атрибуции важнейших памятников средневековой суфийской поэзии.

Цель представленного исследования — путем анализа трактовки темы мистической любви в творчестве Махмұда Кāшāнй приблизиться к решению вопроса принадлежности его перу поэмы «Кунўз ал-асрār». Для этого нами предприняты перевод и сравнение фрагмента указанного произведения с тематически релевантным отрывком из точно написанного им трактата «Мисбāх ал-хидāйа».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

2.1. Религиозные взгляды и творческое наследие ‘Изз ад-Дйна Махмұда Кāшāнй

‘Изз ад-Дйн Махмұд ибн ‘Алй Кāшāнй -йи Наганзй (ум. 735/1334-35) — знаменитый шейх 8 в.х. / XIV в. н. э., связанный с суфийским орденом сухравардййа, ученик шейха Нұр ад-Дйна ‘Абд ас-Самада ибн ‘Алй Исфакāнй Наганзй (ум. 699/1299—1300), который был учеником сухравардийского шейха Наджйб ад-Дйна ‘Алй ибн Бузгуша Шйрāзй (ум. 677/1278 или 678/1279) и учителем шейха Камāl-ад-Дйна ‘Абд ар-Раззāка Кāшāнй (ум. 730/1329 или 736/1335-36). Цепочка духовной преемственности ‘Алй ибн Бузгуша восходит к основателю ордена сухравардййа, суфийскому шейху и теологу шафиитской религиозно-правовой школы Шихāб ад-Дйну Абў Хафсу ‘Умару ибн Мухаммаду ас-Сухравардй (539—632/1145—1234), автору одного из самых знаменитых справочников по суфизму «‘Авāриф ал-ма‘āриф» («Дары познаний»). О личной жизни и семье ‘Изз ад-Дйна Махмұда ничего не известно. Наиболее полный обзор деятельности и научного наследия Махмұда Кāшāнй представил иранский ученый Джалāl ад-Дйн Хумāйй; ценные сведения содержатся также в антологии «Нафахāt ал-унс» («Дуновения дружбы») ‘Абд ар-Рахмāна Джāmй (817—898/1414—1492) и в современном иранском «Введении в основы мистического знания и суфизма» [Джāmй, 1386/2007, с. 481, 482—483, 869, 870, 871, 872; Саджджāдй, 1374/1996, с. 134, 204, 205; Хумāйй, 1394/2015, с. 12—63].

‘Изз ад-Дйн Кāшāнй принадлежал к шафиитской религиозно-правовой школе, и, как и большинство шафиитов, в схоластическом богословии он следовал аш‘аритскому учению. Так, Кāшāнй считал, что Бога можно будет увидеть в день воскресения согласно аятам 22(22)—23(23) 75-й суры Корана: *вуджухун йаума’изин нāдиратун* 22(22) *илā раббихā нāзиратун* 23(23) — в тот день лица будут блистающими 22(22), взирающими на своего Господа 23(23). Он был сведущим в вопросах философии, схоластического богословия, мистики, признавал, в отличие от мутазилитов, существование божественных атрибутов, порицал мутазилитов, считавших, что Богу нельзя

приписывать атрибуты, ибо, по их мнению, божественные атрибуты — это и есть сущность Бога. ‘Изз ад-Дин считал обязательным чтение молитв и соблюдение всех религиозных обрядов шафиитов. Как суфий, он был человеком сдержанным, ему не были свойственны косность и фанатизм.

Для понимания творчества Махмұда Кāшāний важно учитывать и то, каким же был мистицизм во время его деятельности, то есть в XIV веке.

В XIII—XIV веках на территории Ирана, Средней и Малой Азии существовали две основных школы исламского мистицизма. Первая опиралась на любовные переживания (*тасаввуф-и ‘āшиқāне* — букв. ‘любовный суфизм’), и к ней принадлежали выдающиеся персидские поэты Санā’й-ий Газнавй (ум. 535/1140 или 545/1150, Фарйд ад-Дйн ‘Аттār (ум. 617/1220 или 632/1234), Фахр ад-Дйн ‘Ирāқй (610—688/1213—1289), Джалāl ад-Дйн Рūмй (604—672/1207—1273). Другая школа ориентировалась на аскетический, или отшельнический суфизм (*тасаввуф-и ‘āбидāне*). К ней, в частности, относились все шейхи ордена сухранавдийа, а также знаменитый религиозный ученый и суфий Абū Хāмид Мухаммад ал-Газālй (450—505/1059—1111), мистики Ибн ‘Арабй (560—638/1165—1240) и Ибн ал-Фāрид (576—632/1181—1235). В сухранавдийской школе мистические знания были смешаны с аскетизмом и строгим следованием религиозному закону. Суфизм ордена сухранавдийа — это отказ от мирских удовольствий, борьба с чувственной душой, соблюдение предписаний религиозного закона, чтение молитв, произнесение богопомятаний. Суфизм школы любви — это музыкальные слушания, пение, танцы, чтение стихов, экстатическое поведение. Будучи шейхом сухранавдийи, Махмұд Кāшāний был мистиком, строго следовавшим шариату, отказавшимся от земных благ, считавшим основным условием жизни суфия и его истинной любви к Богу покорность, поклонение Богу [Хумāйй, 1394/2015, с. 45—47].

До нас дошли следующие сочинения ‘Изз ад-Дйна Махмұда Кāшāний:

1) Комментарий на касыду *tā’īya* — то есть на касыду с рифмой на букву *tā’* выдающегося арабского суфийского поэта, принадлежавшего к шафиитской религиозно-правовой школе, Абū Хāфс’а Шараф ад-Дйна ‘Умар’а ибн ‘Али ибн Муршид’а ибн ‘Али ибн ал-Фāрид’а (576—632/1181—1235). Касыда *tā’īya* (= самая большая касыда *tā’īya* — *ал-қасйда ат-тā’īya ал-кубрā*) содержит более 750 бейтов, что составляет около половины всего его поэтического наследия. На касыду Ибн ал-Фāрида было написано много комментариев, в том числе и ‘Изз ад-Дин Махмұдом Кāшāний был подготовлен комментарий на арабском языке под названием «Кашф ал-вуджұх ал-гурр ли-ма’āний назм ад-дурр» («Раскрытие самых прекрасных достоинств, касающихся скрытых смыслов нанизанных жемчужин»; (то есть касыды *ат-тā’īya* Ибн ал-Фāрида. — В. Д.)). Этот комментарий

издавался дважды: в Каире в 1310 г.л.х./1892-93 г. как приложение к толкованию «Дивāна» Ибн ал-Фāрида и в Тегеране в 1319 г.л.х./1901 г., но в тегеранском издании авторство комментария ошибочно приписано современнику ‘Иzz ад-Дйна, известному суфию Камāl ад-Дйну ‘Абд ар-Раззāку Кāшāнй (ум. 730/1329 или 736/1335-36).

2) «Мисбāх ал-хидāйа ва мифтāх ал-кифāйа» («Светильник, указывающий истинный путь, и ключ к достаточному количеству [мистического знания]»). Под этим названием ‘Иzz ад-Дйн Махмūd Кāшāнй перевел на персидский язык с арабского один из основных справочников по суфийской науке — трактат «‘Авāриф ал-ма‘āриф» («Дары познаний») основателя суфийского ордена сухравардййа и шафиитского теолога Шихāб ад-Дйна Абū Хафса ‘Умара ибн Мухаммада ас-Сухравардй (539—632/1145—1234). Джалāl ад-Дйн Хумāйй считает, что труд ‘Иzz ад-Дйна Кāшāнй нельзя считать лишь переводом: это вполне самостоятельное произведение. Хотя основные темы «‘Авāриф» вошли в труд Кāшāнй, но некоторые темы он пропустил, а некоторые добавил. Порядок расположения глав и разделов также не совпадает. У Сухравардй сочинение состоит из 63 глав, а Махмūd Кāшāнй разделил свое сочинение на 10 глав (бāб), а каждую главу — на 10 разделов (фасл) [Хумāйй, 1394/2015, с. 32, 38].

Сочинение «Мисбāх ал-хидāйа» состоит из 10 глав (бāб), каждая из которых включает в себя 10 разделов (фасл): объяснение суфийских верований (*дар байāн-и и ‘тиқādāt-и мутасаввифе*) (1-я глава), объяснение религиозных наук (*дар байāн-и ‘улūм*) (2-я глава), о мистических познаниях (*дар ма‘āриф*) (3-я глава), о некоторых терминах суфиев (*дар ба‘дй иштилāхāt-и сūфийāн*) (4-я глава), о поступках, заслуживающих одобрения (*дар мустахсанāt*) (5-я глава), о правилах поведения [суфиев] (*дар ādāb*) (6-я глава), о религиозной практике (*дар а‘мāl*) (7-я глава), объяснение нравов [суфиев] (*дар байāн-и ахлāк*) (8-я глава), объяснение суфийских стоянок (*дар байāн-и мақāmāt*) (9-я глава), объяснение мистических состояний (*дар байāн-и ахвāl*) (10-я глава). Десятая глава «Объяснение мистических состояний» также включает в себя десять разделов, а первый из них посвящен теме любви и называется «О любви» («*Дар махаббат*»).

3) Месневи (поэма) «Кунūз ал-асрār ва румūз ал-ахрār» («Сокровища тайн и символы праведных»), представляющая собой расширенный на 83 бейта вариант «‘Ишқ-нāме».

До 60-х годов XX века считалось, что «‘Ишқ-нāме» («Книга любви») создана выдающимся персидским суфийским поэтом Санā’й-йи Ғазнавй (ум. 535/1140 или 545/1150). Шведский ученый Б. Утас, вслед за иранским ученым Мударрисом Радавй, указал, что поэма «‘Ишқ-нāме» является незначительно сокращенным вариантом поэмы «Кунūз ал-асрār ва румūз

ал-ахрār», составленной, по всей видимости, известным мистиком ‘Изз ад-Дином Махмūdом Кāшāнī (ум. 735/1334-35), которая представляет собой поэтический и объяснительный парафраз трактата «ас-Савāних фй-л-‘ишқ» («Откровения о любви») Абū-л-Футūха Ахмада ибн Мухаммада Ғазālī (ум. 520/1126), младшего брата Абū Хāмида Мухаммада Ғазālī (ум. 505/1111). Имя шейха Махмūда Кāшāнī является единственным упоминанием об авторе поэмы «Кунūз ал-асрār» и встречается в рукописи Стамбульского университета, датируемой 897 г.х./1492 г. [Utas, 1973, р. 50, 52—54]. Поэма «Кунūз ал-асрār» представляет интерес, ибо ее сокращенная версия под названием «‘Ишқ-нāме» позднее была приписана Санā’й [Utas, 1973, р. 17—18, 53—54, 101, 131—132]. Б. Утас подчеркивает, что с XI/XVII века в рукописях наблюдается приписывание этой поэмы Санā’й, причем сама поэма «‘Ишқ-нāме» признавалась одной из подлинных поэм Санā’й, и лишь иранскому филологу М. Радавī, подготовившему свое издание поэмы «‘Ишқ-нāме», удалось обнаружить, что она — незначительно сокращенная версия поэмы «Кунūз ал-асрār ва румūз ал-ахрār», двумя годами ранее опубликованной Гулчйном Ма‘āнī в журнале филологического факультета Тегеранского университета [Кунūз ал-асрār, 1346/1967]. В издании Г. Ма‘āнī поэма «Кунūз ал-асрār» состоит из 664 бейтов, и если не считать введения к поэме объемом 83 бейта, то ее текст совпадает с текстом «‘Ишқ-нāме». Б. Утас предположил, что автором «Кунūз ал-асрār» был ‘Изз ад-Дин Махмуд ибн ‘Али Кāшāнī Нафанзй (ум. 735/1334-35). Причиной отбрасывания вводной части поэмы могло стать то, что вторая глава введения «Кунūз ал-асрār» содержит восхваление первых халифов, хотя они и не называются по имени, и поэтому, как полагает Б. Утас, шиитская традиция избавилась от введения и приписала поэму Санā’й, тем более что «Кунūз ал-асрār» написана размером īафйф, которым составлены все поэмы Санā’й. А произойти это приписывание могло в X веке хиджры/XVI века. Этому приписыванию могло способствовать наличие в «Кунūз ал-асрār» имени Санā’й перед бейтом, заимствованным из «Хадйкат ал-хакйка»:

*Каишф-и йн рамз-рā Санā’й гуфт
дар байāн- й ки дурр-и ма’нй суфт*

О раскрытии этого символа сказал Санā’й в объяснении, которое «проверлило жемчужину» духовного значения [Utas, 1973, р. 78—81].

Иранский филолог Г. Ма‘āнī впервые издал поэму «Кунūз ал-асрār ва румūз ал-ахрār» неизвестного автора, представляющую собой объяснение трактата «ас-Савāних фй-л-‘ишқ» Ахмада Ғазālī (ум. 520/ 1126) [Кунūз ал-

асрār, 1346/1967], но он не заметил, что это произведение в основной своей части совпадает с «‘Ишқ-нāме», считавшейся произведением Санā’й. На это впервые обратил внимание М. Радавī [Маснавїхā-йи Ҳакīm Санā’й, 1348/1969, с. 6]. Вероятно, поэма «Кунӯз ал-асрār» со временем потеряла введение (примерно 83 бейта) и с XVI века стала известна как стихотворный опус Санā’й «‘Ишқ-нāме».

3. Результаты и Обсуждение = Results and Discussion

3.1. Выбор фрагментов

Для перевода и последующего сопоставления текстов нами были выбраны: 1) отрывок из I раздела «О любви» X главы «Объяснение мистических состояний» трактата «Мисбāх ал-хидāйа»; 2) глава, объясняющая различие между «древней» (=божественной) любовью и любовью «новой» — человеческой — из поэмы «‘Ишқ-нāме» (=«Кунӯз ал-асрār»).

3.2. Комментарии

Поскольку в представленных ниже переводах используются специальные понятия и термины, для лучшего понимания содержания фрагментов мы предпосылаем им некоторые пояснения и комментарии.

В первом тексте — отрывке из «Мисбāх ал-хидāйа» встречаются следующие персонажи и термины:

‘Йсā — коранический персонаж, пророк, у христиан — Иисус. Относится к приближенным Аллаха (мукаррабун). Был наделен Аллахом способностью творить чудеса. Согласно Корану (сура 3, аят 43(48); сура 5, аяты 109(110)—110), ‘Йсā по дозволению Господа вдыхал жизнь в сделанные им из глины подобия птиц, исцелял слепого и прокаженного, оживлял мертвых.

Дāвуд, или Дāвӯд (библейский Давид) — коранический персонаж, пророк, праведник, один из древних пророков до Мухаммада, которому Аллах ниспослал священное писание — псалмы (араб. забūr) (Коран. Сура 4, аят 161(163); сура 38, аят 28(29)), даровал власть, мудрость и знание (Коран. Сура 2, аят 252(251); сура 21, аят 79(79); сура 27, аят 15(15); сура 38, аят 19(20)), сделал наместником на земле и приказал судить людей по истине (Коран. Сура 38, аят 25(26)), подчинил ему горы и птиц, которые должны были вместе с ним прославлять Аллаха (Коран. Сура 21, аят 79(79); сура 34, аят 10(10); сура 38, аяты 17(18)—18(19)). В исламском мистицизме Дāвуд выступает в роли певца, постоянно славящего Аллаха.

Ҳусайн ибн ‘Али ибн Абй Тāлиб Абӯ ‘Абдаллāх аш-Шахид (погиб под Кербелой в месяце муҳаррам 61/октябрь 680) — сын четвертого правоверного халифа ‘Али ибн Абй Тāлиба (убит в 40/661 году), внук пророка Мухаммада, третий имам шиитских имамитов (управлял общиной в 49—61/669—680) [Ибн ал-Джаузи, 1388/1968, с. 321—322; Veccia Vaglieri, 1971, p. 607—615].

Али ибн Абй Тāлиб — четвертый правоверный халиф (правил 35—40/656—661, убит в 40/661), двоюродный брат и зять пророка Мухаммада, женатый на дочери пророка Фāтиме (ум. 11/632—633), первый имам шиитских имамитов [Veccia Vaglieri, 1960, p. 381—386].

Вусул (араб., букв. ‘прибытие, достижение желаемого’) — у суфиев крайняя, предельная близость к Богу, стоянка единства (вахдат) с Богом, духовное тождество (иттихād) и духовное единение (йагāнагй), когда любящий исчезает в возлюбленном. На этой стоянке все признаки, атрибуты и даже сущность мистика и ее следы исчезают в сущности Бога [Саджджāдй, 1373/1995, с. 787].

Маджнун Қайс ибн ал-Мулаввах ал-‘Амирий — полупоэтический арабский поэт (вторая половина VII века н. э.) эпохи Омеййадов (Умаййадов) из племени ‘āмир, возлюбленный Лайлы (Лейлы) и безумно в нее влюбленный. Предания о любви Маджнūна к Лейле были широко распространены в литературах Ближнего и Среднего Востока [Крачковский, 1956, с. 588—632; Асадуллаев, 1981].

В отрывке «Кунуз ал-асрā» встречаются следующие понятия и термины, а также пояснения:

Джахм ибн Сафвāн (убит в 128/745—46) был первым, полагавшим Бога абсолютно отдельно от всех вещей, не как трансцендентное бытие, но просто как понятие: идея, Творец, универсальная деятельность, общая причина изменений, непосредственный создатель случайностей (акциденций), который по своей воле манипулирует субстанциями, не позволяя понять никому, что есть Абсолют; ал-қадīm в противоположность случайному, ҳадас — букв. «случай», «то, что происходит» [Massignon, 1922, p. 549—550].

«Древняя» любовь, обозначаемая словами *қадīm* (Абсолют, Бог) или *қидам* (древняя вечность), представляет собой божественную любовь, любовь Бога к человеку, любовь, которая существовала еще до появления человека в этом мире, в то время как новая любовь — случайная, преходящая, ненастоящая — связана с появлением человека в материальном мире, ср. слова *ҳадас* (араб.) — новое, событие, происшествие, преходящее, *ҳудус* (араб.) — новость, происшествие.

Руз-и аласт (перс.) = йавм а ласту (араб.) = йавм ал-мйсāқ (араб.) — первоначальный договор между Богом и человеком, связанный с Кораном. Сура 7, аят 171(172): «И когда Господь твой извлек из сынов Адама, из спин их, их потомство и заставил их засвидетельствовать о самих себе: “Разве не Господь ваш Я?”», они сказали: “Да, мы свидетельствуем...”». По мнению Л. Массиньона, в Коране нет более впечатляющего отрывка для характеристики силы мусульманской веры, чем аят 171(172) суры 7, где Бог извлекает из поясов сынов Адама их будущее потомство, еще не рож-

денное, чтобы оно ответило «да» на Его вопрос: «Не Я ли ваш господь?», чтобы это потомство вспомнило об этом, когда в Судный день справедливый Судья спросит их о службе, для которой они были предназначены [Massignon, 1962, р. 86]. Это соглашение призвано предвосхитить последний Судный день всех тварей, позволить признать человека привилегированным. В традиционном мышлении мусульманских масс день соглашения является прежде всего свидетельством — шахāда; в соответствии с аятом 171(172) 7-й суры Корана мйсāк — договор. Соглашение определяется как шахāдат аз-зарр — свидетельство, данное единому Богу потомством Адама [Massignon, 1962, р. 90]. По мнению некоторых комментаторов, души (нуфӯс) — это духи (арвāх), представляющие собой первое творение (халк аввал); созданные длительностью, эти духи являются на земле изгнанниками и в своих телах пленниками [Massignon, 1962, р. 86].

Футӯх (араб.) — божественное благоволение, божественная благосклонность и все, что дается суфию как средства к существованию — особенно пища, в ответ на полную покорность суфия и полное предание им себя божьей воле.

Байна исба‘айн — «между двумя пальцами» — один из пророческих хадисов, является достоверным, встречается в сборнике преданий Абд-л-Хусайна Муслима ибн ал-Хаджджādжа ибн Муслима ал-Қушайрй ан-Нисāбӯрй (ум. 261/874) в следующей форме: «воистину все сердца людей — между двумя пальцами из пальцев Милостивого как одно сердце, которое Он вращает, когда пожелает» [Муслим ан-Нисāбӯрй, 1915, т. 8, с. 51].

Сфера нашего мира, похоти, желаний находится в наружных сферах сердца. В редких случаях вождедеющая душа достигает сердца, но вовнутрь она никогда не входит. Если после устранения завесы свет любви может беспрепятственно проникнуть наружу до внешних сфер внутреннего мира человека — до места вождедеющей души, где поселяется наш мир и похоть, то вождедеющая душа охватывается любовью. Но едва ли возможно, чтобы вождедеющая душа попала внутрь сердца.

3.3. Перевод отрывка из «Мйсбāх ал-хидāй»

Однако существует много признаков любви. Ибо каждая волосинка на теле влюбленного — правдивый свидетель в отношении искренности его любви, и каждое его движение — это подпись, удостоверяющая [подлинность любви], и каждая его успокоенность — это знак [любви]. Однако рассмотреть любовь невозможно, не обладая глазом любви. Мы перечислим некоторые причины различия искренних [влюбленных] от претендующих [на любовь].

Первый признак заключается в том, что в сердце влюбленного не бывает любви ни к нашему миру, ни к потустороннему, точно так же, как

и в откровении, которое всевышний Бог ниспослал ‘Йсе — мир ему: «О ‘Йсā! Если Я буду смотреть в сердце какого-то [Своего] раба и не найду в нем никакой любви ни к нашему миру, ни к потустороннему миру, Я наполню его [сердце] любовью ко Мне». А в рассказах о Дāвуде сообщается [о ниспосланном ему Аллахом внушении]: «О Дāвуд! Я запретил сердцам, чтобы в них проникала любовь ко Мне, в то время как в них присутствует любовь к кому-то другому, кроме Меня». Возможно, что божественная любовь соединяется в одном сердце с нежными чувствами (*шафақат*) к людям и некоторым те нежные чувства представляются любовью. А указывает на нежные чувства то, что, если обладателю этих двух качеств предоставят выбор между оставлением одного [качества] и предпочтением другого, он откажется от качества, связывающего его с людьми. Как известно, когда-то Хусайн ибн ‘Алй — мир ему — спросил у своего отца: «О отец! Любишь ли ты меня?» Отец ответил ему: «Да». Хусайн — мир ему — спросил: «Любишь ли ты Аллаха?» Отец ответил ему: «Да». Хусайн сказал: «Увы! Не сходятся две любви в одном сердце». ‘Алй — мир ему — заплакал. Тогда Хусайн — мир ему — сказал: «О отец! Что ты скажешь, если бы тебе был предоставлен выбор между тем, чтобы убить меня и отречься от веры?» ‘Алй — мир ему — сказал: «Я предпочту убийство отречению от веры». Хусайн — мир ему — сказал: «Радуйся, о отец! Ибо одно [твое состояние] — это любовь, а другое — нежные чувства».

Другой признак [любви] заключается в том, что он (влюбленный. — В. Д.) не обращает внимания на красоту, которую ему представляют, и не отводит взгляда от красоты возлюбленного. Существует известный рассказ о том, что когда-то некий человек прибыл к красивой женщине и объявил о [своей] любви. Женщина, чтобы испытать его, сказала: «Воистину, позади меня находится та, которая красивее меня и совершеннее красотой, и это — моя сестра». Человек оглянулся, а женщина стала его бранить и порицать: «О праздный! Если я посмотрю на тебя издали, я подумаю, что ты — мистик, а если ты приблизишься и будешь разговаривать, я подумаю, что ты — влюбленный, однако сейчас [для меня] ты и не мистик, и не влюбленный».

Следующий признак [любви] заключается в том, что [влюбленный] любит способы достижения возлюбленного и будет послушным (*мутī* ‘) и покорным (*мустаслим*), ибо та любовь и послушание являются сущностью любви к возлюбленному и повиновением ему, и к этому же относятся [слова Корана]: «Скажи: “Если вы любите Аллаха, то следуйте за мной”...» (Коран. Сура 3, аят 29(31)) и «Кто повинуется посланнику, тот в действительности уже подчинился Аллаху» (Коран. Сура 4, аят 82(80)). А Маджнūн произнес следующее:

«Я унижаюсь перед племенем Лайлы из-за любви к ней и терплю [унижения от] ничтожных и самых важных» [Кāshānī, 1394/2015, с. 406—408] (здесь и далее перевод наш. — В. Д.).

3.4. Перевод главы из поэмы «Кунӯз ал-асрār»

О различии между древней любовью и новой

Любовь избрала душу (*джāн*) своим дворцом, наша душа стала ее хранилищем (*амāйн*). Любовь с клеймом первоначального договора Бога с человеком (*рӯз-и аласт*) поселилась в душе. Если оно (т. е. клеймо божественных слов «Разве не Господь ваш Я?» (А ласту би-раббикум). — В. Д.) найдет теперь завесы прозрачными, то ее (любви. — В. Д.) свет будет сиять изнутри наружу. «Ты — повелитель, — говорю я тебе: как прекрасен Бог, который делает разницу между любовью к людям (*'ишк-и ҳалқ*) и любовью к Богу (*'ишк-и ҳаққ*)». Любовь к Богу выходит изнутри наружу, а любовь к людям идет снаружи вовнутрь. Цель последней ясна, ибо ее пределом является завеса сердца [миновать которую она не может]. Когда с помощью глаза она достигнет завесы, привратник не пустит ее [далее] с помощью завесы. Сердце — место нахождения [древней] любви, оно постоянно пребывает в любовном волнении (*тазалзул*). Ее (любви. — В. Д.) местом стали сердце, душа и дух, с одной стороны от нее — пути [тела] (*банд*), а с другой — божественное благоволение (*футӯҳ*). Любовь находится между двух сторон (т. е. между телесным и духовным. — В. Д.), а местом любви является расстояние «между двумя пальцами» (*байна ишба 'айн*). Вожделеющая душа (*нафс*), ставшая пленницей страсти, [также] имеется в завесе сердца в большом количестве. Если однажды все завесы поднимутся, то и вожделеющая душа войдет в игру (*букв. великолепие любви введет [ее] в игру*). После этого она повернется к любви, полностью оставив все желания. Однако потребуются целая жизнь, пока вожделеющая душа оставит все желания [и обратится к любви] [Санā 'й-йи Ғазнави, 1348/1969, с. 21—22].

4. Заключение = Conclusions

Если сравнить описание любви в поэме «Кунӯз ал-асрār» и прозаическом сочинении «Мисбāх ал-хидāйа ва мифтāх ал-кифāйа» 'Изз ад-Дина Маҳмӯда Кāшāнӣ, то мы увидим очень мало общего. В поэме «Кунӯз ал-асрār» на первом месте — психология отношений между любовью, влюбленным и возлюбленным, глубинные, сокрытые, подразумеваемые состояния, тогда как в «Мисбāх ал-хидāйа» тема любви излагается стандартно — на основе хорошо известных и широко распространенных тогда справочников по суфизму. Может даже показаться, что эти сочинения не могут быть написаны одним и тем же автором. Однако причина различия, возможно, кроется в том, что поэма является поэтическим комментарием-

ем на первое сочинение о психологии мистической любви в персидской литературе — трактат «ас-Савāних фй-л-‘ишк» («Откровения о любви») Ахмада ал- Газālй (ум. 520/1126). В свою очередь, «Мисбāх ал-хидāйа» — несколько измененный персидский перевод одного из главных арабских справочников по суфизму — трактата «‘Авāриф ал-ма‘āриф» («Дары познаний») основателя суфийского ордена сухравардййа Шихāб ад-Дйна Абū Хафса ‘Умара ибн Мухаммада ас-Сухравардй (539—622/1145—1234). Поэтому в первом случае мы имеем дело с глубокими размышлениями о психологии мистической любви, а во втором — с общепринятым изложением темы любви, встречающимся во всех руководствах по суфийской науке.

Также возможно, что автор писал свои сочинения на материале произведений двух различных школ суфизма. Одна школа была связана со строгим соблюдением норм шариата, аскетизмом, отказом от мирских благ, другое же направление, выдвинувшее на передний план любовь, восходило к персидскому мистическому философу Ахмаду ал-Газālй (ум. 520/1126), под впечатлением от теорий которого находились выдающиеся персидские суфийские поэты Санā’й-йи Газнавй (ум. 535/1140 или 545/1150), Фарйд ад-Дйн ‘Атгār (ум. 617/1220 или 632/1234), Фахр ад-Дйн ‘Ирāкй (610—688/1213—1289), Джалāl ад-Дйн Румй (604—672/1207—1273). Этому направлению были свойственны экстатическое поведение, слушание музыки, пение, танцы, воспевание человеческой красоты.

Подводя итог, отметим, что нельзя однозначно исключить принадлежность перу Махмūда Кāшāни поэмы «Кунūз ал-асрār». Однако данная гипотеза требует принятия ряда допущений. В любом случае необходимо дальнейшее изучение проблемы, перспективы которого, на наш взгляд, связаны с имплементацией в исследовательский инструментарий методов цифровой стилиметрии.

Источники и принятые сокращения

1. *Кāшāни ‘Из ад-Дйн Махмūd ибн ‘Алй*. Мисбāх ал-хидāйа ва мифтāх ал-кифāйа (Светильник, указывающий истинный путь, и ключ к достаточному количеству [мистического знания]) / ‘Из ад-Дйн Махмūd ибн ‘Алй Кāшāни // Предисловие, редакция, объяснение, издание текста Джалāl ад-Дйна Хумāйй. — 12-е изд. — Тегеран : интишārāt-и Сухан, 1394/2015. — 120 с.+448 с. — ISBN 978-964-372-773-4.

2. *Коран*. — Стамбул : Типография Йусуфа Зийа’ ад-Дина Эфенди, 1927. — 606 с.

3. Кунūз ал-асрār ва румūз ал-ахрār (Сокровища тайн и символы праведных) / Изд. Гулчйн Ма‘āни // Маджалле-йи дāнишкаде-йи адабийāt ва ‘улūм-и инсāни-йи дāнишгāх-и Тихрāн (Журнал факультета филологии и гуманитарных наук Тегеранского университета). — Т. 14, № 3. — Тегеран, 1345/1967. — С. 328—351 ; Т. 14. — № 4. — Тегеран, 1346/1967. — С. 494—522.

4. *Маснавйхā-йи Хакīm Санā’й* ба индимām-и шарх-и Сайр ал-‘ибād илā-л-ма‘ād (Поэмы Хакима Санā’й с приложением комментария на поэму «Путешествие рабов

божьих в потусторонний мир») / Изд. и предисловие Мухаммада Тақй Мударриса Радави. — Тегеран : интишārāt-и дāнишгāх-и Тихрāн, 1348/1969. — 63 с.+357 с.

5. *Муслим ибн ал-Хаджджādж ибн Муслим ал-Қушайрӣ ан-Нисāбурӣ Абӯ-л-Хусайн*. Ал-Джāми‘ ас-саҳиҳ (Сборник достоверных хадисов). В 8 т. / Муслим ибн ал-Хаджджādж. — Каир : ал-мағба‘ат ал-‘āмира фй дār ал-хилāфат ал-‘āлийа, 1333/1915. — Т. 8. — 246 с.+8 с.

6. *Санā‘й-йи Ғазнавӣ*. ‘Ишқ-нāме (Книга любви) / Маснавйхā-йи Ҳаким Санā‘й (Поэмы Ҳакима Санā‘й) / Санā‘й-йи Ғазнавӣ // Редакция и предисловие Мухаммада Тақй Мударриса Радави. — Тегеран : интишārāt-и дāнишгāх-и Тихрāн, 1348/1969. — С. 19—47.

Литература

1. *‘Аттāр, Фарӣд ад-Дйн Нийшāбурӣ*. Тазкират ал-авлийā (Жития святых) / Исследование, редактирование текста, комментарии и указатели Мухаммада Исти‘лāмӣ / Фарӣд ад-Дйн ‘Аттāр Нийшāбурӣ. — 8-е изд. — Тегеран : интишārāt-и Заввār, 1374/1995. — 919 с. + 43 с.

2. *Асадуллаев С.* «Лайли и Маджнун» в фарсиязычной поэзии / С. Асадуллаев. — Душанбе : Дониш, 1981. — 175 с.

3. *Джāмӣ, Нӯр ад-Дйн ‘Абд ар-Раҳмāн*. Нафахāt ал-унс мин ҳадарāt ал-қудс (Дуновения дружбы от тех, в ком присутствует святость) / Введение, ред. и приложения Маҳмūd‘а ‘Абидӣ / Нӯр ад-Дйн ‘Абд ар-Раҳмāн Джāмӣ. — 5-е изд. — Тегеран : Суҳан, 1386/2007. — 18 с.+72 с.+1214 с. — ISBN 978-964-372-241-8.

4. *Дроздов В. А.* История изучения коротких поэм персидского суфийского поэта XII в. Санā‘й / В. А. Дроздов // Клио. Ежемесячный журнал для ученых. — 2021. — № 10 (178). — С. 21—28. — DOI: 10.51676/2070-9773_2021_10_21.

5. *Ибн ал-Джаузӣ*. Китāб сифат ас-сафва (Описание всего лучшего) / Ибн ал-Джаузӣ, Джамāl ад-Дйн, Абӯ-л-Фарадж, ‘Абд ар-Раҳмāн ибн, ‘Алӣ ибн Мухаммад ибн ‘Алӣ. — 2-е изд. — Ҳайдарāбād : дā‘ират ал-ма‘āриф ал-‘усмāнийя, 1388/1968. — Т. 1. — 327 с.+16 с.

6. *Крачковский И. Ю.* Ранняя история повести о Маджнūне и Лейле в арабской литературе / И. Ю. Крачковский. — В книге : Крачковский И. Ю. Избранные сочинения / И. Ю. Крачковский. — Т. 1—6. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1955—1960. — Т. II. — С. 588—632.

7. *Саджджādӣ Саййид Джа‘фар*. Фарханг-и лугāt-и истилāхāt ва та‘бйрāt-и ‘ирфāн (Словарь мистических терминов и выражений) / С. Дж. Саджджādӣ. — 2-е изд. — Тегеран : китāбхāне-йи Тахурӣ, 1373/1995. — 814 с.

8. *Саджджādӣ Саййид Дуйā‘ ад-Дйн*. Мукаддаме-йи бар мабāнӣ-йи ‘ирфāн ва тасаввуф (Введение в основы мистического знания и суфизма) / С. Д. Дж. Саджджādӣ. — 4-е изд. — Тегеран : сāзимāн-и мутāли‘е ва тадвйн-и кутуб-и ‘улӯм-и инсāнӣ-йи дāнишгāххā, 1374/1996. — 16 с.+372 с.

9. *Хумāйӣ, Джалāl ад-Дйн*. Мукаддаме-йи мусаҳҳиҳ (Предисловие редактора) / Джалāl ад-Дйн Хумāйӣ // Кāшāнӣ, ‘Изз ад-Дйн Маҳмūd ибн ‘Алӣ. Мисбāх ал-хидāйя ва мифтāх ал-кифāйя (Светильник, указывающий истинный путь, и ключ к достаточному количеству [мистического знания]) / Предисловие, редакция и объяснение Джалāl ад-Дйна Хумāйӣ. — 12-е изд. — Тегеран : интишārāt-и Суҳан, 1394/2015. — С. 1—120. — ISBN 978-964-372-773-4.

10. *Al-Sulamī*. Kitāb Ṭabaqāt al-sūfiyya. Texte arabe avec une introduction et un index par Johannes Pedersen / Al-Sulamī, Abū ‘Abd al-Rahmān, Muḥammad b. al-Ḥusain b. Muḥammad b. Mūsā. — Leiden : E. J. Brill, 1960. — 590 p. — ISBN 978-90-04-01708-5.

11. Drozdov V. Problem of the authorship of the ‘Ishq-nāme (“The Book of Love”) poem attributed to Sanā’ī from the regard of academic oriental studies and modern computer technologies / V. Drozdov, A. Šela // Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research. — 2021. — Vol. 27. — № 2. — Pp. 53—62.

12. Massignon L. La passion d’al-Hosayn-ibn-Mansour al-Hallaj martyr mystique de l’Islam exécuté à Bagdad le 26 mars 922. Étude d’histoire religieuse / L. Massignon. — Paris : Librairie Geuthner, 1922. — Vol. I—II. — XXXII p., 460 p., 19 p. + XI p., Pp. 461—942, 105 p., 9 p.

13. Massignon L. Le “Jour du Covenant” (Yawm al-Mithāq) / L. Massignon // Oriens. — Leiden : E. J. Brill, 1962. — Vol. 15. — Pp. 86—92.

14. Utas Bo. Ṭarīq ut-tahqīq. A Sufi Mathnavi ascribed to Ḥakīm Sanā’ī of Ghazna and probably composed by Aḥmad b. al-Ḥasan b. Muḥammad an-Naxčavānī. A critical edition, with a history of the text and a commentary / Bo Utas. — Lund : Studentlitteratur, 1973. — 245 p. + 53 p. — ISBN 91-44-06431-6.

15. Veccia Vaglieri L. (al-) Ḥusayn b. ‘Alī b. Abī Ṭālib / L. Veccia Vaglieri // The Encyclopaedia of Islam. — New Edition : In 12 volumes. — Leiden ; London : E. J. Brill, 1971. — Vol. III. — Pp. 607—615. — ISBN 90-04-08118-6.

16. Veccia Vaglieri L. ‘Alī b. Abī Ṭālib / L. Veccia Vaglieri // The Encyclopaedia of Islam. New Edition : In 12 volumes. — Leiden ; London : E. J. Brill, 1960. — Vol. I. — Pp. 381—386. — ISBN 90-04-08114-3.

Material resources

Kāshānī ‘Izz ad-Dīn Mahmūd ibn ‘alī. (1394/2015). *Misbah al-xudā’ia VA muḥmāx al-kuḥḥā’ia (Lamp indicating the right path, and the key to a sufficient amount of [mystical knowledge]). 12th ed.* Tehran: intisharat-i Suhan. 120 p.+448 p. ISBN 978-964-372-773-4. (In Russ.).

Kunyẓ al-asrār va rumyẓ al-ahrār (*Treasures of secrets and symbols of the righteous*). Majalle-yi dānishkade-yi adabūyāt va ‘ulm-i insānū-yi dānishgāh-i Tihṛān (*Journal of the Faculty of Philology and Humanities of the University of Tehran*), 14 (3); 14 (4). (1345/1967, 1346/1967). Tehran. 328—351; 494—522. (In Russ.).

Маснавӣх-и Ҳаким Санā’ӣ, BA ишдиам and Sharh-I AC al-‘ubād ulā-l-mā ād (*Poems Hama Canā’i, with the application of the commentary on the poem “Journey of the servants of God in the other world”*). (1348/1969). Tehran: intishārāt-i dānishgāh-i Tihṛān. 63 p.+357 p. (In Russ.).

Muslim ibn al-Hajjaj ibn Muslim al-kushairū an-nasābyrū abī-l-Husayn. *Al-Jami’ as-saḥḥ (Collection of authentic hadiths). In 8 vols.* 8. Cairo: al-matba’at al-‘amira fīdār al-hilāfat al-‘alīya. 246 p.+8 p. (In Russ.).

Sanā’ī-yi ghaznavī. (1348/1969). *Ishq-nāme (Book of love) / Маснавӣх-и Ҳаким Санā’ӣ” (Poems Hama Canā’i)*. Tehran: intishārāt-i dānishgāh-i Tihṛān. 19—47. (In Russ.).

The Quran. (1927). Istanbul: Printing house of Yusuf Ziya’ ad-Din Efendi. 606 p. (In Russ.).

References

Al-Sulamī, Abū ‘Abd al-Raḥmān, Muḥammad b. al-Ḥusayn b. Muḥammad b. Mūsā. (1960). *Kitāb Ṭabaqāt al-sūfiyya. Texte arabe avec une introduction et un index par Johannes Pedersen*. Leiden: E. J. Brill. 590 p. ISBN 978-90-04-01708-5.

Asadulaev, S. (1981). “*Laili and Majnun*” in *farsiaz Urga by Urga*. Dushanbe: Donish. 175 p. (In Russ.).

- 'Attar, Faridd ad-D NN Nbshabbr. *Tazkirat al-awliyā'* (lives of saints). 8th ed. (1374/1995). Tegeranh: inteish Canberrans. 919 S. + 43 p. (In Russ.).
- DrozdoV, V., Šela, A. Problem of the authorship of the 'Ishq-nāme ("The Book of Love") poem attributed to Sanā'ī from the regard of academic oriental studies and modern computer technologies. *Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research*, 27 (2): 53—62.
- DrozdoV, V. A. (2021). History of korotkikh studies in the persid Persian Sufi in the Apostille. San Urga'. *Cleo. Every month, you'll find a journal for a scientist*, 10 (178): 21—28. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_10_21. (In Russ.).
- Jāmī, Nūr ad-Dīn 'Abd ar-Rahman. (1386/2007). *Nafahat al-uns min al-quds hadarat* (Breaths of friendship from those in whom there is holiness). 5th ed. Tehran: Suhan. 18 p.+72 p.+1214 p. ISBN at 978-964-372-241-8. (In Russ.).
- Hummaty. Jal.Jal. (1394/2015). Muqaddima-Yi musacha (Foreword editor). In: *Kāshānī, 'Izz al-DN Mahmud Ibn 'Al. Misbah Al-hidaya wa Mifjah Al-kifaya* (A lamp indicating the true path and the key to a sufficient amount of [mystical knowledge]). 12th Ed. Tegeranh: inteish Canberrans. 1—120. ISBN 978-964-372-773-4. (In Russ.).
- Ibn al-Jawz., Jamal ad-Dnn., AB-I-Faraj 'Abd ar-Rahman ibn., 'Al IB ibn Muhammad ibn' Al. (1388/1968). *Kitab sifat as-safwa* (description of all the best), 1. 2nd ed. Hyderabad: dā'irat al-ma'arif Al-uthmaniyah. 327 pp.+16 p. (In Russ.).
- Krachkovsky, I. Yu. (1955—1960). Early history of the stories of Majn Wawne and Leyle in Arabic literature. In: *Selected works, 1—6 (II)*. Moscow; Leningrad: An USSR publishing house. 588—632. (In Russ.).
- Massignon, L. (1922). *La passion d'al-Hosayn-ibn-Mansour al-Hallaj martyr mystique de l'Islam exécuté à Bagdad le 26 mars 922. Étude d'histoire religieuse, I—II*. Paris: Librairie Geuthner. XXXII p., 460 p., 19 p. + XI p. 461—942, 105 p., 9 p.
- Massignon, L. (1962). Le "Jour du Covenant" (Yawm al-Mithāq). In: *Oriens*, 15. Leiden: E. J. Brill. 86—92.
- Sajjadī Sayyid Ja'far. (1373/1995). *Farhang-i lugāt-i istilāhāt va ta'būrāt-i 'irfānī* (Dictionary of Mystical Terms and Expressions). 2nd ed. Tehran: kitābhāne-yi tahrī. 814 p. (In Russ.).
- Sajj Ferdinand. Sayid Dei. (1374/1996). 'AD-DA. *Muqaddame-y Urga bar MAB Urga-Yi'irf Urga WA Tasawwuf* (introduction to the foundation of sacramental knowledge and Sufism). 4th ed. Tehran: sāzīmān-i mutālī'e va tadvnn-i kutub - i'ulmm-i Insan- - yi dānishgāhā. 16 p.+372 p. (In Russ.).
- Veccia Vaglieri, L. (1971). (al-) Husayn b. 'Alī b. Abī Ṭālib. In: *The Encyclopaedia of Islam. New Edition: In 12 volumes, III*. Leiden; London: E. J. Brill. 607—615. ISBN 90-04-08118-6.
- Veccia Vaglieri, L. '(1960). Alī b. Abī Ṭālib. In: *The Encyclopaedia of Islam. New Edition: In 12 volumes, I*. Leiden; London: E. J. Brill. 381—386. ISBN 90-04-08114-3.
- Utas, Bo. (1973). *Ṭariq ut-tahqīq. A Sufi Mathnavi ascribed to Ḥakīm Sanā'ī of Ghazna and probably composed by Aḥmad b. al-Ḥasan b. Muḥammad an-Naxčavānī. A critical edition, with a history of the text and a commentary*. Lund: Studentlitteratur. 245 p. + 53 p. ISBN 91-44-06431-6.

Статья поступила в редакцию 16.09.2022,
одобрена после рецензирования 16.10.2022,
подготовлена к публикации 24.10.2022.

Кудряшов И. В. «Милому дьячку Коле...»: о новонайденном инскрипте С. А. Есенина / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 255—272. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-255-272.

Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2022). “To Dear Deacon Kolya ...”: Newly Found Inscript of Sergey Yesenin. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 255-272. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-255-272. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-255-272

«Милому дьячку Коле...»: о новонайденном инскрипте С. А. Есенина

Кудряшов Игорь Васильевич
orcid.org/0000-0001-7022-3830
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
и литературы
kiv.arz@yandex.ru

Пяткин Сергей Николаевич
orcid.org/0000-0002-8659-7543
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
и литературы
pyatkinsn@arz.unn.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Арзамасский филиал)
(Арзамас, Россия)

“To Dear Deacon Kolya ...”: Newly Found Inscript of Sergey Yesenin

Igor V. Kudryashov
orcid.org/0000-0001-7022-3830
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Russian Language
and Literature
kiv.arz@yandex.ru

Sergey N. Pyatkin
orcid.org/0000-0002-8659-7543
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Russian Language
and Literature
pyatkinsn@arz.unn.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Arzamas Branch)
(Arzamas, Russia)

© Кудряшов И. В., Пяткин С. Н., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты историко-культурного комментария ранее неизвестного инскрипта С. А. Есенина, сделанного им в 1921 году на листке бумаги, который впоследствии был вклеен в книгу «Триптих» (Берлин: Издательство «Скифы», 1920). Научное изучение дарственных надписей писателей как отдельное направление в отечественном литературоведении в настоящее время находится на стадии своего становления, чем и обусловлена актуальность предлагаемого исследования. Доказывается, что адресатом дарственной надписи Есенина является его старший друг и наставник в поэзии Николай Алексеевич Клюев (1884—1937) и сделана она была рукой поэта в декабре 1921 года одновременно с кратким письмом, также адресованным Клюеву после двухлетнего перерыва в их творческом общении. Указывается, что прозвищная номинация Клюева «дьячок Коля» в есенинском инскрипте не имеет отрицательных коннотаций и служит шутливым, незлобивым определением наставнической роли Клюева в поэтической судьбе Есенина. Анализ структурно-семантических связей есенинских текстов дарственной надписи и письма позволяет установить, что инскрипт содержит имплицитный личностный посыл к возобновлению прежних дружеских отношений между поэтами, отдалившимися друг от друга из-за творческих разногласий. На основании ответного послания Клюева из Вытегры (28 января 1922 года) установлено, что Есенин в конце декабря 1921 года вместе с письмом передал ему свои новые книги (в числе которых мог быть и «Триптих», содержащий поэмы 1917 года) через Николая Ильича Архипова (1887—1967) (вытегорского знакомого Клюева), приехавшего в Москву как делегат IX Всероссийского съезда Советов (23—28 декабря 1921 года). Выдвигается и обосновывается предположение, что Есенин, не имея возможности сделать дарственную надпись Клюеву на книге, отправил с Архиповым листок с автографом для его последующей вклейки в книгу. Авторы статьи не исключают, что вклейка есенинского инскрипта на титульную страницу берлинского издания может иметь более поздний характер. Однако даже при этом она обладает несомненным символическим смыслом, апеллирующим к скифской философии, что объединяла поэтов в 1915—1917 годах, являясь одним из знаков их духовного родства, чувство которого Есенин пронесет через всю свою творческую жизнь.

Ключевые слова:

Сергей Есенин; Триптих; инскрипт; комментарий; автограф; дарственная надпись; Николай Клюев; новокрестьянская поэзия; интерпретация; Скифы; Николай Архипов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of a historical and cultural commentary on a previously unknown inscription by S. A. Yesenin, made by him in 1921 on a piece of paper, which was subsequently pasted into the book “Triptych” (Berlin: Publishing House “Scythians”, 1920), are presented. The scientific study of writers' dedicatory inscriptions as a separate area in domestic literary criticism is currently at the stage of its formation, which determines the relevance of the proposed study. It is proved that the addressee of Yesenin's dedication inscription is his elder friend and mentor in poetry Nikolai Alekseevich Klyuev (1884—1937) and it was made by the poet in December 1921 simultaneously with a short letter also addressed to Klyuev after a two-year break in their creative communication. It is pointed out that Klyuev's nickname “deacon Kolya” in Yesenin's script does not have negative connotations and serves as a playful, gentle definition of Klyuev's mentoring role in Yesenin's poetic fate. An analysis of the structural and semantic connections of Yesenin's texts of the dedicatory inscription and letter makes it possible to establish that the inscription contains an implicit personal message for the renewal of former friendly relations between poets who have drifted away from each other due to creative differences. On the basis of Klyuev's reply message from Vytegra (January 28, 1922), it was established that Yesenin, at the end of December 1921, along with a letter, gave him his new books (including the “Triptych” containing poems of 1917) through Nikolai Ilyich Arkhipov (1887—1967) (a Vytegor's acquaintance of Klyuev), who came to Moscow as a delegate to the IX All-Russian Congress of Soviets (December 23—28, 1921). It is put forward and substantiated that Yesenin, not being able to make a dedication to Klyuev on the book, sent an autographed sheet with Arkhipov for its subsequent pasting into the book. The authors of the article do not rule out that the pasting of Yesenin's inscription on the title page of the Berlin edition may have a later character. However, even so, it has an undoubted symbolic meaning, appealing to the Scythian philosophy, which united the poets in 1915—1917, being one of the signs of their spiritual kinship, the feeling of which Yesenin will carry through his entire creative life.

Key words:

Sergey Yesenin; Triptych; inscript; comment; autograph; gift inscription; Nikolay Klyuev; new peasant poetry; interpretation; Scythians; Nikolai Arkhipov.

«Милому дьячку Коле...»: о новонайденном инскрипте С. А. Есенина

© Кудряшов И. В., Пяткин С. Н., 2022

1. Введение = Introduction

22 февраля 2017 года в Москве на торгах в аукционном доме «В Никитском» был выставлен лот под номером 307 — книга С. А. Есенина «Триптих» (Берлин: Издательство «Скифы», 1920) с собственноручной дарственной надписью поэта: «Милому дьячку Коле / с веселой дружбой / С. Есенин / 1921» (рис. 1, 2). Примечательно, что ранее неизвестный автограф поэта был выполнен на полоске писчей бумаги и вклеен на добавочный титульный лист книги, содержащий основные выходные сведения об издании на немецком языке. В описании лота указывалось, что «возможно, автограф адресован Николаю Ключеву (1884—1937) — русскому поэту, представителю так называемого новокрестьянского направления в русской поэзии XX века. С Ключевым Сергея Есенина в течение творческого пути связывали то дружеские, то напряженные отношения, в стихотворении “На Кавказе” он иронизирует на тему религии в поэзии Ключева: “И Ключев, ладожский дьячок, / Его стихи как телогрейка, / Но я их вслух вчера прочел — / И в клетке сдохла канарейка”» [Лот № 307]. Проведённая экспертами аукционного дома предпродажная оценка стоимости немецкого издания С. А. Есенина составила 500—550 тысяч рублей. На торгах лот был продан частному лицу за 550 тысяч рублей.

Выдвинутое экспертами аукционного дома «В Никитском» предположение об адресате есенинского инскрипта требует весомой научной аргументации, поскольку сама по себе данная гипотеза закономерно порождает целый ряд актуальных вопросов. Так, факты свидетельствуют, что Есенин и Ключев в 1921 году не встречались, а потому неясно, при каких обстоятельствах могла появиться эта дарственная надпись автора на книге, которая вышла в Берлине в период 27 октября — 20 ноября 1920 года и в России не продавалась [Летопись..., 2005а, с. 425], и почему она была сделана Есениным на вклейке, а не на самой книге. Доподлинно известно, что все отношения и связи между поэтами с 1919 года были оборваны, а инициатором разрыва, имеющего сугубо творческие причины, выступил Есенин (см.: [Субботин, 1994, с. 117—119]). Не предполагает ли это обстоятельство наличие в есенинском послании «дьячку Коле» открытого (публичного) и сокровенного (понятого только адресату) смыслов? Насколь-

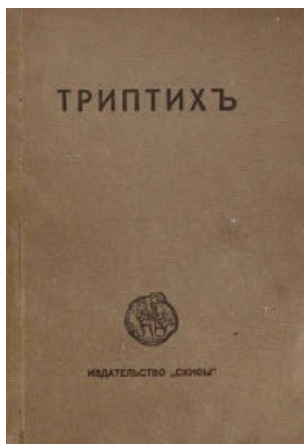

Рис. 1. Издательская шрифтовая обложка книги С. А. Есенина «Триптих»

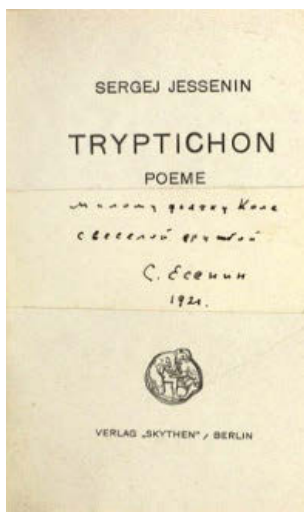

Рис. 2. Вклейка с есенинским инскриптом
на добавочном титульном листе книги «Триптих» [Лот № 307]

ко состоятельно соотнесение прозвища «дьячок» в дарственной надписи с поэтическим образом «Клюев, ладожский дьячок», который появится у Есенина только в 1924 году? Вот далеко не полный перечень вопросов, вполне обоснованно возникающих при ознакомлении с текстом новонай-

денного инскрипта, поиск ответов на которые и составляет целеполагание и, соответственно, основное содержание настоящей статьи.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Современный литературовед А. И. Рейтблат в статье «К социологии инскрипта», опубликованной в 2011 году (републикация в авторском сборнике статей «Писать поперек» (2014)), критически обобщая опыт научного изучения авторской дарственной надписи на книге, указывал на отсутствие «специальных работ об этом литературно-бытовом жанре <...> на русском языке», характеризующих его поэтику, этикет и социокультурные функции [Рейтблат, 2014, с. 157]. В своём исследовании авторитетный социолог литературы концептуализирует этикетную специфику жанра инскрипта, непосредственно связанную с актом дарения книги в писательской среде и фиксирующую разностатусное «соотношение в литературной иерархии» между дарителем и одариваемым [Там же, с. 164].

Направления научного поиска, предложенные А. И. Рейтблатом, в последнее десятилетие были поддержаны и в рамках различных методологических подходов, содержательно оформились в целом ряде публикаций российских авторов, что во многом, думается, снизило остроту замечания учёного. Стоит отметить, что в новейших трудах, обращённых к проблеме инскрипта, отчётливо даёт о себе знать тенденция лингвостилистического анализа дарственной надписи на книге в системе речевой деятельности инскриптора [Косых, 2013; Евсеева, 2017]. И здесь весьма перспективными видятся исследования, посвящённые ономастической лексике дарственных надписей [Косых, 2017], а также детализации классификационных признаков инскриптов, учитывающих их «специфические особенности в текстовом и жанровом отношении» [Косых, 2022]. Не менее ценны работы, в которых внимание специалистов сосредоточено на потенциальных возможностях автографов вносить принципиальные уточнения в не самые очевидные лично-публичные отношения между адресатом и адресантом дарственной надписи, когда характер этих отношений не всегда может быть однозначно эксплицирован посредством традиционных биографических источников (писем, воспоминаний современников и т. п.) [Зубков, 2013; Молчанова, 2014; Быков, 2021].

Особое место в сфере исследовательского интереса к автографам писателей принадлежит публикациям, заключающим в себе опыт комплексного изучения дарственных надписей отдельных авторов, где делаются попытки системного анализа композиционного строения инскриптов, их языкового выражения, риторического образа инскриптора и структуры социальных связей в литературном сообществе [Марьин, 2011; Янушкевич, 2011; Никиенко, 2018].

«Специальных работ» о есенинских дарственных надписях — в том строгом научном смысле, которое вкладывал в это понятие А. И. Рейтблат, — практически нет. Продолжая концептуальное определение учёного, можно констатировать, что существующие исследования об автографах поэта ([Ломан и др., 1970; Юсов, 1996] и др.) преимущественно представляют собой развёрнутые «предисловия к публикациям инскриптов, <...> не отличающиеся аналитикой» [Рейтблат, 2011, с. 157]. Однако невозможно переоценить поисковый труд этих исследователей, который стал содержательной основой тематических разделов в Академическом издании С. А. Есенина (1995—2002). В первой книге седьмого тома (раздел «Дарственные надписи») собраны, систематизированы и прокомментированы 272 инскрипта поэта. «Частично сохранившиеся дарственные надписи, перечень несохранившихся инскриптов и список лиц, которым предположительно были сделаны есенинские надписи» [Есенин, 1999б, с. 418], размещены во второй (раздел «Рукою Есенина») и третьей (раздел «Утраченные и найденные») книгах седьмого тома.

Состоявшееся научное издание инскриптов Есенина, безусловно, станет для будущих исследователей репрезентативным источником, способствующим появлению глубоких «специальных работ», посвящённых этому жанру нехудожественного творчества поэта. Обращаясь к неучтённому в собрании сочинений Есенина инскрипту и выстраивая доказательную базу своей статьи, мы широко используем материалы названного издания и опираемся на методологические подходы (прежде всего биографический, социологический, герменевтический), сложившиеся в современной практике изучения дарственных надписей писателей.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Милому дьячку Коле...»: Адресат дарственной надписи-напоминания

Ключевым признаком в идентификации личности Николая Алексеевича Ключева как фигуры одариваемого в есенинском инскрипте служит сочетание прозвища (*дьячок*) адресата, незлобивый характер которого акцентирован оценочным определением «милый», и производной уменьшительной формы официального имени (*Коля*). В отношении этой формы следует отметить, что она как обращение документально зафиксирована в двух есенинских дарственных надписях на фотографиях, подаренных Ключеву в 1916 году. Оба инскрипта были сделаны в то время, когда поэтов связывали близкие дружеские отношения, которыми молодой Есенин явно дорожил, о чём зримо свидетельствует эмоционально-образное содержание автографов: «Дорогой мой Коля! На долгие годы / унесу любовь твою.

Я знаю, / что этот лик заставит / меня плакать (как плачут / на цветы) через много лет. / Но это тоска будет не / о минувшей юности, а / по любви твоей, которая / будет мне как старый друг. / Твой Сережа 1916 г. 30 марта / Пт.» (На фотографии 1916 г.) [Есенин, 1999б, с. 42] и «*Дорогому Коле на память / многаю за дни наши / светлые / Сергей Есенин / лето 1916 / 28 декабрь»* (На обороте фотопортрета конца 1913 — начала 1914 года) [Там же, с. 46]. По всей видимости, и в повседневной бытовой жизни Есенин обращался к Клюеву не иначе, как «*Коля*», что в полной мере соответствовало личным дружеским взаимоотношениям двух поэтов и гармонично дополняло публичный (сценический) образ певцов-сказителей из народа, который они успешно создали в предреволюционные годы.

Отметим, что в позднем есенинском инскрипте, обращённом к Клюеву и ориентировочно датированном 1922 годом, написание имени старшего друга и «сопесенника» имеет строгий, официальный вид, что нарочито подчёркнуто отсутствием в нём слов *милый, дорогой*, частотных для инскриптов поэта, и отчётливо коррелирует с содержанием самой дарственной надписи: «*Николаю Клюеву / с грустью за его / последние стихи / С. Есенин»* [Там же, с. 213]. По мнению комментаторов этого автографа, суждения которых нам представляются не вполне убедительными, «в надписи, возможно, упрёк Н. Клюеву за его резкие стихи против Есенина в книге “Четвертый Рим”» [Там же, с. 474]. В данном случае есенинская «грусть» во многом совсем иного — сугубо творческого — рода, о чём поэт с резкой прямоотой высказывается в письме к Иванову-Разумнику от 6 марта 1922 года:

«“Рим” его [Клюева], несмотря на то, что Вы так тепло о нём отзывались, на меня отчаянное впечатление произвел. Безвкусно и безграмотно до последней степени со стороны формы. “Молитв молоко” и “сыр влюбленности” — да ведь это же его любимые Мариенгоф и Шершеневич со своими “бутербродами любви”».

Интересно только одно фигуральное сопоставление, но увы — как это по-клюевски старо!....» [Есенин, 1999а, с. 131].

Тем не менее всё это полностью не отменяет личной обиды Есенина на публично адресованные ему стихотворные эскапады, эксплуатирующие тему «цилиндра» и «лаковых башмаков» в «Четвертом Риме», что, возможно, и обусловило, по сути, деловой тон обращения к Клюеву в есенинском инскрипте, ставшем своеобразным критическим откликом на его книгу.

Таким образом, приведённые выше дарственные надписи являются вполне самодостаточными артефактами, весомо дополняющими наше представление о противоречивом характере взаимоотношений Есенина и Клюева, который в существующих научных исследованиях преимущественно изучался на материале произведений и писем поэтов, а также от-

звонков современников (см.: [Субботин, 1994; Киселева, 1997; Азадовский, 2002, с. 119—188; Скороходов, 2014, с. 297—305] и др.). Главное, что здесь необходимо выделить, фокусируя внимание на инскриптах Есенина, — младший поэт всегда искренен перед своим учителем: и в признании дружеского чувства к нему, когда, казалось, эта дружба сошла на нет, и в твёрдом неприятии его новой книги, в которой Клюев вряд ли видел своей целью уязвить творческое самолюбие Есенина.

Используя в обращении к адресату интересующей нас дарственной надписи прозвище *дьячок* и выделяя в ней ключевой смысл послания (*с веселой дружбой*), Есенин, как мы полагаем, апеллирует своим инскриптом к тому прошлому, когда это прозвище было знаком интимно-доверительных отношений между поэтами и, следовательно, воспринималось Клюевым как колкая, но не обидная шутка. Расположение младшего «сопесенника» к шуткам такого рода, как и незлобивая реакция на них Клюева, в период тесного — и дружеского, и творческого — общения поэтов, неоднократно отмечались их современниками. Исполнительница русских народных песен Н. В. Плевицкая (1884—1941), вспоминая о первом появлении в её доме Есенина, писала:

«Я пригласила его к себе, и Н. Клюев бывал у меня.

Он нуждался и жил вместе с Сергеем Есениным, о котором всегда говорил с большой нежностью, называя его “златокудрым юношей”. Талант Есенина он почитал высоко. Однажды он привел ко мне “златокудрого”. Оба поэта были в поддёртках. Есенин обличьем был настоящий деревенский щеголь, и в его стихах, которые он читал, чувствовалось подражание Клюеву.

Сначала Есенин стеснялся, как девушка, а *потом осмелел и за обедом стал трунить над Клюевым* (выделено нами. — И. К. С. П.). Тот ёжился и, втягивая голову в плечи, опускал Глаза и разглядывал пальцы, на которых вместо ногтей были поперечные, синеватые полосы.

— Ах, Серёженька, еретик, — говорил он тишайшим голосом» [Николай Клюев. Воспоминания..., 2010, с. 147].

Прозвище является коннотирующим именем, «семантическую основу» которого «составляет указание на существенное, характерное качество называемого лица» [Сергеева, 1976, с. 147]. В связи с этим кажется очевидным, что возникновение прозвищной номинации *дьячок* по отношению к Клюеву связано с тем общим впечатлением необычной религиозности, которое вызывали у современников «маскарадный» образ олонечского поэта и его манера держаться на людях. В мемуарной литературе о Клюеве нередко содержатся попытки авторов найти точное образное определение поэту, аутентичное такому впечатлению. В основном эти определения, как и слово *дьячок*, соотносятся с профессиональной сферой

служителей религиозного культа. Приведём лишь некоторые примеры из воспоминаний современников о Клюеве.

Н. В. Крандиевская-Толстая: «Поэты пили чай. Клюев, в поддевке, с волосами, разделенными на пробор, с женскими плечами, благостный и сдобный, *похож был на церковного старосту*. Принимая от меня чашку с чаем, он помянул про великий пост. Отпихнул ветчину и масло. Чай пил “по-поповски”, накрошив в него яблоко. Напившись, перевернул чашку, *перекрестился* на этюд Сарьяна и принялся читать нараспев вполне доброкачественные стихи» (выделено нами. — *И. К, С. П.*) [С. А. Есенин в воспоминаниях..., 1986, с. 12].

Н. М. Гарина: «Наружно Клюев производил впечатление человека тихого... Скромного. Смиренного и бесхитростного — человека, редко опускавшегося на “грешную” землю.

Человека “не от мира сего”. *Святого. Блаженного*. Какого-то “*братца*”... Или вообще “*родственничка*” какой-нибудь *секточки*...» (выделено нами. — *И. К, С. П.*) [Николай Клюев. Воспоминания..., 2010, с. 76].

Е. А. Есенина: «... Клюев приехал к Сергею [Есенину] в гости. Это был толстобрюхий дядя, *похожий на попа-расстригу*. На нём была ситцевая, синяя в цветочках рубаша с заплатой во весь живот. На мясистом лице небольшие бойкие глаза, пухлые изнеженные руки и мягкий певучий голосок» (выделено нами. — *И. К, С. П.*) [Там же, с. 161].

В приведённом ряду рецептивных номинаций Клюева его возможное прозвище *дьячок* выглядит вполне органично. Можно предположить, что в есенинском инскрипте оно является плодом схожих впечатлений, актуализирующим социальный аспект коннотаций неофициального имени адресата дарственной надписи. Однако в таком случае фактически невозможно говорить об интимном свойстве есенинского послания. К тому же и его восприятие как дружеского шуточного обращения становится весьма и весьма спорным, поскольку в данном контексте коннотирующее имя *дьячок* получает негативную смысловую нагрузку, обусловленную прямым значением этого слова: «Низший служитель культа в православной церкви, церковнослужитель, не имеющий т. наз. степени священства» [Толковый словарь..., 1935, стб. 823]. Нельзя не согласиться с тем, что гипотетическим уподоблением Клюева низшему чину церковных служителей Есенин давал, по сути, уничижительную оценку религиозному образу жизни старшего поэта, которая никак не располагала к возобновлению дружбы и не соответствовала искреннему послы Есенинского автографа. В этом плане показательно, как Есенин в уже упомянутом нами письме Иванову-Разумнику, что называется, не оставляя камня на камне от «Четвертого Рима» Клюева, находит для поэта пусть и ироничные, но отнюдь не уничижи-

тельные образные номинации: «вытегорский подвижник хочет всё быть календарным святителем» [Есенин, 1999а, с. 131].

На наш взгляд, коннотации апеллиатива *дьячок* в дарственной надписи Есенина лишь условно связаны с основным значением этого слова и определяются семантикой другой (непрофессиональной) ипостаси церковного лица. Существо этой ипостаси высказано Есениным в стихотворении «Письмо к деду» (1924):

Недаром прадед
За овса три меры
Тебя к дьячку водил
В заброшенной глуши
Учить: «Достойно есть»

И с «Отче» «Символ веры» [Есенин, 1997, с. 139].

Статус наставника закреплён за дьячком у поэта совсем не случайно: именно дьячки в русских деревнях зачастую обучали детей азам грамоты и основным вероучительным истинам православной церкви, становясь первыми (а случалось, и единственными) учителями в жизни крестьян.

Своего ученичества у Клюева Есенин никогда не отрицал, и поэтому, обращаясь к своему учителю после двухлетнего молчания словами «*милый дьячок Коля*», сокровенный смысл которых понятен только адресату и адресанту, Есенин не только стремился пробудить в Клюеве воспоминания о «весёлой дружбе», но и в самой этой дружбе выделить наставническую роль старшего поэта в становлении своего творческого пути. Клюев понял и принял потаённый посыл есенинского дарственного «напоминания»: «Ты послал мне мир и поцелуй братский <...>» [Клюев, 2003, с. 252].

3.2. Дарение книги: нестандартная ситуация

Письмо Клюева Есенину, самое начало которого мы процитировали, датированное 28 января 1922 года, служит ответом на лаконичное эпистолярное послание младшего поэта, отправленное в декабре 1921 года (точная дата отсутствует), и как будто к дарственной надписи «милому дьячку Коле» никакого отношения не имеет. Однако же мы полагаем, что обстоятельства, при которых возобновилась переписка между поэтами, позволяют, разумеется, на уровне гипотезы, прояснить ключевой момент в судьбе есенинского инскрипта на книге «Триптих». А именно — акт дарения этой книги.

23—28 декабря 1921 года в Москве проходил IX Всероссийский съезд Советов, на который в качестве делегата от регионов был командирован близкий вытегорский знакомый Клюева Николай Ильич Архипов (1887—1967), который в качестве подарка привёз вождю пролетариата сборник стихотворений поэта «Ленин», украшенный на обороте титульного листа авторской надписью (подроб. об этом см.: [Казаков, 2014]). С ним

же Клюев посылает «весточки» и своим близким московским знакомым. Письмо Клюева удостоверяет, что Архипову во время поездки в столицу удалось встретиться с Есениным и Клычковым, которые ответили поэту «записками», а Есенин сопроводил своё краткое ответное послание ещё и «гостинцами». Под ними, скорее всего, подразумеваются книги Есенина, переданные вместе с письмом через Архипова Клюеву. Сколько всего книг было доставлено в Вытегру, неизвестно. В своём письме Клюев отмечает две, восторженно приветствуя их появление: «Покрываю поцелуями твою “Трерядницу” и “Пугачева”. В “Треряднице” много печали, сжигающей скорлупы наружной жизни. “Пугачев” — свист калмыцкой стрелы, без истории, без языка и быта, но нужней и желаннее “Бориса Годунова”, хотя там и золото, и стены Кремля, сафьянно-упругий сытовый воздух 16—17 века. И последняя Византия» [Клюев, 2003, с. 254—255].

Не исключено, что эти издания составляли лишь часть есенинских «гостинцев», поскольку в 1919—1921 годах (период, в который Есенин и Клюев не имели личных встреч и не состояли в переписке) вышло 11 авторских книг поэта (см.: [Есенин, 2002, с. 365—371]).

О деталях встречи Архипова с Есениным можно судить из клюевского письма, в котором старший поэт часто ссылается на рассказ вытегорского знакомого, в выразительных деталях запомнившего своё знакомство с Есениным. Так, с большой долей вероятности можно утверждать, что встреча произошла в московском кафе «Стойло Пегаса» (ул. Тверская, д. 37), которое поэт, судя по воспоминаниям современников, в декабре 1921 года посещал очень часто (см.: [Летопись..., 2005б, с. 425]). Об этом вполне достоверно свидетельствуют и следующие строки из письма Н. Клюева, запечатлевшие, со слов Архипова, богемный образ жизни Есенина: «Коленка мне говорит, что ты теперь ночной нетопырь с глазами, выполосканными во всех щелочках, что на тебе бобровая шуба, что ты ешь за обедом мясо, пьешь настоящий чай и публично водку, что шатая вокруг тебя — моллюски, прилипшие к килю корабля (в тропических морях они облепляют днище корабля в таком множестве, что топят самый корабль) ...» [Клюев, 2003, с. 252—253].

В питейном заведении Есенин не имел возможности лично передать книги-«гостинцы» Клюеву, которые за отсутствием своего угла хранились им в магазине «Лавка имажинистов», располагавшемся в доме № 15 на Большой Никитской улице. О месте нахождения книг свидетельствуют мемуары М. Д. Ройзмана (1896—1973), в которых он писал о том, как Есенин в 1920 году передавал ему свои книжки, предназначенные для подарка Ф. Э. Дзержинскому: «Когда я закончил, он [Есенин] подошел к лестнице, стоящей возле полок, передвинул её и полез на самый верх. Там он достал стоящие за томами несколько своих книжек, надписал их и попросил пере-

дать по назначению. (Просьбу я выполнил. Бывшему на Юго-Западном фронте Ф. Э. Дзержинскому оставил книги на его даче)» [Есенин, 2002, с. 57].

Обстоятельства — насыщенный график работы делегата Съезда Советов (см.: [РСФСР. Съезд Советов..., 1922]) или запланированный отъезд — не позволяли Архипову прийти за есенинскими «гостинцами» для Клюева в другой день. Выход из затруднительного положения, кажется, мог быть только таким: вместе с письмом для Клюева, краткость которого говорит о том, что оно было написано Есениным непосредственно во время самой встречи с Архиповым, поэт делает дарственную надпись для её последующей вклейки в одну из книг, которые Архипову предстояло самостоятельно забрать из «Лавки имажинистов». Вероятно, в этой ситуации не обошлось без есенинской записки, адресованной с соответствующей просьбой продавцу «Лавки».

То, что в письме Клюева отсутствует упоминание берлинского издания Есенина, можно объяснить тем, что в него вошли поэмы («Пришествие», «Октоих», «Преображение»), которые никак нельзя отнести к числу новых, неизвестных Клюеву произведений Есенина. Созданные в 1917 году, они были опубликованы ещё в апреле 1918 года под общим заголовком «Три поэмы» в первом номере литературно-политического ежемесячного журнала «Наш путь» (см.: [Летопись..., 2003, с. 109]), и у Клюева, старяющегося, как он сам отмечает в письме, «угадать» Есенина «теперешнего», данное зарубежное переиздание поэм интереса вызвать не могло. Как, кстати, и переиздание «Радуницы» и книга «Исповедь хулигана», вышедшие в издательстве «Имажинисты» в 1921 году, что вполне могли оказаться в числе есенинских «гостинцев». И с ними Клюев был хорошо знаком, а стихотворение «Исповедь хулигана», как уже отмечено, получило polemическое осмысление в поэме «Четвертый Рим», законченной незадолго до возобновления переписки с Есениным.

Нам представляется, что и дарственная надпись, и письмо Клюеву изначально располагались на одном листе бумаги, и сличение оригинальных носителей документов подтвердит наше предположение. Причём именно в таком порядке они одновременно и были написаны Есениным, что проявляется в структурно-семантической соотнесённости этих разножанровых текстов, при которой имплицированные смыслы инскрипта эксплицируются в содержании письма.

Шутливое обращение (*«милому дьячку Коле»*), на что мы уже указывали, служит знаком интимной коммуникации, апеллирующим к прошлому поэтов и со стороны Есенина свидетельствующим о его неутраченном в настоящем чувстве духовного родства с Клюевым. Высокая привет-

ственная формула есенинского письма («Мир тебе, друг мой!»), развивая коммуникативную стратегию инскрипта, является прямым посылом к восстановлению «в общении полноты взаимодействия, взаимопонимания и взаимоотношений» [Владимирова, 2015, с. 52].

Исповедальная тональность эпистолярного текста Есенина («Душа моя устала и смущена от самого себя и происходящего. <...> А о тебе я всегда помню, всегда во мне ты присутствуешь» [Есенин, 1999а, с. 129]) обнажает искреннюю потребность поэта, находящегося на творческом перепутье (что в большей степени продемонстрирует будущий, 1922 год), в таком общении. Симптоматично в этой связи и ответное исповедальное слово Клюева, исполненное горечи: «Скажу тебе на ушко: “Как поэт я уже давно, давно кончен”, ты в душе это твёрдо сам знаешь. Но вслух об этом пока говорить жестоко и *бесполезно*» (выделено автором. — *И. К. С. П.*) [Клюев, 2003, с. 255]; и его пророческое предостережение Есенину, ищущему новые формы поэтического самовыражения: «Страшная клятва на тебе, смертный зарок! Ты обречен на заклание за Россию, за Ерусалим, сошедший с неба» [Клюев, 2003, с. 252].

Установить, кем же есенинский инскрипт был вклеен в книгу «Триптих», за неимением даже косвенных фактов, позволяющих строить те или иные предположения, невозможно. Не исключено, что к этому не причастны ни Архипов, ни Клюев, а сам автограф до определенного момента ждала судьба дарственной надписи поэта, адресованной В. Г. Шершеневичу и ориентировочно датированной, что любопытно, тем же 1921 годом. Этот инскрипт, также выполненный на отдельном листке, явно предназначался для вклейки в одну из книг Есенина, но так и не обрёл своего «законного» места (см.: [Есенин, 1999б, с. 200; коммент.: с. 469]).

То, что дарственная надпись Клюеву оказалась на берлинском издании необиблейских поэм Есенина, имеет особый, символический смысл, какие бы обстоятельства за этим ни стояли. Как известно, одновременно с есенинским «Триптихом» в тех же «Скифах» вышли две книги Н. Клюева «Избяные песни» и «Песнь Солнценосца: Земля и железо». В первой был опубликован стихотворный цикл, написанный поэтом в период с 1914 по 1918 годы, во второй — произведения 1917 года. Все эти три берлинские книги являют собой, образно говоря, яркие и самобытные страницы «скифского текста» русской культуры начала XX века и вне скифской философии, глубинные основы которой определило национальное религиозное сознание, полноценно осмыслены быть не могут (см.: [Солнцева, 2021]). Инскрипт, адресованный Клюеву и вклеенный в есенинскую книгу «Триптих», символически возвращал поэтов ко времени скифского братства, единого и многообещающего для обоих поэтов.

4. Заключение = Conclusions

Обнародование в 2017 году аукционным домом «В Никитском» ранее неизвестного в науке текста С. А. Есенина на вклейке на добавочной титульной странице в книге «Триптих», ранее хранившейся в частном собрании, — ценное и значимое событие для есениноведения, так как оно открыло исследователям дорогу к изучению этой реликвии, способной, спустя столетие, многое «рассказать» не только о самом дарителе, но и об одариваемом и уточнить фактологическими деталями страницы летописи жизни Есенина и Клюева.

Атрибутация есенинского инскрипта на вклейке в книгу «Триптих», подаренной через третье лицо поэтом в декабре 1921 года другу и наставнику Н. А. Клюеву, позволяет ввести её в научный оборот.

Историко-культурный комментарий к дарственной надписи Есенина, основанный на анализе отклонений от принятых шаблонных форм этого формулярного жанра, текстовых сближений как внутрижанрового, так и межжанрового характера, сохранившегося эпистолярия и известных в науке фактологических данных, позволил идентифицировать адресата инскрипта, уточнить время и гипотетически воссоздать обстоятельства, при которых он был сделан, что, в конечном итоге, сделало возможным прочтение его сугубо личного посыла, позволившего глубже осмыслить непростые отношения «дружбы-вражды» поэтов.

По дарственной надписи С. Есенина «на памятном листке», вклеенном в книгу «Триптих», можно судить, насколько глубокий «след» оставила в его душе личность Николая Клюева. Именование друга-наставника «милым дьячком Колей», а позднее «ладожским дьячком» в стихотворении «На Кавказе» (см.: [Кудряшов и др., 2020]), при всей широте разнокачественных коннотаций, потенциально содержащихся в этих прозвищных номинациях, связано с «чистыми и нежными» воспоминаниями Есенина о Клюеве, которые стали стержневым внутренним мотивом, не допускающим окончательного разрыва отношений между поэтами.

Источники

1. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. Стихотворения (Маленькие поэмы) / С. А. Есенин. — Москва : Наука ; Голос, 1997. — Т. 2. — 464 с. — ISBN 5-02-011242-9.
2. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. Письма / С. А. Есенин. — Москва : Наука ; Голос, 1999а. — Т. 6. — 816 с. — ISBN 5-02-011682-3.
3. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. Автобиографии. Дарственные надписи. Фольклорные материалы. Литературные декларации и манифесты / С. А. Есенин. — Москва : Наука ; Голос, 1999б. — Т. 7. — Книга 1. — 559 с. — ISBN 5-02-011290-9.
4. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. Утраченное и найденное. Неосуществленные замыслы. Есенин в фотографиях. Канва жизни и творчества. Библио-

ография. Указатели / С. А. Есенин. — Москва : Наука; Голос, 2002. — Т. 7. — Книга 3. — 768 с. — ISBN 5-02-022747-1.

5. *Клюев Н. А.* Словесное древо. Проза / Вступ. Статья А. И. Михайлова ; сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. — Санкт-Петербург : Росток, 2003. — 688 с. — ISBN 5-94668-012-9.

6. *Летопись* жизни и творчества С. А. Есенина : в 5 т. / РАН ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : ИМЛИ РАН, 2003. — Т. 1 : 1895—1916. — 736 с. — ISBN 5-9208-0166-2.

7. *Летопись* жизни и творчества С. А. Есенина : в 5 т. / РАН ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : ИМЛИ РАН, 2005а. — Т. 2 : 1917—1920. — 760 с. — ISBN 5-9208-0230-8.

8. *Летопись* жизни и творчества С. А. Есенина : в 5 т. — Москва : ИМЛИ РАН, 2005б. — 473 с. — ISBN 5-9208-0255-3.

9. *Лот № 307.* Аукцион № 88. Редкие книги, рукописи, автографы и фотографии [Электронный ресурс] // Дом антикварной книги «В Никитском» : сайт. — Режим доступа : <http://vnikitskom.ru/lot/?auction=88&lot=307>. — Загл. с экрана (дата обращения 01.07.2022).

10. *Николай Клюев.* Воспоминания современников / [сост. П. Е. Поберезкина]. — Москва : Прогресс-Плеяда, 2010. — 886 с. — ISBN 978-5-93006-091-1.

11. *РСФСР. Съезд Советов* (9). Стенографический отчет / РСФСР. IX Всерос. съезд Советов. — Москва : [б. и.], 1922. — 47 с.

12. *С. А. Есенин в воспоминаниях современников* : В 2-х т. / Вступ. ст., сост. и коммент. А. Козловского. — Москва : Художественная литература, 1986. — Т. 2. — 446 с.

13. *Толковый словарь* русского языка : В 4 т. — Москва : Советская энциклопедия : ОГИЗ, 1935—1940.

Литература

1. *Азадовский К. М.* Жизнь Николая Клюева : документальное повествование / К. М. Азадовский. — Санкт-Петербург : Звезда, 2002. — 365 с. — ISBN 5-94214-003-0.

2. *Быков Л. П.* Инскрипт как затекст / Л. П. Быков // Феномен затекста. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2021. — С. 17—32. — ISBN 978-5-7996-3277-9.

3. *Владимирова Т. Е.* Концепт «брат» как архетип русского бытия / Т. Е. Владимирова // Мир русского слова. — 2015. — № 2. — С. 47—53.

4. *Евсеева И. В.* Речевой жанр «автограф автора на книге» / И. В. Евсеева, А. Д. Морозова // Жанры речи. — 2017. — № 1 (15). — С. 58—65. — DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-58-65.

5. *Зубков Н. Н.* О подходах к изучению дарственных надписей / Н. Н. Зубков // А. М. П. : Памяти А. М. Пескова. — Москва : РГГУ, 2013. — С. 576—588. — ISBN 978-5-7281-1373-7.

6. *Казаков А. Л.* Клюев — Ленину : «словесный гостинец из русского рая» / А. Л. Казаков // Север. — 2014. — № 1/2. — С. 141—146.

7. *Киселева Л. А.* Есенин и Клюев : скрытый диалог (попытка частичной реконструкции) / Л. А. Киселева // Николай Клюев : Исследования и материалы. — Москва : Наследие, 1997. — С. 183—198.

8. *Косых Е. А.* Дарственная надпись-автограф в системе речевой деятельности автора / Е. А. Косых // Русская словесность в России и Казахстане : аспекты интеграции : материалы второй Международной научно-практической конференции. — Барнаул : Алтайская государственная педагогическая академия, 2013. — С. 389—392.

9. Косых Е. А. Имя собственное в тексте инскрипта / Е. А. Косых // Культура и текст. — 2017. — № 2 (29). — С. 116—121.
10. Косых Е. А. Инскрипт в речевой парадигме социума : к проблеме классификации / Е. А. Косых // Филология и человек. — 2022. — № 1. — С. 53—66. — DOI: 10.14258/filichel(2022)1-04.
11. Кудряшов И. В. Отчего сдохла канарейка? (Сергей Есенин о Николае Клюеве) / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 151—162. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-151-162.
12. Ломан А. П. Дарственные надписи С. А. Есенина / А. П. Ломан, В. Ф. Земсков // Русская литература. — 1970. — № 3. — С. 157—167.
13. Марьин Д. В. Автографы писателя как объект филологического исследования (на материале автографов В. М. Шукушина) / Д. В. Марьин // Язык. Словесность. Культура. — 2011. — № 3. — С. 49—61.
14. Молчанова Н. А. Дарственные надписи на книгах как источник научного исследования / Н. А. Молчанова // Книга в современном мире : проблемы чтения и чтение как проблема : материалы Международной научной конференции. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2014. — С. 150—154.
15. Никиенко И. В. Авторские дарственные надписи на книгах из собрания томского фантаста Виктора Колупаева / И. В. Никиенко // Библиосфера. — 2018. — № 1. — С. 10—15. — DOI: 10.20913/1815-3186-2018-1-10-15.
16. Рейтблат А. И. Писать поперек : статьи по биографике, социологии и истории литературы / А. И. Рейтблат. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 415 с. — ISBN 978-5-4448-0140-6.
17. Сергеева Л. А. Об аксиологической природе прозвищ / Л. А. Сергеева // Ономастика и грамматика. — Москва : Наука, 1976. — С. 147—151.
18. Скороходов М. В. Сергей Есенин : истоки творчества : (вопросы научной биографии) / М. В. Скороходов. — Москва : ИМЛИ РАН, 2014. — 382 с. — ISBN 978-5-9208-0449-5.
19. Солнцева Н. М. «Песнь Солнценосца» Н. Клюева как скифская поэма / Н. М. Солнцева // Сергей Есенин в контексте эпохи: Коллективная монография / отв. ред. Н. И. Шубникова-Гусева. — Москва : ИМЛИ РАН, 2021. — С. 311—324.
20. Субботин С. И. Есенин и Клюев (К истории творческих взаимоотношений) / С. И. Субботин // О, Русь, взмахни крылами ... Есенинский сборник. — Москва : Наследие, 1994. — Выпуск I. — С. 104—120.
21. Юсов Н. Г. «С добротой и щедротами духа...» : Дарственные надписи Сергея Есенина / Н. Г. Юсов. — Челябинск : Алексей Казаков со товарищи : Книга, 1996. — 357 с. — ISBN 5-7135-0108-6.
22. Янушкевич А. С. Инскрипт в творческой системе В. А. Жуковского и в книгах из его библиотеки / А. С. Янушкевич // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2011. — № 1 (13). — С. 102—120.

Material resources

- Chronicle of the life and work of S. A. Yesenin: in 5 volumes, 1: 1895—1916.* (2003). Moscow: IMLI RAS. 736 p. ISBN 5-9208-0166-2. (In Russ.).
- Chronicle of the life and work of S. A. Yesenin: in 5 volumes, 2: 1917—1920.* (2005a). Moscow: IMLI RAS. 760 p. ISBN 5-9208-0230-8. (In Russ.).
- Chronicle of the life and work of S. A. Yesenin: in 5 volumes.* (2005b). Moscow: IMLI RAS. 473 p. ISBN 5-9208-0255-3. (In Russ.).

- Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 volumes.* (1935—1940). Moscow: Soviet Encyclopedia: OGIZ. (In Russ.).
- Klyuev, N. A. (2003). *Word Tree. Prose.* St. Petersburg: Rostock. 688 p. ISBN 5-94668-012-9. (In Russ.).
- Lot № 307. Auction № 88. Rare books, manuscripts, autographs and photographs. *The house of the antique book "In Nikitsky": website.* Available at: <http://vnikitskom.ru/lot/?auction=88&lot=307>. Title from the screen (accessed 01.07.2022). (In Russ.).
- Nikolay Klyuev. *Memoirs of contemporaries.* (2010). Moscow: Progress-Pleiade. 886 p. ISBN 978-5-93006-091-1. (In Russ.).
- RSFSR. (1922). *Congress of Soviets (9). Verbatim report / RSFSR. IX Vsesoyuznyy s'ezd Sovetskoykh S'ezda.* Moscow: [b. i.]. 47 p. (In Russ.).
- S. A. Yesenin in the memoirs of contemporaries: *In 2 vols, 2.* (1986). Moscow: Fiction. 446 p. (In Russ.).
- Yesenin, S. A. (1997). *Complete works: in 7 vols. Poems (Small poems), 2.* Moscow: Nauka; Golos. 464 p. ISBN 5-02-011242-9. (In Russ.).
- Yesenin, S. A. (1999a). *Complete works: in 7 vols. Letters, 6.* Moscow: Nauka; Golos. 816 p. ISBN 5-02-011682-3. (In Russ.).
- Yesenin, S. A. (1999b). *Complete works: in 7 vols. Autobiographies. Gift inscriptions. Folklore materials. Literary declarations and manifestos, 7 (1).* Moscow: Nauka; Golos. 559 p. ISBN 5-02-011290-9. (In Russ.).
- Yesenin, S. A. (2002). *Complete works: in 7 vols. Lost and undiscovered. Unfulfilled plans. Yesenin in photos. The outline of life and creativity. Bibliography. Pointers, 7 (3).* Moscow: Nauka; Golos. 768 p. ISBN 5-02-022747-1. (In Russ.).

References

- Azadovsky, K. M. (2002). *The life of Nikolai Klyuev: a documentary narrative.* St. Petersburg: Zvezda. 365 p. ISBN 5-94214-003-0. (In Russ.).
- Bykov, L. P. (2021). The inscript as a zatext. In: *The phenomenon of zatext.* Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 17—32. ISBN 978-5-7996-3277-9. (In Russ.).
- Evseeva, I. V., Morozova, A. D. (2017). Speech genre “autograph of the author on the book”. *Genres of speech, 1 (15):* 58—65. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-58-65. (In Russ.).
- Kazakov, A. L. (2014). Klyuev — Lenin: “a verbal gift from the Russian paradise”. *North, ½:* 141—146. (In Russ.).
- Kiseleva, L. A. (1997). Yesenin and Klyuev: a hidden dialogue (an attempt at partial reconstruction). In: *Nikolay Klyuev: Research and materials.* Moscow: Heritage. 183—198. (In Russ.).
- Kosykh, E. A. (2013). The inscription-autograph in the system of the author’s speech activity. In: *Russian literature in Russia and Kazakhstan: aspects of integration: materials of the Second International scientific and Practical Conference.* Barnaul: Altai State Pedagogical Academy. 389—392. (In Russ.).
- Kosykh, E. A. (2017). Proper name in the text of the script. *Culture and text, 2 (29):* 116—121. (In Russ.).
- Kosykh, E. A. (2022). An inscript in the speech paradigm of society: on the problem of classification. *Philology and Man, 1:* 53—66. DOI: 10.14258/filichel(2022)1-04. (In Russ.).
- Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2020). Why Did the Canary Die? (Sergei Yesenin about Nikolai Klyuev). *Nauchnyi dialog, 12:* 151—162. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-151-162. (In Russ.).

- Loman, A. P., Zemskov, V. F. (1970). The inscriptions of S. A. Yesenin. *Russian Literature*, 3: 157—167. (In Russ.).
- Maryin, D. V. (2011). Autographs of the writer as an object of philological research (based on the autographs of V. M. Shukshin). *Language. Literature. Culture*, 3: 49—61. (In Russ.).
- Molchanova, N. A. (2014). Gift inscriptions on books as a source of scientific research. In: *Book in the modern world: problems of reading and reading as a problem: materials of the International Scientific Conference*. Voronezh: Voronezh State University. 150—154. (In Russ.).
- Nikienko, I. V. (2018). Author's gift inscriptions on books from the collection of Tomsk science fiction writer Viktor Kolupaev. *Bibliosphere*, 1: 10—15. DOI: 10.20913/1815-3186-2018-1-10-15. (In Russ.).
- Reitlat, A. I. (2014). *To write across: articles on biography, sociology and literary history*. Moscow: New Literary Review. 415 p. ISBN 978-5-4448-0140-6. (In Russ.).
- Sergeeva, L. A. (1976). About the axiological nature of nicknames. In: *Onomastics and grammar*. Moscow: Nauka. 147—151. (In Russ.).
- Skorokhodov, M. V. (2014). *Sergey Yesenin: the origins of creativity: (questions of scientific biography)*. Moscow: IMLI RAS. 382 p. ISBN 978-5-9208-0449-5. (In Russ.).
- Solntseva, N. M. (2021). “The Song of the Sunbearer” N. Klyuev as a Scythian poem. In: *Sergey Yesenin in the Context of the Epoch: A Collective monograph*. Moscow: IMLI RAS. 311—324. (In Russ.).
- Subbotin, S. I. (1994). Yesenin and Klyuev (On the history of creative relationships). In: *O, Rus, wave your wings... The Yesenin Collection, 1*. Moscow: Heritage. 104—120. (In Russ.).
- Vladimirova, I. E. (2015). The concept of “brother” as the archetype of Russian being. *The world of the Russian word*, 2: 47—53. (In Russ.).
- Yanushkevich, A. S. (2011). An inscript in the creative system of V. A. Zhukovsky and in books from his library. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 1 (13): 102—120. (In Russ.).
- Yusov, N. G. (1996). “With kindness and generosity of spirit ...”: *The inscriptions of Sergei Yesenin*. Chelyabinsk: Alexey Kazakov and his comrades: Book. 357 p. ISBN 5-7135-0108-6. (In Russ.).
- Zubkov, N. N. (2013). On approaches to the study of gift inscriptions. In: *A. M. P.: In memory of A. M. Peskov*. Moscow: RSUH. 576—588. ISBN 978-5-7281-1373-7. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.08.2022,
одобрена после рецензирования 21.09.2022,
подготовлена к публикации 10.10.2022.

Меркулова М. Г. Литературные опыты энциклопедиста XVIII века : Жан-Франсуа Мармонтель / М. Г. Меркулова, С. А. Герасимова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 273—293. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-273-293.

Merkulova, M. G., Gerasimova, S. A. (2022). Literary Experiences of Encyclopedist of 18th Century: Jean-Francois Marmontel. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 273-293. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-273-293. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-273-293

Литературные опыты энциклопедиста XVIII века: Жан-Франсуа Мармонтель

Меркулова Майя Геннадиевна

orcid.org/0000-0002-0054-5647

доктор филологических наук, доцент,
кафедра английской филологии
merculovamaya@mail.ru

Герасимова Светлана Анатольевна

orcid.org/0000-0003-3960-8841

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра французского языка
и лингводидактики
gerasvetlana@yandex.ru

Московский городской
педагогический университет
(Москва, Россия)

Literary Experiences of Encyclopedist of 18th Century: Jean-Francois Marmontel

Maya G. Merkulova

orcid.org/0000-0002-0054-5647

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of English Philology
merculovamaya@mail.ru

Svetlana A. Gerasimova

orcid.org/0000-0003-3960-8841

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of French Language
and Linguistics
gerasvetlana@yandex.ru

Moscow City University
(Moscow, Russia)

© Меркулова М. Г., Герасимова С. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена выявлению особенностей становления Жана-Франсуа Мармонталя как писателя, журналиста и энциклопедиста, внесшего значительный вклад в литературное просвещение французского общества. Актуальность темы исследования обусловлена изучением взглядов ученого, повлиявших на рецепцию устоявшихся и новых литературных жанров XVIII века. В основу методологии исследования положен нарративный подход в историографической перспективе, а также биографический (культурно-антропоцентрический) метод, раскрывающий биографию литератора как типичное проявление социокультурных процессов эпохи Просвещения. Использование указанных методов обусловило новизну исследования, поскольку способствовало рассмотрению динамики взглядов французского просветителя Ж. Ф. Мармонталя и определению степени его литературоведческого вклада в становление новых жанров морализаторской новеллы и романа-эпопеи, а также французской «Энциклопедии» (*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*). Доказано, что для Ж. Ф. Мармонталя задача писателя состояла в том, чтобы воспитывать читателя через его приобщение к «изящной словесности» (*belles lettres*). Материалом исследования послужили литературные труды Ж. Ф. Мармонталя на французском и русском языках: поэтические произведения, нравоучительные повести, романы, в том числе его статьи по литературе, размещенные в первом издании «Энциклопедии». Анализ содержания сочинений французского писателя показывает, что они носят просветительский и критический характер, поскольку их автор искусно овладел многими литературными жанрами на практике.

Ключевые слова:

художественная практика просветительства; Жан-Франсуа Мармонтель; биография литератора; статьи Французской энциклопедии; литературная критика; морализаторская новелла; роман-эпопея.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to identifying the features of the formation of Jean-Francois Marmontel as a writer, journalist and encyclopedist who made a significant contribution to the literary education of the French society. The relevance of the research topic is due to the study of the views of the scientist that influenced the reception of established and new literary genres of the 18th century. The research methodology is based on a narrative approach in the historiographical perspective, as well as a biographical (cultural-anthropocentric) method that reveals the writer's biography as a typical manifestation of the socio-cultural processes of the age of the Enlightenment. The use of these methods determined the novelty of the study, as it contributed to the consideration of the dynamics of the views of the French educator J.-F. Marmontel and the determination of the degree of his literary contribution to the development of new genres of the moralizing novel and the epic novel, as well as the French Encyclopedia (*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*). It is proved that for J. F. Marmontel the task of the writer was to educate the reader through his introduction to “belle literacy” (*belles lettres*). The material of the study was the literary works of J. F. Marmontel in French and Russian: poetic works, moralizing stories, novels, including his articles on literature, published in the first edition of the Encyclopedia. An analysis of the content of the French writer's works shows that they are educational and critical in nature, since their author skillfully mastered many literary genres in practice.

Key words:

artistic practice of enlightenment; Jean-Francois Marmontel; biography of a writer; articles of the French Encyclopedia; literary criticism; moralizing stories; epic novel.

Литературные опыты энциклопедиста XVIII века: Жан-Франсуа Мармонтель

© Меркулова М. Г., Герасимова С. А., 2022

1. Введение = Introduction

Жан-Франсуа Мармонтель (Jean-François Marmontel, 1723—1799) — французский писатель, прозаик, драматург, журналист, академик, автор многочисленных литературных статей для «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Л. Д’Аламбера. Ж.-Ф. Мармонтель знаменит как друг Вольтера, историограф короля и секретарь Французской Академии, плодовитый романист, новеллист, драматург и литературный критик.

Личность Ж.-Ф. Мармонталя тесно связана с развитием литературы во Франции XVIII века, а его неординарная биография рассматривается в социокультурном контексте того времени. Как литератор Ж.-Ф. Мармонтель проявил себя в разных жанрах, часть его произведений стала известна во Франции и Европе, часть работ потерпела неудачу и канула в лету. Французский литературовед и литературный критик Ш. Сент-Бёв (Charles Auguste de Sainte-Beuve, 1804—1869) написал в 1851 году по поводу творчества Ж.-Ф. Мармонталя, что в XIX веке его относили к писателям второго плана, словно все авторы в литературе должны быть только выдающимися. Актуальность статьи определяется тем, что Ж.-Ф. Мармонтель и подобные ему авторы ушли в тень исторической поэтики XIX и XX веков, поэтому важно переосмыслить их творческий вклад, определить, почему следует обращаться к наиболее важным периодам их литературного творчества: «Rien ne m’est pénible comme devoir le dédain avec lequel on traite souvent des écrivains recommandables et distingués du second ordre, comme s’il n’y avait place que pour ceux du premier. Ce qui est à faire à l’égard de ces écrivains si estimés en leur temps et qui ont vieilli, c’est de revoir leurs titres et de séparer en eux la partie morte, en n’emportant que celle qui mérite de survivre» [Saint-Beuve, 1852, p. 394].

Наш научно-исследовательский интерес связан с выявлением особенностей становления Ж.-Ф. Мармонталя как крупного литератора своего времени и энциклопедиста, внесшего значительный вклад в литературное просвещение французского общества.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

С помощью сравнительно-исторического метода исследования, а также метода целостного анализа художественного произведения в рамках данной статьи предпринимается попытка проследить динамику взглядов французского просветителя Жана-Франсуа Мармонтеля на литературные жанры и определить степень его литературоведческого вклада, в том числе в становление французской «Энциклопедии».

Важным представляется нарративный подход в историографической перспективе, когда конкретный языковой материал позволяет обоснованно судить о взглядах писателя в динамике. В конце XX века среди исследователей, занимавшихся изучением процессов культуры и лингвистики нарратива, получил распространение биографический метод. Согласимся с мнением А. А. Демченко в том, что для историко-литературной науки важна научная биография писателя, тесно переплетающаяся с теорией и историей литературы: «Единство художника и человека, личности и истории, в действительности объективно существующее, определяет основное методологическое содержание биографии писателя, его структуру» [Демченко, 2014, с. 59].

Библиография работ, посвященных Ж.-Ф. Мармонтелю, на сегодняшний день достаточно скромна, причем обращение исследователей к литературной биографии Ж.-Ф. Мармонтеля указывает на длительные перерывы в изучении его творчества. Личность писателя вызывала особый интерес в конце XIX — начале XX веков [Sainte-Beuve, 1852; Rocafort, 1890; Lenel, 1902 et al.]. В указанный период специалисты по истории французской литературы акцентировали внимание на серьезном вкладе писателя в литературную составляющую «Энциклопедии» (*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*) [Дюкро, 2021]. Затем вплоть до конца XX века о нем как писателе и энциклопедисте забыли, считая его литературные достижения незначительными и не заслуживающими изучения. Начиная с 70-х годов XX века исследователи биографии и творчества Ж.-Ф. Мармонтеля позиционируют писателя как «уникального интеллектуала эпохи Просвещения» (*un intellectuel exemplaire au siècle des Lumières*) [Marmontel: une rhétorique ...], обращая внимание на его биографию [Wagner, 1975], созданные им литературные жанры [Laudin, 2001; Сейте, 2003; Veysman, 2007, 2008; Будыка-Житкова, 2013], влияние творчества писателя на европейскую, в том числе русскую литературу [Шарыпкин, 1977; Шарыпкин, 1978; Kafanova, 2002].

Материалом для нашего исследования послужили произведения Ж.-Ф. Мармонтеля, написанные в разные периоды его творческой биографии и отражающие главные этапы его становления как писателя.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Путь становления литератора и энциклопедиста: первая проба пера в поэзии — успехи и неудачи (1743—1748)

Ж.-Ф. Мармонтель родился в бедной многодетной семье портного. В 11 лет (1734) был отдан на обучение в иезуитскую школу (*collège de Mauriac*), образование в которой он получил в 15 лет (1738). Продолжение учебы в иезуитском коллеже в Клермоне в течение последующих двух лет было посвящено изучению философии, а репетиторство позволило молодому человеку зарабатывать на пропитание. Чтобы получить степень бакалавра теологии, Ж.-Ф. Мармонтелю пришлось продолжить обучение в Иезуитской коллегии Тулузы (1741—1745), где он недолго занимается репетиторством по кафедре философии [Morellet, 1805].

Однако настоящим пристрастием (*la fièvre poétique*) для молодого Ж.-Ф. Мармонтеля стала поэзия. В 1743 году он сочинил свою первую оду «Изобретение пороха» (*L'Invention de la poudre à canon*), представив ее на конкурс старейшего литературного общества Европы «Академия Цветочных игр» (*Académie des Jeux Floraux*) [Lenel, 1902, p. 49]. Целью подобного литературного конкурса, проводимого в Тулузе с 1323 года до наших дней, стало продвижение поэзии во всех ее формах и литературы в целом: «promouvoir la poésie sous toutes ses formes et, d'une manière générale, la littérature» [Académie des Jeux floraux]. Двадцатилетний автор в каноническом для литературы классицизма жанре потерпел неудачу в начале пути и написал Вольтеру, пожаловавшись на несправедливость судей. В ответном письме писатель поддержал юного поэта, пожелав успеха в дальнейших конкурсах [Morellet, 1805].

В итоге поэтические устремления Ж.-Ф. Мармонтеля увенчались успехом. Через несколько лет на этом же конкурсе он был удостоен трех премий: в 1745 году — в номинациях «poésie pastorale» и «poésie épique», в 1749 году, будучи уже в Париже, получил премию за «Оду охоте» (*Ode sur la Chasse*). Впоследствии это произведение было раскритиковано известным полемистом и литературным критиком Э. Фрероном (*Élie Fréron*, 1719—1776). Соглашаясь с критикой Э. Фрерона, историк литературы С. Лёнель отмечал в начале XX века, что в жанре оды Ж.-Ф. Мармонтель проявил себя как крайне слабый автор: «On ne peut imaginer en effet rien de plus misérable que le style de Marmontel dans l'ode. Jamais il n'eut, en ce genre, le moindre éclair de génie, ni même un talent vulgaire» [Lenel, 1902, p. 50].

В 1745 году Ж.-Ф. Мармонтель приезжает в Париж, где получает влиятельную поддержку Вольтера, познакомившего начинающего автора с известным философом, моралистом и писателем Л. Вовенаргом (*Luc de Clapiers, marquis de Vauvenargues*, 1715—1747). Протеже двух авторитет-

ных литераторов вдохновило Ж.-Ф. Мармонтеля, вскоре под их покровительством он написал новые поэтические произведения. Результатом этой поэтической деятельности стали еще две премии, но уже Французской Академии: «Le disciple, guidé et encouragé par de tels maîtres, docile à leurs leçons, passionné de l'amour des lettres, donnait déjà de sûrs garants de ses futurs progrès. Bientôt, sous leurs auspices, il compose ses premiers ouvrages, remporte deux prix de poésie à l'Académie française» [Morellet, 1805].

Закономерно, что в 1748 году Ж.-Ф. Мармонтель опубликовал послание, посвященное Вольтеру (*Epître à Voltaire*), поблагодарив его как мэтра и друга за то, что он указал ему путь к литературным занятиям. Таким образом между ними завязалась дружба, длившаяся тридцать пять лет. Спустя 25 лет (1773) на пороге своего 80-летия Вольтер ответил своему последователю (successeur) в том же жанре «EPÎTRE à Monsieur Marmontel»: «Mon très-aimable successeur, / De la France historiographe, / Votre indigne prédécesseur / Attend de vous son épitaphe» («Мой самый любимый преемник, / Историограф Франции, / Твой недостойный предшественник / Ждет от тебя эпитафии») [Théâtre classique].

3.2. Успех в жанре трагедии и неудачи в театральной драматургии (1748—1753)

Первые неудачи на поэтическом поприще побудили Ж.-Ф. Мармонтеля обратиться к другому каноническому для эпохи Просвещения жанру — трагедии. До этого начинающий писатель был хорошо знаком только с произведениями Корнеля, Расина и Вольтера, поэтому важными уроками для Ж.-Ф. Мармонтеля стали посещения спектаклей во Французском театре (*Théâtre-Français / Comédie Française*), имевшем эксклюзивную привилегию ставить спектакли в Париже. В своем раннем драматическом творчестве Ж.-Ф. Мармонтель выступал как подражатель Вольтера. Написание и постановка в 1748 году трагедии «Тиран Дионисий» (*Denys le Tyran*) сделали двадцатичетырехлетнего Ж.-Ф. Мармонтеля модным писателем. Затем последовали трагедии «Аристомен» (*Aristomène*, 1749), «Клеопатра» (*Cléopâtre*, 1750), «Гераклид» (*Héraclides*, 1752), «Египет» (*Egiptus*, 1753). В свое время поначалу они имели успех, который в значительной степени обеспечивался актерской игрой, но в силу своей крайней напыщенности и во многом искусственности они не имели явных литературных достоинств. В итоге после нескольких показов постановки этих пьес закончились провалом и, как следствие, неудачами автора в театральной драматургии: «là se termina la carrière tragique de Marmonlel» [Lenel, 1902, p. 98].

XVIII век меняет социальный статус писателей как личностей, они уже не живут на содержании короля, а начинают зарабатывать на жизнь своим трудом за счет публикаций, продавая их издателям и книготорговцам.

Такая ситуация обеспечивала литераторам некоторую независимость от милости королевской власти («Si la législation des droits d'auteur est encore loin d'exister, l'écrivain peut cependant tirer sa subsistance de la vente de son manuscrit à un libraire (un éditeur, dirions-nous), ce qui lui assure une relative indépendance par rapport au pouvoir royal») [Didier, 2003, p. 11].

Литературные неудачи побудили и Ж.-Ф. Мармонтеля искать другие средства заработать на жизнь. С 1753 по 1758 годы при поддержке маркизы де Помпадур, фаворитки короля Людовика XV, он занимал скромную должность секретаря в службе по строительству Версаля. Это позволило Ж.-Ф. Мармонтелю обрести некоторую финансовую независимость, дало время для осмысления будущих поисков, побудивших его обратиться к жанру повести (в ином варианте — «нравоучительной истории» — *conte*), в которой преуспел его учитель Вольтер, и литературной критике: «... ce repos lui permet de devenir un agréable conteur et surtout un critique judicieux» [Lenel, 1902, p. 111].

3.3. Статьи Ж.-Ф. Мармонтеля для «Энциклопедии» (1753—1756)

Понимание того, что он может быть неплохим прозаиком (*un bon écrivain en prose*), побудило Ж.-Ф. Мармонтеля обратить внимание на энциклопедистов [Lenel, 1902, p. 111]. В период создания первого тома «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж.-Л. Д'Аламбер были в поисках автора для статей, освещавших различные сферы литературного и театрального творчества в разделе, именовавшемся «*belles lettres*», часто встречались с молодым и активным Ж.-Ф. Мармонтелем в литературных салонах, где он был уже известен как модный автор поэтических и драматических произведений, получивших ряд литературных премий. Сам Ж.-Ф. Мармонтель под влиянием Вольтера симпатизировал философам-просветителям [Rocafort, 1890, p. 26—27; Дюкро, 2021, с. 50]. Поэтому в возрасте 28 лет Ж.-Ф. Мармонтель был приглашен Д. Дидро в качестве автора энциклопедических статей, посвященных литературе и театру.

В отличие от Л. де Жокура и Э.-Ф. Малле, статьи которых в аналогичных разделах носили скорее справочный характер для читателей, статьи для «Энциклопедии», написанные Ж.-Ф. Мармонтелем, имели критический характер (*un caractère critique*): «tandis que le travail de ses prédécesseurs, de Jaucourt, Mallet, etc., était plutôt historique» [Lenel, 1902, p. 365]. Французский критик Ш. Сент-Бёв отмечает, что лучшие произведения, написанные Ж.-Ф. Мармонтелем — это статьи для «Энциклопедии», которые позднее сам автор объединил в сборник эссе «Основы литературы» (*Éléments de littérature*, 1787): «Il n'a rien écrit de mieux que ses articles à l'Encyclopédie qu'on a recueillis sous le titre d'Éléments de littérature» [Saint-Beuve, 1851, p. 536]. Именно с подачи Ж.-Ф. Мармонтеля и благодаря его труду в трех

частьях «*Éléments de littérature*» в обиход вошло слово *littérature* вместо использовавшегося ранее, в том числе в самой «Энциклопедии», термина *belles lettres*. В 1787 году писателем впервые употреблен термин *littérature*. Литература рассматривалась Ж.-Ф. Мармонтелем как социальный объект, направленный на возвышение ума читателя и его воспитание (*utile à l'élévation de l'esprit et à l'éducation*), и как познание изящной словесности (*connaissance des belles lettres*) [Batanu, 2017, p. 28].

С 1753 по 1757 годы Ж.-Ф. Мармонтель написал для «Энциклопедии» около 30 статей, посвященных различным литературным жанрам, сценическому искусству и специальной терминологии, функционирующей в этих сферах творчества. Все статьи по литературе в «Энциклопедии» шли под рубрикой *Belles-lettres* (изящная словесность). Названия статей Ж.-Ф. Мармонтеля дают возможность выделить и классифицировать важные для эпохи Просвещения лирические (*Dialogue poétique, Élégie, Épitaphe, Épître, Lyrique, Ode, Poésie*), эпические (*Critique, Épopée, Fable*) и драматические (*Comédie, Farce, Fiction, Tragédie*) жанры. По статьям критика мы можем также судить о жанровой системе литературы французского Просвещения. Среди терминов, проанализированных Ж.-Ф. Мармонтелем в первых томах «Энциклопедии», назовем следующие: *Beau, Décoration, Déclamation, Dialogue*.

В статьях, посвященных сценическому искусству, писатель критически анализировал вопросы, касавшиеся театральных постановок, в частности, декораций спектаклей и речи актеров. В IV томе «Энциклопедии» появилась статья Ж.-Ф. Мармонтеля, посвященная театральным декорациям (*DÉCORATION*). Одной из причин ее написания стало фактическое отсутствие этой реалии в XVII—XVIII веках, а также несоответствие актерских костюмов содержанию древнегреческих или римских трагедий, поскольку актеры играли в соответствующих времени придворных одеждах (*costumes de cour*), которые выглядели нелепо при постановке пьес [Encyclopédie ..., t. IV, p. 700—703].

В этом же томе «Энциклопедии» в статье *DÉCLAMATION THÉÂTRALE* (Сценическая речь) Ж.-Ф. Мармонтель пишет, что только серьезная, просвещенная публика, умеющая отличить дух театра, где играют пьесы Корнея «Цинна», от фарса, сможет прочувствовать реплики, произносимые актерами, и тем самым поощрить актерскую игру: «... pour encourager & les auteurs & les acteurs à chercher les grands effets, & à risquer ce qui peut les produire, il faut un public sérieux, éclairé, sensible, & qui porte au théâtre de Cinna un autre esprit qu'à ceux d'Arlequin & de Gille» [Ibid., p. 680—692].

Однако после издания VII тома «Энциклопедии» Ж.-Ф. Мармонтель вышел из авторского коллектива, поскольку боялся преследований со стороны противников энциклопедистов. Впоследствии Ж.-Ф. Мармонтелем

было написано более 100 статей по литературе для *Supplément de l'Encyclopédie* (Приложение к Энциклопедии). Огромная популярность «Энциклопедии» породила многочисленные ее переиздания и вдохновила многих энтузиастов Просвещения на собственные вариации. Одной из них стала публикация материалов, внесенных в Приложение издателями-продавцами книг Марком-Мишелем Реем и Шарлем-Жозефом Панкуком. Приложение состояло из 4 томов текста, тома иллюстраций и двух томов таблиц, изданных с 1776 по 1780 годы.

3.4. Ж.-Ф. Мармонтель — литературный критик и журналист (1758—1759). Новый литературный жанр «морализаторская новелла»: «Нравоучительные повести» (1755—1759, 1761)

В апреле 1758 года маркиза де Помпадур, покровительствовавшая наукам и искусствам, назначает Ж.-Ф. Мармонтеля на должность руководителя (*auteur*) ежемесячного литературного журнала «Французский Меркурий» (*Mercure de France*), который к этому времени пришел в упадок. На протяжении XVIII века это издание было органом придворно-аристократической информации, в котором наряду с новостями двора и занимательными событиями из жизни Франции сообщались сведения об академической жизни, публиковался материал для легкого чтения (маленькие пьесы, анекдоты и т. п.). Впервые за долгие годы существования журнала на эту должность был назначен реальный писатель [MARMONTEL].

Такой выбор Двора был закономерен. Еще в 1746 году при содействии Вольтера несколько месяцев Ж.-Ф. Мармонтель издавал журнал «Литературный обозреватель» (*Observateur littéraire*), где преобладали критические статьи, посвященные театру [OBSERVATEUR LITTÉRAIRE]. Кроме того, писатель уже был известен благодаря своим критическим статьям в «Энциклопедии», вхож в литературные салоны, пришло время доказать свою состоятельность успешного администратора печатного издания: «Marмонтel avait déjà montré par ses articles de l'Encyclopédie qu'il n'était pas seulement un conteur agréable, mais un critique de valeur. Il lui restait à prouver qu'il pouvait être un habile administrateur» [Lenel, 1902, p. 132].

За два года до назначения, в 1756 году Ж.-Ф. Мармонтель в своей статье EXTRAIT для VI тома «Энциклопедии» писал, что журналист — это настоящий медиатор между автором и его читателями, просвещающий одних и исправляющий поспешные суждения других: <il doit> «éclairer poliment aveugle vanité des uns et rectifier les jugements précipités de l'autre» [Encyclopédie ..., t. VI, Pp. 334—337].

Так начинается деятельность Ж.-Ф. Мармонтеля-журналиста. Этот период его жизни практически не исследован в литературоведении. С 1758 по 1759 годы под его руководством вышло 24 выпуска издания «Французский

Меркурий» (*Mercur de France*), каждый из которых составлял не менее 200 страниц. В выпуске размещались статьи, соответствовавшие, согласно логике Ж.-Ф. Мармонтеля, таким разделам: 1. *Pièces fugitives en vers et en prose*, 2. *Nouvelles littéraires*, 3. *Sciences et Belles-Lettres*. 4. *Beaux-Arts*, 5. *Spectacles*, 6. *Nouvelles étrangères*. *Nouvelles de la Cour, de Paris* [Lenel, 1902; Wagner, 1975]. Как руководитель журнала, он фактически стал единственным редактором литературных, научных, технических и философских критических статей, как это было ранее в его бытность редактором *L'Observateur littéraire*: «il semble avoir été le seul rédacteur des articles de critique littéraire, scientifique, technique et philosophique» [Marmontel: une rhétorique ..., 2003, p. 168].

За короткий срок успешной деятельности в журнале «Французский Меркурий» Ж.-Ф. Мармонтель сумел представить на его страницах свое новое произведение — «Нравоучительные повести», что позволило ему заявить о себе как о создателе нового жанра *conte moral* в отличие от философских повестей Вольтера. Предварительная публикация 12 повестей в «Меркурии» с сентября 1755 по декабрь 1759 года вызвала небывалый интерес у читающей публики, более половины повестей были поставлены в театрах.

В 1761 году Ж.-Ф. Мармонтель издает двадцать три *Contes moraux* (Нравоучительные повести) в двух томах, дидактическая направленность которых обратила на себя внимание читателей. Повышенный интерес объяснялся обращением автора к бытовой тематике, усилением элементов социальной критики в сочетании с сентиментальностью, утонченной передачей эмоциональных нюансов, разнообразием выразительных приемов [Будыка-Житкова, 2013, с. 9—11]. Ж.-Ф. Мармонтеля можно считать основоположником нового жанра французской прозы, значимого для развития французской новеллы XVIII века, на создание которого у писателя ушло десять лет: «*Les Contes moraux* remirent à la mode un genre épuisé, en le renouvelant» [Lenel, 1902, p. 228]. Благодаря лаконичности композиции, незамысловатому сюжету об «идеальной» стороне обыденной жизни человека, обязательному моральному конфликту, документальности и особым приемам динамизма повествования мы вслед за современными исследователями [Laudin, 2001; Будыка-Житкова, 2013] определяем созданный Ж.-Ф. Мармонтеlem жанр как *морализаторские новеллы (conte moral)*. Данное определение, на наш взгляд, подчеркивает новаторский для стиля и системы литературных жанров эпохи Просвещения характер произведений автора. Так, например, Ж.-Ф. Мармонтель для создания динамизма повествования впервые стал опускать авторские пояснения при передаче диалогической речи героев. Свое нововведение он обосновал в предисловии к первому циклу «*Contes moraux*», которое было переведено на русский язык П. Фонвизиним в 1864 году: «В сей книге при описании разговора

двух особ слова “сказал он”, “отвечала она”, “прервал он” и тому подобные уничтожаются для сделания повествования живее и стремительнее» [Нравоучительные сказки г. Мармонтеля, 1764].

Морализующе-сентиментальный тон и социальные мотивы этих *contes* оказались созвучны своему времени. В новеллах автор рисует нравы современного ему общества, уделяя основное внимание семейной жизни, отношениям супругов, родителей и детей, воспитанию молодого поколения: «En effet l’auteur a eu deux manières principales: il s’est d’abord contenté de décrire les mœurs du temps et tout spécialement l’amour ou la galanterie; puis il nou a présenté la famille sous tous ses aspects, et la société, au moins en partie. <...> L’auteur a voulu surtout, pendant les dix ans qu’il a mis à les écrire, plus ou moins moraliser, et cette préoccupation s’est accrue de jour en jour» [Lenel, 1902, p. 231—232].

Подчеркивается, что Ж.-Ф. Мармонтель создал один из самых интересных портретов общества своего времени, представив персонажей разного возраста из разных сословий (знать, финансовые круги, буржуазия, крестьяне), с целью показать достойных людей эпохи Людовика XIV, для которых основными ценностями были семья, добродетель, любовь [Ibid., p. 248]. Исследователи творчества писателя отмечают, что в «Нравоучительных повестях» (*contes*) предметы и персонажи значимы в качестве метафизических подсказок в размышлениях автора о морали в широком смысле, в том числе о морали литературного творчества: «Les objets et les personnages jouent cependant un rôle déterminant chez Marmontel, puisqu’ils sont autant d’indices métaphysiques grâce auxquels l’auteur mène une réflexion sur la moralité de la féerie, et, plus généralement, sur la moralité de la création littéraire» [Veysman, 2007, p. 17].

Произведение было переведено на семь европейских языков, в России перевод был осуществлен в 1764 году, где «Нравоучительные повести» Ж.-Ф. Мармонтеля стали излюбленным чтением. Н. М. Карамзин писал: «Талант, слог, вкус и критика его давно награждены всеобщим уважением. Я видел Автора прекрасных сказок, который в самом, кажется, легком, в самом обыкновенном роде сочинений умеет быть единственным, неподражаемым: Мармонтеля» [Карамзин, 1984, с. 255].

3.5. Ж.-Ф. Мармонтель в Бастилии (1759). Избрание в Академию (1763)

В декабре 1759 года судьба Ж.-Ф. Мармонтеля резко изменилась. По анонимному письму он был несправедливо обвинен в написании и публикации пародии, высмеивавшей известных актеров. В середине XVIII века пародия была в моде в театре и литературных кругах, поскольку позволяла безопасно высмеять своих недругов. Исследователи творчества Ж.-

Ф. Мармонтеля отмечают, что хотя писатель дал опровержение по поводу своего авторства пародии в одном из номеров «Меркурия» (*Protestation de M. Marmontel, Mercure, janvier 1760*), но недоброжелательность анонимных недругов привела к его заключению на 11 дней в Бастилию без права переписки и лишению должности в журнале [Lenel, 1902, p. 180—187]. Подчеркивается, что тридцать лет спустя после заключения в тюрьму Ж.-Ф. Мармонтель приукрасил это событие в своих мемуарах, что определялось современниками глаголом *marmontéliser* (приукрашивать) и было свойственно практически всем писателям той эпохи [Mulryan, 2012, p. 107]. Об этом в свое время писал критик Ш. Сент-Бёв: *l'auteur a tendance à «marmontéliser la nature», c'est-à-dire une habitude à «voir les choses un peu autrement qu'elles ne sont, de les peindre avec un certain coloris bienveillant et amolli qui n'est pas leur juste couleur»* [Sainte-Beuve, 1852, p. 524]. В результате этого события, которое исследователи обозначают как *L'embastillement de Marmontel* [Mulryan, 2012], Ж.-Ф. Мармонтель лишился доходов и понял, что придется зарабатывать на жизнь писательским трудом.

Вскоре у писателя появилась надежда быть избранным во Французскую Академию, где шло серьезное противостояние между философами и их противниками. Для представления своей кандидатуры Ж.-Ф. Мармонтелю пришлось предпринять серьезные шаги. Он написал эссе «*Poétique française*» / «Французская поэтика» (1763), состоявшее в основном из статей, уже опубликованных в «Энциклопедии». До внесения кандидатуры писателя во Французскую Академию было издано несколько подарочных экземпляров «Поэтики». Ж.-Ф. Мармонтель совершил по тем временам беспрецедентный поступок: по совету Вольтера в целях самозащиты он презентовал эти красочные издания королю Людовику XV, маркизе де Помпадур, дофину, дипломату Э.-Ф. де Шуазёлю, а также ряду королевских домов Европы. Отмечается, что это было единственным средством борьбы с собственными недоброжелателями и противниками философов в Академии, к числу последних писатель относил и себя: «*Le crime n'était pas bien grand pour un homme qui avait à lutter contre des rancunes de couret se trouvait en état de légitime défense*» [Lenel, 1902, p. 192—193].

Уже после получения восторженных откликов от королевских особ «Поэтика» была представлена академическому собранию постоянным секретарем Академии Дюкло 7 апреля 1763 года. Безусловным выводом академического собрания стала поддержка кандидатуры Ж.-Ф. Мармонтеля: «*Marmontel avait d'ailleurs des titres plus que suffisants pour se présenter à l'Académie. Ses articles de l'Encyclopédie, sous leur première forme, ses Contes moraux, dont le succès était sans précédent, et qui étaient déjà répandus en Europe, ses poésies couronnées par l'Académie, sans parler de ses tragé-*

dies déjà quelque peu oubliées, rendaient son élection toute naturelle» (У Мармонтеля было более чем достаточно полномочий, чтобы выставить свою кандидатуру на выборах в Академию. Его статьи в «Энциклопедии» в их первоначальном варианте, его *Contes moraux*, успех которых был беспрецедентным и которые уже были широко распространены в Европе, его стихи, отмеченные Академией, не говоря уже о его трагедиях, слегка уже забытых, сделали его избрание вполне естественным) [Lenel, 1902, p. 194].

После смерти Ж.-Л. Д'Аламбера Ж.-Ф. Мармонтель через двадцать лет после пребывания в Академии, в 1783 году, был назначен ее постоянным секретарем. В своей элоге (мемориальной похвальной речи, произносившейся обычно на смерть ученого — члена Академии наук), посвященной Ж.-Ф. Мармонтелю, французский аббат, писатель, энциклопедист и член Французской академии А. Морелле отмечал, что на заседаниях Академии Ж.-Ф. Мармонтель нередко выступал с речами в стихотворной форме, в частности, наиболее известны такие: *Discours sur l'éloquence* (1776), *Discours sur l'histoire* (1777), *Discours sur l'espérance de se survivre* (1779) [Morellet, 1805].

3.6. Исторический роман «Bélisaire» (1767). Роман-эпопея «Les Incas, ou la Destruction de l'empire du Peru» (1777)

В феврале 1767 года в Париже был опубликован философско-просветительский роман Ж.-Ф. Мармонтеля «Велизарий» («Bélisaire»), тираж 2000 экземпляров разошелся в столице за два дня. В основе сюжета романа лежит легенда об ослеплении византийского полководца VI века Велизария, несправедливо осужденного по приказанию императора Юстиниана вследствие происков придворных. Слепой Велизарий, умудренный жизнью и страданиями, учит людей истине и добру. Судьба сводит его с императором, которого он не узнает и беседует с ним о государственных делах. Половину книги занимают диалоги между ясновидящим слепцом Велизарием, хранящим свое инкогнито императором Юстинианом и его сыном Тиберием. Герои беседуют о государственных делах, о важных вопросах морали и политики, которые отстаивал сам Ж.-Ф. Мармонтель как автор. Велизарий говорит, что истинная слава государя состоит в заботе о своем народе, в правосудии; он высказывается против войн, проповедует веротерпимость [Мармонтель, 1802].

Роман пользовался большой популярностью, тираж книги составил более 40 000 экземпляров, хотя автор подвергся нападкам со стороны Сорбонны. Духовенство требовало изъять из текста главу XV, где ключевой была «опасная» фраза с призывом к гражданской терпимости вообще и веротерпимости, в частности: «La vérité luit de sa propre lumière et qu'on n'éclaire pas les esprits avec la flamme des bûchers» (Истина источает собственный свет. Нельзя просвещать разум пламенем костров») [Мармонтель, 1802].

В то время как во Франции роман был осужден правительственными кругами за вольномыслие, в России верховная власть инициировала его перевод, что носило явно демонстративный характер. Историки отмечают: «Путешествуя в это время по Волге, Екатерина II организует перевод этой книги, и в дальнейшем роман публиковался на русском языке с обязательным подзаголовком: “Переведен на Волге”. <...> 9-ю же главу, содержащую наиболее развернутую проповедь справедливого государственного порядка Велизарием, императрица перевела сама. <...> Здесь утверждалось, что истинная слава государя состоит в заботе о народе, в правосудии; содержались рассуждения о том, что сила закона должна ограничивать самовластие, а государю следует заботиться о единственном союзе — союзе со своим народом. <...> Однако наиболее важным для императрицы являлось то, что в данном произведении явно звучит тема веротерпимости» [Ибнешева, 2014, с. 25—26]. Это произведение было очень популярно в России: в XVIII веке вышло семь изданий романа, в XIX веке — три.

Итальянский философ Я. Сейте рассматривает «Велизария» как нетипичный роман эпохи Просвещения: «Нет оснований считать это произведение *типичным* романом Просвещения или даже *одним из* романов Просвещения», поскольку «одной из характерных черт романа Просвещения является ирония — инструмент, нарушающий равновесие повествования и побуждающий читателя к сотворчеству» [Сейте, 2003, с. 318]. Тем не менее отмечается, что философско-просветительский роман Ж.-Ф. Мармонта «Велизарий» («Bélisaire») занимает заслуженное место в культурном и идейном контексте XVIII века.

Через десять лет (в 1777 году) за авторством Ж.-Ф. Мармонта издается роман-эпопея «Инки, или Разрушение Перуанской империи» («Les incas ou La destruction de l'Empire du Pérou»), посвященный шведскому королю Густаву III, период правления которого современники называли «веком просвещения». Как один из ранних предшественников сентиментализма, автор сумел воплотить в новой художественной форме традиционные для просветителей сюжеты. В исследованиях жанра *roman* отмечается, что произведение представляет своеобразный гибрид эпопеи и романа, основанный на эстетике XVIII века и ее близости с эмоциональной составляющей представляемых вымышленных персонажей и контекста: «Ses Incas sont d'ailleurs emblématiques d'une création hybride, tenant à la fois de l'épopée et du roman. < > L'intérêt est central dans l'esthétique du XVIIIe siècle, il consiste dans un attachement émotionnel aux objets représentés par la fiction» [Friedli, 2021, p. 143—144].

Роман-эпопея, на создание которого у автора ушло почти десять лет, практически сразу после выхода был переведен на немецкий, английский,

нидерландский, итальянский, русский, испанский языки [Lenel, 1902, p. 357]. За последующий XIX век произведение было издано в разных странах более 180 раз. Можно выделить несколько причин такого интереса читательской публики к новому жанру.

Читателей привлекли тонкий психологизм и высокая патетика, изящество слога и страстная гражданственность в сочинении писателя-гуманиста Ж. Ф. Мармонтеля. Автор исходил из того, что произведение должно быть направлено на моральное и интеллектуальное воспитание читателя. Роман побуждал общество размышлять над моральными темами, обличая религиозный фанатизм и деспотию испанских конкистадоров по отношению к инкам в Мексике и Перу [Marmontel, 1777; Мармонтель, 1778]. Отмечается, что Ж.-Ф. Мармонтель представлял общество инков, основанное на добродетели, связи между поколениями и религиозной терпимости, как идеальное в политическом и нравственном плане: «À de nombreuses reprises, la société inca est en effet présentée comme un idéal politique et moral, fondé sur la vertu, la solidarité entre générations et la tolérance religieuse» [Fourgnaud, 2019].

Основываясь на идеологии Просвещения, автор обращается в романе к проблеме толерантности по отношению к иному социальному устройству общества. Отметим, что в Новое время слово *tolérance* меняло свое значение от отрицательного к положительному: если в XVI веке лексема имела религиозный смысл и относилась прежде всего к протестантам (*édit de la tolérance*), в конце XVII века слово употреблялось с негативным оттенком (до 1700 года *supporter patiemment des maux* — терпеливо переносить невзгоды), то к концу XVIII века семантическая эволюция лексемы отражает переворот в сознании общества, которому способствовали философы эпохи Просвещения. Слово *tolérance* несет уже позитивный смысл, проникнуто духом милосердия, доброты, терпимости (например, у Вольтера «Трактат о веротерпимости» (*Traité de la tolérance*, 1763) [ДН, 2006, p. 3840].

В XVIII веке в странах Европы широко распространяется практика путешествий. Роман-эпопея «Инки, или Разрушение Перуанской империи» («Les incas ou La destruction de l'Empire du Pérou») открывал для читателя новый мир, экзотика которого манила в путешествие. «Стремление увидеть своими глазами новые горизонты и желание “открыть мир” <...>, тяга к реальной перемене мест, <...>, интерес к экзотическим странам» побуждали познавать мир представителей образованной элиты [Рош, 2003, с. 359]. Европейское общество того времени считало, что путешествие способно оказать мощное воздействие на образ жизни и судьбы, перемена мест благотворно влияет на тело и душу, принося большую пользу для развития личности [Герасимова, 2021, с. 37].

Роман-эпопея, посвященный инкам, в котором присутствует исторический контекст, сочетание фантазии и исторической правды («l'historicisation, le mélange de fiction et d'histoire» [Friedly, 2021, p. 61]), позволил автору показать механизмы, которые ведут к разрушению мирного и деятельного общества: именно фанатизм конкистадоров и миссионеров повлек за собой падение большой и древней цивилизации. В своей монографии, посвященной роману, французская исследовательница Моник Делум-Сансьё пишет: «... il offre des modèles moraux et politiques à la sienne, tout en s'efforçant de prouver que le fanatisme, fléau universel, fut la cause de la destruction de ces grands empires» [Delhoume-Sanciaud, 2017].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в рамках данного исследования выявлены значимые периоды формирования поэтики Жана-Франсуа Мармонтеля, внесшего значительный вклад в литературное просвещение французского общества.

Обращение к процессу формирования Ж.-Ф. Мармонтеля как писателя, журналиста и энциклопедиста, постижению им собственного «Я», своей самобытной роли в течение жизни позволяет выстроить матрицу его взаимодействия с литературным сообществом того времени и дать ответ на вопрос о том, способен ли человек определять ход собственной жизни [Чупрына и др., 2018, с. 126]. Доказано, что биография литератора является типичным проявлением социокультурных процессов эпохи Просвещения, а сформировавшиеся за годы творческой деятельности взгляды писателя повлияли на восприятие обществом устоявшихся и новых литературных жанров. В исследовании охарактеризована жанровая специфика ряда его произведений, ставших своеобразным историко-литературным феноменом. Безусловно, заслуга Ж.-Ф. Мармонтеля состоит в том, что он внес значительный литературоведческий вклад в становление новых эпических жанров XVIII века: морализаторской новеллы и романа-эпопеи, а также критического литературного эссе для французской «Энциклопедии». Анализ содержания сочинений Ж.-Ф. Мармонтеля показывает, что они носят просветительский и критический характер, поскольку их автор искусно овладел многими литературными жанрами на практике, а также позволяет говорить о формировании его уникальности и способности к самовыражению под влиянием норм, ценностей и правил, установленных в обществе эпохи Просвещения [Лексемы *identité* / идентичность, 2020, с. 42]. Доказано, что воплощение задачи писателя для Ж.-Ф. Мармонтеля состояло в том, чтобы воспитывать читателя через приобщение к «изящной словесности», направленной на возвышение ума и просвещение общества.

Источники и принятые сокращения

1. *Мармонтель Ж. Ф.* Велисарий / Ж. Ф. Мармонтель. — Санкт-Петербург : При Императорской Академии Наук, 1802. — 282 с.
2. *Мармонтель Ж. Ф.* Инки или Разрушение Перуанской империи / Ж. Ф. Мармонтель. — Москва : Печатано в Типографии Императорского Московского университета, 1778. — Ч. 1. — 218 с.
3. *Мармонтель Ж. Ф.* Новые Мармонтелевы повести : в 2 частях, перевод с французского / Ж. Ф. Мармонтель ; издатель Н. М. Карамзин. — Москва : В типографии С. Селивановского, 1822. — Ч. 1. — 249 с.
4. *Нравоучительныя сказки* г. Мармонта / переведены с французского П. И. Фон-визиним. — Москва : Печатано при Императорском Московском университете, 1764. — Т. 1. — 178 с.
5. DH — *Dictionnaire historique de la langue française: en trois volumes / sous la direction d'Alain Rey.* — Paris : le Robert, 2006. — 4304 p.
6. *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers / Par une société de gens de lettres ; Mis en ordre & publ. par m. Diderot... ; Quant à la partie mathématique par m. D'Alembert...* — Paris : Briasson [e. a.], 1751—1765. — 40 см.
7. *Marmontel J.-F.* Contes moraux : 2 vols / J.-F. Marmontel. — Amsterdam et se trouve a Paris, 1763.
8. *Marmontel J.-F.* Les incas ou La destruction de l'Empire du Pérou / J.-F. Marmontel. — Amsterdam : ChezRey, 1777. — Т. 1—2.
9. MARMONTEL // Dictionnaire des journalistes [Electronic resource]. — Access mode : <https://dictionnaire-journalistes.gazettes18e.fr/journaliste/550-jean-francois-marmon-tel> (accessed 25.05.2022).
10. OBSERVATEUR LITTÉRAIRE // Dictionnaire des journaux 1600—1789 [Electronic resource]. — Access mode : <https://dictionnaire-journaux.gazettes18e.fr/journal/1080-lobserveur-litteraire-1> (accessed 21.05.2022).

Литература

1. Будыка-Житкова О. К. Новеллы Мармонта в русском и испанском музыкальном театре второй половины XVIII века / О. К. Будыка-Житкова // Культурная жизнь Юга России. — 2013. — № 4 (51). — С. 8—13.
2. Герасимова С. А. Деятельность просветителя-энциклопедиста как отражение интеллектуальной культуры XVIII века / С. А. Герасимова // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 28—41. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-28-41.
3. Демченко А. А. Научная биография писателя как тип литературоведческого исследования (статья первая) / А. А. Демченко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. — 2014. — Т. 14. — Выпуск 3. — С. 52—61.
4. Дюкро Л. П. Энциклопедисты : О знаменитой “Энциклопедии, или Толковом словаре наук, искусств и ремесел” / Л. П. Дюкро. — Москва : URSS, 2021. — 210 с. — ISBN 978-5-397-07708-8.
5. Ибнеева Г. В. Общественное воспитание в политической практике Екатерины II : к истории перевода романа Ж. Ф. Мармонта «Велизарий» / Г. В. Ибнеева // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». — 2014. — Т. 9. — С. 24—29.
6. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / подготовка текста Ю. М. Лотмана, Н. А. Марченко и Б. А. Успенского / Н. М. Карамзин. — Ленинград : Наука, 1987. — 717 с.

7. *Лексемы идентите* / идентичность как элементы универсумов человека и языка : этносемиотрический и аксиологический аспекты интерпретации / Л. Г. Викулова, Е. Ф. Серебренникова, О. В. Вострикова, С. А. Герасимова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2020. — № 2 (831). — С. 30—42.
8. *Рош Д.* Путешествия / Д. Рош // Мир Просвещения. Исторический словарь. — Москва : Памятники исторической мысли, 2003. — С. 359—368. — ISBN 5-88451-144-2
9. *Сейте Я.* Роман / Я. Сейте // Мир Просвещения. Исторический словарь. — Москва : Памятники исторической мысли, 2003. — С. 316—318. — ISBN 5-88451-144-2.
10. *Шарыпкин Д. М.* Пушкин и «Нравоучительные рассказы» Мармонтеля / Д. М. Шарыпкин // Пушкин : Исследования и материалы. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1978. — Т. 8. — С. 107—136.
11. *Шарыпкин Д. М.* Радищев и роман Мармонтеля «Велизарий» / Д. М. Шарыпкин // А. Н. Радищев и литература его времени. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1977. — С. 166—182.
12. *Чупрына О. Г.* Судьба как концепт в языке и культуре / О. Г. Чупрына, К. М. Баранова, М. Г. Меркулова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2018. — № 3 (56). — С. 120—125. — DOI: 10.20916/1812-3228-2018-3-120-125.
13. *Académie des Jeux floraux* : site officiel [Electronic resource]. — Access mode : <https://jeuxfloraux.fr/> (accessed 16.07.2022).
14. *Batranu R.* L'écrivain et la société. Le discours social dans la littérature française, du XVIIIe siècle à aujourd'hui : Thèse pour l'obtention du grade de docteur ès lettres / R. Batranu. — Annecy : [b. i.], 2017. — 377 p.
15. *Brunetière F.* L'évolution des genres dans l'histoire de littérature. Leçons professées à l'Ecole Normale Supérieure / F. Brunetière. — Paris : Librairie Hachette, 1914. — 283 p.
16. *Delhoume-Sanciaud M.* Les Incas ou la destruction de l'Empire du Pérou de Jean-François Marmontel : le regard d'un homme du dix-huitième siècle sur le Nouveau-Monde, sa conquête et son évangélisation : En 2 vol. / M. Delhoume-Sanciaud. — Paris : H. Champion, 2017.
17. *Didier B.* Histoire de la littérature française du XVIIIe siècle / B. Didier. — Rennes : Presses Universitaires de Rennes, 2003. — 417 p.
18. *Fourgnaud M.* La visée morale des Incas: Marmontel et l'héritage fénélonien. (Re) lire les Incas de Jean-François Marmontel / M. Fourgnaud // (Re)lire les Incas de François Marmontel, éd. Pierino Gallo. — Clermont-Ferrand : Presses universitaires Blaise Pascal, 2019. — № 23. — Pp. 43—65.
19. *Friedli A.* Aux marges du roman. Théoriser le genre au XVIIIe siècle: Thèse pour l'obtention du grade de docteur ès lettres / A. Friedli. — Neuchâtel : Université de Neuchâtel, 2021. — 368 p.
20. *Jean-François Marmontel.* Un intellectuel exemplaire au siècle des Lumières / sous la direction de Jacques Wagner. — Tulle : Mille Sources, 2003. — 239 p. — ISBN 2-909744-21-3.
21. *Kafanova O. N.* M. Karamzin traducteur et interprète des Contes moraux de J.-F. Marmontel et de S. F. de Genlis / O. N. Kafanova // Revue des études slaves. — 2002. — T. 74. — Fas. 4. — Pp. 741—757.
22. *Laudin G.* Modèle et contre-modèle : la réception des «Contes moraux» de Marmontel en Allemagne, 1761—1810 / G. Laudin // Recepción de autores franceses de la época clásica en los siglos XVIII y XIX en España y en el extranjero. — Madrid : UNED, 2001. — Pp. 263—273.

23. *Lenel S.* Un homme de lettres au XVIIIe siècle. Marmontel d'après des documents nouveaux et inédits / S. Lenel. — Paris : Librairie Hachette, 1902. — 573 p.
24. *Morellet A.* Éloge de M : Marmontel, de secrétaire perpétuel de l'Académie Française, prononcé à la séance publique du 12 thermidor an XIII (31 juillet 1805) [Electronic resource] / A. Morellet. — Access mode : <https://www.academie-francaise.fr/eloges-de-m-marmontel-secretaire-perpetuel-de-lacademie-francaise/> (accessed 20.05.2022).
25. *Mulryan M. J.* L'embailllement de Marmontel dans ses Mémoires : La marmontélisation d'une histoire vraie / M. J. Mulryan // L'ÉRUDIT FRANCO-ESPAGNOL. — 2012. — Vol. 2. — Pp. 107—116.
26. *Rocafort J.* L'Encyclopédie ou le romantisme des Encyclopédistes / J. Rocafort. — Paris : Hachette, 1890. — 338 p.
27. *Marmontel* : une rhétorique de l'apaisement / Etudes réunies et présentées par Jacques Wagner. — Louvain-Paris : Éd. Peeters, 2003. — 228 p.
28. *Sainte-Beuve C.-A.* Mémoires de Marmontel [Electronic resource] / C.-A. Sainte-Beuve // Causeries du Lundi. — Paris : Garnier frères, libraires, 1852. — Tome 4. — Pp. 394—412. — Access mode : <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004441027?page=394&rotate=0&theme=white> (accessed 05.06.2022).
29. *Solié É.* L'opéra depuis son origine jusqu'à nos jours, 1645—1847 [Electronic resource] / É. Solié. — Paris : Chez Breteau, Libraire, 1847. — 30 p. — Access mode : <https://books.google.ru/books> (accessed 05.06.2022).
30. *Théâtre classique* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.theatre-classique.fr/pages/theorie/VOLTAIRE_EPITREMARMONTEL.htm (accessed 05.06.2022).
31. *Veysman N.* Le féérique moral dans les contes moraux de Marmontel / N. Veysman // Féeries. — 2007. — № 4. — Pp. 213—234. — DOI: <https://doi.org/10.4000/feeries.413>.
32. *Wagner J.* Marmontel journaliste et le «Mercure de France» / J. Wagner. — Paris : P.U.G., 1975. — 338 p.

Material resources

- Dictionnaire historique de la langue française: en trois volumes.* (2006). Paris: le Robert. 4304 p. (In Franc.).
- Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers / Par une société de gens de lettres; Mis en ordre & publ. par m. Diderot...; Quant à la partie mathématique par m. D'Alembert...* (1751—1765). Paris: Briasson [e. a.]. 40 cm. (In Franc.).
- Marmontel, J.-F. (1763). *Contes moraux: 2 vols.* Amsterdam et se trouve a Paris. (In Franc.).
- Marmontel, J.-F. (1777). *Les incas ou La destruction de l'Empire du Pérou, 1—2.* Amsterdam: ChézRey. (In Franc.).
- Marmontel, J. F. (1778). *Inca or the Destruction of the Peruvian Empire, 1.* Moscow: Printed in the Printing House of the Imperial Moscow University. 218 p. (In Russ.).
- Marmontel, J. F. (1802). *Belisarius.* St. Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences. 282 p. (In Russ.).
- Marmontel, J. F. (1822). *New Marmonteleve stories: in 2 parts, 1.* Moscow: In the printing house of S. Selivanovsky. 249 p. (In Russ.).
- MARMONTEL. In: *Dictionnaire des journalistes.* Available at: <https://dictionnaire-journalistes-gazettes18e.fr/journaliste/550-jean-francois-marmontel> (accessed 25.05.2022). (In Franc.).
- OBSERVATEUR LITTÉRAIRE. In: *Dictionnaire des journaux 1600—1789.* Available at: <https://dictionnaire-journaux.gazettes18e.fr/journal/1080-lobservateur-litteraire-1> (accessed 21.05.2022). (In Franc.).

The moral tales of G. Marmontel, 1. (1764). Moscow: Printed at the Imperial Moscow University. 178 p. (In Russ.).

References

- Académie des Jeux floraux: site officiel.* Available at: <https://jeuxfloraux.fr/> (accessed 16.07.2022). (In Franc.).
- Budyka-Zhitkova, O. K. (2013). Marmontel's short stories in the Russian and Spanish musical theater of the second half of the XVIII century. *Cultural life of the South of Russia*, 4 (51): 8—13. (In Russ.).
- Batranu, R. (2017). *L'écrivain et la société. Le discours social dans la littérature française, du XVIIIe siècle à aujourd'hui: Thèse pour l'obtention du grade de docteur ès lettres.* Annecy: [b. i.]. 377 p. (In Franc.).
- Brunetière, F. (1914). *L'évolution des genres dans l'histoire de littérature. Leçons professées à l'Ecole Normale Supérieure.* Paris: Librairie Hachette. 283 p. (In Franc.).
- Chupryna, O. G., Baranova, K. M., Merkulov, M. G. (2018). Fate as a concept in language and culture. *Questions of cognitive linguistics*, 3 (56): 120—125. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-3-120-125. (In Russ.).
- Delhoume-Sanciaud, M. (2017). *Les Incas ou la destruction de l'Empire du Pérou de Jean-François Marmontel: le regard d'un homme du dix-huitième siècle sur le Nouveau-Monde, sa conquête et son évangélisation: En 2 vol.* Paris: H. Champion. (In Franc.).
- Demchenko, A. A. (2014). Scientific biography of a writer as a type of literary research (article one). *News of Saratov University. A new series. Philology series. Journalism*, 14 (3): 52—61. (In Russ.).
- Didier, B. (2003). *Histoire de la littérature française du XVIIIe siècle.* Rennes: Presses Universitaires de Rennes. 417 p. (In Franc.).
- Ducro, L. P. (2021). *Encyclopedists: About the famous "Encyclopedia, or Explanatory Dictionary of Sciences, Arts and Crafts".* Moscow: URSS. 210 p. ISBN 978-5-397-07708-8. (In Russ.).
- Fourgnaud, M. (2019). La visée morale des Incas: Marmontel et l'héritage fénélonien. (Re)lire les Incas de Jean-François Marmontel. In : *(Re)lire les Incas de François Marmontel, éd. Pierino Gallo*, 23. Clermont-Ferrand: Presses universitaires Blaise Pascal. 43—65. (In Franc.).
- Friedli, A. (2021). *Aux marges du roman. Théoriser le genre au XVIIIe siècle: Thèse pour l'obtention du grade de docteur ès lettres.* Neuchâtel: Université de Neuchâtel. 368 p. (In Franc.).
- Gerasimova, S. A. (2021). Activities of Encyclopedic Educator and Intellectual Culture of 18th Century. *Nauchnyi dialog*, 4: 28—41. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-28-41. (In Russ.).
- Ibneeva, G. V. (2014). Public education in the Political practice of Catherine II: on the history of translation of the novel by J. F. Marmontel "Belisarius". *News of Irkutsk State University. The series "History"*, 9": 24—29. (In Russ.).
- Jean-François Marmontel. Un intellectuel exemplaire au siècle des Lumières.* (2003). Tulle: Mille Sources. 239 p. ISBN 2-909744-21-3. (In Franc.).
- Kafanova, O. N. (2002). M. Karamzin traducteur et interprète des Contes moraux de J.-F. Marmontel et de S. F. de Genlis. *Revue des études slaves*, 74 (4): 741—757. (In Franc.).
- Karamzin, N. M. (1987). *Letters of a Russian traveler.* Leningrad: Nauka. 717 p. (In Russ.).
- Laudin, G. (2001). Modèle et contre-modèle: la réception des «Contes moraux» de Marmontel en Allemagne, 1761—1810. In: *Recepción de autores franceses de la época clásica*

- en los siglos XVIII y XIX en España y en el extranjero*. Madrid: UNED. 263—273. (In Franc.).
- Lenel, S. (1902). *Un homme de lettres au XVIII siècle. Marmontel d'après des documents nouveaux et inédits*. Paris: Librairie Hachette. 573 p. (In Franc.).
- Marmontel: *une rhétorique de l'apaisement*. (2003). Louvain Paris: Éd. Peeters. 228 p. (In Franc.).
- Morellet, A. *Éloge de M: Marmontel, de secrétaire perpétuel de l'Académie Française, prononcé à la séance publique du 12 thermidor an XIII (31 juillet 1805)*. Available at: <https://www.academie-francaise.fr/elogue-de-m-marmontel-secretaire-perpetuel-de-lacademie-francaise!> (accessed 20.05.2022). (In Franc.).
- Mulryan, M. J. (2012). L'embastillement de Marmontel dans ses Mémoires: La marmon-télisation d'une histoire vraie. *L'ÉRUDIT FRANCO-ESPAGNOL*, 2: 107—116. (In Franc.).
- Rocafort, J. (1980). *L'Encyclopédie ou le romantisme des Encyclopédistes*. Paris: Hachette. 338 p. (In Franc.).
- Roche, D. (2003). Travel. In: *The World of Enlightenment. Historical dictionary*. Moscow: Monuments of Historical Thought. 359—368. ISBN 5-88451-144-2. (In Russ.).
- Seite, Ya. (2003). Roman. In: *The World of Enlightenment. Historical dictionary*. Moscow: Monuments of Historical Thought. 316—318. ISBN 5-88451-144-2. (In Russ.).
- Sainte-Beuve, C.-A. (1852). Mémoires de Marmontel. In: *Causeries du Lundi*, 4. Paris: Garnier frères, libraires. 394—412. Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004441027?page=394&rotate=0&theme=white> (accessed 05.06.2022). (In Franc.).
- Sharypkin, D. M. (1977). Radishchev and Marmontel's novel "Belisarius". In: *A. N. Radishchev and the literature of his time*. Leningrad: Nauka. Leningrad Branch. 166—182. (In Russ.).
- Sharypkin, D. M. (1978). Pushkin and Marmontel's "Moral stories". In: *Pushkin: Studies and materials*, 8. Leningrad: Nauka. Leningrad Branch. 107—136. (In Russ.).
- Solié, É. (1847). *L'opéra depuis son origine jusqu'à nos jours, 1645—1847*. Paris: Chez Breteau, Libraire. 30 p. Available at: <https://books.google.ru/books> (accessed 05.06.2022). (In Franc.).
- Théâtre classique*. Available at: https://www.theatre-classique.fr/pages/theorie/VOLTAIRE_EPITREMARMONTEL.htm (accessed 05.06.2022). (In Franc.).
- Veysman, N. (2007). Le féérique moral dans les contes moraux de Marmontel. *Féeries*, 4 : 213—234. DOI: <https://doi.org/10.4000/feeries.413>. (In Franc.).
- Vikulova, L. G., Serebrennikova, E. F., Vostrikova, O. V., Gerasimova, S. A. (2020). Identity lexemes / identity as elements of human and language universes: ethnosemiotic and axiological aspects of interpretation. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2 (831): 30—42. (In Russ.).
- Wagner, J. (1975). *Marmontel journaliste et le «Mercure de France»*. Paris: P.U.G. 338 p. (In Franc.).

Статья поступила в редакцию 30.08.2022,
одобрена после рецензирования 23.09.2022,
подготовлена к публикации 10.10.2022.

Эртнер Д. Е. Этноспецифические коды : метафора и бытовая символизация опредмеченного пространства в повести А. Неркаги «Белый ягель» / Д. Е. Эртнер, О. Б. Ульянова, С. Б. Хабибуллина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 294—311. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-294-311.

Ertner, D. E., Ulyanova, O. B., Khabibullina, S. B. (2022). Ethno-Specific Codes: Metaphor and Everyday Symbolization of Objectified Space in Anna Nerkagy's Story "The White Moss". *Nauchnyi dialog*, 11(8): 294-311. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-294-311. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-294-311

**Этноспецифические коды:
метафора и бытовая
символизация
опредмеченного
пространства в повести
А. Неркаги «Белый ягель»**

Эртнер Дарья Евгеньевна
orcid.org/0000-0002-6600-4237
кандидат филологических наук, доцент
d.e.ertner@utmn.ru

Ульянова Ольга Борисовна
orcid.org/0000-0002-7005-0295
кандидат филологических наук, доцент
o.b.ulyanova@utmn.ru

Хабибуллина Сайда Биктимировна
orcid.org/0000-0001-5297-5254
старший преподаватель
s.b.khabibullina@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

**Ethno-Specific Codes:
Metaphor and Everyday
Symbolization of Objectified
Space in Anna Nerkagy's
Story "The White Moss"**

Daria E. Ertner
orcid.org/0000-0002-6600-4237
PhD in Philology, associate professor
d.e.ertner@utmn.ru

Olga B. Ulyanova
orcid.org/0000-0002-7005-0295
PhD in Philology, associate professor
o.b.ulyanova@utmn.ru

Saida B. Khabibullina
orcid.org/0000-0001-5297-5254
senior lecturer
s.b.khabibullina@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

© Эртнер Д. Е., Ульянова О. Б., Хабибуллина С. Б., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности декодирования этноспецифических кодов метафоризации в литературе народов Севера на материале повести Анны Неркаги «Белый ягель». Данная статья призвана выявить определенные «алгоритмы речевого поведения», заложенные в языке, принципы мифологизации и метафорической объективации реального мира, глубже раскрыть структуру понимания художественного текста. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска нового инструментария для выявления этноспецифических культурных моделей, определяющих видение мира представителей той или иной национальной общности, структурирующие поле экспрессивности художественного текста. Уделяется внимание механизмам формирования образных смыслов, когда не явная на первый взгляд динамика повествования компенсируется тщательной детализацией описания быта жителя севера, которая достигается за счет актуализации сакральных элементов символической картины мира. Так, для творчества Анны Неркаги этноспецифичными становятся мифологические коды образности: птица, волк, камень, огонь, время, вода, человек. Прослеживается персонификация объектов природы и восприятие мира через призму собственного тела. Каждый из перечисленных смысловых элементов представляет собой элемент метафоры, метонимии. Символический образ неделим, в его основе лежит не просто ассоциативный компонент, а ритуал, миф.

Ключевые слова:

метафора; этнокультурная идентичность; символ; литература народов севера; картина мира; Анна Неркаги.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of decoding ethno-specific codes of metaphorization in the literature of the peoples of the North are considered on the material of A. Nerkagy's story "The White Moss". This article is intended to reveal certain "algorithms of speech behavior" embedded in the language, the principles of mythologization and metaphorical objectification of the real world, to reveal more deeply the structure of understanding a literary text. The relevance of the study is due to the need to search for new tools to identify ethno-specific cultural models that determine the vision of the world of representatives of a particular national community, structuring the field of expressiveness of a literary text. Attention is paid to the formation mechanisms of figurative meanings, when the dynamics of the narrative, which is not bright at first glance, is compensated by a careful detailing of the description of a northerner life, which is achieved through the actualization of the sacred elements of the symbolic picture of the world. So, for A. Nerkagy's creativity, mythological codes of imagery become ethnospecific: bird, wolf, stone, fire, time, water, man. The personification of objects of nature and the perception of the world through the prism of one's own body are traced. Each of the listed semantic elements is an element of metaphor, metonymy. The symbolic image is indivisible; it is based not just on an associative component, but on a ritual, a myth.

Key words:

metaphor; ethnocultural identity; symbol; literature of the peoples of the north; picture of the world; Anna Nerkagy.

Этноспецифические коды: метафора и бытовая символизация опредмеченного пространства в повести А. Неркаги «Белый ягель»

© Эртнер Д. Е., Ульянова О. Б., Хабибуллина С. Б., 2022

1. Введение = Introduction

Этнокультурная идентичность и природно-географические характеристики становятся особым культурным кодом в творчестве писателей Севера. Неяркая, на первый взгляд, динамика повествования компенсируется тщательной детализацией бытового описания жизни героев, реализующейся через обращение к сакральным элементам символической картины мира жителя севера, представляющей специфический мифологический код образности: птица (гагара, ястреб, куропатка), камень, огонь, время, морошка, волк, вода (река, озеро, ручей), человек (персонификация объектов природы и восприятие мира через призму собственного тела). Каждый из перечисленных смысловых элементов представляет собой элемент метафоры, символа, метонимии. Символический образ неделим, в его основе лежит не просто ассоциативный компонент, а ритуал, миф.

Применение комплексного подхода, сочетающего лингвокультурный и семиотический аспекты анализа, к интерпретации художественного пространства северного текста, а именно повести Анны Павловны Неркаги «Белый ягель» (текст повести опубликован в 1995 году — в сокращенной версии, а в 1996 — в полной), открывает перспективы толкования лингвоспецифического в авторском мировидении. «Белый ягель» представляет собой произведение писателя-носителя ненецкого и русского языков что, несомненно, должно отражаться на способах формирования синергетической образности. Символы и метонимические образы в творчестве Анны Неркаги интерпретируются как своего рода интертекст, за каждым элементом стоит глубокий этноспецифический фокус восприятия.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методология изучения художественного пространства основана на утверждениях Ю. М. Лотмана [Лотман, 1988, с. 252], Д. С. Лихачева [Лихачев, 1984, с. 4—10], М. М. Бахтина [Бахтин, 1975, с. 264—280], В. Н. Топорова [Топоров, 1983], а исследование символической картины мира выполнено в рамках лингвокультурологии, этнолингвистики, лексической семантики (И. И. Иванов, Л. М. Васильев, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, И. М. Ко-

бозева, А. Вежбицка, Ф. Р. Палмер, С. Ульман, Дж. Лайонз, А. Круз, А. Бланк, П. Кох) [Апресян, 1995; Вежбицкая, 2001 и мн. др.] и теории концептуальной метафоры в свете работ Дж. Лакоффа, М. Джонсона [Lakoff et al., 2003, p. 22—23], З. Кёвичеша [Kövecses, 2009, p. 135—151; Kövecses, 2017, p. 16—32], Е. Семино [Semino, 2008, p. 4—17] с применением методов сплошной выборки, интерпретации, аналогии, моделирования, контекстуального, категориального и лингво-культурологического анализа.

Художественное пространство текста есть некий континуум [Лихачев, 1997, с. 147—165], который выступает как объект системного восприятия [Лотман, 2010, с. 34], реализует себя в модели действительности, формируемой повествователем, событиями и персонажами [Лейдерман, 2005, с. 35—45]. Каждый автор создает самобытное текстовое пространство, наполненное одновременно универсальным, культурно-специфическим содержанием [Вежбицка, 2001, с. 13—44], а в рамках этнолингвистики — наделённое этническим кодом, состоящим из совокупности объективных знаний об окружающей действительности и символических смыслов [Мелетинский, 2000, с. 230], используемых автором или интерпретируемых [Есо, 1993, p. 39—43] им в зависимости от авторского видения [Топоров, 1983, с. 228—232], культурно-исторических и этно-территориальных характеристик.

В целом литературные произведения народов Севера обладают определенными модусами мировосприятия и мироощущения автора и героев, синхронизируя бытие здесь и сейчас с существованием на грани личного и общественного, язычества и христианства, «малых» народов и бескрайних территорий, конвенционального (традиции) и нового («цивилизация»), статики и динамики, человека и его окружения, быта и природы [Нехвядович, 2010, с. 46—59], тем самым проявляя свою этничность и формируя соответствующие смыслы. Литературное произведение, будучи результатом работы автора, создает определенный мир для героев и событий, порой этот мир синтетичен и многослоен как в повести «Белый ягель». Привязка к художественному пространству порождает некоторые переносные смыслы на основе обыденных представлений [Топоров, 1995, с. 342]. Мы обращаемся к актуализации первичных значений посредством установления метафорических и метонимических аналогий и их культурно-обусловленных ассоциативных моделей.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Художественное пространство повести многослойно, что отражает его различные грани, а именно: открытую бескрайнюю тундру, закрытое ограниченное пространство чума и линейное динамическое пространство дороги. Весь текст повести пронизан различными метафорическими

проявлениями, реализованными в наглядно-образных и практически-действенных ассоциациях. Изоморфизм элементов быта ненцев и окружающей действительности указывает на то, что все метафизические сущности — огонь, горы, деревья (объекты живой и неживой природы), а также предметы быта (чум, стол), зооморфные элементы и тело человека — формируют образы, которые автор эксплицирует через этноспецифические составляющие семантики бытовых номинаций.

Так, для Анны Неркаги характерна специфичность восприятия окружающего мира в соответствии с национальной картиной мира жителя Севера, выражающаяся через посредство метонимии — номинации по смежности, ср. фрагмент из повести «Белый ягель» [Неркаги, 2012]: *много лун, много весен*. При помощи анафоры вводится сразу два метонимических образа «луна — месяц» и «весна — начало годового цикла». Метонимия как экспрессивный инструмент с ее компактностью и вместе с тем емкостью органично встраивается в общую мифологизированную картину мира жителя народов севера.

3.1. Соматизмы в тексте Анны Неркаги

Сохраняя объемное повествование, автор сдвигает фокус интерпретации с огромного масштаба тундры на более близкие и понятные объекты действительности, в частности, — тело человека и его части. Пространство художественного текста предполагает возможность углубиться в познание репрезентаций тела человека [Крейдлин и др., 2013, с. 378—391] и реконструкцию эмоционально-чувственного опыта через богатство метафорической и метонимической мысли автора.

Действия и состояния реализуются через взаимодействие с частями тела (герои произведения *смотрят, не отрывая глаз; сидят, опустив голову или поджав ноги; обещают глазами; зовут глазами; стоят на ногах; понимают сердцем; произносят губами; болтают языком; одевают руками*). Соматизмы являются неотъемлемыми элементами описания персонажей и событий. В ряде контекстов устанавливается метафорическое тождество между соматизмами и элементами окружающего мира (быта и природы), а порой соматизмы, наоборот, служат средством метонимической отсылки к человеку, уподобляются ему, «олицетворяются», приобретают человеческие черты (сердце человека — *глупо, жестокое сердце — слепое*) и выполняют человеческие действия (*глаза — зовут / обещают*) [Урысон, 1995, с. 3—16]. Таким образом, в произведении реализуется синкретизм представлений о телесности с точек зрения формирования этнокультурного образа тела в представлении ненцев и использования тела как интерпретирующей категории.

Образ человека (термин, используемый Ю. Д. Апресяном в [Апресян, 1995, с. 37—67]) выстраивается на лексическом уровне и отражает

этнографические особенности открытого художественного пространства тундры в повести «Белый ягель». Автор преимущественно апеллирует к внешним частям тела человека, таким как *руки, глаза, лицо, голова, ноги, спина*, а также частотно упоминается *кровь*, тогда как номинации иных частей тела, а также внутренних органов и жидкостей остаются на периферии художественного словоупотребления. Они будто скрыты одеждой, защищающей от холода. То, что в художественном пространстве повести находят отражение только «видимые» части тела, говорит о том, что это языковой образ, а не энциклопедический, не научный.

Так, голова организует жизнь человека в целом (*жить своей головой, голова на плечах*). Крепость здорового тела обеспечивает выживание человека тундры в суровых условиях. По лицу персонажа другие герои и читатели понимают, что с ним происходит: *Если бы мать оглянулась и увидела лицо сына, руки её остановились бы сами собой. Дух радости мешал ей понять и лицо, и душу сына*. Прорисовывая образ ненца, А. Неркаги уделяет внимание глазам: человек смотрит в бескрайнюю даль, за горизонт, наблюдает за зверем, выслеживает врага. Сердце, один из главных органов, обеспечивающих жизнедеятельность человека, традиционно (как во всех культурах) выступает символом духовной жизни людей наряду с таким квазиорганом, как душа. Душа и сердце наполняют жизнь чувствами и эмоциями, а значит, смыслом. По характеристикам, приписываемым сердцу, предлагается осознать, насколько мал человек тундры по сравнению с бескрайними просторами (*маленькое сердце человека и огромное бездонное небо*). Однако хоть сердце и маленькое, но оно *живое и горящее*. В повести сердце метафорически выступает «вместилищем» объектов — конкретных предметов (*заноза* или *груз*) и абстрактных понятий (*пустота* и *печаль*). Сочетания *заноза в сердце, пустота в сердце, печаль неподъемная в сердце, тащить груз в сердце* передают отрицательные чувства, эмоции, состояния.

В аспекте концептуализации действительности номинации частей тела используются двояко — как для описания самого человека, так и для персонификации других явлений и объектов, например, земли (лицо земли, грудь земли) и огня (*глазок огня, лицо Великого Огня*), тем самым они присоединяются к числу языковых средств то сферы-цели, то сферы-источника метафорических переносов.

3.2. Образ огня в тексте Анны Неркаги

Образ огня является одним из доминантных в творчестве Анны Неркаги. Являясь символом жизни, огонь воплощает множество смыслов, апеллируя как к повседневным реалиям, так и к мировоззренческим принципам: *...замолкая и снова оживляя затухающий разговор. Их лица теплись светлой печалью*. При конструировании метафорических контекстов

автор использует самые разнообразные ассоциативные связи данного понятия, в некоторых случаях играя на контрасте: *затухающий разговор — теплились печалью*. Метафорический атрибут и предикативная метафора в данном случае построены по схожему принципу и актуализируют значение «слабого свечения, затухающего процесса».

Доминантность концепта ОГОНЬ подчеркивается и за счет цветосимволизма — частотного обращения к лексике со значением цвета: (1) *Глядя, как полыхает огнём закат, словно кто невидимый разжжёт Великий костёр на краю Земли, за золотой громадой гор, Вану сказал...*; (2) *От деда я слышал: там у золото-красного огня каждый день сидит Золотое Слово правды. Сидит, набираясь своей вечной силы...*; (3) *Я тоже слышал, но другое. Живёт оно там, куда мы, люди, не можем и умом добраться. Там медный чум... Чум из красной меди, и из открытого полога смотрит оно на людей*. Каждый элемент метафорической цепочки (глаголы *полыхает, разжжёт*, цветовые номинации *огнем, закат, костёр, огня*, цветовые атрибуты *золотой, золото-красного, Золотое, медный, из красной меди*) актуализирует значение огня для народов Севера — как бытовое, так и сакральное.

Огонь как метафора жизни имеет в текстах Анны Неркаги и свою негативную ипостась: *...сидя у огня, никогда не гревшего её души, зарывает в золу тоску и нелюбовь к нему...* «Зола» в данном контексте является образом с ярко выраженной отрицательной коннотацией, символом «ушедшего», «небытия». Символизм данного элемента реализуется за счет сближения двух начал: реального действия (героиня сидит у огня и в прямом смысле перемешивает золу, разговаривая с огнем, обожествляет его, наделяет человеческими качествами) и метафорического смысла: *закопать тоску* (тоска — абстрактное понятие, которое контекстуально переводится в категорию вещей, предметов, объективируется). Огонь как живое начало (эффект персонификации) также участвует в выстраивании мифологической ткани произведения: (1) *Слышу! — ответил Огонь*; (2) *Жарким вполухом ответило пламя*.

Даже соль как универсальный символ неприятностей, горечи в примере *Жгучей щепотью соли на заживиую рану...* получает дополнительную интерпретацию через приобщение к метафоре огня: *жгучий, жечь*. В данном случае символ и метафора тесно переплетаются. Происходит интеграция смыслов: устойчивость символического описания приобретает неожиданную образность в сочетании с метафорическим атрибутом.

Огонь занимает фундаментальное значение в суровом северном быту, а значит — почетное место в чуме, что отражается в одном из центральных антропоморфных метафорических переносов «Человек — Огонь». У огня,

как у человека, есть тело и глаза (*Последний раз я разожгла тебя. Последний раз мои руки коснулись твоего тела, а глаза искали взгляда; Глаз огня*), способность говорить, шептать (*Она говорила тихо, проникновенно, чутким ухом прислушиваясь к шёпоту огня за спиной*), лицо (*Ей всегда хотелось подготовиться, насторожить душу для такого разговора, чтобы не краснеть перед лицом Великого Огня*), сердце (*Если сын мой, обезумев, наступит на сердце твое, прости его. Когда сын моего сына подсядет к тебе, прими его*).

В одном из контекстов функция огня ассоциативно соотносится с назначением человеческого сердца: *Две женщины жили, не обращая внимания на него, иногда ему казалось, что они две руки одного организма, расположенные по обе стороны главного органа — огня*.

Метафорика огня необычайно часто эксплуатируется в повести «Белый ягель», вводится в устойчивые сочетания: ... её обуял обжигающий душу страх. Помимо реализации в исключительно метафорической функции, концепт огня в творчестве Анны Неркаги и сам выступает символом при осмыслении пространства: *Жить через огонь — так сказали бы старые люди, значит, не в своем чуме...* Этот колоритный символ заключает в себе яркий, аутентичный этнокультурный контекст.

Нередко метафоры в произведениях Анны Неркаги многослойны, ср.: *щёки её пылали красной спелой морошкой*. Метафора огня *пылать* конкретизируется усиленным цветовым компонентом за счет прямой номинации цвета *красный* и атрибутивного сочетания *спелая морошка* (актуализация наименования именно этой ягоды важна как отдельный элемент объективации картины мира жителя северных широт).

3.3. Образ воды в тексте Анны Неркаги

Образ воды в творчестве Анны Неркаги реализует несколько способов символизации: *река / ручей*, движущее начало является символом динамики жизни, ее развития, и, напротив, стоячая вода (*болото, проталина, лужа*) — символом отсутствия динамики, носителем отрицательной коннотации: ... а он, пыжась от дурацкой обиды, прожил его в позоре, как жаба в грязном болоте своего самолюбия... Генитивная метафора *болото самолюбия* встраивается в сравнительную конструкцию с зооморфным компонентом *как жаба в грязном...* Каждый из элементов смыслового комплекса обладает отрицательной коннотацией и может функционировать самостоятельно. Целый же образ интересен своей многослойностью, когда отдельные смыслы компилируются и усиливают значение соседних элементов.

Противопоставление двух символов (воды текущей и воды стоячей) основано на динамике: ... *давать жизни течение, чтобы она не расплылась и не засохла, как весенняя лужа, а текла бы рекой, сохраняя при этом*

свои берега и бег. Движущаяся вода выступает символом жизни и является сложным детализированным кодом.

Универсальная метафора *течение жизни* разворачивается и получает смысловое развитие: *река, берега, бег*, — в том числе за счет «антонимичных» образов: *засыхать, лужа*. Образ воды, лишенной динамики, имеет отрицательную коннотацию: *Нюки, покрывающие их, залатаны, как земля частыми проталинами...* В данном контексте мы видим номинативную метафору, где основой переноса выступает форма (заплата — проталина). Происходит сближение артефакта и природного явления.

Если «вода» — это символ динамического начала, то «берег» олицетворяет статику: «...и первое, что он увидел, войдя в чум, это двух женщин, сидящих у огня по обе его стороны, как два неизменных берега у реки». Сравнительный оборот *как два неизменных берега* образно воплощает идею монументальности, напряженности. Реализуется смысл противопоставленности, дистанцирования, когда река не дает берегам сближаться, они и вместе, и разделены, как и люди, не понимающие друг друга. К тому же река, движущаяся вода является носителем звука, она «болтлива», в то время как образ берега реализует противоположный смысл — молчания, невозможности докричаться.

3.4. Образ камня в тексте Анны Неркаги

Ярким антагонистом движущейся воды, динамического начала в творчестве Анны Неркаги выступает образ камня — символа тяжести бытия, стагнации: (1) *...и может случиться, что он сядет до конца своих дней, как камень, пристывший к земле...*; (2) *Слово тяжёлое. — Тяжёлое, ничего. Мне больно не будет, если, конечно, ты его не бросишь камнем*. Атрибутивная метафора *тяжелое слово* (абстракция овещается и наделяется способностью «весить») основывается на концепте КАМЕНЬ-СЛОВО.

Вместе с тем, как бы размышляя, какой образ «главнее», символ статики или символ динамики, А. Неркаги сталкивает противоположности в одном высказывании: *Никакое самое сильное горе не должно останавливать бега жизни, как валун, брошенный в реку, не поворотит ее течения. Вода обойдет его и вновь потечет...* Этот образ несет в себе глубинный философский смысл.

3.5. «Птичьи образы» в тексте Анны Неркаги

Орнитоморфная символика является вторым по частотности элементом художественной картины мира Анны Неркаги. Автор прибегает к данному образу в основном при описании отношений внутри семьи. При этом образ реализуется и через родовую номинацию *птица*, и посредством видовых обозначений: *гагара, куропатка, орел, ворон*, часто в составе сравнений: (1) *Они, как две старые птицы, с обеих сторон любовались ею*; (2) *Как пти-*

цы-родители чистят перья своему единственному птенцу, так и они с женой одевали... Сравнительные конструкции в данном случае дают возможность более полно раскрыть образ, непосредственно актуализируют вектор иносказания, позволяют максимально детализировать смысловые элементы. Для народов севера образ птицы чрезвычайно важен и глубоко укоренен в мифологии и фольклоре. Сравнительный оборот создает смысловой конструкт, достаточный для интерпретации неспецифического понятия, стоящего за словом *птица*: *Но дочь уезжала всегда, как нежная птица, которая боится зимы и улетает туда, где тепло...* Аксиологическая направленность в данном случае задается эпитетом *нежный* и смысловым расширением *которая боится зимы и улетает...* Только сравнение функционально дает необходимый инструментарий для одновременного обозначения источникового и целевого концептов, а также фиксирует основу трансформации значения (мотив). Сравнительные конструкции формируют и контекст, необходимый для дальнейшего введения метафорических оборотов: *приехала птица-дочь; А как любовался их птицей-невестой молодой сосед.*

Доминантным является обращение А. Неркаги к образу гагары: (1) *Зря они, старики и старухи, плачут, как глупые гагары...*; (2) *Он может лишь заплакать гагарой...*; (3) *...и рано ему плакать гагарой.* Как отмечают исследователи, «возникновение образа водоплавающей птицы — гагары, выполнявшей в традиционных культурах многих северных народностей рольдемиурга, было не случайным и связано скорее всего с географическими и ландшафтными условиями обитания этносов» [Лукина, 2019, с. 46]. Гагара является мифологизированным персонажем и в силу того, что выступает сразу в нескольких ипостасях: эта птица может и летать, и ходить по суше, и плавать, охотясь за рыбой. Но в творчестве Анны Неркаги, как мы видим, данный образ имеет необычную интерпретацию: сама номинация *гагара* присутствует (как аллюзия на этнокультурный контекст), но образ лишен своего мифологического подтекста. В творчестве А. Неркаги эта птица не обожествляется, не наделяется волшебными или сверхспособностями (как, например, огонь). Напротив, образ объективируется только как символ горя, страданий, плача, реализуясь сугубо через сравнительные конструкции или адвербиальные метафорические сочетания.

Орнитоморфная символика в произведениях Анны Неркаги вербализуется и через другие образы птиц: *Хасава походил на обципанную ястребом куропатку...* Здесь связь между источниковым и целевым концептом более прямолинейна: ястреб — хищная птица, ассоциативно — тот, кто занимает главенствующую позицию, и куропатка — дичь, объект охоты, образ того, кто легко может пострадать, символ безволия. Несколько иное прочтение у образов орла и вороны / вороны: *И в небе орёл и ворона не ле-*

тают рядом, у каждой птицы своя высота полёта. Обе птицы являются хищниками, но традиционно противопоставление орла как символа благородства (солнце — орел, «золото-красный орел») и вороны как символа несчастья, разрушения: (1) *Пришло время, когда Золотое Слово правды люди разорвали, как вороны рвут найденную падаль*; (2) *...полярное солнце опустилось на вершины дальних деревьев в золото-красным орлом...*; (3) *Не дети, а чёрные вороны, вечные спутники волка завидели, учуяли падаль, но не рановато ли прилетели?* В первом случае символ реализуется через сравнительный оборот *как вороны рвут*. Происходит «частичное» отождествление человека и птицы, образа с ярко выраженной отрицательной коннотацией, реализующейся за счет контекста *рвать, падаль*. Сравнительный союз *как* разграничивает целевой и источниковый концепты, создавая иллюзию дистанцирования. В третьем примере, *не дети, а черные вороны* номинативная метафорическая конструкция максимально сближает понятия, а усилению негативной оценки способствуют цветовой эпитет *черный* и сопоставление с волком, хищником, который для жителей севера, живущих оленеводством, является худшим врагом. Но и в этой связке ворон обладает более четкой отрицательной аксиологией, по сравнению с волком, который хоть сам добывает себе пищу, а ворон питается за счет других. Таким образом, метафорическое сочетание за счет включения символов ворона и волка фокусирует основной смысл описываемой ситуации.

Символ птицы детализируется и за счет реализации метафоры гнезда, используемой для описания семьи, дома, домашнего уклада: (1) *Не нужно будет биться в тоске, подобно птице-матери над разоренным пустым гнездом*; (2) *И они молчали, как осенние птицы, боясь накликасть на свое гнездо беду*; (3) *Как птицу тянет к себе покинутое, перевернутое гнездо, и она кружит над берегом в тоске, так человек — вроде тут нужно жить, вроде и там интересно*. Сравнительные обороты вновь позволяют максимально развернуть образ, сделать его более насыщенным смыслами и вместе с тем более узнаваемым, понятным, простым для интерпретации. За счет разработки деталей образов создается развернутая метафора: (1) *... как старая птица с усталыми потрёпанными крыльями, поднялась женщина*; (2) *... кажется, что ты слабенький птенец с крылышками-недоростками*.

3.6. Образы животных в тексте Анны Неркаги

Образы животных приобретают символический фокус благодаря фольклорной традиции. Они функционируют как специфические культурные коды того или иного языка. Зооморфная «палитра» жителя севера, представленная в произведениях Анны Неркаги, разнообразна: *волк, лиса, собака, бык, мышь*. Отметим, что некоторые интерпретации неожиданны и для носителя русского языка, хотя ненецкая и русская культуры давно сблизились:

Выходит, запутался, словно лиса в своих же следах, и попал в круг — не перепрыгнуть... Сравнительный оборот, вводящий символ «лиса», является как раз таким примером. Для носителя русской культуры «лиса» — символ ловкости, проворства, о чем свидетельствует большинство русских народных сказок. И, говоря про запутанность следа, мы, скорее, использовали бы образ зайца. Для жителя севера, живущего ближе к природе и точнее подмечающего нюансы поведения животных, стереотипы восприятия иные, поэтому символичность изображения картины мира коренных народов севера сохраняется, но смыслы прочитываются далеко не всегда.

Универсальным становится бинарный зооморфный символ «волчица — волчата»: *И она ехала, не поворачивала обратно, как не завернула бы старая волчица, которую в логове ожидают голодные толстые волчата.* Сравнительная конструкция является достаточным контекстом для прочтения образа, задачу интерпретации облегчает и бинарность самой единицы (на всех языках понятно сочетание *мать и дитя*).

Еще одним зооморфным компонентом, интересным с точки зрения интерпретации, выступает образ собаки. В русской культуре «собака» — символ верности, друг. Тем неожиданной проявляется этот зооморфизм в произведениях Анны Неркаги: (1) *Озlobленной собакой, которую схватили за шкуру в самом разгаре драки, она накинулась на мужа...*; (2) *Если мой голос начнёт вилять, как провинившаяся собака под палкой, вы и тогда ничего не скажете.* Адвербиальная метафорическая конструкция *озlobленной собакой* обладает ярко выраженной отрицательной коннотацией, которая не закреплена за самим зооморфизмом, а обусловлена контекстом (*озlobленный, шкура, драка, накинуться*). Метафорическая предикация *вилять*, дополненная сравнительным оборотом *как провинившаяся собака*, вновь обладает контекстуально-обусловленной отрицательной коннотацией, что позволяет судить о том, что для жителей севера зооморфизм собака допускает подобные прочтения, не совсем соответствующие культурному фону русского языка. Если говорить о переводе на иностранный язык, подобное разнотение может вызвать серьезные затруднения или стать переводной, выхолощенной калькой образа.

Вместе с тем хочется отметить, что в независимости от того, отрицательной или положительной коннотацией обладает тот или иной образ, сам выбор слова, символа важен в формировании этноспецифической картины мира народов севера: *Месяц Большой темноты появился на небе серебристым рогом молодого бычка...* Генитивная метафорическая конструкция основана на переносе значения по форме (тонкий, изогнутый). Метафорический образ еще ярче раскрывается на фоне цветосветового контраста: темнота — серебристый свет.

Интересные дополнительные оттенки смысла проявляются в сравнительном обороте *как зимняя мышь*: *...но ещё год я прожил, как зимняя мышь, боясь далеко уйти от своей норы*. Мышь, в силу своего размера, у многих народов является символом испуга, страха, боязни. Эпитет *зимний* лишь усиливает этот смысл, ведь именно в это время года зверек становится более уязвим для хищника, он лишен укрытия из травы и более заметен на белом снегу. Но маленький размер (уменьшительно-ласкательная форма) и динамика действия могут лечь в основу образа с положительной коннотацией: *Всё делает хорошо и ладно, руки двигаются быстро, как два юрких зверька*. Зооморфный компонент сравнительной конструкции представлен через генерализованный образ *зверька*, без видовой детализации.

3.7. Природные образы в тексте А. Неркаги: солнце, горы, трава, дорога, лес

Природные образы в творчестве А. Неркаги при помощи приема олицетворения часто репрезентируются как живые существа.

Ср. о солнце: *опираясь щекой о край земли, поднималось солнце*. Трансформация значения осуществляется здесь на основе схожести формы (округлость щеки и края солнечного диска).

Персонифицируется не только солнце, но и земля: *И тихий ветер не срывал, а плавно ронял на золотую землю тёплые листья. И они ложились на грудь матери-земли покорно и радостно*.

Земля имеет лицо (*Не люди, а ветер жизни снес с лица земли его чум, обида-червь в душу заползет, а обратно не выползет; Когда умерла женщина Ламдо, мы вместе разобрали и убрали с лица земли третий чум нашего стойбища*), грудь (*А грудь земли так широка и не моими гнилыми ногами её мерить, а то бы сам пошёл к ней*), бока (*Ему явственно послышалось, как за спиной возник и медленно погас звук, будто поворачиваясь на другой бок, вздохнула во сне сама земля, а может, слушая старика, не спала и не смогла сдержать жалости*), а по жилам земли течет кровь (*Там не вольно им, темно, кровушка земли глубоко укрыта, не нам её пить-кипятить*). С одной стороны, земля — огромная, но пространство жизни ненцев ограничивается тем местом, где стоят их чумы и пасутся их олени: *Передо мной, как на ладони, паслись оставшиеся олени*.

К горам у ненцев тоже особое отношение, у гор есть сердце (*которому три раза суждено подняться в сердце Великих гор и понять, живёт ли после страданий Душа*), голова (*В непогодину отвисшие, угрюмые, уходящие в небо вершины сходятся головами, глядя вниз, в пучину озера*) и лицо (*И по лицам их, изрезанным глубокими вековыми морщинами и рубцами — следами величайших дум, текут по горным впадинам и ущельям вечные неистощимые слёзы — быстрые ручьи и источники*).

Мироощущение ненцев представлено «фитоморфным», и наоборот, природные объекты приобретают в тексте А. Неркаги человеческий облик, к примеру, цветок, через образ которого описывается состояние персонажа: *Так, наверное, чувствует себя цветок, переживший непогодную ночь осени, радостно встряхивает с чашечки лица жгуче-холодную росу, выпрямляет озябнувший стан-стебель*. Или трава представляется ласковыми пальцами любимой девушки: (1) *Неостывшая за короткую ночь трава была тёплой, не колола щёк и шеи, а только нежно щекоotalа, будто это не мертвая, пережившая зиму трава, а пальцы любимой ласкали лицо*; (2) *Ту, что осталась в чуме и добрыми усталыми руками заботливо вырыла ему яму-постель, веря всей душой, что ему будет хорошо в ней. Или эту, на груди которой он лежит, и которая тоже обманывает его. Ведь это не руки любимой, а всего лишь пожухлая седая трава, ожесточившаяся за зимние холода, и стоит только наклониться ниже, она сделает ему больно*. Дерево, в свою очередь, также является воплощением жизни самих ненцев, ненец видит себя как дерево: (1) *...не молоденько-беспечным, а с могучим стволом, погнутом северным ветром, с ветвями-руками и упрятыми далеко в землю корнями-воспоминаниями. Когда среди ночи у него заболит Душа, он будет гудеть тихо, про себя, чтобы никого не обеспокоить своей печальной песней, и никто не догадается, что он не дерево, а одинокий старик. А внизу у ствола летом обложенные пахучими травами, голубым ягелем и яркими бусинками ягод будут стоять маленькие деревята, касаясь тёплыми зелёными боками его большого остывающего тела*; (2) *Когда в лесу или на окраине стоят два старых дерева, сложив друг на друга пообломанные руки-сучья, почти упираясь один в другого морщинистыми стволами, люди говорят — два дерева, а это две Души, измученные тьмой и освящённые любовью друг к другу*.

В рамках диффузного динамического пространства дороги, которое объединяет в себе как реальную дорогу (к Илне, на охоту, в лес, за хлебом), так и метафорическое представление о жизни, где статическое ограниченное пространство чума (место рождения) является началом (зарождением) динамического пространства пути (жизни): *Как выскочил из чума, так и понёсся, куда посмотрели глаза и понесли ноги. И вся прожитая жизнь показалась Алёшке тоже обидно нелепой. Как родился, пошёл, куда ноги понесли, глаза посмотрели, и заблудился. Что ищет человек в дороге жизни? Счастье?! Вся жизнь человека — это естественная мера протяженности необъятного пространства, по которому человек несется и может заблудиться, если не контролировать (разумом или сердцем) то, куда ноги понесли и глаза посмотрели*.

Символом жизни, движения выступает не только образ дороги, но и аутентичное средство транспортировки — нарты: *Нарта жизни, скрипя, крепнясь, натываясь на дорожные камни и валуны, должна двигаться вперёд*. Генитивная метафора, где основой переноса выступает динамика, является сложным развернутым образом, раскрывающим основы видения мира народами севера, мифологическую, ритуальную картину мира: *Медленно и тяжело, как гружёные нарты, ползли облака — неведомые жители неба*. Сравнительный оборот *облака как нарты* стоит в одном смысловом ряду с предыдущим примером. Но если в метафоре элементы тесно взаимодействовали между собой, то сравнение облаков с нартами более условное и требует большей детализации, приращения дополнительных смыслов.

Так, открытое бескрайнее пространство тундры и леса переплетается с закрытым и ограниченным статичным пространством чума и нарты и сопровождается динамическим линейным пространством дороги, а в описание текущих событий вклиниваются образы прошлого и мысли о будущем.

4. Заключение = Conclusions

Итак, в творчестве Анны Неркаги на передний план выходит мифопоэтическая картина мира жителя севера, в основу мировидения которого положен ритуал, этнодетерминированный набор языковых кодов.

Этноспецифичны образы *огня, воды, птицы (ворон, гагара), животного (волк, мышь, собака, олень), растения (цветок, трава, дерево), пространства (земля, горы, тундра, дорога, чум)*. Единство природного начала и человека реализуется через взаимопроникновение данных концептуальных доменов, когда человек (части тела) становится мерой описания окружающего мира: человек — огонь, человек — земля, человек — гора, человек — дерево. И наоборот, элементы окружающего мира идентифицируют характер и природу человека: берег — человек, птица — человек, животное — человек.

Опредмеченность пространства, лежащая в основе экспрессивности языка жителя севера, составляет уникальный культурный код, вызывающий сложности восприятия текста для жителя большой земли. Интерпретация семантики метафорических моделей северного дискурса позволяет заполнить семиотические лакуны в художественной концепции Анны Неркаги, гармонизируя противоречия между локусами «цивилизации» и пространством русского Севера.

Источники и принятые сокращения

1. Неркаги А. П. Белый ягель / А. П. Неркаги. — Екатеринбург : Форт Диалог-Исеть, 2012. — 128 с. — ISBN 978-5-91128-057-4.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка : попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1995. — С. 37—67.
2. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе : очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 234—407.
3. *Вежицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежицкая. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 288 с. — ISBN 5-7859-0189-7.
4. *Крейдлин Г. Е.* Тело и его части в разных языках и культурах (итоги научного проекта) / Г. Е. Крейдлин, С. И. Переверзева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы ежегодной Международной конференции «Диалог-2013». — Москва : РГТУ, 2013. — С. 378—391.
5. *Лейдерман Н. Л.* Текст и образ / Н. Л. Лейдерман // Мир русского слова. — 2005. — № 3—4. — С. 35—45.
6. *Лихачев Д. С.* Литература — реальность — литература / Д. С. Лихачев. — Ленинград : Советский писатель, 1984. — 271 с.
7. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В. П. Нерознака. — Москва : Academia, 1997. — С. 147—165.
8. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — Москва : Искусство, 1970. — 387 с.
9. *Лотман Ю. М.* Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // В школе поэтического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь. — Москва : Просвещение, 1988. — С. 251—292.
10. *Лотман Ю. М.* Семиосфера / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2010. — 704 с. — ISBN 5-210-01562-9.
11. *Лукина О. Г.* Мифологические образы птицы и орнитоморфная символика в традиционных культурах народов севера / О. Г. Лукина, Ю. А. Бычков, О. В. Реш // Вестник МГУКИ. — 2019. — № 5. — С. 42—50. — DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10505.
12. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. — Москва : Восточная литература, 2000. — 331 с. — ISBN 5-02-017878-0.
13. *Нехвядович Л. И.* Этническая традиция в современном гуманитарном знании : монография / Л. И. Нехвядович. — Барнаул : Издательство АГУ, 2010. — 96 с. — ISBN 978-5-7904-1104-5.
14. *Топоров В. Н.* Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст : семантика и структура. — Москва : Академия наук СССР, 1983. — С. 227—284.
15. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследования в области мифопоэтического. — Москва : Прогресс. Культура. 1995. — 624 с. — ISBN 5-01-003942-7.
16. *Урысон Е. В.* Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. — 1995. — № 3. — С. 3—16.
17. *Eco U.* Interpretation and history / U. Eco // Interpretation and Overinterpretation. — Cambridge : Cambridge University Press, 1992. — 215 p. — ISBN 9780511627408.
18. *Kövecses Z.* Metaphorical meaning making : discourse, language, and culture / Z. Kövecses // Quaderns de Filologia. Estudis lingüístics. — 2009. — Vol. 14. — Pp. 135—151.
19. *Kövecses Z.* Conceptual metaphor theory : Some New Proposals / Z. Kövecses // LaMiCuS. — 2017. — № 1. — Pp. 16—32.

20. Lakoff G. *Metaphors We Live by* / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 2003. — 256 p. — ISBN 0-226-46801-1.

21. Semino E. *Metaphor in Discourse* / E. Semino. — Lancaster : Lancaster University, 2008. — 247 p. — ISBN 9780521867306.

Material resources

Nerkagi, A. P. (2012). *White yagel*. Yekaterinburg: Fort Dialog-Iset. 128 p. ISBN 978-5-91128-057-4. (In Russ.).

References

- Apresyan, Yu. D. (1995). The image of a person according to language data: an attempt at a system description. In: *Questions of linguistics*. Moscow: V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. 37—67. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1975). Forms of time and chronotope in the novel: essays on historical poetics. In: *Literary and critical articles*. Moscow: Fiction. 234—407. (In Russ.).
- Eco, U. (1992). Interpretation and history. In: *Interpretation and Overinterpretation*. Cambridge: Cambridge University Press. 215 p. ISBN 9780511627408.
- Kövecses, Z. (2009). Metaphorical meaning making: discourse, language, and culture. *Quaerens de Filologia. Estudis lingüístics*, 14: 135—151.
- Kövecses, Z. (2017). Conceptual metaphor theory: Some New Proposals. *LaMiCuS*, 1: 16—32.
- Kreidlin, G. E., Pereverzeva, S. I. (2013). The body and its parts in different languages and cultures (results of the scientific project). In: *Computational linguistics and intellectual technologies. Materials of the annual International Conference "Dialog-2013"*. Moscow: RSUH. 378—391. (In Russ.).
- Lakoff, G., Johnson, M. (2003). *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press. 256 p. ISBN 0-226-46801-1.
- Leiderman, N. L. (2005). Text and image. *The world of the Russian word*, 3—4: 35—45. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1984). *Literature — reality — literature*. Leningrad: Soviet Writer. 271 p. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1997). Conceptosphere of the Russian language. In: *Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology*. Moscow: Academia. 147—165. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1970). *The structure of a literary text*. Moscow: Iskusstvo. 387 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1988). Art space in Gogol's prose. In: *In the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol*. Moscow: Prosveshchenie. 251—292. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2010). *Semiosphere*. Saint Petersburg: Art-SPB. 704 p. ISBN 5-210-01562-9. (In Russ.).
- Lukina, O. G., Bychkov, Yu. A., Resh, O. V. (2019). Mythological images of birds and ornithomorphic symbolism in the traditional cultures of the peoples of the North. *Bulletin of MGUKI*, 5: 42—50. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10505. (In Russ.).
- Meletinsky, E. M. (2000). *Poetics of myth*. Moscow: Oriental Literature. 331 p. ISBN 5-02-017878-0. (In Russ.).
- Nekhyvadovich, L. I. (2010). *Ethnic tradition in modern humanitarian knowledge: monograph*. Barnaul: ASU Publishing House. 96 p. ISBN 978-5-7904-1104-5. (In Russ.).

- Semino, E. (2008). *Metaphor in Discourse*. Lancaster: Lancaster University. 247 p. ISBN 9780521867306.
- Toporov, V. N. (1983). Space and text. In: *Text: semantics and structure*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 227—284. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1995). *Myth. The ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic*. Moscow: Progress. Culture. 624 p. ISBN 5-01-003942-7. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (2001). *Understanding cultures through the medium of keywords*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 288 p. ISBN 5-7859-0189-7. (In Russ.).
- Uryson, E. V. (1995). Fundamental human abilities and naive “anatomy”. *Questions of linguistics*, 3: 3—16. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.09.2022,
одобрена после рецензирования 17.10.2022,
подготовлена к публикации 25.10.2022.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORY

Алевтина Михайловна Сафронова, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Александр Альбертович Сулейманов, канд. истор. наук (Якутск)
Александр Вячеславович Апанасенок, д-р истор. наук (Курск, Москва)
Александр Юрьевич Давыдов, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Анастасия Владимировна Тиховодова, канд. филос. наук (Нижний Новгород)
Анатолий Анатольевич Слезин, д-р истор. наук (Тамбов)
Артем Васильевич Скочин, канд. истор. наук (Тюмень)
Виктор Алексеевич Зах, д-р истор. наук (Тюмень)
Джемма Вагграмовна Петросян, аспирант (Москва)
Екатерина Сергеевна Симоненко, канд. истор. наук (Уссурийск)
Елена Викторовна Бородулина, канд. истор. наук (Тюмень)
Кузьма Александрович Якимов, канд. истор. наук (Тамбов)
Татьяна Петровна Нестерова, канд. истор. наук (Екатеринбург)

Апанасенок А. В. «Почти советский батюшка»: опыт микроисторического исследования сельской конфессиональной истории 1940—1970-х годов / А. В. Апанасенок // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 313—331. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-313-331.

Apanasenok, A. V. (2022). “Almost Soviet Father”: An Experience of Microhistorical Research of Rural Confessional History in 1940s—1970s. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 313-331. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-313-331. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-313-331

**«Почти советский
батюшка»:
опыт микроисторического
исследования сельской
конфессиональной истории
1940—1970-х годов**

**Апанасенок Александр
Вячеславович^{1,2}**

orcid.org/0000-0003-4650-3730
доктор исторических наук, профессор
apanasenok@yandex.ru

¹Региональный открытый
социальный институт
(Курск, Россия)

²Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского фонда
фундаментальных исследований,
проект № 21-09-43066

**“Almost Soviet Father”:
An Experience
of Microhistorical Research
of Rural Confessional
History in 1940s—1970s**

Alexander V. Apanasenok^{1,2}
orcid.org/0000-0003-4650-3730
Doctor of History, Professor
apanasenok@yandex.ru

¹Regional Open Social Institute
(Kursk, Russia)

²Institute of Scientific Information
for Social Sciences RAS
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by the Russian Foundation
for Basic Research,
project № 21-09-43066

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Поднимается проблема возможностей плодотворного изучения сельской приходской истории советского периода путем микроисторического анализа. Для обсуждения предлагается опыт исследования судьбы небольшой старообрядческой общины. Используются как архивные документы, так и материалы интервью. Цель публикации — показать некоторые факторы воспроизводства традиционной религиозной культуры в советском колхозе 1940—1970-х годов и одновременно продемонстрировать эвристический потенциал комбинированной архивно-полевой работы. В центре внимания автора находится фигура священника, сумевшего восстановить и укрепить свой приход, несмотря на предшествующее раскулачивание и разрушение молитвенного дома. В статье показано, что условиями его успеха стали сплоченность общины, незаурядные личностные качества, а также способность верующих к практическому согласованию христианских и советских ценностей. Принятие советских культурных норм, исключая атеизм, рассматривается в работе в качестве важнейшего фактора выживания старообрядческой общины. В ходе исследования демонстрируется целесообразность верификации данных официальной советской документации путем обращения к устной истории. Указывается, что в материалах государственных служащих СССР, посвященных конфессиональным явлениям, строгие факты могли сочетаться с ложными интерпретациями.

Ключевые слова:

конфессиональная история села; советский период; микроистория; архивная работа; полевые исследования.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of the possibility of a fruitful study of the rural parish history of the Soviet period through microhistorical analysis is raised. For discussion, the experience of researching the fate of a small Old Believer community is proposed. Both archival documents and interview materials are used. The purpose of the publication is to show some factors of the reproduction of traditional religious culture on the Soviet collective farm of the 1940s—1970s and at the same time demonstrate the heuristic potential of combined archival and field work. The author focuses on the figure of a priest who managed to restore and strengthen his parish, despite the previous dispossession and destruction of the prayer house. The cohesion of the community, outstanding personal qualities, as well as the ability of believers to practically harmonize Christian and Soviet values became the conditions for his success is shown in the article. The adoption of Soviet cultural norms, excluding atheism, is considered in the work as the most important factor in the survival of the Old Believer community. The expediency of verifying the data of official Soviet documentation by referring to oral history is demonstrated in the study. It is pointed out that in the materials of the USSR civil servants devoted to confessional phenomena, strict facts could be combined with false interpretations.

Key words:

confessional history of the village; Soviet period; microhistory; archival work; field studies.

«Почти советский батюшка»: опыт микроисторического исследования сельской конфессиональной истории 1940—1970-х годов

© Апанасенок А. В., 2022

1. Введение = Introduction

Летом 2021 года, в процессе полевой работы по сбору устных рассказов о бытовании православной культуры в позднем СССР, автор брал интервью у Сергея Кузьмича Толмачева, пожилого прихожанина из Черемисиновского района Курской области. Будучи человеком начитанным, вдумчивым и при этом общительным, информант изъявил желание поделиться воспоминаниями о религиозной жизни села, в котором вырос. Это село (считавшееся довольно благополучным в советское время) располагается в другом — Беловском — районе того же региона. Из архивных документов было известно, что местная церковь в позднесоветский период оказалась закрытой, она была занята колхозным продовольственным складом, а о православных практиках ее бывших прихожан уполномоченный Совета по делам религий по Курской области отзывался как о «затухающих». В процессе беседы интервьюер поделился этой информацией с информантом, чем неожиданно вызвал довольно бурную реакцию. «Да что там в ваших документах может быть написано? У нас на престольный праздник, на Троицу, наезжало гостей видимо-невидимо, яблоку негде упасть. И три дня село гудело праздником!» — возразил Сергей Кузьмич, фактически указывая на неудовлетворительную осведомленность исследователя. Далее он рассказал о традициях празднования других важных дат православного календаря в родном районе, существовавших в 1960—1970-е годы (довольно богатых и не вполне «затухших» даже к началу 1980-х годов, судя по его словам), а также о клирике из соседнего села, отмечавшем не только православные праздники, но и День труда 1 мая. Интервьюируемый, кроме того, добавил: «А этот уполномоченный что мог знать и что мог написать в своих рапортах? Он, наверно, только к председателю колхоза приезжал да с ним и разговаривал. Приедет, пообедает, рюмку выпьет, поговорит и — айда обратно в Курск. А там уже пишет, что ему надо» (С. К. Толмачев) [АА, 2021].

Во время своей импровизированной речи сельский житель, по сути, сформулировал сразу две важные проблемы, стоящие едва ли не перед всеми исследователями религиозности в советскую эпоху. Первая из них связана с сознательным ограничением круга источников. Большинство историков

изучают прошлое православных практик в СССР, опираясь на архивные документы, чаще всего — делопроизводственную документацию уполномоченных по делам РПЦ / религиозных культов / религий. Однако далеко не всегда понятно, насколько объективно эти материалы отражают реалии духовной жизни советских людей, в том числе советских верующих. Круг вопросов, попадавших в поле зрения среднестатистического советского наблюдателя, не был всеобъемлющим. Безусловно, уполномоченные скрупулезно вели доступную им статистику легальных церковных действий, фиксировали те или иные публичные поступки священнослужителей, контролировали и описывали деятельность церковно-приходских советов, обстоятельно характеризовали меры по антирелигиозной пропаганде и т. п. При этом бытование православных традиций в «домашних» условиях или вне официальной церковной организации вполне могло оставаться за рамками их внимания. Вторая проблема связана со специфическим углом зрения, под которым подавалась информация уполномоченных. Их рапорты (равно как и любые другие документы, созданные партийными и околопартийными функционерами) явно ограничивались господствовавшим в СССР дискурсом, предполагавшим противопоставление традиционной православной и советской культур. Православные практики в этом дискурсе — терпимое (особенно если речь идет о пожилых и малообразованных людях) явление, которое, однако, изживается по мере роста образованности и материального благосостояния общества. Советская же культура в «чистом виде» должна быть свободна от «пережитков». Соответственно, многолюдное празднование Троицы в преуспевающем социалистическом колхозе — неестественное явление; исповедующий советские ценности священник — тоже нонсенс. Такие «нонсенсы» редко находили отражение на страницах официальных отчетов, стремившихся представить реальность в рамках заданных официальной идеологией категорий. Очевидно, что их авторы осознавали ненужность лишней информации (плохо объяснявшейся в рамках официальной идеологии) для вышестоящего начальства, а потому не стремились собирать ее. Отсюда и случаи яркого контраста между документальными свидетельствами и «живой памятью», один из которых описан выше.

Вышесказанное подводит к мысли о том, что попытки отразить многообразие процессов и явлений духовной жизни советского общества, опираясь лишь на архивные материалы, изначально обречены на неудачу. Необходимо искать оптимальное соотношение между источниками разного происхождения и апробировать пути их взаимной верификации. Предлагаемая статья призвана продемонстрировать возможности комбинированного архивно-полевого исследования в процессе изучения сельской конфессиональной истории советской эпохи.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В центре внимания данного исследования — история небольшой старообрядческой общины и ее настоятеля, продемонстрировавших способность к сохранению традиционного конфессионального уклада в социально-политических и культурных реалиях советского села. Попытка изучения этого кейса стала ответом на актуальные историографические вызовы. Еще в 2012 году С. Люрманн в статье с красноречивым названием «Что мы можем знать о советской религиозности?», сетуя на чрезмерную увлеченность исследователей архивами Совета по делам религий, обратила внимание на то, что письменные документы отражают «лишь малую часть имеющего место в действительности» [Люрманн, 2012, с. 486]. Американская исследовательница предложила по возможности дополнять архивные источники устными свидетельствами, продемонстрировав собственный опыт изучения конфессиональной истории Поволжья. Тогда же с аналогичным (весьма эмоциональным) призывом выступил Н. Митрохин, охарактеризовавший чрезмерную концентрацию исследователей на архивах словосочетанием «болезнь по названию “фонд уполномоченного”» [Митрохин, 2012, с. 507]. По всей видимости, ощущение методологической неполноты появилось и у других специалистов, однако историографическая ситуация за последнее десятилетие почти не поменялась. М. Каиль убедительно показывает, что «государствоцентричный» дискурс продолжает господствовать среди исследователей православия новейшего времени, которые в большинстве случаев идут по пути наименьшего сопротивления и смотрят на верующих в СССР глазами советских чиновников со всеми вытекающими последствиями: религиозная история предстает как история притеснений, атеистической пропаганды и свертывания конфессиональных практик под влиянием государственной политики [Каиль, 2021]. Сохраняется и традиция безапелляционного противопоставления православной культуры советскому образу жизни. Конечно, попытки представить ее развитие не «вопреки», а в контексте социалистической реальности (то есть проанализировать процесс адаптации) предпринимались и некоторыми иностранными исследователями ([Siegelbaum, 1992; Young, 1997; Stone, 2008, Шлихта, 2012]), и отдельными российскими (см., напр.: [Воробьева, 2019; Бубнов, 2021; Лизгунов, 2021]), однако на отечественный академический мейнстрим они влияют слабо.

Очевидно, что выход историко-религиоведческих штудий на новый качественный уровень сопряжен с более активным использованием источников неофициального происхождения — эго-документов, материалов *oral history*. Кроме существенного расширения эмпирической основы исследований, это даст возможность увидеть судьбы конфессиональной культуры и ее носителей глазами рядовых советских граждан, не стремившихся «по-

догнать» свои выводы к тому или иному социально-политическому дискурсу.

В ходе обсуждений практических возможностей такой комплексной архивно-полевой работы мы обратили внимание на сюжет, периодически «всплывавший» на протяжении трех лет по причине «обрастания» информации из отдельно взятого архивного дела многочисленными устными свидетельствами. В начале 2000-х годов от представителей курской старообрядческой общины автор узнал имя о. Моисея Семенихина — древлеправославного клирика из сельской местности. О нем отзывались как о священнике, прожившем долгую жизнь и окрестившем сотни детей из старообрядческих семей Курской области. В 2018 году были обнаружены архивные документы, отразившие судьбу о. Моисея и его прихода. Их содержание оставило больше вопросов, чем ответов, поэтому было решено найти людей, помнивших священника. Архивные и полевые изыскания превратились в единое микроисторическое исследование, основные результаты которого представлены в настоящей статье. Ее основные задачи: на основе характерного кейса показать некоторые особенности функционирования конфессиональной культуры в советском колхозе 1940-х — 1970-х годов; сравнить результаты отражения персональной истории сельского батюшки в официальных документах советских функционеров и «живой памяти» его младших современников; продемонстрировать эвристический потенциал сочетания архивной и полевой работы в случае изучения приходской истории советского периода.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. История сельского батюшки и его прихода: общая канва

История жизни о. Моисея Семенихина и его прихода отражена в источниках трех типов. Первый представлен так называемым эго-документом — собственноручно написанной автобиографией. Второй тип — это документы уполномоченных Совета по делам религиозных культов, пристально наблюдавших за деятельностью священника и функционированием молитвенного дома, в котором он служил. Третий — записанные воспоминания его односельчан.

Первый документ (автобиографическая анкета, подробно заполненная о. Моисеем по предложению местной администрации в 1950-е годы), несмотря на сухой стиль изложения, дает впечатляющую картину метаморфоз, пережитых отдельным человеком и страной в первой половине XX века. Будущий батюшка появился на свет в 1885 году в крестьянской семье, проживавшей в с. Скородном Фатежского уезда Курской губернии (впоследствии — Золотухинского района Курской области). В отроческие годы М. Семенихин отучился в местной земской школе, параллельно яв-

ляясь певчим в расположенном поблизости старообрядческом молитвенном доме. Скородное примерно наполовину было населено староверами: к началу XX века в нем насчитывалось чуть менее пятисот древлеправославных христиан, представлявших беглопоповский толк. В молитвенном доме служили местные уставщики, а для совершения таинств сюда время от времени приезжали «бегствующие» от Русской Православной церкви клирики. Желая приобрести опыт для того, чтобы в будущем тоже стать священником, Моисей в юности покинул малую родину и некоторое время путешествовал по стране, а в 1916 году устроился на должность псаломщика в старообрядческий храм в Смоленской губернии. В годы гражданской войны вернулся домой, получил в наследство от родителей дом с хозяйством, и обзавелся собственной семьей (в которой последовательно родились три дочери). В 1929 году, когда беглопоповское направление в староверии получило собственного епископа и, как следствие, возможность воспроизводить священную иерархию, Моисей Семенихин был рукоположен в священнослужители. В автобиографии он подчеркивает значимость для хиротонии своего предыдущего жизненного опыта: «духовный сан получил не по образованию, а по практике» [ГАКО, ф. 5200, оп. 1, д. 65, л. 3].

Служба в качестве настоятеля молитвенного дома продолжалась недолго: в период сплошной коллективизации (1931 год) М. Т. Семенихин оказался в категории «кулаков», за неуплату налога на хозяйство был привлечен к ответственности и, не дожидаясь суда, уехал. Следующее десятилетие священник провел в разных городах вдали от дома, осваивая рабочие специальности. В 1932—1933 годах трудился столяром на одном из московских вокзалов, в 1933—1936 годах руководил строительной бригадой на столичном конзаводе и здесь же окончил инженерные курсы. В 1936 году перебрался на одно из предприятий Орла, а в следующем году переселился в Курск, трудоустроившись в Облнефтесбыте. В 1940 году М. Т. Семенихин оказался еще ближе к дому, устроившись на кирпичный завод в шести километрах от родного села. Во время начавшейся осенью 1941 года немецкой оккупации и на виду у немецкого гарнизона он вернулся в Скородное к своей семье, здесь при помощи местных старообрядцев выстроил новый молитвенный дом [ГАКО, ф. 5200, оп. 1, д. 65, л. 3 об.] (пригодились приобретенные во время изгнания навыки) на месте прежнего, разрушенного в 1933 году [ГАКО, ф. 5200, оп. 1, д. 65, л. 1]. Работы (в автобиографии говорится, что они велись «по принуждению» немцев) были закончены в марте 1942 году, после чего о. Моисей стал проводить в новом молитвенном помещении (рис. 1) регулярные богослужения. Такие продолжались и после прихода советской армии в 1943 году и даже по окончании войны. В 1946 году местная община была внесена в реестр дей-

ствующих религиозных обществ Курской области, что означало официальное разрешение на функционирование молельни, а также продолжение деятельности клирика М. Т. Семенихина [ГАКО, ф. 5200, оп. 1, д. 62, л.51].

Рис. 1. Молитвенный дом, восстановленный для жителей с. Скородное о. Моисеем. Вид 1970-х годов. Из личного архива Л. С. Чаплыгиной

Из документов местного уполномоченного Совета по делам религиозных культов видно, что, в отличие от большинства старообрядческих обществ региона, скороднянский приход легально функционировал вплоть до конца советского периода, постепенно став самым крупным. В 1954 году наблюдатели оценивали численность местных верующих в 450 — примерно столько же было здесь до революции (редкий случай — большинство сельских православных и старообрядческих приходов быстро уменьшались) [ГАКО, ф. 5200, оп. 1, д. 62, л. 51]. Более того, Скородное превратилось в основное место крещения младенцев из старообрядческих семей Курской области: утратившие собственных священнослужителей верующие из других районов регулярно привозили своих детей для совершения первого таинства к о. Моисею. Например, только в 1963 году официальная статистика зафиксировала 14 крещений в скороднянском молитвенном доме [ГАКО, ф. 5200, оп. 1, д. 87, л. 5] (при этом надо иметь в виду, что реальные цифры в таких случаях часто в два-три раза превышали официальные). О. Моисей оставался приходским батюшкой до смерти, последовавшей в 1980 году (как следует из находящейся на его могиле табличке).

Кончина священника фактически определила конец существования местного религиозного общества — на место настоятеля молитвенного дома св. Козьмы и Дамиана с тех пор никто не назначался.

Знакомство с автобиографией скороднянского священнослужителя, а также скухими официальными сведениями о функционировании его прихода впечатляет нетипичностью имевших место явлений и при этом вызывает ряд вопросов. Прежде всего, почему в период, когда борьба со старообрядчеством, по выражению Н. К. Крупской, фактически являлась для советской власти «борьбой с кулачеством», священнику-староверу удалось легко уйти от суда? Далее: каким образом он уцелел вторично, оставшись в своем селе после его освобождения советской армией в 1943 году? Ведь к прошлому «кулака» теперь добавилась еще одна «вина» — согласованное с оккупантами восстановление молитвенного дома. Наконец, почему скороднянская община, возглавляемая батюшкой со столь «сомнительным» прошлым, была официально зарегистрирована советской властью и, более того, стала региональным центром «старой веры»?

3.1. «Ловкач» и «простодушные» верующие: приходская история в зеркале оценок советского чиновника

Логично ожидать, что получить ответы на сформулированные выше вопросы помогут документы из аппарата уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Курской области, тем более что среди них есть специально составленная на М. Т. Семенихина характеристика. Однако знакомство с ней лишь усугубляет ощущение недоумения: советский чиновник не поясняет причин «безнаказанности» раскулаченного сельского священника и расцвета его прихода, но зато рисует неприятный образ о. Моисея и акцентирует внимание на «антисоветских» проявлениях его деятельности. Комментируя события, связанные с коллективизацией в Золотухинском районе Курской области, уполномоченный указывает на раскулачивание о. Моисея и пишет, что тот (как «кулак» второй категории) подлежал высылке, но «сбежал». Описывая процесс восстановления молитвенного дома в конце 1941 — начале 1942 года, уполномоченный приводит факты, характеризующие поведение священника как явно неуважительное по отношению к политике советской власти. Например, указывается на то, что при сооружении нового молитвенного помещения верующие во главе с батюшкой разобрали на строительный материал некоторые принадлежавшие колхозу хозяйственные сооружения, а также дом для сельских учителей. При этом единственная оставшаяся учительница была «выжита» из этого дома [ГАКО, ф. 5200, оп. 1, д. 65, л. 1].

Описывая приходскую реальность послевоенного десятилетия, уполномоченный указывает на сложные (а в отдельных случаях плохие) от-

ношения верующих и настоятеля. Последний (называемый «ловкачом»), согласно служебной записке, не пользуется уважением, так как «пьянствует», а также прослыл «мздоимцем» (странная дефиниция, учитывая, что священнослужитель не имел в советское время никаких рычагов давления на верующих и априори признавался человеком, который живет на пожертвования). В то же время в документе констатируется, что в 1951 году, в связи с организацией в Курской области старообрядческого благочиннического округа, о. Моисей получил должность благочинного, а спустя три года был выдвинут кандидатом на посвящение в епископский чин, что трудно увязывается с утверждениями о неуважении к нему прихожан. Характеризуя особенности личности скороднянского священника, чиновник говорит о хитрости и «приспособленчестве» последнего. В качестве доказательства указывается на обыкновение М. Семенихина намекать на якобы существующее сотрудничество с советскими органами безопасности («работаю с ребятами») для повышения авторитета среди простодушных колхозников. Сам уполномоченный, впрочем, отрицал факт реального сотрудничества такого рода [ГАКО, ф. 5200, оп. 1, д. 65, л. 2].

Какие выводы должен был бы сделать исследователь, познакомившись с подборкой архивных документов о жизни о. Моисея Семенихина и старообрядческой общины с. Скородного? Из нее вроде бы следует, что батюшка — авантюрист, который с молодых лет демонстрирует желание найти себе место «лучше». В 1930-е годы он ссорится с советской властью, безответственно бросает семью, а в военное время, пользуясь оккупацией, возвращается на «теплое место» священника и остается тут на долгие десятилетия. Советская власть, со своей стороны, в послевоенные периоды «за давностью лет» прощает М. Т. Семенихину бегство от суда в 1931 году, а также отказывается считать коллаборационизмом его общение с немецкой комендатурой в процессе строительства молитвенного дома и возрождения прихода. Уважая закрепленное в законодательстве право граждан на свободу совести, власти (скрепя сердце) регистрируют скороднянскую общину и, невзирая на сомнительные качества настоятеля, предоставляют ему свободу богослужебной деятельности. Активное функционирование прихода в 1950-е — 1960-е годы, отраженное в статистике, приходится объяснять исключительно традиционализмом местных староверов и отставанием атеистической работы в данной местности от других районов.

Разумеется, выводы такого рода не могут удовлетворить взыскательного историка. Однако в рамках фактов и интерпретаций, предложенных материалами из фонда уполномоченного Совета по делам религиозных культов, другие сделать трудно. Единственная возможность дополнить / подкорректировать сложившееся представление — обратиться к «живой памяти».

3.2. «И Пасху хорошо отмечали, и 1 мая»: воспоминания младших современников

В процессе сбора сведений об о. Моисее Семенихине и его приходе нам удалось взять интервью у четверых людей (среди них двое пожилых старообрядцев — выходцев из с. Скородное, один православный — живший с клириком по соседству, а также древлеправославный диакон из Курска, в силу своего церковного служения общавшийся со скороднянскими староверами и знавший о. Моисея по их рассказам). Их сведения в отдельных случаях противоречат друг другу: по-разному характеризуются взаимоотношения старообрядческого клирика с другими священниками, создают путаницу в датах. При этом все они серьезно диссонируют с характеристикой личности священника, отраженной в документах и, взятые в целом, дают возможность рассеять чувство недоумения, возникающее в процессе знакомства с архивными свидетельствами о религиозной жизни его села.

«Живая память» об о. Моисее распространяется до периода коллективизации. Согласно рассказам (говоря о 1930-х — 1950-х годах, интервьюируемые передают то, что слышали от родителей), с момента посвящения в сан батюшка всегда был уважаемым в своем селе человеком. Местные старообрядцы, длительное время не имевшие собственного священника, очень дорожили фактом обретения такового в 1929 году, а потому его раскулачивание и наметившийся суд стали ударом по всей старообрядческой части села. Руководство образованного колхоза, «головами отвечавшее» за план коллективизации и высылку «кулацкого элемента», не могло не тронуть благополучного в материальном плане священника, однако совершенно не стремилось к расправе над ним. О. Моисею «то ли организовали отъезд, то ли закрыли глаза на этот отъезд», — то есть, дали возможность спокойно скрыться. Семья, после раскулачивания перебравшаяся в землянку, терпела лишения, однако катастрофой конфискация имущества для нее не стала: односельчане продолжали помогать Семенихиным. Кроме того, последние периодически получали деньги от работавшего в других городах о. Моисея. Об этих передачах средств «все знали», но никто им не препятствовал. О заботе со стороны окружающих свидетельствует и тот факт, что незадолго до начала Великой Отечественной войны старшая из дочерей скрывавшегося священника благополучно поступила в местный медицинский институт. Только здесь она столкнулась с трудностями, обусловленными происхождением, и вынуждена была сменить отчество «Моисеевна» на «Михайловна» (Л. С. Чаплыгина) [АА, 2019]. Что касается конфессиональной жизни с. Скородное, то местные староверы, не имея возможности сходить в храм, «молились по домам», рассчитывая на то, что обстоятельства переменятся (А. П. Чаплыгин) [АА, 2019].

Событием, ярко ознаменовавшим эту перемену и врезавшимся в коллективную память, стало празднование Крещения в январе 1942 года. Поскольку молитвенный дом к этому моменту еще не был восстановлен, то основные праздничные события происходили под открытым небом. Например, во льду местной реки Сновы местными верующими была вырублена прорубь в виде чтимого старообрядцами восьмиконечного креста, поблизости установлен и сам крест. В праздничное утро о. Моисей совершил освящение воды в присутствии большого количества крестьян, а также заинтересовавшихся этим действием немецких солдат. Последние, как ни странно, тоже набирали из реки освященную воду (А. Шамов) [АА, 2003].

Событие же, определившее будущее местной старообрядческой общины, оказалось связанным с арестом трех колхозных руководителей (видимо, состоявших в компартии). Чаще всего жизнь таких арестантов оканчивалась расстрелом, однако в данном случае им повезло: за советских функционеров поручился уважаемый в селе батюшка (интервьюируемые предполагают, что о. Моисей мог быть движим как христианским чувством сострадания, так и признательностью «коммунистам» за помощь своей семье в 1930-е годы). Спасенные пережили оккупацию и после возвращения советской власти в свою очередь спасли о. Моисея от обвинений в коллаборационизме (А. Шамов, А. П. Чаплыгин) [АА, 2003, 2019]. Они же, видимо, «замяли» дело о разборе священником «учительского дома». Последний, как выяснилось, был построен из бревен разрушенного в 1933 году молитвенного помещения. Использование этого строительного материала представлялось батюшке и его прихожанам восстановлением «исторической справедливости» и совершенно не связывалось с неприязнью к выселенной учительнице, для которой нашлось жилище в другом доме (А. П. Чаплыгин) [АА, 2019].

Авторитет, который о. Моисей приобрел во время войны, несомненно, помог его прихожанам оформить официальную регистрацию религиозного общества. При этом думается, что на успешном функционировании прихода в последующие десятилетия отразилось еще одно обстоятельство, а именно — приобретение клириком некоторой «советскости», а также попытки примирить советские ценности с христианскими идеалами в умах своей паствы. Выше были приведены слова советского служащего о том, что священник любил намекнуть на свое мнимое «сотрудничество» с правоохранительными органами. Поскольку этого сотрудничества (опять же по данным уполномоченного) не было, остается предположить, что такого рода поведение было призвано продемонстрировать внутреннее принятие батюшкой советской власти. Данные интервью делают такую гипотезу весьма правдоподобной. В частности, интервьюируемые обратили внимание на мирную

и даже благожелательную риторику клирика по отношению к советским реалиям, в 1960-е — 1970-е годы отмечавшего улучшение жизни на селе и отдававшего должное социалистическому порядку. Вероятно, батюшка интуитивно нащупал идею «христианского коммунизма», развивавшуюся в послевоенные годы некоторыми влиятельными церковными авторами. Например, современник о. Моисея архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) в своих публикациях предлагал в коммунистической морали видеть частичное отражение евангельских принципов, указывая на свойственное как христианам, так и коммунистам неприятие индивидуализма, социального неравенства и эксплуатации человека человеком [Лука, архиепископ, 1948, 2001]. Вряд ли о. Моисей читал или слушал знаменитого православного иерарха, но, судя по вспомнившимся интервьюируемым выражениям («коммунистов не ругайте, они о нас заботятся», «Чего ж тут плохого, если вам говорят — учитесь, работайте, лишнего не хватайте, помогайте друг другу?»), придерживался близкого мнения (Л. С. Чаплыгина, А. П. Чаплыгин) [АА, 2019].

Интервьюируемые вспомнили о молебнах о дожде и урожае, призванных способствовать подъему коллективного хозяйства. В 1940-е — 1950-е годы таковые были распространенным явлением в советском селе [Апанасенко, 2021, С. 210]. Однако интересно то, что о. Моисеем они часто совершались по предложению колхозного руководства, боявшегося «крамолы», но не видевшего ничего предосудительного в традиционных конфессиональных обрядах «ради нужного дела» (В. Т. Митрофанов) [АА, 2019]. Наконец, интересным штрихом к портрету скороднянского батюшки и его прихода являются комментарии опрошенных относительно отмечавшихся в селе праздников. Судя по ним, священник без предубеждения относился к советским памятным датам, а некоторые (например, 1 мая) охотно отмечал. «И Пасху хорошо отмечали, и 1 мая ... Батюшка почти советским стал», — вспомнил житель с. Скородное, в молодости наблюдавший за жизнью соседей, ходивших в молитвенный дом Козьмы и Дамиана» (В. Т. Митрофанов) [АА, 2019]. Празднование Пасхи, совпадавшей с Первомаем или хронологически приближенной к нему, оказывалось особенно торжественным (рис. 2).

В честь советского праздника о. Моисей мог и выпить с местными колхозниками, хотя чаще ограничивался символическим жестом: «начнут мужики собирать по рублю, он даст три, но не пьет» (Л. С. Чаплыгина) [АА, 2019].

Сведения о священнослужителях, до известной степени сформировавших в себе советскую идентичность в послевоенные десятилетия, не являются чем-то исключительным. Среди материалов фонда Совета по делам РПЦ можно найти примеры того, как сельские клирики подавали примеры «социалистической сознательности», участвуя в подписке на го-

Рис. 2. О. Моисей Семенихин в молитвенном доме на Пасху. 1970-е годы
Из личного архива Л. С. Чаплыгиной

сударственные займы или рисуя колхозные плакаты [ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 839, л. 143]. В отчете уполномоченного Совета по Молдавской ССР за 1959 год можно прочесть о том, что местные клирики «в своих беседах с верующими ... приветствуют проводимые нашей партией и правительством мероприятия, достигнутые успехи в области промышленности, сельского хозяйства, в области науки, культуры и техники Они пытаются внушить верующим, что между идеями коммунизма и религии нет никакой разницы, что вся деятельность церкви и духовенства направлена на успешное построение коммунизма» [ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 1826, л. 6]. Характеризуя такие явления, Э. Стоун ввел в научный оборот понятие «советский верующий», предполагающее «участие и в религиозных, и в советских практиках как составляющую ... повседневной жизни» [Stone, 2008, с. 311]. Видимо, к такому духовному состоянию в период «развитого социализма» приблизился и о. Моисей Семенихин (что и позволило его приходу благополучно существовать), однако в документах местного уполномоченного Совета по делам религиозных культов это не отражено.

Если в ряде случаев воспоминания очевидцев дополняют сведения советского чиновника, отраженные в архивных документах, то в случае

с оценкой личности скороднянского священника они просто расходятся. Судя по интервью, о. Моисей был весьма демократичным в общении человеком, далеким от злопамятства или стремления ссориться с окружающими (любил поговорить с односельчанами, в том числе обсудить новости в стране и мире, в позднесоветское время за глаза назывался «наш дедушка»). Ничего не имел против фотографирования с прихожанами (рис. 3), а его «мирским» хобби была езда на мотоцикле, к которой он приобщал и местных жителей. Даже в преклонном возрасте (за восемьдесят) он ездил на своем «Иже», катая на нем местных детей (Л. С. Чаплыгина, В. Т. Митрофанов) [АА, 2019]. Эта открытость, вероятно, была еще одним фактором, мешавшим окружающим противопоставлять «церковную» культуру (олицетворяемую о. Моисеем) культуре советской.

Чем объяснить неприязненный тон уполномоченного Совета по делам религиозных культов, написавшего характеристику на старообрядческого священнослужителя, а также его слова о сложных отношениях с прихожанами? Наиболее вероятным выглядит следующее объяснение. Зная о «кулацком» прошлом клирика, а также его служении во время немецкой оккупации, чиновник не считал возможным лестно отзываться о клирике. Скептический отзыв был обусловлен стремлением продемонстрировать вышестоящему начальству идейную зрелость и политическую сознательность.

Рис. 3. О. Моисей с древлеправославными прихожанами с. Скородное. 1970-е годы.
Из личного архива Л. С. Чаплыгиной

Если обобщить воспоминания младших современников о. Моисея, можно сказать, что у всех просматривается идея закономерности его истории с точки зрения воплощения в ней фундаментальных законов общественного бытия. Специалисты в области этнокультурологии отмечают, что в число обязательных мифов любого традиционного социума входят сюжеты о «золотом веке», «глубоком горе», «ключевом испытании» и, наконец, о «неизбежном великом возрождении» [Лурье, 1999; Черепанова, 2011]. Судьба о. Моисея Семенихина и местной древлеправославной общины фактически преподносится интервьюируемыми через описание соответствующих этапов: период до коллективизации («золотой век»), гонения 1930-х годов («глубокое горе»), Великая Отечественная война («испытание»), послевоенный период (относительное возрождение церковной жизни и нормализация жизни персональной). В этом заключается еще одно важное расхождение «живой памяти» и бюрократической интерпретации: первая ищет опору в неких универсальных законах человеческого бытия, вторая — в предлагаемом государством дискурсе.

4. Заключение = Conclusions

История о. Моисея Семенихина и его общины — это сюжет о «маленьких людях», однако именно этим она и ценна, если смотреть с микроисторической точки зрения. Не будучи «героической», она выглядит очень содержательной и дает богатую пищу для размышлений об особенностях сельской приходской жизни в средне- и позднесоветский периоды. Жизненный путь древлеправославного клирика и его прихожан явно не вписывается в шаблонную модель описания конфессиональных процессов в СССР, исходящую от представления о том, что государство — это субъект, религиозные организации — объект, рядовые верующие — «жертвы», а православная и советская культура несовместимы. Государство могло закрыть храм (молитвенный дом), изолировать священника от верующих (как это случилось в описанном выше случае), однако сами по себе эти меры еще не предопределяли конфессиональный коллапс. Коллективная солидарность прихожан и личностные качества священника оказывались фактором не менее важным, чем заданные режимом антирелигиозные тренды. Кроме того, существенным обстоятельством становилась и способность людей найти созвучие между советскими и христианскими ценностями, сконцентрироваться на моментах их совпадения, а не противоречия.

Проведенное мини-исследование показывает принципиальное несоответствие восприятия фигуры «древлеправославного батюшки» государственными структурами (персонифицированными чиновником из Совета по делам религиозных культов) и его односельчанами. Для атеистически

ориентированного государства герой данной статьи — «ловкач», его длительное служение, как и само существование прихода, — недоразумение. «Кулацкий» бэкграунд и намеки на «коллораборационизм» клирика не давали советским функционерам шансов посмотреть на его жизнедеятельность беспристрастно: характеристика таковой превращалась для них в тест на политическую лояльность. А для людей, не стремящихся смотреть на действительность через призму идеологии, история скороднянского священнослужителя оказалась жизнеутверждающим примером того, что традиционные ценности и привычный конфессиональный уклад можно в принципе сохранить при любых обстоятельствах.

Думается, что представленный сюжет наглядно демонстрирует и эвристический потенциал сочетания архивной работы и *oral history* при изучении приходской истории советского периода. В данном случае «профессиональное» долголетие священника и стойкость его общины стали понятны лишь тогда, когда формальные сведения, отраженные в документах советских инстанций, были дополнены сведениями и интерпретациями носителей «живой памяти». Впрочем, справедливо будет и другое утверждение: доверие исследователя к рассказам информантов (не вполне последовательным и, в отдельных случаях, противоречившим друг другу) оказалось обоснованным и нашло подтверждение в наличии группы документов и фактов из пресловутого «фонда уполномоченного».

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* автора. Запись беседы с С. К. Толмачевым. Пос. Черемисиново Курской области. 5.06.2021 г.; Запись беседы с Л. С. Чаплыгиной. Курск, 26.04.2018 г.; Запись беседы с А. П. Чаплыгиным. Курск, 29.09.2019 г.; Запись беседы с В. Т. Митрофановым. С. Скородное Золотухинского района Курской области, 15.05.2018 г.; Запись беседы с диаконом А. Шамовым. Курск, 15.12.2003 г.
2. ГАКО — *Государственный* архив Курской области. Ф. 5200 (Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Курской области). Оп. 1. ДД. 62, 65, 87.
3. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам религий при Совете Министров СССР). Оп. 1. ДД. 839, 1826.

Литература

1. Апанасенок А. В. Православные практики в структуре повседневной жизни граждан СССР 1940-х — 1950-х гг. / А. В. Апанасенок, А. Ю. Бубнов // Вопросы истории. — 2021. — № 12 (3). — С. 204—214. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202112Statyi93.
2. Бубнов А. Ю. Политическая религия и феномен «советских верующих» / А. Ю. Бубнов // Россия и политический порядок в меняющемся мире : ценности, институты, перспективы. Материалы IX Всероссийского конгресса политологов, Москва, 16—18 декабря 2021. — Москва : Аспект-Пресс, 2021. — С. 93—94. — ISBN 978-5-7567-1170-7.

3. *Воробьева Н. В.* Конструирование «советской» идентичности в автобиографиях омских архиереев / Н. В. Воробьева // Омские научные чтения — 2019. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции. — Омск : Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2019. — С. 962—963. — ISBN 978-5-7779-2435-3.
4. *Каиль М. В.* Православие в России 1914—1964 годов : опыт изучения и общественная память в дискурсе репрессий и поиске альтернативных познавательных подходов / М. В. Каиль // Новый исторический вестник. — 2021. — № 3 (69). — С. 74—86. — DOI: 10.54770/20729286-2021-3-74.
5. *Лизгунов П. О.* Публикации свт. Луки (Войно-Ясенецкого) и проблема идентичности верующих советских граждан / П. О. Лизгунов // Богословский вестник. — 2021. — № 4 (43). — С. 159—189. — DOI: 10.31802/GB.2021.43.4.010.
6. *Лука (архиепископ Крымский и Симферопольский).* К миру призвал нас Господь / Лука (архиепископ Крымский и Симферопольский) // Журнал Московской патриархии. — 1948. — № 1. — С. 61—64.
7. *Лука, архиепископ (Войно-Ясенецкий).* Наука и религия : дух, душа и тело / Лука. — Москва : Троицкое слово, 2001. — 315 с. — ISBN 5-222-01795-8.
8. *Лурье С. В.* Национализм, этничность, культура : категории науки и историческая практика / С. В. Лурье // Общественные науки и современность. — 1999. — № 4. — С. 101—111.
9. *Люрмани С.* Что мы можем знать о советской религиозности? (Сопоставление архивных и устных источников из послевоенного Поволжья) / С. Люрмани // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2012. — № 3—4 (30). — С. 485—504.
10. *Митрохин Н.* Болезнь под названием «фонд уполномоченного» или несколько страниц об актуальных проблемах изучения религиозности в СССР / Н. Митрохин // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2012. — № 3—4 (30). — С. 505—511.
11. *Черепанова Р. С.* Советский опыт на постсоветском пространстве памяти / Р. С. Черепанова // Мониторинг общественного мнения. — 2011. — № 6 (106). — С. 66—75.
12. *Шлихта Н. В.* «Православный» и «советский» : к вопросу об идентичности верующих советских граждан (1940-е — начало 1970-х гг.) / Н. В. Шлихта // Антропологический форум. — 2012. — № 23. — С. 82—107.
13. *Siegelbaum L. H.* Religion, Anti-Religion and Double Faith / L. H. Siegelbaum // Soviet State and Society between Revolutions, 1918—1929. — Cambridge : Cambridge University Press, 1992. — Pp. 156—165.
14. *Stone A. B.* “Overcoming Peasant Backwardness” : The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union / A. B. Stone // Russian Review. — 2008. — Vol. 67. — № 2. — Pp. 296—320.
15. *Young G.* Power and the Sacred in Revolutionary Russia : Religious Activists in the Village / G. Young. — University Park : Pennsylvania State University Press, 1997. — 307 p.

Material resources

Archive of the author. Recording of a conversation with S. K. Tolmachev. Cheremisinovo village, Kursk region. 5.06.2021; Recording of a conversation with L. S. Chaplygina. Kursk, 26.04.2018; Recording of a conversation with A. P. Chaplygin. Kursk, 29.09.2019; Recording of a conversation with V. T. Mitrofanov. S. Skorodnoe Zolotukhinsky district of the Kursk region, 15.05.2018; Recording of a conversation with deacon A. Shamov. Kursk, 15.12.2003. (In Russ.).

State Archive of the Kursk region. F. 5200 (Commissioner of the Council for Religious Cults under the Council of Ministers of the USSR for the Kursk region). Op. 1. DD. 62, 65, 87. (In Russ.).

State Archive of the Russian Federation. F. 6991 (Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR). Op. 1. DD. 839, 1826. (In Russ.).

References

- Apanasenok, A. V., Bubnov, A. Y. (2021). Orthodox practices in the structure of everyday life of citizens of the USSR of the 1940s — 1950s. *Questions of History*, 12 (3): 204—214. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202112Statyi93. (In Russ.).
- Bubnov, A. Y. (2021). Political religion and the phenomenon of “Soviet believers”. In: *Russia and political order in a changing world: values, institutions, prospects. Proceedings of the IX All-Russian Congress of Political Scientists, Moscow, December 16—18, 2021*. Moscow: Aspect-Press. 93—94. ISBN 978-5-7567-1170-7. (In Russ.).
- Cherepanova, R. S. (2011). Soviet experience in the post-Soviet space of memory. *Monitoring of public opinion*, 6 (106): 66—75. (In Russ.).
- Kail, M. V. (2021). Orthodoxy in Russia 1914—1964: the experience of studying and public memory in the discourse of repression and the search for alternative cognitive approaches. *New Historical Bulletin*, 3 (69): 74—86. DOI: 10.54770/20729286-2021-3-74. (In Russ.).
- Lizgunov, P. O. (2021). Publications of svt. Luke (Voino-Yasenetsky) and the problem of the identity of believers of Soviet citizens. *Theological Bulletin*, 4 (43): 159—189. DOI: 10.31802/GB.2021.43.4.010. (In Russ.).
- Luke (Archbishop of Crimea and Simferopol). (1948). The State has called us to peace. *Journal of the Moscow Patriarchate*, 1: 61—64. (In Russ.).
- Luke, Archbishop (Voino-Yasenetsky). (2001). *Science and Religion: Spirit, Soul and Body*. Moscow: Troitskoe slovo. 315 p. ISBN 5-222-01795-8. (In Russ.).
- Lurie, S. V. (1999). Nationalism, ethnicity, culture: categories of science and historical practice. *Social sciences and modernity*, 4: 101—111. (In Russ.).
- Lurmann, S. (2012). What can we know about Soviet religiosity? (Comparison of archival and oral sources from the post-war Volga region). *State, religion, Church in Russia and abroad*, 3—4 (30): 485—504. (In Russ.).
- Mitrokhin, N. (2012). A disease called “The Commissioner’s Fund” or several pages about the actual problems of studying religiosity in the USSR. *State, religion, Church in Russia and abroad*, 3—4 (30): 505—511. (In Russ.).
- Shlikhta, N. V. (2012). “Orthodox” and “Soviet”: on the question of the identity of believers of Soviet citizens (1940s — early 1970s). *Anthropological forum*, 23: 82—107. (In Russ.).
- Siegelbaum, L. H. (1992). Religion, Anti-Religion and Double Faith. In: *Soviet State and Society between Revolutions, 1918—1929*. Cambridge: Cambridge University Press. 156—165.
- Stone, A. B. (2008). “Overcoming Peasant Backwardness”: The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union. *Russian Review*, 67 (2): 296—320.
- Vorobyova, N. V. (2019). Constructing the “Soviet” identity in the autobiographies of Omsk bishops. In: *Omsk Scientific Readings — 2019. Materials of the Third All-Russian Scientific Conference*. Omsk: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky. 962—963. ISBN 978-5-7779-2435-3. (In Russ.).
- Young, G. (1997). *Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village*. University Park: Pennsylvania State University Press. 307 p.

Статья поступила в редакцию 08.02.2022,
одобрена после рецензирования 15.06.2022,
подготовлена к публикации 03.10.2022.

Бородулина Е. В. Средние специальные учебные заведения Тюмени в 1920—1930-е годы / Е. В. Бородулина, А. В. Скочин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 332—353. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-332-353.

Borodulina, E. V., Skochin, A. V. (2022). Secondary Specialized Educational Institutions of Tyumen in 1920—1930s. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 332-353. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-332-353. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-332-353

Средние специальные учебные заведения Тюмени в 1920—1930-е годы

Бородулина Елена Викторовна

orcid.org/0000-0002-0324-927X

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории и мировой политики
borodulina.e@list.ru

Скочин Артем Васильевич

orcid.org/0000-0003-2767-8199

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории и мировой политики
A.V.Skochin@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
РФФИ в рамках научного проекта
№ 20-49-720018

Secondary Specialized Educational Institutions of Tyumen in 1920—1930s

Elena V. Borodulina

orcid.org/0000-0002-0324-927X

PhD in History, associate professor,
Department of History and World Politics
borodulina.e@list.ru

Artem V. Skochin

orcid.org/0000-0003-2767-8199

PhD in History, associate professor,
Department of History and World Politics
A.V.Skochin@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded
by RFBR, project number
20-49-720018

© Бородулина Е. В., Скочин А. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы, касающиеся материальных и кадровых аспектов в начальный период формирования средних специальных учебных заведений в Тюмени в 1920—1930-е годы. Уделяется внимание изучению процесса создания сети учебных заведений, выявляются направления подготовки студентов, приводятся данные о динамике численности учащихся. Представлены результаты анализа формирования материальной базы техникумов. Выявлены проблемы, с которыми студентам приходилось сталкиваться в процессе обучения. Дана оценка материально-техническим условиям образовательной деятельности. Авторы останавливаются на изучении кадрового состава средних специальных учебных заведений города. Уделяется внимание анализу уровня образования и квалификации педагогов. Исследуются материальные условия труда преподавательского состава. Авторы отмечают определенную динамику в решении материальных и кадровых проблем техникумов в исследуемый период, несмотря на то что существующие возможности учебных заведений существенно уступали потребностям населения в получении профессионального образования. Делается вывод о степени обеспеченности учебных заведений города преподавательскими и административными кадрами. Оценивается влияние данной проблемы на качество подготовки студентов.

Ключевые слова:

среднее специальное образование; техникумы; Тюмень; педагогические кадры; материальная база.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Issues related to the material and personnel aspects in the initial period of the formation of secondary specialized educational institutions in Tyumen in the 1920—1930s are considered. Attention is paid to the study of the process of creating a network of educational institutions, areas of student training are identified, and data on the dynamics of the number of students are given. The analysis results of the material base of technical schools formation are presented. The problems that students had to face in the learning process were identified. An assessment of the material and technical conditions of educational activities is made. The authors dwell on the study of the staff of secondary specialized educational institutions of the city. Attention is paid to the analysis of the level of education and qualifications of teachers. The material working conditions of the teaching staff are investigated. The authors note a certain dynamics in solving the material and personnel problems of technical schools in the period under study, despite the fact that the existing opportunities of educational institutions were significantly inferior to the needs of the population in obtaining professional education. The conclusion is made about the degree of provision of educational institutions of the city with teaching and administrative personnel. The impact of this problem on the quality of student training is assessed.

Key words:

secondary special education; technical schools; Tyumen; teaching staff; material base.

Средние специальные учебные заведения Тюмени в 1920—1930-е годы

© Бородулина Е. В., Скочин А. В., 2022

1. Введение = Introduction

Модернизация различных сторон общественной жизни, интенсивность которой за последние десятилетия существенно выросла, обуславливает повышение требований и к профессиональной подготовке современных специалистов. Изучение регионального опыта формирования системы профессионально-технического обучения в 1920—1930-е годы, в условиях острой необходимости в квалифицированных специалистах для потребностей легкой индустрии в период НЭПа и тяжелой промышленности в период индустриализации, представляется особенно актуальной. Именно в эти годы была заложена основа советской системы профессионально-технического обучения, развитие которой будет происходить в течение последующих десятилетий.

Различные проблемы профессионально-технического обучения в изучаемый период привлекали пристальное внимание современных исследователей. В 2000—2010-е годы появились работы, авторы которых подвергали тщательному анализу государственную политику в области среднего специального образования [Валько, 2013; Попов, 2001; Попов, 2007], выявляли этапы его развития [Марченков, 2016], исследовали отдельные направления подготовки будущих специалистов [Пономарев, 2018; Харламов, 2006]. В это время также появилось значительное количество работ, посвященных изучению проблем среднего специального образования на материалах отдельных регионов страны. Исследователи касались вопроса развития сети профессионально-технических учебных заведений, анализировали материально-техническую базу и кадровый состав техникумов, изучали отдельные направления подготовки специалистов [Леднев и др., 2003; Скворцова, 2014; Дамбаев, 2017].

Данная проблема привлекала внимание и тюменских исследователей. Так, в статьях А. Н. Животовой была изучена реализация политики государства в отношении профессионально-технического образования на материалах Тюмени и «партийные чистки» в преподавательской среде в 1920—1930-е годы [Животова, 2016; Животова и др., 2017; Животова, 2018]. Ю. А. Соловьева в своей работе подвергла анализу организацию и содержание учебного процесса в техникумах Тюмени в первые два десятилетия советской власти [Соловьева, 2001].

Вместе с тем комплексное исследование проблемы среднего специального образования в 1920—1930-е годы на материалах Тюмени не проводилось, ряд аспектов данной проблемы анализировался лишь фрагментарно либо совсем не подвергался изучению. В связи с этим проблема формирования среднего специального образования в городе представляет определенный исследовательский интерес.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель работы — изучить историю формирования средних специальных учебных заведений в Тюмени в 1920—1930-е годы. Как уже отмечалось, несмотря на то что в исследуемый период проблема среднего специального образования серьезно и всесторонне исследовалась на материалах страны в целом и на примере отдельных регионов, данная проблематика оказалась обойденной вниманием применительно к Тюмени. В связи с этим авторами было предпринято комплексное изучение данной проблемы на материалах обширной источниковой базы, которая ранее не использовалась в работах исследователей, и впервые была введена в научный оборот. Основную часть исторических источников составила делопроизводственная документация органов управления народным образованием и средних специальных учебных заведений Тюмени, сохранившаяся в фондах Государственного архива Тюменской области [ГАТО]. К ним, в частности, относятся протоколы заседаний учебных заведений, справки о работе техникумов, а также отчеты об их деятельности за исследуемый период. Эти материалы содержат богатые сведения о структуре и материальной базе учебных заведений, об организации образовательного процесса, статистические данные о численности, квалификации, уровне заработной платы работников и т. д.

Вторую группу исторических источников исследования составили нормативно-правовые акты центральных государственных и партийных органов власти. К ним относятся постановления центрального и регионального комитетов ВКП(б), декреты и постановления Советов народных комиссаров СССР и РСФСР. Данные материалы публиковались в сборниках законодательных документов, касающихся вопросов государственного строительства, развития образования и культуры в советский период.

Третья группа источников — это материалы периодической печати, представленные региональными газетами «Трудовой набат» и «Красное знамя» 1920—1930-х годов, в которых публиковались заметки об образовательной и внеучебной деятельности учащихся тюменских техникумов, кадровом составе учебных заведений, а также объявления о приеме абитуриентов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Становление тюменских техникумов

После октября 1917 года одной из главных задач в контексте реализации образовательной и кадровой политики новой власти стало расширение форм профессиональной подготовки специалистов, необходимых для удовлетворения экономических потребностей страны. Первым шагом в реализации этой задачи стало учреждение в ноябре 1918 года секции профессионально-технического образования Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос). 29 января 1920 года декретом СНК РСФСР она была преобразована в Главный комитет профессионального образования (Главпрофобр), в ведении которого оказались все профессиональные учебные заведения страны: от школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) до университетов [Об организации..., 1920].

Одновременно с образованием Главпрофобра были созданы и местные органы руководства профессионально-техническим обучением. В феврале 1920 года в Тюменской губернии при отделе народного образования Губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов начал свою деятельность Тюменский губернский подотдел (с октября 1920 года — комитет) профессионально-технического образования (губпрофобр) [ГАТО, ф. Р-80, оп. 1, д. 21, л. 15]. В мае 1920 года был утвержден план его работы, который предполагал формирование материальной и кадровой баз, необходимых для открытия в губернии первых советских учреждений профессиональной подготовки [ГАТО, ф. Р-80, оп. 1, д. 21, л. 10].

Первым учреждением среднего профессионального образования, созданным на базе бывшего реального училища, стал сельскохозяйственный техникум, открытие которого состоялось 27 октября 1920 года [Путеводитель..., 1962, с. 295]. В 1923/1924 учебном году техникум осуществил первые выпуски агрономического, агрохимического, лесного и дорожно-строительного отделений общей численностью 29 человек [Будилович, 1924; Сельско-хозяйственный техникум..., 1924]. В следующем учебном году в связи с недостаточным финансированием лесное и дорожно-строительное направления подготовки были закрыты [Тюменский сельско-хозяйственный техникум ..., 1924; Соловьева, 2001, с. 188]. С 1 октября 1927/1928 учебного года Тюменский сельскохозяйственный техникум был преобразован в мелиоративный с культурно-техническим отделением, на котором стали готовить специалистов для «устройства простейших водосборных сооружений, орошения и осушения небольших земельных участков, раскорчевки лесных пространств, укрепления оврагов». Период подготовки учащихся увеличился с 3 до 4 лет [Серков, 1927].

В 1930 году из состава мелиоративного техникума был выделен зерновой, ставший самостоятельным учебным заведением. Мелиоративный тех-

никум, находившийся в ведении Наркомата земледелия СССР, осуществлял подготовку специалистов по полеводству, а в зерновом, имевшем статус учреждения среднего профессионального образования областного значения, стали готовиться специалисты для «мелиоративно-дорожных» работ [Усольцев, 1931]. В 1932 году мелиоративный техникум вошел в состав Пермского землеустроительного техникума, который в августе 1933 года, имея три отделения подготовки — землеустроительное, мелиоративное и геоботаническое, переехал из Перми в Тюмень. Зерновой техникум с ноября 1933 года существовал уже не самостоятельно, а как отделение Автотракторного учебного комбината. Помимо техникума, он включал в себя школы авто- и тракторных механиков, а также специальные курсы, на которых проходили подготовку водители и трактористы [ГАТО, ф. Р-1202, оп. 1, д. 1, л. 1].

Единый Тюменский сельскохозяйственный техникум вновь заработал лишь в конце 1933/1934 учебного года, после очередной реорганизации [О реорганизации..., 1980, с. 154]. С этого времени в учебном заведении стали готовить землеустроителей, механизаторов, полеводов (зерновиков-овощеводов) и мелиораторов-гидротехников, отделение которых было ликвидировано лишь в конце 1940 года, в то время как по остальным специальностям выпуск студентов продолжал осуществляться и в последующие годы [ГАТО, ф. Р-1202, оп. 1, д. 2, л. 4].

В августе 1921 года в Тюмень была переведена повивально-фельдшерская школа, в течение многих лет находившаяся в Тобольске. Учебное заведение получило наименование Фельдшерско-акушерской школы и с 31 января 1923 года было преобразовано в техникум [ГАТО, ф. Р-300, оп. 1, д. 3, л. 25, 32]. Студенты, переведенные из Тобольска в Тюмень, получили возможность завершить обучение, а с осени 1923 года техникум объявил о наборе учащихся на первый курс. В учебном заведении студенты проходили подготовку по акушерской специальности, срок обучения составлял 2,5 года. В 1928 году акушерский техникум был преобразован в медицинский. В его составе было создано три отделения: фельдшерское, акушерское и подготовительное отделение для национальных меньшинств. Срок обучения студентов был увеличен до 3 лет [ГАТО, ф. 300, оп. 1, д. 3, л. 10]. После перехода Тюменского медицинского техникума в ведение Наркомздрава (на местном уровне — Уральского Облздрава, так как с 3 ноября 1923 года по 17 января 1934 года Тюмень являлась центром Тюменского округа в составе Уральской области) направления подготовки учебного заведения подверглись очередной реорганизации [ГАТО, ф. Р-300, оп. 1, д. 57, л. 28]. Так, в техникуме появилось отделение охраны материнства и младенчества (ОММ), отделение помощников санитарных врачей и техников по уходу за больными, впоследствии переименованное

в отделение медицинских сестер. Срок обучения на всех направлениях составлял 2 года, исключением было лишь отделение для национальных меньшинств, где студенты обучались в течение одного года.

В 1930-е годы учебное заведение неоднократно меняло свое наименование. С 1931 года оно стало называться медицинским политехникумом, а с 1934/1935 учебного года — вновь фельдшерско-акушерской школой с фельдшерским (3 года) и акушерским (2 года) отделениями [ГАТО, ф. Р-300, оп. 1, д. 92, л. 52]. Бывшее отделение ОММ выделили в школу ясельных сестер при фельдшерско-акушерской школе сначала как вечернее, а с 1938/1939 учебного года — как дневное, с двухгодичным сроком обучения. Подготовительное отделение для национальных меньшинств вскоре было закрыто.

25 сентября 1921 года распоряжением Тюменского Губисполкома в городе было создано педагогическое училище, которое должно было выпускать учителей для школы I ступени, руководителей и педагогических работников дошкольных учреждений. Срок обучения в нем составлял 4 года [Педагогический техникум ..., 1921]. В январе 1935 года из Омска в Тюмень было переведено педагогическое училище, которое объединили с тюменским учебным заведением. Это привело к образованию Тюменского педагогического техникума, в составе которого действовали очное дневное, вечернее и заочное школьные отделения. С 1937 года учебное заведение вновь получило статус «училища» [ГАТО, ф. Р-689, оп. 1, д. 121, л. 109].

Во второй половине 1920-х годов в Тюмени существовало еще одно среднее специальное учебное заведение — промышленно-экономический техникум, созданный 28 февраля 1925 года. Занятия в нем начались почти год спустя — с 9 февраля 1926 года. Учебное заведение, предполагавшее трехгодичное обучение на счетно-финансовом отделении, вошло в историю города как не сделавшее ни одного выпуска. В 1928 году ввиду материальных проблем техникум был закрыт [ГАТО, ф. Р-115, оп. 1, д. 14, л. 8—9, 11].

3.2. Материальная база средних специальных учебных заведений

Важным условием качественного функционирования учебных заведений является наличие хорошо оснащенной материальной базы. На пути своего становления и развития учреждения среднего специального образования Тюмени столкнулись с целым рядом материальных проблем, которые требовали быстрого решения. В первую очередь они были связаны с неудовлетворительным состоянием учебных корпусов.

В наиболее выигрышном положении, в сравнении с другими учебными заведениями города, находился сельскохозяйственный техникум. Созданный на базе Александровского реального училища, он унаследовал просторное здание по улице Республики, 7, в котором ныне располагается Государ-

ственный аграрный университет Северного Зауралья. Двухэтажный корпус здания имел 28 комнат [ГАТО, ф. Р-1202, оп. 1, д. 1, л. 19], в которых располагались учебные аудитории и кабинеты. В полуподвальном помещении находилось студенческое общежитие. Вместе с тем в первой половине 1920-х годов здание техникуму пришлось делить с Тюменским педагогическим училищем, а в 1926—1928 годах — еще и с промышленно-экономическим техникумом, который арендовал часть помещений и оборудование, так как не имел собственного учебного корпуса [ГАТО, ф. Р-115, оп. 1, д. 8, л. 4].

В августе 1921 года, после переезда в Тюмень тобольской фельдшерско-акушерской школы, учебному заведению выделили здание бывшей частной школы в районе Затюменки. Однако оно требовало капитального ремонта, средств для которого не было [ГАТО, ф. Р-300, оп. 1, д. 5, л. 7], поэтому в январе 1922 года учебному заведению уже в статусе техникума предоставили другое здание — бывшей женской гимназии в центре города по ул. Володарского, 6 / ул. Семакова, 10. В настоящее время в этом здании располагается административный корпус Тюменского государственного университета. В помещении бывшей женской гимназии фельдшерско-акушерский техникум размещался совместно со школой первой ступени № 1. По этой причине в первой половине дня помещения для учебы занимались школьниками, а занятия для студентов проводились с 15.00 до 21.00. Однако учебный корпус также требовал капитального ремонта: «здание течет через крышу, необходимо ремонтировать печи, уборную, поставить новую лестницу ...», — сетовал директор учебного заведения Д. З. Жуков [ГАТО, ф. Р-300, оп. 1, д. 4, л. 7]. По этой причине время обучения студентов неоднократно сокращалось. Так, 1922/1923 учебный год у студентов начался только с 14 ноября, а 1923/1924 учебный год — с 1 октября [Соловьева, 2001, с. 184]. В таких условиях техникум действовал до февраля 1934 года, когда учебное заведение переехало в здание по ул. Ленина, 45. В отличие от корпуса бывшей женской гимназии новое здание уже было приспособлено для учебной деятельности, однако также требовало капитального ремонта [ГАТО, ф. Р-300, оп. 1, д. 87, л. 4]. В связи с этим неоднократно обсуждалась проблема постройки нового учебного корпуса. В конце 1930-х годов были составлены проект и смета на строительство здания, стоимость которого была определена в один миллион рублей, однако до начала Великой Отечественной войны эту задачу решить так и не удалось [Новый учебный корпус..., 1940].

Педагогическое училище с момента своего основания в сентябре 1921 года расположилось в здании бывшего Александровского реального училища по ул. Республики, 7 вместе с сельскохозяйственным техникумом. Учебные заведения были объединены в хозяйственном и финансовом отношениях. Далее информация о месте расположения училища несколько противоречива. Одна-

ко вероятнее всего, как следует из годового отчета училища по учебной, воспитательной, культурно-массовой и спортивной работе за 1923/1924 учебный год, учебное заведение продолжало размещаться в одном корпусе с сельскохозяйственным техникумом [ГАТО, ф. Р-689, оп. 1, д. 18, л. 18].

В конце 1920-х годов педагогическое училище обособилось и разместилось в бывшем Народном доме по ул. 25-го Октября, 13 (в настоящее время в этом здании располагается официальная резиденция губернатора Тюменской области). В 1935 году, согласно докладной записке директора техникума Б. И. Гриншпана наркому просвещения РСФСР А. С. Бубнову, после объединения Тюменского и Омского педагогических училищ в Тюменский педагогический техникум учебное заведение получило в пользование два здания: учебный корпус № 1 (ул. Республики, 31), где под занятия удалось приспособить 11 комнат, и учебный корпус № 2 (ул. Челюскинцев, 30) с 15 небольшими кабинетами. Второе здание принадлежало коммерческому банку, поэтому техникуму приходилось оплачивать его аренду [ГАТО, ф. Р-689, оп. 1, д. 34, л. 1, 2]. Однако учебных помещений для дневного отделения все же не хватало, поэтому учащиеся занимались в две смены, а руководство учебного заведения вынуждено было дополнительно арендовать у соседних школ классы и физкультурный зал [Соловьева, 2001, с. 185]. Отчет техникума за 1935/1936 учебный год позволяет сказать, что у учебного заведения также имелся еще один корпус по ул. Республики, 21, который до конца 1930-х годов являлся основным [ГАТО, ф. Р-689, оп. 1, д. 35, л. 3].

Проблема непригодности зданий для организации учебного процесса, острый дефицит аудиторий, необходимость капитального ремонта и многие другие вопросы, касающиеся материальной базы учебного заведения, регулярно обсуждались и во второй половине 1930-х годов. Решению давно назревших проблем должно было способствовать строительство нового здания Тюменского педагогического училища, которое началось в апреле 1937 года. Однако уже в мае 1938 года, несмотря на обращения директора училища в Москву, «при готовности здания на 30 процентов», стройку прекратили из-за отсутствия строительных материалов [ГАТО, ф. Р-689, оп. 1, д. 121, л. 74]. Единственный выход в сложившейся ситуации руководство учебного заведения видело в уменьшении контингента учащихся дневного отделения: если к моменту объединения училища в нем обучалось 686 человек, в сентябре 1936/1937 учебного года — 546 студентов, то к концу 1937/1938 учебного года количество обучающихся составило всего 491 человек.

Наряду с тем, что здания не были приспособлены для учебного процесса, педагоги и студенты, особенно в 1920-е годы, сталкивались с пе-

ребоями в электроснабжении, с проблемами отопления в осенне-зимний период, с отсутствием лабораторий и необходимого оборудования, что серьезно осложняло процесс обучения [ГАТО, ф. Р-300, оп. 1, д. 6, л. 3; ф. Р-689, оп. 1, д. 18, л. 6—9].

Одной из наиболее серьезных проблем являлся недостаток у учебных заведений мест в студенческих общежитиях. В 1920-е годы для всех учреждений среднего специального образования в Тюмени действовало единое общежитие, мест в котором для всех нуждающихся не хватало [ГАТО, ф. Р-300, оп. 1, д. 48, л. 2]. К 1930-м годам такой порядок претерпел некоторые изменения: отныне каждое учебное заведение уже имело собственные общежития, количество которых постоянно менялось. Наиболее благоприятная ситуация к середине 1930-х годов сложилась в сельскохозяйственном техникуме, имевшем 2 общежития, которые были рассчитаны на 450 студентов. При этом общее количество учащихся техникума в 1934/1935 учебном году не превышало 406 человек [ГАТО, ф. Р-1202, оп. 1, д. 1, л. 24]. В медицинском техникуме и педагогическом училище студенты были обеспечены местами в общежитиях не более чем на 50 процентов. Стоит обратить внимание также на неудовлетворительное состояние общежитий, в которых нередко отсутствовали вентиляция и система печного отопления. Данные проблемы касались всех общежитий без исключения, но наиболее тяжелая ситуация сложилась у студентов-медиков, о чем неоднократно сообщалось как в тюменской газете «Красное знамя» [Начало учебного года..., 1930; В медтехникуме..., 1931], так и в годовых отчетах самого учебного заведения [ГАТО, ф. Р-300, оп. 1, д. 49, л. 45].

Помимо единого общежития, учащиеся средних специальных учебных заведений города в 1922—1927 годах имели и совместную столовую, пропускная способность которой, правда, была невелика и составляла всего 150—160 человек в день. Однако вскоре учебные заведения лишились столовой и в течение длительного времени не имели собственных предприятий общественного питания. Ситуация изменилась лишь к середине 1930-х годов, когда у студентов педагогического техникума в октябре 1935 года появилась столовая, которая могла обслуживать до 600 человек в день. Учащиеся-медики к этому времени питались совместно со студентами сельскохозяйственного техникума. 10 сентября 1936 года между педагогическим техникумом и фельдшерско-акушерской школой было заключено соглашение о совместном использовании столовой [ГАТО, ф. Р-689, оп. 1, д. 55, л. 28], так как открыть собственный буфет, не говоря уже о столовой, медицинское учебное заведение возможности не имело. Лишь в период сессии и государственных экзаменов для учащихся и преподавателей техникума организовывались горячие завтраки [ГАТО, ф. Р-300, оп. 1, д. 96, л. 30].

Значимой проблемой, оказывавшей существенное влияние на состояние материальной базы учебных заведений, являлась система их финансирования. Так, например, медицинский техникум с 1924 года находился на комбинированном финансировании из двух источников — государственного и областного бюджетов, а в 1930-е годы учебное заведение стало снабжаться только из областной казны. Педагогическое училище и сельскохозяйственный техникум финансировались из областного и государственного бюджетов до конца исследуемого периода. Для всех средних специальных учебных заведений города в 1920-е годы была характерна ситуация, когда на ремонт и текущие хозяйственные расходы средств почти не отпускалось. Например, в педагогическом училище в связи с тем, что Областной отдел народного образования (ОблОНО) систематически не перечислял положенные средства, за неуплату нередко отключали свет и телефонную связь [ГАТО, ф. Р-689, оп. 1, д. 18, л. 6—9]; в фельдшерско-акушерском техникуме по той же причине в зимнее время иногда отсутствовало отопление [Дзинский, 1923].

В 1930-е годы финансовое обеспечение учебных заведений заметно улучшилось, что положительно сказалось на состоянии их материальной базы: в зданиях техникумов и студенческих общежитиях стал регулярно проводиться ремонт, выросли и расходы на самих студентов. Так, в годовом отчете педагогического техникума за 1935/1936 учебный год отмечалось, что бюджет учебного заведения по сравнению с предшествующим учебным годом увеличился на 34 %, общая сумма ассигнований составила 791 480 рублей. Расходы на одного студента увеличились в среднем на 30 %, или 320 рублей. Существенно выросли и финансовые средства, направляемые на ремонт учебного заведения и обеспечение зданий техникума оборудованием. Так, в 1934/1935 учебном году на оборудование техникума было выделено 1600 рублей, через год — уже 5900 рублей [ГАТО, ф. Р-689, оп. 1, д. 37, л. 7, 8, 9].

Дополнительной статьей доходов для техникумов являлась плата студентов за обучение, введенная с 1924 года постановлением Уральского облисполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов [ГАТО, ф. Р-300, оп. 1, д. 6, л. 30]. Стоит отметить, что студенты-педагоги пользовались правом бесплатного обучения, в сельскохозяйственном техникуме плата устанавливалась в 80 рублей в год, а студентам-медикам ежегодно приходилось платить по 100 рублей [ГАТО, ф. Р-300, оп. 1, д. 3, л. 65].

Важность финансового обеспечения средних специальных учебных заведений можно проследить на примере деятельности тюменского промышленно-экономического техникума, инициатива в открытии которого принадлежала окружному комитету содействия промышленно-экономическому образованию. С момента создания учебного заведения в феврале

1925 года проблема формирования прочной материальной базы оставалась одной из наиболее приоритетных в деятельности техникума. В 1926—1928 годах вопрос финансирования учебного заведения, существование которого признавалось вполне целесообразным, неоднократно поднимался окружными органами народного образования. Для решения этой проблемы предполагалось привлекать местные хозяйственные органы, существовали планы по включению техникума в частичное финансирование за счет окружного и государственного бюджетов [ГАТО, ф. Р-115, оп. 1, д. 14, л. 10]. Однако, несмотря на активные усилия местных органов народного образования, проблема дефицита денежных средств так и не была решена, что стало решающим фактором в прекращении деятельности учебного заведения в 1928/1929 учебном году [ГАТО, ф. Р-115, оп. 1, д. 5, л. 6, 26; д. 26, л. 2, 8, 12—13; д. 14, л. 29; Техникум может..., 1928].

3.3. Состав педагогических кадров

Формирование средних специальных учебных заведений в Тюмени в 1920—1930-е годы в значительной степени определялось квалификацией административных и педагогических кадров, которые в условиях становления учебных заведений часто играли решающую роль в организации учебного процесса.

Руководство учебными заведениями, как правило, возлагалось на директоров (заведующих), на должность которых обычно назначались специалисты с высшим образованием, соответствовавшим профилю учебного заведения. При отборе кандидатов обязательно учитывался их педагогический опыт. В руках директора (заведующего) сосредотачивалось руководство всей деятельностью техникума от приема и увольнения сотрудников, утверждения планов работы и посещения уроков до руководства бюджетом и составления годового отчета работы учебного заведения [ГАТО, ф. Р-689, оп. 1, д. 35, л. 3; Об утверждении..., 1929, с. 415]. Таким образом, от руководителя, особенно на начальной стадии организации учебных заведений, зависело решение широкого круга вопросов.

Руководство учебными заведениями в исследуемый период осуществлялось опытными административно-управленческими кадрами. Так, первым директором фельдшерско-акушерской школы был врач Дмитрий Захарович Жуков, сплотивший вокруг себя коллег с медицинским образованием и большим опытом практической работы, которые и стали основой преподавательского состава учебного заведения [ГАТО, ф. Р-300, оп. 1, д. 4, л. 43—44]. Тюменский сельскохозяйственный техникум возглавил Павел Августович Мартэн, а образовательный процесс и поиск преподавателей контролировал Э. К. Хилькевич [История через три века ..., 2019, с. 53, 55, 57]. П. А. Мартэн и Э. К. Хилькевич сумели создать сплоченный

коллектив преподавателей, многие из которых имели высшее образование. Удалось обеспечить учебный процесс педагогами и Павлу Афанасьевичу Россомахину, назначенному в 1924 году директором тюменского педагогического техникума [Петрушин, 1999, с. 90].

В исследуемый период, по причине острого кадрового дефицита, директора нередко являлись руководителями нескольких учреждений. Например, П. А. Россомахин, помимо руководства педагогическим техникумом, в 1926 году возглавил тюменский краеведческий музей, став его первым директором; руководитель сельскохозяйственного техникума П. А. Мартэн занимал должность заведующего открывшегося в 1925/1926 учебном году промышленно-экономического техникума. Такая практика, особенно в условиях частой смены директоров, оказывала негативное влияние на качество учебного процесса. Так, в педагогическом техникуме в 1936/1937 и 1937/1938 учебных годах сменилось 5 руководителей. Примерно такая же ситуация сложилась и в сельскохозяйственном техникуме. Причины увольнения были различными — от неудовлетворительной подготовки к новому учебному году и игнорирования воспитательной работы до «политического недоверия». Так, в ноябре 1937 года «как не справившегося с воспитательной работой в общежитии» сняли с должности директора педагогического училища, преподавателя химии с университетским образованием Т. Бородулина [ГАТО, ф. Р-689, оп. 1, д. 95, л. 2].

Основной частью кадрового состава учебных заведений, игравшей ключевую роль в организации учебного процесса, являлись сами педагоги. Характеризуя преподавательский состав тюменских техникумов, обратим внимание прежде всего на уровень образования педагогов. В исследуемый период преподаватели техникумов, как правило, имели среднее специальное или высшее образование. Вместе с тем в 1920—1930-е годы в средних специальных учебных заведениях работали и педагоги с образованием в 7 и 10 классов. В педагогическом техникуме, например, 7-классное образование имели преподаватель труда и инструктор по физической культуре [ГАТО, ф. Р-689, оп. 1, д. 1, л. 3]. К числу педагогов, имеющих образование в 10 классов, нередко относились преподаватели военного дела и физической культуры [ГАТО, ф. Р-309, оп. 1, д. 2, л. 119]. К концу 1920-х годов почти все профильные дисциплины в средних специальных учебных заведениях города были заняты преподавателями со средним или высшим специальным образованием. Однако данная проблема вновь приобретала актуальность при открытии новых направлений подготовки. Например, при появлении в медицинском техникуме подготовительного отделения для национальных меньшинств возникла острая необходимость во «врачах-нацменах», так как обучение велось на родном языке.

Во второй половине 1930-х годов число квалифицированных преподавателей в тюменских учебных заведениях заметно выросло. Прежде всего, произошло увеличение доли педагогов с высшим образованием. Так, к 1 сентября 1936 года в педагогическом техникуме высшее образование имели 15 из 29 преподавателей, а к 15 сентября 1938 года это соотношение составляло уже 24 из 32 педагогов. В 1935 году из 27 преподавателей сельскохозяйственного техникума высшее образование имели 17 педагогов. Наиболее квалифицированным педагогическим составом отличался медицинский техникум, в котором уже в 1928/1929 учебном году 21 из 26 преподавателей имел высшее медицинское образование, а в 1935 году — 28 из 32. Однако, несмотря на это, в сельскохозяйственном и медицинском техникумах существовала острая потребность в преподавателях со специальной педагогической подготовкой.

В исследуемый период преподаватели средних специальных учебных заведений Тюмени имели возможность повысить свою квалификацию на методических совещаниях, семинарах, которые организовывались местными отделами народного образования, а также в кружках или в процессе научно-исследовательской деятельности. Так, в начале 1920-х годов уездный отдел народного образования раз в месяц проводил специальные собрания и педагогические конференции, на которых, среди прочих, разбирались и методические вопросы. В 1928/1929 учебном году для преподавателей медицинских техникумов был организован научно-методический кабинет, в котором педагоги имели возможность пройти консультацию или повысить свою квалификацию, пройдя заочное обучение [ГАТО, ф. Р-300, оп. 1, д. 57, л. 6].

В 1930-е годы преподаватели тюменских техникумов имели возможность пройти обучение на специализированных курсах, которые организовывались в различных регионах страны. Например, в 1935 году в Ленинградский сельскохозяйственный институт для повышения квалификации был командирован преподаватель зерновых культур сельскохозяйственного техникума, а преподаватель химии был отправлен в город Свердловск обучаться методам исследования торфов. В 1936 году два преподавателя педагогического техникума были командированы для обучения в Московский государственный педагогический институт [ГАТО, Р-689, оп. 1, д. 95, л. 58; ф. Р-1202, оп. 1, д. 4, л. 4]. Во второй половине 1930-х годов своеобразной формой повышения квалификации педагогов стало участие сибирских техникумов в соревнованиях друг с другом, в ходе которых осуществлялся обмен преподавателей опытом работы [ГАТО, Р-689, оп. 1, д. 91, л. 66].

Заработная плата преподавателей средних специальных учебных заведений города в 1920—1930-е годы изменялась в зависимости от нагруз-

ки педагога, то есть от количества часов дисциплин. В первой половине 1920-х годов она была довольно низкой: размер педагогической ставки в тюменских техникумах составлял в среднем 8—10 рублей в месяц, что было меньше заработной платы рабочего. Уральский отдел народного образования (УралОНО) в 1924 году проводил оплату за 12 часов недельной нагрузки по специальным предметам и 15 часов по общеобразовательным дисциплинам. Для сравнения стоит отметить, что средняя зарплата служащих в губернских городах в 1923 году составляла около 20 рублей, а к 1924 году — 28 рублей [Головин, 2008, с. 178—180].

К середине 1930-х годов заработная плата преподавателей тюменских техникумов существенно возросла. В соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 1 апреля 1936 года ставка месячной зарплаты для учителей школ и техникумов поднималась. Теперь она стала изменяться в зависимости от преподаваемого предмета, количества часов учебной нагрузки, образования и стажа педагога — от 250 до 425 рублей. Этим же постановлением устанавливалась надбавка за проверку тетрадей — от 40 до 60 рублей. Директора техникумов получали ставку в размере около 600 рублей [О повышении заработной платы...].

В педагогическом техникуме после выхода постановления минимальную ставку получали учителя черчения, труда, физической культуры и военного дела, не имеющие высшего образования, со стажем менее 5 лет. Она составляла 250 рублей. Самую высокую ставку — 425 рублей — имели учителя русского языка, литературы, химии, истории, иностранного языка со стажем более 10 лет и высшим образованием. В 1939 году заработная плата преподавателей тюменского сельскохозяйственного техникума составляла от 592 до 750 рублей, а плановая стоимость 1 педагогического часа — 8 рублей 21 копейку [ГАТО, Р-1202, оп. 1, д. 4, л. 4]. Для сравнения: в середине 1930-х годов средняя заработная плата директора крупного предприятия в месяц достигала 2000 рублей, служащих — около 550 рублей, а минимальная заработная плата неквалифицированных рабочих — около 115 рублей в месяц [Головин, 2008, с. 178—180].

Количество педагогов в средних специальных учебных заведениях города в исследуемый период колебалось от 22 до 32 человек. Так, в медицинском техникуме в 1928 году работало 26 преподавателей, в 1935 году — 32 человека; в педагогическом техникуме в 1935 году было 27 человек, а в 1938 году — уже 32 педагога; в сельскохозяйственном техникуме в 1933 году было 25 преподавателей, а в 1935 году их стало 27 [ГАТО, ф. Р-300, оп. 1, д. 48, л. 13; д. 57, л. 6; д. 96, л. 24; ф. Р-689, оп. 1, д. 39, л. 67; д. 101, л. 11; д. 127, л. 21, 24; ф. Р-1202, оп. 1, д. 1, л. 17, 32; д. 4, л. 7]. В исследуемый период деятельность средних специальных учебных заведений

существенно осложнялась проблемой текучести кадров. Годовые отчеты директоров техникумов свидетельствуют о том, что численный состав педагогов существенно изменялся даже в течение учебного года. Кроме того, не все преподаватели являлись штатными сотрудниками учебных заведений. Совместительство было серьезной проблемой учебных заведений города. Так, в медицинском техникуме в 1935/1936 учебном году 13 из 32 педагогов являлись совместителями, в педагогическом училище — 5 из 27 педагогов, в сельскохозяйственном техникуме в 1938/1939 учебном году — 3 из 27 человек [ГАТО, ф. Р-300, оп. 1, д. 96, л. 24; ф. Р-689, оп. 1, д. 101, л. 11; ф. Р-1202, оп. 1, д. 2, л. 21]. Обращает на себя внимание тот факт, что в учебных заведениях не хватало не только преподавателей по профильным предметам. Так, нередко были случаи, когда совместители проводили занятия и по физической культуре [ГАТО, ф. Р-309, оп. 1, д. 2, л. 119].

Проблему недостатка педагогических кадров в средних специальных учебных заведениях города часто пытались решить за счет организации практической подготовки студентов, проводившейся на базе различных тюменских предприятий, специалисты которых выступали наставниками для студентов. Однако эту часть образовательной деятельности учащихся не всегда удавалось организовать на должном уровне, что негативно сказывалось на качестве учебного процесса [ГАТО, ф. Р-300, оп. 1, д. 21, л. 40; ф. Р-1202, оп. 1, д. 1, л. 20].

4. Заключение = Conclusions

Начало формирования в Тюмени в 1920—1930-е годы сети средних специальных учебных заведений было обусловлено как государственной политикой в сфере профессионального образования, нацеленной на восполнение дефицита специалистов в условиях восстановления промышленности страны, так и необходимостью подготовки квалифицированных кадров для нужд региона. Несмотря на трудности становления, постоянную трансформацию тюменских техникумов, которая приводила не только к смене их наименований, но также и к открытию в них новых отделений, закрытию или объединению старых, к началу 1930-х годов в Тюмени сложилась система среднего профессионального образования из трех техникумов — сельскохозяйственного, медицинского и педагогического.

Вместе с тем материальная база средних специальных учебных заведений в исследуемый период была слабой: многие здания не были приспособлены для обучения студентов, в учебных заведениях отмечались проблемы с электроснабжением и отоплением, бюджета техникумов не хватало для покрытия их нужд и проведения ремонта в зданиях. С 1930-х годов в связи с увеличением финансирования учебных заведений произошло не-

которое улучшение материальной базы техникумов: возросло количество учебных помещений, во многих зданиях был сделан ремонт, созданы новые места для проживания и питания студентов. Вместе с тем активная урбанизация, сопровождавшаяся притоком в город большого количества молодежи, а также развитие различных отраслей местного хозяйства способствовали росту потребностей в получении среднего специального образования. В исследуемый период они обгоняли материальные возможности самих учебных заведений, что в ряде случаев приводило к искусственному сокращению набора абитуриентов.

Одной из наиболее острых проблем в начальный период формирования в Тюмени системы среднего специального образования был недостаток квалифицированных административных и педагогических кадров. С течением времени происходит рост образовательного уровня педагогов, у преподавателей появляются возможности для повышения профессиональной квалификации. К середине 1930-х годов существенно улучшаются и материальные условия труда работников учебных заведений. Вместе с тем все эти явления в условиях роста потребностей в получении образования и необходимости дальнейшего развития сети учебных заведений к концу исследуемого периода не привели к решению проблемы нехватки педагогических кадров, что негативно сказывалось на качестве подготовки студентов в средних специальных учебных заведениях города.

Источники и принятые сокращения

1. Будилович А. Что же дальше? / А. Будилович // Трудовой набат : [газета]. — 1924. — № 84 (1548). — С. 3.
2. В метехникуме творятся вопиющие безобразия // Красное знамя : [газета]. — 1931. — № 18 (3587). — С. 2.
3. ГАТО — Государственный архив Тюменской области. Ф. Р-80 (Тюменский губернский отдел народного образования губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ГубОНО) Тюменской губернии, 1918—1930). Оп. 1. Д. 21. Лл. 10, 15. Ф. Р-115 (Тюменский промышленно-экономический (коммерческий) техникум отдела народного образования Исполнительного комитета Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Тюмень Тюменского округа Уральской области, 1925—1928). Оп. 1. Д. 2. Лл. 2—4. Д. 5. Лл. 6, 11, 26. Д. 8. Л. 4. Д. 14. Лл. 7—9, 10, 11, 29. Д. 26. Лл. 2, 8, 11—13. Ф. Р-300. Государственное образовательное учреждение среднего профессионального образования Тюменской области Тюменский базовый медицинский колледж Департамента здравоохранения администрации Тюменской области, 1919—2006). Оп. 1. Д. 1. Лл. 1—5. Д. 3. Лл. 10, 21—25, 32, 65. Д. 4. Лл. 7, 43—44. Д. 5. Л. 7. Д. 6. Лл. 3, 28—30. Д. 21. Л. 40. Д. 48. Лл. 2, 13. Д. 49. Л. 45. Д. 57. Лл. 4—6, 28. Д. 87. Л. 4. Д. 92. Л. 52. Д. 96. Лл. 21—24, 30. Ф. Р-309 (Тюменский городской комитет по делам физкультуры и спорта при городском исполнительном комитете Советов депутатов трудящихся г. Тюмени Тюменской области, 1928—1996). Оп. 1. Д. 2. Л. 119. Ф. Р-689 (Тюменское педагогическое

училище отдела народного образования Тюменского облисполкома, 1924—1975). Оп. 1. Д. 1. Л. 3. Д. 5. Лл. 3—5. Д. 18. Лл. 6—9, 18. Д. 34. Лл. 1, 2. Д. 35. Л. 3. Д. 37. Лл. 7, 8, 9. Д. 39. Л. 67. Д. 55. Л. 28. Д. 57. Лл. 1, 3—6. Д. 91. Л. 66. Д. 95. Лл. 2, 10, 54, 58. Д. 101. Л. 11. Д. 121. Лл. 27, 55—56, 74, 109. Д. 127. Лл. 21, 24. Ф. Р-1202 (Тюменский сельскохозяйственный техникум Управления сельскохозяйственных техникумов Министерства сельского хозяйства РСФСР, 1924—1961). Оп. 1. Д. 1. Лл. 1, 17, 19—20, 24, 32. Д. 2. Лл. 3—4, 21. Д. 4. Лл. 2—4, 6—7.

4. *Дзинский*. Фельдшерская школа в ужасном состоянии / Дзинский // Трудовой набат : [газета]. — 1923. — № 27 (1194). — С. 3.

5. *Красный С.* Праздник Пед. Техникумцев. 3-х летний юбилей / С. Красный // Трудовой набат : [газета]. — 1923. — № 283 (1450). — С. 4.

6. *Начало* учебного года в медтехникуме срывается // Красное знамя : [газета]. — 1930. — № 222 (3487). — С. 5.

7. *Новый* учебный корпус для фельдшерско-акушерской школы // Красное знамя : [газета]. — 1940. — № 54 (5817). — С. 4.

8. *Об организации* Главпрофобра в составе Наркомпроса : Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР. 29 января 1920 г. // Декреты Советской власти. — Москва : Политиздат, 1974. — Т. 7 : 10 декабря 1919 — 31 марта 1920 г. — С. 142—144.

9. *Об утверждении* положения о техникумах, подведомственных Наркомпросу РСФСР : Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР. 7 декабря 1927 г. // Основные узаконения и распоряжения по народному просвещению / Составили : И. Ф. Заколоткин, А. Я. Подземский ; Под общ. ред. В. Н. Касаткина. — Москва—Ленинград : Государственное издательство, 1929. — С. 411—417.

10. *О повышении* заработной платы учителям и другим школьным работникам : Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б). 9 апреля 1936 г. // Правда : газета. — 1936. — № 100 (6706). — С. 1.

11. *О реорганизации* сельскохозяйственного и землеустроительного техникумов в городе Тюмени : Постановление бюро Обско-Иртышского обкома ВКП(б). 29 апреля 1934 г. // Из истории культурного строительства в Тюменской области : Сборник документов. 1918—1975. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1980. — С. 154.

12. *Педагогический* техникум // Трудовой набат : [газета]. — 1921. — № 522 (707). — С. 2.

13. *Россомахин*. Техникумы не имеют столовой / Россомахин // Красное знамя : [газета]. — 1928. — № 227 (2887). — С. 6.

14. *Сельско-хозяйственный* техникум (беседа с зав. с.-х. техникумом П. А. Мартэн) // Трудовой набат : [газета]. — 1924. — № 89 (1553). — С. 2.

15. *Серков*. Мелиоративное отделение открывается при сельско-хозяйственном техникуме / Серков // Красное знамя : [газета]. — 1927. — № 174 (2535). — С. 4.

16. *Техникум* может существовать лишь как областной // Красное знамя : [газета]. — 1928. — № 125 (2785). — С. 4.

17. *Тюменский* сельско-хозяйственный техникум // Трудовой набат : [газета]. — 1924. — № 153 (1617). — С. 3.

18. *Усольцев А.* Молодежь — в техникумы! / А. Усольцев // Красное знамя : [газета]. — 1931. — № 175 (3744). — С. 2.

19. *Якубович*. Будущее культурное богатство / Якубович // Трудовой набат : [газета]. — 1924. — № 153 (1617). — С. 3.

Литература

1. Валько Е. Е. Формирование основ профессионально-технической системы образования в рамках государственного законодательства в 1920—1940 гг. / Е. Е. Валько // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 9. — С. 219—221.
2. Головин С. А. Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20—30-е годы XX века / С. В. Головин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 66. — С. 177—186.
3. Дамбаев Д. Н. Становление среднего сельскохозяйственного образования в Байкальском регионе в 20—30-е гг. XX в. / Д. Н. Дамбаев // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2017. — № 1 (27). — С. 53—59.
4. Животова А. Н. К истории становления системы профессионально-технического образования Тюменского края (1920—1921 гг.) / А. Н. Животова // Краеведческая конференция «Наше наследие — 2016» : Материалы докладов и сообщений / под ред. Р. Г. Назаровой, Л. Н. Басовой, Т. С. Воеводиной, А. А. Севостьянова. — Ишим : [б. и.], 2016. — С. 20—21.
5. Животова А. Н. Новые факты по истории тюменского сельскохозяйственного техникума в 1920-е годы в документах ГБУТО «Государственный архив Тюменской области» / А. Н. Животова // Документ в контексте универсальных практик : Материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Тюмень : Типография «Печатник», 2018. — С. 241—243.
6. Животова А. Н. Партийные чистки в преподавательской среде Тюмени в 1920—1930-е годы (социальный аспект) / А. Н. Животова, И. В. Хажеева // Краеведческая конференция «Наше наследие — 2017» : Материалы докладов и сообщений. — Ишим : [б. и.], 2017. — С. 63—66.
7. История через три века : люди и судьбы / Под общей ред. ректора Государственного аграрного университета Северного Зауралья Е. Г. Бойко. — Тюмень : ФГБОУ ВО ГАУ Северного Зауралья, 2019. — 200 с.
8. Леднев В. П. Профессионально-педагогическое образование Урала в 1917—1940 гг. / В. П. Леднев, Г. С. Гоголева // Образование и наука. — 2003. — № 2 (20). — С. 46—67.
9. Марченков А. В. История развития профессионального образования в России (1917 — конец 1950-х гг.) / А. В. Марченков // Тенденции развития науки и образования. — 2016. — № 11—1. — С. 42—47.
10. Петрушин А. А. Через три войны // «Мы не знаем пощады...» / А. А. Петрушин. — Тюмень : Издательство Ю. Мандрики, 1999. — С. 87—91.
11. Пономарев С. А. Развитие педагогического образования в Западной Сибири в 1930—1941 гг. : автореферат ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / С. А. Пономарев. — Москва, 2018. — 22 с.
12. Попов В. П. Система среднего специального образования в СССР и Российской Федерации в 1917—2000-е гг. : автореферат ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. П. Попов. — Москва, 2001. — 25 с.
13. Попов В. П. Государственная политика развития среднего специального образования в России : исторический опыт и реализация. 1920—2005 гг. : автореферат ... доктора исторических наук : 07.00.02 / В. П. Попов. — Москва, 2007. — 33 с.
14. Путеводитель по государственным архивам Тюменской области / Архивный отдел Упр. внутр. дел Тюменского облисполкома. — Тюмень : [Кн. изд-во], 1962. — 529 с.

15. Сковорцова С. Г. Система учебных заведений профессионально-технического образования в Башкирии в 1920—1930 годы / С. Г. Сковорцова // Сибирский педагогический журнал. — 2014. — № 6. — С. 231—236.

16. Соловьева Ю. А. Организация и содержание учебной деятельности в средних специальных учебных заведениях г. Тюмени в 20—30-е гг. 20 века / Ю. А. Соловьева // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея им. И. Я. Словцова : 2000. — Тюмень : Тюмень, 2001. — С. 182—197.

17. Харламов В. А. Становление и развитие среднего специального сельскохозяйственного образования в Советской России в 1917—1940 : на материалах Центрально-Черноземного региона : автореферат ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. А. Харламов. — Курск, 2006. — 24 с.

Material resources

Agricultural college (conversation with the head of the agricultural college P. A. Martin). (1924). *Labor alarm: [newspaper]*, 89 (1553): P. 2. (In Russ.).

Blatant outrages are happening in the medical college. (1931). *Red Banner: [newspaper]*, 18 (3587): P. 2. (In Russ.).

Budilovich, A. (1924). What's next? *Labor alarm: [newspaper]*, 84 (1548): P. 3. (In Russ.).

Dzinsky. (1923). The paramedic school is in terrible condition. *Labor alarm: [newspaper]*, 27 (1194): P. 3. (In Russ.).

Krasny, S. (1923). Holiday Of Pedagogical College Students. 3-year anniversary. *Labor alarm: [newspaper]*, 283 (1450): P. 4. (In Russ.).

On the organization of the Glavprofobr as part of the People's Commissariat: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR. January 29, 1920. (1974). In: *Decrees of the Soviet government*. Moscow: Politizdat. 142—144. (In Russ.).

On the approval of the regulations on technical schools subordinate to the People's Commissariat of the RSFSR: Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR. December 7, 1927. (1929). In: *The main legalizations and orders for public education*. Moscow—Leningrad: State Publishing House. 411—417. (In Russ.).

On raising salaries for teachers and other school workers: Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the CPSU(b). April 9, 1936. (1936). *Pravda: Gazeta*, 100 (6706): P. 1. (In Russ.).

On the reorganization of agricultural and land management technical schools in the city of Tyumen: Resolution of the Bureau of the Ob-Irtysk Regional Committee of the CPSU (b). April 29, 1934. (1980). *From the history of cultural construction in the Tyumen region: A collection of documents. 1918—1975*. Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. P. 154. (In Russ.).

Pedagogical college. (1921). *Labor alarm: [newspaper]*, 522 (707): P. 2. (In Russ.).

Rossomakhin. (1928). Technical schools do not have a canteen. *Krasnoe znamya: [newspaper]*, 227 (2887): P. 6. (In Russ.).

Serkov. (1927). The reclamation department opens at the agricultural college. *Krasnoe znamya: [newspaper]*, 174 (2535): P. 4. (In Russ.).

State Archive of the Tyumen Region. (In Russ.).

The beginning of the academic year in the medical college breaks down. (1930). *Red banner: [newspaper]*, 222 (3487): P. 5. (In Russ.).

The new academic building for the paramedic-obstetric school. (1940). *Krasnoe znamya: [newspaper]*, 54 (5817): P. 4. (In Russ.).

The technical school can exist only as a regional one. (1928). *Krasnoe znamya: [newspaper]*, 125 (2785): P. 4. (In Russ.).
Tyumen Agricultural College. (1924). *Labor alarm: [newspaper]*, 153 (1617): P. 3. (In Russ.).
Usoltsev, A. (1931). Youth — to technical schools! *Red banner: [newspaper]*, 175 (3744): P. 2. (In Russ.).
Yakubovich. (1924). Future cultural wealth. *Labor alarm: [newspaper]*, 153 (1617): P. 3. (In Russ.).

References

- Dambaev, D. N. (2017). The formation of secondary agricultural education in the Baikal region in the 20—30s of the XX century. *Problems of socio-economic development of Siberia*, 1 (27): 53—59. (In Russ.).
- Golovin, S. A. (2008). Property differentiation of incomes of the population of the USSR in the 20—30s of the XX century. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. AI Herzen*, 66: 177—186. (In Russ.).
- Guide to the state archives of the Tyumen region / Archival Department of the Department of Internal Affairs of the Tyumen Regional Executive Committee.* (1962). Tyumen: [Book. ed.]. 529 p. (In Russ.).
- History through three centuries: people and destinies / Under the general editorship of the Rector of the State Agrarian University of the Northern Urals E. G. Boyko.* (2019). Tyumen: FGBOU VO GAU of the Northern Trans-Urals. 200 p. (In Russ.).
- Kharlamov, V. A. (2006). *Formation and development of secondary specialized agricultural education in Soviet Russia in 1917—1940: based on the materials of the Central Chernozem region.* Author's abstract of PhD Diss. Kursk. 24 p. (In Russ.).
- Lednev, V. P., Gogoleva, G. S. (2003). Vocational pedagogical education of the Urals in 1917—1940. *Education and science*, 2 (20): 46—67. (In Russ.).
- Marchenkov, A. V. (2016). The history of the development of vocational education in Russia (1917 — the end of the 1950s). *Trends in the development of science and education*, 11—1: 42—47. (In Russ.).
- Petrushin, A. A. (1999). Through three wars. In: *"We do not know mercy ..."*. Tyumen: Publishing House Yu. Mandriki. 87—91. (In Russ.).
- Ponomarev, S. A. (2018). *Development of pedagogical education in Western Siberia in 1930—1941.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).
- Popov, V. P. (2001). The system of secondary special education in the USSR and the Russian Federation in the 1917—2000's. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 25 p. (In Russ.).
- Popov, V. P. (2007). State policy of development of secondary special education in Russia: historical experience and implementation. 1920—2005. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 33 p. (In Russ.).
- Skvortsova, S. G. (2014). The system of educational institutions of vocational education in Bashkiria in 1920—1930. *Siberian Pedagogical Journal*, 6: 231—236. (In Russ.).
- Solovyova, Yu. A. (2001). Organization and content of educational activities in secondary specialized educational institutions of Tyumen in the 20—30s of the 20th century. In: *Yearbook of the Tyumen Regional Museum of Local Lore named after I. Ya. Slovtsov: 2000.* Tyumen: Publishing and Printing enterprise "Tyumen". 182—197. (In Russ.).
- Valko, E. E. (2013). Formation of the foundations of the vocational and technical education system within the framework of state legislation in 1920—1940. *Theory and practice of social development*, 9: 219—221. (In Russ.).

- Zhivotova, A. N. (2016). On the history of the formation of the system of vocational education of the Tyumen Region (1920—1921). In: *Local history conference “Our Heritage — 2016”: Materials of reports and messages*. Ishim: [b. i.]. 20—21. (In Russ.).
- Zhivotova, A. N. (2018). New facts on the history of the Tyumen Agricultural College in the 1920s in the documents of the State Archive of the Tyumen Region. In: *Document in the context of universal practices: Materials of the Fifth All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation*. Tyumen: Printing House “Printer”. 241—243. (In Russ.).
- Zhivotova, A. N., Khazheeva, I. V. (2017). Party purges in the teaching environment of Tyumen in the 1920s—1930s (social aspect). In: *Local history conference “Our Heritage — 2017”: Materials of reports and messages*. Ishim: [b. i.]. 63—66. (In Russ.).

*Статья поступила в редакцию 11.07.2022,
одобрена после рецензирования 10.10.2022,
подготовлена к публикации 25.10.2022.*

Давыдов А. Ю. Территориальное размещение советской промышленности в контексте подготовки СССР к большой войне (1920-е — начало 1940-х годов) / А. Ю. Давыдов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 354—369. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-354-369.

Davydov, A. Yu. (2022). Territorial Distribution of Soviet Industry in Context of Preparation of USSR for a Major War (Late 1920s — Early 1940s). *Nauchnyi dialog*, 11(8): 354-369. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-354-369. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-354-369

**Территориальное
размещение советской
промышленности
в контексте подготовки
СССР к большой войне
(1920-е — начало
1940-х годов)**

Давыдов Александр Юрьевич

orcid.org/0000-0001-7232-4926

ResearcherID Y-4039-2018

доктор исторических наук, профессор,
кафедра русской истории
(XIX—XXI вв.)
davydov.au@mail.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

**Territorial Distribution
of Soviet Industry
in Context of Preparation
of USSR for a Major War
(Late 1920s — Early 1940s)**

Alexander Yu. Davydov

orcid.org/0000-0001-7232-4926

ResearcherID Y-4039-2018

Doctor of History, Professor,
Department of Russian
History (XIX—XXI centuries)
davydov.au@mail.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

© Давыдов А. Ю., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Автор рассматривает сложный процесс подготовки СССР к большой войне применительно к осуществлению «социалистической реконструкции» (термин, выдвинутый И. В. Сталиным в ноябре 1929 года), под которой понималась коренная перестройка экономической сферы и связанных с ней институций. В статье поставлена комплексная проблема, воплотившая в себе симбиоз ряда тем: НЭП, индустриализация, строительство социализма «по-сталински», подготовка к большой войне. Осмысливая ключевые тенденции эволюции модернизационного рывка конца 1920-х — начала 1940-х годов, автор статьи выделяет два его этапа. На первом (фактически продолжившем НЭП) преобладали принципы планомерного использования ресурсов, содержание второго свелось к очередному штурму социализма. Исследователь приходит к выводу о том, что ущерб, нанесенный народному хозяйству, оказался значительным и обусловил диспропорциональность его развития. В работе представлены доказательства ошибочности территориальной организации тяжелой индустрии, и прежде всего военно-оборонного комплекса накануне 22 июня 1941 года. Причина катастрофы первого периода Великой Отечественной войны обнаруживается в утрате важнейших предприятий, размещенных преимущественно в близких к западной границе районах.

Ключевые слова:

социалистическая реконструкция; НЭП; Наркомат тяжелой промышленности; индустриализация; пятилетние планы; оборонная индустрия; большая война.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The author considers the complex process of preparing the USSR for war in the context of the implementation of “socialist reconstruction” (a term put forward by I. V. Stalin in November 1929), which meant a radical restructuring of the economic sphere and related institutions. The article poses a complex problem that presents a symbiosis of a number of topics — the NEP, industrialization, the construction of socialism in the Stalinist way, preparations for a big war. Comprehending the key trends in the evolution of the modernization breakthrough of the late 1920s — early 1940s, the author points to two stages. The first (actually continuing the NEP) was dominated by the principles of the planned use of resources, the content of the second was reduced to the next assault on socialism. The researcher comes to the conclusion that the damage caused to the national economy turned out to be significant and became the reason for the disproportionality of its development. The document presents evidence of the fallacy of the territorial organization of heavy industry and, above all, the military-defense complex on the eve of June 22, 1941. The cause of the catastrophe of the first period of the Great Patriotic War is revealed in the loss of the most important enterprises located mainly in areas close to the western border.

Key words:

socialist reconstruction; NEP; People's Commissariat of Heavy Industry; industrialization; five year plans; defense industry; big war.

Территориальное размещение советской промышленности в контексте подготовки СССР к большой войне (1920-е — начало 1940-х годов)

© Давыдов А. Ю., 2022

1. Введение = Introduction

В 1920-х — начале 1940-х гг. в СССР форсированными темпами осуществлялась «социалистическая реконструкция» (термин, выдвинутый И. В. Сталиным в ноябре 1929 года), под которой понимались процессы коренной перестройки экономической сферы и связанных с ней социальных институтов. Атрибутами реконструкции стали масштабные процессы индустриализации страны и создания мощного советского военно-оборонного комплекса. В научной литературе приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о появлении все новых крупных промышленных предприятий и наращивании объемов производства вооружения в указанное время.

Тем не менее не получил должной оценки фактор преимущественного размещения основных индустриальных объектов (в первую очередь — военно-оборонного комплекса) в западных районах страны, в которых их работа после 22 июня 1941 года стала невозможной. Построенные и реконструированные в ходе предвоенных пятилеток заводы прежде всего концентрировались на линии Ленинград — Москва — Брянск — Харьков — Днепропетровск. Коллизия состояла в том, что, готовясь к войне с агрессивными Германией и ее сателлитами, партийные и правительственные верхи по какой-то причине допустили размещение большей части мощностей по производству промышленной продукции в угрожаемой зоне, а нередко и в самой непосредственной близости от границы, например, в прибалтийских республиках. Как ни парадоксально, но главным образом пострадало производство боеприпасов, пороха, броневой стали, моторов для танков, боевых самолетов, горючего и т. п. [Куманев, 2008, с. 195, 199, 201, 204].

Стоит внимательно присмотреться к причинам и следствиям ошибки политического руководства. Рассмотрим проблему в исторической ретроспективе. В 1920-е годы политические и военные деятели старались исходить из острой потребности в постепенном перемещении доминанты индустриального развития в восточные районы, то есть на максимально безопасном расстоянии от западной границы. Тогда существовало понимание того, что в условиях подготовки к неизбежной и тяжелой будущей войне противоестественно было не воспользоваться исключительным стра-

тегическим преимуществом СССР — огромными просторами на востоке: площадь СССР составляла более 20 млн кв. км (это почти в 35 раз больше Франции, или в 30 раз больше Германии).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Эйфористическая концепция ведения будущей войны малой кровью и на чужой территории, выросшая из фатальной убежденности в объективном превосходстве социалистического общества над капиталистическим, в нэповский период отнюдь не доминировала. Согласимся со шведским историком и экономистом Леннартом Самуэльсоном, утверждавшим, что представление о том, насколько далеко вглубь страны сможет прорваться противник, тогда отличалось реалистичностью [Самуэльсон, 2010, с. 47]. Данное обстоятельство на этапе НЭПа заставляло партийно-государственное руководство проявлять политическую волю, планируя и осуществляя индустриальный сдвиг в сторону востока. Тем не менее в 1930-е годы территориальные приоритеты изменились. На преимущественном сосредоточении в это время ресурсов на западном направлении акцентируют внимание современные исследователи Е. А. Тюрина, А. С. Степанов [Тюрина, 2007, с. 95—96; Степанов, 2009, с. 108—116]. Проблему недооценки территориального фактора в контексте подготовки к большой войне сформулировал А. К. Соколов, написавший о строительстве предприятий на опасных территориях: «Почему-то не приходило в голову, что эти заводы в случае войны окажутся в угрожаемой зоне» [Соколов, 2012, с. 460].

Дискуссионность темы выбора восточного и западного векторов индустриального развития определилась в 1920-е годы. В отправленном 12 июля 1925 года письме В. М. Молотову генеральный секретарь ЦК РКП(б) И. В. Сталин подчеркивал: «При выработке строительной программы следовало бы учесть ... географически-стратегическое положение районов новых заводов. Наш основной тыл Урал, Поволжье, Черноземный юг... Питер в этом отношении абсолютно неудобен». Адресант имел в виду те территории, которые чаще «страдают отсутствием промышленности», то есть лишены индустриальной инфраструктуры. Осознавая дороговизну освоения таких областей, тем не менее Иосиф Виссарионович снова возвращался к тому же: «Именно эти районы представляют наиболее удобный тыл для нас в случае военных действий». Сталин в письме высказал особую тревогу: «Боюсь, начнут строить в приграничных районах». В 1925 году генеральный секретарь категорически предостерегал против уступок ведомствам и региональным начальникам, требовавшим располагать новые предприятия в западных областях — благоприятных для капитального строительства. Цитируемое письмо выражало коллективное мнение высших партийцев,

поскольку о согласии с текстом заявили в своих пометах на странице послания очень влиятельные в рассматриваемое время деятели Н. И. Бухарин, Я. Э. Рудзутак, Е. М. Ярославский [Письма ..., 1995, с. 30—31]. Примечательно, что через 8 дней Сталин отправил своему ближайшему товарищу Молотову еще одно письмо, в котором категорически настаивал на следовании курсу восточной ориентации тяжелой промышленности [Письма ..., 1995, с. 31—32]. Не случайно руководители Главного управления военной промышленности при НЭПе громко высказывались за концентрацию индустрии «в безопасных районах» [Соколов, 2012, с. 58].

Тем не менее в связи с начавшимся в 1929 году мировым экономическим кризисом, усилившим надежды на близкую победу европейского пролетариата, большевики начали сомневаться в осмысленности крупных затрат на промышленное освоение удаленных от границ районов. Так, на указанном ноябрьском пленуме глава правительства УССР В. Я. Чубарь возражал против восточного приоритета на том основании, что скоро «наша граница передвинется на Запад» [Индустриализация ..., 1997, ч. 1, с. 273].

В 1930-е годы предстояло сделать выбор между приоритетами.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Реконструктивный» скачок: существенный отход от «восточного» ориентира

Хотя и медленно, но на этапе НЭПа определялся индустриальный крен в сторону востока. Как следует из составленного еще в октябре 1927 года отчета правительства за 1926—1927 годы, осуществлялись «в особенности значительные затраты на энергетическое хозяйство в Кузнецком бассейне». Из документа видно, что появилась электростанция в Кемеровском районе, происходила модернизация тринадцати уральских металлургических предприятий: Уфалейского, Чусовского, Кушвинского, Златоустовского и других [История индустриализации ..., 1969, кн. 1, с. 165, 170—171].

Начальный период первой пятилетки стал временем, когда верховному руководству удалось проявить политическую волю и добиться существенной «географической» переориентации капитальных вложений в уралосибирском направлении. На смещение вектора индустриальной географии указывает документ. Обратимся к подготовленной в декабре 1936 года справке «Данные Наркомтяжпрома СССР о капиталовложениях в важнейшие заводы черной металлургии по основным районам за 1927/28—1936 годы». В изучаемый период приведенные в документе показатели в полной мере отражали пропорции развития тяжелой индустрии. Вот какой была динамика: в «восточные заводы» (район Поволжья и дальше на Восток) было вложено в 1928 году 12 % указанных капиталовложений,

в 1929 году — 14 %, в 1930 году — 35 %, а в 1931 году — уже почти 60 %. Так называемые «южные заводы» (украинские) и «заводы центра» (под этим термином понимались и ленинградские) все более уступали свои позиции [Индустриализация ..., 1999, ч. 2, с. 144].

Приведенные данные стали выражением тенденции, заложенной в первоначальных вариантах пятилетнего плана. Думается, на исходе нэповской эпохи, включая и начало «социалистической реконструкции» (то есть начало первой пятилетки), делалась ставка на развитие тяжелой промышленности, территориальная организация которой соответствовала в том числе и «отступательному» варианту развития будущей войны с западными государствами.

Приоритетным становилось уральское направление. Примечательно, что еще в 1927 году Госплан СССР утвердил разработанный Уральской плановой комиссией (при участии 150 квалифицированных специалистов из разных ведомств) «Генеральный план хозяйства Урала на период 1927—1941 годов». Документ был нацелен на комплексное развитие региона, однако в первую очередь предполагалось стимулировать рост тяжелой промышленности. Было намечено за три пятилетки в 5 раз увеличить в регионе выпуск машиностроительной продукции посредством внедрения современных поточно-конвейерных технологий, построить 14 крупнейших профильных заводов (Челябинский тракторный, Уралмаш, Пермский моторостроительный и прочие) [Фельдман, 2017, с. 323—330]. Как видим, в 1927 году эксперты не сомневались в реальности варианта преимущественного осуществления в восточных областях мероприятий, призванных обеспечить оборонную мощь страны. Пятилетка предполагала и соответствующие территориальные пропорции наращивания капиталовложений.

Процесс постепенных изменений в нэповский и начальный посленэповский периоды к 1932 году приобрел форму деконструкции. С этого времени существенно увеличились вливания финансовых и материальных ресурсов в «южные заводы» и «заводы центра» [Индустриализация ..., 1999, ч. 2, с. 144]. Определившийся в начале перехода к сталинскому «реконструктивному» этапу, то есть после ноябрьского 1929 года Пленума ЦК и состоявшегося в июне-июле 1930 года XVI съезда ВКП(б), авантюристический промышленный скачок привел в середине первой пятилетки к исчерпанию потенциала капитальных вложений. Из-за резкого и непродуманного расширения масштабов строительства новых заводов пришлось полностью или частично заморозить большую часть производственных объектов. По данным специалиста по истории индустриализации В. С. Лельчука, половина всех капиталовложений, выделявшихся на пятилетку, оказалась сосредоточенной всего лишь на 50—60 «ударных

объектах» [Лельчук, 1984, с. 142]. Обнаружилась критическая нехватка финансов и ресурсов; в результате пришлось в целях экономии закрывать самые затратные — то есть восточные — объекты. Требовалось либо существенно умерять темпы капитального строительства, либо сохранить заданную скорость экономического наступления, переместившись на относительно «дешевый» Запад; был выбран второй вариант.

Думается, создававшаяся народнохозяйственная модель стала результатом реализации доктрины «социалистической реконструкции», предполагавшей форсированное созидание любой ценой мощной индустрии. Последняя не столько отвечала требованиям ведения будущей большой войны, сколько должна была соответствовать представлению верхушки коммунистической партии о социалистическом обществе. Темпы созидания выступали абсолютным приоритетом. Главной целью было устройство прогрессивного социума, а уж он-то в схватке с фашизмом взял бы верх.

Обнаружилась переориентация территориальных приоритетов; в среднем ежегодно в «восточные заводы» (термин из упоминавшейся справки Наркомтяжпрома) вкладывалось капитальных вложений во второй пятилетке по 36 % вместо почти 60 % в 1931 году [Индустриализация ..., 1999, ч. 2, с. 144]. Это было немало, но совершенно недостаточно с учетом большой дороговизны строительных работ в плохо освоенных приуральских или поволжских районах. Организация территориального размещения промышленности все менее соответствовала вызовам времени.

Третья пятилетка (рассчитывалась на 1938—1942 годы) занимала особое значимое место в ходе непосредственной подготовки к большой войне. Пятилетний план задним числом утвердили на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года. Этот план предполагал сосредоточение на доведении до проектной мощности тех предприятий, расположенных на Востоке страны, которые были формально, для галочки признаны введенными в строй в предшествовавший период (вроде Уфимского нефтеперерабатывающего завода), но работали с крайне малой отдачей.

Как следует из подготовленной для правительства докладной записки Госплана СССР об итогах выполнения Третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства от 4 октября 1940 года, задания по капитальному строительству на отдаленных от западной границы территориях не выполнялись. Вот выдержка из доклада: «Капиталовложения в восточные районы осуществляются на более низком уровне, чем это предусмотрено Третьим пятилетним планом». В 1938 году объем работ по восточным районам составил лишь 25 % к общему объему капитальных работ по СССР, а в 1939 году — 24 % против предусмотренных директивами 39 % [История индустриализации ..., 1972, кн. 4, с. 45, 48, 55, 65—66].

Государственные руководители, санкционировавшие указанные директивы, осознавали риски приближавшейся войны и старались скорректировать промышленную политику. Недоставало политической воли сломать консервативный шаблон. В указанной докладной записке Госплана, подписанной его председателем Н. А. Вознесенским, было сказано: «На востоке рост производственных мощностей на заводах черной металлургии отстает от пятилетнего плана более значительно, чем в целом по СССР». Приводились данные о заметном сокращении именно там выплавки стали. Перечислялись провалы: в период первых двух с половиной лет третьей пятилетки в отдаленных от западной границы районах не было введено ни одной доменной печи, не удалось построить автозавод грузовиков, не сооружаются рудники и текстильные, металлургические, химические предприятия, не введены в строй нефтеперерабатывающие заводы, в Урало-Волжском районе не удалось создать мощную нефтяную базу и т. д. [История индустриализации ..., 1972, кн. 4, с. 66, 70—72].

Предвоенная пятилетка не изменила утвердившийся канон территориальной организации индустрии. Если исходить из оценки численности трудовых коллективов, то самые крупные предприятия тяжелой промышленности к предвоенному времени находились на Украине. Там расположились заводы: имени Ильича в Мариуполе (17,8 тыс. чел.), имени Ф. Дзержинского в Днепродзержинске (17,6 тыс. чел.), Енакиевский (12,3 тыс. чел.), Макеевский (12,2 тыс. чел.), Сталинский (ныне Донецкий — 12 тыс. чел.). В 1937—1941 годах был построен крупнейший завод тяжелого станкостроения — Краматорский. Исходя из подобных фактов, маститый исследователь, профессор С. С. Хромов делал вывод «о традиционной склонности руководства страны к развитию промышленного потенциала Украины» [Индустриализация ..., 1999, ч. 2, с. 6]. Напомним, что во второй половине 1941 года оккупантам достались богатые трофеи. Когда гитлеровцы пришли в Донбасс, то их инженеры при осмотре местных заводов не раз восхищенно повторяли: «Рур, Рур!». Они справедливо сравнивали Донбасс с крупнейшей промышленной базой Германии [Хрущев, 2016, с. 221].

3.2. Территориальная организация военной индустрии: коллизия кануна большой войны

Дефекты территориального распределения индустриальных мощностей в преумноженном виде воплотились в сфере военной промышленности. Перед большой войной на востоке возникли отдельные крупные предприятия, но не появилась система взаимосвязанных и дополнявших друг друга фабрик и заводов, способных производить в необходимом количестве военную технику; зато подобная система возникла в западной (угрожаемой) части СССР. В то же время реальность успешного и доволь-

но скорого создания развитого военно-оборонного промышленного комплекса в безопасной части СССР вполне подтвердили первые полтора-два года Великой Отечественной войны. Та перестройка, которая совершилась в экономике в середине 1941 — середине 1943 годов, вполне могла быть осуществлена в предвоенный период. В этом случае построили бы в целом меньше, но заводы вовсю работали бы после 22 июня 1941 года, а не оказались на прифронтовой или оккупированной территории.

Объекты оборонной индустрии в наибольшей степени зависели от развитой инфраструктуры, имевшейся в западных районах СССР. Поэтому их и сосредотачивали именно там. Директор Российского государственного архива экономики Е. А. Тюрина констатировала: «Предприятия оборонной промышленности располагались на оккупированной территории гораздо чаще, чем остальные». Последствия непродуманной политики территориального размещения стратегически значимых производств оказались катастрофическими: в 1941 году свыше 80 % всех предприятий оборонной индустрии, в том числе 94 % авиационных заводов, находились в сфере боевых действий или в прифронтовых районах [Тюрина, 2007, с. 95—96]. В итоге состояние советской индустриальной системы к концу 1941 года оказалось близким к полному параличу [Куманев, 2008, с. 214].

С первых дней войны в катастрофическое положение попала промышленность по производству боеприпасов, поскольку ее заводы в еще большей степени, чем другие отрасли, размещались в угрожаемой зоне. К ноябрю 1941 года из строя было выведено 303 предприятия, изготовлявшие боеприпасы (снаряды, мины, авиабомбы). Месячный выпуск этих производств составлял более 8 млн корпусов снарядов, почти 3 млн мин, около 8 млн взрывателей, более 2,5 млн ручных гранат и т. п. Были утрачены или начали эвакуироваться не менее двух третей мощностей по выпуску порохов [Демидов, 2010, с. 389]. Поэтому в 1942 году Советский Союз произвел 67 698 тонн пороха, а Германия — 146 563 тонны; в итоге артиллерийскую дуэль на фронтах рабоче-крестьянская Красная армия (РККА) почти всегда проигрывала [Исаев, 2020, с. 104].

В районах, опасно приближенных к западной границе, производилась основная часть танков и самолетов. За 10 месяцев до большой войны, в августе 1940 года, было принято решение о налаживании производства самолетов и моторов для них на юге и на западе страны. Наркомат авиационной промышленности приступил к сооружению крупных предприятий в Днепропетровске, Харькове, Киеве, Ростове-на-Дону, Запорожье. В октябре 1940 года правительство постановило развернуть новые авиазаводы в Минске и Могилеве, Таллинне, Риге, Каунасе. Примечательно, что в это время 60 % алюминия для авиации производились на Волховском и Дне-

провском алюминиевых заводах, которые в годы Великой Отечественной войны продукцию не выпускали [Соколов, 2012, с. 459—460].

3.3. Ставка на оборонную промышленность Ленинграда — города у западных границ

Крупнейшим центром авиационного и танкового производства стал Ленинград. По концентрации производств оборонной индустрии Ленинград не уступал Украине. И. В. Сталин 17 апреля 1940 года в речи на совещании в ЦК ВКП(б) по обобщению опыта боевых действий против Финляндии заявил, что «Ленинград представляет процентов 30—35 оборонной промышленности нашей страны и, стало быть, от целостности и сохранности Ленинграда зависит судьба нашей страны» [Зимняя ..., 1998, с. 272]. В этом городе выпускались треть всей электротехнической продукции, четверть — машиностроительной; в то же время производилось в общей сложности 10 % союзной промышленной продукции. Как видно, размещение «оборонки» (а также сосредоточение жизненно важных для нее отраслей) здесь было минимум в три раза более плотным, чем общепромышленного производства [Отечественный ..., 2014, с. 15].

Документы, обнаруженные автором в «особой папке» (секретное делопроизводство) бюро Ленинградских обкома и горкома партии, выявляют тенденцию форсированного сосредоточения в крупнейшем городе на Неве военной промышленности именно на рубеже 1930-х—1940-х годов. Летом 1940 года в регионе предпринимается ряд масштабных акций по выполнению указаний постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР (от 26 июля 1940 года) «Об организации производства военных самолетов и авиационных моторов в Ленинграде». Предполагалось в ускоренном темпе соорудить в городе заводы (три авиационных и авиадвигательный), на которых должны были работать 50 тыс. человек [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 2а, д. 159, л. 2—8; Там же, ф. Р-25, оп. 2а, д. 90, л. 81—84, 93—100; Там же, д. 98, л. 2—4; Там же, д. 100, л. 59]. Выразительно, что в Ленинградском Горкоме ВКП(б) появилось восемь «отраслевых» секретарей, каждый из которых отвечал за отдельное направление (танки, авиация, пушки и т. д.) [Болдовский, 2016, с. 66—67]. Ленинград стал центром изготовления узлов и деталей для истребителей и штурмовиков. На Ижорском заводе заканчивалось сооружение крупных мартеновских и электрических печей [Степанов, 2009, с. 116—117, 497; ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 2б, д. 835, л. 24—30].

Мощная советская танковая промышленность размещалась в опасной близости от западной границы. Летом 1940 года Ижорский и Кировский заводы стали серьезно расширять свое оборонное производство, приступив к выполнению «специального правительственного задания», сформулированного в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 28 мая 1940 года о се-

рийном производстве на предприятиях тяжелых танков «КВ». Из обнаруженных в архивном фонде докладных записок, представленных в 1940 году Ленинградскому горкому партии, следует, что в целях решения этой капитальной задачи на заводы нескончаемым потоком пошли станки, машины, механизмы [ЦГАИПД СПб, ф. Р-25, оп. 2а, д. 90, л. 9, 11—13, 15, 17, 19, 26]. Коллективы названных предприятий, а также и десятков заводов-смежников Ленинграда работали в лихорадочной обстановке: постоянно поступало новое оборудование, форсированно монтировались мощные краны и прессы [ЦГАИПД СПб, ф. Р-25, оп. 2а, д. 90, л. 15, 17—18]. Директорам Ижорского и Кировского заводов Н. С. Казакову и И. М. Зальцману на заседаниях Горкома ВКП(б) «ставили на вид», если они не успевали «представить списки на потребное им оборудование» [ЦГАИПД СПб, ф. Р-25, оп. 2а, д. 90, л. 17]. Итоги производственной горячки были налицо; неслучайно Ижорский завод перед войной называли «законодателем по броне» — он был абсолютным лидером в изготовлении корпусов боевых машин.

Перед 22 июня 1941 года имелось 4 самых крупных танкостроительных завода. Производили тяжелые и средние танки Кировский и Завод № 174 (в Ленинграде) им. К. Е. Ворошилова, Харьковский паровозостроительный, сборка легких танков осуществлялась на Заводе № 37 в Москве. Изготовление танковых компонентов и сборку танков в 1930-е годы осуществлял Сталинградский тракторный завод; однако, по данным исследователя А. К. Соколова, он работал «исключительно медленными темпами», то есть хуже всех [Соколов, 2012, с. 464, 474].

Вскоре после начала большой войны была парализована работа всех ведущих танкостроительных центров страны, расположенных в восточной Украине, Ленинграде, Москве [Мельников, 2018, с. 330]. Потеряв уже в первые 18 суток после начала войны 12 тыс. танков, а также лишившись вскоре после 22 июня расположенных в 50—120 км от западной границы крупных мобилизационных запасов, Советский Союз на протяжении продолжительного времени не имел шансов восполнить понесенный урон. По данным статистического сборника «Гриф секретности снят», во второй половине 1941 года враг уничтожил 20,5 тыс. танков, 17,9 тыс. самолетов и 101 тыс. артиллерийских орудий и минометов. Утрачены были основные «накопления» всего периода социалистической реконструкции 1930-х годов. Не случайно потери военной техники в ходе боевых действий в 1942 году резко сократились: ее просто не было [Гриф ..., 1993, с. 368].

3.4. Эвакуация заводов на восток: проблема ее результативности

Анализ ситуации исследуемого периода актуализирует проблему ответственности эвакуации заводов. Не подлежит никакому сомнению то, что многотрудную эвакуацию первого этапа большой войны следует занести

в летопись героических подвигов советского народа. Тем не менее она представляла собой противоречивое явление, поскольку перемещение на восток предприятий было делом чрезвычайно долгим и связанным с колоссальными потерями и затратами. К тому же и директивы об эвакуации отдельных отраслей индустрии принимались с очень большим запозданием. Все привычно ожидали указаний Сталина, а тот медлил и упускал время. Так, по данным историка А. Ю. Ермолова, постановление Государственного комитета обороны об эвакуации крупнейших танковых заводов было утверждено только 12 сентября 1941 года (Ленинград был к тому времени блокирован, а Харьков немцы взяли уже 24 октября 1941 года). Из-за дезорганизации работы государственных органов и острой нехватки подвижного состава не успели вывезти значительную часть оборудования, машин и ценных складских запасов перебазировавшихся заводов. Ермолов А. Ю. доказывает, что «стабильный режим работы» танковой промышленности на Востоке удалось наладить только к середине 1943 года [Ермолов, 2009, с. 74—75, 309]. Представляется малоубедительным утверждение советской историографии об осуществлении «перевода народного хозяйства на военный лад ... в течение года». К редким явлениям следует отнести вступление заводов в строй через полтора месяца после начала их эвакуации [История, 1982, с. 158—159].

Вывезти в безопасные районы подавляющее большинство заводов не удалось. В Поволжье, на Урал, в Сибирь в 1941 году переместили 2593 предприятия из расположенных на оккупированных территориях 31 850 [Куманев, 2010, с. 82]. Из этих 2593 предприятий 1523 относились к крупным: 93 предприятия черной металлургии, 150 машиностроительных, 200 фабрик легкой, 250 пищевой и 150 текстильной промышленности и т. д. [Демидов, 2010, с. 386]. При этом многие производственные мощности использовать на новых местах не получилось. Спешно демонтировать, погрузить в вагоны и перевезти на сотни и тысячи километров крупные предприятия, сооружавшиеся на протяжении длительного предвоенного времени, оказывалось трудно разрешимой задачей. Вывозимое на восток оборудование частично терялось в пути, месяцами лежало на платформах поездов, в ряде случаев сваливалось в кучи на заводских площадках и портилось под открытым небом; оборудование зачастую прибывало на места в разукomплектованном состоянии и не могло быть использовано. Случалось, на новых местах рабочие разбегались из-за отсутствия жилья и продовольствия; в Куйбышеве (сегодня — Самара) в декабре 1941 года на авиационных предприятиях не хватало 30 тыс. работников [Быстрова, 2006, с. 196—199].

Парадоксально, что государственное руководство в довоенное время, смещая индустрию на Запад, не уставало проявлять беспокойство из-за возможности вражеского удара. И. Сталин на вышеуказанном совещании 17 апреля

1940 года даже рассмотрел гипотетический вариант захвата Ленинграда финскими войсками [Зимняя ..., 1998, с. 272]. 21 мая 1940 года была создана комиссия при Ленинградском Горкоме ВКП(б) для перевода некоторых предприятий «к своим сырьевым базам» [ЦГАИПД СПб, ф. Р-25, оп. 2, д. 2622, л. 86]. Однако политической воли сломать порочные территориальные пропорции и структуры не доставало. Не обнаружено сведений о перемещении в тот период каких-то серьезных производств из Ленинграда на восток. Наоборот, как отмечалось выше, в Ленинграде совсем незадолго до Великой Отечественной войны возводились все новые (в первую очередь, военные) предприятия.

4. Заключение = Conclusions

Значимой причиной военной катастрофы второй половины 1941—1942 годов стала крайне слабая вооруженность РККА. Она в решающей степени обуславливалась тем, что тогда большая часть индустриальных мощностей была надолго или навсегда выведена из строя. Коллизию определила ошибочная — с акцентировкой на западные районы — территориальная организация индустриального капитального строительства, и главным образом в военно-промышленной сфере. Разумеется, даже при самом благоприятном развитии предвоенных событий полный перевод основных предприятий в восточные районы состояться не мог. Однако существенное смещение акцентов в выборе географии расположения промышленности было вполне возможно. К сожалению, сознание вождей и части народа пронизывал пафос индустриальной гонки как атрибута «социалистической реконструкции». Ударные темпы движения стали делом более важным, чем его правильное направление. Строили заводы там, где было дешевле и проще, преимущественно на Украине и в Ленинграде. Государство добилось больших экономических результатов, но не сумело вполне использовать имеющиеся возможности и преимущества.

Источники и принятые сокращения

1. *Гриф секретности снят* : Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах : Статистическое исследование / под общей редакцией Г. Ф. Кривошеева. — Москва : Воениздат, 1993. — 416 с. — ISBN 5-203-01400-0.
2. *Зимняя война, 1939—1940*. И. В. Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б) / ответственные редакторы Е. Н. Кульков, О. А. Ржешевский. — Москва : Наука, 1998. — Книга 2. — 295 с. — ISBN 5-02-009752-7.
3. *Индустриализация Советского Союза*. Новые документы. Новые факты. Новые подходы : сборник официальных документов : в 2 частях / под редакцией С. С. Хромова. — Москва : Институт российской истории РАН, 1997—1999. — Ч. 1. — 292 с ; — Ч. 2. — 302 с. — ISBN 5-201-00636-1.
4. *История индустриализации СССР (1926—1941 гг.)*. Документы и материалы. В 4 кн. / сост. З. К. Звездин и др. — Москва : Наука, 1969—1972. — Книга 1 : Ин-

дустриализация СССР 1926—1928 гг. — 535 с. ; Книга 4 : Индустриализация СССР 1938—1941 гг. — 424 с.

5. *Письма* И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925—1936 гг. Сборник документов. — Москва : Издательский центр «Россия молодая», 1995. — 303 с. — ISBN 5-86646-071-8.

6. *Хрущев Н. С.* Воспоминания. Время. Люди. Власть. В 2 книгах / Н. С. Хрущев. — Москва : Вече, 2016. — Книга 1. — 895 с. — ISBN 978-5-4444-5363-6.

7. ЦГАИПД СПб — *Центральный* государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. Р-24 (Ленинградский областной комитет КПСС). Оп. 2а. Д. 159. Л. 2—8 ; Оп. 2б. Д. 835. Л. 24—30 ; Ф. Р-25 (Ленинградский городской комитет КПСС). Оп. 2. Д. 2622. Л. 86 ; Оп. 2а. Д. 90. Л. 9, 11—13, 15, 17—19, 26, 81—84, 93—100 ; Оп. 2а. Д. 98. Л. 2—4 ; Оп. 2а. Д. 100. Л. 59.

Литература

1. *Болдовский К. А.* Горком ВКП(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны / К. А. Болдовский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. — 2016. — № 2. — С. 61—73. — DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.205.

2. *Быстрова И. В.* Советский военно-промышленный комплекс : проблемы становления и развития (1930—1980-е годы) / И. В. Быстрова. — Москва : Институт российской истории РАН, 2006. — 704 с. — ISBN 5-8055-0178-3.

3. *Демидов А. М.* Перебазирование объектов промышленности СССР в первые годы Великой Отечественной войны и органы госбезопасности / А. М. Демидов // Экономическая история : ежегодник. — 2010. — Т. 2010. — С. 365—406.

4. *Ермолов А. Ю.* Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны / А. Ю. Ермолов. — Москва : Литера-С, 2009. — 310 с. — ISBN 978-5-94506-232-0.

5. *Исаев А. В.* «... И танки наши быстры!» / А. В. Исаев // Родина. — 2020. — № 6. — С. 102—105.

6. *История* Второй мировой войны. 1939—1945 гг. : в 12 т. / под общей редакцией А. А. Гречко. — Москва : Воениздат, 1982. — Т. 12. — 495 с.

7. *Куманев Г. А.* Вклад советской военной экономики в победу / Г. А. Куманев // Война. Народ. Победа : материалы международной научной конференции, Москва, 15—16 марта 2005 г. — Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2008. — С. 188—224. — ISBN 978-5-02-035989-5.

8. *Куманев Г. А.* Война и эвакуация 1941—1942 гг. / Г. А. Куманев // Народ и война : очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Москва : Гриф и К, 2010. — С. 60—92. — ISBN 978-5-8125-1453-2.

9. *Лельчук В. С.* Индустриализация СССР : История, опыт, проблемы / В. С. Лельчук. — Москва : Политиздат, 1984. — 304 с.

10. *Мельников Н. Н.* Миф успеха индустриализации : основные проблемы становления и развития советского танкостроения в 1929—1945 гг. / Н. Н. Мельников // Советский проект. 1917—1930-е гг. Этапы и механизмы реализации. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2018. — С. 325—334. — ISBN 978-5-7996-2489-7.

11. *Отечественный* военно-промышленный комплекс в XX — начале XXI веков (историография проблемы) / А. В. Лосик, А. Ф. Мезенцев, П. П. Минаев, А. Н. Щерба. — Санкт-Петербург : Медиа Стайл, 2014. — 539 с. — ISBN 978-5-9904906-1-1.

12. *Самуэльсон Л.* Танкоград : секреты русского тыла, 1917—1953 / Л. Самуэльсон. — Москва : Политическая энциклопедия, 2010. — 375 с. — ISBN 978-5-8243-1477-9.

13. Соколов А. К. От военпрома к ВПК : советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 гг. / А. К. Соколов. — Москва : Новый хронограф, 2012. — 523 с. — ISBN 978-5-94881-184-0.

14. Степанов А. С. Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 — первая половина 1941 гг.) / А. С. Степанов. — Москва : Русский Фонд содействия образованию и науке, 2009. — 544 с. — ISBN 978-5-91244-020-5.

15. Тюрина Е. А. Уникальный опыт эвакуации промышленных предприятий на Восток в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / Е. А. Тюрина // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг. Материалы всероссийской научно-практической конференции, 21—22 апреля 2005 г. — Москва : Academia, 2007. — С. 94—106. — ISBN 978-5-87444-336-8.

16. Фельдман М. А. «Генеральный план развития Уральской области : на 1926—1941 гг.» : между мифом и реальностью / М. А. Фельдман // Эпоха социалистической реконструкции : идеи, мифы и программы социальных преобразований. Сборник научных трудов. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2017. — С. 322—332. — ISBN 978-5-7996-2273-2.

Material resources

And Letters. V. V. Stalin. M. Molotov. 1925—1936 Collection of documents. (1995). Moscow: Publishing Center “Young Russia”. 303 p. ISBN 5-86646-071-8. (In Russ.).

Central State Archive of Historical and Political documents of St. Petersburg. F. R-24 (Leningrad Regional Committee of the CPSU). Op. 2a. D. 159. L. 2—8; Op. 2b. D. 835. L. 24—30; F. R-25 (Leningrad City Committee of the CPSU). Op. 2. d. 2622. l. 86; Op. 2a. d. 90. L. 9, 11—13, 15, 17—19, 26, 81—84, 93—100; Op. 2a. d. 98. L. 2—4; Op. 2a. D. 100. L. 59. (In Russ.).

History of industrialization of the USSR (1926—1941). Documents and materials. In 4 books, 1, 4. (1969—1972). Moscow: Nauka. 535 p.; 424 p. (In Russ.).

Industrialization of the Soviet Union. New documents. New facts. New approaches. Collection of official documents. At 2 o'clock, 1, 2. (1997—1999). Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 292 p.; 302 p. ISBN 5-201-00636-1. (In Russ.).

Khrushchev, N. S. (2016). *Memoirs. Time. People. Power. In 2 books, 1.* Moscow: Veche. 895 p. ISBN 978-5-4444-5363-6. (In Russ.).

Secrecy stamp removed: Losses of the Armed Forces of the USSR in wars, hostilities and military conflicts: Statistical research. (1993). Moscow: Voenizdat. 416 p. ISBN 5-203-01400-0. (In Russ.).

Winter War, 1939—1940. I. V. Stalin and the Finnish campaign. (Transcript of the meeting at the Central Committee of the CPSU (b), 2. (1998). Moscow: Nauka. 295 p. ISBN 5-02-009752-7. (In Russ.).

References

Boldovsky, K. A. (2016). Gorkom VKP (b) and the management system of Leningrad at the beginning of the Great Patriotic War. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 2. History*, 2: 61—73. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.205. (In Russ.).

Bystrova, I. V. (2006). *The Soviet military-industrial complex: problems of formation and development (1930s—1980s)*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 704 p. ISBN 5-8055-0178-3. (In Russ.).

- Demidov, A. M. (2010). Relocation of industrial facilities of the USSR in the first years of the Great Patriotic War and state security agencies. *Economic history: Yearbook, 2010*: 365—406. (In Russ.).
- Ermolov, A. Yu. (2009). *Tank industry of the USSR during the Great Patriotic War*. Moscow: Litera-S. 310 p. ISBN 978-5-94506-232-0. (In Russ.).
- Feldman, M. A. (2017). “The master plan for the development of the Ural region: for 1926—1941”: between myth and reality. In: *The epoch of socialist reconstruction: ideas, myths and programs of social transformations. Collection of scientific papers*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 322—332. ISBN 978-5-7996-2273-2. (In Russ.).
- History of the Second World War. 1939—1945: in 12 volumes, 12*. (1982). Moscow: Voenizdat. 495 p. (In Russ.).
- Isaev, A. V. (2020). “... And our tanks fast!”. *Rodina*, 6: 102—105. (In Russ.).
- Kumanev, G. A. (2008). Contribution of the Soviet military economy to victory. In: *War. People. Pobeda: Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, March 15—16, 2005*. Moscow: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. 188—224. ISBN 978-5-02-035989-5. (In Russ.).
- Kumanev, G. A. (2010). War and evacuation 1941—1942. In: *People and war: essays on the history of the Great Patriotic War 1941—1945*. Moscow: Vulture and K. 60—92. ISBN 978-5-8125-1453-2. (In Russ.).
- Lelchuk, V. S. (1984). *Industrialization of the USSR: history, experience, problems*. Moscow: Politizdat. 304 p. (In Russ.).
- Melnikov, N. N. (2018). The myth of the success of industrialization: the main problems of the formation and development of the Soviet tank industry in 1929—1945. In: *Soviet project. 1917—1930-ies. Stages and mechanisms of implementation*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 325—334. ISBN 978-5-7996-2489-7. (In Russ.).
- Samuelson, L. (2010). Tankograd: secrets of the Russian rear, 1917—1953. Moscow: Political Encyclopedia. 375 p. ISBN 978-5-8243-1477-9. (In Russ.).
- Sokolov, A. K. (2012). *From the military industry to the Military — industrial complex: Soviet military industry. 1917 — June 1941*. Moscow: Novy Chronograph. 523 p. ISBN 978-5-94881-184-0. (In Russ.).
- Stepanov, A. S. (2009). *Development of Soviet aviation in the prewar period (1938 — the first half of 1941)*. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. 544 p. ISBN 978-5-91244-020-5. (In Russ.).
- The domestic military-industrial complex in the XX — early XXI centuries. (historiography of the problem)*. (2014). Saint Petersburg: Media Style. 539 p. ISBN 978-5-9904906-1-1. (In Russ.).
- Tyurina, E. A. (2007). Unique experience of evacuation of industrial enterprises to the East during the Great Patriotic War of 1941—1945. In: *Unity of the front and rear in the Great Patriotic War. 1941—1945. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, April 21—22, 2005*. Moscow: Academy. 94—106. ISBN 978-5-87444-336-8. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.08.2022,
одобрена после рецензирования 29.09.2022,
подготовлена к публикации 17.10.2022.

Зах В. А. Оборонительные линии в системе русского расселения в Тоболо-Ишимском междуречье в конце XVI — середине XVIII веков / В. А. Зах // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 370—385. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-370-385.

Zakh, V. A. (2022). Defensive Lines in System of Russian Settlement in Tobol-Ishim Interflue at End of 16th — Middle of 18th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 370-385. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-370-385. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-370-385

**Оборонительные линии
в системе русского
расселения в Тоболо-
Ишимском
междуречье в конце
XVI — середине XVIII века**

Зах Виктор Алексеевич
orcid.org/0000-0002-3635-5933
доктор исторических наук
viczakh@mail.ru

Тюменский научный центр
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Тюмень, Россия)

Благодарности:
Работа выполнена по госзаданию
№ 121041600045-8,
проект «Западная Сибирь
в контексте Евразийских связей:
человек, природа, социум»

**Defensive Lines in System
of Russian Settlement
in Tobol-Ishim Interflue
at End of 16th — Middle
of 18th Centuries**

Viktor A. Zakh
orcid.org/0000-0002-3635-5933
Doctor of History
viczakh@mail.ru

Tyumen Scientific Centre
of Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:
The work was carried out according
to the state task № 121041600045-8,
the project “Western Siberia
in the context of Eurasian relations:
man, nature, society”

© Зах В. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается формирование в Тоболо-Ишимском междуречье оборонительных линий, обозначавших продвижение русского населения на юг. Доказывается, что исторические процессы, протекавшие в Тоболо-Ишимье, сооружение оборонительных линий наряду с включением существующих коммуникаций следует рассматривать как формирование структуры расселения русского и татарского населения в процессе колонизации с продвижением границы Русского государства на юг. Первоначальная линия колонизации сформировалась в конце XVI века из первых русских острогов: Туринского, Тюмени и Тобольска, заложивших основу освоения лесостепных земель Тоболо-Ишимья. Промежуточными являлись «засечная черта» П. И. Годунова, протянувшаяся от Тарханского острожка до Катайского острога, и Ишимская оборонительная линия — от Утяцкого форпоста до Омской крепости. Последняя оборонительная линия проходила напрямую от Звериноголовского урочища через крепость Святого Петра до Омска, включала крепости, редуты и маяки, защищавшие территории Зауралья и юга Западной Сибири от набегов джунгар и кочевников Средней казахской орды. Оборонительные линии с точечными центрами освоения территории, наряду с дорогами и водными путями, скрепляли формирующийся первоначальный каркас расселения русских в Тоболо-Ишимье с центром в Тобольске.

Ключевые слова:

Тоболо-Ишимье; остроги; города; оборонительные линии; коммуникации; каркас расселения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The formation of defensive lines in the Tobol-Ishim interfluvium, which marked the advance of the Russian population to the south, is considered. It is proved that the historical processes that took place in Tobolo-Ishimye, the construction of defensive lines, along with the inclusion of existing communications, should be considered as the formation of a structure for the settlement of the Russian and Tatar population in the process of colonization with the advance of the border of the Russian state to the south. The initial line of colonization was formed at the end of the 16th century from the first Russian prisons: Turin, Tyumen and Tobolsk, which laid the foundation for the development of the forest-steppe lands of Tobol-Ishim. The intermediate lines were P. I. Godunov's "notch line", which stretched from the Tarkhansky prison to the Kataiskiy prison, and the Ishim defensive line — from the Utyatsky outpost to the Omsk fortress. The last defensive line ran directly from the Zverinogolovsky tract through the fortress of St. Peter to Omsk, included fortresses, redoubts and lighthouses that protected the territories of the Trans-Urals and the south of Western Siberia from the raids of the Jungars and nomads of the Middle Kazakh horde. Defensive lines with dotted centers of territory development, along with roads and waterways, fastened the emerging initial framework of Russian settlement in Tobolo-Ishimye with the center in Tobolsk.

Key words:

Tobolo-Ishimye; prisons; cities; defensive lines; communications; settlement framework.

Оборонительные линии в системе русского расселения в Тоболо-Ишимском междуречье в конце XVI — середине XVIII века

© Зах В. А., 2022

1. Введение = Introduction

Продвижение русского населения за Урал, покорение Сибирского ханства и освоение новых восточных территорий имело огромное значение как для Русского, так и для сопредельных азиатских государств. Освоение русскими новых земель в Сибири разными исследователями воспринималось и оценивалось неоднозначно: одни считали, что имело место «присоединение» (противоположное колонизации); другие видели в этом процессе исключительно «завоевание», колонизацию Сибири, выделяя общие признаки с освоением американского «Дикого Запада» периода фронтира. «Фронтир» определяется как подвижная граница (рубеж) между поселениями европейцев и еще не занятой ими, заселенной индейцами или свободной территорией. Термин введен историком Ф. Дж. Тернером исключительно для американского «рубежа», а концепция разрабатывалась в рамках Нового Света [Тернер, 2009]. Первые попытки сравнения процессов в Сибири и Америке были предприняты декабристами, затем — Н. М. Ядринцевым, проводившим параллели между колонизацией в Новом и Старом Свете и предопределившим применение к этому явлению в Сибири термина «фронтир» [Ядринцев, 1982]. В российской исторической науке термин стал использоваться не так давно; возросший в конце XX века интерес к теории фронтира обусловил попытки обобщить данные, выявить общие черты и различия в процессах колонизации и освоения сибирских и американских земель. Вопросам, включающим различные аспекты фронтира, посвящено значительное количество исследований (см., например: [Замятина, 1998; Агеев, 2005; Резун и др., 2001; Резун и др., 2005; Судакова, 2012; Хромых, 2012; Зубков, 2018; Буканова и др., 2018]).

Кроме этого, существовали другие концепции освоения сибирских территорий, представленные в многочисленных работах Г. Ф. Миллера, П. А. Словцова, П. И. Небольсина, В. К. Андриевича, А. Д. Агеева, А. Н. Радищева, а позже А. П. Щапова, Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева. В конце XIX века В. О. Ключевский ввел понятие «колонизация», под которым понимался процесс хозяйственного освоения и заселения новых

территорий, при этом признавалась роль как стихийно-народного, так и организованного правительством освоения Сибири [Ключевский, 1987].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Процесс колонизации, в том числе «аграрной», юга Западной Сибири, на наш взгляд, отличается от освоения районов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Он не столь однозначен и ставит множество вопросов, связанных, в частности, с территорией Тоболо-Ишимского междуречья, для которого применение положений теории фронта мы считаем приемлемым лишь отчасти. Существование в этом регионе Сибирского ханства, подчинившего и контролировавшего аборигенное население, отличает эти районы: для них характерны сложная политическая и хозяйственная структура, существование развитой для того времени системы коммуникаций [Тюменское и Сибирское ханства, 2018]. Столкновение за Уралом русской администрации с государственным образованием во главе с Кучумом, на наш взгляд, представляется продолжением, пусть и со значительной спецификой, завоевательной политики Ивана Грозного, в том числе присоединения к Русскому государству Казанского ханства.

После поражения Кучума многие татарские мурзы со своими людьми приняли подданство русского царя. В связи с этим исторические процессы, протекавшие в Тоболо-Ишимье, сооружение оборонительных линий наряду с включением существующих коммуникаций, на наш взгляд, следует рассматривать как формирование структуры расселения русского и татарского населения в процессе колонизации с продвижением границы Русского государства на юг. Обозначившие это продвижение оборонительные линии (предшественницы собственно границы) служили для защиты территории от степных кочевников.

В условиях военно-политической нестабильности расширение «аграрной» колонизации на юг происходило при относительно быстром сооружении оборонительной линии или отдельно стоящих слобод, форпостов, укрепленных деревень, заимок и дорог между ними. Успех достаточно быстрого освоения и закрепления новых территорий базировался на многих факторах, среди которых определенную роль играет использование на начальных этапах уже существовавших на территории Сибирского юрта «административных» центров (например, Чимги-тура, Искер, Тархан-кала), на месте которых возводились первые русские остроги, города, а также появлялись дороги, связывающие их с сопредельными регионами.

На основе немногочисленных летописных и картографических источников, в основном С. У. Ремезова, относящихся к концу XVII — нача-

лу XVIII веков, рассмотрим процесс расширения российской территории за счет земель южно-таежного и лесостепного Тоболо-Ишимья. С конца XVI до середины XVIII веков (времени постройки оборонительной линии, протянувшейся от Звериноголовской крепости через Петропавловск до Омской крепости) с севера на юг было освоено около 350—400 км территории. В исследовании применен структурный и количественный методы анализа поселенческих схем, формирования каркаса расселения, топологии узлов и линейных элементов, предложенные для территории Тюменской области М. Г. Ганопольским и С. П. Литенковой [2005]. В определенной степени рассматриваемый этими исследователями процесс соответствует сибирскому фронтиру с тремя стадиями («точечная», «переходная» и «линейная») развития в представлении Р. Г. Букановой и др. [2018]. В общих чертах подходы названных исследователей во многом перекликаются, особенно в отношении доиндустриальной стадии освоения. Процесс освоения Сибири М. Г. Ганопольский и С. П. Литенкова видят в формировании линейных маршрутов колонизации с характерным точечным «оцентрированием» и укреплением территории с помощью возведения острогов [2005].

Особый интерес в нашем случае представляют понятия оборонительной линии (границы) и острога, а впоследствии города как объекта первоначально военно-оборонительного назначения в хронологических рамках сибирской истории XVII века. Для сравнения: американский город обходился без военно-оборонительных укреплений; лишь иногда колонисты, копируя практики индейцев, укрепляли свои поселения деревянным частоколом со сторожевыми башнями [Резун и др., 2001, с. 17]. В Сибири XVII века город «производил впечатление грозной военной крепости: высокий острожный тын, по углам и посередине высились мощные угловые и проездные башни, вырытый ров и насыпанный вал, дополненный иной раз рогатками» [Там же]. С начала XVII века в Сибири, как отмечает Д. Я. Резун, начинается формирование поселенческих структур, остроги становятся основной их формой, им присваивается статус «города». Вблизи от них возникают одно-двухдворные, реже пятидворные первые деревни. Селения более чем в 10 дворов являлись редкостью. Сооружаются укрепленные слободы, быстро обрастающие деревнями, починками, заимками и погостами. Часть городского населения, официально приписанная к тому или иному «городу», фактически жила в многочисленных окружавших его деревнях [Там же, с. 16].

В отличие от Америки, в Сибири русская и аборигенная цивилизации развивались и сосуществовали, нередко тесно переплетаясь, как бы входя друг в друга [Там же, с. 18]. Судя по имеющимся, в том числе карто-

графическим, источникам XVII века [Чертежная книга, 2003], татарское и русское население проживало совместно на одной территории. Иногда татары — это сохраняется вплоть до настоящего времени — образовывали моноэтнические районы. Отметим, что системы расселения русского и татарского населения во многом совпадают, этому способствовало строительство населенных пунктов на местах татарских городков и использование русскими ранее сложившихся коммуникаций.

Целью работы является рассмотрение формирования структуры (каркаса) расселения в Тоболо-Ишимье, на территории первичного очага становления российской государственности в Сибири, на основе анализа сооружения и продвижения на юг оборонительных линий и имевшихся или вновь появляющихся коммуникаций (дороги), связывающих отдельные крупные и мелкие населенные пункты.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

События, связанные с походом Ермака, завоеванием Сибирского ханства, положили начало освоению собственно территорий междуречья Тобола и Ишима и последующему проникновению русских на север и восток Азиатского континента. Исследуя структуру расселения в Тоболо-Ишимье, рассмотрим «линейные маршруты колонизации», в том числе «аграрной», на юг, из которых первая линия маркирует начальную стадию системы расселения русских, а все последующие дополняют и расширяют его каркас, внутри которого сохраняются остатки прежней системы (Сибирского юрта), включающей и территории, преимущественно заселенные аборигенным населением.

3.1. Первая линия маршрута колонизации

Характеризуется появлением на месте татарских городков в конце XVI века первых русских острогов: Туринского (1600 год) на месте городка Епанчин (Епанчин-юрт), Тюмени (1586 год) на месте Чимги-Туры и Тобольска (1587 год), возведенного в 15 км от Искера, что заложило основу освоения лесостепных земель Тоболо-Ишимского междуречья (рис. 1, 1).

Возникновение, функционирование и развитие этой линии и первых русских острогов поддерживались притоком служилых людей и крестьянства из метрополии. Огромное значение в этом процессе имела дорога, связывающая Верхотурье через Туринск и Тюмень с Тобольском, которая, с одной стороны, связывала новые территории с русскими регионами, с другой — скрепляла их в экономическом и политическом плане. В условиях относительной стабилизации военной обстановки после падения Сибирского ханства эта линия легла в основу освоения притобольской территории и стала первоначальной в обороне от кочевников.

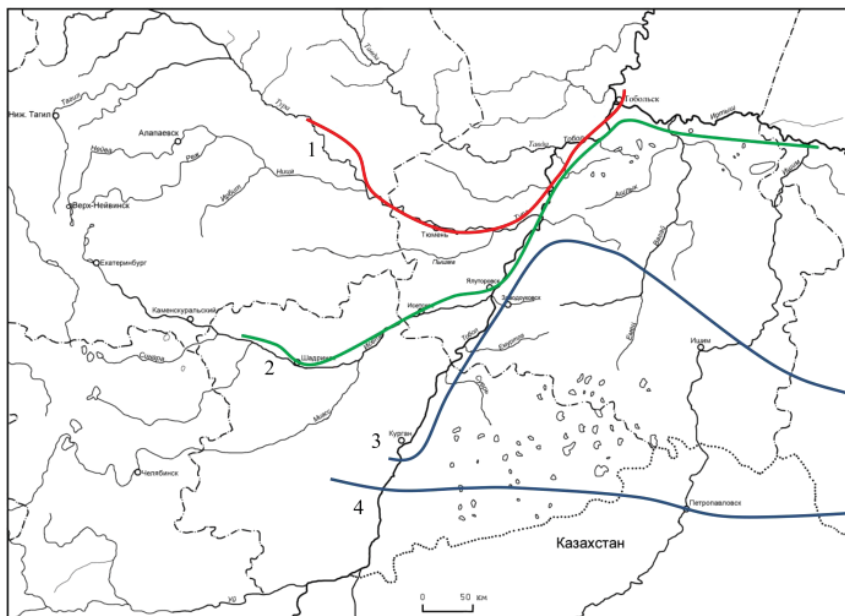

Рис. 1. Расположение оборонительных линий в Тоболо-Ишимье в конце XVI — середине XVIII веков.

1 — первоначальная линия маршрута колонизации; 2 — вторая линия («засечная черта» Годунова) маршрута колонизации; 3 — Ишимская укрепленная линия маршрута колонизации; 4 — пресногорьковская оборонительная линия маршрута колонизации.

3.2. Вторая линия («засечная черта» Годунова) маршрута колонизации

С проникновением русского населения на восток, в том числе за пределы Сибирского ханства¹, к кучумовичам приходит осознание потери своих территорий, что толкает их на организацию антирусских коалиций с кочевниками-степняками, смут и набегов. Этому способствовало ухудшение экономического положения местного татарского населения и появление кочевников калмыков у русских сибирских владений. Значимыми по последствиям можно считать «барабинскую» и «тарскую» смуты 1628—1630 годов, возглавлявшиеся внуком Кучума Аблайгеримом, чатским мурзой Тарлавом и телеутским князем Абаком [Уманский, 1972]. Эти события повлекли за собой сооружение на южных рубежах русских владений в Притоболье и Приишимье новых укреплений. На правобережье

1 Появление русских острогов Тары (1594 год), Томска (1601 год) и др.

Тобола у впадения в него Тапа на месте Тарханского татарского городка в 1628 или 1631 годах (по П. А. Словцову) сооружается Тарханский острог [Сидорова, 2021; Зах и др., 2021]. В 30 верстах от него вверх по Тоболу на месте татарского городка Ялу-тура на старой Казанской дороге (ордынский или калмыцкий путь) в 1639 году поставлен Ялуторовский острог, а в 1659 году — Ялуторовская слобода [Резун и др., 1989; Словцов, 2006]. На р. Вагай в 1633 году на «калмыцкой дороге» возводится Вагайский острог, в 1636 году перенесенный несколько выше по течению Вагая, в урочище Атбаш («конская голова») и получивший название «Адбашский». В устье Ишима в 1629 году возводится Ишимский острожек, а на левом берегу Иртыша напротив Тебендинских озер в 1631 году под руководством тобольского сотника У. М. Ремезова — Тебендинский острожек. Вновь построенные укрепления продолжали первоначальную линию и защищали Тюмень и Тобольск с юга и юго-востока, преграждая пути кочевникам по долинам Тобола, Вагая и Ишима. Вместе с этим по дорогам между острогами и вокруг них появляются деревни, заимки, создается дорожная сеть, налаживаются связи в хозяйстве и культуре русских населенных пунктов. Приток населения, в частности крестьянства, из русских регионов и усиление «аграрной колонизации» привели к достаточно быстрому освоению территорий к югу от первой линии, что в силу недостаточности существующей военной системы и отсутствия границы как таковой вызвало необходимость создания новой линии укреплений, «отвечающей» за защиту от набегов кочевников.

В середине XVII века наиболее быстрыми темпами происходило освоение притобольских земель. Правобережную территорию низовий Тобола и Вагая и междуречье занимали заболоченные пространства и боры. В этих районах проживало (проживает и в настоящее время) в основном татарское население, занимаясь преимущественно охотой и рыболовством. Для реагирования на набеги от кочевников на осваиваемых пространствах появляются новые опорные пункты: в бассейнах Исети и Тобола таковыми становятся Долматов монастырь (1644 год), Исетский (1650 год), Ялуторовский (1639 год) остроги, южным форпостом на пути к Тобольску остается Тарханский острог. Через перечисленные выше и новые, еще не возведенные остроги тобольский воевода П. И. Годунов «задумал провести засечную черту». Данную линию укреплений планировалось построить от Тарханского острожка у впадения р. Тарханки (Тап) в Тобол, далее «вверх по Тоболу через Ялуторовскую слободу на р. Исеть и вверх по Исети через Исетский острог, Мехонину Курью (или Куринскую слободу), Шадринскую слободу, Далматов монастырь до Китайского острога. Протяженность всей линии (по чертежу 1667 года) определялась в 472 версты

(1000 саженных), но при П. И. Годунове в полном объеме этот проект не был осуществлен» [Бахрушин, 1955, с. 278].

На Вагае подступы к Тобольску и калмыцкую дорогу контролировал Адебашский острог, из него позднее население перешло к устью р. Черной в построенную здесь слободу, которая известна в народе как Черная. С появлением второй линии опорные укрепления связываются существующими и появляющимися новыми дорогами, формируется первоначальный каркас освоения (колонизации) рассматриваемой территории (рис. 1, 2).

Во второй половине XVII века быстрыми темпами продолжается «аграрная колонизация» в южном направлении по долинам Тобола и Ишима. Междуречье осваивается медленнее. Большое значение имело появление в 1679 году в Притоболье слободы Царево Городище (г. Курган) и Сурерского острога (1680 год). На Ишиме возводятся Коркинский (1670 год) и Абацкий (1680 год) остроги, впоследствии, в 1730-х годах, вошедшие в Ишимскую пограничную линию от Царева Городища до Омска.

С конца 1620-х годов и практически на протяжении всего XVII века территории, осваиваемые русским населением, подвергаются набегам, сопровождаемым опустошением, грабежами и угоном в рабство женщин и детей. Набегам подвергались не только селения земледельцев, но иногда и остроги. Неоднократно нападали на Тарханский острог: так, в 1640 году он выдержал месячную осаду орды Девлет-Кирея, но в 1689 году был взят штурмом калмыками и сожжен [Резун и др., 1989]. Трагически сложилась судьба погони В. П. Шульгина за казахами, совершившими набег на деревню Ялуторовской слободы летом 1693 года и пленившими около 70 человек. С отрядом более 350 человек он догнал кочевников, но дождь помешал применить огнестрельное оружие, в результате весь «догон» погиб [Тихонов, 2018]. Такие случаи на протяжении XVII века носили массовый характер, а причиной являлись несоответствие в темпах продвижения крестьян на юг на новые плодородные пашенные земли и строительства новых укрепленных сооружений на границе освоенных земель и Степи, а также активизация кочевников. Кроме того, были несовершенны структура войска, организация и тактика обороны.

Значительную роль в защите территории и охране острогов в начале XVII века играли годовальщики — служилые люди, временно направлявшиеся в другой уезд, а иногда в пределах одного уезда из города в острог, где несли службу в течение года или более продолжительное время. Даже после реорганизации сибирского войска воеводой П. И. Годуновым и появления в острогах «постоянных гарнизонов» [Бахрушин, 1955, с. 277, 279] часто в них посылались для несения службы и годовальщики.

При расширении осваиваемых земель, отдаленности друг от друга островов с несшими в них службу годовальщиками и при отсутствии границы как таковой — в ситуации, когда невозможно предотвратить вторжение, вероятно, оптимальной была тактика, опиравшаяся на систему защиты деревень и слобод, включавшую конные отряды, предназначенные для погони, уничтожения нападавших и возврата награбленного и угнанных в полон. Земли, освоенные в Притоболье, Приишимье и частично на сопредельных территориях в XVI—XVII веках, показаны на карте, составленной в 1879 году членом-сотрудником Императорского географического общества Н. М. Ядринцевым. Их южная граница в основном совпадает с Ишимской укрепленной линией, проходящей по северной кромке лесостепи.

3.3. Ишимская укрепленная линия маршрута колонизации

С усилением натиска киргиз-кайсаков (казахов) с 1690-х годов слобода Царево Городище [Слобода Царево ..., 2015] становится важнейшим форпостом русских поселений в Притоболье. Тревожная обстановка на юге Западной Сибири способствовала созданию в 1730-х годах новой пограничной линии, в которую вошло около 60 укреплений и укрепленных поселений. Она протянулась от Утяцкого форпоста вниз по Тоболу, через Царево Городище, Иковскую слободу, на правом берегу Тобола через Верхсурскую и Емутлинскую слободы, Рафайловскую заимку, д. Омутную, Усть-Ламенскую слободу, с. Малышкино, д. Безрукова, Коркинский форпост, д. Фирсова, далее вниз по Ишиму до Абацкой слободы, через ряд деревень и форпостов до Омской крепости (рис. 1, 3). Укрепленная Ишимская линия тянулась дугой, огибая степь, что требовало значительных затрат для поддержания ее функционирования.

3.4. Пресногорьковская оборонительная линия маршрута колонизации

В 1752 году была построена новая, 576-километровая Тоболо-Ишимская (Пресногорьковская или Горьковская) оборонительная линия, проходящая напрямую от Звериноголовского урочища через крепость Святого Петра до Омска (рис. 1, 4). Всего было решено построить две шестиугольные крепости, девять четырехугольных, 33 редута и 42 маяка, но привязка линии к топким, болотистым местам среди соленых озер привела к сокращению численности укреплений из-за нехватки пресной воды. К концу XVIII века на линии числилось 9 крепостей и 16 редутов, которые защищали территории Зауралья и юга Западной Сибири от набегов джунгар и кочевников Средней казахской орды. В конце XVIII века Пресногорьковская оборонительная линия фактически утратила военное значение.

3.5. Водные пути и дороги (коммуникации)

Кроме оборонительных линий, которые за 150 лет отодвинулись на юг примерно на 350—400 км, в местах с пересечения с дорогами возникали то-

ческие центры освоения. При этом наряду с линиями обороны решающее значение имели дороги и водные пути, проходящие как с севера на юг, так и с запада на восток, скрепляющие формирующийся каркас расселения русских в Тоболо-Ишимье. Протекающие по приуральским и зауральским территориям реки Тавда, Тура, Исеть, Тобол, Ишим, Обь, Иртыш обеспечивали хозяйственные и торговые связи между различными пунктами на таежных и степных пространствах: например, в тайгу поступал металл, а на юг везли пушнину. Кроме того, находки костей верблюда на городищах эпохи раннего железа в Притоболье, по мнению исследователей, могут свидетельствовать о формировании караванных путей [Матвеева, 1994] вдоль долин крупных водных магистралей, в данном случае Тобола и Ишима, еще в древности (рис. 2).

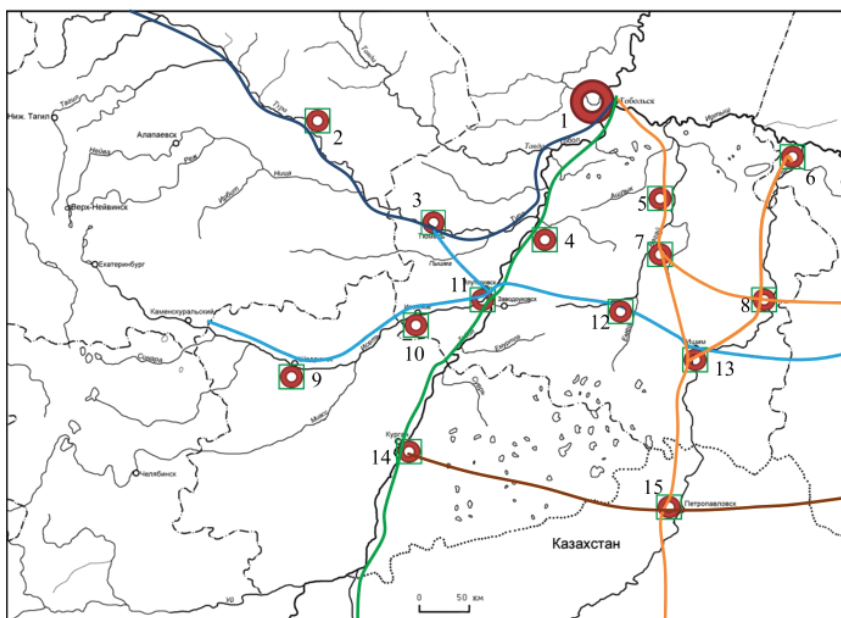

Рис. 2. Водные пути, дороги и узлы каркаса расселения русских в Тоболо-Ишимье в конце XVI — середине XVIII веков.

- 1 — Тобольск; 2 — Туринск; 3 — Тюмень; 4 — Тарханский острог; 5 — Черная слобода; 6 — Ишимский острог; 7 — Голопутово; 8 — Орлово городище; 9 — Щадринск; 10 — Исетский острог; 11 — Ялуторовский острог; 12 — Усть-Ламенка; 13 — Коркинский острог; 14 — Звериноголовская крепость; 15 — Петропавловская крепость.

Главной дорогой в Сибирь через Урал до конца XVI века был так называемый Лозьвинский путь, который пролегал «от Соликамска мимо Чердыни

водным путем Вишерой через Камень, в Лозву, Лозвой в Тавду, Тавдой до Тобола, Тоболом до устья Туры, Турой до Тюмени». В 1597 году соликамский посадский человек Артемий Бабинов «проведал» более близкую и удобную дорогу в Сибирь от Соликамска, минуя Чердынь до Верхотурья [Катионов, 2004, с. 85—89]. В середине XVII века «Верхотурская дорога являлась основной транспортной магистралью, связавшей Сибирь с Русью, причем движение с запада на восток по Верхотурской дороге было намного интенсивнее, чем с востока на запад, по интенсивности она занимала главенствующее положение среди всех проложенных между Сибирью и Русью» [Вилков, 1990].

Развитая сеть дорог шла и из степи на север и восток. О дороге от Тобольска в Среднюю Азию вдоль долины Тобола в 1697 году рассказывает Федор Скибин с товарищами [Сыскное дело..., 1867, с. 401]. Здесь же упоминается путь из Притоболья в Приишимье «от тех верхних тобольских слобод с Царева Городища и из Утяцкой и Камыцкой через степь до Ишима приходною ордынскою дорогою 5 дней и степь ровная, гор нет, людям и скоту кормно» [Там же, с. 401]. Скорее всего, С. В. Бахрушин прав, утверждая, что путь из Тюмени на юг сформировался еще до «Ермакова взятия Сибири», соединялся в районе татарского городка Яулу-Тура (Ялуторовская слобода) «с дорогой, которая вела из Кашлыка через Тарханский городок, бывший, по словам С. У. Ремезова, “заставным” городом царя Кучума» [1959, с. 197]. Этот путь играл в Нижнем Притоболье огромную роль в торговле, «возможно, он повторял так называемый торговый ордынский или калмыцкий путь от Чинги-Туры до Бухары» [Слобода..., 2015, с. 15].

Большое значение имела и «калмыцкая дорога», проходящая вдоль Вагая через Адабашский острог, которая соединяла Тобольск с районами Китая и Монголии [Резун и др., 1989, с. 118]. Впоследствии ответвление от нее ушло на восток, на Ишим и далее на Тару, обеспечивая сообщение Тобольска с восточными территориями.

С появлением в округах городов массы небольших деревень в эту систему крупных коммуникаций вписываются и вновь появляющиеся местные второстепенные дороги, связывающие отдельные населенные пункты. Продвижение оборонительных линий на юг и расселение крестьянства, а вместе с тем появление заимок, деревень и все более разрастающаяся дорожная сеть обеспечивали не только лучшую защиту южных рубежей от кочевников, но и рост хозяйственного потенциала тоболо-ишимских территорий.

К концу XVIII века в Тоболо-Ишимье и на прилегающих землях складывается каркас русского расселения с основным экономическим и политическим центром в Тобольске (рис. 2) и вспомогательными центрами в точках пересечения дорог и существующих оборонительных линий. С этого времени система расселения развивается как с сохранением перво-

начальных узловых пунктов и дорог, так и с изменением коммуникаций и переориентацией экономических приоритетов и торговых связей.

4. Заключение = Conclusions

Покорение Сибирского ханства создало условия для быстрого освоения притобольских и приишимских территорий: появляются остроги, из которых вырастают города Туринск, Тюмень и Тобольск, составившие вместе с округами первую линию маршрута колонизации. Приток в Притоболье нового населения и оседание его на плодородных землях к югу от Тюмени требовали административных усилий по его защите от кочевников. Формируются новые промежуточные оборонительные линии, среди которых можно упомянуть «засечную черту» П. И. Годунова, протянувшуюся от Тарханского острожка через Ялуторовскую и Шадринскую слободы и Далматов монастырь до Китайского острога. В 1730-х годах была построена Ишимская оборонительная линия, огибавшая степь дугой из 60 укреплений и укрепленных поселений от Утяцкого форпоста через д. Омутную, Коркинский форпост, Абацкую слободу до Омской крепости. Последняя оборонительная линия проходила напрямую от Звериноголовского урочища через крепость Святого Петра до Омска, включала две шестиугольные крепости, девять четырехугольных, 33 редута и 42 маяка, защищающие территории Зауралья и юга Западной Сибири от набегов джунгар и кочевников Средней казахской орды. Оборонительные линии, отодвинувшиеся на юг за 150 лет примерно на 350—400 км, с точечными центрами освоения территории, наряду с дорогами и водными путями по Тавде, Туре, Исети, Тоболу, Ишиму, проходящими как с севера на юг, так и с запада на восток, скрепляли формирующийся первоначальный каркас расселения русских в Тоболо-Ишимье. С конца XVIII века эта структура развивалась и при сохранении прежних узловых объектов, и с изменением коммуникаций и переориентацией экономических приоритетов и торговых контактов.

Источники и принятые сокращения

1. *Сыскное дело о походе в Хиву* // Русский архив. — Москва : [б. и.], 1867. — Книга 3. — С. 395—402.
2. *Чертежная книга Сибири*, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Факсимильное изд. — Москва : Картография, 2003. — Т. I. — 50 с.
3. *Чертежная книга Сибири*, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Факсимильное изд. — Москва : Картография, 2003. — Т. 2. — 176 с.

Литература

1. *Агеев А. Д.* Сибирь и американский Запад : движение фронтиров / А. Д. Агеев. — Москва : Аспект-Пресс, 2005. — 334 с. — ISBN 5-7567-0396-9.

2. Бахрушин С. В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. История народов Сибири в XVI—XVII вв. / С. В. Бахрушин. — Москва : АН СССР, 1955. — Т. 3. — Ч. 2. — 299 с.
3. Буканова Р. Г. Особенности фронта на Урале и в Западной Сибири в XVI—XVIII вв. / Р. Г. Буканова, З. А. Тычинских, С. Р. Муратова // Уральский исторический Вестник. — 2018. — № 4 (61). — С. 89—95. — DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-89-95.
4. Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. / О. Н. Вилков. — Новосибирск : Наука, 1990. — С. 41. — ISBN 5-02-029381-4.
5. Ганопольский М. Г. Структура расселения в Тюменской области: особенности генезиса и перспективы развития / М. Г. Ганопольский, С. П. Литенкова // Известия РАН. Серия Географическая. — 2005. — № 3. — С. 56—62.
6. Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах / Н. Ю. Замятина // Общественные науки и современность. — 1998. — № 5. — С. 75—77.
7. Зах В. А. Тарханский острог XVII—XVIII вв. : направления поиска и начала исследований / В. А. Зах, С. И. Цембалюк, Е. В. Сидорова, В. С. Юдакова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2021. — № 3 (54). — С. 119—132. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-426-444.
8. Зубков К. И. Фронт как исследовательская парадигма / К. И. Зубков // Уральский исторический Вестник. — 2018. — № 4 (61). — С. 63—71. — DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-63-71.
9. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII—XIX вв. / О. Н. Катионов. — Новосибирск : НГПУ, 2004. — 567 с. — ISBN 5-85921-417-0.
10. Ключевский В. О. Курс Русской истории. Сочинения : В 9 т. / В. О. Ключевский. — Москва : Мысль, 1987. — Т. 1. — 430 с.
11. Матвеева Н. П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в древности / Н. П. Матвеева // Западная Сибирь — проблемы развития. — Тюмень : ИПСО СО РАН, 1994. — С. 45—54.
12. Муратова С. Р. На страже рубежей Сибири : строительство Сибирских укрепленных линий / С. Р. Муратова. — Тобольск : ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2007. — 176 с. — ISBN 978-5-85944-240-9.
13. Резун Д. Я. Летопись сибирских городов / Д. Я. Резун, Р. С. Васильевский. — Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 1989. — 304 с. — ISBN 5-7620-0075-3.
14. Резун Д. Я. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв. : общее и особенное / Д. Я. Резун, В. А. Ламин, Т. С. Мамсик. — Новосибирск : ИДМИ, 2001. — Выпуск 3. — 113 с.
15. Резун Д. Я. Сибирь, конец XVI — начало XX века : фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. — Новосибирск : [б. и.], 2005. — 193 с.
16. Сидорова Е. В. Тарханский острог XVII века у слияния Тобола и Туры / Е. В. Сидорова // ЛП Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Оренбург, 1—3 февраля 2021 г.) : Материалы Всерос. (с междунар. участием) конф. — Оренбург : ОГПУ, 2021. — С. 276—278.
17. Слобода Царево Городище на Тоболе (1679—1782 гг.) / Под ред. Д. Н. Маслюженко, В. В. Менщикова. — Курган : Издательство Курганского университета, 2015. — 254 с. — ISBN 978-5-4217-0318-1.

18. *Словцов П. А.* История Сибири. От Ермака до Екатерины II / П. А. Словцов. — Москва : Вече, 2006. — 512 с. — ISBN 5-9533-1139-7.
19. *Тернер Ф. Дж.* Фронтир в американской истории / Ф. Дж. Тернер. — Москва : Весь Мир, 2009. — 304 с. — ISBN 978-5-7777-0365-1.
20. *Тюменское и Сибирское ханства* / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. — Казань : Издательство Казанского университета, 2018. — 560 с. — ISBN 978-5-00130-127-1.
21. *Уманский А. П.* Телеуты и сибирские татары в XVII веке. (Очерк внешнеполитических отношений) / А. П. Уманский // Вопросы истории СССР и методики преподавания истории в средней и высшей школе. — Барнаул : БГПИ, 1972. — Т. 18. — С. 103—143.
22. *Хромых А. С.* Сибирский фронтир. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (Последняя треть XVI — первая четверть XVII века) : монография / отв. ред. Г. Ф. Быко-ня. — Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, 2012. — 312 с. — ISBN 978-5-85981-507-4.
23. *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н. М. Ядринцев. — Санкт-Петербург : Издательство И. М. Сиби-рякова, 1892. — 720 с.

Material resources

- Detective case about a trip to Khiva. (1867). In: *Russian Archive*, 3. Moscow: [b. i.]. 395—402. (In Russ.).
- The drawing book of Siberia, compiled by the Tobolsk son boyar Semyon Remezov in 1701. Facsimile edition, I.* (2003). Moscow: Cartography. 50 p. (In Russ.).
- The drawing book of Siberia, compiled by the Tobolsk son of the boyar Semyon Remezov in 1701. Facsimile edition, 2.* (2003). Moscow: Cartography. 176 p. (In Russ.).

References

- Ageev, A. D. (2005). *Siberia and the American West: the movement of frontiers*. Moscow: Aspect-Press. 334 p. ISBN 5-7567-0396-9. (In Russ.).
- Bakhrushin, S. V. (1955). *Scientific works. Selected works on the history of Siberia of the XVI—XVII centuries. The history of the peoples of Siberia in the XVI—XVII centuries*, 3 (2). Moscow: USSR Academy of Sciences. 299 p. (In Russ.).
- Bukanova, R. G., Tychinskikh, Z. A., Muratova, S. R. (2018). Features of the frontier in the Urals and Western Siberia in the XVI—XVIII centuries. *Ural Historical Bulletin*, 4 (61): 89—95. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-89-95. (In Russ.).
- Cationov, O. N. (2004). *The Moscow-Siberian tract and its inhabitants in the XVII—XIX centuries*. Novosibirsk: NGPU. 567 p. ISBN 5-85921-417-0. (In Russ.).
- Ganopolsky, M. G., Litenkova, S. P. (2005). The structure of settlement in the Tyumen region: features of genesis and prospects of development. *News of the Russian Academy of Sciences. The series is Geographical*, 3: 56—62. (In Russ.).
- Khromykh, A. S. (2012). *Siberian Frontier. The meeting of civilizations from the Urals to the Yenisei (The last third of the XVI—first quarter of the XVII century): monograph*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev. 312 p. ISBN 978-5-85981-507-4. (In Russ.).
- Klyuchevsky, V. O. (1987). *Course of Russian history. Essays: In 9 volumes, 1*. Moscow: Mysl. 430 p. (In Russ.).

- Maslyuzhenko, D. N., Menshikov, V. V. (ed.). (2015). *Sloboda Tsarevo Settlement on Tobol (1679—1782)*. Kurgan: Kurgan University Publishing House. 254 p. ISBN 978-5-4217-0318-1. (In Russ.).
- Maslyuzhenko, D. N., Sitdikova, A. G., Khairutdinova, R. R. (2018). *Tyumen and Siberian Khanates*. Kazan: Publishing House of Kazan University. 560 p. ISBN 978-5-00130-127-1. (In Russ.).
- Matveeva, N. P. (1994). On trade relations between Western Siberia and Central Asia in antiquity. In: *Western Siberia — problems of development*. Tyumen: IPOS SB RAS. 45—54. (In Russ.).
- Muratova, S. R. (2007). *On guard of the frontiers of Siberia: the construction of Siberian fortified lines*. Tobolsk: D. I. Mendelev TSPI. 176 p. ISBN 978-5-85944-240-9. (In Russ.).
- Rezun, D. Ya., Lamin, V. A., Mamsik, T. S. (2001). *Frontier in the history of Siberia and North America in the XVII—XX centuries: general and special*, 3. Novosibirsk: IDMI. 113 p. (In Russ.).
- Rezun, D. Ya., Shilovsky, M. V. (2005). *Siberia, the end of the XVI — beginning of the XX century: the frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes*. Novosibirsk: [b. i.]. 193 p. (In Russ.).
- Rezun, D. Ya., Vasilevsky, R. S. (1989). *Chronicle of Siberian cities*. Novosibirsk: Novosibirsk Book Publishing House. 304 p. ISBN 5-7620-0075-3. (In Russ.).
- Sidorova, E. V. (2021). Tarkhansky ostrog of the XVII century at the confluence of Tobol and Tura. In: *LIII Ural-Volga Archaeological Conference of Students and Young scientists (Orenburg, February 1—3, 2021): Materials of All Russia. (from the international participation) conf.* Orenburg: OGPU. 276—278. (In Russ.).
- Slovtsov, P. A. (2006). *History of Siberia. From Ermak to Catherine II*. Moscow: Veche. 512 p. ISBN 5-9533-1139-7. (In Russ.).
- Turner, F. J. (2009). *Frontier in American History*. Moscow: The Whole World. 304 p. ISBN 978-5-7777-0365-1. (In Russ.).
- Umansky, A. P. (1972). Teleuts and Siberian Tatars in the XVII century. (An essay on foreign policy relations). In: *Questions of the history of the USSR and methods of teaching history in secondary and higher school*, 18. Barnaul: BSPI. 103—143. (In Russ.).
- Vilkov, O. N. (1990). *Essays on the socio-economic development of Siberia at the end of the XVI — beginning of the XVIII century*. Novosibirsk: Nauka, 1990. 41. ISBN 5-02-029381-4. (In Russ.).
- Yadrintsev, N. M. (1892). *Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms*. St. Petersburg: Publishing house of I. M. Sibiryakov. 720 p. (In Russ.).
- Zakh, V. A., Tsembalyuk, S. I., Sidorova, E. V., Yudakova, V. S. (2021). Tarkhansky prison of the XVII—XVIII centuries: directions of search and the beginning of research. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 3 (54): 119—132. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-426-444. (In Russ.).
- Zamyatina, N. Y. (1998). The zone of development (frontier) and its image in American and Russian cultures. *Social Sciences and modernity*, 5: 75—77. (In Russ.).
- Zubkov, K. I. (2018). Frontier as a research paradigm. *Ural Historical*, 4 (61): 63—71. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-63-71. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.03.2022,
одобрена после рецензирования 15.05.2022,
подготовлена к публикации 28.09.2022.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Нестерова Т. П. «Тунисский вопрос» во франко-итальянских отношениях (1922—1928) / Т. П. Нестерова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 386—402. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-386-402.

Nesterova, T. P. (2022). 'Tunisian Question' in Franco-Italian Relations (1922—1928). *Nauchnyi dialog*, 11(8): 386-402. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-386-402. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-386-402

«Тунисский вопрос» во франко-итальянских отношениях (1922—1928)

Нестерова Татьяна Петровна

orcid.org/0000-0002-1799-1897

кандидат исторических наук, доцент
кафедры зарубежного регионоведения
t.p.nesterova@urfu.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

‘Tunisian Question’ in Franco-Italian Relations (1922—1928)

Tatiana P. Nesterova

orcid.org/0000-0002-1799-1897

PhD in History, Associate Professor,
Department of Foreign Region Studies
tpnesterova@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Нестерова Т. П., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена развитию отношений между Францией и Италией в контексте вопроса о статусе итальянского населения Туниса. Благодаря соглашениям, достигнутым итальянскими государствами и правительством Туниса, в первой половине XIX века в Тунис началась массовая эмиграция итальянцев, в результате к концу XIX века в Тунисе сложилась значительная по численности итальянская диаспора. Установление французского протектората над Тунисом привело к возникновению вопроса о статусе итальянского населения Туниса, который в итоге был урегулирован франко-итальянской конвенцией 1896 года. После Первой мировой войны Франция отказалась выполнять решения 1896 года. Французское правительство поставило перед собой цель натурализовать итальянцев в Тунисе. Итальянское правительство решительно возражало против такой политики. Переговоры не привели к урегулированию конфликта. В статье проанализировано место «тунисского вопроса» в отношениях Италии и Франции в 1920-х годах, рассматриваются многочисленные обсуждения проблемы статуса итальянцев в Тунисе и попытки Италии по крайней мере сохранить положение, существовавшее в соответствии с конвенцией 1896 года. Доказано, что Тунис с его многочисленной итальянской диаспорой занял существенное место в африканской политике Италии периода фашизма. Обосновано, что период 1920-х годов стал временем по сути подготовительной работы для более серьезного обсуждения колониальных проблем, возникавших между Францией и Италией, результатом которого стало соглашение Лавала — Муссолини 1935 года.

Ключевые слова:

Франция; Италия; Тунис; колониальная политика; внешняя политика Италии; итальянцы в Тунисе.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the development of relations between France and Italy in the context of the status of the Italian population of Tunisia issue. Thanks to the agreements reached by the Italian states and the government of Tunisia, in the first half of the 19th century mass emigration of Italians began to Tunisia, as a result, by the end of the 19th century, a significant Italian diaspora had formed in Tunisia. The establishment of a French protectorate over Tunisia led to the question of the status of the Italian population of Tunisia, which was eventually settled by the Franco-Italian convention of 1896. After the First World War, France refused to comply with the decisions of 1896. The French government set itself the goal of naturalizing Italians in Tunisia. The Italian government strongly opposed such a policy. The negotiations did not lead to a settlement of the conflict. The place of the 'Tunisian question' in relations between Italy and France in the 1920s is analyzed, the numerous discussions of the problem of the status of Italians in Tunisia and Italy's attempts at least to maintain the situation, that existed in accordance with the 1896 convention, are considered in the article. It is proved that Tunisia, with its large Italian diaspora, occupied a significant place in the African policy of Italy during the period of fascism. It is substantiated that the period of the 1920s was essentially the preparatory work for a more serious discussion of the colonial problems that arose between France and Italy, which resulted in the Laval-Mussolini agreement of 1935.

Key words:

France; Italy; Tunisia; colonial policy; foreign policy of Italy; Italians in Tunisia.

«Тунисский вопрос» во франко-итальянских отношениях (1922—1928)

© Нестерова Т. П., 2022

1. Введение = Introduction

Одной из проблем в отношениях между Италией и Францией во второй половине XIX — первой половине XX веков был Тунис — африканское государство, которое в 1881 году оказалось под протекторатом Франции. Однако бей Туниса Ахмед активно сотрудничал с итальянскими государствами, предоставляя возможность для итальянцев селиться на территории Туниса, и уже в 1838 году в Тунисе начала выходить первая газета на итальянском языке. В 1869 году бей Мухаммад ас-Садик подписал с представителями Сардинского королевства договор, официально разрешавший итальянцам селиться на территории Туниса. Поэтому к моменту начала французской оккупации Туниса в этой стране существовало довольно многочисленное итальянское население: по данным статистики, к 1881 году в Тунисе проживало 11 200 итальянцев и 700 французов [Gayda, 1939, p. 30]. Естественно, Итальянское королевство, созданное в 1861 году в ходе объединения Италии вокруг Сардинского королевства, стремилось установить свой контроль над Тунисом. В Италии французская оккупация Туниса была встречена резко отрицательно, и с этого времени Тунис стал одним из камней преткновения в отношениях между Италией и Францией: о Тунисе говорили, что это «итальянская колония, управляемая Францией» [Иванов, 1971, с. 95].

В 1896 году были подписаны итало-французские конвенции, которые регламентировали права итальянцев, проживающих в Тунисе. После Первой мировой войны французское правительство стремилось денонсировать данные конвенции, поскольку они мешали проводить французскую колониальную политику в Северной Африке. Концептуальным подходом французов к европейскому населению Туниса было решение о том, что все европейцы, родившиеся на территории протектората, автоматически приобретают французское гражданство — независимо от страны происхождения родителей. В свою очередь итальянское правительство не желало терять свои позиции в Тунисе и пыталось противодействовать Франции, добиваясь продления конвенций, тем более что к середине 1920-х годов итальянцы составляли 54 % всех европейцев, проживавших в Тунисе, причем итальянцы были в основном рабочими, крестьянами, торговцами, ремесленниками, тогда как французы занимали в основном места колони-

альных чиновников и коммерсантов, не рассматривавших Тунис в качестве своего постоянного места жительства [Иванов, 1971, с. 95—96].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

На протяжении 1920-х — 1930-х годов Италия фактически начала новый этап борьбы за Тунис, пытаясь добиться усиления своего влияния в этой стране и, в перспективе, перехода Туниса под итальянское управление. Многочисленные дипломатические документы, опубликованные в 7-й серии многотомного издания «I Documenti diplomatici italiani», позволяют достаточно подробно проследить итальянскую политику по этому вопросу [DDI]. Отдельные документы были также опубликованы в переводе на русский язык автором данной статьи [Нестерова, 2003а]. Полезными при подготовке исследования являются также публицистические работы итальянских и французских авторов 1920-х годов. К сожалению, французские дипломатические документы 1920-х годов до настоящего времени не опубликованы.

Среди исследований, которые в определенных аспектах затрагивают данную тему, прежде всего необходимо отметить работы Р. Раньеро [Rainiero, 1978], Н. И. Иванова [Иванов, 1971], М. Ф. Видясовой [Видясова, 2005]. Тем не менее только в работах итальянских авторов данная тема затрагивается более или менее глубоко, хотя и в них вопрос о Тунисе рассматривается прежде всего в общем контексте итало-французских отношений данного времени.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Вопрос о Тунисе в итало-французских отношениях в первой половине 1920-х годов

Придя к власти, глава фашистского правительства Италии Бенито Муссолини впервые выразил свою точку зрения на события, происходящие в Тунисе, следующим образом: «С октября 1922 года наши соотечественники в Тунисе больше не будут тревожиться о своей нелегкой жизни, потому что чувствуют, что наша любовь их защищает. ... Теперь Дуче глубоко предан итальянцам Туниса» [Rainiero, 1978, p. 125]. Уровень итальянской пропаганды среди итальянских граждан в Тунисе резко возрос, они поверили, что находятся под защитой сильного итальянского правительства. В сентябре 1923 года на конгрессе Общества Данте Алигьери в Падуе министр колоний первого кабинета Муссолини Луиджи Федерцони заметил, что итальянскую нацию невозможно разделить. Правительство ставило своей целью защитить итальянцев, проживающих за рубежом, так как защита итальянской нации — это защита языка, культуры, национального самосознания, прав человека, и нельзя от всего этого отказываться. Итальянский исследова-

тель Р. Раньеро говорит о том, что можно проследить многовекторное наступление фашистов на Тунис: во-первых, члены фашистской партии занимают основные должности во многих итальянских организациях в Тунисе; во-вторых, создаются новые структуры и организации фашистского типа. Например, в начале 20-х годов издается еженедельник «L'Azione», целью которого была пропаганда распространения фашистской идеологии среди итальянского населения Туниса. В том же году начали строить «Дом итальянцев» в Тунисе. В связи с этим французский посол в Риме Бомарше докладывал министру иностранных дел Франции Раймону Пуанкаре, что план фашистского правительства Италии, постепенно воплощаемый в жизнь, состоит в занятии фашистами всех ключевых постов в тех регионах, где велика численность итальянских иммигрантов [Rainiero, 1978, p. 128].

Муссолини предложил собственное определение эмигранта, то есть итальянца за рубежом. Итальянец за пределами своего государства — это гражданин, находящийся далеко от Родины и приносящий себя в жертву, чтобы жить не как хочется, не на божественной итальянской земле. Но он хранит любовь к Италии в своем сердце и заслуживает особой компенсации — сострадания и заботы [Rainiero, 1978, p. 133].

В 1923 году начались переговоры Италии и Франции по вопросу о продлении Конвенций 1896 года. От имени итальянской стороны подготовительную переписку вел посол Италии в Париже Романо Авеццана, с французской стороны — министр иностранных дел Раймон Пуанкаре. В своих письмах Авеццана регулярно информировал Муссолини о результатах переговоров с французской стороной. В июне 1923 года Авеццана писал Муссолини: «Недавнее англо-французское соглашение о подданстве иностранцев в Тунисе доказывает, что французское правительство готовится обсудить обновление конвенций 1896 года по Тунисскому вопросу. Правительство Франции также готовит общественное мнение против некоторых прав, которые по данным конвенциям были даны Италии» [DDI, 1955, p. 68]. Муссолини узнавал о состоянии дел в Тунисе также и от консула Италии в этой стране Джованни Баттиста Беверини. Летом 1923 года он встретился с генеральным резидентом Франции в Тунисе Люсьеном Сеном для обсуждения сложившейся ситуации. «Имею честь представить Вашему превосходительству содержание беседы, которая состоялась у меня с Люсьеном Сеном — генеральным резидентом Франции.

Вчера утром господин Форне — глава кабинета генерального резидента — позвонил мне и проинформировал, что господин Сен желает побеседовать со мной, прежде чем уехать во Францию. Но он чрезвычайно занят в данный момент и не может выйти из своего кабинета и потому просит меня приехать к нему.

К 11 часам я приехал к нему. Господин Сен хотел обговорить со мной появление наших учебных судов в водах Туниса и демонстрацию фильма “A noi”. Он опасается, что со стороны итальянской части колонии или на кораблях могут произойти манифестации, которые могут натолкнуться на чувствительность французов или местного населения и перерасти в смуту. Меня попросили принять меры со стороны французского правительства.

Господин Сен обратил внимание на состояние враждебности, которое царит между итальянской и французской колониями. Он отметил, что, как почитатель и друг Италии, потратил около трех лет работы на установление взаимопонимания между двумя колониями.

Такое противостояние было заметно и на церемонии торжественного открытия памятника итальянцам, павшим в войне. Я не сказал ни слова о Франции, хотя господин Сен в своей речи достаточно много говорил об Италии. Генеральный резидент отметил, что итальянские газеты резко высказывались в отношении Франции.

Со своей стороны я заверил генерального резидента, что продолжу прилагать все усилия, чтобы сохранять хорошие отношения между двумя колониями, тем не менее надеюсь, что французы в той же мере будут уважать нас, а особенно меньшинства.

Наша дискуссия проходила очень вежливо, и мы расстались очень дружелюбно.

Основные результаты дискуссии:

Недоверие к Франции, а особенно к управлению протекторатом, которое желает проводить не просто проитальянскую политику, а политику, враждебную французской.

Итальянцы Туниса хотели бы повторить показ фильма “A noi”» [DDI, 1955, p. 76].

Авецана сообщил Муссолини, что среди законов, представленных на заседании палаты, был обсужден и принят закон о приобретении гражданства в Тунисе. Ему не удалось обсудить этот вопрос с Пуанкаре, но он поговорил с директором МИДа Франции по коммерческим связям Шарлем Сейду и выразил ему свое огорчение относительно столь поспешного и несвоевременного решения, принятого французским правительством, несмотря на то, что закон не коснется итальянских сограждан, пока в силе тунисское соглашение, хотя есть сомнения, что Италия признает за Францией право издавать законы в области гражданства на территории Протектората [DDI, 1955, p. 342]. После данного сообщения Муссолини сам встретился с Пуанкаре для обсуждения щепетильного для обеих сторон Тунисского вопроса. Муссолини высказал Пуанкаре свое недовольство французской политикой по отношению к Тунису. Он считает, что все документы, затра-

гивающие интересы итальянцев в Тунисе, направлены против Италии и, если это не так, то Франция должна принять новые документы, согласовав их содержание с итальянским правительством. Муссолини не раз подчеркивал, что единственным выходом из данной ситуации является продление минимум на 10 лет Конвенций, принятых в 1896 году.

Итальянский представитель в Париже не раз подчеркивал, что решать тунисский вопрос следует исключительно дипломатическими средствами при помощи переговоров, так как между Италией и Францией всегда существовали дружественные отношения и портить их было не выгодно ни той, ни другой стороне. Французская сторона считала невозможным продление Конвенций 1896 года и предлагала заменить их, приняв новые. Пуанкаре предложил Муссолини ознакомиться с французским проектом новых конвенций, уже одобренным обеими палатами парламента: «Все итальянцы, уже обосновавшиеся в Протекторате, с момента вступления данных Конвенций в силу будут приравнены к иностранцам, рожденным за пределами территории Туниса. С другой стороны, мы сделали Франции большую уступку, признав, что положения закона будут приняты в Тунисе. Я продолжил переговоры, опираясь на свои собственные убеждения, но мне необходимо знать его мнение, чтобы представить что-то конкретное на рассмотрение в нашем Парламенте. Пуанкаре ответил, что такой закон не может быть принят посредством простого обмена нотами, необходимо принятие его в парламенте. В результате мы пришли к выводу, что я обговорю данную проблему с Вашим величеством, чтобы как можно безболезненнее для обеих сторон решить этот щекотливый вопрос» [DDI, 1955, p. 343].

Италия предупредила Францию, что в случае обострения франко-германских отношений итальянское правительство будет придерживаться нейтралитета и за то, чтобы она перешла на чью-то сторону, нужно будет заплатить очень высокую цену, коей может стать Тунис.

В очередной телеграмме Авеццана сообщал: «Необходимо вести переговоры о заключении новой конвенции, потому что нет гарантии, что ныне действующая конвенция по истечении срока действия не будет денонсирована. Нужно начинать переговоры с французским правительством с целью продления Конвенций на приемлемый для нас срок (например, на 9 месяцев), чтобы потом выработать новые соглашения. Переговоры в любом случае должны начаться с обсуждения условий о будущем итальянского гражданства, так как данный вопрос сейчас фундаментально важен. Нужно заключать соглашение на новых условиях, потому что в этом: а) определены нормы для итальянцев, обосновавшихся в Протекторате; б) нет упоминания об итальянцах, обосновавшихся в Тунисе с момента публикации договора, если не принимать во внимание всех родившихся за пределами

Протектората. В результате итальянцы, родившиеся в Тунисе, получают французское гражданство, но факультативно могут получить и итальянское гражданство, но ... закон будет применяться к итальянцам только через два поколения. Хорошо известно, что с нашей стороны не признаются некоторые пункты:

— ни Франция, ни Бей не могут считать итальянцев не защищенными законами их государства, в то время как переговоры прошли неудачно, и Конвенция 1896 года была денонсирована. Право итальянцев на особый статус в Тунисе происходит из древности.

Франция не может протестовать по этому поводу, заставляя итальянцев приобретать французское гражданство в Тунисе *jure soli...*» [DDI, 1955, p. 344].

20 декабря 1923 года французское правительство приняло закон, устанавливающий автоматическую натурализацию иностранных граждан в Тунисе. Но итальянцы, прежде защищенные Конвенциями 1896 года, подлежали индивидуальному «офранцуживанию». Целью этого закона было решение французской демографической проблемы в Тунисе, чему препятствовало многочисленное итальянское население, проживающее в Протекторате. В итоге, по замыслу французского правительства, итальянцы должны подчиниться требованиям французов. Итальянцы, составляющие большинство европейского населения Туниса, должны были, по мнению руководства Франции, добровольно включиться в процесс натурализации. Их дети будут пользоваться теми же правами и нести те же обязанности, что и коренные французы [Bonura, 1929, p. 3]. По статистическим данным, с 1921 по 1924 год было натурализовано 2402 европейца, из которых 2030 — итальянцы (1921 год — 63 итальянца, 1922 год — 392 итальянца, 1923 год — 526 итальянцев, 1924 год — 1049 итальянцев) [Bonura, 1929, p. 4].

Обязательными условиями компромисса между Италией и Францией были комплексные переговоры обо всех франко-итальянских проблемах, при условии, что Италия больше не претендует ни на Марокко, ни на Тунис. В обмен Франция должна была согласиться признать действия Италии в тех сферах, где интересы этих двух стран не соприкасаются [Bonura, 1929, p. 100]. Франция выразила готовность во всем поддерживать Италию, если та в свою очередь уйдет из Северной Африки. Очевидно, что итальянское правительство не могло согласиться с данным предложением Франции, поскольку североафриканские территории представляли для Италии большой интерес. По мнению итальянской стороны, Италия больше не может считаться «младшей сестрой» Франции, ей также необходимы африканские территории для противовеса остальным сильным европейским державам. Италия к 1920-м годам имела гораздо больший политический вес,

чем в 1881 году, когда Тунис стал французским протекторатом, но вместе с тем не считала возможным враждовать с Францией, поскольку два народа по-прежнему связывали общие геополитические интересы. В отношении Туниса, по мнению итальянской стороны, Италия имела больше прав, чем Франция, так как итальянцы закрепились на данной территории гораздо раньше французов и их численность многократно превышала численность французов. Муссолини всегда говорил об общности латинян, то есть итальянцев и французов, и потому, по мнению французской стороны, серьезные конфликты между двумя сторонами были практически исключены. Кроме того, французы полагали, что в случае вооруженного конфликта Италия в любом случае встанет на сторону Франции, но история показала, что французское правительство ошибалось.

Возможным решением тунисской проблемы французское правительство считало натурализацию итальянских граждан, отмену всех предшествующих соглашений, устранение всего итальянского и формирование в Тунисе гомогенного европейского населения.

В августе 1924 года состоялась встреча Авеццана с новым главой французского правительства Эдуардом Эррио. Итальянское руководство ожидало от нового правительства более благоприятного для себя разрешения тунисского вопроса. Основной задачей Авеццана на встрече с Эррио было убедить французского премьер-министра в возможности компромисса в решении тунисской проблемы, коим для Италии являлось продление Конвенций 1896 года на длительный срок. Э. Эррио прекрасно осознавал, что необходимо сделать все возможное, чтобы разрешить данную проблему с учетом интересов Италии, но в то же время не в ущерб своему государству [DDI, 1955, р. 278—279].

Зимой 1924 года Авеццана провел переговоры с французским политическим деятелем Луи Барту, обсудив важные для обеих сторон проблемы, в том числе и тунисский вопрос, решение которого для итальянцев сводилось к продлению Конвенций 1896 года. Авеццана объяснил Барту причины, по которым Италия не может отказаться от данных конвенций. Барту в свою очередь заметил, что конвенции не могут быть вновь приняты в том же варианте, что были около 30 лет назад, так как со временем ситуация изменилась, и Конвенции тоже необходимо модифицировать [DDI, 1955, р. 374—375].

В это же время прошли переговоры Муссолини с министром иностранных дел Франции Аристидом Брианом, на которых рассматривались 3 основных вопроса: металлургические соглашения между Францией и Италией, статус Танжера, тунисский вопрос.

Бриан дал понять, что тунисский вопрос является наиболее деликатным и существенным среди всех неразрешенных итало-французских

проблем [DDI, 1955, p. 383—384]. На данном этапе переговоров никаких решений относительно Туниса принято не было. Итальянцы по-прежнему настаивали на продлении Конвенций 1896 года, а французы требовали внести в данные конвенции существенные изменения.

Переговоры продолжались и на протяжении последующих лет. В марте 1925 года Авеццана вновь докладывал Муссолини о своих встречах с представителями правящих кругов Франции. Его встреча с президентом Французской республики Гастоном Думергом и главой правительства Эдуардом Эррио не дала желаемых результатов, президент заверил посла Италии в Париже, что столь важный тунисский вопрос необходимо вынести на рассмотрение правительства. Франция считает, что данный вопрос для нее является более важным, чем для Италии, и предлагает решать его без огласки, чтобы общественное мнение обеих стран не принимало в этом никакого участия. В ответ на это итальянский представитель заметил, что было бы идеальным решением сохранение в Тунисе status quo и обновление денонсированных конвенций, так как для этого не потребуются специальные переговоры и одобрение парламента. Но, прежде чем обсуждать тунисский вопрос с Италией, французскому правительству необходимо прийти к единому решению в своей стране. Эррио не скрывал своего недовольства работой французских представителей в Тунисе, которая оказывала негативное влияние на внутреннюю ситуацию в Протекторате и обостряла итало-тунисские отношения [DDI, 1955, p. 472—473].

В ходе переговоров Авеццана с Люсьеном Сеном, французским резидентом в Тунисе, стороны вновь обсудили тунисский вопрос. Решили оставить все как есть до той поры, пока не сложится более благоприятная ситуация для заключения нового соглашения. Италия должна была признать, что усилия Франции направлены на узаконение своей власти в Протекторате и достижение преобладания французского элемента над итальянским [DDI, 1955, p. 488—489].

Новая конвенция в основе своей должна была содержать французский закон 1923 года о натурализации при условии его некоторого видоизменения и исключения обратной силы закона. Взамен Франция должна была сделать Италии «ряд уступок экономического характера (рыбная ловля, прибрежное плавание, сырьевые товары и т. д.) не только в отношении Туниса, но и для других французских владений» [DDI, 1955, p. 448]. Италию такое решение не устраивало, так как не были учтены основные ее требования: вернуться к статусу итальянцев, закрепленному в Конвенциях 1896 года.

Как уже отмечалось, численность итальянского населения в 1925 году составляла 54 % всего европейского населения Туниса [DDI, 1955, p. 448]. Итальянский публицист Вирджилио Гайда писал, что именно итальянские

граждане, именно их труд, именно итальянский капитал позволили Тунису процветать [Gayda, 1939, p. 38]. Естественно, Францию очень беспокоила итальянизация протектората. Франция пыталась внедрять принцип, по которому все эмигранты из Европы со второго поколения автоматически становились французскими гражданами.

В марте 1926 года Муссолини сообщал послу Италии в Париже о своих переговорах с послом Франции в Риме Рене Беснаром, во время которых среди прочего был выделен в качестве одного из основных вопросов, решение которых необходимо найти Франции и Италии, вопрос о статусе итальянцев в Тунисе [DDI, 1952, p. 208—209].

Для разрешения первой проблемы было необходимо, чтобы Франция согласилась минимум на 10 лет продлить Конвенции 1896 года.

Италия стремилась проводить свою политику в Тунисе, ссылаясь на то, что в этой африканской стране проживает многочисленное, почти миллионное итальянское население, для которого Италией была организована пропагандистская и политическая деятельность. Во время своего визита в Триполитанию в апреле 1926 года Муссолини заверил итальянское население Туниса, что «итальянский народ не забудет о братьях, живущих в Тунисе» [Трофимов, 1979, с. 110]. Итальянское правительство регулярно поднимало вопрос о статусе итальянцев в Тунисе перед правительством Франции [DDI, 1952, p. 219]. Французы действовали крайне противоречиво. С одной стороны, они пытались ослабить итальянский нажим с помощью переговоров, а с другой — усиливали антиитальянские меры в Тунисе.

Бурные дискуссии по проблеме натурализации в Тунисе разворачивались как в итальянской, так и во французской прессе, обе стороны пытались взвесить все «за» и «против». Стоял вопрос о том, как можно урегулировать спор и узаконить тунисское, а не французское гражданство, которое бы автоматически давалось рожденным в Тунисе. Можно было бы поступить по образцу Соединенных Штатов Америки, в соответствии с американским иммиграционным законодательством, по которому «гражданство индивида, проживающего в США, определяется исключительно по месту его рождения, несмотря на гражданство его родителей» [Le Neveu, 1928, p. 136]. Италия в данной ситуации могла только заявлять о своих требованиях, что она и делала, потому что вопрос прежде регулировался 13-й статьей конвенции 1896 года. Италия активно реагировала на денонсацию упомянутой конвенции. «“Мы не можем согласиться на посягательства на итальянское гражданство в Тунисе” — это крик, звучащий из Рима», — комментировал итальянскую реакцию на денонсацию Конвенции 1896 года французский публицист К. Ле Нево [Le Neveu, 1928, p. 136].

3.2. Обсуждение тунисского вопроса в 1928 году

На очередной встрече с представителями французского правительства в апреле 1928 года Муссолини заявил, что все действия французов и их проекты направлены на лишение итальянцев их гражданства и игнорирование их прав и национальных особенностей. Он настаивал на возобновлении соглашений 1896 года, но французы отклонили это предложение. По конвенциям 18 сентября 1896 года, итальянские переселенцы сохраняли свое гражданство, и, как итальянские граждане, они были освобождены от несения военной службы во французской армии. У них были свои экономические, культурные и спортивные ассоциации, начальные и средние школы. После отклонения французами предложения Муссолини в итальянской прессе возобновилась антифранцузская пропаганда. На этот раз требовали не только возобновления соглашений 1896 года, а еще и более широких привилегий, в том числе и предоставления итальянцам права участия в политической жизни колонии [DDI, 1967, p. 213, 225].

Большая часть итальянского населения Туниса далеко не полностью поддерживала колониальные устремления фашистского правительства. Несмотря на активную деятельность фашистских пропагандистов, часть итальянцев добровольно решили принять французское гражданство.

Тунисский вопрос для Италии был связан с проблемой разграничения территорий в Северной Африке. Зона французского влияния была определена соглашением с Великобританией, подписанным 21 марта 1899 года. Обозначенные на карте границы были приняты Италией. В 1928 году итальянский министр внутренних дел, ранее занимавший пост министра колоний, Луиджи Федерцони требовал «территории Экваториальной Африки до озера Чад». «Италия выдвигает эти требования как права, которые нам принадлежат как государству — наследнику Османской Империи на Ливийском континенте», — писал Л. Федерцони [DDI, 1970, p. 147—148]. Франция фактически отказалась рассматривать итальянские территориальные претензии в Африке, хотя стороны неоднократно возвращались к этому вопросу и урегулировали его в рамках соглашения Лавала — Муссолини 7 января 1935 года, подробнее см.: [Нестерова, 2003б, с. 57—63].

В декабре 1928 года была подготовлена франко-итальянская конвенция, доведенная до сведения главы итальянского правительства и министра иностранных дел Муссолини французским послом в Риме Морисом де Ла Рю Кароном де Бомарше. В проекте конвенции в очередной раз затрагивался вопрос о статусе итальянцев в Тунисе. Итальянцы в Тунисе должны были пользоваться режимом наибольшего благоприятствования, но тем не менее этот режим отличался от статуса французских подданных в этой африканской стране. Итальянцам было разрешено заниматься свободными

профессиями, быть адвокатами, врачами, архитекторами, но только тем, кто в данное время уже был допущен к этим профессиям. Французов, занимающихся такими видами деятельности, насчитывалось 2131 человек, в то время как итальянцев всего лишь 1322 [DDI, 1970, p. 137].

Королевские итальянские школы должны были быть закрыты, а здания выкуплены администрацией Протектората или частными лицами и подчиняться местной регламентации. Количество учеников в школах должно было быть сокращено. Итальянская сторона отмечала, что с 1896 по 1919 годы в Тунисе не было открыто ни одной частной итальянской школы, в некоторых местностях такие школы были крайне необходимы, так как во французских школах зачастую обучался всего один ученик, и тот был сыном преподавателя, а итальянские дети были лишены возможности обучаться на родном языке. В 1919 году было достигнуто соглашение, по которому итальянцам было предоставлено право открытия частных школ в соответствии с нормами французского законодательства. Но с 1919 по 1928 годы ни одной школы также не было открыто, потому что либо заявки на открытие школ были отвергнуты, либо у преподавателей не было дипломов для преподавания французского языка, обязательного в таких школах. Чаще всего французы ссылались на тот факт, что в данной местности уже существовали французские школы, которых было достаточно, и не было смысла открывать еще и итальянские школы. Таким образом, на примере итальянских школ в Тунисе можно проследить политику Франции по отношению к итальянским гражданам, проживающим в этой стране, направленную на искоренение итальянской идентичности. С одной стороны, французское правительство формировало законодательную базу, с другой — всячески препятствовало ее воплощению в жизнь. Французское правительство уверяло, что только 10 000 итальянских мальчиков и девочек хотели бы учиться в итальянских школах и почти столько же — 9954 ученика — предпочли бы получить образование во французских учебных заведениях [DDI, 1970, p. 137—138].

Все дети, родившиеся в Тунисе от итальянских родителей, один из которых родился на этой территории, должны были стать французскими гражданами, если сами не откажутся от этого права. Сын итальянца, родившегося в Тунисе от родителей-итальянцев, родившихся в Тунисе, автоматически становился французским гражданином. Отказаться от права быть гражданином страны-протектора можно было только по достижении 21 года, при этом в возрасте 20 лет мужчины европейского происхождения — французские граждане подлежали призыву на военную службу. По мнению французского правительства, приняв французское гражданство, итальянцы обеспечили бы себе и своим детям, которые уже не смогут уклониться от французского гражданства, лучшее будущее: работу, социальные

гарантии и т. д. В таком случае влияние Италии в Тунисе было бы утрачено окончательно. Итальянские подданные, происходящие из колоний Италии и проживающие в Тунисе, приравнивались бы к итальянским гражданам, но в то же время стали бы тунисскими подданными — гражданами той страны, в которой они проживают, а не французскими.

Такие положения не соответствовали требованиям итальянской стороны, так как они содержали существенные изменения в пользу французов. При этом французское правительство надеялось, что итальянцы согласятся на столь невыгодное для себя решение важного для обеих сторон тунисского вопроса [Нестерова, 2003а, с. 135—140].

Тем не менее многие итальянские граждане изъявляли желание пользоваться привилегиями, предоставляемыми французам, и добровольно меняли гражданство. В то же время им приходилось сталкиваться с непониманием со стороны итальянской прессы и политических организаций дома, однако они не сдавались и не отказывались от преимуществ, приобретенных благодаря переходу во французское гражданство.

Выигрыш времени в Тунисе был важен для Италии и с точки зрения ливийского вопроса. Ливия могла стать крупнейшим центром для миграции итальянского населения в Северную Африку, и для достижения этой цели итальянцам необходимо сохранить свои позиции в Тунисе. В таких условиях оптимальным для итальянского правительства решением было бы очередное продление конвенций 1896 года. Автоматическое получение детьми итальянцев французского гражданства, фактический запрет на открытие новых итальянских школ вели к тому, что интеграция итальянцев во французское колониальное общество ускорила бы, и итальянцы в Тунисе утрачивали свою идентичность, что никак не устраивало Италию.

Таким образом, итальянское правительство отказалось принимать предложенный французами документ и заявило о невозможности соглашения с Францией на таких условиях.

В записке, адресованной Муссолини, говорилось, что подобный шаг Бомарше слишком смел, потому что такой проект о положении итальянцев в Тунисе неприемлем для Италии. Конвенция 1896 года была компромиссом в пользу Франции, создавая благоприятные условия в Тунисе прежде всего для французов.

Тем не менее конвенция 1896 года была денонсирована, правительство Франции не желало изменять политику сдерживания Италии и предлагало лишь дополнить ее пунктами по торговле. В соответствии с конвенцией 1896 года у итальянских товаров было преимущество перед товарами других стран, кроме французских. Таким образом, итальянцы считали, что французское правительство принимает все возможные меры для дальней-

шего сокращения итальянской торговли в Протекторате, и итальянское правительство ничего не могло с этим сделать.

Через полгода Муссолини направил Бомарше ноту, в которой высказал замечания по поводу французского проекта дальнейшего развития итало-французских отношений и предложил свой подход к этому вопросу.

Муссолини отмечал, что обе стороны хотят прийти к соглашению посредством подписания трактата о дружбе и об арбитраже, урегулировать, насколько это возможно, тунисский вопрос и определить южную границу Ливии. Он отметил, что аннулирование Конвенций о Тунисе 1896 года не сможет примирить Италию и Францию, а только усугубит положение, так как они были компромиссом и Италия не настаивала на усилении своего влияния, довольствуясь минимумом прав для итальянского населения. Италия пристально следила за положением своих соотечественников в Тунисе и не могла позволить ухудшить условия их проживания, несмотря на то, что французское правительство всеми возможными способами пыталось шаг за шагом отменить все права, данные итальянскому народу в предыдущих конвенциях. В сентябре 1919 года французское правительство признало возможность улучшения условий для итальянцев в Тунисе, допуская право на создание итальянских школ в Протекторате.

Муссолини неодобрительно отзывался о предложенном французами проекте урегулирования тунисского вопроса, потому что проект напрямую противоречил тому, на что итальянское правительство и общественность обращали наибольшее внимание, то есть поддержанию положения итальянского населения в Тунисе, не говоря уже об его улучшении.

Итальянское правительство заявило, что готово предложить свой проект решения тунисской проблемы. Наилучшим решением данного вопроса итальянцы, как уже отмечалось, считали пролонгирование Конвенций 1896 года минимум на 10 лет [Нестерова, 2003а, с. 138—139].

При этом итальянский посол в Париже Газтано Манцони высказывал точку зрения, что прийти к соглашению Франция и Италия не смогут. Посол предложил отложить разрешение важных итало-французских противоречий до осени 1929 года, так как в данный момент ни одна страна не была способна объективно оценить сложившуюся ситуацию. За это время, отмечал Манцони, у французского правительства будет возможность ознакомиться с итальянским проектом решения спорных вопросов. Такое предложение было, по мнению Манцони, выгодно прежде всего для Франции, внутреннее положение которой Манцони считал неблагоприятным. Итальянская сторона считала, что в сложившейся ситуации все внимание Франции должно быть направлено на европейский сектор и в остальном мире ей лучше бы было вести себя спокойнее. [Нестерова, 2003а, с. 140].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в 1920-х годах Италия не смогла достичь поставленной цели — пролонгации франко-итальянских конвенций о Тунисе 1896 года, и вопрос остался открытым. Его решение оказалось привязанным к большому числу других спорных моментов в отношениях между Францией и Италией. Готовность Франции пойти на относительно незначительные территориальные уступки в районе южной границы Ливии показалась Италии крайне недостаточной компенсацией за отказ от защиты «прав итальянцев в Тунисе», и франко-итальянский спор по вопросу о статусе итальянского населения Туниса продолжился в 1930-х годах. В итоге вопрос о Тунисе был вписан в общий контекст обсуждения колониальных проблем, и даже подписание франко-итальянского соглашения 7 января 1935 года (так называемого «соглашения Лавалья — Муссолини») не привело к решению вопроса об итальянцах в Тунисе, хотя и урегулировало значительное количество других проблем, возникавших в колониальной политике Италии и Франции на Африканском континенте.

Источники и принятые сокращения

1. *Нестерова Т. П.* Документы итальянского Министерства иностранных дел по вопросу об урегулировании франко-итальянских отношений в Северной и Центральной Африке (1928—1929) / Т. П. Нестерова // Уральский вестник международных исследований. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2003а. — Выпуск I. — С. 117—140.
2. *DDI — I Documenti diplomatici italiani.* Ser. 7 (1922—1935). — Roma : Libreria dello Stato, 1955. — Vol. 2 (27 aprile 1923 — 22 febbraio 1924). — 560 p.
3. *DDI — I Documenti diplomatici italiani.* Ser. 7 (1922—1935). — Roma : Libreria dello Stato, 1959. — Vol. 3 (23 febbraio 1924 — 14 maggio 1925). — 688 p.
4. *DDI — I Documenti diplomatici italiani.* Ser. 7 (1922—1935). — Roma : Libreria dello Stato, 1952. — Vol. 4 (15 maggio 1925 — 6 febbraio 1927). — 578 p.
5. *DDI — I Documenti diplomatici italiani.* Ser. 7 (1922—1935). — Roma : Libreria dello Stato, 1967. — Vol. 6 (1 gennaio — 23 settembre 1928). — 720 p.
6. *DDI — I Documenti diplomatici italiani.* Ser. 7 (1922—1935). — Roma : Libreria dello Stato, 1970. — Vol. 7 (24 settembre 1928 — 12 settembre 1929). — 744 p.

Литература

1. *Видясова М. Ф.* Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы (1903—2000). Человек из Сахеля и его путь к «тунисскому возрождению» / М. Ф. Видясова. — Москва : ИСАА МГУ, 2005. — Том I. — Книга 1. — 475 с.
2. *Иванов Н. А.* Кризис французского протектората в Тунисе (1918—1939) / Н. А. Иванов. — Москва : Наука, 1971. — 400 с.
3. *Нестерова Т. П.* Вопрос о южной границе Ливии во франко-итальянских отношениях конца 1920-х — начала 1930-х гг. / Т. П. Нестерова // Уральский вестник международных исследований. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2003б. — Выпуск I. — С. 57—63.

4. Трофимов В. А. Итальянский колониализм и неоколониализм / В. А. Трофимов. — Москва : Наука, 1979. — 290 с.
5. Bonura F. Gli italiani in Tunisia ed il problema della naturalizzazione / F. Bonura. — Roma : Edizioni Tiber, 1929. — 136 p.
6. Gayda V. Italia e Francia : problemi aperti / V. Gayda. — Roma : Il giornale d'Italia, 1939. — 178 p.
7. Le Neveu C. A. France and Italy in North Africa / C. A. Le Neveu // Foreign Affairs. — 1928. — № 10. — Pp. 134—138.
8. Raniero R. La rivendicazione fascista sulla Tunisia / R. Rainiero. — Milano : Marzorati editore, 1978. — 580 p.

Material resources

- I Documenti diplomatici italiani. Ser. 7 (1922—1935), 2 (27 aprile 1923 — 22 febbraio 1924).* (1955). Roma: Libreria dello Stato. 560 p. (In Ital.).
- I Documenti diplomatici italiani. Ser. 7 (1922—1935), 3 (23 febbraio 1924 — 14 maggio 1925).* (1959). Roma: Libreria dello Stato. 688 p. (In Ital.).
- I Documenti diplomatici italiani. Ser. 7 (1922—1935), 4 (15 maggio 1925 — 6 febbraio 1927).* (1952). Roma: Libreria dello Stato. 578 p. (In Ital.).
- I Documenti diplomatici italiani. Ser. 7 (1922—1935), 6 (1 gennaio — 23 settembre 1928).* (1967). Roma: Libreria dello Stato. 720 p. (In Ital.).
- I Documenti diplomatici italiani. Ser. 7 (1922—1935), 7 (24 settembre 1928 — 12 settembre 1929).* (1970). Roma: Libreria dello Stato. 744 p. (In Ital.).
- Nesterova, T. P. (2003a). Documents of the Italian Ministry of Foreign Affairs on the settlement of Franco-Italian relations in North and Central Africa (1928—1929). In: *Ural Survey of International Studies, I*. Yekaterinburg: Ural University Press. 117—140. (In Russ.).

References

- Bonura, F. (1929). *Gli italiani in Tunisia ed il problema della naturalizzazione*. Roma: Edizioni Tiber. 136 p. (In Ital.).
- Gayda, V. (1939). *Italia e Francia: problemi aperti*. Roma: Il giornale d'Italia. 178 p. (In Ital.).
- Ivanov, N. A. (1971). *The crisis of the French protectorate in Tunisia (1918—1939)*. Moscow: Nauka. 400 p. (In Russ.).
- Le Neveu, C. A. (1928). France and Italy in North Africa. *Foreign Affairs*, 10: 134—138.
- Nesterova, T. P. (2003b). The question of the southern border of Libya in Franco-Italian relations of the late 1920s — early 1930s. In: *Ural Survey of International Studies, I*. Yekaterinburg: Ural University Press. 57—63. (In Russ.).
- Raniero, R. (1978). *La rivendicazione fascista sulla Tunisia*. Milano: Marzorati editore. 580 p. (In Ital.).
- Trofimov, V. A. (1979). *Italian colonialism and neocolonialism*. Moscow: Nauka. 290 p. (In Russ.).
- Vidyasova, M. F. (2005). *Jihad without war. Tunisian experience of modernization and the political legacy of Habib Bourguiba (1903—2000). A man from the Sahel and his path to the Tunisian Renaissance, I (1)*. Moscow: ISAA MSU. 475 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.07.2022,
одобрена после рецензирования 30.09.2022,
подготовлена к публикации 24.10.2022.

Петросян Д. В. Внешнеполитические аспекты в установках парламентских партий ФРГ в период канцлерства А. Меркель (2005—2021 годы) / Д. В. Петросян // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 403—419. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-403-419.

Petrosyan, J. V. (2022). Foreign Policy Aspects in Attitudes of Germany Parliamentary Parties during Period of A. Merkel's Chancellorship (2005—2021). *Nauchnyi dialog*, 11(8): 403-419. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-403-419. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-403-419

**Внешнеполитические
аспекты в установках
парламентских партий ФРГ
в период канцлерства
А. Меркель
(2005—2021 годы)**

Петросян Джемма Ваграмовна
orcid.org/0000-0003-2570-0380
аспирант,
кафедра истории и политики
стран Европы и Америки
jemma95@mail.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

**Foreign Policy Aspects
in Attitudes of Germany
Parliamentary Parties
during Period of A. Merkel's
Chancellorship (2005—2021)**

Jemma V. Petrosyan
orcid.org/0000-0003-2570-0380
Graduate Student,
Department of History and Politics
of Europe and America
jemma95@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Петросян Д. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются основные направления во внешнеполитических повестках ведущих партий Германии в период канцлерства А. Меркель. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения стратегических программных установок парламентских партий ФРГ, что позволит лучше понять, каким может быть дальнейший внешнеполитический курс страны. Подчеркивается, что партийная система ФРГ достаточно стабильна: к парламентским партиям первого созыва — ХДС/ХСС, СвДП и СДПГ — на современном этапе присоединились только три партии: «Союз 90 / Зеленые», «Левые» и с 2017 года — «Альтернатива для Германии». Особое внимание уделяется изучению предвыборных и основополагающих программ парламентских партий ФРГ, так как они отражают партийное «мировоззрение», взгляды на место и роль страны в мире, конечные или важнейшие цели, к которым партия должна двигаться, а также средства и методы достижения поставленных задач. На основании анализа данных документов делается вывод о том, что по ключевым вопросам, связанным с внешнеполитическим курсом страны, у парламентских партий существует определенный консенсус. Требования о переосмотре выбранного курса звучат только со стороны правых и левых популистов, которые не оказывают существенного влияния на немецкую внешнюю политику.

Ключевые слова:

ФРГ; парламентские партии ФРГ; внешняя политика Германии; программные установки; Ангела Меркель.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The main directions in the foreign policy agendas of the leading parties in Germany during the period of A. Merkel's chancellorship are considered. The relevance of the study is due to the need to study the strategic program settings of the German parliamentary parties, which will allow a better understanding of what the country's future foreign policy may be. It is emphasized that the party system of Germany is quite stable: only three parties have joined the parliamentary parties of the first convocation — the CDU / CSU, the FDP and the SDPG — at the present stage: the "Union 90 / Greens", "Left" and since 2017 — "Alternative for Germany". Particular attention is paid to the study of the election and fundamental programs of the parliamentary parties of Germany, as they reflect the party's "worldview", views on the place and role of the country in the world, the ultimate or most important goals to which the party should move, as well as the means and methods for achieving the set goals. Based on the analysis of these documents, it is concluded that there is a certain consensus among parliamentary parties on key issues related to the country's foreign policy. Demands for a revision of the chosen course are heard only from right and left populists, who do not have a significant impact on German foreign policy.

Key words:

FRG; parliamentary parties of FRG; foreign policy of Germany; program settings; Angela Merkel.

Внешнеполитические аспекты в установках парламентских партий ФРГ в период канцлерства А. Меркель (2005—2021 годы)

© Петросян Д. В., 2022

1. Введение = Introduction

Современная Германия — парламентская республика, внешняя политика которой характеризуется предсказуемостью, преемственностью, стабильностью и в немалой степени является отражением установок партий, находящихся у власти. Некоторые исследователи обоснованно полагают, что страну можно считать «партийным государством» [Белозеров, 2003, с. 22—25]. Немаловажной является характеристика самих партий, их политической истории и контекста, основного электората и места в современной политической системе ФРГ. Значимость и научная новизна исследования заключаются в комплексном характере анализа внешнеполитических приоритетов парламентских партий ФРГ в период канцлерства А. Меркель (2005—2021 годы).

Основными источниками для определения партийных установок являются «программы принципов», в которых партии стараются максимально широко охватить спектр своих ориентиров на будущее, а также предвыборные программы, где упор сделан на наиболее актуальные ко времени выборов вопросы. Изучение данных документов облегчит понимание того, какие цели преследуют парламентские партии на политической арене, чем и обусловлена актуальность исследования. В первой части статьи рассматриваются изменения в партийной системе ФРГ в период канцлерства А. Меркель и устанавливаются причины снижения электоральной поддержки «народных партий» ХДС/ХСС, СДПГ и повышения значимости парламентской оппозиции. Во второй части автор определяет наиболее приоритетные темы во внешней политике правящих партий Германии в заданный период. Третья часть посвящена анализу внешнеполитических концепций «Союза 90 / Зеленых», «Левых» и «АдГ».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью работы является анализ изменений во внешнеполитических установках парламентских партий в заданный период. Для достижения данной цели необходимо решить ряд задач: определить ключевые вопросы внешней политики, которые составляют содержание партийных и предвы-

борных программ парламентских партий ФРГ; выявить возможное существование раскола в партийной системе Германии по вопросам, связанным с внешнеполитическим курсом страны.

В зарубежной литературе активно изучается роль политических партий в формировании и реализации внешней политики Германии, а также история развития и становления внешнеполитических взглядов отдельных партий в ФРГ. Чрезвычайно интересны монография А. Баринга, Г. Шёльгена, посвященная внешней политике ФРГ от «эры Аденауэра» до современного периода [Baring et al., 2010] и работа П. Лукарди, в которой автор изложил идеи о типологии партий Германии [Lucardie et al., 2013]. Необходимо отметить труды У. фон Алеманна [Von Alemann et al., 2010], А. Пфаль-Трауберга [Pfahl-Traugher, 2013], Д. Саркисяна [Sarkisyan, 2017], в которых авторы описывали эволюцию взглядов парламентских партий на внешнеполитический курс Германии на определенных этапах.

На протяжении последних лет в отечественной науке также активно рассматривалась история становления внешней политики ФРГ [Павлов и др., 2005], ее партийной системы [Власов и др., 2020]. Партийно-политическому ландшафту Германии посвящена также монография Института Европы РАН 2019 года под редакцией Е. П. Тимошенко, при этом автор не затрагивает в своей работе вопросы внешней политики, отмечая, что это тема для отдельного изучения [Тимошенко, 2020]. Работы, посвященные анализу предвыборных кампаний парламентских партий Германии [Белов, 2019], электорального процесса [Соколов и др., 2021; Дмитриева и др., 2020], влияния внешних факторов на трансформацию внешнеполитического курса страны [Васильев, 2021], создают обширную базу для дальнейших исследований сущности актуальных событий в германской политике через историческую призму. Следует отметить, что все перечисленные выше труды посвящены либо отдельным историческим периодам, либо анализу внешней политики ФРГ в целом.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Тенденции развития партийной структуры ФРГ в период канцлерства А. Меркель

В 2000-е в немецкой партийной системе начинают развиваться новые тенденции — уменьшение влияния крупных партий на фоне общего снижения электоральной активности. В 2009 году на выборах явка населения была настолько низкой, что в бундестаге прошли дебаты о возможном введении избирательной повинности [Дмитриева и др., 2020, с. 5]. Постепенно уходит многолетняя приверженность одной партии и растет число голосующих, которые начали уделять внимание не общей направленности

и риторике партий, а тому, какие решения предлагают эти партии по определенным вопросам.

Формат партийно-политической системы Германии начал претерпевать существенные изменения начиная с 1998 года. Когда Партия демократического социализма (ПДС) на федеральных выборах преодолела 5 % барьер, значительно увеличилось количество арифметически возможных коалиций из пяти парламентских партий [Тимошенкова, 2020, с. 11]. Однако после объединения Германии бывшая партия ГДР быстро трансформировалась в новую партию: летом 2005 года ПДС была преобразована в «Партию левых» с дополнением «ПДС» и сокращенным названием «Левая», которое с июня 2007 года после объединения с западногерманской избирательной альтернативой «За труд и социальную справедливость» стало основным названием партии [Рыкин и др., 2009, с. 154].

Постепенно снижалась поддержка «народных партий» ХДС/ХСС, СДПГ. Еще со времен Г. Шрёдера социал-демократы начали выдвигать на первый план крупный бизнес и его экспортные интересы. А христианские демократы во время канцлерства А. Меркель отошли от традиционных консервативных ценностей и совершили поворот влево. Стремление получить большую часть голосов на выборах у одних и тех же социальных групп привело к сближению их предвыборных программ и, по мнению избирателей, потере собственного политического профиля.

Так, разочарованный в европейской политике правящей коалиции сопредседатель Совета малых и средних предпринимателей из правого консервативного крыла ХДС Г. Робануссо совместно с бывшим издателем и руководителем немецкой газеты «Märkische Allgemeine Zeitung» А. Гауландом, журналистом К. Адамом и экономистом Б. Луке создали в 2012 году «Избирательную альтернативу 2013» [Власов и др., 2020, с. 86—87], далее переименованную в «Альтернативу для Германии». Основатели партии были уверены, что взгляды немецкого общества по вопросу спасения «еврозоны» в корне отличаются от выбранного курса ХДС/ХСС и СДПГ. Более того, страх партий быть обвиненными в «антиевропейской» и «прогерманской» политике мешал им сформулировать и отстаивать перед другими европейскими государствами свои национальные интересы [Lachmann, 2012].

Первого успеха АдГ достигла на парламентских выборах в 2013 году. Несмотря на то что партия тогда не смогла преодолеть 5 %-й барьер, результат 4,7 % стал показателем того, что партия останется в политической жизни Германии надолго.

Шокировали respectable Германию результаты выборов 2017 года, когда АдГ впервые в своей недолгой истории образовала парламентскую фракцию (11,5 % и 94 места [Bundestagswahl, 2017]). Важно было то, что

партия смогла заинтересовать тех избирателей, которые чаще всего вообще не голосовали. Однако попадание в бундестаг не стало «трамплином в большую политику». Депутаты, вошедшие от АдГ в парламент, не обладали ни политическим опытом, ни серьезной программой. Ситуация усугублялась резкой политической риторикой представителей АдГ.

Анализируя избирательные предпочтения в Германии с 2005 по 2021 годы, можно прийти к выводу, что традиционная электоральная база партий постепенно разрушается и формируется большая группа «мечущихся избирателей». В качестве примера можно привести историю партии СвДП: в 2009 году свободные демократы добились высочайших результатов за всю историю существования партии (14,6 % голосов) и смогли войти в правящую коалицию, но уже через два года их рейтинг упал до 3 %, в 2013 году партия не смогла пройти 5 %-й барьер на парламентских выборах, а в 2017 году снова показала неплохие результаты, набрав 5,4 % голосов.

Еще одна партия, которая имеет достаточно нестабильную электоральную базу, — партия «Союз 90 / Зеленые»: во время выборов в бундестаг в 2009 году партия получила 10,7 % голосов, в 2011 году проведенные опросы показали, что рейтинг «зеленых» составлял около 20 %, но в 2013 году на выборах в парламент партия смогла набрать лишь 8,4 % голосов. Однако кризис доверия к «народным партиям» в 2017 году положительно повлиял на рост репутации «Союза 90 / Зеленые» и позволил партии достигнуть высоких результатов на земельных выборах. Как отмечал германист В. Б. Белов, если их полученные на выборах 2017 года 8,9 % были расценены как серьезный успех, то 20,5 % на выборах в Европарламент в 2019 году стали настоящей сенсацией [Белов, 2019].

3.2. Внешнеполитические установки правящих партий ФРГ (2005—2021 годы)

Как отмечал известный специалист по Германии Н. В. Павлов, ведущие политические партии ФРГ на протяжении всего существования страны выработали свои представления о внешней политике, которые имеют между собой некоторые отличия, обусловленные как особенностью социально-политического профиля самих партий, их историческим опытом, так и конкретными личностями, определявшими и определяющими их политический курс [Павлов и др., 2005, с. 507]. Однако следует сказать о том, что процесс изменения партийных установок в области внешней политики происходит быстрее, чем их фактическая реализация в государственной политике. Внешнеполитическая повестка партий в первую очередь связана с тем, каким они видят внутреннее устройство своего государства и перспективы его развития. Обоснованно высказывание Курта Шумахера

о том, что решение в области внешней политики является одновременно решением в области внутренней политики [Pfetsch, 1993, S. 37].

Внешняя политика ХДС/ХСС с момента образования союза всегда была направлена на укрепление партнерских отношений с Западом, и на международной арене она представляла важнейшие государственные интересы Германии. Христианско-демократический союз Германии неизменно разделял консервативные ценности: христианская демократия и либеральный консерватизм, но в период руководства партией А. Меркель следует отметить существенные противоречия в политической платформе ХДС. Вместо традиционных ценностей — возведенный в абсолют культ всевозможных меньшинств, а также уверенный курс на глобалистские ценности, поддержка евробюрократии и определение интересов Германии исключительно через ее принадлежность к ЕС, НАТО и другим западным интеграционным проектам [Петросян, 2021, с. 95].

В Баварии консервативный центр представлен Христианско-социальным союзом. ХСС является здесь ведущей силой и уделяет большое внимание поддержке баварского бизнеса, региональной идентичности и традиционным консервативным ценностям [Германия ..., 2021, с. 30].

В программных документах ХДС/ХСС можно выделить ряд тем, которым уделяется особое внимание. Прежде всего это европейское направление внешней политики, с которым всецело связывается будущее развитие ФРГ [Das Programm für Stabilität ..., 2021]. Темы разоружения и защиты свободы мировой торговли являются ключевыми для ХДС. Партия также отмечает важность развития трансатлантических партнерских отношений. Немаловажной глобальной задачей ХДС называет стремление к международному сотрудничеству во всех областях и во всех регионах, особенно при решении проблем мирового масштаба [Freiheit ..., 2007].

На пороге 90-х годов СДПГ не могла предложить никакой реалистической альтернативы по ключевым вопросам внешней политики. Ее предложения в области политики безопасности были нереалистичными и ставили под угрозу военно-политические интересы ФРГ. Поэтому партия была вынуждена пойти на резкое сближение с установками блока ХДС/ХСС и даже на определенные заимствования в этой области [Спасский, 2009, с. 296].

СДПГ считает, что уважение человеческого достоинства, свобода, демократия и терпимость должны иметь основополагающее значение во внешней политике [Hamburger Programm ..., 2007]. Социал-демократы, как и блок ХДС/ХСС, активно выступают за укрепление ЕС и мультилатерализм. СДПГ считает поддержание мира центром своей политики, который строится на диалоге и разрешении гражданских конфликтов. При этом партия видит себя партнером Запада и НАТО [Sozial und Demokratisch ..., 2009]. СДПГ вы-

ступает за военные операции Бундесвера, если дипломатия использовалась в достаточной степени и решение не было найдено. Она отвергает экспорт оружия диктаторским режимам. Для СДПГ наиболее приоритетными темами во внешней политике являются укрепление начал социал-демократии в Европе и мире, смягчение негативных последствий глобализации, с чем тесно связаны вопросы мирового разоружения и помощи развивающимся странам, мирное разрешение конфликтов [Das wir entscheidet ..., 2013].

В программных документах партии, понимается, много внимания уделено партийной философии — социал-демократии, являющейся первоисточником ее ценностей. Для СДПГ важной задачей в эпоху глобализации является стремление обнадеежить и воодушевить людей взять свою судьбу в свои руки, устранить кризис доверия демократии. Для достижения данной, отчасти абстрактной и обширной, цели требуются более стабильные и устойчивые общественные условия [Zeit für ..., 2017].

СвДП — либеральная партия Германии. За всю историю деятельности СвДП (с 1948 года) она не раз выступала в роли той партии, без которой невозможно было создание коалиции. Социал-демократы помнят о временах Вилли Брандта и Гельмута Шмидта, когда страной правила социал-либеральная коалиция [Соколов и др., 2021, с. 12].

По внешнеполитическим приоритетам в партийной системе Германии СвДП считается одной из самых своеобразных партий. Несмотря на то что партия в 1998 году оказалась в оппозиции, она не изменила кардинально свое видение внешнеполитического курса страны. В партии внешняя политика рассматривается исключительно через призму ЕС [Verantwortung für die Freiheit ..., 2012]. За пределами Европы важнейшим партнером партия считает Соединенные Штаты Америки [Denken wir neu ..., 2017]. СвДП выступает за создание европейской армии под совместным верховным командованием и парламентским контролем. Партия считает, что бундесвер необходимо модернизировать. На международном уровне СвДП призывает к более решительному обеспечению и продвижению прав человека и свобод, дальнейшему продвижению усилий по разоружению [Nie gab es ..., 2021].

3.3. Внешнеполитические приоритеты парламентской оппозиции

«Союз 90 / Зеленые» вырос из экологического и пацифистского движения начала 80-х годов, однако победа внутри партии «реалистов» над «фундаменталистами» в начале 90-х годов и объединение западно- и восточногерманских «зеленых», но в большей степени — вхождение в правящую с СДПГ коалицию в 1998 году способствовали отходу партии от традиционных пацифистских воззрений [Павлов и др., 2005, с. 510]. Большинство представителей партий рассматривают себя в качестве политической силы, место которой в партийном спектре слева от СДПГ. Однако раз-

местить «зеленых» на одномерной «линейной» шкале «левые — правые» оказывается непростой задачей в силу особенностей их программных установок [Власов, 2019, с. 119].

«Союз 90 / Зеленые» на современном этапе можно считать системообразующей партией, составляющей с другими становой хребет немецкой демократии [Пушкарева, 2020, с. 66]. «Зеленых» можно причислить к партиям конформистского типа, так как они не требуют радикального пересмотра внешней политики страны, а выступают за стабилизацию, улучшение и реформы [Die Zukunft ..., 2002]. Партия выступает за расширение ЕС, а также поддерживает международные миссии в рамках Организации Объединенных Наций, которые способствуют стабильности, защите гражданского населения и осуществлению мирных процессов [Zeit für ..., 2013]. «Зеленые» выступают против использования немецкого оружия в зонах боевых действий и диктатурах [Deutschland ..., 2021].

Отличительной чертой немецких «зеленых» является их чрезвычайная политическая гибкость, способность выстраивать успешную стратегию в зависимости от политической конъюнктуры, находить точки соприкосновения и создавать коалиции с другими, в том числе крупными традиционными, партиями на всех уровнях власти — региональном, федеральном и общеевропейском [Ровинская, 2015, с. 64].

Левая партия в партийной системе ФРГ видит себя слева от всех остальных представленных в бундестаге партий и выступает против «капиталистической модели ФРГ» и «неолиберальной» политики [Левая партия ..., 2009]. Особенной чертой Левых является наличие различных идеологических течений в партии: от прагматиков, направленных на реформы, до классических коммунистов [Pfahl-Traugheiser, 2013, с. 547].

В мировой политике партия делает значительный вклад в проводимую ФРГ политику безопасности; выступает за общество, которое не участвует в войнах, а использует стратегию решения конфликтов мирными путями. Левые выступают против зарубежных миссий бундесвера, санкционированных бундестагом, и против присутствия немецких солдат за границей под ответственностью НАТО [Programmatisches ..., 2007].

Один из главных пунктов программы партии является требование распустить НАТО и заменить его системой коллективной безопасности с участием России [Programm der Partei ..., 2011].

«Альтернатива для Германии» — право-популистская партия, которая позиционирует себя в качестве протестной силы. Она критикует действия правительства, прежде всего, в вопросах миграции, евроинтеграции, безопасности и политики идентичности [Соколов и др., 2021, с. 16]. Одни исследователи отмечали, что «Альтернатива» представляет собой серьезный

вызов партиям центра и ее потенциал не иссякнет долгое время. Другие характеризовали новую партию как партию-однодневку, спекулирующую вокруг одной темы; партию-провокацию, бросающую вызов эстаблированным партиям, но не предлагающую реальных решений.

Как отмечает ведущий научный сотрудник Центра германских исследований А. К. Камкин, пока традиционные консервативные партии ХДС и ХСС заявляли о невозможности существования политической силы правее их самих, они медленно, но неуклонно сдвигались влево, стирая границу между правым и левым. Объединяя усилия против праворадикальной НДПГ, народные партии не заметили лакуны для умеренно правой консервативной силы [Камкин, 2015, с. 536].

«Альтернатива для Германии» верна своим лозунгам: переход к Европе наций, отказ от евро, критика политики ЕЦБ, вывод всех политических сфер с европейского на национальный уровень и возможность выхода Германии из ЕС [Хорольская, 2021, с. 30].

Одним из основных требований АдГ к внешней политике является вывод ФРГ из состава Евросоюза. По мнению правых популистов, членство в НАТО и активная роль Германии в ОБСЕ остаются центральным элементом стратегии безопасности страны. Однако Североатлантический альянс, по мнению «альтернативщиков» должен стать исключительно «оборонительным объединением, чтобы сфера его компетенции ограничивалась только территорией государств-членов» [Programm für Deutschland ..., 2017]. Также партия выступает за улучшение отношений с США, Россией и Китаем, несмотря на то что составляющие данной повестки несовместимы [Deutschland aber normal ..., 2021].

4. Заключение = Conclusions

В силу специфики политической системы ФРГ парламентские партии играют определяющую роль в вопросах формирования и реализации государственной политики, а бундестаг является местом принятия внутри- и внешнеполитических решений.

Ключевыми тенденциями в партийно-политической системе ФРГ в XXI веке являются рост фрагментации партийного ландшафта, постепенное уменьшение поддержки «народных партий» ХДС/ХСС, СДПГ, а также СвДП, появление новых политических партий в бундестаге, что значительно усложнило процесс формирования правительственных коалиций, и растущая неустойчивость политических предпочтений избирателей, что связано со снижением доверия к традиционным партиям.

Однако относительно внешнеполитического курса ФРГ следует отметить две принципиальные особенности. Во-первых, учитывая, что

Германия является демократической парламентской республикой со стабильным государственным устройством (а это доказывает почти 70-летняя история страны), ей присуща стабильная, предсказуемая внешняя политика со своей устоявшейся системой координат, которая не может резко меняться от правительства к правительству. При этом неважно, какая коалиция стоит во главе государства. Даже канцлер — ключевая фигура в системе внутри- и внешнеполитических координат — далеко не независимая величина, а действующая по согласованию со своими партнерами по правительству из других партий. Во-вторых, в ФРГ существует относительно широкий консенсус между властью и обществом по наиболее важным вопросам внешней политики. Поэтому независимо от состава правительства (даже при гипотетическом участии в нем «Альтернативы для Германии» или партии «Левая») резкие колебания на внешнеполитическом фронте не предвидятся.

Проведенный анализ предвыборных и основополагающих программ парламентских партий показал, что по ключевым вопросам, связанным с внешнеполитическим курсом Германии, у партий существует определенный консенсус. Требования о пересмотре выбранного курса звучат только со стороны правых и левых популистов, которые не особо надеются на то, что на практике это будет возможно осуществить, и не оказывают существенное влияние на немецкую внешнюю политику. С самого основания ФРГ ее позиционирование в мире определяется трансатлантическим консенсусом, что не отрицается ни одной ведущей партией Германии. Выхода ФРГ из состава Евросоюза требует только АдГ, все остальные парламентские партии поддерживают углубление европейской интеграции. За роспуск НАТО и создание новой системы европейской безопасности выступает только партия «Левые». Главной чертой общих установок всех парламентских партий является видение Германии как активного участника международных отношений, с новой ролью медиатора в кризисах и промотора темы разоружения и нераспространения ОМУ. Международную кооперацию, в общем и целом, поддерживают все партии, а европейское направление сотрудничества остается самым главным.

Источники и принятые сокращения

1. *Bundestagswahl 2017* : Endgültiges Ergebnis [Electronic resource] // Der Bundeswahlleiter. — 12.10.2017. — Access mode : https://www.bundeswahlleiter.de/info/presse/mitteilungen/bundestagswahl-2017/34_17_endgueltiges_ergebnis.html (accessed 21.08.2022).
2. *Das Programm für Stabilität und Erneuerung. Gemeinsam für ein modernes Deutschland. Wahlprogramm von CDU und CSU für die Bundestagswahl 2021* [Electronic resource] // CSU. — Access mode : <https://www.csu.de/common/download/Regierungsprogramm.pdf> (accessed 21.08.2022).

3. *Das wir entscheidet*. Das Regierungsprogramm 2013 – 2017 von SPD [Electronic resource] // SPD. — Access mode : https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Bundesparteitag/20130415_regierungsprogramm_2013_2017.pdf (accessed 21.08.2022).

4. *Die Zukunft ist grün*. Grundsatzprogramm von BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN. Beschlossen auf der Bundesdelegiertenkonferenz am 15—17. März 2002 in Berlin [Electronic resource] // Heinrich Böll Stiftung. — Access mode : https://www.boell.de/sites/default/files/assets/boell.de/images/download_de/publikationen/2002_003_Grundsatzprogramm_Buendnis90DieGruenen.pdf (accessed 22.08.2022).

5. *Denken wir neu*. Das Programm der Freien Demokraten zur Bundestagswahl 2017. Beschluss des 68. Ord. Bundesparteitages von 30. April 2017 in Berlin [Electronic resource] // FDP. — Access mode : https://www.fdp.de/sites/default/files/2021-05/FDP_BTW2017_Kurzwahlprogramm_RU.pdf (accessed 22.08.2022).

6. *Deutschland. Alles ist drin*. Programm zur Bundestagswahl 2021 von BÜNDNIS 90/Die Grünen [Electronic resource] // Heinrich Böll Stiftung. — Access mode : https://cms.gruene.de/uploads/documents/Vorlaeufiges-Wahlprogramm_GRUENE-Bundestagswahl-2021.pdf (accessed 22.08.2022).

7. *Deutschland aber normal*. Programm der AlternativE für Deutschland für die Wahl zum 20. Deutschen Bundestag. Beschlossen auf dem 12. Bundesparteitag der AfD vom 10. bis 11. April 2021 in Dresden [Electronic resource] // AfD. — Access mode : https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2021/06/20210611_AfD_Programm_2021.pdf (accessed 23.08.2022).

8. *Freiheit und Sicherheit*. Das Grundsatzprogramm von CDU. Beschlossen vom 21. Parteitag von 3. bis 4. Dezember 2007 in Hannover [Electronic resource] // Konrad Adenauer Stiftung. — Access mode : https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=5f72a0b2-5c95-01ad-092f-0039ff40c168&groupId=252038 (accessed 23.08.2022).

9. *Hamburger Programm*. Das Grundsatzprogramm der SPD. Beschlossen auf dem Hamburger Bundesparteitag der SPD am 28. Oktober 2007 [Electronic resource] // Friedrich Ebert Stiftung. — Access mode : https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Grundsatzprogramme/hamburger_programm.pdf (accessed 24.08.2022).

10. *Lachmann G. Enttäuschte CDU-Politiker gründen Wahlalternative* [Electronic resource] / G. Lachmann // Die Welt. — 04.10.2012. — Access mode : <https://www.welt.de/politik/deutschland/article109606449/Enttaeuschte-CDU-Politiker-gruenden-Wahlalternative.html> (accessed 25.08.2022).

11. *Nie gab es mehr zu tun*. Sanktionen gegen Russland aufrecht erhalten FDP-Wahlprogramm 2021 [Electronic resource] // FDP. — Access mode : <https://www.fdp.de/forderung/sanktionen-gegen-russland-aufrecht-erhalten> (accessed 25.08.2022).

12. *Programmatisches Gründungsdokument der Partei DIE LINKE*. Beschluss der Parteitage PDS am 24. und 25. März 2007 in Dortmund [Electronic resource] // Rosa Luxemburg Stiftung. — Access mode : https://www.rosalux.de/fileadmin/rls_uploads/pdfs/ADS/Programmatisc_Eckpunkte.pdf (accessed 25.08.2022).

13. *Programm der Partei DIE LINKE*. Beschluss des Parteitages der Partei DIE LINKE vom 21. bis 23. Oktober 2011 in Erfurt [Electronic resource] // Rosa Luxemburg Stiftung. — Access mode : https://www.rosalux.de/fileadmin/rls_uploads/pdfs/ADS/DIE_LINKE-Partei-programm_2011.pdf (accessed 26.08.2022).

14. *Programm für Deutschland*. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24 September 2017 [Electronic resource] // AfD. — Access mode : https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (accessed 26.08.2022).

15. *Sozial und Demokratisch. Anpacken. Für Deutschland. Das Regierungsprogramm 2009—2013 von SPD* [Electronic resource] // Friedrich Ebert Stiftung. — Access mode : http://library.fes.de/prodok/ip-02016/regierungsprogramm2009_if_navi.pdf (accessed 27.08.2022).
16. *Verantwortung für die Freiheit. Karlsruher Freiheitsthesen der FDP für eine offene Bürgergesellschaft. Programm der Freien Demokratischen Partei. Beschlossen auf dem Bundesparteitag am 22. April 2012 in Karlsruhe* [Electronic resource] // Friedrich Naumann Stiftung. — Access mode : https://www.freiheit.org/sites/default/files/2019-10/2012karlsruhe_rfreiheitsthesen.pdf (accessed 27.08.2022).
17. *Zeit für den Grünen Wandel. Teilhaben. Einmischen. Zukunft Schafen. Bundestagswahlprogramm 2013 von Bündnis 90/Die Grünen. Beschlossen auf der 35. Ord. Bundesdelegiertenkonferenzen von Bündnis 90/Die Grünen vom 26. bis 28. April 2013 in Berlin* [Electronic resource] // Heinrich Böll Stiftung. — Access mode : <https://cms.gruene.de/uploads/documents/BUENDNIS-90-DIE-GRUENEN-Bundestagswahlprogramm-2013.pdf> (accessed 28.08.2022).
18. *Zeit für mehr Gerechtigkeit : Zukunft sichern, Europa stärken. Das SPD-Regierungsprogramm 2017 bis 2021* [Electronic resource] // SPD. — Access mode : https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Regierungsprogramm/SPD_Regierungsprogramm_BTW_2017_A5_RZ_WEB.pdf (accessed 28.08.2022).

Литература

1. *Белов В.* Германия : жаркое политическое лето 2019 г. [Электронный ресурс] / В. Белов // РСМД. — 17.07.2019. — Режим доступа : <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/germaniya-zharkoe-politicheskoe-leto-2019-g/> (дата обращения 8.08.2022).
2. *Власов Н. А.* «Альтернатива для Германии» и проблемы эволюции партийной системы Федеративной Республики Германия / Н. А. Власов, Н. В. Филина // Россия и современный мир. — 2020. — № 1 (106). — С. 81—94. — DOI: 10.31249/rsm/2020.01.05.
3. *Власов Н. А.* «Зеленые» в ФРГ : новая «народная партия»? / Н. А. Власов // Современная Европа. — 2019. — № 2 (88). — С. 118—129. — DOI: 10.15211/sovereurope22019118128.
4. *Германия в евроинтеграционных и трансатлантических процессах* / В. И. Васильев, М. В. Хорольская, А. М. Кокеев. — Москва : Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук, 2021. — 127 с. — ISBN 978-5-9535-0589-5.
5. *Демидова О.* Левая партия — новичок с амбициями [Электронный ресурс] / О. Демидова // DW. — 14.07.2009. — Режим доступа : <https://web.archive.org/web/20210310084858/https://www.dw.com/ru/левая-партия-новичок-с-амбициями/a-2773383> (дата обращения 8.08.2022).
6. *Дмитриева С. И.* Внутренняя политика и внешнеполитическая стратегия ФРГ / С. И. Дмитриева, В. Н. Морозова. — Воронеж : РИТМ, 2020. — 124 с. — ISBN 978-5-6045034-3-0.
7. *Камкин А. К.* «Альтернатива для Германии» — партия-однодневка или серьезная сила? / А. К. Камкин // Современная Германия. Экономика и политика / Под общей редакцией В. Б. Белова. — Москва : Весь Мир, 2015. — С. 533—539.
8. *Павлов Н. В.* Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера / Н. В. Павлов, А. А. Новиков. — Москва : Московские учебники — СиДиПресс, 2005. — 605 с. — ISBN 5-8443-0024-6.
9. *Петросян Д. В.* Внешнеполитические установки Федеративной Республики Германии в постбиполярном мире / Д. В. Петросян // Ученые записки Крымского федераль-

ного университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. — 2021. — Т. 7. — № 3 (73). — С. 87—98. — DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-3-87-98.

10. Пушкарёва В. В. Новая роль зеленых в политической жизни Германии / В. В. Пушкарёва // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. — 2020. — Т. 4. — № 1. — С. 63—75. — DOI: 10.35634/2587-9030-2020-4-1-63-75.

11. Ровинская Т. Л. «Зеленые» в Европе : поступательный рост / Т. Л. Ровинская // Мировая экономика и международные отношения. — 2015. — № 12. — С. 58—71.

12. Рыкин В. С. Создание левой альтернативы на базе ПДС и движения «За труд и социальную справедливость» / В. С. Рыкин, А. А. Вильде, Е. П. Тимошенко // Германия. Вызовы XXI века / под ред. В. Б. Белова. — Москва : Весь Мир, 2009. — С. 154—163. — ISBN 978-5-7777-0467-2.

13. Соколов А. П. Выборы в Бундестаг 2021 : Путеводитель / А. П. Соколов, Е. В. Пименова, А. Д. Давыдов. — Москва : Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2021. — 32 с.

14. Спасский Е. Н. Германские политические партии в процессе и после объединения Германии : механизмы конкуренции и тенденции эволюции : диссертация ... доктора политических наук : 23.00.02 / Е. Н. Спасский. — Санкт-Петербург, 2009. — 445 с.

15. Тимошенко Е. П. Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А. Меркель (2005—2017 гг.) : монография / Е. П. Тимошенко. — Москва : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук, 2020. — 148 с. — ISBN 978-5-98163-154-2.

16. Хорольская М. В. Ведущие немецкие партии в преддверии выборов в Бундестаг / М. В. Хорольская // Мировая экономика и международные отношения. — 2021. — Т. 65. — № 9. — С. 25—33. — DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-25-33.

17. Baring A. Kanzler, Krisen, Koalitionen: von Konrad Adenauer bis Angela Merkel / A. Baring, G. Schöllgen. — Germany, Berlin : Pantheon Verlag, 2010. — 352 S.

18. Lucardie P. Zur Typologie der politischen Parteien / P. Lucardie, F. Decker, V. Neu (Hg.) // Handbuch der politischen Parteien. — Bonn : [b. i.], 2013. — S. 61—76.

19. Pfahl-Traugher A. Die Partei des Demokratischen Sozialismus (PDS)/DIE LINKE / A. Pfahl-Traugher // Handbuch Parteienforschung. — 2013. — S. 541—562. — DOI: 10.1007/978-3-531-18932-1_19.

20. Pfetsch F. R. Die Außenpolitik der Bundesrepublik 1949—1992 : von der Spaltung zur Vereinigung / F. R. Pfetsch. — München : Wilhelm Fink Verlag, 1993. — 315 S.

21. Sarkisyan D. The last decade of Germany's Russia policy : changes through the prism of official documents and speeches (2005—2016) / D. Sarkisyan // 21st century. — 2017. — № 1. — Pp. 140—159.

22. Von Alemann U. Das Parteiensystem der Bundesrepublik Deutschland / Alemann von U, P. Erbenraut, J. Walther. — 4. Auflage. — Wiesbaden : Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2010. — 300 S.

Material resources

Bundestagswahl 2017: Endgültiges Ergebnis. (12.10.2017). *Der Bundeswahlleiter*. Available at: https://www.bundeswahlleiter.de/info/presse/mitteilungen/bundestagswahl-2017/34_17_endgueltiges_ergebnis.html (accessed 21.08.2022). (In Germ.).

- Das Programm für Stabilität und Erneuerung. Gemeinsam für ein modernes Deutschland. Wahlprogramm von CDU und CSU für die Bundestagswahl 2021. *CSU*. Available at: <https://www.csu.de/common/download/Regierungsprogramm.pdf> (accessed 21.08.2022). (In Germ.).
- Das wir entscheiden. Das Regierungsprogramm 2013—2017 von SPD. *SPD*. Available at: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Bundesparteitag/20130415_regierungsprogramm_2013_2017.pdf (accessed 21.08.2022). (In Germ.).
- Die Zukunft ist grün. Grundsatzprogramm von BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN. Beschlossen auf der Bundesdelegiertenkonferenz am 15—17. März 2002 in Berlin. *Heinrich Böll Stiftung*. Available at: https://www.boell.de/sites/default/files/assets/boell.de/images/download_de/publikationen/2002_003_Grundsatzprogramm_Buendnis-90DieGruenen.pdf (accessed 22.08.2022). (In Germ.).
- Denken wir neu. Das Programm der Freien Demokraten zur Bundestagswahl 2017. Beschluss des 68. Ord. Bundesparteitages von 30. April 2017 in Berlin. *FDP*. Available at: https://www.fdp.de/sites/default/files/2021-05/FDP_BTW2017_Kurzwahlprogramm_RU.pdf (accessed 22.08.2022). (In Germ.).
- Deutschland. Alles ist drin. Programm zur Bundestagswahl 2021 von BÜNDNIS 90/Die Grünen. *Heinrich Böll Stiftung*. Available at: https://cms.gruene.de/uploads/documents/Vorlaeufiges-Wahlprogramm_GRUENE-Bundestagswahl-2021.pdf (accessed 22.08.2022). (In Germ.).
- Deutschland aber normal. Programm der AlternativE für Deutschland für die Wahl zum 20. Deutschen Bundestag. Beschlossen auf dem 12. Bundesparteitag der AfD vom 10. bis 11. April 2021 in Dresden. *AfD*. Available at: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2021/06/20210611_AfD_Programm_2021.pdf (accessed 23.08.2022). (In Germ.).
- Freiheit und Sicherheit. Das Grundsatzprogramm von CDU. Beschlossen vom 21. Parteitag von 3. bis 4. Dezember 2007 in Hannover. *Konrad Adenauer Stiftung*. Available at: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=5f72a0b2-5c95-01ad-092f-0039ff40c168&groupId=252038 (accessed 23.08.2022). (In Germ.).
- Hamburger Programm. Das Grundsatzprogramm der SPD. Beschlossen auf dem Hamburger Bundesparteitag der SPD am 28. Oktober 2007. *Friedrich Ebert Stiftung*. Available at: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Grundsatzprogramme/hamburger_programm.pdf (accessed 24.08.2022). (In Germ.).
- Lachmann, G. (2012). Enttäuschte CDU-Politiker gründen Wahlalternative. *Die Welt*. 04.10. Available at: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article109606449/Enttaeuschte-CDU-Politiker-gruenden-Wahlalternative.html> (accessed 25.08.2022). (In Germ.).
- Nie gab es mehr zu tun. Sanktionen gegen Russland aufrecht erhalten FDP-Wahlprogramm 2021. *FDP*. Available at: <https://www.fdp.de/forderung/sanktionen-gegen-russland-aufrecht-erhalten> (accessed 25.08.2022). (In Germ.).
- Programmatisches Gründungsdokument der Partei DIE LINKE. Beschluss der Parteitage PDS am 24. und 25. März 2007 in Dortmund. *Rosa Luxemburg Stiftung*. Available at: https://www.rosalux.de/fileadmin/rls_uploads/pdfs/ADS/Programmatische_Eckpunkte.pdf (accessed 25.08.2022). (In Germ.).
- Programm der Partei DIE LINKE. Beschluss des Parteitages der Partei DIE LINKE vom 21. bis 23. Oktober 2011 in Erfurt. *Rosa Luxemburg Stiftung*. Available at: https://www.rosalux.de/fileadmin/rls_uploads/pdfs/ADS/DIE_LINKE-Parteiprogramm_2011.pdf (accessed 26.08.2022). (In Germ.).

- Programm für Deutschland. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24 September 2017. *AfD*. Available at: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (accessed 26.08.2022). (In Germ.).
- Sozial und Demokratisch. Anpacken. Für Deutschland. Das Regierungsprogramm 2009—2013 von SPD. *Friedrich Ebert Stiftung*. Available at: http://library.fes.de/prod/kip-02016/regierungsprogramm2009_lf_navi.pdf (accessed 27.08.2022). (In Germ.).
- Verantwortung für die Freiheit. Karlsruher Freiheitsthesen der FDP für eine offene Bürgergesellschaft. Programm der Freien Demokratischen Partei. Beschlossen auf dem Bundesparteitag am 22. April 2012 in Karlsruhe. *Friedrich Naumann Stiftung*. Available at: <https://www.freiheit.org/sites/default/files/2019-10/2012karlsruherfreiheitsthesen.pdf> (accessed 27.08.2022). (In Germ.).
- Zeit für den Grünen Wandel. Teilhaben. Einmischen. Zukunft Schafen. Bundestagswahlprogramm 2013 von Bündnis 90/Die Grünen. Beschlossen auf der 35. Ord. Bundesdelegiertenkonferenzen von Bündnis 90/Die Grünen vom 26. bis 28. April 2013 in Berlin. *Heinrich Böll Stiftung*. Available at: <https://cms.gruene.de/uploads/documents/BUENDNIS-90-DIE-GRUENEN-Bundestagswahlprogramm-2013.pdf> (accessed 28.08.2022). (In Germ.).
- Zeit für mehr Gerechtigkeit: Zukunft sichern, Europa stärken. Das SPD-Regierungsprogramm 2017 bis 2021. *SPD*. Available at: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Regierungsprogramm/SPD_Regierungsprogramm_BTW_2017_A5_RZ_WEB.pdf (accessed 28.08.2022). (In Germ.).

References

- Baring, A., Schöllgen, G. (2010). *Kanzler, Krisen, Koalitionen: von Konrad Adenauer bis Angela Merkel*. Germany, Berlin: Pantheon Verlag. 352 S. (In Germ.).
- Belov, V. (2019). Germany: the hot political summer of 2019. *INF*. 17.07. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/germaniya-zharkoe-politicheskoe-let-2019-g/> (accessed 08.08.2022). (In Russ.).
- Germany in European integration and transatlantic processes*. (2021). Moscow: Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. 127 p. ISBN 978-5-9535-0589-5. (In Russ.).
- Demidova, O. (2009). The Left Party is a newcomer with ambitions. *DW*. 07.14. Available at: <https://web.archive.org/web/20210310084858/https://www.dw.com/ru/левая-партия-новичок-с-амбициями/a-2773383> (accessed 08.08.2022). (In Russ.).
- Dmitrieva, S. I., Morozova, V. N. (2020). *Internal policy and foreign policy strategy of Germany*. Voronezh: RHYTHM. 124 p. ISBN 978-5-6045034-3-0. (In Russ.).
- Kamkin, A. K. (2015). “Alternative for Germany” — a one-day party or serious force? In: *Modern Germany. Economics and politics*. Moscow: The Whole World. 533—539. (In Russ.).
- Khorolskaya, M. V. (2021). Leading German parties on the eve of the Bundestag elections. *World Economy and International Relations*, 65 (9): 25—33. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-25-33. (In Russ.).
- Lucardie, P. (2013). Zur Typologie der politischen Parteien. In: *Handbuch der politischen Parteien*. Bonn: [b. i.]. 61—76. (In Germ.).
- Pavlov, N. V., Novikov, A. A. (2005). *Foreign policy of Germany from Adenauer to Schroeder*. Moscow: Moscow textbooks — SiDiPress. 605 p. ISBN 5-8443-0024-6. (In Russ.).

- Petrosyan, D. V. (2021). Foreign policy attitudes of the Federal Republic of Germany in the post-bipolar world. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical sciences*, 7 / 3 (73): 87—98. DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-3-87-98. (In Russ.).
- Pfahl-Traugher, A. (2013). Die Partei des Demokratischen Sozialismus (PDS)/DIE LINKE. *Handbuch Parteienforschung*. 541—562. DOI: 10.1007/978-3-531-18932-1_19. (In Germ.).
- Pfetsch, F. R. (1993). *Die Aussenpolitik der Bundesrepublik 1949—1992: von der Spaltung zur Vereinigung*. München: Wilhelm Fink Verlag. 315 S. (In Germ.).
- Pushkareva, V. V. (2020). The new role of the greens in the political life of Germany. *Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relations*, 4 (1): 63—75. DOI: 10.35634/2587-9030-2020-4-1-63-75. (In Russ.).
- Rovinskaya, T. L. (2015). “Green” in Europe: progressive growth. *World economy and international relations*, 12: 58—71. (In Russ.).
- Rykin, V. S., Vilde, A. A., Timoshenkova, E. P. (2009). Creation of a left alternative based on the PDS and the movement “For Labor and Social Justice”. In: *Germany. Challenges of the XXI century*. Moscow: The Whole World. 154—163. ISBN 978-5-7777-0467-2. (In Russ.).
- Sarkisyan, D. (2017). The last decade of Germany’s Russia policy: changes through prism of official documents and speeches (2005—2016). *21st century*, 1: 140—159. (In Germ.).
- Sokolov, A. P., Pimenova, E. V., Davydov, A. D. (2021). *Elections to the Bundestag 2021: A Guide*. Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 32 p. (In Russ.).
- Spassky, E. N. (2009). *German political parties in the process and after the Unification of Germany: mechanisms of competition and trends of evolution*. Doct. Diss. St. Petersburg. 445 p. (In Russ.).
- Timoshenkova, E. P. (2020). *The party-political system of Germany during the chancellorship of A. Merkel (2005—2017): Monograph*. Moscow: Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 148 p. ISBN 978-5-98163-154-2. (In Russ.).
- Vlasov, N. A., Filina, N. V. (2020). “Alternative for Germany” and the problems of the evolution of the party system of the Federal Republic of Germany. *Russia and the Modern World*, 1 (106): 81—94. DOI: 10.31249/rsm/2020.01.05. (In Russ.).
- Vlasov, N. A. (2019). “Greens” in Germany: a new “people’s Party”? *Modern Europe*, 2 (88): 118—129. DOI: 10.15211/soveurope22019118128. (In Russ.).
- Von Alemann, U. (2010). *Das Parteiensystem der Bundesrepublik Deutschland. 4. Auflage*. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH. 300 S. (In Germ.).

Статья поступила в редакцию 22.07.2022,
одобрена после рецензирования 12.10.2022,
подготовлена к публикации 25.10.2022.

Сафронова А. М. Словесная школа при Алапаевском заводе (1735—1744) / А. М. Сафронова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 420—435. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-420-435.

Safronova, A. M. (2022). Verbal School at Alapaevsky Plant (1735—1744). *Nauchnyi dialog*, 11(8): 420-435. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-420-435. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-420-435

Словесная школа при Алапаевском заводе (1735—1744)

Сафронова Алевтина Михайловна

orcid.org/0000-0002-4692-3025

доктор исторических наук, профессор,
кафедра документоведения,
архивоведения и истории
государственного управления
Alevtina.Safronova@gmail.com

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Verbal School at Alapaevsky Plant (1735—1744)

Alevtina M. Safronova

orcid.org/0000-0002-4692-3025

Doctor of History, Professor,
Department of Documentation,
Archival Science and History
of Public Administration
Alevtina.Safronova@gmail.com

Ural Federal University
named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Сафронова А. М., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассмотрена история организации словесной школы при Алапаевском заводе, где обучались также дети с Синячихинского и Сусанского заводов, расположенных в 10 и 16 верстах от него. Раскрыты итоги переписи детей 1734 года, проживавших на территории заводских поселков и приписных слобод. На основе формирования информационной базы об учащихся проанализирован социальный, возрастной состав учеников Алапаевской школы, выявлены все основные и дополнительные приемы детей в школу в 1735—1742 годах. Установлено, что в ней обучались грамоте по 1742 год 138 детей у ссыльного Ивана Беляева. Описаны методы обучения грамоте. Сообщается о побегах учеников из школы, о попытках родителей разночинцев, приписных к заводам, освободить детей от обучения в связи с необходимостью уплаты подушной подати. Прослежена судьба учащихся: групповые переводы в арифметическую школу, где 72 % детей, освоивших грамоту, продолжили обучение, распределение части неуспевающих и «возрастных» учеников «к делам» до завершения обучения. Раскрыты последствия хронического перерасхода средств, полагавшихся заводскими штатами 1735 года на деятельность школ. Поставлен вопрос о необходимости изучения событий двух последних лет деятельности этой школы, а также судьбы 50-ти ее учеников, начавших обучение грамоте в 1741—1742 годах.

Ключевые слова:

Урал; В. Н. Татищев; словесная школа; Алапаевский завод; учитель; учащиеся.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The history of the organization of the verbal school at the Alapaevsky factory, where children from the Sinyachikhinsky and Susansky factories, located 10 and 16 versts from it, were studied. The results of the children census in 1734, who lived in the territory of factory settlements and ascribed settlements, are disclosed. Based on the formation of an information base about students, the social and age composition of the students of the Alapaevskaya school was analyzed, all the main and additional admissions of children to school in 1735—1742 were identified. It has been established that in 1742 138 children were taught to read and write by the exiled Ivan Belyaev. The methods of teaching literacy are described. It is reported about the escapes of students from school, about the attempts of parents of *raznochintsy*, assigned to factories, to free their children from education in connection with the need to pay a *chevage*. The fate of students is traced: group transfers to an arithmetic school, where 72 % of children who have mastered literacy continued their education, the distribution of some of the underachieving and “age” students “to work” until the end of their studies. The consequences of chronic overspending of funds entitled for the activities of schools by the factory states in 1735 are revealed. The question was raised about the need to study the events of the last two years of the school’s activity, as well as the life of 50 of its students, who began teaching literacy in 1741—1742.

Key words:

Ural; V. N. Tatishchev; verbal schools; Alapaevsky Plant; teachers; students.

Словесная школа при Алапаевском заводе (1735—1744)

© Сафронова А. М., 2022

1. Введение = Introduction

Горнозаводские школы Урала первой половины XVIII века явились одним из самых крупных видов учебных заведений России с демократическим составом учащихся, они внесли большой вклад в развитие грамотности детей, проживавших в заводских поселениях. Изучение истории школ при отдельных предприятиях представляет особый интерес, поскольку обогащает наши представления о системе горнозаводских школ в целом, позволяет раскрыть общее и особенное в их деятельности, выявить состав учителей, учащихся, определить крупные учебные заведения, внесшие наибольший вклад в распространение грамотности на Урале. На основе архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, мы попытаемся раскрыть историю словесной школы, действовавшей при Алапаевском заводе в 1735—1744 годах.

В литературе о ней имеются отрывочные сведения. Н. В. Нечаев привел данные о наличии в словесной школе в 1737 году 58 учеников, из которых 47 получали жалованье [Нечаев, 1944, с. 47]. В. Н. Будрин сообщил о количестве учащихся в школе в 1735—1742 годах, назвал фамилию ее учителя из ссыльных — Якова Беляева [Будрин, 1950, с. 73, 59]. Нами установлены даты открытия и закрытия школы [Сафронова, 2014, с. 286]. Учитывая почти полное отсутствие данных о словесной школе Алапаевского завода в литературе, мы поставили целью раскрыть историю ее организации и роль, которую она сыграла в распространении грамотности среди детей в своем регионе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источником послужила переписка Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов с канторой Алапаевского завода: определения канцелярии, ее указы; доношения канторы, в которых передавалось и содержание доношений, поданных в нее учителем, и присланных указов канцелярии. Использовались материалы переписи детей Алапаевского дистрикта школьного возраста, списки детей, затребованных в школы Екатеринбурга или назначенных к обучению в Алапаевской школе. Интересным источником являются ведомости об успехах ее учащихся «в науках», подававшиеся по третям года в канцелярию. В них отмечались время поступления в школу каждого ученика, его имя и фамилия, возраст, должность отца, а также то, с какою «наукой» вступил в треть года, завершил

ее, был в отпуске домой, в бегах, переведен в арифметическую школу, отослан в Екатеринбург для определения к делам. На основе этих ведомостей была создана информационная база данных об учащихся школы и на ее основе установлены даты коллективных приемов детей, их социальный состав, возраст, наличие домашнего обучения грамоте, общее количество детей, прошедших обучение в школе тот или иной срок, прослежена их дальнейшая судьба. Имеются прошения родителей об увольнении их детей из школы. Все документы об Алапаевской школе, отложившиеся в фонде уральской канцелярии, выявлены и использованы нами полностью благодаря полному просмотру всего комплекса дел с тысячами документов, сформированных за 1735—1742 годы и касавшихся учебных заведений всех заводов. Поиски документов за 1743—1744 годы предстоит провести. К сожалению, не сохранился фонд документов Алапаевской заводской канторы за этот период, которые позволили бы более подробно реконструировать повседневную жизнь учителя и учеников.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Первые действия В. Н. Татищева по открытию школ при казенных заводах Урала

В. Н. Татищев был назначен главой казенных заводов Урала и Сибири в марте 1734 года, 8 октября он принял заводы под свою команду и в первом же доношении в Кабинет министров 9 октября сообщил о решении открыть школы при всех заводах дополнительно к двум действовавшим в 1724—1725 годах в Екатеринбурге [РГАДА, ф. 248, оп. 17, д. 1133, л. 27]. Канцелярия во главе с В. Н. Татищевым приняла ряд важных определений, касавшихся организации школ; например, 21 октября — о проведении переписи «годных в научение детей разночинцовых, детей боярских и однодворцовых, церковничьих, подьяческих и мастерских при заводах и в слободах от шести лет и выше» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 215, л. 112 об.]. 4 января 1735 года канцелярия предписала: «О школах послать на все заводы указ, чтоб немедленно потребные к тому покои выстроили и прежде хотя б словесному, взяв дьячков, или кто способен к научению явится, и собрав детей, читать и писать обучили, а затем арифметики и геометрии обучать определенным ныне шихтмейстерам или надзирателям работ» [Там же, д. 216, л. 17—18].

Через месяц, 8 февраля 1735 года, были приняты определения о назначении жалования учащимся, чьи отцы получали в год менее 25 руб., а взятым в школы из других населенных пунктов — и при более высоких окладах отцов, кроме детей духовенства, которых полагалось содержать отцам. Ученики словесных школ должны были получать 3 руб. в год, арифметических школ — 4 руб. Учителям словесных школ было установлено вы-

давать по 18 руб. в год, арифметических же — по 24 руб. Предписывалось «учинить о зборе в школы ... каждому управителю в своем ведомстве»; с «заводов и дистриктов детей поповых и церковничьих, которые хотя написаны и в архиерейскую школу, всех собрав, выслать сюда, невзирая ни на какая их отговорки» [Там же, д. 217, л. 62—65].

3.2. Подготовка к открытию словесной школы при Алапаевском заводе и отправка части детей в школы Екатеринбурга

В отношении Алапаевской школы по инициативе В. Н. Татищева были приняты специальные решения. Уже 12 октября и 1 ноября 1734 года на завод поступили указы, содержащие запросы: 1) О первой школе, действовавшей с 1721 года при заводе: «когда отставлена и с каким резонном»; есть ли готовое помещение под новую школу, если нужно построить, «учинить чертеж и смету, во что станет». 2) Есть ли прежние учителя и ученики и у каких дел, если прежних нет, найдутся ли кандидаты в учителя грамоты и арифметики. 3) О переписи «годных в научение детей церковничьих, подъяческих и мастерских, и в слободах от шести лет и выше», и кто из них «может от родителей иметь пропитание». 4) «Книги, доски, цыркули и протчие, что для обучения суда прислано было, ныне налицо... и [у] учеников есть ли, а ежели нет, можно ль где и по какой цене купить»? 5) В дистриктах и слободах сколько имеется детей-сирот, скитающихся «меж дворы», переписать; описать, чьи они дети были, где родились, записаны ли в подушный оклад, где и кто платит за них. Тех сирот «собрать всех в одно место и кормить до указа казенным хлебом и, учиня ту опись, с подлинным изъяснением прислать в Канцелярию Главного правления заводов» [Там же, оп. 1, д. 577а, л. 58—59].

На эти указы управитель завода Я. Бекетов в доношении от 29 ноября 1734 года сообщил: для определения в учителя при заводе «людей не иметца», какие-либо учебные пособия отсутствуют, «мнитца, ... кроме Казани и Москвы, купить негде, а прежде бывшая школа разломана ... в 1733-м году». К доношению прилагались ведомости о припасах, необходимых для возведения школы, на 35 руб. 87 коп., итоги переписи годных «в научение детей» при заводах и в слободах Алапаевского дистрикта, «могущих» от родителей пропитание иметь, а также сирот. К сожалению, материалы переписи, проведенной осенью 1734 года, в этом деле отсутствуют, сохранились лишь сведения о выпускниках первой школы 1721—1724 годов и ее учебных пособиях [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 577а, л. 58 об. — 64].

8 февраля 1735 года уральское начальство определило: если удобного помещения под школу не найдется, построить по чертежу «вольными» людьми, если их не будет, «крестьянами за плакатную плату», и смотреть, чтоб «недорого стало». О зборе детей, учтенных переписью, их обучении

и об учителях «учинить по прежним определениям и посланным туда указом», рапортовать о количестве детей, учителях [Там же, л. 64].

Указом 5 марта начальство предписало всех детей духовенства Алапаевского завода и дистрикта выслать в Екатеринбург, несмотря на отговорки, что некоторые уже записаны в архиерейскую школу. 20 марта они были отправлены «при доношении». В реестре значилось 16 человек, среди них 4 обученных чтению, 2 обучающихся; по происхождению же двое с завода, остальные из Невьянской, Арамашевской, Мурзинской слобод в возрасте от 6 до 14 лет. Их намеревались обучать в словесной школе Екатеринбурга, чтобы потом определить в готовящуюся к открытию латинскую. Четырех человек 15, 20 и 22 лет отправили по домам; больного, указанного в списке, приказали прислать по выздоровлении, одного, из Мурзинской слободы, «сыскать». Алапаевская кантора в этом доношении сообщала, что дети в школу не собраны, потому что нет учебных книг, записано же для обучения 92 человека, из них «обученных письму» — 1, «словесному» — 4 и «не обученных» — 87 человек и для них «надлежит прислать» по 87 азбук, часословов и псалтирей [Там же, л. 100—101 об.].

8 мая 1735 года новый управитель завода А. Калачев сообщал в Екатеринбург: строить школу «не надлежит ... и[з] старого строения имеетца, где была прежняя кантора, порожжая и к тому удобна». Но дети еще не собраны, поскольку по представлению канторы от 20 марта «учебных книг не прислано, а здесь, при Алапаевском заводе, купить, сыскать не можно», и учителя для обучения чтению, письму, пению нет. Известно, что «умеет» этому из Невьянской слободы Иван Протодияконов, живущий при Каменском заводе, и Калачев просил прислать его в Алапаевск [Там же, л. 171—172].

Уральское начальство 5 июня отреагировало: школе быть по представлению канторы, о книгах справиться, если ранее не определено, «сообщить ныне к покупке с протчими на Макарьевской ярмонке»; Протодияконов уже определен учителем на Каменском заводе, поэтому И. Юдину, назначенному ответственным за деятельность школ, предлагалось для Алапаевска найти человека в Екатеринбурге; если свободного «способного» не будет, назначить «хоть из сыльных» [Там же, оп. 12, д. 221, л. 50]. Видимо, учителя из сыльных удалось найти на месте, поскольку в августе 1736 года, когда школа уже действовала, Юдин доносил в канцелярию об «освидетельствовании распопов Ивановых» в учителя Екатеринбургской и Верх-Исетской школ, и сообщал: «да в Алапаевской словесной школе имеетца из сыльных же в учителях Яков Беляев, что ему подлинно [быть] учителем, не удостоен, а быть у того дела он годен, а что расколу за собою не имеет ли, взять у него подписку от Алапаевской заводской канторы». Начальство утвердило эти кандидатуры, указ на Алапаевский завод был

отправлен 31 августа 1736 года. Беляев, «которой ныне обретаецца в той школе», был удостоен быть учителем с жалованьем 18 руб. в год [Там же, оп. 1, д. 624, л. 304, 307—307 об.]

В школе Алапаевского завода предусматривалось обучение детей и с соседнего Сиячихинского завода, при котором школы не было. Алапаевский завод, основанный в 1704 году, располагался в 142 верстах к северу от Екатеринбурга. К нему были приписаны слободы Невьянская (2079 душ, 42 версты от завода), Арамашевская (1632 души, в 28 верстах), Мурзинская (959 душ, в 44 верстах). По нашим подсчетам, в 1734 году на заводе насчитывалось 92 работника, начиная от управляющего, кончая сторожем. Сиячихинский завод, построенный для изготовления железа из чугуна, выплавляемого на Алапаевском, в 10 верстах от него, в 1727 году был окончательно «пущен в строй». Он был менее крупный, на нем насчитывалось 59 работников [Геннин, 1937, с. 487—499, 501, 504—505].

22 ноября 1735 года в Алапаевскую контору пришел указ канцелярии от 11 ноября, повелевающий школьников, «кои склад познали и писать начали, управительских, надзирательских и мастеровых, кои понадежнее, а особливо иноземцов», выслать в Екатеринбург немедленно для обучения в немецкой и латинской школах, «о протчих, сколько, где во обучении из написанных и кто и зачем не обучаетца, прислать немедленно списки» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 624, л. 75]. Согласно справке о рассылке книг по заводам, 24 ноября 1735 года на Алапаевский завод было распределено 50 букварей «з десятословием», 10 часословов, «букварь на 3 языках» [Там же, л. 140], что дало возможность приступить к сбору детей, учтенных в переписи, для обучения. Одновременно собирались и дети для отправки в Екатеринбург.

Только 16 января 1736 года контора выслала при доношении «Список школьником», подразделенный на ряд рубрик. В него были включены данные из переписи детей, проведенной в 1734 году служителями Алапаевской конторы, охватывающей территорию Алапаевского и Сиячихинского заводов и четырех слобод — Невьянской, Арамашевской, Мурзинской и Белослудской, всего было учтено 116 человек [Там же, л. 76—81 об.]. В первой рубрике — «Посланные» — перечислялись дети, отправляемые в Екатеринбург. Но среди них мы видим фамилии детей духовенства, высланных еще 20 марта 1735 года, к которым без каких-либо оговорок были добавлены лица, высылаемые вместе с доношением: дети подьячих Алапаевского завода (3), разночинцев Невьянской слободы (2), сын попа Белослудской слободы и его племянник. Тем самым управитель завода хотел показать, что из Алапаевского дистрикта в школы Екатеринбурга было отправлено уже 19 человек, в том числе 13 обученных или обучающихся грамоте.

Помимо этих данных, «Список» содержал и важную информацию о детях, которые должны были начать учиться в Алапаевской школе. Были учтены дети всех работников заводов: подъячих, духовенства, «мастерские», «подмастерские», «рабочничьи», плотников, каменщиков, сторожей, целовальников, сироты; в слободах — дети подъячих, разночинцев и сироты. Кроме того, было учтено 14 больных детей (один уже скончался); трое находились с отцами в Екатеринбурге; один был «отпущен за перерослостью» и распределен в заводские работы, другой — в молотовые работы. На это доношение 27 января 1735 года уральское начальство предписало: «присланных при том школьников определить в школы для обучения по указам», о проживавших в Екатеринбурге — справиться и определить, куда будут годны [Там же, л. 82].

В особую рубрику «Скорбные, увечные и протчие негодные, которых и обучать невозможно» заводские власти выделили больных детей, исходя из того, что часть из них не могла воспринять обучение, часть оказалась бы нетрудоспособна впоследствии. Вот список их болезней: «выболела правая рука», «скорбен ногами», «увечен рукою и ногою» (двое), «нем» (трое), «глазами плох», «малоумен», «киловат», «болен грыжиею», «головую болен», «скорбен падучею болезнью» [Там же, л. 80 об.—81 об.].

3.3. Начало деятельности Алапаевской словесной школы, состав учащихся

В доношении конторы от 16 января 1736 года для нас особый интерес представляет рубрика под названием «Собраны дети и обучаютца букварям и часословам...», благодаря которой мы можем судить о социальном составе первых учащихся и территории, с которой они были собраны. С Алапаевского завода начал обучение 31 человек: дети подъячих (2), мастеров (7), подмастерьев (3), работников (11), каменщика, бывшего целовальника, сторожа, сироты (3); из «старопоселенных», беглого пономаря Сафьянова двое детей, в том числе Максим, о котором отмечено: «словесному и писать обучен, токмо ныне оставлен здесь для обучения детей в помощь учителю до указу». С Синячихинского завода числилось 19 человек: дети мастеров (6), подмастерья, работников (8), плотника (2), сторожа, «вдовый сын». И из Невьянской слободы взяли 9 человек: сына боярского, 4 — разночинцев и 4 — сирот. При 59 учениках, приступивших к обучению, 21 человек числился под рубрикой «Не обучаютца за неимением книг». Среди них — сын работника Алапаевского завода, четверо разночинцев с Синячихинского и дети подъячего, разночинцев и сирот из Невьянской и Арамашевской слобод [Там же, д. 624, л. 77 об.—80 об.].

Первая ведомость об учащихся Алапаевской школы за первую треть 1736 года позволяет установить дату ее открытия и постепенную напол-

няемость учениками [Там же, д. 625, л. 43—48]. Из 60 ее учащихся двое жителей завода, Максим Сафьянов, из «старопоселенных крестьян», и Федор Аврамов «меньший», из семьи подъячего, числились в обучении с 20 июня 1735 года, то есть в этот день начала работать школа, сын боярский Невьянской слободы Иван Прокопьев — с 30 октября. Видимо, они располагали собственными книгами, поэтому начали обучаться раньше остальных. После прибытия учебников, с 1 декабря к ним присоединилось 37 человек, в январе — еще 16, в феврале — 4. Был принят и сирота Карелин из Невьянской слободы, попавший в группу второочередников из-за нехватки книг. Таким образом, набор детей в Алапаевскую школу растянулся по времени. Часослов учили сыновья подъячих Аврамов и Солонин, сын боярский Прокопьев и сын мастера Просолупов, все остальные начинали с азбуки. Сафьянов же выступал в роли помощника учителя.

Во второй трети 1736 года 47 учащихся учили букварь, 12 — часослов, Сафьянов числился «в учении нотного пения» [Там же, л. 49—54]. В конце 1736 года почти каждый пятый наряду с тверждением букваря или часослова (сын боярский — псалтири) начал писать буквы, «склады» или слова.

22—23 марта 1737 года в школу пришло пополнение из 10 детей, не принятых поначалу из-за нехватки книг: сын молотового работника Алапаевского завода, единственный, оставшийся вне школы при ее открытии, двое разночинцев с Синячихинского завода, семеро сирот и разночинцев из слобод. Двое разночинцев из Арамашевской слободы уже учили часослов, видимо, семья приобрела книги, а двое из Мурзинской — писали слова. Напротив фамилий 17 учащихся отмечено: «слова и склады выписал», «пишет слова и склады». 1 мая 1737 года они были переведены в арифметическую школу [Там же, д. 694, с. 156—168].

Но выявилась группа и слабо осваивающих чтение подростков, которых учитель выделил под рубрикой «Обучающиеся невнятно»: сын плотника Иван Жуков, дети молотовых работников Севастьян Говорухин и Василий Мезенцев, разночинец Шишибаров и сирота Черепов, учившие 5—8 заповеди букваря. В июле контора поручила Ивану Грамотчикову, учителю арифметической школы, начавшей действовать с января 1737 года, освидетельствовать этих учащихся. Он заявил: «не токмо в букваре, но и азбучные слова порознь изустно сказать не знают; которое и обучили, и то говорят изустно, а по букварю словами сложить и говорить не знают» [Там же, д. 691, с. 77]. Члены канцелярии запросили возраст учеников и сведения о том, «в какую работу <они> годны быть могут» [Там же, с. 79]. Только в октябре 1737 года надзиратель работ И. Яковлев составил ведомость об этих школьниках. Грамотчиков заявил и о своем ученике арифметики Луке Солонине — «весьма непонятен». Солонин, учащийся 18-ти лет, рекомен-

дован «в кузницу или в разные завоцкие работы», 17-летний Говорухин — в кузницу, об остальных 10, 12 и 13 лет сказано: «... ни в какой работе за малолетством быть негодны». Члены канцелярии предписали Солонина отдать в солдаты, Жукова — к ремеслу, другим доучиваться в школе [Там же, с. 256—259]. Жуков стал первым распределенным к делам из учащихся словесной школы (октябрь 1737).

В декабре 1736 года на Алапаевский завод пришла копия с инструкции, разработанной В. Н. Татищевым — «Учреждения, коим порядком учителя русских школ имеют поступать» [Татищев, 1990, с. 235—243]. Вместо старой практики последовательного обучения азбуке, часослову, псалтири, а потом уже письму, учителя должны были учить писать буквы параллельно с освоением чтения по слогам на черной деревянной доске растворенным мелом, а потом слоги и слова. Беляев в январе 1737 года подал доношение в контору: в наличии 58 человек, «к письму приспевает немалое число», нужны деревянные доски для обучения письму. Контора распорядилась требовать их «на показанное число учеников» от канцелярии, последняя предписала немедленно изготовить 20 досок Екатеринбургской заводской конторе, то есть в 3 раза меньше требуемого числа [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 692, с. 58—59]. Поскольку псалтирей в Алапаевскую школу не прислали, ученики сразу же от букварей или часословов переходили к письму, что ускоряло процесс овладения грамотой еще до введения новой методики. Грамоту усваивали сразу большими группами. Из 68 учеников 1 января 1737 года 22 перешли в арифметическую школу, 1 сентября — еще 22, итого 2/3 учеников завершили обучение в течение года — полутора лет [Там же, д. 694, с. 156—168]. В первой трети 1738 года в школе было 23 человека, из них 7 учили букварь, 2 — часослов, трое учили его и писали, остальные числились в письме, и 1 мая 10 подростков отбыли в арифметическую школу, Шишибаров — к отцу, один ученик умер, проболел неделю, один сбежал [Там же, д. 737, с. 61—67]. У Беляева в третьей трети 1738 года было 16 человек по списку, из них двое возрастных, Р. Пономарев и С. Говорухин, в октябре затребованы в Екатеринбург, видимо, для определения к делам [Там же, д. 737, с. 227—229].

3.4. Побег учеников. Прошения разночинцев об увольнении из школы своих детей

Уже в первый год деятельности школы начались побег ее учащихся, причем получавших жалованье, но взятых учиться из местностей, отдаленных от места учебы. Первыми бежали сироты из Невьянской слободы К. Росомагин (1 марта 1736 года, через месяц явился), 1 мая — Е. Карелин; 1 августа — П. Исаков (он с Алапаевского завода), в следующих ведомостях последние двое уже не числились. 25 октября 1736 года учитель подал до-

ношение о побеге Карелина с Исаковым (задним числом!), сироты М. Белых с Синячихинского завода, сына работника Сусанского завода С. Говорухина, в переписи числившегося на Синячихинском. Контора приказала о сыске «публиковать» указ, отправила указы на Синячихинский и Сусанский заводы, в слободы, сообщив «реестр примет»: цвет волос, глаз, возраст каждого (17, 15, 12 и 17 лет соответственно). Доношение о побеге было отправлено и в канцелярию, указы о сыске отправлены ею по всей территории Екатеринбургского ведомства [Там же, д. 624, л. 719—720]. Судя по ведомостям, Белых и Говорухин бежали 18 октября (учитель сообщил об этом через неделю), они вернулись 1 и 10 ноября. Еще один побег фиксируется в третьей трети 1736 года: сын подмастерья Синячихинского завода Старцев был в бегах с 28 ноября до 10 декабря [Там же, д. 625, л. 57 об.—59 об.].

Побеги продолжились и в 1737 году. Бежали дети из группы ожидавших освобождения учебных пособий и зачисленных в марте, а именно: сироты Арамашевской слободы Р. Пономарев (13 апреля), Ф. Колчин и Д. Глухарев (24 апреля). Заметим, первым было по 15 и 18 лет, но их взяли учиться. Глухарев в школу не вернулся, Колчин и Пономарев, побывав в отпуске дома (17—27 июля) 31 июля сбежали вторично, явились 22 октября [Там же, д. 694, л. 29—35, 180 об. — 181]. В апреле 1738 года 18-летний Ф. Колчин сбежал в третий раз, и затем он в школе уже не появлялся [Там же, д. 737, с. 65].

Ряд разночинцев попытались освободить своих детей от обучения. В июне 1736 года Шишибаров из Невьянской слободы, бывшие работники Синячихинского завода Цыренщиков и Алапаевского завода Тверитинов обратились с прошением об этом к уральскому начальству. Прошение писал учитель Беляев, через 3 недели оно было подано в канцелярию. Просители числились в подушном окладе с детьми. Тверитинов был когда-то рассыльщиком в Арамашевской слободе, трудился у приема угля на Алапаевском заводе, потом целовальником, в счет подати отправлял заводские работы за себя и двух детей. Он просил числить его с детьми в работах в родной Арамашевской слободе, а не при заводе, сына из школы уволить, «ибо он слухом глух и обучтца обстоятельно не может». Шишибаров и Цыренщиков просили детей уволить, чтобы быть «по-прежнему во крестьянстве, понеже от работ не отбыть» [Там же, д. 692, с. 431—432].

Из выписок выяснилось, что дети Тверитинова 18 лет и 15 лет (ожидавший зачисления в школу) бежали; Максим 8-ми лет был в школе с декабря 1735 года. У Цыренщикова дети 13-ти и 10-ти лет, у Шишибарова — 8-ми лет. На запрос начальства относительно того, почему этих детей взяли в школу, контора сослалась на указ канцелярии от 24 октября 1734 года о переписи детей разночинцев от 6 лет и выше. Была запрошена Контора судебных и земских дел, оказалось, Цыренщиков стар, Шишибаров «скор-

бен левой рукою», они платят подать деньгами, Тверитинов — работою. Просьба последнего о выполнении работ с крестьянами слободы была удовлетворена, о детях решения не последовало [Там же, с. 432—441].

В апреле 1737 года разночинец Мурзинской слободы Никита Козырев, бывший писчик, просил уволить из школы сына Ивана, зачисленного в школу в марте одновременно с тремя сиротами из слободы [Там же, с. 456—457]. Если судить по выпискам, Никита Козырев состоял в подушном окладе с 1722 года, ему на тот момент было 60 лет, сыну Матвею — 24, Ивану — 11. С Матвеем они должны вывезти с Алапаевского завода на Сулемскую пристань для отправки в столицу 62 пуда железа, то есть 172 версты в один конец, см.: [Геннин, 1937, с. 493]. По раскладным ведомостям, крестьяне слободы должны были месяц отработать и на новом строящемся Кушвинском заводе. В указе канцелярии о переписи детей от 8 февраля 1735 года «не упомянуто», чтобы у записанных в работы детей в школу не брать. На сей раз решение начальства последовало быстро: «... в школу не брать и не спрашивать», разрешить мальчику быть при отце [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 692, с. 457—461].

В декабре 1737 года Шишибаров вторично просил об увольнении сына, чтобы казне «в даче жалованья напрасного ущерба не было», «также для вспоможения мне к зарабатыванию положенных за подушной оклад заводских работ»; просьбу свою он объяснял тем, что тот «в грамоте весьма непонятен», о чем и «канцелярия известна». Начальство, сославшись на печатные указы от 21 апреля 1732 года и 6 мая 1736 года о гарнизонных школах, по которым «крестьянских детей, кроме служилого чина, в школы брать не велено», приказало Шишибарова, записанного в переписи крестьянским сыном, из школы уволить [Там же, д. 691, с. 471—476]. Эти прошения свидетельствуют, что обязанности по уплате подушного налога за себя и детей тяжелым бременем лежали на записанных в крестьяне разночинцев и власти, заинтересованные в сборе податей, в ряде случаев шли навстречу их просьбам, освобождали детей от школьной повинности.

3.5. Перерасход штатных сумм на содержание школ и его последствия

В январе 1738 года обнаружился большой перерасход сумм, выделяемых на школы заводскими штатами 1735 года. Чтобы сократить его, начальство 21 февраля приказало прекратить выплату жалованья учителям, кроме иностранцев, и ученикам [Там же, д. 760, с. 35—36]. 18 апреля учитель Беляев подал доношение в Алапаевскую контору о тяжелом материальном положении учеников: имеется в наличии 27 человек, 19 получили жалованье по февраль, «и ныне от не дачи жалованья ... многие ходят в мир и пропитание себе имеют именем Христовом, и претерпевают от того глад и всякую нужду, и от того имеетца опасность, чтоб такие школь-

ники не разбежались» [Там же, д. 762, с. 712—713]. Управитель завода сообщил об этом начальству, оно предписало подготовить выписку и «тотчас» предложить ее к рассмотрению [Там же, с. 714].

Выписка была подготовлена обстоятельная, включала данные о расходах всех школ, перерасход констатировался в 1856 руб. 30 $\frac{1}{4}$ коп. вместо 1500 руб. по штату, без учета сумм на приобретение книг и инструментов. Поэтому 12 мая 1738 года начальство предписало: донести об этом Татищеву, отбывшему в июне 1737 года в Самару для руководства Оренбургской комиссией; учеников старше 15 лет, не показавших «никакого понятия в науках..., не держать более в школах», распределять к делам «по склонности состояния их». Таких в школах Екатеринбургского ведомства выявилось 106 человек, их приказывалось выслать в Екатеринбург к смотру [Там же, с. 739—747].

Получив указ Татищева о зачислении излишних расходов в счет новых штатов 1737 года, еще не утвержденных центром, начальство 19 декабря 1738 года в целях экономии средств отменило жалование «иногородним», чьи отцы получали более 25 руб. в год; предписало распределять к делам в первую очередь учеников, получавших жалование, чтобы давать его вновь поступавшим [Там же, с. 883—884].

Поскольку дети духовенства находились на содержании отцов, в мае 1738 года, вероятно, по предписанию канцелярии, в школу приняли 12 детей попов, дьякона и дьячков из приписных слобод от 6 до 10 лет, четверо учили часослов; пятеро начали писать, в июле они были затребованы в Екатеринбург и отданы в латинскую школу (одного больного отправили туда для свидетельства в госпиталь) [Там же, д. 756, с. 211—217; д. 762, с. 108].

Постепенно ученики переводились в арифметику, возрастные распределялись к делам, лишь одиночки зачислялись к обучению, сын управителя завода, берггешворена Степанова Алексей 9-ти лет, зарегистрированный в списке в 1740 года, в марте 1741 года отбыл в Катайский дистрикт с отцом, посланным туда по службе.

Во второй трети 1741 года школа опустела, в ней осталось всего 3 ученика [Там же, д. 906, л. 157]. Но 1 ноября 1741 года к ним добавилось сразу 39 детей подъячих, штейгера, мастеров, подмастерьев, работников, заводских учеников, каменщика, плотника, сторожа, конюха, двое сирот в возрасте от 6 до 14 лет [Там же, д. 957, л. 41—43 об.]. Ведомость за вторую треть 1742 года [Там же, л. 156—159 об.] позволяет судить о территории, с которой были приняты эти дети: с Алапаевского завода — 27 человек и с Синячихинского — 12, в январе — еще 1. Это был самый большой набор детей с начала открытия Алапаевской школы, собрали всех детей из заводских поселков, оставшихся вне обучения.

Ведомость фиксирует еще одно пополнение школы: 22 января 1742 года прибыли 11 детей с Сусанского железоделательного завода от 7 до 13 лет, и в школе стало 53 ученика [Там же, л. 159—159 об.]. Сусанский завод строился с 1734 по 1737 годы в 16 верстах от Алапаевского для переделки поступавшего с него чугуна [Металлургические заводы ..., 2001, с. 446]. Видимо, дети с него забирались в школу и ранее, например, С. Говорухин, которого в 1736 году искали в связи с побегом.

Осенью 1742 года уральскому начальству пришлось принять новые меры для преодоления угрозы перерасхода штатных сумм. 11 сентября 1742 года оно решило: 1) сократить сеть школ; 2) жалование давать лишь сиротам, детям «отставных от ремесел», солдат и разночинцев; 3) детей мастеров, подмастерьев и заводских работников принимать, если отцы согласятся обучать на своем пропитании; 4) составить именные списки об учениках, оставшихся в школах, отпущенных по домам до 15 лет, определенных к делам. При оставшихся школах обучать детей с близлежащих заводов, при Алапаевском — по-прежнему с трех [Там же, оп. 12, д. 308, с. 84—91]. Таким образом, курс В. Н. Татищева на обучение грамоте всех детей, проживавших при казенных заводах Урала, был свернут; лишь часть их стала забираться в школы по инициативе властей, дети же мастеровых — лишь по инициативе родителей. Алапаевская контора провела большую работу по перестройке работы школы, но решением уральского начальства от 15 февраля 1744 года Алапаевская школа и учитель «были отрешены» [Там же, оп. 1, д. 1128, л. 62].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, словесная школа при Алапаевском заводе действовала с 1735 по 1744 годы на протяжении 9 лет, в ней обучались дети с трех заводов (наряду с Алапаевским еще и с Синячихинского и Сусанского, удаленных от него на 10 и 16 верст), а также дети некоторых разночинцев и духовенства из приписных слобод. Благодаря базе данных об учащихся, сформированной на основе анализа комплекса школьных ведомостей, можно утверждать, что в период 1735—1742 годов в школе обучалось по меньшей мере 138 детей. Пятеро из них бежали, не выдержав новой школьной повинности, двое были уволены по просьбе отцов для платежа подушных денег, один умер на третьем году обучения, двух «непонятливых» распределили в заводские работы. Из 86 человек, числившихся в списках школы по 1739 год, 14 человек, детей попов и дьячков, перевели в школы Екатеринбурга, а 62 ученика продолжили обучение в Алапаевской арифметической школе, что составило более 72 % от числа овладевших грамотой.

Благодаря деятельности Алапаевской школы молодое поколение, рожденное в 1720—1730-х годах, жители трех заводов, Алапаевского, Синячихинского и Сусанского, получили основы грамоты, научились читать и писать. Если бы не инициативные действия В. Н. Татищева по учреждению сети школ при заводах Урала, грамотой овладели бы единицы из них. И следует отметить заслуги учителя Ивана Беляева, ссыльнопоселенца, оставшегося для нас личностью неизвестной, сумевшего дать основы грамоты столь большому числу детей и подростков.

Основные события двух последних лет деятельности школы, судьбу пятидесяти ее учащихся, начавших обучение в 1741—1742 годах, еще предстоит установить.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 24 (Уральское горное управление). Оп. 1. Д. 577а. Лл. 58—64, 100—101 об., 171—172; Д. 624. Оп. 1. Лл. 75—82, 140, 304, 307—307 об. 719—720; Д. 625. Лл. 43—48, 49—54, 57 об.—59 об.; Д. 691. С. 77, 256—259, 471—476; Д. 692. С. 58—59, 431—441, 456—461; Д. 694. С. 29—35, 156—168, 180 об.—181; Д. 737. С. 61—67, 227—229; Д. 756. С. 211—217; Д. 762. С. 108, 712—714, 739—747, 883—884; Д. 906. Л. 157; Д. 957. Л. 41—43, 156—159 об.; Д. 1128. Л. 62; Оп. 12. Д. 215. Л. 112 об.; Д. 216. Лл. 17—18; Д. 217. Лл. 62—65; Д. 221. Л. 50; Д. 308. С. 84—91.
2. Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. / В. Геннин. — Москва : Государственное издательство «История заводов», 1937. — 681 с.
3. РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 17. Д. 1133. Л. 27.
4. Татищев В. Н. Записки. Письма 1717—1750 / В. Н. Татищев. — Москва : Наука, 1990. — 440 с. — ISBN 5-02-009427-7.

Литература

1. Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. / В. Н. Будрин // Материалы 2-й научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска. — Свердловск : [б. и.], 1950. — С. 45—98.
2. Металлургические заводы Урала XVII—XX вв. : энциклопедия. — Екатеринбург : Академкнига, 2001. — 536 с.
3. Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия : К истории профессионального образования в России / Н. В. Нечаев. — Москва : Гудок, 1944. — 120 с.
4. Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. / А. М. Сафронова. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2014. — 334 с. — ISBN 978-5-7996-1378-5.

Material resources

GASO — *State Archive of the Sverdlovsk region*. (In Russ.).
Gennin, V. I. (1937). *Description of Ural and Siberian plants. 1735*. Moscow: State Publishing House “History of Factories”. 681 p. (In Russ.).

RGADA — *The Russian state archive of ancient acts*. (In Russ.).

Tatishchev, V. N. (1990). *Notes. Letters 1717—1750*. Moscow: Nauka. 440 p. ISBN 5-02-009427-7. (In Russ.).

References

Budrin, V. N. (1950). Mining schools of the Urals in the XVIII and early XIX centuries. In: *Materials of the 2nd Scientific Conference on the history of Yekaterinburg-Sverdlovsk*. Sverdlovsk: [Without a publisher]. 45—98. (In Russ.).

Metallurgical plants of the Urals of the XVII-XX centuries: encyclopedia (2001). Yekaterinburg: Akademkniga. 536 p. (In Russ.).

Nechaev, N. V. (1944). *Schools at mining plants of the Urals in the first half of the 18th century: On the history of vocational education in Russia*. Moscow: Gudok. 120 p. (In Russ.).

Safronova, A. M. (2014). *Documents of industrial management bodies of Russia as a source about mining schools of the Urals in the first half of the XVIII century*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 334 p. ISBN 978-5-7996-1378-5. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.07.2022,
одобрена после рецензирования 17.09.2022,
подготовлена к публикации 24.10.2022.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Симоненко Е. С. Военно-морская политика Канады в годы Первой мировой войны (1914—1918) / Е. С. Симоненко // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 436—452. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-436-452.

Simonenko, E. S. (2022). Naval Policy of Canada during First World War (1914—1918). *Nauchnyi dialog*, 11(8): 436–452. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-436-452. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-436-452

Военно-морская политика Канады в годы Первой мировой войны (1914— 1918)

Симоненко Екатерина Сергеевна

orcid.org/0000-0001-7329-5346

кандидат исторических наук,
межинститутская кафедра
естественно-научных
и социально-гуманитарных дисциплин
eka-1982.82@mail.ru

Приморская государственная
сельскохозяйственная академия
(Уссурийск, Россия)

Naval Policy of Canada during First World War (1914—1918)

Ekaterina S. Simonenko

orcid.org/0000-0001-7329-5346

PhD in History, Associate Professor, Inter-
Institutional Department
of Natural Sciences and Social
and Humanitarian Disciplines
eka-1982.82@mail.ru

Primorskaya State
Agricultural Academy
(Ussuriysk, Russia)

© Симоненко Е. С., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется деятельность министерства военно-морских сил Канады в годы Первой мировой войны. Впервые в отечественной историографии формулируются основные направления морской политики Канады в рамках военного курса правительства в годы Первой мировой войны. Источниками для исследования послужили дебаты палаты общин канадского парламента, публикации в канадской прессе, военная серия историко-статистических сборников и публицистика тех лет. Характеризуется состояние канадских военно-морских баз и портов, а также особенности развития судостроительной промышленности доминиона в годы войны. Доказано, что в годы войны морская политика Канады определялась британским адмиралтейством и развивалась в двух направлениях: общеимперском и национальном. Развитие имперского направления морской политики осуществлялось в интересах Великобритании. Оно предусматривало вербовку канадских добровольцев для службы в Королевском флоте и развитие судостроительной промышленности для нужд британского флота. Национальное направление морской политики предусматривало охрану канадских побережий и территориальных вод, для чего активно использовалась инфраструктура канадских военно-морских баз и портов. Для выполнения патрульных и конвойных функций привлекались государственные и частные суда не только военного, но и гражданского назначения.

Ключевые слова:

история Канады; Первая мировая война; морская политика; министерство военно-морских сил; канадский флот, судостроительная промышленность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The activities of the Navy Ministry of Canada during the First World War are analyzed in the article. For the first time in Russian historiography, the main directions of Canada's maritime policy are formulated within the framework of the government's military course during the First World War. The sources for the study were the debates of the House of Commons of the Canadian Parliament, publications in the Canadian press, the military series of historical and statistical collections and journalism of those years. The state of Canadian naval bases and ports, as well as the features of the development of the shipbuilding industry of the dominion during the war years is characterized. It is proved that during the war years, Canada's maritime policy was determined by the British Admiralty and developed in two directions: imperial and national. The development of the imperial direction of maritime policy was carried out in the interests of Great Britain. It provided for the recruitment of Canadian volunteers for service in the Royal Navy and the development of a shipbuilding industry for the needs of the British Navy. The national direction of maritime policy provided for the protection of Canadian coasts and territorial waters, for which the infrastructure of Canadian naval bases and ports was actively used. To perform patrol and escort functions, state and private vessels were involved not only for military, but also for civilian purposes.

Key words:

history of Canada; World War I; maritime policy; the Ministry of the Navy; Canadian navy, shipbuilding industry.

Военно-морская политика Канады в годы Первой мировой войны (1914—1918)

© Симоненко Е. С., 2022

1. Введение = Introduction

К началу войны у Канады не было полноценного военно-морского флота. В 1910 году по инициативе либерального правительства У. Лорье был принят закон «О военно-морской службе», реализация которого началась с покупки двух броненосных крейсеров «Найоби» и «Рейнбоу», отправленных британским адмиралтейством на слом. При правительстве было создано министерство военно-морской службы, важнейшими функциями которого стала организация охраны западного и восточного побережий доминиона, гаваней и портов, защиты рыболовства и патрулирования прибрежных вод. На попечении морского министра находились военно-морской резерв и военно-морской колледж, расположенный в портовом городе Галифакс [CGWW, 1918, p. 162]. Спустя год, когда к власти пришло консервативное правительство Р. Боргена, действие закона было приостановлено. Два канадских крейсера были превращены в учебные суда, деятельность министерства фактически свернута. Численность персонала канадского флота не превышала 350 человек, резерва — 250 человек, все они были родом из небольшого городка Виктория в провинции Онтарио [Лихарев и др., 2019, с. 120]. Новый премьер-министр вместо создания собственных военно-морских сил предложил содействовать развитию британского Королевского флота путем направления в адмиралтейство денежных ассигнований в размере 35 миллионов канадских долларов (или 7 миллионов фунтов стерлингов) [Debates, 1912—1913, p. 679—684]. Однако на это предложение канадский сенат ответил единодушным отказом [Borden, 1913].

2. Материал, методы и обзор = Material, Methods, Review

Цель данной работы — изучить основные направления морской политики Канады в рамках военного курса правительства в годы Первой мировой войны.

Хронологические рамки обусловлены датами начала и окончания войны для Британской империи (4 августа 1914 года — 11 ноября 1918 года). Нижняя точка отсчета связана с моментом присоединения Североамериканского доминиона к британской декларации об объявлении войны, вер-

няя точка — с заключением перемирия, прекращения боевых действий и началом всеобщей демобилизации канадских войск.

Для достижения поставленной цели автор формулирует ряд задач: исследовать основные направления деятельности министерства военно-морских сил Канады в годы войны; проследить усилия военно-морского ведомства по комплектованию флота добровольцами; охарактеризовать состояние канадских военно-морских баз и портов, а также особенности развития судостроительной промышленности доминиона в годы войны.

Историографическую основу работы составляют труды канадских авторов, где морская политика доминиона в годы Первой мировой войны изучается с разных сторон. В рамках официальной истории канадского флота Г. Таккер исследует береговую активность канадского флота на восточном и западном побережьях; историю покупки и функционирования двух подводных лодок; особенности управления министерством и военные расходы на морские цели в годы войны. Военно-морской обозреватель британских газет Х. Ферраби размышляет о феномене «имперского флота», который был создан на основе взаимодействия между метрополией, Канадой и другими доминионами в годы войны. Официальный историк канадской армии Ч. Стейси изучает стратегическую роль крупнейшей канадской военно-морской базы и порта Галифакс в годы войны. Британский военно-морской историк и журналист А. Хард анализирует состояние канадского торгового флота и гражданской судостроительной промышленности в годы войны. Дж. Несмит в своем труде определяет степень участия и значение канадских добровольцев, служивших в составе экспедиционного корпуса и на кораблях британского флота в годы войны.

В процессе подготовки статьи автор обращается к различным видам исторических источников: парламентским дебатам, периодической печати, исторической статистике, сборникам официальных документов и публицистике. Основу источниковой базы составляют дебаты палаты общин канадского парламента за 1914—1917 годы, в которых обсуждалась военно-морская политика правительства и взаимодействие с британским адмиралтейством в годы войны. Статьи из канадских столичных и провинциальных ежедневных газет, позволяют детально изучить широкий спектр вопросов: условия службы канадцев на кораблях британского флота; степень их заинтересованности в такой службе и процесс отбора кандидатов; повседневную жизнь канадских моряков на борту, политику правительства в области защиты территориальных вод Канады и функции патрульной службы в годы войны. Сборники официальных документов, изданных в годы войны (DREW), содержат приказы Тайного совета, прокламации, телеграммы, военные речи и переписку, касавшиеся военных действий в Европе. Военная серия исто-

рико-статистических сборников под редакцией Дж. Кастеля Хопкинса содержит информацию об особенностях вербовочной кампании и механизме вербовки канадских добровольцев для службы на кораблях британского флота, условиях и ставках оплаты их услуг. В работе используются публицистические произведения, в которых содержатся речи премьер-министра Р. Бордена и подводятся итоги первых двух лет войны.

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

3.1. Первые шаги министерства ВМС после вступления в войну

За несколько дней до официального объявления войны правительство заявило о готовности передать все имевшиеся в Канаде корабли и военно-морскую инфраструктуру в распоряжение британского адмиралтейства [Debates, 21 August 1914, p. 49]. По распоряжению премьер-министра 1 августа 1914 года министерство военно-морской службы, которое возглавлял Дж. Хазен, провело серию мероприятий, направленных на перевод имевшегося флота на военное положение. Из летних отпусков были отозваны курсанты военно-морского училища, в портах Галифакса и Эскуаймолт началась вербовка добровольцев. Морской министр приказал в кратчайшие сроки привести два броненосных крейсера «Найоби» и «Рейнбоу» в полную боевую готовность [Tucker, 1952, p. 213], а также организовать транспортировку на Британские острова офицеров и моряков-резервистов британского происхождения, которые проживали в Канаде, но после объявления войны пожелали вернуться на родину и поступить на службу в Королевский флот.

2 августа министерство взяло под свой контроль все радиостанции, расположенные на территории доминиона. Многие из них в годы войны так и оставались закрытыми [DREW 1916, № 270, p. 530—531]. В тот же день морской министр призвал на действительную службу Королевский военно-морской резерв, а также офицеров Королевского флота, находившихся в отставке и проживавших в Канаде [DREW 1916, № 1, p. 1]. За день до начала войны во все порты было разослано предупреждение о возможности вражеского нападения. Порт Эскуаймолт, расположенный на восточном побережье, был закрыт для всех судов, кроме военных. 4 августа после того, как правительство получило телеграмму о вступлении Англии в войну, «Найоби» и «Рейнбоу» в соответствии с параграфом 23 закона «О военно-морской службе» были переданы в распоряжение адмиралтейства. На обоих кораблях был поднят белый флаг, что свидетельствовало о принадлежности судов к Королевскому флоту [Debates, 21 August 1914, p. 54; DREW 1914, p. 12]. Вечером того же дня была достигнута договоренность между руководством судостроительной фирмы Сизтла и премьер-министром Британской Колумбии Р. Макбрайдом о покупке двух подводных

лодок, построенных для чилийского правительства. За обе субмарины правительство заплатило 1 млн 150 тыс. долларов, которые были выделены министром финансов без санкции парламента [DREW 1914, p. 20].

5 августа министерство разрешило немецким и австрийским судам торгового флота, находившимся в портах и территориальных водах доминиона, покинуть их в течение десяти дней [DREW 1914, № 2055, p. 15]. Два дня спустя этот жест «доброй воли» был аннулирован. На следующий день последовал запрет «транспортировать через канадские порты любые товары военного назначения, которые из европейских портов могли легко попасть к врагу» [DREW 1914, p. 19—20]. 7 августа были приняты другие регулировавшие экспорт меры в интересах союзников. В этот же день две подводные лодки, купленные правительством Британской Колумбии, были переданы в распоряжение адмиралтейства [DREW 1914, № 2072, p. 20]. На следующий день военно-морское руководство доминиона получило из адмиралтейства инструкцию задерживать вражеские торговые суда, а еще через день портовые службы предоставили в министерство список кораблей, которые предположительно взяли на борт немецких резервистов для их транспортировки в Европу [Tucker, 1952, p. 218]. К середине августа все подготовительные мероприятия были полностью завершены.

В сентябре 1914 года Колониал Офис передал Р. Бордену послание, в котором русское правительство обращалось с запросом на продажу ледокола «Лорд Грей». Канадское правительство ответило согласием, и корабль отправился в Архангельск с командой на борту. Он благополучно прошел 3 тысячи км до пункта своего нового назначения за две недели. Команда возвратилась домой на пароходе, после чего часть моряков присоединилась к Королевскому флоту, часть — возвратилась в Канаду [Debates, 14 April 1916, p. 2886; Two Years of War, 1916, p. 39].

В начале октября 1914 года канадский кабинет через Верховного комиссара в Лондоне Дж. Перли осведомился о намерениях адмиралтейства в отношении долгосрочной политики ведения войны. Ответ морского ведомства гласил, что доминиону следует сконцентрировать усилия на развитии армии, а не флота, поскольку построить новые военные корабли в такие короткие сроки невозможно [Tucker, 1952, p. 218—219]. Поэтому в годы войны министерство отказалось наращивать морскую мощь и сконцентрировалось на выполнении внутренних задач.

Война серьезно расширила ответственность морского министра в сфере обеспечения безопасности территориальных вод и побережий. В мирное время контроль над судоходством в окрестностях портов и условиями стоянки в самих портах осуществляли гражданские чиновники. Во время войны контрольные функции были переданы министерству военно-мор-

ских сил, которое стало контролировать судоходство путем расчета маршрутов для торговых судов, а на последнем этапе войны осуществляло организацию военных конвоев. В годы войны возникла опасность, исходившая от «блуждающих» немецких кораблей, крейсировавших по периметру канадских побережий. Помимо этого, существовала большая вероятность того, что канадские гавани могли заминировать немецкие суда, время от времени заходившие в прибрежные воды. Министерство предприняло все возможные меры, чтобы обезопасить территориальные воды доминиона на случай, если немецкие суда приблизятся к канадским берегам. Специальные патрульные суда стали выполнять рейды вблизи гаваней с целью обнаружения плавучих мин, следили за возможным приближением вражеских кораблей. Они патрулировали территориальные воды вблизи портов Галифакса, Квебека, Эскуаймонта и были наделены полномочиями проверять все суда, которые входили и выходили из них днем и ночью. Для усиления группировки судов, следивших за порядком в территориальных водах, министерство зафрахтовало 33 корабля, принадлежавших частным лицам [CAR 1915, p. 257]. Таким образом, для обороны канадских побережий использовались как правительственные, так и частные суда. Адмиралтейство направило в Северную Атлантику несколько кораблей Королевского флота. С самого начала войны на тихоокеанском побережье находился британский корабль «Ньюкасл», крейсировавший в районе Британской Колумбии, а также два японских крейсера, которые находились в районе военной базы Эскуаймонт. На Атлантическом побережье три британских корабля «Ланкастер», «Эссекс» и «Суффолк» базировались в районе портового города Галифакс [Ferraby, 1918, p. 180].

До начала войны адмиралтейство не планировало вооружать торговые суда. В этом не было необходимости, так как вооружение «купцов» вело к потере ими статуса мирных судов со всеми вытекающими последствиями. Ситуация изменилась, когда началась подводная война, объектом которой стали не только военные, но и торговые корабли. После начала подводной войны адмиралтейство стало вооружать свой торговый флот. Корабли, зарегистрированные в Канаде, были внесены в британский реестр, и, когда им предстояло плыть в зону потенциальной опасности, на кормах устанавливали пушки. Расходы на вооружение кораблей несли собственники или канадское правительство, а адмиралтейство обеспечивало их боеприпасами и персоналом [Tucker, 1952, p. 226]. На последнем этапе войны, когда опасность со стороны «блуждающих» немецких крейсеров возросла, министерство стало организовывать из военных кораблей конвои для сопровождения торговых караванов и транспортов, перевозивших войска. Первый такой конвой покинул порт Сидней 10 июля 1917 года. Вторым конвоем, со-

стоявший из пяти кораблей, перевозивших войска, и семи торговых судов, вышел из Галифакса 5 сентября 1917 года. В следующем 1918 году конвои покидали Галифакс с интервалом в восемь дней. В дальнейшем для более эффективного использования доступного тоннажа корабли стали группировать в конвои по скоростным показателям. Быстрым считался конвой, в котором шли корабли со скоростью 12,5 узлов и выше. Корабли, плававшие по тихоокеанским маршрутам, не конвоировались. За день до начала конвоя устраивалось совещание, на котором присутствовали владельцы судов, офицеры и инженеры: они разрабатывали стратегию поведения судов в случае опасности. В случае отделения корабля от основного конвоя командиру предписывалось следовать инструкциям, полученным накануне от командования. В итоге конвоирование уменьшило потери кораблей от подводных атак и содействовало победе союзников [Ibid., p. 227].

3.2. Комплектование канадского флота добровольцами

В первые полтора года войны министерство не предпринимало серьезных попыток набрать добровольцев для службы в военном флоте. В доминионе не было ни достаточного количества кораблей, чтобы комплектовать целые корабельные команды, ни достаточного количества морских офицеров, которые могли эти команды возглавить. Тем канадцам, которые выражали желание служить во флоте, предлагали поступать на службу в пехоту, кавалерию или артиллерию. После объявления войны министерство инициировало создание Королевской военно-морской бригады, которая должна была охранять канадские побережья с суши. В состав бригады вошли 9 офицеров и 120 моряков военно-морского резерва. Но так как бригада, несмотря на свое название, была сформирована для службы на берегу, солдаты и офицеры числились в составе сухопутных сил [CGWW, 1918, p. 167—168].

Когда началась война, перед министерством остро встал вопрос о комплектовании команд двух броненосных крейсеров «Найоби» и «Рейнбоу». Корабли были законсервированы, на борту находились только команды технического обслуживания, которые поддерживали их в надлежащем состоянии. До войны они использовались в качестве учебных судов кадетами военно-морского колледжа и резервистами. После объявления войны министерство получило от правительства приказ доукомплектовать судовые команды до 100 %. В кратчайшие сроки команда «Найоби» была укомплектована профессиональными моряками, ранее служившими на двух британских шлюпах, несших службу на тихоокеанском побережье, а также несколькими сотнями ньюфаундлендских резервистов, числившихся в Королевском флоте, но постоянно проживавших в доминионе [Two Years of War, 1916, p. 37]. Корабельная команда другого канадского крейсера «Рейнбоу» была набрана в городе Виктория провинции Онтарио, где до войны бази-

ровался единственный в Канаде отряд морских добровольцев. Из членов этого отряда был укомплектован персонал обеих субмарин и нескольких патрульных судов, базировавшихся в Эскуаймолт [Ibid., p. 39].

В 1915 году адмиралтейство обратилось в министерство военно-морских сил с просьбой отобрать достойных кандидатов и направить их на Британские острова для подготовки пилотов Королевской военно-морской авиации. Из сотен заявок, пришедших из разных концов Канады, были отобраны 250 штук. К апрелю 1916 года 180 добровольцев были отправлены в британскую летную школу для прохождения обучения и получения летных сертификатов, с тем чтобы затем пополнить ряды британских пилотов. Год спустя таким же образом в Канаде были набраны моряки для британской патрульной службы [Debates, 14 April 1916, p. 2886—2887; Two Years of War, 1918, p. 39—40].

В феврале 1916 года Дж. Хазен сделал в адмиралтейство запрос о наборе канадских добровольцев для службы в Королевском флоте. Предполагалось, что они будут обучаться в Британии, так как в доминионе не было соответствующих специалистов. Адмиралтейство приветствовало эту инициативу, но, в свою очередь, поставило два условия. Во-первых, следовало набирать только рядовой состав, так как в метрополии было достаточно своих морских офицеров [Blairmore Enterprise, 1916, 22 Sept., p. 7]. Во-вторых, канадское правительство должно было оплачивать услуги добровольцев по ставкам, действовавшим в Королевском флоте. Эти условия были приняты, и в апреле в Канаду был отправлен британский капитан Р. Гиннесс с небольшим отрядом, о чем не преминули сообщить многие столичные и провинциальные издания [Debates, 18 April 1916, p. 2987; Coleman Bulletin, 1916, 16 Jun., p. 7]. По сведениям местных газет, он должен был набрать от 200 до 2 тысяч моряков для британских патрульных судов до конца текущего года. Для кандидатов был установлен возрастной ценз от 18 до 30 лет, имела значение хорошая физическая подготовка, при этом не требовалось никакого опыта службы во флоте. Все претенденты должны были иметь британское происхождение [Debates, 18 April 1916, p. 2987—2989; Blairmore Enterprise, 1916, 24 Nov., p. 6; Crossfield Chronicle, 1916, 22 Dec., p. 7]. Предложенная британскими властями ставка оплаты — треть от того жалования, которое платили канадцам в экспедиционных войсках, — не привлекла значительного количества добровольцев. Не помогло вмешательство самого морского министра, который выступил на нескольких патриотических митингах, призывая канадцев активнее поступать на службу во флот. Дж. Хазен с тревогой заметил, что, судя по количеству желающих, приходивших на призывные пункты, жители Канады не понимали, что страна участвовала в войне. Он заявил, что, если Германия

выиграет войну, она захватит территорию Канады и отправит на канадский Запад сотни тысяч немецких колонистов [CAR 1915, p. 257].

Для преодоления возникших трудностей правительство предложило записать всех добровольцев в резерв, оплачивать их услуги по ставкам, существовавшим в экспедиционных войсках, и передать их в распоряжение адмиралтейства. Средний размер дневного заработка добровольца, зачисленного в чин матроса, должен был составить 1 доллар и 10 центов плюс 20 долларов ежемесячно в качестве пособия для членов его семьи. Канадские власти снизили возрастной ценз потенциальных кандидатов до 38 лет [Blairmore Enterprise, 1917, 9 Feb., p. 6]. После одобрения такого курса правительство распорядилось набрать в резерв 5 тысяч человек [Two Years of War, 1918, p. 40]. В составе военно-морского резерва должен был быть создан специальный заграничный дивизион добровольцев. В сентябре 1916 года началась мобилизационная кампания. Территория доминиона была разделена на 9 вербовочных округов, вербовочные пункты находились в провинциальных столицах, за исключением Британской Колумбии. Там пункт располагался в Ванкувере. Вербовочная кампания, в которой участвовали видные морские офицеры, политики и общественные деятели, прошла по всей стране. Р. Гиннесс и его отряд поучаствовали в 83 патриотических манифестациях. В ходе публичных выступлений капитан описывал особенности плавания на линейном корабле и простую, но рискованную жизнь моряка. Он озвучил обращение командующего Гранд Флотом Дж. Джеллико к канадцам, в котором тот приглашал их присоединиться к британским морякам [CAR 1916, p. 314—315].

В результате всех усилий для Королевского флота к началу 1917 года было набрано 1,6 тысяч добровольцев [Debates, 6 August 1917, p. 4164]. Предпочтение отдавалось членам военно-морского добровольческого резерва и тем, у кого уже имелся опыт морской службы. Помимо добровольцев, на службу в Королевский флот поступило 14 выпускников военно-морского колледжа (всего в учебном заведении обучалось 30—40 человек) [Debates, 6 August 1917, p. 4164; CAR 1916, p. 372]. После набора канадцы были отправлены в Галифакс, где получили все необходимое снаряжение, а оттуда на кораблях британского флота отправились на Британское острове, где оставались до конца войны [Blairmore Enterprise, 1917, 9 Feb., p. 6]. Вербовка матросов осуществлялась до конца войны, после чего вербовочные пункты были закрыты.

Вслед за набором моряков в Королевский флот зимой 1917 года стартовала кампания по набору моряков в местный флот. Министерство военно-морской службы планировало усилить патрульную службу, главной обязанностью которой была защита побережий доминиона [Blairmore

Enterprise, 1917, 19 Jan., p. 2; 20 Apr., p. 6]. Во все столичные и провинциальные печатные издания были разосланы рекламные листки, где говорилось, что власти были заинтересованы в наборе офицеров, моряков, кочегаров и механиков для патрульной службы. Кандидаты на офицерские должности должны были иметь документы, подтверждавшие опыт службы в Королевском флоте, резерве либо торговом флоте. Для претендентов в офицеры устанавливался возрастной ценз от 18 до 45 лет, для рядовых — до 38 лет. Министерство предлагало следующие ставки оплаты: для офицеров — 2,5 долларов, для рядовых — 1,05 долларов в день. Их семьи получали право на пособие в размере 30 долларов для офицеров и 20 долларов для матросов ежемесячно [Blairmore Enterprise, 1917, 13 Apr., p. 6].

3.3. Военно-морские базы и судостроительная промышленность

Особое стратегическое значение в годы войны имели канадские атлантические порты Галифакс, Квебек, Монреаль и Сидней. Порт Монреаля на протяжении семи месяцев в году, когда было открыто судоходство на реке Святого Лаврентия, обслуживал четыре железные дороги, подходившие прямо к реке. Через порт Квебека отбыл на Британские острова первый контингент, хотя все последующие партии войск отправлялись из Галифакса, так как франкоканадские порты были признаны небезопасными из-за возможности нахождения в нижнем течении Святого Лаврентия немецких подводных лодок. Порт Галифакс служил центральным выходом для транспортировки заграничных грузов и воинских контингентов в зимнее время года. Порт Сидней был базой дозагрузки торговых и военных кораблей, работавших на угле, так как в его окрестностях находились многочисленные угольные шахты. В мае 1916 года из-за перегруженности британских портов адмиралтейство распорядилось, чтобы британские корабли загружались углем в этом канадском порту [Tucker, 1952, p. 224]. В 1917 году активизация подводной войны явилась причиной создания системы морских конвоев, что еще больше повысило значение Галифакса и Сиднея. Благодаря их расположению, наличию укреплений и обширных защищенных гаваней они стали до конца войны местом сбора конвоев. В период с августа 1917 года по ноябрь 1918 года из Галифакса вышло 50 конвоев и около 500 кораблей [Stacey, 1949, p. 53].

Тихоокеанский порт Эскуаймолт находился далеко от морских театров военных действий, так как с конца 1914 года на Тихом океане безраздельно господствовал флот союзников. В порту производился текущий ремонт британских и канадских судов, иногда туда заходили военные корабли союзников. В мае 1915 года в Эскуаймолт для капитального ремонта прибыл крейсер «Кент», который участвовал в боевых операциях близ Фолклендских островов и уничтожил немецкий крейсер «Дрезден». В порту или его

окрестностях находился броненосный крейсер «Рейнбоу» и обе подводные лодки. В 1917—1918 годах из Гонконга во Францию через Эскуаймолт было отправлено большое количество кули для работы в трудовых отрядах, а когда война закончилась, многие из них возвратились домой тем же маршрутом [Tucker, 1952, p. 224—225].

В годы войны судостроительная промышленность гражданского назначения была практически свернута, поскольку правительство заморозило строительство кораблей для торгового флота. По заказу адмиралтейства в Канаде было построено или смонтировано несколько сотен вспомогательных судов. На канадских верфях были построены 36 траулеров и 100 дрейфтеров для Королевского флота, а также 12 траулеров для флота доминиона. Суда, построенные в Канаде, адмиралтейство планировало использовать против немецких подводных лодок. Весной 1915 года британское военно-морское ведомство заказало 550 моторных лодок, которые планировалось использовать для выполнения патрульных функций в американских водах. Собраны они были на верфях Монреаля и Квебека [Hurd, 1924, p. 266—267]. В марте 1916 года министерство военно-морских сил направило в адмиралтейство запрос о желании доминиона построить на своих верфях два или три эскадренных миноносца. Поначалу британское морское ведомство приняло предложение и передало чертежи местным специалистам. Вскоре стало ясно что, эсминцы, строительство которых планировалось проводить на монреальской верфи, не могли быть доставлены на Британские острова до окончания навигации 1917 года. Вдобавок выяснилось, что у канадских судостроителей отсутствовал опыт, необходимый для постройки военных кораблей такого класса. В этих обстоятельствах британские власти рекомендовали доминиону сконцентрироваться на строительстве торговых судов.

Если намерение канадского правительства строить в доминионе надводные корабли не увенчалось успехом, то программа строительства подводных лодок для Королевского флота была успешно реализована. Сразу же после начала войны представитель американской сталелитейной корпорации Ч. Шваб отправился в Великобританию с предложением производить для британского правительства необходимую военно-морскую технику и амунизию. После непродолжительных переговоров адмиралтейство согласилось заказать в компании 20 подводных лодок. Когда о сделке стало известно американскому правительству, оно направило письменный протест, поскольку такая договоренность нарушала принципы американского нейтралитета. Несмотря на официальный протест, американская компания все же согласилась построить половину из заранее обговоренного количества судов. О строительстве остальных 10 подлодок Ч. Шваб до-

говорился с канадской судостроительной компанией «Канадиен Виккерс Лтд», владевшей верфью в Монреале [Ferraby, 1918, p. 184]. Субмарины были построены в короткий срок, их испытание успешно прошло в заливе Мюррей. По адмиралтейской системе классификации они были помещены в класс «Н». Первые шесть подлодок вышли из Галифакса, взяв курс на Британские острова, 22 июля 1915 года. Оставшиеся четыре судна в скором времени отправились в Дарданеллы. Итальянское правительство, впечатленное успехами канадских судостроителей, в том же году заказало для своего флота 8 субмарин, а еще спустя некоторое время правительство царской России заключило с верфью в Монреале контракт на строительство 6 новых корпусов для своих подлодок. За годы войны на канадских верфях было построено в общей сложности 24 подлодки [Nasmish, 1919, p. 533]. Из десяти лодок, строительство которых осуществлялось в США, последние две британское правительство получило уже после окончания войны.

Незадолго до окончания войны наметился прогресс гражданской судостроительной индустрии. Отчет морского министерства от 31 марта 1918 года свидетельствовал, что в Канаде было 13 верфей, в системном реестре числилось 8 559 кораблей, общий тоннаж которых составлял 1 328 тонн. В 1918 году началась реализация национальной судостроительной программы, в соответствии с которой на верфях Монреала, Торонто, Порт-Артура и Ванкувера должны были строиться корабли различного водоизмещения (3 тысяч, 5—7 тысяч, 8—10 тысяч тонн) для нужд торгового флота. Общая стоимость судостроительной программы составляла 60 миллионов долларов, и к концу года были заключены контракты на строительство 43 кораблей общей стоимостью 51 миллионов долларов. Правительство заключило с канадскими верфями контракты на строительство 31 парохода, тоннаж которых колебался от 3,4 тысяч до 8,1 тысяч тонн. Оказалось, что в Канаде строить корабли намного дороже, чем в Англии, из-за разницы в стоимости материалов и рабочей силы. В Англии корабельный плотник получал 16,5 долларов в неделю, а в Канаде 36,3 долларов за тот же период. Сталь в Англии стоила 53,5 долларов за тонну, а в Ванкувере 102,25 долларов за то же количество [CAR 1918, p. 439—442].

В рамках судостроительной программы Канада намеревалась выполнить обязательства по строительству кораблей, предназначенных для торгового и рыболовного флота Норвегии. Соответствующие контракты были заключены еще до начала войны, однако сразу же после начала военных действий правительство, как уже было сказано, запретило судостроительным компаниям экспортировать корабли без специального на то разрешения. Все корабли, строившиеся в доминионе в годы войны, были объявлены собственностью канадского правительства. Морской министр заявил,

что после войны ожидает большой спрос на канадские корабли со стороны не только Норвегии, но и других европейских стран.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, накануне Первой мировой войны у Канады было два варианта интеграции в систему имперской морской обороны. Либеральный вариант предусматривал строительство собственного военного флота, консервативный — внесение ежегодных денежных вкладов на содержание британского флота. Но ни один из них не был реализован на практике. Когда началась война, морская политика Канады определялась британским адмиралтейством и развивалась в двух направлениях: общеимперском и национальном. Развитие имперского направления морской политики осуществлялось в интересах Великобритании. В соответствии с ним Канада передавала все военные корабли и гражданские суда, а также военно-морскую инфраструктуру в распоряжение метрополии. Для службы на кораблях Королевского флота, в том числе в военно-морской авиации, в Канаде было набрано более 1,5 тысячи добровольцев. Активно развивалась канадская военная судостроительная промышленность: по заказу британского адмиралтейства было построено несколько сотен вспомогательных судов для Королевского флота. Главной задачей в рамках национального направления морской политики стала охрана обоих канадских побережий и территориальных вод, для чего активно использовалась инфраструктура канадских военно-морских баз и портов. Для выполнения патрульных и конвойных функций привлекались как государственные, так и частные суда не только военного, но и гражданского назначения.

Источники и принятые сокращения

1. Borden R. L. Comments on the Senate's Rejection of the Naval Aid Bill / R. L. Borden. — Ottawa : Printed Co Ltd., 1913. — 40 p.
2. *Canadians* Can Serve in British Navy // *Blairmore Enterprise* [newspaper]. — 1916. — September 22. — P. 7.
3. *Canadians* Wanted for Naval Service // *Blairmore Enterprise* [newspaper]. — 1917. — April 13. — P. 6.
4. CAR 1915 — *The Canadian Annual Review*, War Series 1915 / Ed. by J. Castell Hopkins. — Toronto : Canadian Annual Review Limited, 1918. — Vol. 15. — 880 p.
5. CAR 1916 — *The Canadian Annual Review*, War Series 1916 / Ed. by J. Castell Hopkins. — Toronto : Canadian Annual Review Limited, 1918. — Vol. 16. — 929 p.
6. CAR 1918 — *The Canadian Annual Review*, War Series 1918 / Ed. by J. Castell Hopkins. — Toronto : Canadian Annual Review Limited, 1919. — Vol. 18. — 869 p.
7. CGWW — *Canada in the Great World War. An Authentic Account of the Military History of Canada from the Earliest Day to the Close of the War of the Nations*. In 6 vols. — Toronto : United Publishers of Canada, 1918. — Vol. 2. — 374 p.

8. *Daily Routine for Able Seamen a Pleasant Life* // *Blairmore Enterprise* [newspaper]. — 1917. — February 9. — P. 6.
9. *Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada 1912—1913*. — 12th Parliament, 2nd Session. — Ottawa : Printed by J. de L. Tache, 1913. — Vol. 3 (Vol. CIX). — Pp. 4059—6301.
10. *Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada 1914*. — 12th Parliament, 4th Session. — Ottawa : Printed by J. de L. Tache, 1914. — Vol. 1 (Vol. CXVIII). — 99 p.
11. *Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada 1916*. — 12th Parliament, 6th Session. — Ottawa : Printed by J. de L. Tache, 1916. — Vol. 3 (Vol. CXXIV). — Pp. 1969—2971.
12. *Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada 1916*. — 12th Parliament, 6th Session. — Ottawa : Printed by J. de L. Tache, 1916. — Vol. 4 (Vol. CXXV). — Pp. 2973—4156.
13. *Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada 1917*. — 12th Parliament, 7th Session. — Ottawa : Printed by J. de L. Tache, 1918. — Vol. 4 (Vol. CXXIX). — Pp. 3187—4242.
14. *Defending Our Coast* // *Blairmore Enterprise* [newspaper]. — 1917. — April 20. — P. 6.
15. DREW 1914 — *Documents Relative to the European War Comprising Orders in Council, Cablegrams, Correspondence, and Speeches Delivered in Imperial House of Commons* / Compiled by the Department of the Secretary of State of Canada. — Ottawa : J. de L. Tache Kings Printer, 1914. — Pp. 1—167.
16. DREW 1916 — *Copies of Proclamations, Orders in Council, and Documents Relating to the European War* / Compiled by the Department of the Secretary of State of Canada. — Second Supplement. — Ottawa : Government Printing Bureau, 1916. — Pp. 527—1050.
17. *Recruiting for the Navy is Satisfactory* // *Blairmore Enterprise* [newspaper]. — 1916. — November 24. — P. 6.
18. *Recruiting for the Navy is Satisfactory* // *Crossfield Chronicle* [newspaper]. — 1916. — December 22. — P. 7.
19. *To Increase Naval Patrols* // *Blairmore Enterprise* [newspaper]. — 1917. — January 19. — P. 2.
20. *Two Years of War as Viewed from Ottawa : A Special Issue of «The Civilian» Giving Some Account of the War Work of the Civil Service of Canada (1914—1916)*. — Ottawa : [s. n.], 1916. — 142 p.

Литература

1. *Лихарев Д. В.* Состояние военно-морских сил Канады в годы Первой мировой войны / Д. В. Лихарев, Е. С. Симоненко // *Клио*. — 2019. — № 1 (145). — С. 120—127.
2. *Ferraby H. C.* The Imperial British Navy. How the Colonies Began to Think Imperially upon the Future of the Navy / H. C. Ferraby. — London : H. Jenkins, 1918. — 277 p.
3. *Hurd A.* The Merchant Navy / A. Hard. — In 3 vols. — London : Longmans & Green, 1924. — Vol. 2. — 464 p.
4. *Nasmith G. G.* Canada's Sons and Great Britain in the World War. A Complete and Authentic History of the Commanding Part Played by Canada and the British Empire in the World's Greatest War / G. G. Nasmith. — In 2 vols. — Toronto : John C. Winston, 1919. — Vol. 1. — 608 p.
5. *Stacey C. P.* Halifax as an International Strategic Factor, 1749—1949 / C. P. Stacey // Report of the Annual Meeting of the Canadian Historical Association. — 1949. — Vol. 28. — № 1. — Pp. 46—56.

6. Tucker G. N. The Naval Service of Canada. Its Official History / G. N. Tucker. — In 2 vols. — Ottawa : King's Printer, 1952. — Vol. 2. — 436 p.

Material resources

- Borden, R. L. (1913). *Comments on the Senate's Rejection of the Naval Aid Bill*. Ottawa: Printed Co Ltd. 40 p.
- Canadians Can Serve in British Navy. (1916). *Blairmore Enterprise [newspaper]*. September 22. P. 7.
- Canadians Wanted for Naval Service. (1917). *Blairmore Enterprise [newspaper]*. April 13. P. 6.
- Castell Hop-kins, J. (ed.). (1918). The Canadian Annual Review, War Series 1915, 15. Toronto: Canadian Annual Review Limited. 880 p.
- Castell Hop-kins, J. (ed.). (1918). *The Canadian Annual Review, War Series 1916*, 16. Toronto: Canadian Annual Review Limited. 929 p.
- Castell Hop-kins, J. (ed.). (1919). *The Canadian Annual Review, War Series 1918*, 18. Toronto: Canadian Annual Review Limited. 869 p.
- Canada in the Great World War. An Authentic Account of the Military History of Canada from the Earliest Day to the Close of the War of the Nations: In 6 vols*, 2. Toronto: United Publishers of Canada. 374 p.
- Daily Routine for Able Seamen a Pleasant Life. (1917). *Blairmore Enterprise [newspaper]*. February 9. P. 6.
- Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada 1912—1913*, 3 (Vol. CLX). 12th Parliament, 2nd Session. (1913). Ottawa: Printed by J. de L. Tache. 4059—6301.
- Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada 1914*, 1 (Vol. CXVIII). 12th Parliament, 4th Session. (1914). Ottawa: Printed by J. de L. Tache. 99 p.
- Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada 1916*, 3 (Vol. CXXIV). 12th Parliament, 6th Session. (1916). Ottawa: Printed by J. de L. Tache. 1969—2971.
- Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada 1916*, 4 (Vol. CXXV). 12th Parliament, 6th Session. (1916). Ottawa: Printed by J. de L. Tache. 2973—4156.
- Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada 1917*, 4 (Vol. CXXIX). 12th Parliament, 7th Session. (1918). Ottawa: Printed by J. de L. Tache. 3187—4242.
- Defending Our Coast. (1917). *Blairmore Enterprise [newspaper]*. April 20. P. 6.
- Documents Relative to the European War Comprising Orders in Council, Cablegrams, Correspondence, and Speeches Delivered in Imperial House of Commons*. (1914). Ottawa: J. de L. Tache Kings Printer. 1—167.
- Copies of Proclamations, Orders in Council, and Documents Relating to the European War. Second Supplement*. (1916). Ottawa: Government Printing Bureau. 527—1050.
- Recruiting for the Navy is Satisfactory. (1916). *Blairmore Enterprise [newspaper]*. November 24. P. 6.
- Recruiting for the Navy is Satisfactory. (1916). *Crossfield Chronicle [newspaper]*. December 22. P. 7.
- To Increase Naval Patrols. (1917). *Blairmore Enterprise [newspaper]*. January 19. P. 2.
- Two Years of War as Viewed from Ottawa: A Special Issue of «The Civilian» Giving Some Account of the War Work of the Civil Service of Canada (1914—1916). (1916). Ottawa: [s. n.]. 142 p.

References

- Ferraby, H. C. (1918). *The Imperial British Navy. How the Colonies Began to Think Imperially upon the Future of the Navy*. London: H. Jenkins. 277 p.

- Hurd, A. (1924). *The Merchant Navy: In 3 vols, 2*. London: Longmans & Green. 464 p.
- Likharev, D. V., Simonenko, E. S. (2019). The state of the Canadian Naval forces during the First World War. *Clio, 1 (145)*: 120—127. (In Russ.).
- Nasmith, G. G. (1919). *Canada's Sons and Great Britain in the World War: A Complete and Authentic History of the Commanding Part Played by Canada and the British Empire in the World's Greatest War: In 2 vols, 1*. Toronto: John C. Winston. 608 p.
- Stacey, C. P. (1949). Halifax as an International Strategic Factor, 1749—1949. *Report of the Annual Meeting of the Canadian Historical Association, 28 (1)*: 46—56.
- Tucker, G. N. (1952). *The Naval Service of Canada. Its Official History: In 2 vols, 2*. Ottawa: King's Printer. 436 p.

Статья поступила в редакцию 30.07.2022,
одобрена после рецензирования 02.10.2022,
подготовлена к публикации 25.10.2022.

Слезин А. А. Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920—1930-х годов / А. А. Слезин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 453—469. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469.

Slezin, A. A., Yakimov, K. A. (2022). Public Sentiment among Peasantry of “Revolutionary Turning Point” Generation at turn of 1920—1930s. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 453-469. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469

Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920—1930-х годов

Слезин Анатолий Анатольевич

orcid.org/0000-0002-9559-7553

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
anatoly.slezin@yandex.ru

Якимов Кузьма Александрович

orcid.org/0000-0003-1756-3515

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
gnom-gnom123@mail.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-18-00132,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Public Sentiment among Peasantry of “Revolutionary Turning Point” Generation at turn of 1920—1930s

Anatoly A. Slezin

orcid.org/0000-0002-9559-7553

Doctor of History, professor,
chief research scientist
anatoly.slezin@yandex.ru

Kuzma A. Yakimov

orcid.org/0000-0003-1756-3515

PhD in History,
senior research scientist
gnom-gnom123@mail.ru

Tambov State Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-00132,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Настоящее исследование посвящено изучению особенностей общественных настроений крестьянства поколения «революционного перелома» (родившихся на рубеже XIX—XX веков). Актуальность выбранной темы заключается в необходимости осуществления комплексного исследования состояния общественного мнения сельчан на рубеже 1920—1930-х годов сквозь призму «поколенческого» среза. В статье на основе широкого пласта архивных документов и материалов периодической печати, большая часть которых вводится в научный оборот впервые, уделяется внимание анализу основных способов адаптации крестьянского менталитета в условиях проведения коллективизации сельского хозяйства. Особое внимание уделяется анализу источников возникновения и форм проявления протестных настроений крестьян. Проведенное исследование показало неоднозначное отношение крестьянства к коллективизации. Авторы приходят к выводу о том, что в большинстве случаев переход к коллективным хозяйствам вызывал недовольство среди сельчан, а сам колхозный строй ассоциировался с голодом и разорением. Показано, что значительная часть крестьянства поколения «революционного перелома» воспринимала политику государства на селе как возврат к дореволюционным порядкам. Отмечается, что перегибы в ходе раскулачивания способствовали усилению конфронтации между различными имущественными слоями крестьянства.

Ключевые слова:

крестьянство; поколение революционного перелома; нэп; коллективизация; общественные настроения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The paper studies characteristics of the public sentiment among peasantry of the “revolutionary turning point” generation (born at the turn of XIX—XX centuries). The relevance of the chosen topic lies in the need to carry out a comprehensive study of the state of public opinion of the villagers at the turn of the 1920—1930s through the prism of the “generational” section. Based on a wide range of archival documents and periodicals, most of which are introduced into scientific circulation for the first time, the paper focuses on the analysis of the main ways of adapting peasant mentality in the context of agricultural collectivization. Particular attention is paid to the analysis of the sources and forms of manifestation of the protest moods among peasants. The conducted research showed the ambiguous attitude of peasantry towards collectivization. The authors come to the conclusion that in most cases the transition to collective farms caused discontent among villagers, and the collective farm system itself was associated with hunger and ruin. It is shown that a significant part of peasantry of the “revolutionary turning point” generation perceived the state policy in the countryside as a return to the pre-revolutionary order. It is noted that the excesses during dispossession contributed to the intensification of the confrontation between the various property strata of peasantry.

Key words:

peasantry; revolutionary turning point generation; NEP; collectivization; public sentiment.

Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920—1930-х годов

© Слезин А. А., Якимов К. А., 2022

1. Введение = Introduction

Знания об общественных настроениях в периоды глубинных трансформационных преобразований важны для исторической науки хотя бы потому, что, с одной стороны, настроения в значительной степени предопределены характером самих преобразований, а с другой — отражают реакцию общества на планируемые и происходящие изменения, степень их общественной поддержки, практически предопределяют достижимость планируемого результата. Начальный период сплошной коллективизации является одним из переломных этапов в отечественной истории. Поэтому несомненна актуальность темы исследования общественных настроений крестьян, ставших участниками и жертвами происходящих тогда событий. Без изучения общественных настроений крестьян мы не можем сформировать целостное представление о развитии Отечества в эпоху социализма.

Объектом исследования является крестьянское поколение «революционного перелома», его взаимоотношения с государством, другими социальными группами, а главное — система взглядов, сложившаяся в крестьянской среде.

Как известно, актуализация методологии поколенческой истории связана с именем Т. Шанина. Он утверждал, что без поколенческой истории, без изучения фактора поколения многое в истории останется непонятым, а научная картина исторических событий будет не вполне четкой [Шанин, 2005, с. 11]. Понятия «революционный перелом» и «поколение революционного перелома» предложил Ю. А. Левада. Под понятием «революционный перелом» Ю. А. Левада подразумевает исторический период («условно 1905—1930 годы»), в который укладываются революционные события в России, события войн, Серебряный век российской культуры и время его преодоления. Активными участниками и жертвами переломного периода Ю. А. Левада называл родившихся «примерно в 90-х годах XIX века» [Левада, 2006, с. 34]. Обращая внимание на слово «примерно» в определении Ю. А. Левады, мы вслед за А. Ю. Вязинкиным [Вязинкин, 2022, с. 163] считаем правомерным расширение указанных хронологических границ. Мы воспринимаем поколения прежде всего как общности современников, сформировавшиеся в определенных исторических условиях, под влиянием значимых

исторических событий, независимо от их хронологического возраста. При этом обращаем внимание на выделение Ю. А. Левадой таких феноменов, как «ключевые» поколения, «разрывы» и конфликты между поколениями.

По нашему мнению, применительно к фундаментальной теме истории поколений одной из важнейших для отечественной историографии является проблема определения роли одного из «ключевых» поколений — поколения «революционного перелома» в судьбе русской деревни. Исследование феномена крестьянского поколения времени войн, реформ и революции, на долю которого пришлось коренное изменение поведенческой, в том числе и демографической модели развития сельского социума, как ответа на существующие вызовы эпохи модернизации и периода институциональных изменений, в первую очередь состоит в изучении общественных настроений, форм протеста крестьянства и моделей адаптации сельского социума. Статья является одним из этапов реконструкции судьбы одного крестьянского поколения ради изучения поведенческой модели всего сельского социума.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологическую основу данного исследования составляют принципы целостности, историзма и системности исторического познания. Принцип системности исторического познания дает возможность провести многосторонний и глубокий анализ общественных настроений крестьянства. Центром исторического познания признается человек, то есть в основе исследования лежит антропологический подход, что позволяет изучать свидетельства об общественных настроениях крестьян конца первой трети XX века, рассматривая их не только как носителей определенной идеологии, но и как выразителей особого («поколенческого») видения событий, происходящих в стране и мире.

В изучении общественных настроений мы опираемся на достижения современных исследователей в различных отраслях гуманитарных наук. Например, мы учитывали мнение Д. В. Ольшанского, считающего, что общественное настроение напрямую зависит от ожиданий индивидов, социальных групп или масс людей, с одной стороны, и объективной социальной реальности, с другой. Общественные настроения особенно ярко проявляют себя при несоответствии ожиданий и социальной реальности. Данные противоречия остро переживаются и индивидами, и массами, они могут носить как негативный (выражающийся в недоверии к власти, которая не способна соответствовать ожиданиям людей), так и позитивный характер (поддержка власти, оправдывающей ожидания масс) [Ольшанский, 2001, с. 204].

В социологии классическим определением общественного настроения стала формулировка Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко: «Это целостная

форма жизнеощущения, доминантная форма реально функционирующего общественного сознания и поведения, отражающая уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивидом, социальной группой и населением, различными организациями и институтами социальных установок, социальных целей и интересов, формирующихся под воздействием реальных экономических, политических и духовных процессов и в потенции реализуемых (или не реализуемых) в практической деятельности» [Тощенко и др., 1996, с. 32].

Надо отметить значительный вклад современных исследователей России и Беларуси в изучение общественных настроений крестьянства с позиций исторической науки [Дашкин и др., 2019; Кедров, 2013; Кузнецов, 2013; Надеждина и др., 2010; Покровская, 2022, Ходин, 2008 и др.]. Особое внимание обратим на констатацию В. И. Исаевым прямой связи условий формирования атмосферы нетерпимости 1930-х годов с психологией и мировоззрением крестьянской общины, с ее замкнутостью, недоверием и даже враждебностью к инакомыслящим, людям из города и вообще к чужим [Исаев, 2010, с. 170]. Весьма обоснованно многие современные исследователи обращают внимание и на конфликт поколений в это время [Гончарова, 2011; Кульгускина, 2002; Окуда, 2008].

Во многом наше исследование обусловлено введением в научный оборот новых источников, расширяющих представления об общественных настроениях крестьянства поколения «революционного перелома». Основу источниковой базы исследования составили материалы Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области. В первую очередь внимание исследователей было обращено к анализу писем, жалоб и обращений крестьян во власть, характеризующих их отношение к государственной политике на селе и политическим лидерам в целом. В целях изучения причин и содержания критических и антисоветских настроений сельчан рассматривались докладные записки и сводки ОГПУ, в которых давалась подробная информация о случаях проявления оппозиционного отношения общества к советской власти в ходе коллективизации. Не менее важным источником стали материалы периодической печати, освещающие состояние общественного мнения крестьянства на рубеже 1920—1930-х годов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Перегибы» в ходе коллективизации и реакция крестьянства

Охваченные стремлением перевыполнить партийные установки в ходе коллективизации, многие местные руководители игнорировали принципы

добровольности в организации колхозов. Трудно оценить масштабы произвола властных структур по отношению к крестьянству во время коллективизации, однако сохранившиеся в архивных документах факты свидетельствуют о явном отклонении от норм человеческих взаимоотношений. Особенно часто коллективизаторы пускали в ход всякого рода запугивания и угрозы. Так, председатель колхоза Лазаренко, проявивший активность в ходе раскулачивания, говорил: «Захочу — передеру всех единоличников. На то я — власть и председатель колхоза» [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89 а, д. 22, л. 272]. Еще более аморально поведение председателя сельсовета Евтикова, угрожавшего на общем собрании крестьян задушить всех не желающих вступить в колхоз [Коммуна. 1930. 14 марта]. Похожее запугивания применялись и в ходе реализации хлебозаготовочных кампаний. В частности, в Пензенском районе уполномоченный от РИКа на собрании сельсовета заявлял: «Кто не будет сдавать излишки, к тем не будут нынче применяться льготы по сельхозналогу. Для них нормы доходности земли будут увеличены втрое» [Крестьянская газета. 1929. 1 марта].

В надежде на получение помощи «сверху» крестьяне направляли партийному руководству обращения, в которых критиковали произвол местных властей. Так, в письме крестьянина Ильинского, адресованном В. М. Молотову, отмечалось, что во время раскулачивания описывали имущество бедняков и середняков вплоть до старых галош и рваных рукавиц [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89а, д. 16, л. 53]. Крестьянин Шишайский роптал на то, что при изъятии имущества отбирают все: «и чашки, и ложки, и бабьи рубахи, которые продаются за 10 копеек» [Там же, л. 193]. В селе Тамбовка в ходе раскулачивания представители сельских советов по ночам ломали двери, замки и уводили единственных лошадей [Там же, д. 21, л. 48]. Угрозы сжечь дом со стороны председателя колхоза Лазаренко стали причиной написания крестьянкой Алесиной жалобы, направленной В. М. Молотову [Там же, д. 22, л. 272]. Особое возмущение у крестьян вызывали необоснованные, ошибочные обвинения, которые в силу форсированных темпов коллективизации были нередким явлением. Вот характерный отрывок из письма раскулаченной на основе клеветнических показаний крестьянки Федоровой: «Мне это обидно до слез, и я потрясена этим горем. Ведь мы с мужем сочувствующие светлому социализму с 1905 года» [РГАСПИ, ф. Р. 74, оп. 1, д. 345, л. 56]. Схожие настроения были присущи середняку Кузнецову, по ошибке раскулаченному в 1929 году в силу своего уличного прозвища «поп» [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 55, д. 2062, л. 154].

Очевидно, что перегибы в ходе коллективизации весьма болезненно воспринимались подавляющим большинством крестьянства. Особое недовольство вызывала принудительная конфискация скота и продовольствен-

ных товаров. К примеру, уехавший на заработки в город Кочергин заявлял: «У крестьян отбирают последних коров, скоро отбирать будет нечего — последнее доедаем» [ГАСПИТО, ф. П. 735, оп. 1, д. 170 а, л. 34]. Охваченный негодованием землекоп Филатов с возмущением говорил: «У меня в деревне отобрали корову. Грабят нас, а здесь эксплуатируют!» [Там же, л. 2]. Свое критическое отношение к действиям власти на селе мы находим в письме крестьянина Бирштейна: «Народ охвачен террором. Замучили его голодом и грабежом. Из-под носа у него уносят хлеб, сахар, — всю здоровую пищу и снабжают Европу, а здесь подсовывают навоз» [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89а, д. 16, л. 189]. Не менее показательно высказывался житель села Бокино Митянин: «Вот время подошло, мужику скот не дают разводить, забирают всех коров у бедняков и кулаков» [ГАСПИТО, ф. П. 735, оп. 1, д. 170а, л. 2]. Схожие настроения в присутствии товарищей высказывал взятый по линии ОГПУ Бодров: «Жизнь в деревне никуда не годится, разоряют крестьян. Сейчас лишнюю голову скота держать нельзя, так как все равно отберут» [Там же, л. 30].

Репрессии, затронувшие в ходе коллективизации не только «кулаков» и «середняков», но и значительную прослойку бедняцких хозяйств, стали одной из главных причин откровенного неприятия политики большевиков в деревне. Например, крестьянин деревни Сотьма Переяславского района обобщил настроения сельчан следующим образом: «Нам велят идти в колхоз, но в колхоз мы идти не хотим, так как не видим в нем ничего хорошего. Трех уже арестовали, а остальных запугали» [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 55, д. 2062, л. 138]. Выступая на деревенском собрании, Караева высказалась от лица всех, кто не желал вступать в колхоз, следующим образом: «В колхоз мы не пойдем, колхозники ходят босые и голые, мы этого не хотим» [ГАСПИТО, ф. П. 735, оп. 1, д. 170а, л. 13]. Крестьянин-середняк Казадаев в беседе со школьной работницей заявлял: «Не пойду в колхоз до конца пятилетки, а там видно будет. Если будут загонять кнутом, может кое-кто пойдет, но “с битой лошади работу не спрашивай”. Посмотрим еще как в этом году колхозники будут сеять, мы помогать не будем». Малограмотный крестьянин Терехов в беседе среди рабочих говорил: «Советская власть ограбила крестьян, довела до нищенства, отобрала коров, лошадей, загоняет силой в колхоз, а там оставляет без хлеба и за работу не платят» [Там же, д. 170 б, л. 90].

В связи с распространенностью подобных настроений в деревне вполне понятно нежелание многих крестьян вступать в колхозы, которые ассоциировались у большинства сельских обывателей с нищетой и разорением. Неприятие крестьянством колхозного строя служило веским основанием для переезда в города в поисках альтернативных вариантов заработка. По подсчетам Ш. Фицпатрик, каждый третий вступивший в колхоз в 1929—

1932 годах оставлял крестьянский труд и становился наемным рабочим [Фицпатрик, 2008, с. 96].

3.2. «Раскулачивание» как фактор радикализации настроений внутри крестьянского социума

Необходимо заметить, что проводимая большевиками политика «чрезвычайщины» вызывала обострение взаимоотношений внутри крестьянского социума, природа конфликтов которого была во многом обусловлена прежними внутриобщинными противоречиями. Постоянные склоки и разброд становились повседневным явлением деревенского общества. Следуя логике обвинений официальной пропаганды, бедняки нередко считали именно зажиточных крестьян главными виновниками своего тяжелого материального положения, в то время как уравнилельные идеи приобретали среди них все большую популярность. Так, бедняк Курского округа в ходе изъятия у «кулаков» излишков заявил от лица деревенского большинства: «Не хотите добром подчиняться воле общества? Заставим силой!» [Крестьянская газета. 1929. 21 июня]. Похожие настроения были присущи бедняку из деревни Дуброва Тверской губернии: «Необходимо покрепче взяться за кулака, а партии проверить тех, кто его покрывает» [Там же, 14 мая]. В селе Ново-Кубанском бедняк Митников выступал со следующим требованием: «Нажать на них так, чтобы им никогда больше не было повадно гноить хлеб и скармливать его свиньям, когда целые районы терпят в нем нужду» [Там же, 21 июня].

При этом многие представители деревенской бедноты были готовы перейти от умозрительных рассуждений к решительным действиям. Одним из наиболее распространенных явлений был общественный бойкот бедноты по отношению к зажиточным крестьянам, отказывавшимся сдавать излишки [Там же]. Нередко бедняки участвовали в насильственном изъятии продовольствия у собственников зажиточных хозяйств. Таким образом, вокруг так называемых «кулаков» складывалась атмосфера нетерпимости, в то время как многие из них становились изгоями общества.

Однако и зажиточная прослойка крестьянства в ходе «классовой борьбы» в деревне усматривала «врагов» в бедняках, многие из которых в силу накопившихся обид активно содействовали раскулачиванию. Например, в селе Красная Дубровка «кулаки» зарубили топорами бедняка-председателя сельсовета; «кулак» Данюк осуществил поджог хозяйства председателя совета Целуйко; в селе Тирово местное кулачество прорубило топором череп батраку Корнееву, агитировавшему вступать в колхоз [Там же, 1 марта]. Все виновные были впоследствии приговорены к высшей мере наказания [Там же]. В Купянском округе были распространены случаи поджогов зажиточными крестьянами имущества сельских активистов, выполнявших постановление схода об усилении заготовок [Там же, 21 июня]. Трудно не

согласиться с мнением В. Б. Безгина и В. П. Николашина в том, что сложившаяся к началу 1930-х годов социально-экономическая и общественно-политическая ситуация в деревне способствовала эскалации насилия [Безгин и др., 2019, с. 255]. Внутри раздираемого противоречиями крестьянского социума вырабатывалась психология вседозволенности, под влиянием которой разрушались традиционные устои деревенской жизни.

В то же время среди бедняков распространенным явлением было непонимание необходимости столь радикальных мер по борьбе с «кулачеством». Наглядным примером тому могут служить рассуждения крестьянина-бедняка Савостина: «Почему коммунистическая партия зовет бедняков и середняков на борьбу с кулаком? Ведь кулак — самый передовой, хозяйственный крестьянин на селе. Кулак не опасен, кулак полезен. Ведь у кулака есть большие запасы хлеба, в которых так нуждается государство» [Крестьянская газета. 1929. 14 октября]. По всей видимости, отнюдь не все бедняки были готовы к решительной и непримиримой борьбе с «чуждым классовым элементом». Многие из них, как это верно заметила Ш. Фицпатрик, рассматривали раскулачивание в качестве первого этапа общего наступления на село [Фицпатрик, 2008, с. 72].

3.3. Отношение крестьян к государственной политике на селе

В большинстве случаев сопротивление крестьян, недовольных коллективизацией, выразилось в отказе от вступления в колхоз и сокрытии личного имущества. Так, «кулак» Абрамов, проводивший антисоветскую агитацию, укрывал хлеб от колхозников [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89а, д. 22, л. 264]. Середняк Селютин был приговорен к трем годам лишения свободы за то, что он уговаривал крестьян не вступать в колхозы, а беднячке Двоглазовой заявил: «Если ты вступишь в колхоз, то убирайся отсюда куда хочешь» [Там же, д. 15, л. 74]. Председатель сельского общества потребителей говорил: «Мое хозяйство крепкое, я и без коллектива проживу» [Крестьянская газета. 1929. 8 января].

Многочисленные письма и жалобы крестьян содержали сведения о недовольстве государственной политикой на селе, носившей принудительный характер. Вот характерный отрывок одного из них: «Насильно заставляют советская власть идти в колхозы, а если кто не желает — его лишают земли. Разве в начале революции так говорились? Любкой гражданин получишь землю и работай на ней. А теперь хочешь-не хочешь, а иди в коллектив, а сказать что-либо против коллектива не смей. Так покажут где раки зимуют! Разве это мы такой свободы хотели?» [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89а, д. 16, л. 231]. Не менее иллюстративен отрывок из письма батрака Ульянова: «Мы живем в глуши здесь и мало знаем, что творится, но видим, что жить стало очень трудно. Нету ничего — ни товаров, ни продовольствия,

вследствие чего многие колхозники вышли из колхоза, а в нынешнем году не вступают» [Там же, л. 120 об.].

На основании анализа исторических источников можно утверждать, что среди крестьян укреплялось представление о несостоятельности колхозного строя. Как справедливо заметили А. П. Евдокимов и Т. Д. Надькин, переход мировосприятия мелкого собственника к культивируемым советской властью ценностям коллективизма происходил медленно и мучительно [Евдокимов и др., 2014, с. 155—156]. В частности, имевший связь с деревней чернорабочий Сайкин говорил: «В селе Бокино колхоз развалился и теперь развалится. Рано начали их строить, так как крестьяне не привыкли еще коллективно работать» [ГАСПИТО, ф. П. 735, оп. 1, д. 170 а, л. 29]. Ср. отрывок из письма районного землеустроителя Чиркова: «Колхозник в первое время коллективизации сравнительно скоро отвык от индивидуалистического “мое” и стал говорить про колхозное — “наше”, а уже с прошлого года говорит — не “наше”, а “ваше”. По ходу администрирования колхозники ждут, когда вместо колхозов будут совхозы, а они в них наемные рабочие» [Письма во власть..., 2002, с. 195]. Отдаление крестьянства от результатов своего труда приводило к ломке их ментальных установок, основанных на традиционных патриархальных ценностях. Вместо привычной частной собственности появилась общественная, которую большинство крестьян отождествляло с государственной, не считая себя совладельцами колхозной земли и имущества.

По всей видимости, незаинтересованность колхозников в результатах своего труда становилась одной из главных причин их низкой производственной активности. В частности, помощник заведующего Белагинского совхоза Гридаев с револьвером в руках гонялся за женщинами по огородам, чтобы загнать их работать в совхозе [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89а, д. 22, л. 133]. Однако подобные злоупотребления со стороны советских работников только усиливали недоверие крестьянства к власти. Так, рассуждая о тяжелом положении колхозников, крестьянин из Минской губернии отмечал: «Никогда мы не думали, что советская власть будет нас так угнетать. Когда читаем газеты, в которых написано, что очень большой гнет и преследования крестьян в буржуазных республиках, то прямо так и не верим. Ибо хуже не может быть чем у нас, в СССР» [Там же, д. 16, л. 231].

Еще одним объектом крестьянского недовольства были хлебозаготовительные кампании. Как показывают сохранившиеся источники, в большинстве случаев сопротивление хлебозаготовкам было связано с острой нехваткой хлеба на селе и нежеланием крестьян добровольно сдавать хлеб по заниженным ценам [РГАСПИ, ф. М. 1, оп. 23, д. 873, л. 84]. Например, крестьянин Никуленко во время беседы о хлебозаготовках говорил: «Са-

мим есть нечего! Последние семена забирают! Сеять чем будем?» [Крестьянская газета. 1929. 19 апреля]. После того как крестьянину Токарю предложили продать излишки в кооперацию, он возразил: «Никогда не повезу им свой хлеб. Пусть хоть передохнут все без него» [Там же, 21 июня].

Неудивительно, что особое упорство в сопротивлении сдаче излишков хлеба проявили зажиточные крестьяне. Так, на предложение комиссии по проверке хлебных излишков «кулак» Волобуев заявил: «Умру на своих мешках, но хлеб в кооперацию не отдам» [Там же]. Еще более радикально на собрании, созванном уполномоченным по хлебозаготовкам, выражался зажиточный крестьянин Клименко: «Ни одного кило хлеба не дам советской власти, лучше свиньям скормлю. Вот если бы гетман вернулся — тысячи не пожалел. А сейчас пусть пухнут с голоду все, кто ждет хлеба от советской власти» [Там же, 19 апреля]. В некоторых случаях сопротивление хлебозаготовкам зажиточной части крестьянства принимало более агрессивные формы протеста. Так, в селе Петраки крестьяне, названные в советской печати «кулаками», сожгли секретаря сельсовета Ступака, активно работавшего по хлебозаготовкам [Там же, 8 октября].

Вместе с тем некоторые бедняки также выступали против плана хлебозаготовок, опасаясь недовольства со стороны зажиточных крестьян, к которым они нередко в случае необходимости обращались за продовольствием. К примеру, колхозник Усачев, выступая на собрании артели, говорил: «Может быть, мне придется идти за хлебом к кулаку. Если я буду голосовать за план — кулак мне откажет. Куда я тогда пойду?» [Там же, 12 ноября]. В селе Большая Араковка женщины-крестьянки выступили с криками: «Не дадим кулаков в обиду! Не трогайте их хозяйства! Прекратить хлебозаготовки! Проучить хлебозаготовителей!» [Там же, 8 октября]. При этом местные власти очень чутко реагировали на подобные настроения, однако к уголовной ответственности за произвол, как правило, привлекали только «классовых» врагов, которых считали главными агитаторами и подстрекателями антисоветских веяний.

Ужесточение налогового законодательства не только стимулировало крестьян вступать в колхозы, но и служило одной из причин роста критических настроений сельчан. Тяжести налогового бремени крестьянства в 1929 году весьма иллюстративно охарактеризовал крестьянин Петров: «Наше крестьянство на одиннадцатом году Революции подходит к самому тупику, то есть к нищенству, и в этом всецело виновата партия со своими декретами. В настоящее время крестьяне придавлены налогами, которые и не дают развития крестьянства... Крестьянство — это “Медведь”. Пока ему было возможно, он лежал в своей берлоге. Но его выжили, и теперь он издает свои рычания ненависти и выжидает удобной минуты, чтобы опять

бороться за свое существование, за что уже боролся, но проиграл» [Письма во власть..., 2002, с. 60]. Заканчивает свои рассуждения Петров мыслью о том, что к социализму не удастся прийти без новой революции [Там же].

Учитывая характер общественных настроений крестьянства, можно утверждать, что в сознании наиболее радикально настроенной его части складывалось представление о неизбежности новой гражданской войны и революционной смене власти. В частности, крестьянин Бондарского района Кудрявцев говорил: «Скоро придет такое время, как было в период бандитизма, тогда мы всем вам отрубим головы и будем издеваться так, как над нами издевается советская власть» [ГАСПИТО, ф. П. 735, д. 170а, л. 13]. В письме на имя А. И. Рыкова содержатся свидетельства не менее характерных настроений крестьянства: «Масса готова идти на новые баррикады против произвола. Ждем лишь вождя. И если не Вы, то найдется другой вождь, который с большим мужеством, опираясь на народ, напомним мерзавцам сталинским об их издевательствах и пресечет последних» [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89а, д. 15, л. 117].

Распространенным явлением среди сельчан было отношение к коллективизации как к «расплате» бывших помещиков за революционные потрясения тех, кто лишил их собственности. Ср. отрывок из коллективного письма крестьян Льговского округа: «Мы раньше этого не переносили, как в 1930 году в свободной стране всего мира... Это делают те помещики-капиталисты, они мстят за свои имения... И по всему видно, что крестьянин грабил помещика, вел скот, а теперь с крестьян начали драть» [Письма во власть..., 2002, с. 143]. При этом нередко основным виновником тягот колхозной жизни крестьяне считали лично Сталина: «Крестьянство все шлет проклятие Сталину» [Там же, с. 144]. Проводившиеся крестьянами сравнения жизни при Ленине с жизнью при Сталине, как правило, были не в пользу последнего. Рассмотрим характерный отрывок из письма крестьянина Щитова: «Многие крестьяне каждую трудную минуту вспоминают о В. И. Ленине. Если бы он был жив, тогда бы не было такого беспорядка» [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 55, д. 2062, л. 139].

В некоторых случаях недовольство властью в сельской местности носило ярко выраженный национальный колорит, чему во многом способствовал антисемитизм сельских обывателей. К примеру, в единоличной беседе крестьянин Ерохин заявлял: «Гады ВКП(б), особенно Сталин, Орджоникидзе, Кржижановский, Молотов. Сейчас власть принадлежит грузинам, армянам, которые довели страну до гибели. В деревне выгребают до тла хлеб у колхозников, а про единоличников и говорить нечего — у тех все отобрали. Хуже, чем при барщине, тогда хоть хлеба и мяса было в волю, а сейчас этого нет — вот и свобода» [ГАСПИТО, ф. П. 735, оп. 1, д. 170 б, л. 100]. Не менее показателен отрывок из письма крестьянина, адресованного на имя А. И. Рыкова: «К чему и куда ведет страну проклятый Сталин?

Долго ли русское крестьянство будет страдать под игом кавказской рванины и палестинского жидовья?» [ГАРФ, ф. Р — 5446, Оп. 89 а, д. 15, л. 117].

Многие крестьяне, сравнивая свою жизнь в период коллективизации с дореволюционными порядками, нередко отдавали предпочтение последним. Вот характерный пример настроений крестьянина Новикова: «До революции жили гораздо лучше. Крестьянин имел возможность свободно продавать продукты, а рабочий покупать то, что ему нужно. Теперь же, при советской власти, благодаря проведению коллективизации, мы этого делать лишены возможности» [ГАСПИТО, ф. П. — 735, оп. 1, д. 170а, л. 98]. Крестьянин-бедняк Кувшинов на собрании колхозников заявил о своем выходе, аргументировав его следующим образом: «Такая коллективизация хуже барского гнета» [Крестьянская газета. 1929. 14 октября]. Среди зажиточных крестьян распространенным явлением были слухи о возврате к мерам военного коммунизма [РГАСПИ, ф. М. 1, оп. 23, д. 773, л. 86].

Были и те, кто воспринимал политику советской власти на рубеже 1920—1930-х годов в деревне как возврат к дореволюционным порядкам, нередко отождествляя большевиков и помещиков. Например, Вавилов, отказываясь вступать в колхоз, заявлял: «Коллективизация крестьян приведет вновь к крепостному праву — тяжелому принудительному труду» [ГАСПИТО, ф. П. 735, оп. 1, д. 170 а, л. 67]. Не менее характерен отрывок из письма крестьянина-бедняка: «Мы очень рады, что от барщины избавились, а вдруг советская власть нам ее возвращает обратно. Разве это по справедливости?» [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89а, д. 16, л. 231]. Рассуждая о ходе коллективизации в деревне, чернорабочий Барсуков отметил: «При советской власти барщины не должно быть, а ее хотят сделать, загоняя мужика в колхозы. Работай там на чужого дядю» [ГАСПИТО, ф. П. 735, оп. 1, д. 170а, л. 77]. Схожи рассуждения крестьянина Лепешкина: «К власти пролезли бывшие помещики и управляют страной, приводя ее постепенно к разрухе. У мужика отобрали орудия производства, скот, а теперь загоняют силой в колхоз, чтобы восстановить старые помещичьи имения и возвратиться вновь к крепостному праву» [Там же, л. 96]. Как видим, русское крестьянство, принимавшее активное участие в борьбе за свое освобождение в годы революций и Гражданской войны, относилось к вступлению в колхоз как к новому крепостному состоянию. Очевидно, подобное отношение во многом обусловило апатию и безынициативность колхозников, что, несомненно, отражалось и на результативности их хозяйственной деятельности.

Были те, кто считал ошибкой переход от новой экономической политики к «чрезвычайным» мерам в деревне. Причинами подобных рассуждений среди крестьян были опасения остаться без урожая и столкнуться с проблемой голода. Так, уроженец Тамбовской губернии Михаил Степанович заяв-

лял: «Если бы не кричали о проведении разных кампаний и не обирали мужиков, опять жилось бы хорошо. Ведь в 1926 году жить было гораздо лучше, чем сейчас. Если бы политику 1926 года проводили бы в данное время, то поднялось бы благосостояние сельского хозяйства. Нет ничего удивительного в том, что при такой политике мы останемся без хлеба» [Там же, л. 62].

В действительности материальное положение большинства крестьян к началу 1930-х годов оказалось крайне тяжелым. В конечном счете, их боязнь столкнуться с голодом оказалась реальностью. Обратим внимание на весьма симптоматичный отрывок из письма колхозника Николаева: «У нас в день умирает по 20—3 человек. Я очевидец как собаки съели колхозницу-беднячку Телясникову в селе Гирсовка. Кони голодают с колхозниками вместе, конюх умирает в конюшне с лошадьми. Местные власти запуганы арестами и боятся донести до правительства» [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89а, д. 21, л. 222—223]. В селе Маслово в 1932 году колхозники с голоду съели 10 мертвых лошадей [Письма во власть..., 2002, с. 180]. Вместе с тем наглядны и отдельные человеческие судьбы. Так, в письме колхозницы Аlesiной, направленном В. М. Молотову, отмечалось, что ее муж и шестеро детей умерли от голода весной 1933 года во время посевных работ в колхозе [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89а, д. 22, л. 272].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, характер и содержание общественных настроений крестьянства поколения «революционного перелома» на рубеже 1920—1930-х годов свидетельствуют о критическом отношении сельчан к коллективизации. Причинами недовольства государственной политикой на селе были как многочисленные перегибы в ходе раскулачивания, так и острая проблема дефицита хлеба в деревне. Будучи свидетелями произвола местных властей, многие крестьяне разочаровывались в идеалах революции, символами которой для них был свободный труд и отсутствие эксплуатации. В большинстве случаев в сознании сельских обывателей колхозный строй отождествлялся с крепостным состоянием и новой эксплуатацией. На фоне этого распространенным явлением становятся слухи о возвращении к дореволюционным порядкам, в которых нередко отождествляли большевиков и помещиков. Исследование показало, что основным виновником тяжелого материального положения крестьяне считали лично Сталина, однако были и те, кто надеялся на получение помощи «сверху» в борьбе с произволом местных властей.

Вместе с тем активное привлечение бедняков к политике раскулачивания обостряло взаимоотношения внутри крестьянского социума, что нередко приводило к открытым формам конфронтации на селе. В некотором смысле участие в насильственном лишении зажиточных крестьян имуще-

ства стало возможностью выплеснуть накопившиеся обиды. Тем не менее даже среди собственников бедняцких хозяйств были те, кто был возмущен репрессивными мерами в отношении «кулачества».

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив* Российской Федерации. Ф. Р. 5446. Оп. 55. Д. 2062. Л. 138, 139, 154, Ф. Р. 5446. Оп. 89а. Д. 15. Л. 74, 117. Ф. Р. 5446. Оп. 89а. Д. 16. Л. 53, 120 об., 193, 189, 231. Ф. Р. 5446. Оп. 89 а. Д. 21. Л. 48. Ф. Р. 5446. Оп. 89а. Д. 22. Л. 264, 272.
2. ГАСПИТО — *Государственный архив* социально-политической истории Тамбовской области. Ф. П. 735. Оп. 1. Д. 170а. Л. 2, 13, 29, 30, 34, 62, 67, 77, 96. Ф. П. 735. Оп. 1. Д. 170б. Л. 90, 100.
3. *Коммуна*. — 1930. Март.
4. *Крестьянская газета*. — 1929. Январь-ноябрь.
5. *Письма во власть*. 1928—1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов, О. В. Хлевнюк. — Москва : РОССПЭН, 2002. — 525 с. — ISBN 5-8243-0283-9.
6. РГАСПИ — *Российский государственный архив* социально-политической истории. Ф. Р. 74. Оп. 1. Д. 345. Л. 56. Ф. М. 1. Оп. 23. Д. 873. Л. 84. Ф. М. 1. Оп. 23. Д. 773. Л. 86.

Литература

1. *Безгин В. Б.* Политика коллективизации и крестьянское сопротивление (по материалам Козловского округа Центрально-Черноземной области) / В. Б. Безгин, В. П. Николашин // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 243—259. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-243-259.
2. *Вязинкин А. Ю.* Поколение “революционного перелома” в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии / А. Ю. Вязинкин // Вопросы истории. — 2022. — № 7—2. — С. 153—165. — DOI: 10.31166/VoprosyIstori202207Statyi46.
3. *Гончарова И. В.* Конфликт «отцов и детей»: новое прочтение (участие молодежи Центрального Черноземья в политических кампаниях 1928—1930 гг. в деревне / И. В. Гончарова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2011. — № 2. — С. 3—7.
4. *Дашкин Р. А.* Слухи как отражение общественно-политической ситуации в сельских уездах Нижегородской губернии в период нэпа / Р. А. Дашкин, В. А. Сомов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2019. — № 1. — С. 22—27.
5. *Евдокимов А. П.* Социальное поведение крестьянства Мордовии в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг.: от конфронтации к адаптации / А. П. Евдокимов, Т. Д. Надькин // Гуманитарные науки и образование. — 2014. — № 4. — С. 153—156.
6. *Исаев В. И.* «Выявить и уничтожить»: сибирские комсомольцы в поисках «врагов народа» / В. И. Исаев // ЭКО. — 2010. — № 3. — С. 158—171.
7. *Кедров Н. Г.* Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы / Н. Г. Кедров. — Москва : Политическая энциклопедия, 2013. — 280 с. — ISBN 978-5-8243-1815-9.
8. *Кульгускина Л. В.* Социально-психологический облик поколений “отцов” и “детей 1930-х гг.” / Л. В. Кульгускина // Известия Алтайского государственного университета. — 2002. — № 4. — С. 34—40.
9. *Кузнецов И. А.* Политическая культура крестьянства и политический режим в СССР в 1920—1930-е гг. / И. А. Кузнецов // Государственная власть и крестьянство

в XIX — начале XXI века. — Коломна : Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2013. — С. 482—484.

10. *Левада Ю. А.* Ищем человека : Социологические очерки, 2000—2005 / Ю. А. Левада. — Москва : Новое издательство, 2006. — 384 с. — ISBN 5-98379-070-6.

11. *Надеждина В. А.* Эволюция общественно-политических настроений рабочих и крестьянства Оренбургской губернии в годы НЭПа (1921—1929 гг.) / В. А. Надеждина, П. М. Кайбышева. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. — 147 с. — ISBN 978-5-7477-2752-6.

12. *Окуда Х.* «От сохи к портфелю» : деревенские коммунисты и комсомолцы в процессе раскрестьянивания / Х. Окуда // История сталинизма : итоги и проблемы изучения. — 2008. — С. 495—527.

13. *Ольшанский Д. В.* Основы политической психологии / Д. В. Ольшанский. — Екатеринбург : Деловая книга, 2001. — 496 с. — ISBN 5-88687-098-9.

14. *Покровская Т. Ю.* Религиозная память крестьянства в 30-х годах XX века в селах Черноземья России / Т. Ю. Покровская // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. — 2022. — Т. 8. — № 1. — С. 108—117. — DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-10.

15. *Тощенко Ж.* Социальное настроение / Ж. Тощенко, С. Харченко. — Москва : Academia, 1996. — 195 с. — ISBN 5-87444-043-7.

16. *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы : деревня / Ш. Фицпатрик ; [пер. с англ. Л. Ю. Пангина]. — 2-е изд. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. — 422 с. — ISBN 978-5-8243-1012-2.

17. *Ходин С. Н.* Социальные идеалы и изменения в социальной психологии крестьянства Беларуси в 1920-е гг. / С. Н. Ходин // Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. — 2008. — № 1. — С. 13—17.

18. *Шанин Т.* История поколений и поколенческая история / Т. Шанин // Человек. Сообщество. Управление. — 2005. — № 3. — С. 6—25.

Material resources

Commune. (1930). March. (In Russ.).

Letter to vlast. 1928—1939. Applications, complaints, denunciations, letters to state structures and Soviet wars. (2002). Moscow: ROSSPEN. 525 P. ISBN 5-8243-0283-9. (In Russ.).

Peasant newspaper. (1929). January-November. (In Russ.).

Russian Archival Socio-political History. F. R. 74. Op. 1. D. 345. L. 56. F. M. 1. Op. 23. D. 873. L. 84. F. M. 1. Op. 23. D. 773. L. 86. (In Russ.).

State Archive of the Russian Federation. F. R. 5446. Op. 55. D. 2062. l. 138, 139, 154, F. R. 5446. Op. 89a. D. 15. L. 74, 117. F. R. 5446. Op. 89a. D. 16. L. 53, 120 vol., 193, 189, 231. F. R. 5446. Op. 89 A.D. 21. L. 48. F. R. 5446. Op. 89a. D. 22. L. 264, 272. (In Russ.).

State Archive of Socio-political History of the Tambov region. F. P. 735. Op. 1. D. 170a. l. 2, 13, 29, 30, 34, 62, 67, 77, 96. F. P. 735. Op. 1. D. 170r. L. 90, 100. (In Russ.).

References

Bezgin, V. B., Nikolashin, V. P. (2019). Policy of Collectivization and Peasant Resistance (Based on Materials of Kozlovsky District of Central Chernozem Region). *Nauchnyi dialog*, 6: 243—259. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-243-259 (In Russ.).

Dashkin, R. A., Somov, V. A. (2019). Rumors as a reflection of the socio-political situation in rural counties of the Nizhny Novgorod province during the NEP period. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 1: 22—27. (In Russ.).

- Evdokimov, A. P. (2014). Social behavior of the peasantry of Mordovia in the late 1920s — the first half of the 1930s: from confrontation to adaptation. *Humanities and Education*, 4: 153—156. (In Russ.).
- Fitzpatrick, Sh. (2008). *Stalin's peasants. Social History of Soviet Russia in the 30s: village. 2nd ed.* Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin. 422 p. ISBN 978-5-8243-1012-2. (In Russ.).
- Goncharova, I. V. (2011). The conflict of “fathers and children”: a new reading (participation of the youth of the Central Chernozem region in the political campaigns of 1928—1930 in the village. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 2: 3—7. (In Russ.).
- Isaev, V. I. (2010). “To identify and destroy”: Siberian Komsomol members in search of “enemies of the people”. *ECO*, 3: 158—171. (In Russ.).
- Kedrov, N. G. (2013). *Lapiti Stalinism. Political consciousness of the peasantry of the Russian North in the 1930s.* Moscow: Political Encyclopedia. 280 p. ISBN 978-5-8243-1815-9. (In Russ.).
- Khodin, S. N. (2008). Social ideals and changes in the social psychology of the peasantry of Belarus in the 1920s. *Bulletin of the BDU. Gray 3, History. Filosofiya. Psichology. Palitalogia. Satsyalogiya. Ekanomika. Rights*, 1: 13—17. (In Russ.).
- Kulguskina, L. V. (2002). Socio-psychological appearance of the generations of “fathers” and “children of the 1930s”. *Proceedings of the Altai State University*, 4: 34—40. (In Russ.).
- Kuznetsov, I. A. (2013). The political culture of the peasantry and the political regime in the USSR in the 1920s—1930s. In: *State power and the peasantry in the XIX — early XXI century.* Kolomna: Moscow State Regional Socio-Humanitarian Institute. 482—484. (In Russ.).
- Levada, Yu. A. (2006). *Looking for a man: Sociological essays, 2000—2005.* Moscow: New Publishing House. 384 p. ISBN 5-98379-070-6. (In Russ.).
- Nadezhdina, V. A., Kaibysheva, P. M. (2010). *Evolution of socio-political sentiments of workers and peasantry of the Orenburg province during the years of the NEP (1921—1929).* Ufa: RIC Bashgu. 147 p. ISBN 978-5-7477-2752-6. (In Russ.).
- Okuda, H. (2008). “From the plough to the portfolio”: village Communists and Komsomol members in the process of disbanding. *The history of Stalinism: results and problems of study*. 495—527. (In Russ.).
- Olshansky, D. V. (2001). *Fundamentals of political psychology.* Yekaterinburg: Business Book. 496 p. ISBN 5-88687-098-9. (In Russ.).
- Pokrovskaya, T. Y. (2022). Religious memory of the peasantry in the 30s of the twentieth century in the villages of the Chernozem region of Russia. *Scientific result. Social and humanitarian studies*, 8 (1): 108—117. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-10. (In Russ.).
- Shanin, T. (2005). The history of generations and generational history. *Man. Community. Management*, 3: 6—25. (In Russ.).
- Toshchenko, J., Kharchenko, S. (1996). *Social mood.* Moscow: Academia. 195 p. ISBN 5-87444-043-7. (In Russ.).
- Vyazinkin, A. Yu. (2022). Generation of “revolutionary turning point” in the fate of the Russian village of the first third of the XX century: problems of historiography. *Questions of History*, 7—2: 153—165. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 09.07.2022,
одобрена после рецензирования 02.10.2022,
подготовлена к публикации 25.10.2022.

Сулейманов А. А. Последствия наводнений и деградации многолетней мерзлоты для системы жизнеобеспечения населения бассейна реки Алазея (на материалах второй половины XX—XXI веков) / А. А. Сулейманов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 470—487. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-470-487.

Suleymanov, A. A. (2022). Consequences of Floods and Permafrost Degradation for Life Support System of Population of Alazeya River Basin (Second Half of 20th—21st Centuries). *Nauchnyi dialog*, 11(8): 470-487. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-470-487. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-470-487

Последствия наводнений и деградации многолетней мерзлоты для системы жизнеобеспечения населения бассейна реки Алазея (на материалах второй половины XX—XXI веков)

Сулейманов Александр Альбертович

orcid.org/0000-0001-8746-258X

кандидат исторических наук

alexas1306@gmail.com

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения

Российской академии наук

(Якутск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта

Российского научного фонда

№ 19-78-10088, <https://rscf.ru/>

project/19-78-10088/ и при поддержке со стороны

РФФИ, проект № 20-55-71005

«Гидрология, криолитозона и устойчивость в восточном секторе российской Арктики и Субарктики».

Consequences of Floods and Permafrost Degradation for Life Support System of Population of Alazeya River Basin (Second Half of 20th—21st Centuries)

Alexander A. Suleymanov

orcid.org/0000-0001-8746-258X

PhD in History

alexas1306@gmail.com

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences

(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:

The study was funded by the RSF grant, project No. 19-78-10088,

and with financial support from the Russian Foundation for Basic Research,

project No. 20-55-71005

«Hydrology, permafrost and sustainability in the eastern sector of the Russian Arctic and Subarctic»

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На основе анализа архивных данных, опубликованной научной литературы и авторских полевых материалов анализируются последствия деградации «вечной мерзлоты» для системы жизнеобеспечения, сложившейся в селе Аргахта Среднеколымского улуса Республики Саха (Якутия). Для повышения репрезентативности общей картины произошедшие трансформации рассматриваются на примере двух кейсов: стихийных бедствий периода относительно стабильного состояния окружающей среды, с одной стороны, и серьезных климатических изменений происходивших уже в последние десятилетия. Рассматриваются причины, ход и последствия наводнения 1977—1978 годов. Отмечено, что оно нанесло значительный урон сельскому хозяйству, однако непосредственно территория села практически не подверглась негативному воздействию. Более серьезные последствия для системы жизнеобеспечения Аргахта имели наводнения, произошедшие в 1997, 2007—2008 и 2017—2018 годах, значительную роль в генезисе которых сыграла деградация многолетнемерзлых пород, интенсифицировавшаяся вследствие повышения среднегодовой температуры воздуха и антропогенного воздействия. В результате половодий были не только затоплены сельхозугодия, но и возникло новое русло реки Алазея, была лишена стабильной сухопутной связи с селом местная звероферма, нанесен урон жилищному фонду Аргахта, хозяйственным постройкам и объектам инфраструктуры. Установлено, что это привело к радикальному сокращению масштабов занятия местным населением традиционными отраслями хозяйственной деятельности, ликвидации звероводства, ухудшению транспортной доступности села, издержкам населения на восстановление домохозяйств.

Ключевые слова:

Арктика; Якутия; антропология холода; вечная мерзлота; дефицит холода; сельские сообщества.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Based on the analysis of archival data, published scientific literature and author's field materials, the consequences of the degradation of "permafrost" for the life support system that has developed in the village of Argakhtakh, Srednekolymsky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia) are analyzed. To increase the representativeness of the overall picture, the transformations that have taken place are considered on the example of two cases: natural disasters during the period of a relatively stable state of the environment, on the one hand, and serious climate changes that have already occurred in recent decades. The causes, course and consequences of the 1977—1978 flood are considered. It was noted that it caused significant damage to agriculture, but the village itself was practically not affected. The floods that occurred in 1997, 2007—2008 and 2017—2018 had more serious consequences for the life support system of Argakhtakh. A significant role in their genesis played the degradation of permafrost, intensified due to an increase in the average annual air temperature and anthropogenic impact. As a result of floods, not only farmlands were flooded, but a new channel of the Alazeya River arose, a local fur farm was deprived of a stable land connection with the village, damage was caused to Argakhtakh's housing stock, outbuildings and infrastructure facilities. It has been established that this has led to a radical reduction in the scale of the local population's employment in traditional sectors of economic activity, the elimination of fur farming, the deterioration of the transport accessibility of the village, and the costs of the population for the restoration of households.

Key words:

Arctic; Yakutia; anthropology of cold; permafrost; cold deficiency; rural communities.

Последствия наводнений и деградации многолетней мерзлоты для системы жизнеобеспечения населения бассейна реки Алазея (на материалах второй половины XX—XXI веков)

© Сулейманов А. А., 2022

1. Введение = Introduction

На протяжении всей истории человечества наличие реки или иного масштабного водоема являлось важнейшим условием обеспечения нормальной жизнедеятельности. В крупнейшем по площади субъекте Российской Федерации Республике Саха (Якутия) насчитывается около 800 тысяч озер, а также порядка полумиллиона рек и речек, общая длина которых превышает полтора миллиона километров. В Якутии река является не только кормилицей, но и фактически транспортным каркасом, связывая всех живущих вдоль нее. Если в жаркие летние месяцы по рекам могут перемещаться корабли, лодки или другие плавсредства, то продолжительная зима превращает русла в автодороги — зимники, позволяющие осуществлять не только пассажирские, но и грузовые перевозки. В республике есть целые районы, куда автомобильный транспорт может добраться только по зимникам [Транспортная схема...]. При этом, конечно же, реки являются источником не только дополнительных возможностей, но и значительных рисков, связанных прежде всего с разрушительными наводнениями.

Одной из причин таких наводнений стала деградация многолетнемерзлых грунтов, в зоне сплошного распространения которых находится практически вся территория Якутии. Именно здесь мерзлота достигает своей максимальной мощности — 1,5 км. При этом 31 % от общей площади региона занимают сильнольдистые породы, наиболее уязвимые перед последствиями глобальных климатических изменений последних десятилетий и рельефно отражающие тот факт, что мерзлота, к сожалению, далеко не вечная [Permafrost-landscape map ..., 2018].

В последние десятилетия проблема с повышением уровня воды одной из северных рек Якутии — Алазеи и подтоплением расположенных по ее берегам населенных пунктов (Сватай, Аргахта и Андрюшкино) стала настолько острой, что в 2007—2008 годах специальными распоряжениями Правительства Республики Саха (Якутия) первоначально была создана научная группа, а затем организована экспедиция для выяснения причин возникновения данных паводковых явлений. По результатам проведенных

изысканий в 2018 году участники этих исследований опубликовали монографию, в которой отметили, что в основе генезиса наводнений лежит деградация многолетней мерзлоты [Криозэкосистемы ..., 2018]. В работе был также рассмотрен ряд последствий «большой воды» для экосистемы бассейна Алазеи. Однако социальных среди них не было.

Социальные последствия наводнений 1997 и 2007/08 годов были вкратце затронуты Д. Фудживара в одной из глав коллективной монографии «Global Warming and Human — Nature Dimension in Northern Eurasia», посвященной миграции населения Якутии вследствие наводнений [Global Warming ..., 2018, p. 125—143]. Кроме того, О. Т. Парфенова и Д. Д. Ноговицын в своей статье изучили возможности расчета экономического ущерба от половодий на Алазее [Парфенова и др., 2018].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Существующая к настоящему времени научная литература, таким образом, не дает ответов на ряд важных вопросов. Во-первых, остается неясным, случались ли подобные наводнения раньше и к каким последствиям они приводили, были ли какие-либо отличия от паводков современности? Во-вторых, не изучено конкретное влияние деградации многолетней мерзлоты и наводнений последних десятилетий на Алазее на сформировавшуюся здесь в течение десятилетий систему жизнеобеспечения. В данной статье автор попытается восполнить существующую историографическую лакуну. Целью представленного исследования является анализ на примере с. Аргахтах истории наводнений, происходивших в течение XX—XXI веков в бассейне р. Алазеи, и их влияния на систему жизнеобеспечения, а также выявление отличий последствий паводков периода активных климатических трансформаций от времени, когда состояние многолетней мерзлоты было, как считается, относительно стабильным.

Методологически данная работа опирается на принципы разрабатываемого автором и его коллегами историко-антропологического направления изысканий — антропологии холода. Антропология холода фокусирует свое внимание на роли «холодных» материй в жизни населения северных территорий нашей планеты [Сулейманов, 2021].

Источниковой основой разработки темы послужили, прежде всего, результаты полевых исследований, проводившихся в Среднеколымском улусе в марте — апреле 2021 года. В ходе этих работ автором и его коллегами, к.г.н. В. М. Лыткиным и С. И. Федоровым, был осуществлен опрос 39 респондентов, произведены выявление и фиксация вещественных источников, свидетельствующих о последствиях деградации «вечной мерзлоты» и наводнений с использованием фото- и видеоаппаратуры, выполнены разо-

вые измерения температурного режима многолетнемерзлых пород в горных выработках (две скважины) глубиной 9 м. Важные материалы были получены в ходе ознакомления с экспозицией музея села Аргахтах и изучения фондов Муниципального архива муниципального района «Среднеколымский улус». Эта работа была проведена в рамках поддержанного Российским научным фондом проекта № 19-78-10088 «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)». Пользуясь случаем, автор выражает глубокую признательность администрации Алазейского наслега и жителям с. Аргахтах за помощь в организации и проведении наших исследований.

Изучение истории наводнений в Якутии, аккумулирование в этой связи комплекса источниковых материалов осуществлялись при поддержке и за счет финансирования Российского фонда фундаментальных исследований, выделенного в рамках проекта № 20-55-71005 «Гидрология, криолитозона и устойчивость в восточном секторе российской Арктики и Субарктики».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Из истории разрушительных наводнений в Якутии

История расположенных по берегам рек Якутии населенных пунктов фактически неразрывно связана с катастрофическими весенними паводковыми явлениями, которые нередко сопровождают прохождение ледохода. Несмотря на достаточно ограниченный круг источникового материала, сохранившегося по истории Якутии до середины XIX века, например, известно, что основанный в 1632 году на правом берегу Лены Якутский (Ленский) острог уже через два года едва не снесло весенним половодьем. В связи с этим его пришлось переносить на новое, более безопасное место на левом берегу, где сейчас расположен административный центр Якутии — город Якутск. Естественно, происходили разрушительные наводнения на крупнейшей реке региона и в другие исторические периоды. В частности, известно о масштабных половодьях на Лене в 1800, 1853, 1870, 1903, 1904, 1915, 1937, 1949, 1964, 1992, 1998, 1999 и 2001 годах. От последнего, когда уровень воды в верховьях Лены на 6,5 метров превысил критическую отметку, пострадало около 60 населенных пунктов, самым известным из которых является город Ленск [МАМР ОР, ф. 1, оп. 1, д. 6—10; Филиппова, 2011, с. 208; В ожидании ледохода ..., 2016, с. 30—32]. Половодье фактически смыло его с лица земли, затопив 98 % территории и, по официальным данным, унеся жизни 8 человек [Воробьев и др., 2003, с. 12—42].

Причинами наводнения 2001 года, как и, вероятно, предшествующих стала совокупность ряда неблагоприятных обстоятельств. Холодная

зима 2000/01 годов в Якутии, особенно в ее юго-западных районах, привела к образованию рекордно толстого слоя льда, превышающего среднее многолетнее значение на 10—30 см. При этом ледостав на Средней Лене осенью 2000 года проходил при высоких, ранее не наблюдавшихся уровнях воды. Усугубили ситуацию резкое повышение в мае 2001 года температуры воздуха и ливневые дожди [В ожидании ледохода ..., 2016, с. 32].

Регулярные разрушительные паводки характерны также для других крупных рек Якутии: Колымы, Яны, Индигирки. В частности, периодически страдает от весенних паводков один их районных центров Якутии — город Среднеколымск. Только за последние 10 лет этот населенный пункт подвергался наводнениям 5 раз: в 2012 году под воду ушла почти половина дворовой территории, в 2013 году были подтоплены 70 домов, в 2018, 2020 и 2021 годах — взлетно-посадочная полоса местного аэропорта. Конечно же, «большая вода» приходила в Среднеколымск и раньше. Известно, например, о наводнениях 1883, 1912, 1929, 1942, 1945, 1974, 1975, 1982, 1983, 1985, 1986 годов [Колесов, 1993]. В 2022 году река Яна затопила все улицы и придворовые территории в городе Верхоянске, а также несколько сел Верхоянского района Якутии.

Основными факторами, приводившими к названным наводнениям, как правило, являлись избыточное количество осадков, формирование мощного ледового покрова в случае аномально холодных зим, наложение паводковых волн при высоких температурах воздуха в период ледохода. Однако в настоящее время ученые, как отмечалось, выделяют и другой фактор, влияющий на частоту и интенсивность наводнений — процессы деградации многолетней мерзлоты.

Последние десятилетия в мире и особенно в полярных и приполярных районах нашей планеты характеризуются ритмичным повышением среднегодовых температур воздуха [Мохов, 2020]. Не стала исключением из этого тренда и Якутия. По данным, например, Среднеколымской метеостанции, если в течение 1966—1995 годов среднегодовая температура воздуха повысилась на $1,4^{\circ}\text{C}$, то за следующие 15 лет — еще на $1,1^{\circ}\text{C}$. При этом увеличение среднегодовой температуры воздуха вызвано в основном потеплением зимних сезонов — именно на них приходится наибольшее отклонение от температурных норм [Скачков, 2016]. Возникший «дефицит холода» — его сравнительная нехватка по отношению к предыдущим периодам — имел самые негативные последствия для сохранности многолетнемерзлых грунтов в Якутии и привел к активизации термокарстовых процессов (вытаивание подземного льда) [Influence of Permafrost Landscapes Degradation ..., 2021; Application ..., 2021].

В результате происходит увеличение мощности сезонно-талого слоя, то есть той части «вечной мерзлоты», которая в течение теплого времени

Рис. 1. Наводнение в городе Олекминске на реке Лене, 1937.
Фото из фондов Музея истории земледелия им И. Я. Строда

Рис. 2. Паводок в г. Среднеколымске, вторая половина 30-х годов XX века.
Фото любезно предоставлено краеведом М. И. Никитиным

года подвергается оттаиванию. Выделяемые в результате дополнительные объемы воды сказываются на процессах тепло- и массообмена, что в свою очередь способствует заболачиванию ледового комплекса и увеличению площади водной поверхности озер. Вода из последних затем поступает в северные реки [Готовцев, 2019, с. 31—32]. По подсчетам ученых, с каждого квадратного километра территории высвобождается 30 тыс. тонн воды [Десяткин и др., 2016].

Подобные климатические трансформации привели к тому, что в бассейне Алазеи произошло увеличение объемов надмерзлотных грунтовых вод. Последние в свою очередь поступают в водоемы и после переполнения их чаши оказываются в русле Алазеи [Криозкосистемы ..., 2018, с. 7]. На Алазее при этом, как отмечалось, расположены три населенных пункта, одним из которых является село Аргахта.

3.2. Основание села Аргахта и первые наводнения

Село Аргахта расположено в среднем течении реки Алазеи и административно относится к Алазейскому наслегу Среднеколымского улуса Республики Саха (Якутия). Село было основано, по одним данным, в 1944 году, по другим — два года спустя в рамках советской политики поселкования (сосредоточения дисперсно проживающих представителей коренных народов Севера, многие из которых вели кочевой образ жизни, в создаваемых поселках), проводившейся в арктических районах Якутии в 1930—1950-е годы [Традиционное хозяйство ..., 2016; Филиппова, 2007]. В Аргахтах располагалась центральная усадьба совхоза «Алазейский». Основу деятельности совхоза составляли мясо-молочное скотоводство, мясное табунное коневодство, звероводство (разведение чернухуры лисиц и голубых песцов), рыболовство и пушной промысел [МАМР СУ, ф. 9, оп. 1, д. 9, л. 101—102].

Численность населения Аргахта ритмично возрастала на протяжении всего советского периода. Так, по данным переписей населения, в 1959 году в селе проживало 300 чел., в 1970 году — 495 чел., в 1979 году — 639 чел., в 1989 году — 708 чел. Подавляющее большинство населения Аргахта традиционно составляли якуты.

Как следует из материалов, выявленных в администрации Алазейского наслега и в архиве Среднеколымского района, а также опроса местного населения, в течение советского периода своей истории Аргахта подвергался подтоплениям 4 раза: в 1958, 1968—1969, 1977—1978 и 1985 годах. В 1969 и 1978 годах уровень воды повысился до отметки в 807 см, в 1985 году — до 766 см [ТА АМО АН].

При этом в отличие от характерных для большинства рек Якутии скоротечных, длящихся несколько дней подтоплений, для Алазеи в силу ряда

особенностей характерен продолжительный подъем уровня воды, исчисляющийся месяцами. Этим объясняется то, что наводнения в Аргахтах могут продолжаться два летних сезона подряд — в случае, если ледостав произошел при критически высоких уровнях воды.

Так было, в частности, в 1977—1978 годах, когда случился один из наиболее хорошо задокументированных паводков на Алазее. Данные документы остались после работы районной комиссии по определению ущерба от этого стихийного бедствия. Из них следует, что к наводнению привели непрерывные ливневые дожди, шедшие в период с 20 июля по 15 сентября 1977 года. В результате нормы выпадения осадков были превышены почти в 3 раза. По данным гидропоста, в с. Андрюшкино ледостав установился 8 октября 1977 года при уровне в 878 см, тогда как среднее значение этого показателя на тот момент равнялось 696 см. Более того, к 30 октября уровень воды достиг 905 см. Как отмечалось в ходе работы комиссии, ранее нечто подобное наблюдалось только один раз — осенью 1968 года, когда ледостав начинался при уровне в 892 см. Однако в тот год к концу октября он, наоборот, понизился [МАМР СУ, ф. 1, оп. 1, д. 428, л. 2].

В результате к зиме 1977/78 годов в Алазейском отделении совхоза «Алазейский» в воде оказалось 150 тонн заготовленных стогов сена, 300 тонн силоса, 104 тонны скошенной травы. За лето 1977 года совхоз «Алазейский» выполнил план сенозаготовки менее чем на 70 %. Ситуацию усугубили обильные снежные осадки, начавшиеся 14 сентября 1977 года, и последующее повышение температуры воздуха, сопровождавшееся новыми дождями, которые затем сменились заморозками. В итоге на тебеновочных пастбищах¹ образовалась ледяная корка и животные не могли добраться до травы. Подобная ситуация, когда произошло затопление пастбищ с их последующим замерзанием, была отмечена впервые за историю (к тому моменту, впрочем, недолгую) наблюдений на Алазее. Кроме того, из-за обводнения участков произошло увеличение глубины сезонного протаивания многолетней мерзлоты, что способствовало формированию болот на сенокосных угодьях [МАМР СУ, ф. 1, оп. 1, д. 428, л. 2—35].

Ситуация продолжила развиваться в негативном ключе весной — летом 1978 года, когда в Алазею стали поступать также и талые воды. К концу июня оказалось затоплено около 80 % всех сенокосных угодий и пастбищ Алазейского отделения совхоза «Алазейский». В результате только за 5 месяцев 1978 года совхоз потерял 156 голов крупного рогатого скота и 186 лошадей.

1 Тебеновка — зимняя пастьба, предполагающая самостоятельную добычу лошадьми корма из-под снега.

Таким образом, основным последствием наводнений 1977—1978 годов для системы жизнеобеспечения села Аргахтах стал урон, нанесенный традиционной хозяйственной деятельности. Кроме того, в документах упоминается тот факт, что из-за подтопления пострадали взлетно-посадочные площадки. В числе названных при этом населенных пунктов Аргахтах не упоминается, однако обилие выполненных за счет совхоза «Алазейский» в 1977—1978 годах для переброски работников вертолетных рейсов дает основание предполагать, что и здесь произошедшее не могло не сказаться на ухудшении транспортной доступности села [МАМР СУ, ф. 1, оп. 1, д. 428, л. 5—46]. Следует отметить также, что в перечислении убытков, нанесенных совхозу «большой водой», в документах ни разу не было встречено упоминаний о том, что пострадали какие-либо сооружения на территории самой центральной усадьбы. Кроме того, показатели поголовья крупного рогатого скота уже в 1979 году превысили данные 1976 года (569 и 548 соответственно) [МАМР СУ, ф. 1, оп. 1, д. 434, л. 7].

3.3. Паводки на реке Алазее в условиях «дефицита холода» и деградации «вечной мерзлоты»

На рубеже XX—XXI веков в связи с отмеченными выше изменениями состояния окружающей среды в селе сложилась иная ситуация. В 1991 году уровень воды в Алазее в районе Аргахтаха равнялся 767 см, в 1997 году он превысил критическую для села отметку в 782 см и достиг показателя в 834 см. Спустя 3 года эти цифры составили 835 см, в 2002 году — 802 см, 2003 году — 762 см, 2008 году — 771 см, 2011 году — 737 см. Самыми же катастрофическими оказались наводнения 2007 и 2017—2018 годов. В первом случае уровень воды доходил до 869 см, во втором — уже 897 см [ТА АМО АН]. Неудивительно, что именно паводки этих годов, а также наводнение, случившееся в 1997 году, наиболее живы в памяти местного населения.

В 1997 году стихия так же, как и двумя десятилетиями ранее, затопила сельскохозяйственные угодья. Высокие уровни воды при этом сохранялись с июля до сентября. В последующие годы на этих угодьях не росли кормовые травы, так как вся территория оставалась покрытой илом. В результате из хозяйственного оборота были выведены все участки в окрестностях села. Необходимость использовать более отдаленные угодья, активно задействуя транспорт, естественно, привела к росту экономической нагрузки на хозяйствующие субъекты [ПМА, 2021]. Следует отметить, что если во время наводнений 1977—1978 годов у руководства совхоза «Алазейский» были ресурсы, чтобы практически неограниченно использовать для перевозки бригад и необходимых грузов вертолеты, то после краха социалистической экономики стало затруднительным даже широкое использование сухопутного грузового транспорта ввиду дороговизны топлива в арктических районах Якутии.

Главной же причиной, по которой наводнение 1997 года прочно закрепилось в памяти местного населения, стало, вероятно, то, что в его ходе Алазея в районе Аргахтаха изменила свое русло, размыва дорогу и отрезала звероферму от остального села. Именно с тем фактом, что Алазея в результате произошедших катаклизмов оказалась ближе непосредственно к жилым постройкам, наши респонденты связывают изменение характера следующих разрушительных паводков [ПМА, 2021].

Так, наводнение 2007 года не только затопило сельскохозяйственные угодья, но и обрушилось непосредственно на Аргахтах, где от стихии пострадало 29 домохозяйств, а по улицам села перемещались на лодках. Спустя 10 лет паводок затопил 85 % сельскохозяйственных угодий и 50 % заготовленного сена. В воде тогда оказалось 22 жилых дома [ТА АМО АН].

Рис. 3. Аргахтах в период наводнения 2007 года.
Фото из фондов музея села Аргахтах

Как показали проведенные исследования, удары стихии имели самые негативные последствия для системы жизнеобеспечения аргахтахцев. Прежде всего огромный урон был нанесен животноводству: нехватка корма привела к вынужденному забою скота или последующему отказу от его содержания по причине значительных издержек и трудозатрат. В частности, если в 2015 году население Аргахтаха содержало 139 голов скота, то

Рис. 4. Одна из улиц Аргахтаха летом 2017 года.
Фото из фондов музея села Аргахтаха

в 2019 году — уже 87. Количество лошадей за этот же период снизилось с 477 голов до 325. Конечно, на подобном тренде сказалась не только «большая вода», но и в целом социально-экономическая ситуация, отмеченная дороговизна содержания животных. Однако то, что наибольшие колебания численности поголовья пришлось именно на 2017 год, а также информация, полученная от респондентов, свидетельствуют, что основной «вклад» в них внесли паводковые явления. Кроме того, за период 2015—2019 годов с показателя в 45 голов сошла на нет другая отрасль традиционной хозяйственной деятельности — звероводство [ТА АМО АН]. Здесь, по мнению местных жителей, также сказались не только общность трендов развития сельского хозяйства Якутии и невостребованность получаемой продукции в постсоветский период, но и последствия наводнения 1997 года, из-за которых добираться до зверофермы стало значительно сложнее и поддержка ее функционирования оказалась ощутимо ресурсозатратнее [ПМА, 2021].

Важным следствием наводнения 2017—2018 годов явился также рост транспортной изолированности Аргахтаха. Село традиционно было связано с административным центром улуса — Среднеколымском — стабильной сухопутной связью только в зимнее время посредством зимника «Арктика». Летом же в Аргахтах совершал рейсы самолет. В 2017 году взлетная площадка была затоплена и пострадала настолько, что стало возможным лишь использование дорогостоящего вертолетного сообщения. Вертолеты прилетают в село два раза в месяц [ПМА, 2021].

«Большая вода» привела также к лимитированию возможностей использования ледников — специальных сооружений в толще «вечной мерзлоты», которые позволяют круглогодично хранить продукты в замороженном состоянии. Данная опция является важной составляющей традиционного хозяйства сельского населения арктических и субарктических районов Якутии [Сулейманов, 2021, с. 122—123]. Однако в Аргахтахе многие из ледников оказались затоплены и в результате этого заброшены. Кроме того, на сокращении их эксплуатации сказывается широкое проникновение морозильных ларей в жизнь селян региона и растепление грунтов. По данным, полученным В. М. Лыткиным, в конце марта 2021 года температура грунтов в Аргахтахе на глубине 3 м составила всего — 2,65 °С.

Наводнения нанесли серьезный удар и по жилищному фонду Аргахтаха, благосостоянию местного населения, часть из которого была вынуждена строить новые дома взамен пострадавших от стихии. В частности, одной из опрошенных нами семей пенсионного возраста пришлось забросить дом, в котором они прожили четыре десятилетия, и отстроить новый [ПМА, 2021].

Вероятно, в том числе под влиянием изменения привычного состояния окружающей среды численность населения Аргахтаха сокращается. Если

Рис. 5. Бывший ледник «Колымторга» в селе Аргахтах, используемый сейчас местными жителями в складчину для хранения продуктов в летнее время, март 2021.

Фото А. А. Сулейманова.

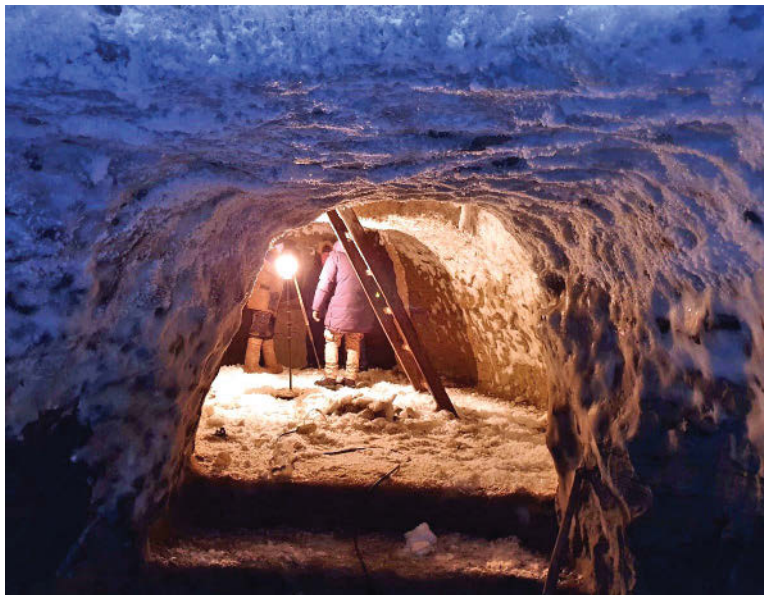

Рис. 6. Один из личных ледников в селе Аргахта, март 2021.
Фото А. А. Сулейманова

в 2002 году в селе проживал 581 чел., то в 2021 году — уже 469 чел. [ТА АМО АН]. В частном разговоре с автором данной статьи коллега по Институту гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, а также один из руководителей Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) В. И. Шадрин назвал жителей Аргахта первыми климатическими беженцами в Якутии.

Важным адаптационным механизмом, позволяющим хотя бы частично нивелировать возникающие издержки, является традиционный коллективизм и взаимовыручка, присущие сельскому населению Якутии, в особенности ее арктической части. Жители пострадавших от наводнения территорий благодаря этому могли месяцами пережидать стихию в расположенных в более высокой части села домах своих родственников и односельчан [ПМА, 2021].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что Аргахта подвергался подтоплениям с первых десятилетий своего существования. Вместе с тем сопоставление двух кейсов (наводнения прошлого

и наводнения современности) свидетельствует о том, что если в 1960—1980-е годы удар приходился преимущественно на сельскохозяйственные угодья, после чего, опираясь на имеющиеся ресурсы, сельское хозяйство достаточно быстро восстанавливалось, то на рубеже XX—XXI веков наводнения, в первую очередь, под влиянием климатических трансформаций стали происходить чаще, а главное — в больших масштабах. При этом сельские поселения и сельское хозяйство уже не имело той устойчивости и возможностей реагирования, как раньше. В результате совокупность новых социально-экономических реалий и сильных паводков привели к радикальному секвестру занятия традиционными отраслями хозяйственной деятельности, которыми веками промышляло якутское население — животноводством и коневодством, а также к фактической ликвидации успешно практикуемого в советский период звероводства. Главное же отличие наводнений последних лет, происходящих во время форсированной деградации многолетней мерзлоты, от тех паводков, которые случались ранее, является их катастрофичность непосредственно для села Аргахта — для жилых и хозяйственных построек, а также объектов инфраструктуры.

Источники и принятые сокращения

1. МАМР ОР — *Муниципальный архив* Муниципального района «Олекминский район». Ф. 1. (Администрация Олекминского улуса).
2. МАМР СУ — *Муниципальный архив* Муниципального района «Среднеколымский улус». Ф. 1 (Районный исполнительный совет народных депутатов) ; Ф. 9 (Совхоз «Алазейский»).
3. ПМА, 2021 — *Полевые материалы* автора, собранные в Среднеколымском улусе Республики Саха (Якутия) в марте — апреле 2021 г.
4. ТА АМО АН — *Текущий архив* администрации муниципального образования «Алазейский наслег».
5. *Транспортная* схема Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // АПИПЭ РС(Я). — Режим доступа : <https://investyakutia.com/pages/13> (дата обращения 20.03.2019).

Литература

1. *В ожидании* ледохода : социальные аспекты разрушительных наводнений в сельской Якутии (конец XX — начало XXI вв.) / Л. И. Винокурова, В. В. Филиппова, А. А. Сулейманов, С. А. Григорьев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2016. — № 1. — С. 28—40.
2. *Воробьев Ю. Л.* Катастрофические наводнения начала XXI века : уроки и выводы / Ю. Л. Воробьев, В. А. Акимов, Ю. И. Соколов. — Москва : ДЭКС-Пресс, 2003. — 351 с. — ISBN 5-9517-0007-8.
3. *Готовцев С. П.* О причинах подтопления села Амги в 2018 г. / С. П. Готовцев // Наука и техника в Якутии. — 2019. — № 1. — С. 31—33. — DOI: 10.24411/1728-516X-2019-10007.
4. *Десяткин А. Р.* Увеличения глубины сезонного протаивания почв и водный баланс мерзлотных территорий / А. Р. Десяткин, Р. В. Десяткин // Почвоведение — про-

довольственной и экологической безопасности страны : тезисы докладов VII съезда Общества почвоведов им. В. В. Докучаева и Всероссийской с зарубежным участием научной конференции. Белгород, 15—22 августа 2016 г. — Белгород : Белгород, 2016. — Ч. 2. — С. 347—348.

5. Колесов М. И. История Колымского края / М. И. Колесов // Советский период. — Якутск : Бичик, 1993. — Ч. II. — 217 с. — ISBN 5-7696-0109-4.

6. *Криозкосистемы* бассейна реки Алазеи / С. П. Готовцев, Л. И. Копырина, А. П. Ефимова, В. И. Захарова, Д. Д. Ноговицын. — Новосибирск : Гео, 2018. — 210 с. — ISBN 978-5-9909584-0-1.

7. Мохов И. И. Особенности современных изменений климата в Арктике и их последствий / И. И. Мохов // Проблемы Арктики и Антарктики. — 2020. — № 4. — С. 446—462. — DOI: 10.30758/0555-2648-2020-66-4-446-462.

8. Парфенова О. Т. Оценка экономического ущерба от наводнений на реке Алазея Республики Саха (Якутия) / О. Т. Парфенова, Д. Д. Ноговицын // Проблемы современной экономики. — 2018. — № 1. — С. 124—126.

9. Скачков Ю. Б. Динамика изменения среднегодовой температуры воздуха в республике Саха (Якутия) за последние 50 лет / Ю. Б. Скачков // Труды Девятого международного симпозиума «Баланс углерода, воды и энергии и климат бореальных и арктических регионов с особым акцентом на Восточную Евразию», посвященного 25-летию начала совместных Российско-Японских исследований по изучению изменения климата в криолитозоне, 1—4 ноября 2016 г., Якутск, Россия. Нагоя, Япония. — Нагоя : Издательство Университета Нагоя, 2016. — С. 208—211.

10. Сулейманов А. А. Антропология холода : естественные низкие температуры в традиционной системе жизнеобеспечения якутов (XIX в. — 30-е гг. XX в.) / А. А. Сулейманов // Oriental Studies. — 2021. — № 1. — С. 115—133. — DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-115-133.

11. *Традиционное хозяйство* Арктики : к изучению сельского населения Колымского региона Якутии в XX веке / Я. М. Санникова, В. В. Филиппова, Л. И. Винокурова, С. А. Григорьев // Экономическое развитие Сибири. Материалы Сибирского исторического форума. — Красноярск : Резонанс, 2016. — С. 126—129. — ISBN 978-5-9905562-3-2.

12. Филиппова В. В. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности : вторая половина XX в. / В. В. Филиппова. — Новосибирск : Наука, 2007. — 176 с. — ISBN 978-5-02-031087-2.

13. Филиппова В. В. Социальные вызовы периодических наводнений в Якутии / В. В. Филиппова // Арктика и Север. — 2011. — № 4. — С. 207—212.

14. *Application of an Unmanned Aerial Vehicle for Large-Scale Mapping of Thermokarst Landforms* / L. V. Lytkin, I. I. Syromyatnikov // IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 666. 062030. — 2021. — DOI: 10.1088/1755-1315/666/6/062030.

15. *Global Warming and Human — Nature Dimension in Northern Eurasia* / T. Hiyama, H. Takakura, S. Boyakova, J. Fujiwara, Y. Yoshikawa. — Singapore : Springer, 2018. — 224 p.

16. *Influence of Permafrost Landscapes Degradation on Livelihoods of Sakha Republic (Yakutia) Rural Communities* / V. Lytkin, A. Suleymanov, L. Vinokurova, S. Grigorev, V. Golomareva, S. Fedorov, A. Kuzmina, I. Syromyatnikov // Land. — 2021. — № 10. — P. 101. — DOI: 10.3390/land10020101.

17. *Permafrost-landscape map of the Republic of Sakha (Yakutia) on a Scale 1:1,500,000* / A. N. Fedorov, N. F. Vasilyev, Ya. I. Torgovkin, A. A. Shestakova, S. P. Varlamov // Geosciences. — 2018. — Vol. 8. — № 12. — P. 465. — DOI: 10.3390/geosciences8120465.

Material resources

- Municipal archive of the Municipal district "Olekminsky district". F. 1. (Administration Olekminsky ulus). (In Russ.).*
- Municipal archive of the Municipal district "Srednekolymsky ulus". F. 1 (District Executive Council of People's Deputies); F. 9 (State farm "Alazeysky"). (In Russ.).*
- The author's field materials collected in the Srednekolymsky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia) in March — April 2021. (In Russ.).*
- The current archive of the administration of the municipality "Alazeysky nasleg". (In Russ.).*
- Transport scheme of the Republic of Sakha (Yakutia). *APIPE RS(Ya)*. Available at: <https://investyakutia.com/pages/13> (accessed 20.03.2019). (In Russ.).

References

- Desyatkin, A. R., Desyatkin, R. V. (2016). Increasing the depth of seasonal thawing of soils and the water balance of permafrost territories. In: *Soil science — food and environmental security of the country: abstracts of the VII Congress of the Society of Soil Scientists named after V. V. Dokuchaev and the All-Russian scientific conference with foreign participation. Belgorod, August 15—22, 2016*, 2. Belgorod: Publishing house "Belgorod". 347—348. (In Russ.).
- Fedorov, A. N., Vasilyev, N. F., Torgovkin, Ya. I., Shestakova, A. A., Varlamov, S. P. (2018). Permafrost-landscape map of the Republic of Sakha (Yakutia) on a Scale 1:1,500,000. *Geosciences*, 8 (12): P. 465. DOI: 10.3390/geosciences 8120465.
- Filippova, V. V. (2007). *Indigenous peoples of the North of Yakutia in the changing space of life. The second half of the twentieth century*. Novosibirsk: Nauka. 176 p. ISBN 978-5-02-031087-2. (In Russ.).
- Filippova, V. V. (2011). Social challenges of periodic floods in Yakutia. *Arctic and the North*, 4: 207—212. (In Russ.).
- Gotovtsev, S. P., Kopyrina, L. I., Efimova, A. P., Zakharova, V. I., Nogovitsyn, D. D. (2018). *Cryoecosystems of the Alazei River basin*. Novosibirsk: Geo. 210 p. ISBN 978-5-9909584-0-1. (In Russ.).
- Gotovtsev, S. P. (2019). On the causes of flooding of the village of Amgi in 2018. *Science and Technology in Yakutia*, 1: 31—33. DOI: 10.24411/1728-516X-2019-10007. (In Russ.).
- Hiyama, T., Takakura, H., Boyakova, S., Fujiwara, J., Yoshikawa, Y. (2018). *Global Warming and Human — Nature Dimension in Northern Eurasia*. Singapore: Springer. 224 p.
- Kolesov, M. I. (1993). History of the Kolyma Region. In: *Soviet period, II*. Yakutsk: Bichik. 217 p. ISBN 5-7696-0109-4. (In Russ.).
- Lytkin, L. V., Syromyatnikov, I. I. (2021). Application of an Unmanned Aerial Vehicle for Large-Scale Mapping of Thermokarst Landforms. *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.* 666. 062030. DOI: 10.1088/1755-1315/666/6/062030.
- Lytkin, V., Suleymanov, A., Vinokurova, L., Grigorev, S., Golomareva, V., Fedorov, S., Kuzmina, A., Syromyatnikov, I. (2021). Influence of Permafrost Landscapes Degradation on Livelihoods of Sakha Republic (Yakutia) Rural Communities. *Land*, 10: P. 101. DOI: 10.3390/land10020101.
- Mokhov, I. I. (2020). Features of modern climate changes in the Arctic and their consequences. *Problems of the Arctic and Antarctic*, 4: 446—462. DOI: 10.30758/0555-2648-2020-66-4-446-462. (In Russ.).

- Parfenova, O. T., Nogovitsyn, D. D. (2018). Assessment of economic damage from floods on the Alazeya River of the Republic of Sakha (Yakutia). *Problems of modern Economy, 1*: 124—126. (In Russ.).
- Sannikova, Ya. M., Filippova, V. V., Vinokurova, L. I., Grigoriev, S. A. (2016). Traditional economy of the Arctic: to study the rural population of the Kolyma region of Yakutia in the twentieth century. In: *Economic development of Siberia. Materials of the Siberian Historical Forum*. Krasnoyarsk: Resonance. 126—129. ISBN 978-5-9905562-3-2. (In Russ.).
- Skachkov, Yu. B. (2016). Dynamics of changes in the average annual air temperature in the Republic of Sakha (Yakutia) over the past 50 years. In: *Proceedings of the Ninth International Symposium "Balance of carbon, water and energy and climate of boreal and Arctic regions with special emphasis on Eastern Eurasia", dedicated to the 25th anniversary of the beginning of joint Russian-Japanese Climate Change Studies in the Cryolithozone, November 1—4, 2016, Yakutsk, Russia*. Nagoya, Japan. Nagoya: Nagoya University Press. 208—211. (In Russ.).
- Suleymanov, A. A. (2021). Anthropology of cold: natural low temperatures in the traditional life support system of the Yakuts (XIX century — 30s of the XX century). *Oriental Studies, 1*: 115—133. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-115-133. (In Russ.).
- Vinokurova, L. I., Filippova, V. V., Suleymanov, A. A., Grigoriev, S. A. (2016). Waiting for the ice drift: social aspects of destructive floods in rural Yakutia (late XX — early XXI centuries). *Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East, 1*: 28—40. (In Russ.).
- Vorobyov, Yu. L., Akimov, V. A., Sokolov, Yu. I. (2003). *Catastrophic floods of the beginning of the XXI century: lessons and conclusions*. Moscow: DEX-Press. 351 p. ISBN 5-9517-0007-8. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.08.2022,
одобрена после рецензирования 11.10.2022,
подготовлена к публикации 20.10.2022.

Тиховодова А. В. История открытия и устройство Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома в конце XIX — начале XX веков / А. В. Тиховодова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 488—514. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-488-514.

Tikhovodova, A. V. (2022). Discovery and Arrangement of Nizhny Novgorod Public Widow's House name of Blinovs and Bugrovs in Late XIX — Early XX Centuries. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 488-514. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-488-514. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-488-514

**История открытия
и устройство
Нижегородского
городского общественного
имени Блиновых и
Бугровых Вдовьего дома
в конце XIX — начале
XX веков**

Тиховодова Анастасия Владимировна
orcid.org/0000-0003-2762-3999
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии
и социально-правовых наук
tikhovodova@list.ru

Волжский государственный
университет
водного транспорта
(Нижний Новгород, Россия)

**Discovery and Arrangement
of Nizhny Novgorod Public
Widow's House name
of Blinovs and Bugrovs
in Late XIX — Early
XX Centuries**

Anastasia V. Tikhovodova
orcid.org/0000-0003-2762-3999
PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy and Social and
Legal Sciences
tikhovodova@list.ru

Volga State University
of Water Transport
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Тиховодова А. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена организации и призываемым Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома в конце XIX — начале XX веков. Актуальность исследования обусловлена активизацией предпринимательской деятельности и частной инициативы в сфере благотворительности в современной России, появлением многочисленных благотворительных организаций и фондов, необходимостью знакомства с историческим опытом. Прослежена история строительства и открытия Вдовьего дома, активное взаимодействие в этом процессе с Нижегородской Городской Думой. На основе устава и отчетов заведения рассмотрены его цели, задачи, структура управления, источники финансовых средств, формы помощи нуждающимся. Автор показывает количественный, сословный и возрастной состав призываемых, их семейное положение, виды занятий. Подробно освещено расходование средств (отопление, освещение, ремонт, приобретение продуктов и инвентаря, жалование служащим, училище), источники и формы пожертвований (благотворительные фонды, взносы частных лиц, бесплатные обеды, мероприятия, подарки). Автор приходит к выводу, что Вдовый дом в Нижнем Новгороде — уникальное благотворительное заведение своего времени, общественная потребность в котором только возрастала. Таким образом, вторая половина XIX — начало XX века — это период частной инициативы в деле социального обеспечения при значительной поддержке органов местного самоуправления.

Ключевые слова:

Вдовый дом; пожертвования; благотворительность; призрение; взаимодействие общества и государства.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the organization and cherishing of the Nizhny Novgorod city public name of the Blinovs and Bugrovs of the Widow's House at the end of the 19th — beginning of the 20th century. The relevance of the study is due to the intensification of entrepreneurial activity and private initiative in the field of charity in modern Russia, the emergence of numerous charitable organizations and foundations, and the need to get acquainted with historical experience. The history of the construction and opening of the Widow's House, active interaction in this process with the Nizhny Novgorod City Duma are traced in the article. Based on the charter and reports of the institution, its goals, objectives, management structure, sources of financial resources, forms of assistance to those in need are considered. The author shows the quantitative, class and age composition of the detainees, their marital status, types of occupations. Expenditure of funds (heating, lighting, repairs, purchase of food and equipment, salaries to employees, school), sources and forms of donations (charitable foundations, contributions from individuals, free meals, events, gifts) are covered in detail. The author comes to the conclusion that the Widow's House in Nizhny Novgorod is a unique charitable institution of its time, the public need for which only increased. Thus, the second half of the 19th — the beginning of the 20th century was a period of private initiative in the matter of social security with significant support from local governments.

Key words:

Widow's house; donations; charity; care; interaction between society and the state.

История открытия и устройство Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома в конце XIX — начале XX веков

© Тиховодова А. В., 2022

1. Введение = Introduction

Нижегородский городской общественный имени Блиновых и Бугровых Вдовый дом, открытый в 1887 году, — одно из крупнейших благотворительных учреждений города конца XIX — начала XX века. Данное учреждение было построено полностью на средства частных благотворителей, а именно — нижегородских купеческих семей Бугровых и Блиновых. Несмотря на то что после войны 1812 года и русско-турецких войн многие вдовы солдат оставались на руках с малолетними детьми, Вдовьи дома в Российской империи не были широко распространены. Проблема содержания и образования женщин и детей, оставшихся без средств к существованию, была очень острой. Функционирование Вдовьего дома в Нижнем Новгороде рассматривается историками в связи с активизацией благотворительной деятельности купцов в Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков. Делается акцент на эффективном взаимодействии частных благотворителей с органами местного самоуправления [Архипова, 2014, с. 22—25; Зрячева, 2007, с. 167—171; Костина, 2007, с. 65—70]. Также Нижегородский Вдовый дом упоминается в связи с благотворительной деятельностью купеческих семей Бугровых и Блиновых [Монич, 2020; Седов, 2007]. Здание Вдовьего дома характеризуется как один из самых замечательных памятников городской архитектуры XIX века, не потерявший свое культурное и функциональное значение и в настоящее время [Нижний Новгород..., 2007, с. 40]. Ощущается необходимость в отдельных детальных исследованиях деятельности Вдовьего дома, так как в современной России активизируется предпринимательская деятельность и частная инициатива в сфере благотворительности. К тому же развитие гражданского общества в дореволюционной России в целом остается актуальной проблемой.

Самый первый Вдовый дом в России был открыт в Санкт-Петербурге 30 августа 1803 года по указу императрицы Марии Федоровны. Его деятельности посвящены работы, например, С. И. Бондиной и О. А. Ивановой. С 1809 года Вдовый дом Санкт-Петербурга располагался в келейных корпусах Смольного монастыря. В 1839 и 1850 годах при доме были открыты лазареты для слабых и хронических больных. Эти заведения были предназначены для

лиц дворянского происхождения. Цель создания таких учреждений в столицах — «попечение бедных и помощь достойным вдовам, которые, оставшись по смерти мужей, по старости и слабости или по каким другим причинам безвинно не имеют никакого содержания и ни от кого и ни откуда пансионов и награждений не получают. В сих домах будут они снабжены всем нужным к пропитанию и содержанию их» [Иванова, 2016, с. 42]. При наборе женщин во Вдовий дом Санкт-Петербурга руководствовались «Правилами, предлагаемыми для Вдовьих домов» от 31.01.1803 года и «Проектом учреждения Вдовьих домов и казен» от 1.02.1803 года. Однако в учреждении Вдовьего дома в Санкт-Петербурге огромную роль играло государство. Так, на Вдовий дом Санкт-Петербурга было выделено от государства 100 тысяч рублей [Бондина, 2013, с. 65]. Призываемые во Вдовьем доме должны были отвечать следующим требованиям. Право на бесплатное проживание имели вдовы мужей от 1 обер-офицерского чина до 1 штаб-офицерского чина, то есть от 8 класса по гражданской службе по Табели о рангах. Мужья не должны были иметь судебные разбирательства. Женщины не должны были получать ни от кого пенсионного и награждений. Особое предпочтение отдавалось вдовам, чьи мужья погибли в сражениях. Среди 40 поступивших в 1803 году во Вдовий дом в Петербурге на жительство и получивших содержание 16 были вдовами чиновников и 23 военных [Бондина, с. 65]. Женщины и их дети могли полагаться на заботу и опеку государства. Таким образом, организация и устав Вдовьего дома в столице существенно отличались от аналогичного заведения, учрежденного в Нижнем Новгороде.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью данной работы является рассмотрение истории постройки Вдовьего дома в Нижнем Новгороде, его внутреннего устройства и обслуживания. Также автор поставил задачу показать количество и направления расходования средств, формы и число пожертвований; охарактеризовать количественный, сословный и возрастной состав женщин и детей, получивших приют в заведении. Источниками для написания статьи послужили отчеты о деятельности Нижегородского Вдовьего дома с 1890 года по 1914 год, а также устав заведения и «Краткий очерк состояния городского хозяйства и благоустройства г. Нижнего Новгорода за истекшее 25-летие (со введения в нем Городового положения 1870 года)». Устав Вдовьего дома, принятый в 1887 году, предоставляет информацию о назначении, помещениях заведения (квартиры для призываемых и персонала, больница, аптека, баня, кухня, контора, приемная для подкидышей, начальное училище). Также, устав освещает структуру управления Вдовьим домом, состав и порядок работы комитета, условия избрания в члены комитета, обслуживающий персонал и должностных лиц,

вопросы, находящиеся в ведении комитета, взаимодействие с Городской Думой. Устав строго регламентировал жизнь призреваемых. Документ содержит условия приема нуждающихся в заведение, правила проживания в доме, обязанности призреваемых, причины исключения из заведения.

На основании отчетов можно представить динамику численности призреваемых, изменение их возрастного и сословного состава. Отдельным разделом представлены формы и размер финансовой помощи проживающим во Вдовьем доме (проценты с благотворительных фондов, пожертвования частных лиц, доходы от аренды усадьбы Бугрова, благотворительные обеды из богаделен, различные формы поддержки призреваемых (мероприятия, поставки продуктов, ремонтные работы, билеты на детские праздники, подарки)). Отчеты позволяют проследить статьи расходов на содержание Вдовьего дома, объем и характер ремонтных работ, приобретение и ремонт имущества для различных нужд, уход за придомовой территорией, образовательную деятельность заведения и медицинское обслуживание призреваемых. Об уникальности и значении данного благотворительного заведения для Нижнего Новгорода говорит тот факт, что Вдовый дом посещали различные высокопоставленные лица, включая императорскую чету. Анализ данных исторических источников позволил подробно представить особенности деятельности Вдовьего дома в Нижнем Новгороде и его отличия от аналогичного благотворительного заведения в Санкт-Петербурге.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Цели и задачи учреждения Вдовьего дома

Инициаторами постройки и открытия Вдовьего дома в Нижнем Новгороде стали предприниматели, почетные граждане города Николай Александрович Бугров, братья Николай и Аристарх Андреевичи Блиновы. Данные купеческие семьи состояли в родстве. Сестра Н. А. Бугрова Еннафа была замужем за Н. А. Блиновым. Н. А. Бугров являлся депутатом Нижегородской Городской Думы. 30 мая 1884 года Н. А. Бугровым и братьями Блиновыми в Нижегородскую Городскую Думу было подано заявление, в котором ими было выражено желание построить дом для бесплатных квартир, для вдов, оставшихся после смерти их мужей с малолетними детьми в крайней бедности, а расходы на постройку дома они готовы были принять на себя пополам. Для постройки дома они просили отвести место напротив Крестовоздвиженского монастыря. 1 июня 1884 года Городская Дума приняла данное предложение. В 1887 году на предоставленном участке площадью 0,6 га на личные средства купцов и был построен Вдовый дом, который с высочайшего соизволения был назван «Нижегородский Городской общественный имени Блиновых и Бугровых Вдовый дом». Нижегородский губернатор Н. Ба-

ранов доложил об этом событии царю Александру III: «Купец 1-ой гильдии Бугров на собственный счет выстроил дом для безвозмездного помещения вдов с малолетними детьми. Стоимость постройки — до 200 тысяч рублей» [Приложение..., 1886]. Автором проекта здания является архитектор Николай Фрелих. Вдовый дом представлял собой каменное 4-этажное (вместе с полуподвальным этажом) здание в псевдорусском стиле: красный кирпич, обрамленные окна и наборные полуколонны. Дом был построен напротив Крестовоздвиженского монастыря на улице Большая Покровская. Сейчас это площадь Лядова, в настоящее время здание отдано под студенческое общежитие Нижегородского политехнического университета. Вдовый дом был торжественно открыт 30 октября 1887 года. На содержание заведения Блиновы внесли в основной капитал Николаевского городского общественного банка 75 тысяч рублей, проценты с которого тратились на нужды призреваемых (к 1913 году по 7 тысяч рублей в год). Бугров пожертвовал недвижимость по Грузинскому переулку с двумя домами, в которых располагались Грузинские казармы; доходы с этих казарм выдавались ежегодно на содержание Вдовьего дома (к 1913 году по 6 тысяч рублей в год).

Согласно уставу, «назначение Вдовьего дома состоит в доставлении удобных даровых квартир неимущим вдовам с их малолетними детьми» [Сборник уставов..., 1894, с. 431]. С целью оказания медицинской помощи проживающим в Доме при нем состояли врач, фельдшер и сиделка. В самом доме был организован приемный покой и больница на несколько кроватей с особым отделением для инфекционных детских болезней. При больнице находилась аптека с медикаментами и припасами, наиболее необходимыми для оказания медицинской помощи. Благотворительное заведение было разделено на 160 семейных одно- и двухкомнатных квартир. Для обучения мальчиков и девочек при Доме была организована начальная городская школа, имевшая три отделения. Учебные классы размещались на отдельных площадях. Специальное помещение было отдано и под контору, пять квартир занимал обслуживающий персонал. Остальные квартиры предназначались для вдов с детьми. Увеличение числа квартир и самого здания было возможно только с разрешения Думы. В приюте могли проживать не только одинокие матери с детьми, но и дети-сироты, являвшиеся подкидышами. При Вдовьем доме также была организована небольшая приемная — комната с выходом во двор, в ней висела люлька для подкидышей. Положив ребенка в люльку, женщина дергала сигнальную веревку и убегала. Служащие Вдовьего дома после этого поднимали люльку с младенцем на 2 этаж. Затем ребенка обогревали, поили, кормили, выхаживали. Малыши, которые не имели записки с именем, крестились в придомовой церкви, получали свое имя и оставались жить во Вдовьем

доме. Сирот селили здесь, воспитывали, учили, одевали и обували тоже за счет заведения. Если сироты имели родственников, то они могли проживать с ними (тетками, бабушками, сестрами, свояченицами), взрослые сироты могли проживать в одиночестве. В числе сирот могли быть и инвалиды (так в 1903 году взрослые брат и сестра были слепыми). Некоторых переводили в приюты. Многих детей Вдовий дом спас от беспризорности.

Вдовий дом состоял в ведении Нижегородской городской Думы, имен- но Дума каждые 4 года избирала комитет из 6 человек, который возглавлял городской голова. Комитет непосредственно руководил Вдовым домом на общественных началах, выполнял административные и хозяйственные функции. В комитет входили представители Бугровых и Блиновых, а также благотворители, сделавшие крупные пожертвования в пользу заведения. Члены комитета делились на почетных и действительных. Почетные чле- ны состояли в комитете пожизненно. Почетными членами являлись граж- дане-благотворители, которые выступили учредителями Вдовьего дома, и те, кто внес основные средства на его постройку. Также в число почетных членов входили другие благотворители, внесшие значительные пожертво- вания в размере не менее 1 тысячи рублей, оказывавшие существенную помощь в деятельности Вдовьего дома и избранные в почетные члены Го- родской Думой. С 1887 по 1891 год председателем комитета был городской голова, купец 1 гильдии Алексей Максимович Губин, с 1893 по 1896 год — барон Дмитрий Николаевич Дельвиг, с 1896 по 1909 год — Александр Ми- хайлович Меморский, в 1909 году — Владимир Андрианович Горинев, в 1910—1912 годах — Иван Васильевич Богоявленский, в 1913—1917 го- дах — купец 1 гильдии, судовладелец Дмитрий Васильевич Сироткин. По- четными членами комитета с 1887 по 1891 годы являлись Н. А. Бугров и А. А. Блинов. После смерти Блинова в 1892 году Н. А. Бугров один состоял почетным членом комитета до 1909 года, затем в число почетных членов была избрана жена сына нижегородского купца 1 гильдии Варвара Михай- ловна Бурмистрова (урожденная Рукавишникова). В 1911 году Н. А. Бу- гров ушел из жизни, и Бурмистрова одна являлась почетным членом коми- тета вплоть до 1917 года. Действительные члены в количестве 5 человек избирались Городской Думой каждые 4 года на общем основании, согласно Положению о городских выборах. С 1887 по 1899 годы действительными членами являлись представители крупнейших купеческих семей Нижнего Новгорода М. Курбатов, И. Рукавишников, Я. Шавин, Н. Смирнов, Н. Фре- лих. С 1899 по 1903 годы действительными членами были В. Акифьев, Я. Шавин, Н. Смирнов, И. Рукавишников. В 1903 по 1907 год к вышепе- речисленным присоединился М. А. Зайцев. В 1907—1917 годах в состав комитета входил П. Яргомский, сменивший И. Рукавишникова. Один из

действительных членов комитета назначался членом-распорядителем Вдовьего дома. Член-распорядитель занимался непосредственным заведением Дома во всех его видах деятельности. В конторе при Вдовьем доме находилась вся документация и счета данного заведения. Комитет назначал заведующего делопроизводством комитета, смотрителя Вдовьего дома, который действовал согласно инструкции и указаниям, написанным комитетом. Помимо смотрителя, комитет нанимал для Вдовьего дома обслуживающий персонал: надзиратель к детям, швейцар, коридорный, банщик, 2 печника и 5 сторожей. С 1887 по 1901 годы смотрителем Вдовьего дома являлся А. И. Гутт, с 1902 — В. А. Богоявленский. Для медицинского обслуживания в приемном покое и больнице были наняты врач (С. Елпатьевский, затем В. Вяткин), 2 фельдшера (Яхонтова, Ковязина, Нищенкова, Коробьина, Листова и др.) [Отчет ..., 1890, с. 6—7]. С 1902 года была нанята сиделка при приемном покое. Самое большое жалованье за год получал смотритель Вдовьего дома — 600 рублей, фельдшер — 307 рублей, врач — 300 рублей, печник и надзирательница за детьми — по 144 рубля, коридорный и банщик — по 132 рубля, сторожа (5 человек) — по 132 рубля, сиделка и швейцар — по 120 рублей [Отчет ..., 1891, с. 4]. В 1893 году был нанят еще один врач. Ушедшим с должности служащим выплачивалось единовременное пособие. Например, в 1902 году бывшей надзирательнице к детям Т. М. Ефремовой было выдано пособие в размере 46 рублей 66 копеек [Отчет ..., 1902, с. 17]. Смотритель и все служащие при Вдовьем доме определялись и увольнялись по постановлениям комитета.

Для обсуждения находящихся в ведении комитета дел и вопросов в случае необходимости председатель созывал собрание. Комитет собирался 4—5 раз в год. Собрание комитета считалось действительным при условии присутствия на нем трех членов. Дела на собраниях комитета решались большинством голосов, в случае равенства голосов перевес принадлежал голосу председателя. Вопросы, которые подлежали решению комитета: «прием вдов с детьми на проживание во Вдовьем доме; выселение из него кого-либо из проживающих; проверка ежемесячных и годовых приходорасходных ведомостей, отчетов и наличных денег в кассе; составление смет на содержание и ремонт заведения; разные вопросы, требовавшие совместного обсуждения по делам Вдовьего дома» [Сборник..., 1894, с. 433]. Заседания и решения комитета строго протоколировались, велась специальная книга протоколов. Письмоводство и счетоводство комитета возлагалось на смотрителя, деятельность которого находилась под руководством и наблюдением члена-распорядителя. Комитет вел следующие книги: инвентарная (для записывания состояния, прибыли или убыли имущества, принадлежавшего Вдовьему дому); приходорасходная (по со-

держанию заведения); книга, в которой велся учет лиц, проживающих во Вдовьем доме, с обозначением номера квартиры, звания, лет и документов, по которым они проживали (паспорта, видки и т. п.) Комитет составлял смету на содержание и ремонт Вдовьего дома на каждый следующий год и представлял ее в Городскую Думу не позднее чем за месяц до наступления нового года. Также ежегодно комитет отправлял в Думу отчет о деятельности заведения за истекший отчетный год.

3.2. О призреваемых Вдовьего дома

К проживанию во Вдовьем доме допускались только вдовы, оставшиеся после смерти мужей с малолетними детьми (не менее двоих детей) и не имеющие средств для жизни. Вдовы с семьями принимались без различия сословий, но только православного вероисповедания, включая старообрядцев. Таким образом, заведение было вссословным, ограничение касалось только религиозной принадлежности. Преимущество при принятии во Вдовый дом давалось самым бедным вдовам, у которых было больше малолетних детей. Мальчики могли совместно проживать с матерью только до 12 лет. Находиться с матерью до 14 лет мальчики могли только в исключительных случаях с разрешения комитета. После совершеннолетия, покинув Вдовый дом, бывшие призреваемые могли устроиться на работу у Бугрова. Если они изъявляли желание найти работу самостоятельно, то Бугров обеспечивал их первое время всем необходимым, даже деньгами.

Вдовы, которые желали поступить во Вдовый дом, должны были подать в комитет письменное заявление. В нем вдовы обозначали всех членов своей семьи, с которыми они собирались совместно проживать во Вдовьем доме. К заявлению прилагались документы об их звании, возрасте и вероисповедании. После принятия заявления комитет собирал сведения и справки о просительнице и членах ее семьи наиболее удобным для себя способом. При приеме вдовы на проживание во Вдовый дом ее документы оставались в конторе комитета и хранились там в течение всего периода ее нахождения в заведении. Вдовы и их дети должны были беспрекословно подчиняться правилам проживания в доме. В случае нарушения этих правил комитет имел право исключить вдову с детьми из заведения. Каждой вдове с детьми отводилась особая квартира, которую постоялица должна была содержать в постоянной чистоте и порядке. Коридоры тоже нужно было убирать, для их уборки между проживающими устанавливалась очередь. Нанимать для мытья коридоров посторонних лиц строго запрещалось. Проживающие во Вдовьем доме также пользовались отоплением и освещением, которые оплачивались за счет капитала заведения. Проживающие также пользовались «общей кухней, банею, прачечною и всеми остальными жилыми угодьями» [Краткий очерк..., 1895, с. 27]. А одежду и пищу квартирующие приобрета-

ли самостоятельно. Однако впоследствии для вдов, их детей и сирот были организованы ежедневные благотворительные обеды, поступающие из богаделен, финансируемых членами комитета.

Жизнь призреваемых строго регламентировалась уставом. Покидать Вдовий дом можно было только с разрешения смотрителя, сообщая ему о своем уходе из дома и о возвращении в него. Выходить из Вдовьего дома разрешалось не ранее 6 часов утра и возвращаться в него не позднее 9 часов вечера. Посетители могли приходить к проживающим во Вдовьем доме не ранее 8 часов утра и покидать их не позднее 9 часов вечера. На уход и приход во Вдовий дом раньше или позднее установленного времени требовалось получить разрешение смотрителя. Вдова, покидая заведение, могла оставить детей для присмотра другим проживающим в одном с нею коридоре при условии согласия последних. Проживающие во Вдовьем доме должны были вести себя благопристойно, не допускать криков, песен, танцев, музыки, курения табака, потребления спиртных напитков. Также вдовы и члены их семей обязывались соблюдать посты и постные дни. Не только сами вдовы и их дети, но и гости дома должны были вести себя тихо и спокойно. В целом жители дома могли свободно распоряжаться своим личным временем. Также комитетом осуждались споры, конфликты и скандалы между квартирующими. «Во внутренней жизни все проживающие во Вдовьем доме должны жить между собою в мире и согласии, честно, скромно и целомудренно, отнюдь не дозволяя между собою ссор и раздоров» [Сборник..., 1894, с. 438]. Вдовы-матери несли полную ответственность за своих детей и других членов их семьи. В случае заболевания кого-либо из членов семьи вдова обязана была сообщить об этом смотрителю и могла рассчитывать на получение медицинской помощи. Исключенные из Вдовьего дома женщины не могли обжаловать это распоряжение комитета, оно считалось окончательным и безапелляционным. Ходатайства о вторичном приеме во Вдовий дом рассматривались в исключительных случаях полным собранием комитета, решение принималось единогласно. Правила проживания во Вдовьем доме печатались на особых листах и размещались у входа в заведение, в коридорах и в каждой квартире.

Для покрытия личных потребностей государство предоставляло вдовам работу по пошиву одеял, белья, мешков и одежды для городских больниц, стирке и вязанию носков и чулков, завертыванию конфет. Перед крупными праздниками вдовы, подрабатывая, собирали подарки. Также женщины занимались уборкой помещений в частных домах и общественных заведениях: школах, больницах, богадельнях. Например, в 1904 году 25 женщин были портнихами, 8 — беловшейками, 2 — вышивальщицами белья, 4 — стегали одеяла и вязали салфетки, 3 — вязали чулки на машине, 39 — обертывали

конфеты в бумагу, 26 — щипали канат на паклю, 8 — убирали комнаты и стирали белье, 6 — служили на разных должностях, 3 — обшивали валяную обувь, 4 — дежурили и прислуживали в доме, 37 — не имели определенных занятий, 17 — жили на собственные средства, 1 вдова давала уроки на дому. Таким образом, в 1904 году 149 человек имели разного рода занятия [Отчет ..., 1904, с. 7]. А в 1905 году 37 из постоялиц Вдовьего дома были заняты хозяйственными делами по приюту, 39 по контракту с кондитерской фабрикой фасовали конфеты в бумажные обертки, 25 выполняли швейные работы, 26 щипали корпию для госпиталей (рвали на нитки старые бинты). В большинстве случаев вдовам активно помогали их дети (в 1903 году — 42 вдовам). Готовая квартира, освещение и отопление давали возможность вдовам за свой труд брать оплату значительно более низкую, чем у работниц той же отрасли труда, к тому же работали они у себя на дому. Можно сделать вывод, что Вдовый дом являлся важным фактором понижения рыночных цен на труд по производству разных ремесленных изделий, что было выгодно работодателям. Однако на данное явление никто не обращал внимания.

Помимо заработка, вдовы могли получать пособия от губернской земской управы (от 1 до 3 рублей в месяц), от Нижегородской городской управы (от 1 до 15 рублей в месяц), от Нижегородской мещанской управы (от 2 до 3 рублей), от Епархиального попечительства (от 50 копеек до 3 рублей в месяц), от Дамского комитета попечения о бедных (от 1 до 5 рублей в месяц), от Дворянства на воспитание детей (150 рублей в год), от Правления Московско-Нижегородской железной дороги на воспитание детей (по 7 рублей в месяц), от Императорского Вдовьего дома (по 30 рублей в год), от Общества помощи частному служебному труду (от 1 рубля 25 копеек до 10 рублей в месяц), от частных лиц (от 5 до 25 рублей в месяц). Таким образом, призреваемым активно помогали другие благотворительные организации, органы местного самоуправления и частные лица. Также имела место сословная солидарность. Несколько человек получали пенсии от государственного казначейства (от 2 рублей 50 копеек до 25 рублей). Так, в 1903 году пособия во Вдовьем доме получал 51 человек [Отчет ..., 1903, с. 5]. На праздники Бугров и другие нижегородские благотворители часто дарили вдовам и воспитанникам дома книжки, одежду и билеты на утренники. На Рождество и Пасху в дом передавали куличи, арбузы, крашеные яйца и вишню. Для питания младенцев при Вдовьем доме держали дойных коров. Например, в 1895 году на скотном дворе при доме находилось 8 коров и 5 овец. Также рядом располагалась конюшня и 2 каменных погребов [Седов, 2007, с. 40].

В разные годы во Вдовьем доме проживало от 110 до 200 вдов и от 300 до 520 детей [Нижний Новгород..., 2013, с. 137]. Более точные данные о количестве призреваемых можно представить на основании отчетов (табл. 1).

Таблица 1

Счет призреваемых во Вдовьем доме

Год	Всего	Кв.	Вдовы	Их дети	Сир.	Поступило			Выбыло	На долж. и уч. зав.	В приюты	Замуж	Умерло	14 лет
						Вдовы	Дети	Сироты						
1.01.1988	143	35	35	101	7	60	184	10	36	—	—	—	12	—
1.01.1989	348	92	92	240	16	33	92	6	49	—	—	—	16	—
1.01.1890	498	110	110	284	20	19	62	3	21	7	3	2	5	—
1.01.1891	460	123	124	314	22	13	52	4	14	5	—	5	8	7
1.01.1892	490	130	132	337	21	16	53	3	19	8	—	4	22	8
1.01.1893	559	130	140	340	21	12	44	2	10	2	—	6	4	8
1.01.1894	560	137	148	359	19	9	24	1	10	—	—	6	7	14
1.01.1895	523	141	154	351	18	18	60	4	34	4	—	10	3	12
1.01.1896	607	146	159	366	19	17	44	2	15	8	6	4	10	12
1.01.1897	574	148	165	391	18	28	89	4	55	—	—	12	16	12
1.01.1898	600	150	166	414	20	14	59	-	30	3	3	4	18	—
1.01.1899	615	150	164	435	16	16	53	3	40	—	—	1	14	23
1.01.1900	609	151	165	428	16	17	57	7	60	—	—	-	8	—
1.01.1901	618	151	164	435	19	12	55	2	40	1	—	8	8	8
1.01.1902	624	151	162	443	19	30	112	6	95	9	—	5	12	12
1.01.1903	636	154	176	446	14	25	80	1	73	3	—	5	14	24
1.01.1904	623	153	175	435	13	35	101	6	70	2	—	7	17	9
1.01.1905	660	152	177	456	27	27	76	1	83	—	—	13	15	16
1.01.1906	637	152	173	446	18	31	72	5	108	20	—	6	15	15
1.01.1907	637	152	184	435	18	23	60	-	83	—	—	7	9	15
1.01.1908	626	152	182	429	15	36	117	2	71	—	5	7	14	5
1.01.1909	682	152	191	478	13	25	87	2	75	3	5	3	9	23
1.01.1910	678	152	190	476	12	17	61	3	49	—	1	3	10	10
1.01.1911	686	152	192	480	14	17	78	4	51	—	4	8	8	10
1.01.1912	704	152	193	496	15	14	57	3	40	—	—	2	10	15
1.01.1913	711	152	194	501	16	25	89	2	77	—	—	8	8	18
1.01.1914	716	152	187	513	16	18	66	1	67	—	—	4	8	15

На 1 января 1915 года во Вдовьем доме в 152 квартирах проживало 707 человек (181 вдова, 514 детей и 12 сирот). Таким образом, численность призываемых с каждым годом увеличивалась, что говорит об общественной потребности в данном благотворительном учреждении. Сохранялась высокая детская смертность, причины смертей аккуратно заносились в отчет о деятельности приемного покоя и больницы при Вдовьем доме. Например, в 1892 году из 22 умерших 18 были дети, большинство из которых скончались в больнице. В 1897 году на 3 умерших женщин пришлось 13 детей. Многие женщины доживали в учреждении до самой смерти. Похороны, поминальные обеды и панихиды также оплачивались из капитала Вдовьего дома. Например, в 1891 году на похороны двух мальчиков их матерям было выдано по 2 рубля [Отчет ..., 1891, с. 15]. В 1892 году было похоронено 4 девочки и 1 вдова, на что комитетом было выделено 16 рублей [Отчет ..., 1892, с. 13]. Во избежание переполнения заведения комитет отбирал нуждающихся без сословных различий, а при малейшем нарушении распорядка и правил проживания выселял провинившихся. В случае необходимости в одной квартире могло проживать по 2 семьи. Например, в 1892 году из 6 квартир семьи были соединены с другими семьями и их квартиры были освобождены.

В отчетах о деятельности Вдовьего дома с 1903 года появились данные о сословной принадлежности призываемых, их семейном положении, возрасте, роде занятий, обучающихся в различных учебных заведениях и о средствах, которыми вдовы себя содержали. Представим эти данные на основании этого отчета. На 1.01.1904 год во Вдовьем доме мещанок было 56, крестьянок 51, личных дворянок 20, потомственных дворянок 5, цеховых 16, потомственных и личных почетных гражданок 7, вдов церковнослужаших 6, вдов сверхсрочных служащих 2, вдов отставных нижних чинов 5, вдова купца 1 [Отчет ..., 1903, с. 3]. Большинство женщин находилось в возрасте от 35—40 лет, далее от 40—45 лет, затем от 45 до 50, от 25 до 30, от 50 до 60, от 70 до 80 и от 80 до 85. Возрастной состав детей был следующим: большинство детей были от 5 до 10 лет и от 10 до 15 лет, меньше было детей от 1 года до 5 лет. Младенцев было 8 человек, а девушек от 17 до 20 лет — 76. Согласно отчету за 1903 год, большинство женщин, проживающих во Вдовьем доме, имели по 2 ребенка (46), почти таким же было количество женщин с 3 детьми (40), 22 матери имели 4 детей, 16 матерей — 1 ребенка, 11 матерей — по 5 детей, 7 матерей — по 6 детей, 2 матери — по 7 детей, 1 вдова имела даже 8 детей. Таким образом, правило устава о выселении вдов с 1 ребенком к началу XX века было изменено. Одна сирота жила при бабушке, две — при семейной тетке, четыре человека были безродными. Некоторые призываемые жили в смещении: 11 бездетных вдов были подселены в семьи, 12 матерей вдов жили со своими дочерьми, 4 свекрови жили со

снохами, 2 тетки — с племянницами, 4 вдовы проживали со своими сестрами, 1 вдова — со свояченицей. Одна девушка проживала самостоятельно [Отчет ..., 1903, с. 3—4]. Призреваемые покидали Вдовый дом по собственному желанию, по семейным обстоятельствам, по достижении 14 лет или по решению комитета за предосудительные поступки, нарушающие устав заведения. Например, в 1891 году по постановлению комитета из заведения выбыли 2 вдовы и их 5 детей [Отчет ..., 1891, с. 26]. Девушки оставались при матерях до замужества. Приданое им тоже выдавалось благотворителями, например, в 1911 году 8 вдовам было выдано 110 рублей на приданое дочерям [Отчет ..., 1911, с. 11]. Дети вынуждены были покидать заведение после смерти матерей, они отправлялись либо к родным, либо в приюты. Выросшие дети вдов могли занимать должности при заведении и получить квартиры, девушки могли выйти замуж и получить приданое. Долгое время Вдовый дом покидали женщины, оставшиеся с одним ребенком, так как по уставу они уже не имели права проживать в заведении. Например, в 1897 году по этой причине Вдовый дом покинула 21 вдова, 22 ребенка и 2 сироты. Были случаи, что Вдовый дом покидали не только вышедшие замуж девицы, но и вдовы, заключившие второй брак. Например, в 1897 году из 12 девиц, вышедших замуж, 2 были вдовы [Отчет ..., 1897, с. 6]. Всем покидающим Вдовый дом женщинам и детям от заведения выдавалось от Н. А. Бугрова по 10 рублей на аренду жилья и первоначальные нужды.

3.3. Содержание и обслуживание Вдовьего дома

Вдовый дом во весь период своего существования поддерживался состоятельными нижегородцами. На содержание Вдовьего дома шли проценты с пожертвования братьев Блиновых, которые внесли в Николаевский общественный банк 65 тысяч рублей. 40 тысяч внес Н. А. Бугров. Также Бугров сдавал в аренду усадьбу в центре Нижнего Новгорода под расквартирование войск, а позднее под торговые помещения. Доход с аренды (8—10 тысяч рублей в год) шел на нужды Вдовьего дома. Также для содержания Вдовьего дома сначала было создано два фонда, проценты с капиталов которых шли на помощь призреваемым. Фонд в 10 тысяч рублей под именем «Горячевского» был пожертвован в 1889 году Прасковьей Николаевной Тумановой — душеприказчицей мещанской вдовы Харитины Афанасьевны Горячевой. В 1896 году был образован еще один фонд в 10 тысяч рублей под именем господ «Блиновых», пожертвованный Блиновыми и отчисленный Нижегородским Николаевским общественным банком в 1895 году. По уставу этого банка, «50 % прибыли отчислялось на благотворительные цели» [Зрячева, 2007, с. 169]. С 1 ноября 1896 года этот капитал был обращен в государственную 4 % ренту выпуска 8 апреля 1894 года. Проценты с фонда «Горячевского» раздавались на руки призреваемым во Вдовьем доме с 1890 года ежегодно,

а проценты с фонда «Блиновых» шли на нужды заведения и дальнейшее строительство. В 1906 году купец И. М. Рукавишников завещал Вдовьему дому 75 тысяч рублей, из которых 25 тысяч было потрачено на строительство каменного училища для обучения детей приюта полезным ремеслам. Помимо процентов с капиталов, Н. А. Бугров осуществлял во Вдовий дом и натуральные поставки со своих мельниц и из магазинов: ржаной и пшеничной муки, крупы, гороха, отрубей, овса, солода, соли. Так, в 1893 году для Вдовьего дома были закуплены следующие съестные припасы: говядина, рыба, пшеничная мука, белый хлеб, французские булки, калачи, булки, кренделя, яйца, пшено, капуста, огурцы, лакомства [Отчет ..., 1893, с. 24].

Также в пользу Вдовьего дома ежегодно вносились пожертвования в виде наличных денег от разных лиц (часто анонимно). Практиковались и безвозмездные формы помощи призреваемым: мероприятия для детей, поставки съестных припасов (особенно такую благотворительную помощь оказывала семья Зайцевых), бесплатный ремонт помещений. Например, в 1899 году во Вдовьем доме отмечалось 100-летие А. С. Пушкина, организовано угощение детям. Ежегодно для детей устраивались новогодние утренники. Например, в 1901 году для детей был куплен 21 билет на праздник «Детское утро» [Отчет ..., 1901, с. 5]. Средства на подобные мероприятия выделялись членом-распорядителем Вдовьего дома Смирновым. Частные лица дарили игрушки, одежду, книги, фрукты, конфеты, чай, крашенные яйца и изделия на Пасху.

Ежедневно семьи пользовались бесплатными обедами, которые поступали от Александровской богадельни, от наследников А. Е. Зайцева и от М. А. Зайцева, от наследников У. С. Курбатова и В. А. Зайцевой, от И. А. Иконникова, от А. А. Зайцева, от А. С. Заплата и от других частных лиц. Поминальными обедами обеспечивал В. Ф. Асонов, а Е. А. Блинова дарила вещи. Например, в 1893 году Е. А. Блинова пожертвовала призреваемым 525 пар сапог на сумму 910 рублей [Отчет ..., 1893, с. 24]. С 1891 года обеды призреваемым стали выдаваться не только от Александровской богадельни, но и из Николаевско-Мининской богадельни. Например, в 1891 году от наследников А. Е. Зайцева было выдано 25 обедов на 630 рублей, от наследников У. С. Курбатова — 25 обедов на 630 рублей, лично получили от наследников А. Е. Зайцева еще 15 обедов на 378 рублей, от попечительства Нижегородской Александровской богадельни — 4 обеда на 100 рублей 80 копеек. 10 обедов было оплачено лично губернатором Нижегородской губернии А. И. Барановым на 252 рубля. В 1891 году из общей суммы пожертвований и продуктов на руки призреваемым в доме вдовам и детям было выдано на сумму 3989 рублей 37 копеек [Отчет ..., 1891, с. 24—25]. А в 1892 году было роздано на руки призреваемым в доме вдовам и детям

деньгами и съестными припасами на сумму 3434 рубля 50 копеек [Отчет ..., 1892, с. 23]. В 1893 году деньгами было роздано 2173 рубля 70 копеек, съестными припасами — на сумму 2938 рублей 95 копеек [Отчет ..., 1893, с. 24]. В 1895 году на гостинцы детям от разных лиц была выделена сумма 37 рублей, роздано деньгами 1180 рубля 43 копейки, продуктами — 2847 рублей 36 копеек [Отчет ..., 1895, с. 33—34]. Иногда финансовая помощь вдовам оказывалась на конкретные нужды, так, в 1902 году Трифионовой и Балакиной было выдано 8 рублей 50 копеек на очки [Отчет ..., 1902, с. 5], а сироте Т. Д. Никитиной была куплена швейная машина.

Более точно количество ежегодных пожертвований представлено в следующей таблице (табл. 2).

С 1908 года в пользу Вдовьего дома стали поступать еще проценты с фонда И. М. Рукавишникова, которые шли на содержание ремесленного училища (с 1908 по 1914 годы процентов с капитала Рукавишникова поступило на сумму 7349,44). Таким образом, количество жертвуемых средств в пользу Вдовьего дома с годами увеличивалось, применялись самые разнообразные формы помощи.

Помимо раздачи на руки призреваемым, капитал заведения расходовался на следующие нужды (табл. 3).

Ежегодное увеличение расходов на содержание Вдовьего дома было связано с увеличением числа призреваемых в заведении лиц и повышением цен на материалы. Средства Вдовьего дома содержались на счете Нижегородской городской управы и в кассе члена-распорядителя. Самых больших расходов требовало отопление. Отапливался Вдовый дом березовыми, сосновыми и еловыми дровами, которые отпускались Городской управой со склада. Велся строгий учет вновь завезенных и оставшихся с прошлого года дров. Так, на отопление дома, кухонь, прачечной, бани, увлажнительных аппаратов и ванны в больнице в 1894 году ушло 147 пятириков дров (так называемая мера дров, складываемая из поленьев 4-х четвертей длиной 1 аршин (~0,7 м)) по цене с провозом 22 рубля 35 копеек за пятирик на сумму 3285 рублей 61 копейка [Отчет ..., 1894, с. 5]. Освещение осуществлялось при помощи керосиновых ламп. Расходы на освещение включали в себя покупку керосина, стекол к лампам, горелок, фитилей, стеариновых свечей и зажигательных спичек. В 1893 и 1894 годах расходы на освещение были увеличены, так как произошло повышение цен на керосин, возросло число призреваемых в доме и они стали дольше заниматься по вечерам. В 1894 году на освещение Вдовьего дома ушла 41 полубочка керосина.

На основании отчетов о деятельности Вдовьего дома можно сделать вывод, что в заведении ежегодно производились различные ремонтные работы. Осуществлялись плотницкие и столярные работы (ремонт дверей, окон,

Таблица 2

Пожертвования в пользу Вдовьего дома

Год	Всего	От разных лиц	% с фонда Горячевского	% с фонда Блиновых	От Ниж. купеч. банка	Продукты	Обеды от разных лиц	Служение всеношных и гостинцы
1890	4804.39	405.00	475.00	—	—	2388.44	1512	23.95
1891	6021.70	546.00	851.25	—	—	2592.12	1990.80	41.53
1892	5653.25	383.80	380.00	—	—	2670.70	1178.80	39.95
1893	7912.27	1728.55	445.15	—	—	2938.95	1839.60	26.90
1894	7682.42	1831.20	752.00	—	—	3108.00	1839.60	26.50
1895	6254.39	750.65	429.78	—	—	2847.36	2190.60	26.00
1896	5611.30	233.00	390.70	—	—	2890.75	2015.80	81.05
1897	5692.54	187.00	464.10	—	—	2901.49	2072.80	67.15
1898	5333.71	90.00	482.10	—	300.00	3021.71	1701.00	38.90
1899	6867.75	1428.50	474.60	—	200.00	3376.45	1461.60	126.60
1900	5972.70	582.00	474.60	—	200.00	3059.50	1656.60	—
1901	5758.58	224.50	470.18	—	290.80	3037.08	1461.60	79.47
1902	5976.69	128.90	470.00	61.39	214.55	2917.94	1155.20	35.20
1903	6720.87	277.10	470.00	274.10	200.21	3172.98	1900.80	—
1904	6737.42	327.70	470.00	263.75	201.19	3058.73	2100.80	—
1905	6688.70	171.40	473.00	303.08	204.20	2888.78	2338.04	—
1906	7880.64	1042.68	470.00	467.18	204.50	2656.66	2378.62	50.80
1907	8275.10	334.00	470.00	503.15	205.40	3303.80	3456.40	—
1908	7919.41	604.80	470.00	540.22	203.00	3003.65	2545.74	150.00
1909	9391.21	200.00	466.51	459.80	102.70	2787.00	3327.80	19.87
1910	8710.30	604.80	470.00	527.25	103.00	2481.05	2919.20	175.00
1911	9087.90	604.80	465.00	526.40	102.84	2682.10	3053.90	75.00
1912	9211.81	604.80	470.00	509.81	101.87	2877.50	3053.90	—
1913	9293.15	604.80	473.88	513.50	101.87	2914.10	3053.90	37.00
1914	9195.90	604.80	470.00	526.10	103.00	3003.10	3053.90	66.50

Таблица 3

Расходы на содержание Вдовьего дома

Год	Всего	Жалование	Отопление	Освещение	Ремонт	Больница	Разные расходы	Покупка вещей
1890	8318.90	2675.17	3134.24	533.66	851.21	—	161.48	33.39
1891	9874.77	2784.52	3438.22	454.24	1423.69	259.75	211.13	31.25
1892	8949.14	2818.84	2981.21	450.38	670.26	284.67	243.50	8.20
1893	9571.22	2816.08	3370.17	547.04	740.53	340.07	230.36	3.13
1894	9661.66	2817.79	3285.61	592.32	802.19	312.08	255.43	58.95
1895	11061.16	2810.60	3437.70	623.21	2131.04	306.90	204.08	20.60
1896	9798.50	2811.67	3314.50	707.78	719.26	349.06	1061.18	—
1897	9057.09	2816.00	3513.25	683.05	725.47	403.08	867.11	49.13
1898	9764.95	2814.40	4455.00	695.17	485.26	369.69	889.54	—
1899	10012.37	2810.00	3727.24	745.60	1495.18	296.14	935.71	2.50
1900	10544.00	—	—	—	—	—	—	—
1901	11876.00	2805.40	4966.50	702.07	2377.08	332.00	852.18	68.00
1902	12064.57	2908.97	4020.00	778.63	3033.89	370.63	870.63	82.13
1903	10974.68	2981.57	3823.57	576.68	2035.43	418.95	898.05	240.28
1904	11120.00	3047.80	3054.55	592.82	2977.63	847.95	378.26	220.99
1905	11820.80	3175.59	3910.70	874.78	2159.58	418.17	895.38	300.66
1906	12128.24	3308.15	925.00	781.86	2082.12	455.94	1033.87	79.52
1907	13035.85	3822.40	4957.57	703.06	2227.66	700.07	1043.38	59.55
1908	14068.01	4012.35	5929.73	630.25	1603.62	380.49	844.05	20.36
1909	12982.79	3866.10	5633.52	584.37	1028.43	250.12	796.40	183.65
1910	11772.25	3430.50	4822.50	648.98	1320.21	460.17	1282.31	—
1911	11499.94	3405.10	4665.00	595.55	975.00	161.43	1294.14	—
1912	12652.33	3412.50	5350.50	726.90	826.50	465.14	1750.61	—
1913	13441.66	3397.50	7100.00	742.56	1581.35	447.84	1538.52	101.00
1914	14171.72	3459.50	5760.00	789.99	1253.75	397.90	1446.78	103.80

мебели), поддерживались в исправном состоянии калориферные и пищеварительные печи (переделка топок, прочистка дымовых ходов, установка и вмазка увлажнительных медных аппаратов, покупка кирпичей, глины, чугунных колосников, замена изразцов в печах). В доме производились штукатурные работы, столярные работы, кровельные работы, ремонтировался инвентарь, вставлялись при необходимости новые стекла, белились и красились коридоры, кухни, бани, менялись переборки в квартирах, двери. Оплата работы плотников, столяров, маляров, печников, стекольщиков, кузнецов тоже входила в стоимость ремонтных работ. Отдельно из кассы члена-распорядителя Вдовьего дома оплачивалась работа извозчиков. Извозчики возили смотрителя по делам заведения, вдов с детьми — в земскую больницу, доставляли различные материалы для ремонта. Также по мере необходимости ремонтировались отдельные квартиры (побелка, покраска, оклейка, вставка стекол). Например, в 1890 году были отремонтированы квартиры № 76, 93, 144, 19, 28, 31, 58 и 94 [Отчет ..., 1890, с. 10]. В 1891 году в числе ремонтных работ были оштукатурены двери, трещины на потолке в коридорах, печь в бане, прочищены водопроводные трубы в квартире № 146 [Отчет ..., 1891, с. 7]. В 1891 году на 1 и 2 этаже дома был проведен дополнительный водопровод. В 1892 году было побелено и покрашено 59 квартир, побелены коридоры на 4 этаже, 7 кухонь и лестницы [Отчет ..., 1892, с. 6—10]. В 1893 году также производились штукатурные работы на стенах и потолках, менялись дверные пружины, клапаны в насосах, были отремонтированы и проверены стенные часы в швейцарской и в училище. Покупались гвозди, петли, пружины, винты, оконные скобки, заклепки, стекла, алебастр, листовое железо для починки ведер, самоварных труб и крыши, болты и заклепки для исправления топочных дверок, красный и белый кирпич, глина для ремонта печей. Осуществлялась закупка лесного материала для ремонта решеток на полу в прачечной, полок в бане и т. п. В 1893 году было побелено и покрашено 25 квартир [Отчет ..., 1893, с. 7—12]. В 1894 году во Вдовьем доме была произведена окраска крыш на погребах, бане и прачечной, а также водосточных труб вокруг всего дома, прачечной, сарая и конюшни. Были побелены и покрашены 14 квартир после больных и выбывших, коридоры и 2 кухни, 2 умывальни и 2 лестницы, кухонные печи, вставлены стекла в рамы [Отчет ..., 1894, с. 7—12]. Ежегодно проводилась дезинфекция кухонь, коридоров, помойных ям и отхожих мест, для чего приобреталась хлорная и негашеная известь, железный купорос, бура голландская, смесь серной и карболовой кислоты, мыло, средства для чистки труб и окон. Ежегодно на зиму рамы в окнах замазывались и заклеивались бумагой.

В 1895 году к предстоящей XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде в доме были проведены штука-

турные работы и окраска окон, выбелены ворота, выкрашена ограда с обеих сторон с лицевой стороны дома. Также были окрашены и побелены с лицевой и боковых сторон все 4 этажа Вдовьего дома. Были вновь оштукатурены квартиры вдов, вставлены новые стекла в окна, отремонтированы 5 камерных печей центрального отопления, 8 кухонных печей и банная печь. Были отремонтированы крыльца дома, для чего закупили красный и белый кирпич, глину [Отчет ..., 1895, с. 11—18]. Часть средств на ремонт была выделена Городской управой по запросу комитета (1 тысяча рублей). А в 1899 году был произведен более капитальный ремонт, чем в предыдущие годы. Было вставлено 142 новых стекла, организованы летние сушилки для белья (100 штук шестов), новым песком были засыпаны мостовые, отремонтированы 8 кухонных печей, произведены штукатурные работы в разных местах, сделан асфальтовый тротуар около дома. Были побелены и покрашены 22 квартиры, 2 помещения в бане, 8 кухонь, произведены кровельные работы. Слесари городской водопроводной мастерской чинили водопроводные трубы. Был обновлен инвентарь: закуплено 160 метел для двора, 4 деревянные лопаты, 362 половые мочальные щётки и т. п. [Отчет ..., 1899, с. 15—17].

Велся точный учет домового поломанного, разбитого, изношенного и вновь приобретенного имущества. Например, в 1890 году была куплена 101 табуретка, 50 шаек для бани, 3 жестяных фонаря, сани для перевозки дров, 1 железный замок [Отчет ..., 1890, с. 16]. А в 1893 году был куплен 1 железный фонарь со стеклом и лампой, 6 штук ламп, 1 железный висячий замок. Ежегодно осуществлялся ремонт имущества, пришедшего в неисправность. Менялись или ремонтировались замки, петли, дверные пружины, дверные и гасечные ключи, табуретки, колокольчики, краны, насосы, ведра, печные молотки, фонари, оконные рамы, жестяные лампы, лоханки и т. д. Приобретались новые скамейки для кухни и бани, тележки для перевозки дров, половые щетки, метелки, кисти для оклейки и побелки дверей, деревянные и железные лопаты и т. п. В 1897 году был куплен новый чугунный котел, приобретена новая фарфоровая посуда: кружки, чашки и солонки. На погашение стоимости имущества Вдовьего дома, пришедшего в негодность, списывалось 10 % от суммы общих расходов на имущество. Покупались все необходимые материалы для ремонта: олово для пайки, листовое железо, железная проволока, болты, гвозди, стекло, краска, свинцовые белила. Согласно инвентарю имущества, приводимого в отчете за 1902 год, Вдовьему дому принадлежало 96 икон разных наименований, 202 крашенных железных кровати, постельное белье, мебель для училища и больницы, 4 железных крашенных ванны, насосы и многое другое [Отчет ..., 1902, с. 36—43].

Производилась закупка канторских принадлежностей (книг, почтовой, писчей и графленой бумаги, перьев, конвертов, чернил, кисточек, кнопок,

марок, цветных карандашей), оплачивались услуги Нижегородской губернской типографии (печать бланков для конторских книг, календарей, адресных листов, переплет книг, прописка паспортов, печать ежегодных отчетов о деятельности заведения в 150 и более экземплярах) и почтовые расходы. Для хранения продуктов в погребах комитет ежегодно закупал лед (в 1894 году — 157 кабанов льда).

Комитет следил и за состоянием придомовой территории. Арестанты Нижегородского 2-го тюремного замка занимались для очистки территории от снега и льда. За эти услуги Нижегородский 2-ой тюремный замок получал жалование (около 14 рублей в год) [Отчет ..., 1892, с. 11]. В 1891 году около Вдовьего дома был разбит сад. Для этого была привезена земля (104 воза), разбит газон, посажена новая трава, деревья и кустарники, проложены новые дорожки, построен новый деревянный забор [Отчет ..., 1891, с. 12]. Всем лицам, осуществлявшим плотничьи и земляные работы в саду, было выплачено жалование. Расходы на организацию сада и строительство нового забора вошли в общий счет содержания дома. Земляные работы в саду проводились регулярно: сажались и окапывались деревья и кустарники, покупались и высаживались новые растения. В 1894 году для детей в саду дома была оборудована песочница, для чего был заготовлен песок в количестве 4 куба по цене 10 рублей. Перед проведением всероссийской выставки была украшена придомовая территория. В 1895 году для аллеи сада в переднем дворе были закуплены 100 штук тополей, 30 штук серебристых тополей, 37 штук берез, 57 лип, кленов и рябин. Деревья были высажены в саду, для чего завезли черную землю. В третий раз была выкрашена железная крыша на доме, были сделаны новые деревянные крышки на люки и летние сушилки для белья. В 1896 году было высажено еще несколько новых деревьев, многие деревья были заново подвязаны. В 1914 году была вновь организована детская площадка, куплены новые игрушки, лейка и пр. На июнь и июль для детей были наняты два организатора игр.

Если расходы на содержание Вдовьего дома превышали предполагаемые, то комитет оговаривал причины этого. Непредвиденные расходы возникали в связи с ремонтом (печей, водопровода, разбивка сада и уход за ним), наймом новых служащих и учителей. Но перерасход средств, как правило, компенсировался в последующие годы. Так, всего с 1887 по 1891 годы на содержание Вдовьего дома и школы при нем было потрачено 34 623 рубля, что на 697 рублей меньше, чем предполагалось в смете [Отчет ..., 1891, с. 30]. В отчетах Вдовьего дома всегда обозначалось, сколько испрашивалось изначально средств на будущий год на содержание заведения и школы. Затем эта сумма сравнивалась с реальным количеством потраченных денег, объяснялась причина перерасхода и источник его по-

крытия (баланс дома). Оставшиеся в бюджете неизрасходованными суммы оставались на случай увеличения расходов. С каждым годом данная сумма увеличивалась, так как объединялась с деньгами, оставшимися с прошлого года. Позже из остатков средств по содержанию Вдовьего дома и Ночлежного приюта имени Бугрова был образован запасной капитал, в который ежегодно перечислялись новые средства (в 1914 году — 562 рубля 85 копеек). Всего основной капитал Вдовьего дома составлял 48 891 87 копеек [Отчет ..., 1914, с. 34—35]. В 1896 году Вдовый дом был застрахован в Обществе взаимного страхования, на что было истрачено 459 рублей 74 копейки [Отчет ..., 1896, с. 20]. С этого времени Вдовый дом стали страховать ежегодно, на что была выделена отдельная статья расходов. Страхование Вдовьего дома и других принадлежащих ему помещений осуществляла Городская управа. Городским вывозным парком вывозились нечистоты. В 1915 году во Вдовьем доме был проведен телефон.

В смету на содержание Вдовьего дома ежегодно закладывались расходы на служение царских молебнов и панихид священникам, на участие певчих, на покупку восковых свечей, кутьи. В 1893 году во Вдовьем доме была отслужена панихида по почетному члену и основателю заведения Аристарху Андреевичу Блинову. В панихиде приняли участие певчие Кулибинского училища. На это мероприятие из кассы члена-распорядителя Вдовьего дома Смирнова было потрачено 28 рублей 25 копеек [Отчет ..., 1893, с. 13]. В 1895 году во Вдовьем доме была отслужена царская панихида по умершему императору Александру III [Отчет ..., 1895, с. 19]. В 1893 году состоялась панихида по инспектору народных училищ М. В. Овчинникову. В 1897 году по случаю десятилетия существования Вдовьего дома в заведении был отслужен молебен, приглашены певчие. Случались и конфликты комитета с церковью. В 1910 году Н. А. Бугров заявил Городской Думе, что считает невозможным для себя оставаться далее попечителем Вдовьего дома. Дело в том, что архиепископ Назарий запретил православному священнику совершить во Вдовьем доме панихиду по покойному Макарию Блинову (сыну учредителя дома Н. А. Блинова, племяннику Н. А. Бугрова). Макарий Блинов был старообрядцем, под этим предлогом панихида была запрещена, хотя в 1905 году все конфессии в правах были уравнены. Городская Дума заставила архиепископа изменить решение, и конфликт был улажен. Но престиж архиепископа Назария резко упал. В 1910 году в Воскресенской церкви была отслужена панихида по Х. А. Горячевой, проценты с пожертвований которой выдавались на руки призреваемым. В 1911 году в этой же церкви была проведена панихида по Н. А. Бугрову, учредителю и бессменному почетному члену Вдовьего дома. 6 июня 1912 года умер Н. А. Смирнов, один из постоянных действи-

тельных членов комитета. А 30 октября 1912 года в честь 25-летнего юбилея дома певчими Казанцева был произведен молебен. 30 июля 1914 года с благословения преосвященного епископа Нижегородского Иоакима была совершена закладка алтаря для домовой церкви при Вдовьем доме. На это пожертвовала свои средства, согласно ее Духовному завещанию, Ольга Дмитриевна Гутт. Каменный пристрой алтаря в 3 этажа со звонницей был закончен кладкой и покрыт железом, в алтарь на верхнем этаже были вставлены железные рамы, а на 2 и 1 этаже — деревянные. Было встроено водяное отопление. С этого времени панихиды по Бугрову, Горячевой и Рукавишникову совершались ежегодно.

4. Заключение = Conclusions

Самыми известными выходцами из стен Вдовьего дома являются Петр Заломов и Петр Нестеров. После смерти отца семья Петра Заломова нашла убежище именно во Вдовьем доме. Петр Заломов стал одним из самых известных участников революционных событий 1905—1907 годов. А Петр Нестеров окончил авиационный отдел Офицерской Воздухоплавательной школы в Гатчине и стал первым летчиком, исполнившим мертвую петлю. Нестеров считается «основоположником высшего пилотажа». Во время Первой мировой войны Нестеров впервые в военной авиации совершил таран австрийского самолета. Совершив подвиг, летчик погиб. Также с Вдовьим домом связана судьба В. П. Лебедевой, проживавшей здесь с одинокой матерью и 6 братьями и сестрами, ставшей впоследствии директором Центрального института усовершенствования врачей.

Вдовый дом был закрыт в 1918 году, так как советская власть не хотела его финансировать, а капитал заведения (на тот момент 119 тысяч рублей) был конфискован. Вдовы с детьми были выгнаны на произвол судьбы. Опустевшее здание попеременно занимали штаб революционных повстанцев, красные курсанты, солдатские казармы, склад овощей для тифозных больных, приемник для беспризорных детей. В годы НЭПа Вдовый дом стал студенческим общежитием, сначала педагогического, а теперь технического университета. Продуманность архитектурного облика, планировки и внутреннего оборудования обеспечили зданию долгую жизнь. Через 126 лет со дня основания заведения благодарные потомки установили памятник купцу Н. А. Бугрову перед фасадом этого дома. Вдовый дом и сегодня остается замечательным историко-культурным памятником Нижнего Новгорода.

Таким образом, Вдовый дом являлся во многом уникальным для России благотворительным учреждением, дававшим крышу над головой одиноким матерям с детьми, осуществлявшим образовательную и медицинскую деятельность. Из этого следует, что вдовый дом — это универсаль-

ное заведение, в котором заботились о вдовах, вдовах-матерях и их детях. В отличие от Вдовьего дома Санкт-Петербурга, являвшегося сословным учреждением, оказывавшим помощь вдовам военных и гражданских чинов, Вдовый дом Нижнего Новгорода был внесословным заведением. Таким образом, нижегородские купцы (в основном старообрядцы) не только внесли большой вклад в развитие экономики России, но и, активно взаимодействуя с местным самоуправлением, реализовывали различные формы благотворительной деятельности. Местное самоуправление наблюдало за содержанием благотворительных заведений, оказывало материальную помощь [Архипова, 2014, с. 25]. Можно утверждать, что «дело социального обеспечения взяла в свои руки частная инициатива» [Костина, 2007, с. 68]. Развитие частной благотворительности в Нижегородской губернии было связано с активизацией городского общественного управления и возрастанием роли экономически сильного и влиятельного местного купечества. Добровольная бескорыстная помощь нуждающимся со стороны благотворительных организаций и частных лиц выполняла важную социальную функцию по защите экономически неактивного населения от деградации и физического вымирания.

Источники и принятые сокращения

1. *Краткий очерк состояния городского хозяйства и благоустройства г. Нижнего Новгорода за истекшее 25-летие (со введения в нем Городового положения 1870 г.).* — Нижний Новгород : Типография Ройского и Душина, 1895. — С. 26—29.
2. *Отчет Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1890 г.* — Нижний Новгород : Типография Ройского и Душина. — 24 с.
3. *Отчет Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1891 г.* — Нижний Новгород : Типография Ройского и Душина. — 30 с.
4. *Отчет Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1892 г.* — Нижний Новгород : Типография Ройского и Душина. — 28 с.
5. *Отчет Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1893 г.* — Нижний Новгород : Типография Ройского и Душина. — 31 с.
6. *Отчет Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1894 г.* — Нижний Новгород : Типография Ройского и Душина. — 32 с.
7. *Отчет Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1895 г.* — Нижний Новгород : Типография Ройского и Душина. — 40 с.
8. *Отчет Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1896 г.* — Нижний Новгород : Типография Ройского и Душина. — 37 с.
9. *Отчет Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1897 г.* — Нижний Новгород : Типография Ройского и Душина. — 37 с.
10. *Отчет Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1899 г.* — Нижний Новгород : Типография Н-цы А. А. Ржонсницкаго и К°. — 33 с.
11. *Отчет Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1901 г.* — Нижний Новгород : Типо-Лит. Ниж. Т-ва печ. дела Н. И. Волков и К°. — 25 с.

12. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1902 г. — Нижний Новгород : Типо-Лит. Ниж. Т-ва печ. дела Н. И. Волков и К°. — 47 с.
13. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1903 г. — Нижний Новгород : Типография С. Петрова. — 60 с.
14. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1904 г. — Нижний Новгород : Типография С. Петрова. — 51 с.
15. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1905 г. — Нижний Новгород : Типография С. Петрова. — 49 с.
16. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1906 г. — Нижний Новгород : Типография С. Петрова. — 81 с.
17. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1908 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой. — 47 с.
18. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1909 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой. — 62 с.
19. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1910 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой. — 73 с.
20. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1911 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой. — 69 с.
21. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1912 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой. — 83 с.
22. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1913 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой. — 65 с.
23. *Отчет* Нижегородского городского общественного имени Блиновых и Бугровых Вдовьего дома за 1914 г. — Нижний Новгород : Типография К. М. Филипповой. — 63 с.
24. *Приложение к всеподданнейшему отчёту о состоянии Нижегородской губернии за 1886 год* [Электронный ресурс]. — Нижний Новгород : Типография Губернского правления. — 1886. — Режим доступа: https://istmat.org/files/uploads/55310/obzor_nizhegorodskoy_gubernii_za_1886_god.pdf (дата обращения 21.05.2022).
25. *Сборник уставов и правил товариществ, частных предприятий и благотворительных учреждений в г. Нижнем Новгороде*. — Нижний Новгород : Типография Губернского правления, 1894. — С. 431—438.

Литература

1. *Архипова Н. Е.* Деятельность органов городского самоуправления в сфере благотворительности на рубеже XIX—XX веков / Н. Е. Архипова // История, философия, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 3 (41). — Ч. 1. — С. 22—25.
2. *Бондина С. И.* Санкт-Петербургский Вдовый дом в XIX — начале XX веков / С. И. Бондина // Журнал Общество. Среда. Развитие. — 2013. — № 3 (28). — С. 65—70.
3. *Зрячева О. А.* Благотворительность нижегородских купцов в конце XIX века / О. А. Зрячева // Наш Анабис. — 2007. — № 4—5. — С. 167—171.
4. *Иванова О. А.* Поддержка детей вдов как одна из форм государственной благотворительности в России в XIX веке / О. А. Иванова // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. — 2016. — № 2. — С. 42—45.
5. *Костина Е. М.* Благотворительные организации Нижнего Новгорода во второй половине XIX — начале XX века / Е. М. Костина // Наш Анабис. — 2007. — № 4—5. — С. 65—70.

6. Монич И. Л. Благотворительность как власть над капиталом / И. Л. Монич // Да-маскин : студенческий православный журнал Нижегородской духовной семинарии. — 2020. — № 1 (51). — С. 32—39.

7. *Нижний Новгород*. Историческое и культурное наследие / Авторы — составители : Б. С. Извеков. А. В. Кессель. — Нижний Новгород : ПИ «Бегемот», 2013. — 384 с.

8. Седов А. В. Купцы-старообрядцы Блиновы / А. В. Седов. — Нижний Новгород : Нижегородский гуманитарный центр, 2007. — 57 с. — ISBN 978-5-7565-0286-2.

Material resources

A brief outline of the state of the urban economy and landscaping of Nizhny Novgorod over the past 25 years (since the introduction of the City Regulations in it in 1870).

(1895). Nizhny Novgorod: Roiskiy and Dushin Printing House. 26—29. (In Russ.).

Appendix to the most comprehensive report on the state of the Nizhny Novgorod province for 1886. (1886). Nizhny Novgorod: Printing House of the Provincial Government. Available at: https://istmat.org/files/uploads/55310/obzor_nizhegorodskoy_gubernii_za_1886_god.pdf (accessed 21.05.2022). (In Russ.).

Collection of charters and rules of partnerships, private enterprises and charitable institutions in Nizhny Novgorod. (1894). Nizhny Novgorod: Printing House of the Provincial Government. 431—438. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public Name of the Blinov and Bugrov Widow's House for 1890. Nizhny Novgorod: Roisky and Dushin Printing House. 24 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public Named after the Blinov and Bugrov Widow's House for 1892. Nizhny Novgorod: Roisky and Dushin Printing House. 28 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public Named after the Blinov and Bugrov Widow's House for 1893. Nizhny Novgorod: Roisky and Dushin Printing House. 31 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public named after Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1894. Nizhny Novgorod: Roisky and Dushin Printing House. 32 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public Named after Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1895. Nizhny Novgorod: Roisky and Dushin Printing House. 40 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public Named after the Blinov and Bugrov Widow's House for 1896. Nizhny Novgorod: Roisky and Dushin Printing House. 37 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public Named after the Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1897. Nizhny Novgorod: Roisky and Dushin Printing House. 37 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public Name of the Blinov and Bugrov Widow's House for 1899. Nizhny Novgorod: Printing House of N. A. A. Rzhonsnitskago and Co. 33 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public Name of the Blinov and Bugrov Widow's House for 1901. Nizhny Novgorod: Tipo-Lit. Nij. T-va pech. affairs of N. I. Volkov and k. 25 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public Name of the Blinov and Bugrov Widow's House for 1902. Nizhny Novgorod: Tipo-Lit. Nij. T-va pech. affairs of N. I. Volkov and k. 47 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public Named after Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1903. Nizhny Novgorod: S. Petrov Printing House. 60 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public Named after Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1904. Nizhny Novgorod: S. Petrov Printing House. 51 p. (In Russ.).

Report of the Nizhny Novgorod City Public Named after Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1905. Nizhny Novgorod: S. Petrov Printing House. 49 p. (In Russ.).

- Report of the Nizhny Novgorod City Public Named after Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1906.* Nizhny Novgorod: S. Petrov Printing House. 81 p. (In Russ.).
- Report of the Nizhny Novgorod City Public named after the Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1908.* Nizhny Novgorod: Printing House of K. M. Filippova. 47 p. (In Russ.).
- Report of the Nizhny Novgorod City Public named after the Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1909.* Nizhny Novgorod: Printing House of K. M. Filippova. 62 p. (In Russ.).
- Report of the Nizhny Novgorod City Public named after Blinov and Bugrov's Widow's House for 1910.* Nizhny Novgorod: Printing house of K. M. Filippova. 73 p. (In Russ.).
- Report of the Nizhny Novgorod City Public named after Blinov and Bugrov's Widow's House for 1911.* Nizhny Novgorod: Printing house of K. M. Filippova. 69 p. (In Russ.).
- Report of the Nizhny Novgorod City Public named after Blinov and Bugrov's Widow's House for 1912.* Nizhny Novgorod: Printing house of K. M. Filippova. 83 p. (In Russ.).
- Report of the Nizhny Novgorod City Public named after the Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1913.* Nizhny Novgorod: Printing House of K. M. Filippova. 65 p. (In Russ.).
- Report of the Nizhny Novgorod City Public named after Blinov and Bugrovs of the Widow's House for 1914.* Nizhny Novgorod: Printing house of K. M. Filippova. 63 p. (In Russ.).
- The report of the Nizhny Novgorod City Public Named after the Blinov and Bugrov Widow's House for 1891.* Nizhny Novgorod: Roisky and Dushin Printing House. 30 p. (In Russ.).

References

- Arkhipova, N. E. (2014). Activity of city self—government bodies in the field of charity at the turn of the XIX—XX centuries. *History, philosophy, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 3 (41) / 1: 22—25. (In Russ.).
- Bondina, S. I. (2013). St. Petersburg Widow's House in the XIX — early XX centuries. *Journal Society. Wednesday. Development*, 3 (28): 65—70. (In Russ.).
- Ivanova, O. A. (2016). Support of widow's children as one of the forms of state charity in Russia in the XIX century. *Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, 2: 42—45. (In Russ.).
- Kostina, E. M. (2007). Charitable organizations of Nizhny Novgorod in the second half of the XIX — early XX century. *Our Anabasis*, 4—5: 65—70. (In Russ.).
- Monich, I. L. (2020). Charity as power over capital. *Damaskin: Student Orthodox journal of Nizhny Novgorod Theological Seminary*, 1 (51): 32—39. (In Russ.).
- Nizhny Novgorod. Historical and cultural heritage.* (2013). Nizhny Novgorod: RI "Behemoth". 384 p. (In Russ.).
- Sedov, A. V. (2007). *Merchants-Old Believers Blinov*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Humanitarian Center. 57 p. ISBN 978-5-7565-0286-2. (In Russ.).
- Zryacheva, O. A. (2007). Charity of Nizhny Novgorod merchants at the end of the XIX century. *Our Anabasis*, 4—5: 167—171. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.05.2022,
одобрена после рецензирования 21.09.2022,
подготовлена к публикации 25.10.2022.

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Издается с 2012 года
Язык публикации — русский
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS (Emerging Sources Citation Index)
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
Включен в Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК

10.01.00 Литературоведение

10.02.00 Языкознание

07.00.00 Исторические науки и археология

Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.01.10 Журналистика

10.02.01 Русский язык

10.02.03 Славянские языки

10.02.04 Германские языки

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.07 Этнография, этнология и антропология

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Язык публикации — русский.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 3—10 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус* русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;
рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
<https://www.sciencedirect.com/>
<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>
<https://doaj.org/>
<https://mjl.clarivate.com/home>
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или

диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Zubakina, T. N.</i> Poetic Allusion of J. Milton's Poem "Paradise Lost" in Historical Discourse of W. Churchill.....	9
<i>Ioanesyan, E. R.</i> Discursive Formulas Derived from Propositional Predicates	24
<i>Kameneva, V. A., Rabkina, N. V., Kartavtseva, A. P.</i> Associative Field of Ethnonym-Stimulus 'Teleuts' in Ethnic Self-Identification Modeling of Bachat Teleuts	40
<i>Nikiforova, L. V., Rozanova, N. N.</i> Political Metaphors and the Reputational Image of Power: Experience in Classifying Sociological Survey Data.....	56
<i>Tokarev, G. V.</i> Literary Prototypes of Linguistic and Cultural Types of Natives of Tula	75
<i>Sharapkova, A. A., Manerko, L. A.</i> Formation of Terminological System of Moral Philosophy in Works of J. Locke: Innovation and Tribute to Tradition.....	92
<i>Shatalova, O. V.</i> Word 'Yasno' [Clear] as a Lexical-Syntactic Marker of Linguistic Personality in Novel "We" by E. Zamyatin	121

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

<i>Boldina, K. A.</i> Advertising Special Project in Online Media: Characteristics of Phenomenon in Russian Research.....	140
<i>Gridina, T. A., Konovalova, N. I.</i> "Reading the Signs": Aspects of Perception of a Game Polycode Text in Space of a Modern City.....	166
<i>Shteiman, M. S., Zaitseva, N. V.</i> Strategies and Trends in Development of Modern Mass Media in Globalization Processes: a Regional Aspect	185

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A.</i> Intertextual Subtexts of Joseph Brodsky's Elegy "You Will Return to Your Homeland. Well..."	206
<i>Borlykova, B. Kh., Menyayev, B. V.</i> Don Kalmyk Song Recordings Made by A. M. Listopadov	222
<i>Drozдов, V. A.</i> Doctrine of Love in Writings of 14th-Century Persian Mystic Mahmud Kashani	239
<i>Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N.</i> "To Dear Deacon Kolya ...": Newly Found Inscript of Sergey Yesenin.....	255
<i>Merkulova, M. G., Gerasimova, S. A.</i> Literary Experiences of Encyclopedist of 18th Century: Jean-Francois Marmontel	273
<i>Ertner, D. E., Ulyanova, O. B., Khabibullina, S. B.</i> Ethno-Specific Codes: Metaphor and Everyday Symbolization of Objectified Space in Anna Nerkagy's Story "The White Moss" ..	294

HISTORY

<i>Apanasenok, A. V.</i> “Almost Soviet Father”: An Experience of Microhistorical Research of Rural Confessional History in 1940s—1970s.....	313
<i>Borodulina, E. V., Skochin, A. V.</i> Secondary Specialized Educational Institutions of Tyumen in 1920—1930s.....	332
<i>Davydov, A. Yu.</i> Territorial Distribution of Soviet Industry in Context of Preparation of USSR for a Major War (Late 1920s — Early 1940s).	354
<i>Zakh, V. A.</i> Defensive Lines in System of Russian Settlement in Tobol-Ishim Interfluvium at End of 16 th — Middle of 18th Centuries	370
<i>Nesterova, T. P.</i> ‘Tunisian Question’ in Franco-Italian Relations (1922—1928).....	386
<i>Petrosyan, J. V.</i> Foreign Policy Aspects in Attitudes of Germany Parliamentary Parties during Period of A. Merkel’s Chancellorship (2005—2021).....	403
<i>Safronova, A. M.</i> Verbal School at Alapaevsky Plant (1735—1744).	420
<i>Simonenko, E. S.</i> Naval Policy of Canada during First World War (1914—1918).	436
<i>Slezin, A. A., Yakimov, K. A.</i> Public Sentiment among Peasantry of “Revolutionary Turning Point” Generation at turn of 1920—1930s.....	453
<i>Suleymanov, A. A.</i> Consequences of Floods and Permafrost Degradation for Life Support System of Population of Alazeya River Basin (Second Half of 20th—21st Centuries). .	470
<i>Tikhovodova, A. V.</i> Discovery and Arrangement of Nizhny Novgorod Public Widow’s House name of Blinovs and Bugrovskis in Late XIX — Early XX Centuries	488
TO AUTHORS.....	515

Компьютерная верстка и дизайн:

Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 25.10.2022. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 30,44. Тираж 500 экз. Заказ 25/10-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».

620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.

Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2022

Свободная цена

